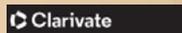

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ
Том 14, выпуск 4, 2025

NAUCHNYI DIALOG
Volume 14, Issue 4, 2025

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 14, выпуск 4, 2025

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	<ul style="list-style-type: none">• WoS (Emerging Sources Citation Index)• Scopus• DOAJ• ERIN PLUS• Российский индекс научного цитирования – РИНЦ• КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	enior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

	Арзамас	Москва
	Барнаул	Нальчик
	Белгород	Нижний Новгород
	Ванадзор (Армения)	Пермь
	Владикавказ	Петрозаводск
География авторов выпуска	Екатеринбург	Ростов-на-Дону
	Елабуга	Самсун (Турция)
	Казань	Санкт-Петербург
	Киров	Хабаровск
	Коломна	Череповец
	Курск	
Авторы, имеющие ученую степень	90 %	

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 14, Issue 4, 2025

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel'nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexing	<ul style="list-style-type: none">• WoS (Emerging Sources Citation Index)• Scopus• DOAJ• ERIH PLUS• Science Index (Rus)• CyberLeninka
Text Presentation Form	<ul style="list-style-type: none">• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library• CyberLeninka
Printing house	<ul style="list-style-type: none">• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	<ul style="list-style-type: none">• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2025

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоскина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)

Ivan I. Dumnică, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Алексеева Л. М., Мишланова С. Л., Яковлева Е. В.</i> Транстерминологизация как лингвокогнитивный процесс	9
<i>Андреева В. А.</i> Сюжет и композиция : временные и вневременные отношения в малоформатном немецкоязычном литературном нарративе	38
<i>Афаунова А. А., Шериева Н. Г.</i> Фонетические особенности моздокского и бесленеевского диалектов кабардино-черкесского языка (сходства и различия)	55
<i>Дмитриева Т. Н.</i> Западносибирско-татарские лексические материалы в рукописном наследии российских академиков Г. З. Байера и Г. Ф. Миллера	74
<i>Изволенская А. С.</i> Инварианты и лакуны при передаче русских междометных фраз (на материале англоязычных переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)	98
<i>Меркурьева Н. Ю.</i> Два разделительных вопроса из текста «Гамлета»	115
<i>Павлова Н. П.</i> Основные тенденции современных исследований по русскому правописанию	138
<i>Сандалова М. М., Калинина Л. В.</i> Семантика и функционирование цветоименований в автобиографиях художников конца XIX — начала XX веков	155
<i>Хачатрян Г. К.</i> Новообнаруженные слова в документах армянской общины города Каменца (XVI—XVII века)	174

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Беспалова Е. А.</i> Перифразы Петербурга в современной медиаречи : прагматический аспект	191
<i>Волошина Т. Г., Глебова Я. А.</i> Языковая креолизация в современном англоязычном нигерийском медиадискурсе	211
<i>Донскова Ю. В., Курилова А. Д., Чжан Юй.</i> Стратегии и тактики медицинской социальной рекламы профилактики и лечения онкологических заболеваний	231
<i>Якимова С. И., Бабкина Е. С.</i> Авторские посвящения в поэтическом дискурсе журнала «Рубеж» (Харбин, 1926—1945) как продуктивный компонент художественного текста	248

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Дубова М. А.</i> Концепт МОРАЛЬ в объективации авторской модели мира (по роману Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море»)	272
---	-----

<i>Кудряшов И. В., Пяткин С. Н.</i> Лирический сюжет цикла «Спас» Николая Клюева как духовная автобиография поэта	290
<i>Олежгова М. М.</i> Максим Горький и газета «Руль» : три периода взаимоотношений	311
<i>Сафрон Е. А., Лебедев С. С.</i> Мотив сделки с дьяволом в романе К.-Ю. Вальгрена «Личное дело игрока Рубашова» : литературный и культурный контекст	333
<i>Шастина Е. М.</i> Нарративная стратегия провокации в романах Клеменса Й. Зетца	349

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

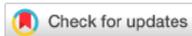
<i>Антошкин А. В.</i> Борьба с частным предпринимательством в предприятиях промышленной и потребительской кооперации Башкирии в 1946—1950 годах	368
<i>Валькова К. В., Неженцева Н. В., Чекрыжова О. И.</i> Эпидемия холеры 1892 года и развитие медико-санитарной системы Томской губернии (на примере Барнаула и Бийска)	386
<i>Власов Н. А.</i> Крушение российского императорского поезда 17 октября 1888 года в германской прессе конца XIX века	406
<i>Казиев Э. В.</i> Антропонимия алан в официальной «Истории Юань»	422
<i>Кайгусуз Д., Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М.</i> Открытие второго фронта в Европе по материалам британской региональной прессы	441
<i>Мельникова Д. А.</i> Земское страхование скота в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии во второй половине XIX — начале XX веков	458
<i>Миронова Е. В.</i> Потомственное дворянство в системе местного управления Казанской губернии второй половины XIX века	476
<i>Тиховодова А. В.</i> Организация образовательного процесса в ремесленных классах Вдовьего дома Нижнего Новгорода в начале XX века	494
<i>Трут В. П.</i> Истребительные отряды как форма добровольческого движения в период Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области)	523
АВТОРАМ.....	541
CONTENTS.....	547

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Анджела Анатольевна Афаунова, канд. филол. наук (Нальчик)
Анна Сергеевна Изволенская, канд. филол. наук (Москва)
Валерия Анатольевна Андреева, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Гурген Кипронович Хачатрян, д-р филол. наук (Ванадзор, Армения)
Елена Владимировна Яковлева, преподаватель (Пермь)
Лариса Михайловна Алексеева, д-р филол. наук (Пермь)
Людмила Викторовна Калинина, д-р филол. наук (Киров)
Мария Михайловна Сандалова, аспирант (Киров)
Наталья Павловна Павлова, канд. филол. наук (Череповец)
Наталья Юрьевна Меркурьева, канд. хим. наук (Москва)
Нина Гумаровна Шериева, канд. филол. наук (Нальчик)
Светлана Леонидовна Мишланова, д-р филол. наук (Пермь)
Татьяна Николаевна Дмитриева, д-р филол. наук (Екатеринбург)

Информация для цитирования:

Алексеева Л. М. Транстерминологизация как лингвокогнитивный процесс / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова, Е. В. Яковлева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 9—37. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-9-37.

Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L., Yakovleva, E. V. (2025). Trans-Terminalization as a Linguistic-Cognitive Process. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 9-37. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-9-37. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Транстерминологизация как лингвокогнитивный процесс

Алексеева Лариса Михайловна¹

orcid.org/0000-0001-7336-1067

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры лингводидактики
корреспондирующий автор
larissapsu@gmail.com

Мишланова Светлана Леонидовна^{1,2}

orcid.org/0000-0003-3332-9753

доктор филологических наук, профессор,
¹ заведующий кафедрой лингводидактики;
² кафедрой иностранных языков
и медицинской терминологии
mishlanovas@mail.ru

Яковлева Елена Владимировна¹

orcid.org/0000-0003-1398-9260

преподаватель
кафедры лингводидактики
lenamail325@gmail.com

¹ Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
(Пермь, Россия)

² Пермский государственный медицинский
университет имени академика Е. А. Вагнера
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
(Пермь, Россия)

Trans-Terminalization as a Linguistic-Cognitive Process

Larisa M. Alekseeva¹

orcid.org/0000-0001-7336-1067

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department
of Linguodidactics
corresponding author
larissapsu@gmail.com

Svetlana L. Mishlanova^{1,2}

orcid.org/0000-0003-3332-9753

Doctor of Philology, Professor,
¹ Head of the Department of Linguodidactics;
² Department of Foreign Languages
and Medical Terminology
mishlanovas@mail.ru

Elena V. Yakovleva¹

orcid.org/0000-0003-1398-9260

Lecturer, Department of Linguodidactics
lenamail325@gmail.com

¹ Perm State University
(Perm, Russia)

² Academician Ye. A. Vagner Perm State Medical
University of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
(Perm, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование номинативных процессов в современных терминосистемах. В ходе обзора работ выявлено противоречие между когнитивной природой транстерминологизации и ограниченным потенциалом структурного подхода к ее исследованию. В качестве материала исследования выступают транстерминологизированные единицы терминологии вспомогательных репродуктивных технологий, извлеченные из современных научных статей и монографий. Утверждается, что предметная область вспомогательных репродуктивных технологий попадает под «зонтик» глобальной области знания — биоэтики, регулирующей отношение всех форм живого и любых технологий. Подчеркивается, что в область вспомогательных репродуктивных технологий вовлекаются дополнительные концептуальные структуры — финансовые, правовые, морально-этические, которые, как и в биоэтике, предназначены для регуляции влияния науки и технологий. Для изучения транстерминологизации используются методы когнитивной семантики, такие как фреймовый анализ и моделирование концептуальной интеграции. Доказано, что транстерминологизация — это лингвокогнитивный феномен, имеющий место во вторичных терминосистемах комплексных отраслей знания и проявляющийся активными лексико-семантическими процессами как в привлеченных терминах, так и в единицах адаптирующей терминосистемы.

Ключевые слова:

транстерминологизация; когнитивная семантика; фреймовое моделирование междисциплинарной предметной области знания; терминология вспомогательных репродуктивных технологий.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the nominative processes within contemporary terminological systems. A review of existing literature reveals a contradiction between the cognitive nature of trans-terminalization and the limited potential of structural approaches to its investigation. The research material comprises trans-terminalized units from the terminology of assisted reproductive technologies, sourced from recent scientific articles and monographs. It is argued that the domain of assisted reproductive technologies falls under the “umbrella” of the broader knowledge area of bioethics, which regulates the relationship between all forms of life and various technologies. The study emphasizes that additional conceptual structures — financial, legal, and moral-ethical — are involved in the realm of assisted reproductive technologies, similar to those in bioethics, aimed at regulating the impact of science and technology. Cognitive semantic methods, such as frame analysis and conceptual integration modeling, are employed to explore trans-terminalization. It is demonstrated that trans-terminalization is a linguistic-cognitive phenomenon present in secondary terminological systems of complex fields of knowledge, manifested through active lexical-semantic processes in both the borrowed terms and the units of the adapting terminological system.

Key words:

trans-terminalization; cognitive semantics; frame modeling of interdisciplinary knowledge domains; terminology of assisted reproductive technologies.

УДК 81'373.46+81'373.611/.612

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-9-37

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Транстерминологизация как лингвокогнитивный процесс

© Алексеева Л. М., Мишланова С. Л., Яковлева Е. В., 2025

1. Введение = Introduction

В статье рассматриваются динамические аспекты языка, переместившиеся в центр современных лингвистических исследований. В русле антропоцентрической лингвистики исследователи обращаются к интегративным объектам, что позволяет более глубоко интерпретировать взаимосвязь языка и мышления, когниции и коммуникации, экстралингвистических факторов и лингвистических изменений. Именно поэтому в исследовательский фокус все чаще попадают активные номинативные процессы, происходящие в дискурсе. Особый интерес представляет современное терминоведение, в котором также наметился «дискурсивный поворот», переход от изучения термина в словаре к исследованию в его в дискурсе, опосредующем коммуникацию в профессиональном домене. Поскольку развитие профессионального домена определяется динамикой его жизненного цикла и проявляется формированием терминологий, ключевым объектом исследования становятся терминологические процессы, а сущностной характеристикой термина — мобильность. В то же время недостаточное внимание к смене научной парадигмы — как в лингвистике в целом, так и в терминоведении в частности — приводит к противоречиям в области методологии исследования, главным из которых является применение прескриптивных методов к интегративным языковым явлениям. Недостаточно изученными в связи с этим оказываются явления, возникающие в новых профессиональных доменах, характеризующихся интегративностью, междисциплинарностью, производностью формирующегося в них знания, а следовательно, мобильностью терминологии и вторичностью образующихся в них терминосистем.

Отличительной особенностью терминологии современных отраслей знания является транстерминологизация, представляющая собой лингвокогнитивный феномен, проявляющийся в дискурсе взаимодействием концептуальных областей профессиональных доменов и активными лексико-семанти-

ческими процессами. Однако применяемый в большинстве терминологических исследований структурно-семантический анализ не позволяет в полной мере изучить диалектику взаимодействия единиц различных терминосистем, в связи с чем перспективным видится обращение к когнитивным основам терминоведения и привлечение потенциала когнитивной семантики.

В настоящем исследовании ставятся задачи обоснования лингвокогнитивной сущности транстерминологизации, рассмотрения концепций когнитивной семантики, выбора оптимальных методов когнитивного анализа, дополняющих методики структурно-семантического анализа транстерминологизации.

Поставленные задачи определяют логику проведения исследования.

При определении теоретико-методологических основ дается обзорно-критический анализ работ по транстерминологизации, в которых, как правило, рассматривается только наличие или отсутствие формальных и семантических изменений у привлеченных терминов. Представленные в этих исследованиях результаты свидетельствуют о том, что лексико-семантические процессы в привлеченных терминах аналогичны процессам при заимствовании лексики, поэтому ряд исследователей считает транстерминологизацию заимствованием термина терминосистемы-донора базовой терминосистемой, а отсутствие изменений даже в семантике привлеченного термина объясняется незавершенностью процесса упорядочения терминосистемы и дефектностью дефиниций. Двустороннее взаимодействие участвующих в транстерминологизации терминосистем, а также изменения, происходящие в каждой из них, исследователями практически не рассматриваются, хотя отмечается необходимость осмысления этого процесса с позиций когнитивной семантики.

Важным методологическим шагом в исследовании транстерминологизации как лингвокогнитивного процесса стал выбор методов когнитивной семантики. В статье дается сопоставительный анализ основных концепций когнитивной семантики, в частности, теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff et al., 1984], теории идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа [Lakoff, 1987], теории ментальных пространств Ж. Фоконье [Fauconnier, 1994] и теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [Fauconnier et al., 1998]. Обосновывается выбор в качестве релевантных для исследования транстерминологизации двух концепций: теории идеализированных когнитивных моделей и теории концептуальной интеграции.

Применение методов когнитивной семантики необходимо для раскрытия механизмов формирования межотраслевых предметных областей

и комплексных вторичных терминосистем. В качестве примера в статье рассматривается комплексная межпредметная область вспомогательных репродуктивных технологий, особенности формирования которой образуются в процессе фреймового моделирования. Изучение концептуализации данной предметной области выводит на еще более сложную когнитивную структуру по сравнению со слиянием двух ментальных пространств. Однако предметная область вспомогательных репродуктивных технологий, в свою очередь, попадает под «зонтик» глобальной области знания — биоэтики, регулирующей отношение всех форм живого и любых технологий. Именно поэтому в область вспомогательных репродуктивных технологий вовлекаются дополнительные концептуальные структуры — финансовые, правовые, морально-этические, которые, как и в биоэтике, предназначены для регуляции влияния науки и технологий.

Для того чтобы проследить динамику концептуальных изменений в процессе транстерминологизации, приводится конкретный пример анализа терминов вспомогательных репродуктивных технологий на основе теории концептуальной интеграции. Рассматривается взаимовлияние четырех ментальных пространств (двух исходных, общего и бленда) на формирование эмерджентной структуры — концептуального содержания терминологической единицы. Эмерджентная структура возникает в процессе перестройки исходных ментальных, их взаимодействия с фоновыми, в том числе профессиональными, знаниями интерпретатора и содержит новое выводное знание, несводимое к значениям формальных компонентов термина. Построенный в ходе исследования фрейм комплексной межпредметной области вспомогательных репродуктивных технологий помогает проследить динамику взаимодействия концептуальных структур в процессе транстерминологизации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. Транстерминологизация как активный лексико-семантический процесс

На протяжении последних десятилетий неуклонно возрастает интерес лингвистов к решению терминоведческих задач. С одной стороны, данный интерес обусловлен тем, что терминология становится одним из основных источников получения и точного понимания новой информации и инструментом более полного освоения новых областей знаний» [Яхнина, 2023, с. 4]. С другой стороны, терминология становится важнейшим средством трансфера знания и профессиональной коммуникации в условиях динамичного развития предметных областей и информационных процессов: «В науковедении существует мнение о том, что число наук и научных

дисциплин растет в геометрической прогрессии и в настоящее время удваивается каждые 25 лет» [Гринев-Гриневиц и др., 2021, с. 51].

Одной из наиболее ощутимых тенденций современной науки является интегративность, проявляющаяся междисциплинарностью научного знания и гибридностью терминологии межпредметных областей [Алексеева и др., 2002; Алексеева и др., 2023; Бурдина, 2024; Гринев-Гриневиц и др., 2021; Кубрякова, 1995; Мишланова, 2003; Хомутова, 2023]. В связи с этим обращает на себя внимание смещение исследовательского фокуса терминологических работ на изучение вторичных терминосистем, терминосистем новейших предметных областей, таких как информационно-коммуникационные технологии, нанотехнологии, искусственный интеллект, трансфузиология, трансплантология и др. При этом ряд исследований характеризует отчетливый интерес к транстерминологизации — активному лексико-семантическому процессу, способствующему созданию новой междисциплинарной лексики и расширению терминологических ресурсов языка.

Несмотря на то, что транстерминологизация признается ключевым механизмом, позволяющим эффективно адаптировать термины из одной научной дисциплины для использования в другой, в существующих лингвистических исследованиях отсутствует единая точка зрения на понимание данного процесса.

Согласно определению, представленному в работе по общему терминоведению, «транстерминологизация — это явление перехода одного термина из одной терминосистемы в другую, при котором осуществляется изменение значения» [Суперанская, 1989, с. 12]. Однако в этой же работе подчеркивается, что при транстерминологизации происходит «перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным его переосмыслением и превращением в межотраслевой омоним» [Там же, с. 194].

В работах по терминологии отдельных предметных областей, как правило, поднимается дискуссия о соотношении семантических изменений, имеющих место в значении транстерминологизированного термина, с явлениями специализации значения, полисемии и межотраслевой омонимии [Чистюхина, 2011, Рыженкова, 2001; Козловская и др., 2023; Буженинов, 2014]. Предметом дискуссии становится также грация семантических изменений транстерминологизированных терминов, которые, например, в подъязыке гомеопатии «делятся на три группы: 1) медицинские термины, перешедшие в гомеопатию с незначительными изменениями значения; 2) медицинские термины, кардинально изменившие свое значение при переходе в гомеопатический подъязык; 3) немедицинские транстерминологизированные термины» [Буженинов, 2014, с. 58]. Обсуждаются во-

просы транстерминологизации как вторичной номинации, а также ее соотношение с метафорическим и метонимическим переносами [Буженинов, 2014; Глинская, 2020]. Особое внимание уделяется процессам образования транстерминологизированных единиц на основе метафорических терминов [Горбунова и др., 2020].

В силу того, что работы, посвященные транстерминологизации, носят преимущественно описательный характер, количественные данные, представленные в них, немногочисленны. Так, например, сопоставительный анализ способов образования английских и русских терминов дамбостроения показал, что транстерминологизированные термины составляют 2 % в русском языке и 5 % в английском языке от выборки общим объемом 920 терминов [Широколобова, 2014, с. 108]. В русскоязычной терминологии искусственного интеллекта транстерминологизированные единицы составляют 41 % от выборки общим объемом 449 терминов [Козловская и др., 2023, с. 99—100]. По-видимому, такой большой размах в количестве образованных путем транстерминологизации терминологических единиц можно объяснить тем, что терминосистема дамбостроения считается закрытой [Широколобова, 2014, с. 108], а предметная сфера искусственного интеллекта интенсивно формируется [Козловская и др., 2023, с. 98]. В исследовании Е. Л. Зиянгировой показано, что основу юрислингвистического специализированного языка образуют в первую очередь термины смежных наук — лингвистики (37 %) и юриспруденции (26 %), во вторую очередь — общенаучные термины (20 %) и термины несмежных гуманитарных наук (17 %) [Зиянгирова, 2020, с. 10]. Результаты исследования терминологии медиации демонстрируют, что 38,42 % (330) этих терминов медиации образованы на основе единиц других терминосистем [Моногарова, 2017, с. 18].

Попытки выхода за пределы семантики с изучением формальных и функциональных аспектов транстерминологизированных единиц также представлены в исследованиях по терминоведению. Так, например, в работе Т. В. Рыженковой рассматривается транстерминологизация в юридической терминологии русского и английского языков. В данной работе «впервые исследованы внешние и внутренние факторы транстерминологизации, разнообразие семантических процессов, происходящих при рецепции терминов различных отраслей знания терминологией правовой науки в русском и английском языках, а также особенности функционирования транстерминологизированных единиц в адаптирующих терминосистемах» [Рыженкова, 2001, с. 4]. В частности, автор доказывает, что транстерминологизации подвергаются термины различной степени сложности — от универбов до полилексемных терминов, а терминологизированные единицы могут быть как самостоятельными терминами, так и элементами со-

ставных правовых терминов, занимая место как терминообразовательного форманта, так и базового термина. Иными словами, транстерминологизированные единицы могут функционировать как самостоятельные термины, как терминоэлементы составных правовых терминов и как терминоэлементы в составе производных терминов. По мнению Т. В. Рыженковой, все термины, образующие юридическую терминологию, можно разбить на три группы: первая группа — это правовые термины, исконно существовавшие в данной науке; вторая группа — правовые термины, появившиеся в результате транстерминологизации терминов из других областей человеческой деятельности, третья группа — «смешанные» правовые термины, то есть термины, возникшие в результате соединения исконно правового терминоэлемента с транстерминологизированным терминоэлементом [Рыженкова, 2001].

В работе М. А. Левиной изучено формирование вторичных частноотраслевых терминосистем комплексных отраслей права, рассмотрена специфика их системной организации, описаны формально-семантические особенности терминологических единиц. В исследовании доказана ведущая роль транстерминологизации в формировании терминосистем горного, информационного, медицинского, спортивного права. Во всех исследуемых терминосистемах, как показывает М. А. Левина, обнаружены термины разной структурной сложности (универбы и полилексемные единицы), при этом «некоторые из таких терминов проникают во вторичные терминосистемы права в “готовом” виде (термины права и привлеченные термины); другие образуются на основе сочетания разносистемных терминологических единиц (смешанные термины), что обусловлено отражением в структуре терминов комплексного характера терминосистем» [Левина, 2013, с. 7].

Рассмотрение транстерминологизации в сфере медиации позволило выделить следующие группы терминологических единиц: «1) транстермины, функционирующие без изменения значения; 2) транстермины, прошедшие через специализацию значения; 3) транстермины, входящие в состав многокомпонентных терминов ТМ» [Моногорова и др., 2016, с. 24].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают позиции авторов, допускающих понимание транстерминологизации как заимствования терминов, например: «Использование в медиации методов различных научных и профессиональных областей обуславливает тот факт, что в процессе нередко употребляются термины, заимствованные из соответствующих сфер» [Там же с. 22]. Заимствованные единицы определяются как привлеченные термины, то есть заимствованные «без переосмысления, с сохранением понятийного объема специальной лексемы» [Козловская и др., 2023, с. 98]. Несмотря на то, что в ряде случаев отмечается заимствование тер-

минов без изменения их значения [Данькова и др., 2021; Козловская и др., 2023; Кушова, 2012; Левина, 2013; Моногарова, 2017; Рыженкова, 2001], согласимся с мнением, что отсутствие изменения значений терминов свидетельствует «о дефектности и диффузности дефиниций» [Левина, 2013, с. 20] или «о незавершенности процесса упорядочения терминосистемы» [Рыженкова, 2001, с. 6]. Согласимся также с тем, что транстерминологизация — это не просто переход терминов одной отрасли знания в другую, а «некоторое качественное изменение, необходимое для адаптации термина в новой отрасли знания» [Зиянгирова, 2020, с. 12—14]. Иными словами, описание транстерминологизации с позиции лингвоконтактологии (язык-донор, принимающий язык, адаптация термина, адаптирующая терминосистема) позволяет не только убедиться в обоснованности утверждений об облигатном изменении семантики привлеченных терминов в адаптирующей терминосистеме, но и предположить наличие изменений самой принимающей системы, что было показано еще в [Вайнрих, 1979].

Итак, анализ исследований, посвященных транстерминологизации, свидетельствует о том, что данный феномен рассматривался преимущественно формально. В первую очередь решался вопрос о наличии или отсутствии семантических изменений привлеченного термина в адаптирующей терминосистеме. Кроме того, обсуждался терминообразовательный потенциал привлеченных единиц в новой терминосистеме. Однако процесс адаптации транстерминологизированных единиц практически не рассматривался как процесс двусторонний, то есть процесс их освоения принимающей терминосистемой. В то же время нельзя не отметить очень важные выводы, сделанные в рамках данных исследований. В частности, в них обосновывается необходимость перехода в когнитивную парадигму [Хижняк, 2008, с. 95], а также возможность изучения концептуального содержания термина с позиций когнитивной семантики с привлечением фреймового анализа [Faber, 2014], что позволит более глубоко осмыслить взаимодействие концептуальных структур терминосистем, вовлеченных в процесс транстерминологизации.

Полагаем, что рассмотрение транстерминологизации в логике когнитивной семантики позволит снять обозначенные ранее противоречия и углубить представления об этом лингвокогнитивном феномене.

В рамках данной статьи решаются следующие исследовательские задачи:

- обосновать выбор теории когнитивной семантики для описания транстерминологизации;
- изучить когнитивные основы формирования вторичных комплексных терминосистем;

— провести когнитивно-семантический анализ терминов вторичных комплексных терминосистем.

2.2. Когнитивные аспекты исследования лексической семантики

К наиболее известным концепциям когнитивной семантики относят теорию концептуальной метафоры [Lakoff et al., 1984; Лакофф и др., 2023], теорию идеализированных когнитивных моделей [Lakoff, 1987; Лакофф, 2004], теорию ментальных пространств [Fauconnier, 1994] и теорию концептуальной интеграции [Fauconnier et al., 1998; Fauconnier et al., 2002]. Сопоставительный анализ этих концепций предпринят в [Шиляев, 2018].

Следует отметить, что теории когнитивной семантики уже применялись в терминологических исследованиях. В первую очередь это касается теории концептуальной метафоры (ТКМ), поскольку на ее основе раскрывается специфика терминологизации. Как правило, это исследования, посвященные адаптации общезыковой лексики к функционированию в научном тексте в периоды становления предметных областей, в том числе работы по историческому терминоведению, метафорическому терминопорождению, авторскому терминотворчеству. Другим направлением ТКМ в терминологии является исследование механизмов полисемии, в основе которых также лежит метафоризация. И, безусловно, наиважнейшую роль концептуальная метафора играет в процессах детерминологизации в научно-популярном, рекламном и дидактическом дискурсах [Метафора ..., 2013].

Другой активно используемой в терминоведении семантической концепцией является теория идеализированных когнитивных моделей (ИКМ), при этом наиболее полно был реализован ее потенциал в области композитной семантики и семантических сетей. В рамках когнитивного подхода к лексической семантике утверждается, что лексические единицы представляют собой концептуальные категории, которые можно моделировать и исследовать с помощью идеализированных когнитивных моделей. ИКМ — сложная структура знаний, богатая деталями, но при этом являющаяся абстракцией опыта. ИКМ содержат обобщенную лингвистическую, прагматическую и культурную информацию, в том числе процедурного типа (фреймы), и может включать в себя когнитивные сущности и механизмы: образные схемы, пропозиции, метафоры, метонимию и символы. Важно подчеркнуть: теория ИКМ оказала существенное влияние на развитие терминоведения, обусловив переход от прескриптивного терминоведения к дескриптивному, что в свою очередь позволило учесть и описать те концептуальные категории профессиональных доменов, которые не вписывались в жесткие системные рамки [Temmermann, 2000; Roche, 2012]. Иными словами, произошел переход от общей теории термина к онтотерминологии — моделированию терминологических данных.

Следующая теория когнитивной семантики исходит из того, что построение значения, или концептуализация, происходит непосредственно в процессе восприятия речи, включает конструирование ментальных пространств и установление связей между ними. При этом любой элемент может играть определенную роль и обладать разными значениями в сконструированных ментальных пространствах, а каждое новое ментальное пространство соединяется с другими, созданными ранее при восприятии фрагмента дискурса. Для структурирования ментальных пространств используется традиционная когнитивная модель фреймов, которые в дискурсе заполняются конкретными ролями и свойствами. Отметим, что данная концепция также внесла существенный вклад в развитие терминоведения за счет формирования направления *term-based terminology*, в рамках которого разработана методика анализа терминологии в массивах неструктурированных данных, составления онтологий, терминологических баз данных и многоязычных отраслевых тезаурусов [Faber, 2014; Budin, 2007; Мишланова и др., 2021].

Теория концептуальной интеграции считается продолжением, или развитием, предыдущей — концепции ментальных пространств, однако в ней заимствуется еще идея проекции (*mapping*) из ТКМ. Если ментальные пространства соотносятся с конструированием значения в дискурсе, то ТКИ имеет дело с появлением нового знания, приращением смысла. Характерной чертой ТКИ является визуализация многопространственной модели значения [Fauconnier et al., 1998]. При описании интеграционной модели используются термины (*conceptual integration network, input spaces, generic space, blended space, emergent structure, composition, completion, elaboration*), которые в русскоязычной литературе имеют разные варианты перевода [Скребцова, 2018, с. 185—190; Шилияев, 2018, с. 39—40; Киреева, 2012; Ковальчук, 2011; Глебкин, 2013; Филатьева, 2023]. Прежде чем перейти к характеристике составляющих интеграционную модель ментальных пространств и операций, рассмотрим используемые для этого термины (табл. 1).

Если оставить за рамками статьи вопросы переводоведческого анализа представленных в таблице 1 терминов, выберем в качестве рабочих вариантов такие термины, как *модель концептуальной интеграции, исходное пространство, общее пространство, бленд, эмерджентная структура, композиция, дополнение, совершенствование*, для описания механизма концептуальной интеграции в дискурсе. В процессе формирования бленда исходные пространства связываются с общим, содержащим абстрактную, схематичную информацию о структуре исходных пространств, в котором соотносятся их общие элементы, актуализируются релевантные фоновые знания, осуществляется выборочная проекция и образуется эмерджентная структура — «информация, которая не содержится ни в одном из исходных

Таблица 1

Переводческие варианты терминов теории концептуальной интеграции
= Translation Variants of Terms in Conceptual Integration Theory

	Скребцова Т.Г.	Шиляев К.С.	Киреева Д.М.	Ковальчук Л.П.	Глебкин В.В.	Филатьева Т.В.
Conceptual integration network	Концептуальная интеграция	Интеграционная сеть	Концептуальная интеграция	Сети концептуальной интеграции	Интегральное ментальное пространство	Интеграционная сеть Многопространственная сущность
Input space	Исходное пространство	Исходное пространство	Входное пространство (ВП)	Исходное пространство	Базовое пространство	Входное пространство
Genetic space	Родовое пространство	Общее пространство	Родовое пространство	Общее пространство	Родовое пространство	Общее пространство
Blended space, Blending, Blend	Бленд 'Пространство-гибрид'	Бленд Блендинг Смешанное пространство	Бленд Выводное смешанное пространство (ВСП)	Бленд	Бленд	Бленд Смешанное пространство Смесь
Emergent structure	Новое содержание	Эмерджентная структура	Эмерджентная структура	Новое смешанное пространство	Качественно новое образование	Возникающая структура
Composition	Композиция	Композиция	Композиция	Композиция	Построение	Композиция Сочетание
Completion	Завершение	Дополнение	Завершение	Завершение	Завершение	Завершение Дополнение
Elaboration	Развитие	Разработка	Развитие	Развитие	Совершенство-вание	Разработка Проработка

ментальных пространств» [Шиляев, 2018, с. 8]. В порождении эмерджентной структуры задействованы процессы композиции элементов из исходных пространств на основе их дополнения фоновыми знаниями, а также совершенствования бленда путем «переформатирования элементов в бленде с учетом нового концептуального содержания, позволяющего избежать логических противоречий в сформированной структуре» [Глебкин, 2013]. Важно подчеркнуть динамический характер всех участвующих в концептуальной интеграции ментальных пространств, которые изменяются по мере поступления информации.

Примечательно, что в рамках ТКИ исследователи приводят в качестве примера термин *компьютерный вирус*, который возник на основе медицинской терминологии [Fauconnier et al., 2003]. Тем самым демонстрируется принципиальная возможность применения ТКИ для изучения когнитивных аспектов транстерминологизации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Фреймовое моделирование терминологии вспомогательных репродуктивных технологий

В представленном ранее обзоре работ по различным вопросам транстерминологизации необходимо особо отметить исследование М. А. Левиной в связи с обращением автора к когнитивным аспектам данного феномена и разработкой метаязыка его описания [Левина, 2013]. Для изучения терминосистем медицинского права, спортивного права, информационного права и горного права М. А. Левина опирается на идею Б. Н. Головина о разграничении «больших» и «малых терминосистем», подчеркивая, что «"малые" терминосистемы могут быть отраслевыми (отражающими деление научных отраслей на подотрасли) и вторичными (создаваемыми на стыке наук с использованием единиц терминосистем-доноров)» [Левина, 2013, с. 8]. При этом в применении к правовой науке вводится понятие комплексной отрасли знания, когда система отраслевых знаний (правовой субконтинуум, находящийся внутри гуманитарного социального континуума) соотносится с системой знаний (континуумов и субконтинуумов) других предметных областей [Левина, 2013, с. 10]. Комплексная отрасль знания репрезентируется вторичной терминосистемой. Иными словами, «терминосистема комплексной отрасли права является по своему характеру вторичной терминосистемой, объединяющей в себе терминологические единицы разных терминосистем, причем сама вторичная терминосистема соотносится как часть и целое лишь с одной базовой терминосистемой — терминосистемой права» [Левина, 2013, с. 10]. Именно поэтому М. А. Левина предлагает рассматривать вторичные терминосистемы в когнитивном

аспекте, то есть в исследовании вторичных терминосистем следует включать «не только системно-структурный и семантический анализ единиц терминосистемы», но и концептуальный анализ систем и подсистем знания, лежащих в основе базовой терминосистемы и терминосистемы-донора, взаимосвязь между которыми «осуществляется на основе взаимодействия фреймов знания» [Левина, 2013, с. 10]. Более того, для когнитивного анализа вторичных терминосистем важным является понимание фрейма не только как «обобщенной рамки опыта, схемы практического действия», но и как «когнитивной и аксиологической структуры», обусловленной культурно-историческими событиями [Филатьева, 2023, с. 173]. Следовательно, одним из этапов анализа вторичных терминосистем является фреймовое моделирование знания в дискурсе комплексной предметной сферы.

Несмотря на то, что статус вторичной терминосистемы предполагает наличие терминов базовой (исходной) терминосистемы, терминосистемы-донора и смешанных терминов, сочетающих в своей структуре терминологические элементы, принадлежащих как базовой, так и донорской терминосистеме, позволим себе присоединиться к мнению исследователей, которые допускают семантические изменения терминов базовой и донорской терминосистем в процессе транстерминологизации [Зиянгинова, 2020; Левина, 2013; Рыженкова, 2001; Хижняк, 2008; Чистюхина, 2011]. Так, С. Н. Чистюхина полагает, что транстерминологизация порождает межотраслевую полисемию, то есть появление терминов-полисемантов, «используемых в разных специальных отраслях знаний, но объединенных наличием прямой или опосредованной связи между значениями» [Чистюхина, 2011, с. 82]. Именно в рамках вторичных терминосистем «термин способен приобретать оттенки значения, используемые в разных отраслях науки, которые впоследствии трансформируются в полисемию», а формально одинаковые термины «в разных отраслях специальных знаний при наличии связи между значениями являются межотраслевыми полисемантами» [Там же]. Транстерминологизация не может не оказывать влияние на единицы базовой терминосистемы, у которых появляются новые оттенки значения, усиливается специализация, формируется внутриотраслевая полисемия (ср.: *матка* — *искусственная матка*).

В рамках настоящей статьи обратимся к рассмотрению терминологии вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) как вторичной терминологии комплексной предметной сферы [Головин, 1981; Левина, 2013]. Напомним, что ВРТ — это «метод оказания медицинской помощи, при котором отдельные или все этапы зачатия и / или раннего развития эмбриона (эмбрионов) до переноса его (их) в полость матки осуществляются в лабораторных условиях» [Петрова и др., 2012, с. 45]. Несмотря на то, что дан-

ная предметная область является сравнительно молодой, насчитывающей лишь несколько десятилетий, уже выделяют «старые» ВРТ, такие как ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение), ИКСИ (инъекция сперматозоида в яйцеклетку), суррогатное материнство, донорство гамет, и «новые» — замораживание яйцеклеток, ткани яичника, донорство цитоплазмы [Исупова, 2017, с. 35]. Таким образом, с одной стороны, ВРТ — это подотрасль медицины, ограниченная вопросами репродуктивного здоровья [Разводовская, 2017], а с другой — подотрасль медицинских технологий, то есть предметная область, образованная на стыке двух подотраслей — репродуктивного здоровья человека и медицинских технологий. Иными словами, ВРТ является комплексной предметной сферой.

Продолжая характеристику ВТР, отметим, что «репродуктивное здоровье» как подотрасль медицины является также подотраслью еще более крупной предметной области — биологии, а «медицинские технологии» являются подотраслью другой крупной предметной сферы — технологии. Следует подчеркнуть, что биология и технология являются предметными областями, на основе которых сформировалось новое научное направление — биоэтика.

Как известно, биоэтика начала формироваться в 1970-е годы как наука о нравственном отношении ко всему живому в условиях дальнейшего научно-технического прогресса. Стержневым компонентом биоэтики стала выдвинутая еще Аристотелем идея фронезиса — моральной или практической мудрости [Реймер, 2013], призванной регулировать, в том числе ограничивать, чрезмерное проявление благодетели (в данном случае — науки и техники), чтобы обеспечить выживание человека как биологического вида при достойном качестве жизни [Поттер, 2010]. Именно поэтому во многих работах биоэтика рассматривается как особая область знания, в которой отчетливо проявляется тенденция к междисциплинарному взаимодействию естественных, гуманитарных, технических наук, а также к интеграции последних с различными формами знания [Бирюкова, 2004]. Другим существенным свойством биоэтики является ее делиберативность, поскольку «биоэтические решения принимаются путем обсуждения и обоснования в общественной среде», процесс массового обдумывания, осмысления, обсуждения общего блага становится «экзистенциальной потребностью граждан» [Реймер, 2016, с. 16]. Все вышесказанное позволяет утверждать, что предметная область ВРТ обладает сложной комплексной структурой, обусловленной не только взаимодействием подотраслей репродуктивного здоровья и медицинских технологий, но и интеграцией с другой комплексной предметной областью — биоэтикой. Подтверждением этому является мнение, что «ВРТ оказались прорывом в области пре-

одоления бесплодия, но одновременно вызовом с точки зрения социальных, этических и законодательных вопросов» [Исупова, 2017, с. 39]. Хотя первые попытки создания этических рекомендаций в области ВРТ были предприняты в 1986 году, на сегодняшний день отмечаются финансовые, моральные и юридические разногласия в законодательствах различных государств, в том числе в силу исторических, политических и социокультурных различий.

В качестве обобщения представим концептуальную структуру комплексной предметной области ВРТ в виде фрейма (рис. 1).

Фрейм включает два базовых слота, обозначающие предметные области ВРТ и биоэтики.

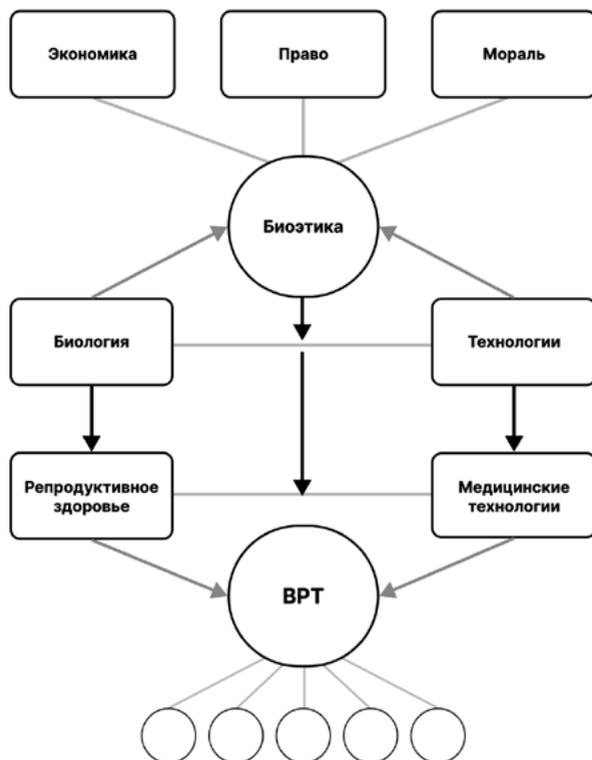

Рис. 1. Фрейм комплексной предметной области вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ)

Fig. 1. Frame of complex subject domain «Assisted Reproductive Technologies»

Слот БИОЭТИКА имеет подслоты, представляющие предметные области, формирующие биоэтику. Центростремительные векторы иллюстрируют междисциплинарный характер биоэтики, обусловленный участием таких отраслей, как биология и технология, находящихся во взаимодействии с социально-экономическими науками, правом и этикой.

Слот ВРТ также включает формирующие его подслоты, соотносимые с предметными областями репродуктивного здоровья и медицинских технологий. Взаимодействие этих предметных областей и, соответственно, комплексный характер ВРТ отображены центростремительными векторами.

Центральный нисходящий вектор представляет родовидовые отношения слотов БИОЭТИКА и ВРТ, поскольку предметная область ВРТ является одним из направлений биоэтики [Социальная биоэтика ..., 2018]. В свою очередь, слот ВРТ также имеет видовые подслоты, отражающие многообразие «старых» и «новых» вспомогательных репродуктивных технологий.

Боковые нисходящие векторы между подслотами *Биология* и *Технология* слота БИОЭТИКА и соответствующими им подслотами *Репродуктивное здоровье* и *Медицинские технологии* слота ВРТ отображают паритивные отношения предметных областей биологии и репродуктивного здоровья, технологии и медицинских технологий. Нисходящее направление боковых векторов иллюстрирует тот факт, что предметные отрасли, формирующие комплексную область ВРТ, являются подотраслями биологии и технологии, иными словами, то, что ВРТ образована на стыке двух подотраслей знания.

Итак, рассмотрение экстралингвистических особенностей формирования терминологии ВРТ является необходимым этапом изучения когнитивных основ вторичной терминосистемы ВРТ. Фрейм комплексной предметной области ВРТ демонстрирует ее сложную структуру и помогает понять, каким образом базовая терминосистема репродуктивного здоровья взаимодействует терминосистемами-донорами (биология, технология, экономика, право, мораль). Особенности концептуальной структуры предметной области ВРТ, несомненно, обуславливают характер транстерминологизации, а также специфику формальной и семантической структуры единиц терминосистемы ВРТ.

3.2. Анализ концептуальной интеграции в терминологии вспомогательных репродуктивных технологий

Ранее мы уже обсуждали особенности концептуальной структуры предметной области ВРТ, на основании чего можно предположить, что в терминосистеме ВРТ присутствуют привлеченные термины. Подчеркнем, что именно такие транстерминологизированные единицы вслед-

ствие их структурной и семантической сложности находятся в фокусе настоящего исследования. Для анализа подобных нетривиальных языковых структур рекомендуется применять когнитивный анализ, особенно анализ концептуальной интеграции.

Обратимся к анализу нашего материала. В качестве примера рассмотрим термин ВРТ *surrogacy tourism*, извлеченный из следующих контекстов: *Surrogacy tourism, on the face of it, seems to lead to a mutually beneficial situation for all / На первый взгляд кажется, что суррогатный туризм, приводит к взаимовыгодной ситуации* (здесь и далее перевод наш. — Л. А., С. М., Е. Я.); *Worldwide, surrogacy tourism is now worth approximately USD6 billion a year / Годовой доход от суррогатного туризма в мировом масштабе составляет около 6 миллиардов долларов США; Surrogacy tourism is one of the fastest growing industries in the world today concerned / Считается, что в настоящее время суррогатный туризм является одной из самых быстрорастущих отраслей в мире* [Gunputh et al., 2015, р. 16—19]. Данный термин является единицей вторичной терминосистемы, содержащей элементы терминосистем-доноров, репрезентирующей концептуальную интеграцию. Модель концептуальной интеграции включает, по определению, два исходных пространства, общее пространство, блэнд и эмерджентную структуру. В исходных пространствах находятся атрибуты концептов SURROGACY и TOURISM. В первом исходном пространстве представлены атрибуты SURROGACY *замещение, выполнение функции матери другой женщиной*, извлеченные из словарных дефиниций, например, из медицинского словаря «Medical Term and Abbreviations: Merriam-Webster Medical Dictionary»: *Surrogacy: the practice of serving as a surrogate mother; a process in which a woman carries and delivers a child for a couple or individual / Суррогатное материнство: практика исполнения роли суррогатной матери; процесс, в котором женщина вынашивает и рождает ребенка для супружеской пары или отдельного человека* [Medical Dictionary]. Второе исходное пространство TOURISM включает атрибуты *путешествия, досуга, пребывания в новых условиях, вдали от дома, за рубежом, в иной культуре, в личных или профессиональных целях*, как, например, в следующем определении из словаря туристских терминов «Glossary of tourism terms»: *Tourism is a social, cultural and economic phenomenon which entails the movement of people to countries or places outside their usual environment for personal or business / professional purposes / Туризм — это социальное, культурное и экономическое явление, которое подразумевает перемещение людей в страны или места за пределами их обычного местожительства в личных или деловых / профессиональных целях* [Glossary of tourism terms].

Следующий компонент модели концептуальной интеграции — общее пространство — включает фоновые знания, дополняющие содержание двух исходных пространств, обуславливает его генерализацию, повышает уровень абстракции. В общем пространстве формируется концепт ЗАМЕЩЕНИЕ НЕДОСТУПНОГО, поскольку из первого исходного пространства SURROGACY в него проецируется содержание «недоступность деторождения — замещение рождения ребенка другой женщиной», а из второго исходного пространства TOURISM — «недоступность чего-либо в своем местопребывании — перемещение в другое место».

В бленд, или смешанное пространство, попадает содержание общего пространства и двух исходных в результате избирательного проецирования. Концепт общего пространства ЗАМЕЩЕНИЕ НЕДОСТУПНОГО дополняется содержанием как первого исходного пространства «нарушение репродуктивного здоровья — вспомогательная репродуктивная технология (суррогатное материнство)», так и второго «недоступность в родной стране — выезд в другую страну». В итоге в бленде формируется концепт ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ ДЛЯ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА ЗА РУБЕЖОМ. Однако в смешанное пространство включена еще и эмерджентная структура, являющаяся новым, полученным в результате интерпретации знанием: ФИНАНСОВЫЕ, ПРАВОВЫЕ, МОРАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С СУРРОГАТНЫМ МАТЕРИНСТВОМ. В эмерджентной структуре появляются атрибуты, не содержащиеся в исходных пространствах, но попадающие в нее из общего пространства за счет привлечения фоновых знаний и контекстуальных значений. Так, например, по мнению О. Г. Исуповой, считается, что суррогатное материнство этически противоречиво, поскольку «суррогатные матери подвержены значительным медицинским и эмоциональным рискам», «финансовые вопросы в этой области вызывают опасения относительно возможной эксплуатации женщин», «страны различаются в отношении того, кто имеет преимущественные права на ребенка после его рождения» [Исупова, 2017, с. 43]. На основании этого О. Г. Исупова утверждает, что в связи с финансовыми, моральными и легальными ограничениями развился международный рынок суррогатного материнства, «существующий именно потому, что позиции разных государств в этой области различаются» [Исупова, 2017, с. 43]. Религиозный дискурс также несвободен от этических дилемм суррогатного материнства [Тарабрин, 2020]. Иными словами, в эмерджентной структуре появляются атрибуты дополнительных ментальных пространств, таких как ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ЭТИКА, ТЕХНОЛОГИИ (рис. 2).

Примечательно, что формальная структура термина *surrogacy tourism*, репрезентирующего концептуальную интеграцию, включает компоненты

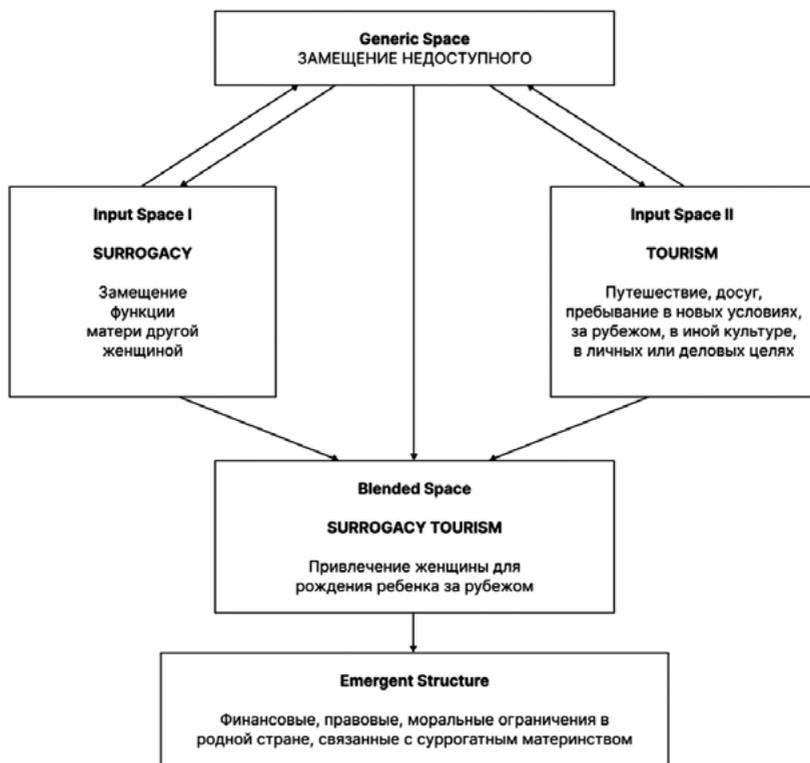

Рис. 2. Модель концептуальной интеграции в терминологии вспомогательных репродуктивных технологий

Fig. 1. Conceptual Integration Network of transferterminologization

двух исходных ментальных пространств — ТЕХНОЛОГИИ (*surrogacy*) и ЭКОНОМИКА (*tourism*), которые, с одной, стороны, частично спроецировались в бленд, а с другой стороны, вовлекли в интеграцию дополнительные признаки эмерджентной структуры. По-видимому, данные факты согласуются с представленными в работах по когнитивной семантике положениями, что формальная структура выражения не является прямым отражением его концептуальных структур: языковое выражение дает лишь подсказки для выявления его понятийного содержания; именно поэтому бленд рассматривается как «целостный, компактный, легко запоминающийся конструкт, которым удобно оперировать как единым целым» [Скребцова, 2018, с. 186].

4. Заключение = Conclusions

Подведем итог. Для решения одной из задач настоящего исследования — когнитивно-семантического анализа терминов вторичных комплексных терминосистем — применена теория концептуальной интеграции на примере терминов вспомогательных репродуктивных технологий. Поскольку терминосистема вспомогательных репродуктивных технологий является вторичной, а результаты анализа указывают на изменение содержания формальных компонентов термина, принадлежащих как базовой терминосистеме, так и терминосистеме-донору, то утверждение о заимствовании терминов из терминосистемы донора без изменения их значения оказывается несостоятельным. Более того, изменение содержания формальных компонентов термина в процессе транстерминологизации подтверждается наблюдениями и над процессами межязыковых заимствований: «... процесс заимствования иноязычных слов есть процесс двусторонний. Это не только простая передача готовых элементов одним языком во владение другого языка. Это вместе с тем процесс их освоения системой данного языка, их приспособления к его собственным нуждам, их преобразования — формального и семантического — в условиях иной системы» [Сорокин, 1965, с. 174]. И далее: «Именно о процессе заимствования <...> можно сказать, что это процесс по преимуществу творческий» [Там же].

Результаты когнитивно-семантического анализа терминологии вспомогательных репродуктивных технологий позволили сделать еще одно наблюдение, важное для понимания процесса транстерминологизации. В частности, выявлено, что в процессе формирования предметных областей терминология может обогащаться терминологическими элементами, источниками которых являются как общеязыковая лексика (терминологизация), так и терминосистемы-доноры (транстерминологизация), а процесс адаптации заимствованного термина к принимающей терминосистеме включает этапы, аналогичные терминологизации лексики. Если в плане развития лексической семантики терминологизация предстает как процесс последовательной смены специализации (сужения значения), семантической модуляции (перераспределения компонентов значения при одной интегративной семе) и семантической деривации (перераспределение компонентов значения и смене семантической категории) [Косова, 2004, с. 7], то сходные этапы изменения значения привлеченных терминов выявлены и в работах по транстерминологизации [Левина, 2013; Рыженкова, 2001; Хижняк, 2008].

В целом, рассмотрение в настоящем исследовании транстерминологизации как лингвокогнитивного феномена, возникающего во вторичных терминосистемах на основе комплексных предметных областей знания, с применением интегративного подхода, сочетающего системно-формальный и

когнитивно-семантический анализ терминологии, позволило дополнить теоретические основы терминоведения теорией концептуальной интеграции, включить в методологию терминоведения фреймовое моделирование междисциплинарной предметной области знания, обосновать закономерность изменения взаимодействующих единиц базовой терминотерминологической системы и привлеченных терминов. Таким образом, анализ когнитивных процессов, в частности концептуальной интеграции, дополняет теорию транстерминологизации. Он также эффективен при изучении мобильности терминологии и, соответственно, вносит весомый вклад в методологию современного терминоведения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Glossary of tourism terms* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.unwto.org/glossary-tourism-terms> (accessed 07.12.2024).
2. *Medical Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.merriam-webster.com/medical> (accessed 07.12.2024).

Литература

1. *Алексеева Л. М.* Медицинский дискурс : теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. — Пермь : Пермский государственный университет, 2002. — 220 с. — ISBN 5-8241-0302-X.
2. *Алексеева Л. М.* Мобильность современной терминологии / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // Научный диалог. — 2023. — Т. 128. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-9-27.
3. *Бирюкова М. В.* Интеграция знаний в биоэтике : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.01 / М. В. Бирюкова. — Барнаул, 2004. — 181 с.
4. *Буженинов А. Э.* Транстерминологизация как тип терминологической номинации (на материале подязыка гомеопатии) / А. Э. Буженинов // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2014. — № 6 (37). — С. 56—63.
5. *Бурдина О. Б.* Терминологические процессы в фармацевтическом дискурсе : социокогнитивное моделирование : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 5.9.8 / Ольга Борисовна Бурдина. — Пермь, 2024. — 38 с.
6. *Вайнрих У.* Языковые контакты : состояние и проблемы исследования / У. Вайнрих. — Киев : «Вища школа», 1979. — 262 с.
7. *Данькова Т. Н.* Привлеченные термины в составе современной русской терминологии государственного и муниципального управления / Т. Н. Данькова, Е. А. Сиволапова // Известия ВГПУ. — 2021. — № 4 (293). — С. 183—186.
8. *Глебкин В. В.* Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера : опыт системного анализа / В. В. Глебкин // Вопросы философии. — 2013. — № 9. — С. 161—174.

9. *Гринев-Гриневиц С. В.* Особенности развития терминоведения в начале XXI века / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина // *Лингвистика и образование*. — 2021. — Т. 1. — № 1. — С. 49—70. — DOI: 10.17021/2021.1.1.49.70.

10. *Глинаская Н. П.* Метафорические и метонимические термины в английском языке психологии / Н. П. Глинаская // *Когнитивные исследования языка*. — 2020. — № 3 (42). — С. 254—258.

11. *Головин Б. Н.* О типах терминсистем и основаниях их различия / Б. Н. Головин // *Термин и слово*. — Горький : Изд-во Горьк. ун-та, 1981. — С. 3—12.

12. *Горбунова Н. Н.* Метафоризация как основа для транстерминологизации в сфере предметных терминоминиаций / Н. Н. Горбунова, Р. А. Арчаков, Л. А. Ахтаева // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. — 2020. — № 3. — С. 92—109.

13. *Зиянгирова Е. Л.* Основные тенденции развития терминологического инструментария метаязыка юрислингвистики : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. Л. Зиянгирова. — Уфа, 2020. — 21 с.

14. *Исупова О. Г.* Вспомогательные репродуктивные технологии : новые возможности / О. Г. Исупова // *Демографическое обозрение*. — 2017. — № 1 (4). — С. 35—64.

15. *Киреева Д. М.* Происхождение теории концептуальной интеграции / Д. М. Киреева // *Мир науки, культуры, образования*. — 2012. — № 4 (35). — С. 78—80.

16. *Ковальчук Л. П.* Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера / Л. П. Ковальчук // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2011. — № 1 (8). — С. 97—101.

17. *Козловская Н. В.* Транстерминологизация в сфере искусственного интеллекта : к постановке вопроса о субтерминологии / Н. В. Козловская, А. С. Мусаева, Ю. В. Сложеникина // *Art Logos (искусство слова)*. — 2023. — № 3. — С. 98—118. — DOI: 10.35231/25419803_2023_3_98.

18. *Косова М. В.* Терминологизация как процесс переосмысления русской общепотребительной лексики : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / М. В. Косова. — Нижний Новгород, 2004. — 52 с.

19. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // *Язык и наука конца 20 века*. — Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. — С. 144—128.

20. *Купцова А. К.* Процесс межсистемного заимствования терминов в англоязычной терминологии менеджмента и логистики / А. К. Купцова // *Актуальные проблемы современных лингвистических исследований*. — Рязань : Узкоречье, 2012. — С. 222—226.

21. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 792 с. — ISBN 5-94457-129-2.

22. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : Едиториал УРСС, 2023. — 256 с. — ISBN 978-5-382-02047-1.

23. *Левина М. А.* Специфика формирования новых вторичных терминсистем отраслевой терминологии (на материале частноотраслевых терминов права русского и английского языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. А. Левина. — Саратов, 2013. — 23 с.

24. *Метафора* в дискурсе / Л. М. Алексеева, Н. П. Ивинских, С. Л. Мишланова, С. В. Полякова. — Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. — 244 с. — ISBN 978-5-7944-2239-9.

25. *Мишланова С. Л.* Терминоведение XXI века : история, направления, перспективы / С. Л. Мишланова // Филологические науки. — 2003. — № 2. — С. 94—101.

26. *Мишланова С. Л.* Фреймовый анализ терминологии миграционного права / С. Л. Мишланова, Н. В. Бисерова, А. А. Филиппова // Язык и культура. — 2020. — № 3. — С. 52—71. — DOI: 10.17223/19996195/51/3.

27. *Моногарова А. Г.* Современный англоязычный дискурс медиации : терминологическая составляющая и система прагматических стратегий : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / А. Г. Моногарова. — Пятигорск, 2017. — 30 с.

28. *Моногарова А. Г.* Транс терминологизация в языке медиации. Условия целесообразности использования транsterминов / А. Г. Моногарова, Е. И. Кобышева // *Juvenis scientia*. — 2016. — № 6. — С. 22—25.

29. *Петрова Е. В.* Основные этапы преодоления бесплодия с использованием программы вспомогательных репродуктивных технологий и ее модификаций / Е. В. Петрова, С. И. Михалевич // Вопросы аттестации и повышения квалификации. — 2012. — № 2. — С. 45—49.

30. *Поттер В. Р.* Биоэтика — мост в будущее / В. Р. Поттер. — Москва : Едиториал УРСС, 2010. — 370 с.

31. *Разводовская Я. В.* Семантика и структура терминов в подъяке репродуктивного здоровья (на материале английского, русского и белорусского языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Я. В. Разводовская. — Минск, 2017. — 29 с.

32. *Реймер М. В.* Биоэтика в культурной парадигме постмодернизма / М. В. Реймер // Биоэтика. Федеральный научно-практический журнал. — 2014. — № 10. — С. 13—16.

33. *Реймер М. В.* «Культурологический поворот» в современной биоэтике : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 24.00.01 / М. В. Реймер. — Волгоград, 2016. — 27 с.

34. *Рыженкова Т. В.* Специфика процесса транsterминологизации в отраслевой терминсистеме : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Т. В. Рыженкова. — Волгоград, 2001. — 22 с.

35. *Скребцова Т. Г.* Когнитивная лингвистика : классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. — 391 с. — ISBN 978-5-6040195-7-3.

36. *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX века / Ю. С. Сорокин. — Москва-Ленинград : Наука, 1965. — 570 с.

37. *Социальная биоэтика сквозь призму глобальной биоэтики* / Т. В. Мишаткина, С. Б. Мельнов, Т. Н. Цырда [и др.]. — Минск : ИВЦ Минфина, 2018. — 518 с. — ISBN 978-985-7205-25-7.

38. *Суперанская А. В.* Общая терминология : Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. — Москва : Наука, 1989. — 246 с. — ISBN 5-02-010952-5.

39. *Тарабрин Р.* Этические дилеммы суррогатного материнства : христианский дискурс в современном социокультурном контексте / Р. Тарабрин // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2020. — № 38 (4). — С. 123—144. — DOI: 10.22394/2073-7203-2020-38-4-123-144.

40. *Филатьева Т. В.* Семантический фрейм как элемент смыслообразования / Т. В. Филатьева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Философия. Психология. Педагогика. — 2023. — Т. 23. — № 2. — С. 169—174. — DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23-2-169-174.

41. *Хижняк С. П.* Новое в исследовании терминологических систем (на примере юридической терминологии) / С. П. Хижняк // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. — 2008. — № 1. — С. 92—99.

42. *Хомутова Т. Н.* Интегративная лингвистика : основы теории / Т. Н. Хомутова // Интегративная лингвистика. — Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2010. — С. 7—48.

43. *Чистюхина С. Н.* Межотраслевая полисемия в терминологической системе современного английского языка / С. Н. Чистюхина // Вестник Университета Российской Академии образования. — 2011. — № 1. — С. 80—83.

44. *Шиляев К. С.* Основные концепции когнитивной семантики / К. С. Шиляев. — Томск : Томский государственный университет, 2018. — 45 с.

45. *Широколобова А. Г.* Сопоставительный анализ способов образования английских и русских терминов дамбостроения / А. Г. Широколобова // Концепт. — 2014. — № 20. — С. 106—110.

46. *Яхнина Р. Р.* Алломорфизм и изоморфизм лексических параллелей в русском и английском языках (на материале технической терминологии) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.20 / Р. Р. Яхнина. — Казань, 2021. — 419 с.

47. *Budin G.* Semantic systems supporting cross-disciplinary environmental communication / G. Budin // Environmental Informatics and Systems Research. — Aachen : Shaker Verlag, 2007. — Pp. 23—27.

48. *Faber P.* Frames as a Framework for Terminology / P. Faber // Handbook of Terminology. — Amsterdam : John Benjamins, 2014. — Pp. 14—33.

49. *Fauconnier G.* Mental Spaces : Aspects of Meaning Construction in Natural Languages / G. Fauconnier. — Cambridge, MA : M.I.T. Press, 1994. — 240 p.

50. *Fauconnier G.* The Way We Think : Conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier. — New York : Basic Books, 2002. — 464 p.

51. *Fauconnier G.* Conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. — 1998. — Vol. 22. — № 2. — Pp. 133—187.

52. *Fauconnier G.* Polysemy and Conceptual Blending / G. Fauconnier, M. Turner // Polysemy : Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language. — Berlin & New York : Mouton de Gruyter, 2003. — Pp. 79—94.

53. *Gunpath R. P.* Surrogacy tourism : the ethical and legal challenges / R. P. Gunpath, K. A. Choong // International Journal of Tourism Sciences. — 2015. — Vol. 15 (1—2). — Pp. 16—21.

54. *Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things : What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. — Chicago : University of Chicago Press, 1987. — 614 p. — ISBN 0-226-46804-6.

55. *Lakoff G.* Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1984. — 256 p. — ISBN 0-226-46801-1.

56. *Roche C.* Ontoterminology : How to unify terminology and ontology into a single Paradigm / C. Roche // Proceedings of the Eighth International Conference on Language Resources and Evaluation, LREC 2012, Istanbul, Turkey, May 23—25, 2012. — Istanbul : European Language Resources Association (ELRA), 2012. — Pp. 2626—2630.

57. *Temmerman R. Towards New Ways of Terminology Description. The sociocognitive approach* / R. Temmerman. — Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins, 2000. — 258 p. — ISBN 9789027223265.

*Статья поступила в редакцию 27.01.2025,
одобрена после рецензирования 28.04.2025,
подготовлена к публикации 17.05.2025.*

Material resources

Glossary of tourism terms. Available at: <https://www.unwto.org/glossary-tourism-terms> (accessed 07.12.2024).

Medical Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com/medical> (accessed 07.12.2024).

References

Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2002). *Medical discourse: theoretical foundations and principles of analysis*. Perm: Perm State University. 220 p. ISBN 5-8241-0302-X. (In Russ.).

Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2023). Mobility of Contemporary Terminology. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 9—27. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-9-27>. (In Russ.).

Biryukova, M. B. (2004). *Integration of knowledge in bioethics*. PhD Diss. Barnaul. 181 p. (In Russ.).

Budin, G. (2007). Semantic systems supporting cross-disciplinary environmental communication. In: *Environmetal Informatics and Systems Research*. Aachen: Shaker Verlag. 23—27.

Burdina, O. B. (2024). Terminological processes in pharmaceutical discourse: socio-cognitive modelling. Author's abstract of Doct. Diss. Perm. 38 p. (In Russ.).

Buzheninov, A. E. (2014). Transterminologization as a type of terminological nomination (based on the material of the sublanguage of homeopathy). *In the world of science and art: issues of philology, art criticism and cultural studies*, 6 (37): 56—63. (In Russ.).

Chistyukhina, S. N. (2011). Intersectoral polysemy in the terminological system of modern English. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 1: 80—83. (In Russ.).

Dankova, T. N., Sivolapova, E. A. (2021). Involved terms in the modern Russian terminology of state and municipal administration. *Izvestiya VGPU*, 4 (293): 183—186. (In Russ.).

Faber, P. (2014). Frames as a Framework for Terminology. In: *Handbook of Terminology*. Amsterdam: John Benjamins. 14—33.

Fauconnier, G. (1998). Conceptual integration networks. *Cognitive Science*, 22 (2): 133—187.

Fauconnier, G. (1994). *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages*. Cambridge, MA: M.I.T. Press. 240 p.

Fauconnier, G., Turner, M. (2003). Polysemy and Conceptual Blending. In: *Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter. 79—94.

Fauconnier, G. (2002). *The Way We Think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books. 464 p.

- Filatueva, T. V. (2023). Semantic frame as an element of semantic formation. *Proceedings of the Saratov University. a new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 23 (2): 169—174. DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23-2-169-174. (In Russ.).
- Glebkin, V. V. (2013). Theory of conceptual integration. Fauconnier and M. Turner: the experience of system analysis. *Questions of Philosophy*, 9: 161—174. (In Russ.).
- Glinasky, N. P. (2020). Metaphorical and metonymic terms in the English language of psychology. *Cognitive studies of language*, 3 (42): 254—258. (In Russ.).
- Golovin, B. N. (1981). On the types of terminological systems and the grounds for their distinction. In: *The term and the word*. Gorky: Gorky Publishing House. University. 3—12. (In Russ.).
- Gorbunova, N. N., Archakov, R. A., Akhtaeva, L. A. (2020). Metaphorization as a basis for transterminologization in the field of subject terminology. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 3: 92—109. (In Russ.).
- Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A. (2021). Features of the development of terminology at the beginning of the XXI century. *Linguistics and education*, 1 (1): 49—70. DOI: 10.17021/2021.1.1.49.70. (In Russ.).
- Gunpath, R. P., Choong, A. (2015). Surrogacy tourism: the ethical and legal challenges. *International Journal of Tourism Sciences*, 15 (1—2): 16—21.
- Isupova, O. G. (2017). Assisted reproductive technologies: new opportunities. *Demographic overview*, 1 (4): 35—64. (In Russ.).
- Khizhnyak, S. P. (2008). New in the study of terminological systems (on the example of legal terminology). *News of higher educational institutions. The Volga region*, 1: 92—99. (In Russ.).
- Khomutova, T. N. (2010). Integrative linguistics: fundamentals of theory. In: *Integrative linguistics*. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center. 7—48. (In Russ.).
- Kireeva, D. M. (2012). The origin of the theory of conceptual integration. *The world of science, culture, and education*, 4 (35): 78—80. (In Russ.).
- Kosova, M. V. (2004). *Terminologization as a process of rethinking Russian common vocabulary*. Author's abstract of Doct. Diss. Nizhny Novgorod. 52 p. (In Russ.).
- Kovalchuk, L. P. (2011). Theory of conceptual integration. Fauconnier and M. Turner. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 1 (8): 97—101. (In Russ.).
- Kozlovskaya, N. V., Musayeva, A. S., Sumenikina, Yu. V. (2023). Transterminologization in the field of artificial intelligence: towards raising the question of subterminology. *Art Logos (the art of words)*, 3: 98—118. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_98. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1995). The evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century (the experience of paradigmatic analysis). In: *Language and science of the late 20th century*. Moscow: Russian State Humanities. Univ. 144—128. (In Russ.).
- Kuptsova, A. K. (2012). The process of intersystem borrowing of terms in the English terminology of management and logistics. In: *Actual problems of modern linguistic research*. Ryazan: Uzkorechye Publ. 222—226. (In Russ.).
- Lakoff, G. (1984). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press. 256 p. ISBN 0-226-46801-1.
- Lakoff, G. (1987). *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press. 614 p. ISBN 0-226-46804-6.
- Lakoff, J., M. Johnson. (2023). *Metaphors that we live by*. Moscow: Unified URSS. 256 p. ISBN 978-5-382-02047-1. (In Russ.).

- Lakoff, J. (2004). *Women, fire and dangerous things: What the categories of Language tell us about Thinking*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 792 p. ISBN 5-94457-129-2. (In Russ.).
- Levina, M. A. (2013). *The specifics of the formation of new secondary terminological systems of industry terminology (based on the material of private industry terms of law in Russian and English)*. Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 23 p. (In Russ.).
- Metaphor in discourse*. (2013). Perm: Perm State National University. research. Univ. 244 p. ISBN 978-5-7944-2239-9. (In Russ.).
- Mishlanova, S. L., Biserova, N. V., Filippova, A. A. (2020). Frame analysis of terminology of migration law. *Language and culture*, 3: 52—71. DOI: 10.17223/19996195/51/3. (In Russ.).
- Mishlanova, S. L. (2003). Terminology of the XXI century: history, directions, prospects, *Philological Sciences*, 2: 94—101. (In Russ.).
- Monogarova, A. G. (2017). *Modern English-language mediation discourse: terminological component and system of pragmatic strategies*. Author's abstract of PhD Diss. Pyatigorsk. 30 p. (In Russ.).
- Monogarova, A. G. (2016). Transterminologization in the language of mediation. Conditions for the expediency of using transtermines. *Juvenis scientia*, 6: 22—25. (In Russ.).
- Petrova, E. V. (2012). The main stages of overcoming infertility using the program of assisted reproductive technologies and its modifications. *Issues of certification and advanced training*, 2: 45—49. (In Russ.).
- Potter, V. R. (2010). *Bioethics — a bridge to the future*. Moscow: Unified URSS. 370 p. (In Russ.).
- Razvedovskaya, Ya. V. (2017). *Semantics and structure of terms in the sublanguage of reproductive health (based on the material of English, Russian and Belarusian languages)*. Author's abstract of PhD Diss. Minsk. 29 p. (In Russ.).
- Reimer, M. V. (2016). "Cultural turn" in modern bioethics. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 27 p. (In Russ.).
- Reimer, M. V. (2014). Bioethics in the cultural paradigm of postmodernism. *Bioethics. Federal Scientific and Practical Journal*, 10: 13—16. (In Russ.).
- Roche, C. (2012). Ontoterminology: How to unify terminology and ontology into a single Paradigm. In: *Proceedings of the Eighth International Conference on Language Resources and Evaluation, LREC 2012, Istanbul, Turkey, May 23—25, 2012*. Istanbul: European Language Resources Association (ELRA). 2626—2630.
- Ryzhenkova, T. V. (2001). *Specifics of the transterminologization process in the industry terminological system*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 22 p. (In Russ.).
- Shilyaev, K. S. (2018). *Basic concepts of cognitive semantics*. Tomsk: Tomsk State University. 45 p. (In Russ.).
- Shirokolobova, A. G. (2014). Comparative analysis of the methods of formation of English and Russian terms of dam construction. *Concept*, 20: 106—110. (In Russ.).
- Skrebtsova, T. G. (2018). *Cognitive linguistics: classical theories, new approaches*. Moscow: YASK Publishing House. 391 p. ISBN 978-5-6040195-7-3. (In Russ.).
- Social bioethics through the prism of global bioethics*. (2018). Minsk: IVC Minfina. 518 p. ISBN 978-985-7205-25-7. (In Russ.).
- Sorokin, Yu. S. (1965). *The development of the vocabulary of the Russian literary language in the 30—90s of the XIX century*. Moscow-Leningrad: Nauka. 570 p. (In Russ.).

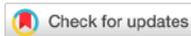

- Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., Vasilyeva, N. V. (1989). *General terminology Questions of theory*. Moscow: Nauka Publ. 246 p. ISBN 5-02-010952-5. (In Russ.).
- Tarabrin, R. (2020). Ethical dilemmas of surrogacy: Christian Discourse in a Modern Socio-cultural Context. *State, Religion, Church in Russia and abroad*, 38 (4): 123—144. DOI: 10.22394/2073-7203-2020-38-4-123-144. (In Russ.).
- Temmerman, R. (2000). *Towards New Ways of Terminology Description. The sociocognitive approach*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 258 p. ISBN 9789027223265.
- Weinrich, U. (1979). *Language contacts: the state and problems of research*. Kiev: Vishcha Shkola Publ. 262 p. (In Russ.).
- Yakhnina, R. R. (2021). *Allomorphy and isomorphy of lexical parallels in Russian and English (based on technical terminology)*. Doct. Diss. Kazan. 419 p. (In Russ.).
- Ziyangirova, E. L. (2020). *The main trends in the development of terminological tools of the metalanguage of legal linguistics*. Author's abstract of PhD Diss. Ufa. 21 p. (In Russ.).

*The article was submitted 27.01.2025;
approved after reviewing 28.04.2025;
accepted for publication 17.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Андреева В. А. Сюжет и композиция : временные и вневременные отношения в малоформатном немецкоязычном литературном нарративе / В. А. Андреева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 38—54. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-38-54.

Andreeva, V. A. (2025). Plot and Composition: Temporal and Atemporal Relationships in Short German-Language Literary Narratives. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 38-54. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-38-54. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Сюжет и композиция: временные и вневременные отношения в малоформатном немецкоязычном литературном нарративе

Андреева Валерия Анатольевна
orcid.org/0000-0002-3433-4792
доктор филологических наук,
профессор
кафедры немецкой филологии
valeryandreeva@gmail.com

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Plot and Composition: Temporal and Atemporal Relationships in Short German-Language Literary Narratives

Valeriya A. Andreeva
orcid.org/0000-0002-3433-4792
Doctor of Philology, Professor,
Department of German Philology
valeryandreeva@gmail.com

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье предпринимается попытка переосмысления традиционных понятий поэтики с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы. Сюжет и композиция рассматриваются как элементы нарратива и соотносятся с его антропоцентрами — нарратором, абстрактным автором и абстрактным читателем. Результаты исследования базируются на анализе корпуса текстов немецкоязычной малоформатной прозы, что позволяет сделать выводы о жанровых особенностях сюжета и композиции короткого рассказа. Нарративный метод интерпретации материала позволил установить, что сюжет и композиция базируются соответственно на временных и вневременных отношениях. Подчеркивается, что сюжет отражает каузальную детерминацию частей (эпизодов) нарратива, композиция — функционально-прагматическую, что позволяет отнести сюжет к фиктивному уровню коммуникативной структуры нарратива, а композицию — к абстрактному. Доказано, что бессобытийность сюжета короткого рассказа блокирует доступ к событийности нарратива, которая рассматривается в нарратологии как специфический признак нарратива. Установлено, что событийность малоформатного нарратива формируется на оси композиции, которая содержит прагматические сигналы, складывающиеся в интерпретационную программу, отражающую представления автора об интерпретационных возможностях читателя. Автор приходит к выводу о том, что именно композиция, а не бессобытийный сюжет короткого рассказа обеспечивает необходимый признак нарратива, находящийся выражение в нарративном пуанте.

Ключевые слова:

сюжет; композиция; малоформатная проза; нарратив; событийность, нарративный пуант; Кёттер; Биксель; Марти.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article attempts to reconceptualize traditional notions of poetics from the perspective of a cognitive-discursive paradigm. Plot and composition are examined as integral elements of narrative, relating them to its anthropocentric components — the narrator, the abstract author, and the abstract reader. The findings are based on an analysis of a corpus of German-language short prose, allowing for conclusions regarding the genre-specific characteristics of plot and composition in short stories. The narrative method of material interpretation reveals that plot and composition are grounded in temporal and atemporal relationships, respectively. It is emphasized that the plot reflects the causal determination of parts (episodes) of the narrative, while composition pertains to its functional-pragmatic aspects. This distinction positions the plot within the fictional level of the communicative structure of the narrative, whereas composition aligns with the abstract level. It is demonstrated that the lack of eventfulness in the plot of a short story obstructs access to the narrative's eventfulness, which is regarded in narratology as a distinctive feature of narrative. Furthermore, it is established that the eventfulness of short narratives is shaped along the axis of composition, which contains pragmatic signals that coalesce into an interpretative framework reflecting the author's perceptions of the reader's interpretative possibilities. The author concludes that it is indeed composition, rather than the eventless plot of the short story, that provides the essential criterion for narrative, expressed through the narrative punch.

Key words:

plot; composition; short prose; narrative; eventfulness; narrative punch; Kötter; Bickel; Marti.

УДК 81'42+82.091

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-38-54

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.3. Теория литературы

Сюжет и композиция: временные и вневременные отношения в малоформатном немецкоязычном литературном нарративе

© Андреева В. А., 2025

1. Введение = Introduction

Сюжет и композиция представляют собой, с одной стороны, традиционный, а значит, хорошо изученный объект исследования (ср.: [Кожин, 1984; Палиевский, 1979; Томашевский, 1996; Хализев, 2013 и др.]), с другой — важный инструмент интерпретации литературно-повествовательного текста, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, посвященные анализу «сюжетно-композиционной структуры», «сюжетно-композиционной организации», «сюжетно-композиционного своеобразия» и т. п. отдельных литературно-повествовательных текстов, жанров и целых направлений (ср.: [Артамонова, 2019; Воронович, 2021; Джашаева, 2022; Пименова, 2022; Папенкова, 2020; Рожкова, 2023; Трофимова, 2021 и др.]). Изученность объекта исследования не означает, однако, запрета на попытки взглянуть на него с нового ракурса, с тем чтобы увеличить его «добавочную стоимость» и эвристический потенциал при использовании в анализе конкретного материала.

Цель настоящей статьи состоит, таким образом, в переосмыслении названных категорий поэтики повествовательного текста с позиций когнитивно-дискурсивного подхода. Сюжет и композиция рассматриваются в статье как элементы нарратива в связи с другими нарративными категориями, прежде всего с его антропоцентрами (абстрактный автор, абстрактный читатель, нарратор), что позволяет выявить их место в нарративном конструировании жанра короткого рассказа.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала исследования используются немецкоязычные короткие рассказы второй половины XX века. Нарративная интерпретация категорий «композиция» и «сюжет», предписывающая учет их отнесенно-

сти к различным уровням коммуникативной структуры нарратива и, соответственно, к его разным антропоцентрам, позволяет выявить специфику сюжета и композиции малоформатного литературного нарратива.

Традиционные категории поэтики рассматриваются в статье с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы, которая предложила новый ракурс видения текста как основной единицы коммуникации: текст как артефакт является лишь одной из составляющих коммуникативного события, представляя собой его интратекстовый уровень. Другими составляющими коммуникативного события являются участники коммуникации (актерский уровень коммуникативного события), а также исторический и социально-культурный контекст, в котором разворачивается коммуникация (транстекстовый уровень коммуникативного события), ср. модель DIMEAN [Spitzmüller et al., S. 201]. Из этого следует, что смысловая завершенность текста (или его когерентность) не имманента ему, она формируется в результате его «разгерметизации» при выходе в пространство коммуникативного события, являясь результатом интеракции автора и читателя. Как писал М. М. Бахтин, «событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин].

В случае художественной коммуникации речь не идет о конкретных (реальных, биографических) участниках коммуникативного события, которое разворачивается в условиях временной и пространственной разобщенности конкретных лиц, что делает их учет для интерпретации процессов смыслопорождения и смысловосприятия нерелевантным [Андреева, 2022, с. 38—39].

Для понимания этих процессов особое значение имеет концепция абстрактного автора, которая опирается на идею «внеаходимого» присутствия в тексте «вне изображенных хронотопов, а как бы по касательной к ним» [Бахтин, 1975, с. 403] автора произведения как источника заключенного в нем художественного послания. «Внеаходимое» присутствие автора в произведении обеспечивает ему возможность «остраненного» взгляда на созданный им повествуемый мир, который является результатом актуализации «его творческой ментально-речевой функциональности» [Гончарова, 2022, с. 23].

Не имея в тексте собственной речевой партии, автор тем не менее обнаруживает себя в его языковой данности посредством семантических взаимосцеплений текстовых элементов разных уровней, образующих текстовые изотопии. Текстовые изотопии складываются в некую интерпретационную программу, которая воплощает представления автора об образцовом (абстрактном) читателе: «...всякий текст есть некое синтактико-семантико-прагматическое устройство, чья предвидимая интерпретация есть часть

самого процесса его создания» [Эко, 2005, с. 25]. Реальный читатель, способный следовать этой программе, формирует свою версию смысла текста.

Сюжет и композиция рассматриваются и интерпретируются в статье как элементы нарратива, связанные с его повествовательными инстанциями и участвующие в формировании той самой интерпретационной программы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В интенционал значения терминов *сюжет* и *композиция* входит представление о членимости текста, его делении на связанные между собой части, то есть о структуре текста. Эти категории часто объединяют в единый комплекс, как-то: «сюжетно-композиционная структура», «сюжетно-композиционная организация», «сюжетно-композиционное построение» текста (см.: Введение). А между тем в основе сюжета и композиции лежат разные основания членения текста, они имеют отношение к разным уровням коммуникативной структуры нарратива и, соответственно, к разным повествовательным инстанциям и, наконец, диктуют разные способы рецепции текста.

3.1. Основания членения текста

Сюжет представляет собой линейное членение текста, в основе которого лежат **временные** отношения частей (эпизодов): «Идеальный рассказ начинается с некоторого устойчивого положения, которое затем нарушается действием какой-то силы. Возникает состояние неравновесия; благодаря действию некоторой противоположной силы равновесие восстанавливается; новое равновесие подобно исходному, но они никогда не тождественны» [Тодоров, 1978, с. 453].

При этом временные отношения отражают не только последовательность изменений, но и причины, вызвавшие их, поскольку причина, как правило, предшествует следствию. Поэтому можно говорить о темпорально-каузальной основе сюжетного построения нарратива. В силу линейности вербального развертывания сюжета последовательность частей (эпизодов) не всегда отражает «естественный» ход вещей, возможны также и разнообразные перестановки (пермутации).

Композиция представляет собой членение текста, основанное на **вневременных** отношениях. При этом основанием для возникновения связей между частями (эпизодами) является не темпорально-каузальная (как в случае сюжета), а функционально-прагматическая детерминация, фокусирующая внимание читателя не на вопросе «почему это произошло», а на вопросе «для чего надо было этому произойти», который указывает на то, что в тексте подстроено, то есть на вымысел, ср.: [Женетт, т. 1, с. 320].

3.2. Отношение к уровню коммуникативной структуры нарратива

Сюжет имеет отношение к нарратору (фиктивный уровень коммуникативной структуры), представляющему собой фиктивную повествовательную инстанцию. Речь нарратора нереальна, но аутентична [Scheffel, 1997, S. 35—38]. Позиция нарратора как посредника между повествуемым миром и читателем формирует систему «я-здесь-сейчас», с опорой на которую последний ориентируется в фиктивном хронотопе. Нарратор может быть частью этого хронотопа (диегетический тип) или находиться вне его (недиегетический тип). Он может быть как эксплицитным («я»-повествование), так и имплицитным («он»-повествование). При этом нет прямой корреляции между типом повествователя и его выраженностью. Кроме того, через включение в повествование точек зрения персонажей (или отдельных планов их точки зрения — пространственно-временного, перцептивного, оценочного, языкового) нарратор может управлять перспективой повествования, меняя ракурс видения повествуемых событий.

Композиция имеет отношение к абстрактному автору, речь которого реальна, но неаутентична [Там же]. За композиционным членением текста стоит именно абстрактный автор, косвенно обнаруживая себя во взаимосцеплениях частей текста: «Композиция — это дисциплинирующая сила и организатор произведения. Ей поручено следить за тем, чтобы ничто не вырывалось в сторону, в собственный закон, а именно сопрягалось в целое и поворачивалось в дополнение его мысли. Поэтому она не принимает обычно ни логической выводимости и соподчинения, ни простой жизненной последовательности, хотя и бывает на неё похожа; её цель — расположить все куски так, чтобы они замыкались в полное выражение идеи» [Палиевский, 1079, с. 10].

3.3. Особенности рецепции текста

Рецепция текста, ориентированная исключительно на сюжет, является наиболее простым (поверхностным) способом взаимодействия читателя с текстом. Следуя развитию сюжета, читатель фокусируется на каузальной детерминации повествуемых событий и, как следствие, отказывается «от недоверчивости и незаинтересованности в том, что касается действительности» [Женетт, т. 2, с. 342—343], то есть принимает условия фикциональной игры. Именно это имеет в виду У. Эко, когда пишет: «Пусть мы имеем дело с миром совершенно ирреальным, в котором ослы летают, а принцессы оживают от поцелуя. Но при всей произвольности и нереалистичности этого мира должны соблюдаться законы, установленные в самом его начале» [Эко, 1988, с. 93].

Рецепция текста, ориентированная на композицию, требует от читателя активного творческого «со-участия», без которого невозможно дости-

жение художественной завершенности как квинтэссенции художественности — эстетического качества литературного произведения. По отношению к автору художественная завершенность реализуется в осуществлении его творческого замысла, по отношению к читателю — как действенное художественное впечатление (или актуализация определенных эстетических установок у читателя) и, наконец, по отношению к тексту — как определенный способ типизации [Тюпа, 1987, с. 4—6].

Важной категорией рецепции текста, которая учитывает композиционную организацию текста, является категория эквивалентности: «Эквивалентность противопоставляет нарративной последовательности повествуемой истории вневременные отношения. Она утверждает симультанную, своего рода пространственную соотнесенность элементов, далеко отстоящих друг от друга на синтагматической оси текста или на временной оси повествуемой истории» [Шмид, 2008, с. 231]. Эквивалентность предполагает одновременное равенство сопоставимых частей текста (эпизодов, персонажей, описаний, лексических сочетаний, синтаксических структур, звуковых / буквенных последовательностей) по одним и неравенство по другим признакам, что позволяет делать вывод о смысловых приращениях, возникающих в процессе разворачивания сюжета, и строить предположения относительно интенций автора.

3.4. Особенности сюжета и композиции малоформатного литературного нарратива

Одной из особенностей малоформатной прозы является непритязательность фабулы. Повествование в коротком рассказе, как правило, разворачивается вокруг обыденных жизненных ситуаций:

1) Получив диплом экономиста, молодая женщина пытается сделать карьеру. Она принимает решение уволиться всякий раз, если ее не устраивают условия работы. Подавая в очередной раз заявление об увольнении из солидной фирмы прежде всего из-за несносного характера своего шефа, она получает от него предложение руки и сердца, которое принимает, выбирая виллу, машину, солидный счет в банке. Став домохозяйкой, героиня вынуждена терпеть придирки свекрови и приступы немотивированного гнева своего мужа. Она чувствует себя несчастной, но так и не решается изменить свое положение, так как ждет ребенка [Kötter, 1994].

2) Герой, коротая время, расписывает новую ручку и случайно выводит фразу „*Es ist mir hier zu kalt. Ich gehe nach Lateinamerika*“ (Мне здесь слишком холодно. Я уезжаю в Латинскую Америку). Он ставит под ней свое имя, и случайно написанная фраза превращается в прощальную записку. Герой представляет себе, как отреагирует на нее его жена, не застав мужа дома. Его размышления обрываются, как только жена возвращается домой

после репетиции церковного хора и спрашивает с порога, спят ли их дети [Bichsel, 2003].

3) Фабричный рабочий огораживает свой участок высоким забором, чтобы не видеть из окна дома ненавистную фабрику, на которой он работает почти всю жизнь. Тяжело заболев, он вынужден оставить работу. По его просьбе сосед постепенно разбирает забор, чтобы больной мог видеть из окна своего дома фабрику. Когда его взору открываются двор фабрики, офисное здание и цеха, он, наконец, успокаивается и тихо умирает в своей постели [Marti, 2003].

Сюжет, передающий фавулу, разворачивается в коротких рассказах в соответствии с хронологией действия. Источником наррации может быть любой известный тип повествователя. Причем небольшой формат текста не является препятствием для смены ракурсов видения повествуемой истории, то есть включения в текст нарратора точки зрения персонажа или ее отдельных планов / аспектов.

Сюжетная незамысловатость коротких рассказов ставит под сомнение такой неотъемлемый признак нарратива, как событийность, которая наряду с опосредованностью относится к онтологическим характеристикам нарратива [Андреева, 2019, с. 68—69]. Его смыслопорождающий потенциал заключается в свидетельствовании о каком-либо происшествии или какой-либо ситуации как о событии, что возможно лишь в случае, если происшествие или ситуация ведут к изменениям, значимым для человека, существенно влияя на его дальнейшую жизнь: «Это — вежа, а иногда и поворотный пункт на жизненном пути. Это — зарубка на шкале жизненных уровней, отмечающая высоту взлета или глубину падения. Событие нельзя не заметить» [Арутюнова, 1999, с. 509].

Рецепция текста, фокусирующаяся исключительно на сюжете, блокирует доступ к событийности короткого рассказа как внедренному в него смыслу, который раскрывается лишь при переносе фокуса внимания с сюжета на композицию, устанавливающую разнообразные вневременные отношения между сюжетообразующими фрагментами текста. Предпосылкой для формирования вневременных связей между фрагментами текста являются отношения эквивалентности, которые базируются на совпадении их отдельных признаков (тематических, персональных, хронотопических и формальных) при несовпадении других. Различия сигнализируют о значимых изменениях ситуации и маркируют, таким образом, события. Иными словами, событийность короткого рассказа формируется на оси композиции, а не на оси сюжета. Композиция является тем фактором, который обеспечивает интеракцию автора и читателя, открывает доступ к смыслу текста.

Важным элементом композиции, ее креативным аттрактором является заголовок. Хотя заголовок находится вне текста нарратора (то есть как элемент композиции соотносим прежде всего с абстрактным уровнем коммуникативной структуры нарратива), его проекции тем не менее эксплицитно, а чаще имплицитно присутствуют в нем, а его смысл в полной степени раскрывается во взаимодействии с текстом.

Так, например, заголовок рассказа И. Кёттер *Kündigungsgedanken* (*Мысли об увольнении*) входит в состав предложения, повторяющегося как рефрен в тексте рассказа. Это предложение равно абзацу, организованному с помощью цезуры, отмеченной знаком тире, и анжамбемана, фокусирующего внимание на глаголе действия *kündigen*:

*Sie trägt sich mit Kündigungsgedanken —
kündigt.* (*Она вынашивает мысль об увольнении —
увольняется*) [Kötter, 1994, S. 128]

Это предложение повторяется трижды буквально, в четвертый же раз сформированный автоматизм разрушается и глагол *kündigen* используется как переходный в другом лексико-семантическом варианте:

*Sie trägt sich mit Kündigungsgedanken —
kündigt dem armen Studenten ihre Freundschaft und heiratet Auto, Haus,
komplette Wohnungseinrichtung und ein fettes Bankkonto.*

(*Она вынашивает мысль об увольнении —
отказывает бедному студенту в своей дружбе и выходит замуж за
авто, дом, полностью укомплектованную кухню и жирный счет в банке*)
[Kötter, 1994, S. 129].

Структурно-смысловой сдвиг в повторе маркирует семантическую границу и членит текст на две части, которые связаны как два этапа жизни героини: профессиональная жизнь до замужества и жизнь замужней женщины. На оси сюжета эти части связаны темпорально, на оси композиции они обнаруживают целый набор тематических и формальных эквивалентностей, открывающих доступ к смыслу текста.

Во второй части истории героиню настигают все те обстоятельства, из-за которых она в первой части решительно увольнялась из одной фирмы и переходила в другую: свекровь героини, как это раньше в офисе делали ее коллеги, хозяйничает на образцово оборудованной кухне, дает ей поручения и постоянно приводит в пример бывшую жену сына, неуравновешенный муж героини, впадая в гнев, бьет фарфоровую посуду, как раньше разбивал офисную технику, и приударяет за молоденькими сотрудницами, как это делал пожилой шеф в одной из фирм, из которой в свое время героиня уволилась.

Эквивалентные отношения между композиционными частями маркируют лексические повторы (сцепления) имен прилагательных, суще-

ствительных и глаголов. Обращает на себя внимание переосмысление антонимичных прилагательных *hell* и *dunkel* (*светлый* и *темный*), которые в лексикографических источниках не имеют стилистических помет, но по ходу повествования приобретают оценочную семантику: сначала эти прилагательные характеризуют офисные помещения, затем используются для характеристики людей: *in dem dunklen, hässlichen Büro* (в темном, ужасном бюро) — *ihre alte, dunkle Schwiegermutter* (ее старая, темная, в данном случае «мрачная», «недобрая», свекровь); *ein neuer heller Arbeitsplatz* (новое, светлое рабочее место) — *helle, neue weibliche Angestellte* (светлые, новые сотрудницы).

В концовке рассказа опять воспроизводится рефрен, однако вместо глагольного сочетания *sich mit dem Gedanken tragen* (вынашивать мысль) используется эвфемизм *ein Kind tragen* (вынашивать ребенка, быть беременной), причем составляющие фразеологизма разделены знаком многоточия. С помощью тире и анжамбемана в позиции выдвигения оказывается глагол *kündigen* в сочетании с отрицанием *nicht*, фиксирующим отказ героини от действия.

Так, благодаря взаимодействию осей композиции и сюжета как носителей вневременных и временных отношений открывается доступ к авторскому посланию, которое обращает внимание читателя на положение дел в обществе, при котором женщина часто не имеет выбора для своей реализации в профессиональной и частной сферах, а также на влияние навязываемых женщине социумом клише в принятии решений.

Связь заголовка с текстом нарратора в рассказе П. Бикселя *San-Salvador* (*Сан-Сальвадор*) представляется менее очевидной. Собственно, соотнести его можно только с упоминанием Латинской Америки в «прощальном» письме протагониста. Возникает вопрос, почему выбор автора пал на столицу Сальвадора, а не какого-то другого латиноамериканского государства. Ответ на этот вопрос можно было бы связать с этимологией топонима: в переводе с испанского Сан-Сальвадор означает «Святой Спаситель». По одному из бытующих представлений, Колумб назвал так первую землю, которую увидел после долгого и изнурительного путешествия через океан. Возникает вопрос, насколько полезна эта информация для рецепции текста, сюжет которого не отмечен событийностью, что, определенно, блокирует доступ к его смыслу.

Перенос внимания с сюжета на композицию позволяет увидеть в тексте два мира, «реальный» и воображаемый: в «реальности» герой добросовестно ожидает возвращения жены с репетиции, в воображении же он уходит из семьи. Объединяет эти эпизоды образ жены Пауля Хильдегарта, прежде всего двукратное описание ее жеста (*Sie strich sich die Haare aus*

dem Gesicht / Она убрала волосы с лица): если в воображаемом мире этот жест символизирует примирение героини с фактом ухода из семьи мужа, то в реальном мире это рутинный жест, который настолько хорошо известен Паулю, что он может его предугадать. Эквивалентность названных композиционных частей текста позволяет предположить, что речь идет о смутной тревоге протагониста, которую он еще не осознает в полной мере. Тревога эта связана со сформировавшейся в молодой семье рутинной, способной разрушить любовь, которую надо постараться спасти.

И наконец, в третьем из упомянутых рассказов *Neapel sehen* (*Увидеть Неаполь*) известного швейцарского писателя К. Марти маркером связи текста и заголовка является глагол *sehen* (видеть). Само название отсылает к прецедентному тексту: итальянской пословице *Vide Napoli e po tuore* (*Увидеть Неаполь и умереть*), говорящей о некоем объекте или действии как средоточии или пределе мечтаний человека. В рассказе герой примиряется со своей тяжелой жизнью и тихо умирает, после того как наконец видит из окна фабрику, на которой проработал 40 лет.

Визуально текст рассказа представляет собой один абзац (жизнь как один эпизод), в котором тем не менее можно обнаружить семантическую границу, композиционно разделяющую его на две сопоставимые части. Эта граница маркирована предложением, начинающимся с темпорального наречия *dann*: *Dann wurde er krank...* (*А потом он заболел...*). В первой части спрессованы сорок лет жизни протагониста (стяжение времени), во второй — короткий отрезок его болезни и смерть (растяжение времени). Темой и лейтмотивом первой части является ненависть главного героя к фабрике. Причем он ненавидит не только фабрику за тяжелый и беспросветный труд, но и людей — жену, врача, мастера, которые обращают его внимание на то, что тяжелая работа сказывается на его здоровье, и советуют ему отказаться от сдельщины. Ненавидя фабрику, он тем не менее не хочет терять заработок, который позволил ему купить небольшой участок земли, построить на нем дом, возвести высокий забор, чтобы не видеть ненавистную фабрику. Чтобы показать масштаб ненависти главного героя, аукториальный повествователь помещает в зачин девяти из одиннадцати предложений, составляющих первую часть истории, структуру с глаголом *hassen* (*Er hasste... / Он ненавидел...*) в сочетании с прямым дополнением, обозначающим объект его ненависти, и с последующим придаточным предложением, уточняющим связь объекта ненависти с фабрикой, например: *Er hasste die Fabrik. Er hasste die Maschine, an der er arbeitete* (Он ненавидел фабрику. Он ненавидел станок, на котором он работал). Примечательно, что зачином для аккумуляции повторов, усиливающих семантику глагола *hassen* (*ненавидеть*), является нераспространенное предложение

Er hasste die Fabrik (в немецкой грамматике для предложений этого типа встречается термин *der nackte Satz* = оголенное предложение).

Во второй части рассказа герой требует разобрать стену, чтобы видеть фабрику, на которой сосредотачивается его последнее в жизни желание. Когда он наконец видит «свою» фабрику (*seine Fabrik*), то успокаивается, лицо его проясняется и он умирает: *Als er die Büros sah, die Kantine und so das gesamte Fabrikareal, entspannte ein Lächeln die Züge des Kranken. Er starb nach einigen Tagen (Когда больной увидел административные помещения, столовую и фабричную территорию целиком, улыбка смягчила его черты. Он умер через несколько дней).*

Так чувство ненависти обращается в свою противоположность. Эквивалентные отношения между двумя композиционными частями текста маркируются, в частности, с помощью существительных *Fabrik* и *Frau*, которые вопреки своей грамматической семантике (имя неодушевленное / имя одушевленное) образуют сцепление благодаря смене определенного артикля на притяжательное местоимение в первом случае, а затем притяжательного местоимения на определенный артикль (*die Fabrik* / *seine Frau* в первой части и *seine Fabrik* / *die Frau* — во второй).

Перенос фокуса с сюжета на композицию позволяет распознать горькую иронию автора по поводу ситуации, которая описывается в социальной психологии с помощью понятия «отчуждение» как состояния чуждости индивида по отношению к окружающему миру и к себе самому в данном случае в условиях «системы выжимания пота» (англ. *sweating system*) в индустриальном обществе.

Как известно, короткий рассказ как жанр генетически связан с жанром новеллы, сюжетную основу которой составляет, по выражению Й. В. Гёте, «случившееся неслыханное происшествие» (*eine sich ereignete unerhörte Begebenheit*) [Eckermann]. На языке современной нарратологии это происшествие представляет собой событийное разрешение некоего осложнения, или нарративный пуант. Как показал анализ, особенностью короткого рассказа является бессобытийный сюжет, а его нарративный пуант формируется не на оси сюжета, а на оси композиции. Это обстоятельство неизбежно сказывается на факторе адресата, материализующемся в интерпретационной программе, «внедренной» в текст не нарратором как фиктивной инстанцией, а абстрактным автором, симптомами «внеаходимого» присутствия которого в тексте является система прагматических фокусов, выявляемых лишь на уровне композиции, а не бессобытийного сюжета. Реальный читатель, не способный переключаться с сюжета на композицию, вряд ли, сможет распознать нарративный пуант короткого рассказа, содержание которого ориентировано на эпизоды из обыденной жизни обычных людей.

Именно его композиция дает остранный взгляд на эту жизнь, способствует достижению действенного художественного впечатления от прочитанного текста.

4. Заключение = Conclusions

Итак, сюжет и композиция играют разную роль в формировании малоформатного повествовательного текста: в их основе лежат различные основания членения текста на относительно самостоятельные фрагменты (эпизоды); они соотносятся с разными коммуникативными уровнями нарратива и диктуют разные способы его рецепции. Различается и их «вклад» в событийность текста. Традиционно событийность как один из онтологических признаков нарратива, отличающих его от простого отчета (речевого жанра, основу которого составляют не события, а факты), представляется как последовательность нарушений одного устойчивого положения и перехода к новому устойчивому положению, то есть как цепочка изменений. Эта последовательность образует сюжет, который, как показал анализ малоформатной прозы, совсем не обязательно делает повествование событийным. Событийность короткого рассказа как жанра проявляется только на оси композиции, где формируется нарративный пуант, представляющий собой событийное разрешение некоего осложнения в повествуемом действии, что неизбежно затрудняет рецепцию текста и декодирование его смысла. Это обстоятельство можно рассматривать в качестве одного из жанрообразующих факторов малоформатного нарратива. Поскольку сюжет и композиция представляют собой лишь часть нарративной конструкции малоформатного литературного нарратива, имеет смысл в будущем включить их в исследование нарративного конструирования жанра короткого рассказа, что позволит уточнить существующие представления о жанровых стратегиях нарратива.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Bichsel P. San Salvador / P. Bichsel // Klassische deutsche Kurzgeschichten. Werner Bellmann (Hrsg.). — Stuttgart : Reclam, 2003. — S. 271—273. — ISBN 978-3150182512.*
2. *Kötter I. Kündigungsgedanken / I. Kötter // Ursula Hermes : Kurzgeschichten — einmal anders. — Herning : Verlag Systime, 1994. — S. 128—129. — ISBN 87-7783-407-0.*
3. *Marti K. Neapel sehen / K. Marti // Klassische Deutsche Kurzgeschichten. Werner Bellmann (Hrsg.). — Stuttgart : Reclam, 2003. — S. 251. — ISBN 978-3150182512.*

Литература

1. *Андреева В. А. Литературный нарратив : зона формирования смыслов / В. А. Андреева. — Казань : Бук, 2019. — 320 с. — ISBN 978-5-00118-255-9.*

2. Андреева В. А. В поисках смысла : гипотеза дискурсивной гетерогенности художественного повествовательного текста / В. А. Андреева // Художественный текст. Формулы смысла. — Москва : Флинта, 2022. — С. 38—61. — ISBN 978-5-9765-5081-0.
3. Артамонова Т. Г. Сюжетно-композиционное своеобразие романа Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» / Т. Г. Артамонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — С. 378—382. — DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.78>.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 911 с. — ISBN 5-7859-0027-0.
5. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная лит, 1975. — 504 с.
6. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. — Режим доступа : <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/probltext.html#1> (дата обращения 21.01.2025).
7. Воронович Е. В. Общество станковистов : композиционные и сюжетные параллели / Е. В. Воронович // Манускрипт. — 2021. — Т. 14. — С. 2439—2445.
8. Гончарова Е. А. Синергия разных видов речи в структуре художественного повествовательного текста / Е. А. Гончарова // Художественный текст. Формулы смысла. — Москва : Флинта, 2022. — С. 15—37. — ISBN 978-5-9765-5081-0.
9. Джапашева М. Б. Сюжетно-композиционные особенности романа Захара Прилепина «Черная обезьяна» / М. Б. Джапашева // Уральский филологический вестник. — 2022. — № 1. — С. 137—144. — DOI: [10.26170 / 2306-7462_2022_01_12](https://doi.org/10.26170/2306-7462_2022_01_12).
10. Женетт Ж. Правдоподобие и мотивация / Ж. Женетт // Фигуры. — Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — Т. 1. — С. 299—321. — ISBN 5-8242-0064-5.
11. Женетт Ж. Вымысел и слог (*Fictio et dictio*) / Ж. Женетт // Фигуры. — Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — Т. 2. — С. 341—451. — ISBN 5-8242-0065-3.
12. Кожин В. В. Сюжет, фабула, композиция / В. В. Кожин // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. — Москва : [б. и.], 1964. — С. 408—485.
13. Палиевский П. В. Литература и теория / П. В. Палиевский. — Москва : Сов. Россия, 1979. — 288 с.
14. Пименова Н. И. Сюжетно-композиционный параллелизм в переводах жития «парных» святых / Н. И. Пименова // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2022. — № 1 (94). — С. 114—120.
15. Репенкова М. М. Сюжетно-композиционные особенности романистики Хакана Гюндая / М. М. Репенкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — С. 106—110.
16. Рожкова А. В. Структура, сюжетно-композиционные и риторические функции вопросительных и восклицательных предложений в сказках И. И. Дмитриева / А. В. Рожкова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2023. — Т. 45. — № 6. — С. 115—121. — DOI: [10.15393/uchz.art.2023.948](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2023.948).
17. Тодоров Цв. Грамматика повествовательного текста / Цв. Тодоров // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1978. — С. 450—463.
18. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. — Москва : Аспект Пресс, 1996. — 334 с. — ISBN 5-7567-0123-0.
19. Трофимова Л. В. Современный «женский» роман : сюжетно-композиционное своеобразие (на материале романа Ю. Ташлер “Die Deutschlehrerin”) / Л. В. Трофимо-

ва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. — Т. 7. — С. 2063—2068. — DOI: 10.30853/phil210335.

20. Тюпа В. И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии / В. И. Тюпа. — Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1987. — 224 с.

21. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — Москва : Академия, 2013. — 432 с. — ISBN 978-5-7695-9812-8.

22. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2008. — 304 с. — ISBN 978-5-9551-0253-5.

23. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко // Иностранная литература. — 1988. — № 10. — С. 88—104.

24. Эко У. Роль читателя / У. Эко. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2005. — 501 с. — ISBN 5-89091-310-7.

25. Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe [Electronic resource] / J. P. Eckermann. — Access mode : <https://www.eckermann.weblit.de/gespraech-nov04.htm> (accessed 21.01.2025).

26. Scheffel M. Formen selbstreflexiven Erzählens (Eine Typologie und sechs exemplarische Analysen) / M. Scheffel. — Tübingen : Niemeyer, 1997. — [YI], 285 S. — ISBN 978-3-11-092233-2.

27. Spitzmüller J. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse / J. Spitzmüller, I. H. Warnke. — Berlin : De Gruyter, 2011. — 236 S. — ISBN 978-3-11-021244-0.

Статья поступила в редакцию 23.02.2025,
одобрена после рецензирования 24.04.2025,
подготовлена к публикации 14.05.2025.

Material resources

Bichsel, P. (2003). San Salvador. In: *Klassische deutsche Kurzgeschichten*. Werner Bellmann (Hrsg.). Stuttgart: Reclam. 271—273. ISBN 978-3150182512. (In Germ.).

Kötter, I. (1994). Kündigungsgedanken. In: *Ursula Hermes: Kurzgeschichten — einmal anders*. Herning: Verlag Systime. 128—129. ISBN 87-7783-407-0. (In Germ.).

Marti, K. (2003). Neapel sehen. In: *Klassische Deutsche Kurzgeschichten*. Werner Bellmann (Hrsg.). Stuttgart: Reclam. S. 251. ISBN 978-3150182512. (In Germ.).

References

Andreeva, V. A. (2019). *Literary narrative: the zone of formation of meanings*. Kazan: Buk. 320 p. ISBN 978-5-00118-255-9. (In Russ.).

Andreeva, V. A. (2022). In search of meaning: a hypothesis of discursive heterogeneity of an artistic narrative text. In: *Artistic text. Formulas of meaning*. Moscow: Flint. 38—61. ISBN 978-5-9765-5081-0. (In Russ.).

Artamonova, T. G. (2019). The plot and compositional originality of the novel by J. Galsworthy's "The Saga of Forsytes". *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 12: 378—382. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.78>. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian Culture. 911 p. ISBN 5-7859-0027-0. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya lit. 504 p. (In Russ.).

- Bakhtin, M. M. *The problem of text in linguistics, philology and other humanities. The experience of philosophical analysis*. Available at: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/probltext.html#1> (accessed 21.01.2025). (In Russ.).
- Dzhaspasheva, M. B. (2022). Plot and compositional features of Zakhar Prilepin's novel "The Black Monkey". *Ural Philological Bulletin*, 1: 137—144. DOI: 10.26170/2306-7462_2022_01_12. (In Russ.).
- Eckermann, J. P. *Gespräche mit Goethe*. Available at: <https://www.eckermann.weblit.de/gespraech-nov04.htm> (accessed 21.01.2025). (In Germ.).
- Eco, U. (1988). Notes in the margins of "The Name of the Rose". *Foreign literature*, 10: 88—104. (In Russ.).
- Eco, U. (2005). *The role of the reader*. St. Petersburg: Symposium. 501 p. ISBN 5-89091-310-7. (In Russ.).
- Genette, J. (1998). Fiction and style (Fictio et dictio). In: *Figures*, 2. Moscow: Publishing House named after Sabashnikov. 341—451. ISBN 5-8242-0065-3. (In Russ.).
- Genette, J. (1998). Verisimilitude and motivation. In: *Figures*, 1. Moscow: Publishing House named after Sabashnikov. 299—321. ISBN 5-8242-0064-5. (In Russ.).
- Goncharova, E. A. (2022). The synergy of different types of speech in the structure of an artistic narrative text. In: *Artistic text. Formulas of meaning*. Moscow: Flinta. 15—37. ISBN 978-5-9765-5081-0. (In Russ.).
- Khalizev, V. E. (2013). *Theory of literature*. Moscow: Akademiya Publishing Center. 432 p. ISBN 978-5-7695-9812-8. (In Russ.).
- Kozhinov, V. V. (1964). Plot, fabula, composition. In: *Theory of literature. The main problems in historical coverage. Genera and genres of literature*. Moscow: [b. i.]. 408—485. (In Russ.).
- Paliyevsky, P. V. (1979). *Literature and theory*. Moscow: Sov. Russia. 288 p. (In Russ.).
- Pimenova, N. I. (2022). Plot-compositional parallelism in translations of the lives of the "paired" saints. *Scientific Notes of the Orel State University*, 1 (94): 114—120. (In Russ.).
- Repenkova, M. M. (2020). Plot and compositional features of the novelistics of Hakan Gundai. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 13: 106—110. (In Russ.).
- Rozhkova, A. V. (2023). Structure, plot-compositional and rhetorical functions of interrogative and exclamation sentences in the tales of I. I. Dmitriev. *Scientific Notes of Petrozavodsk State University*, 45 (6): 115—121. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.948. (In Russ.).
- Scheffel, M. (1997). *Formen selbstreflexiven Erzählens (Eine Typologie und sechs exemplarische Analysen)*. Tübingen: Niemeyer. [YI], 285 S. ISBN 978-3-11-092233-2. (In Germ.).
- Schmid, V. (2008). *Narratology*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 304 p. ISBN 978-5-9551-0253-5. (In Russ.).
- Spitzmüller, J., Warnke, I. H. (2011). *Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse*. Berlin: De Gruyter. 236 S. ISBN 978-3-11-021244-0. (In Germ.).
- Todorov, Tsv. (1978). Grammar of the narrative text. In: *New in foreign linguistics*. Moscow: Progress Publ. 450—463. (In Russ.).
- Tomashevsky, B. V. (1996). *Theory of literature. Poetics*. Moscow: Aspect Press. 334 p. ISBN 5-7567-0123-0. (In Russ.).
- Trofimova, L. V. (2021). Modern "women's" novel: plot and compositional originality (based on the novel by Yu. Taschler "Die Deutschlehrerin"). *Philological Sciences. Quest-*

tions of theory and practice, 14 (7): 2063—2068. DOI: 10.30853/phil210335.
(In Russ.).

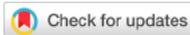
Туупа, V. I. (1987). *The artistry of a literary work. Questions of typology.* Krasnoyarsk: Publishing house Krasnoyarsk. University. 224 p. (In Russ.).

Voronovich, E. V. (2021). The society of machine tool makers: compositional and plot parallels. *Manuscript, 14: 2439—2445.* (In Russ.).

*The article was submitted 23.02.2025;
approved after reviewing 24.04.2025;
accepted for publication 14.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Афаунова А. А. Фонетические особенности моздокского и бесленеевского диалектов кабардино-черкесского языка (сходства и различия) / А. А. Афаунова, Н. Г. Шериева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 55—73. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-55-73.

Afaunova, A. A., Sherieva, N. G. (2025). Phonetic Features of Mozdok and Besleneev Dialects of Kabardino-Circassian Language: Similarities and Differences. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 55-73. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-55-73. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Фонетические особенности моздокского и бесленеевского диалектов кабардино- черкесского языка (сходства и различия)

Афаунова Анджела Анатольевна
orcid.org/0000-0002-7560-6985
кандидат филологических наук,
корреспондирующий автор
martazei@mail.ru

Шериева Нина Гумаровна
orcid.org/0000-0002-5550-7170
кандидат филологических наук
nina.sherieva@mail.ru

Институт гуманитарных
исследований —
филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»
(Нальчик, Россия)

Phonetic Features of Mozdok and Besleneev Dialects of Kabardino-Circassian Language: Similarities and Differences

Angela A. Afaunova
orcid.org/0000-0002-7560-6985
PhD in Philology,
corresponding author
martazei@mail.ru

Nina G. Sherieva
orcid.org/0000-0002-5550-7170
PhD in Philology
nina.sherieva@mail.ru

The Institute for the Humanities
Research — Affiliated Federal State
Budgetary Scientific Establishment
“Federal Scientific Center
“Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences”
(Nalchik, Russia)

© Афаунова А. А., Шериева Н. Г., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование моздокского и бесленеевского диалектов кабардино-черкесского языка. В статье представлены результаты сопоставительного анализа данных диалектов: рассматриваются вопросы их сходств и отличий относительно друг друга и литературного языка. В качестве материалов привлекаются труды выдающихся кавказоведов, занимавшихся изучением данной темы. Источником выступили новые записи речи носителей обоих диалектов, собранные в период 2022—2024 годов на территории их проживания. Уделяется особое внимание консонантному составу, где обнаруживаются согласные, которые отсутствуют в литературном языке, но имеют сходное звучание в исследуемых диалектах. Актуальность работы обусловлена тем, что назрела необходимость изучения современного состояния данных вариантов кабардино-черкесского языка путем сбора и анализа нового полевого материала. Новизна исследования видится в том, что впервые за последние несколько десятков лет производится переосмысление диалектных особенностей вариантов кабардино-черкесского языка. Доказано, что в обследованных диалектах используются несколько сходных по произношению звуков взамен литературных: *чI*, *чIь*, *цIь* вместо *цI*, *г* вместо *дж*, *жь* вместо *ж* и тому подобное. Также каждый диалект проявляет и свои специфические свойства использования согласных звуков.

Ключевые слова:

кабардино-черкесский язык; диалектология; фонетика; согласный звук; моздокский диалект; бесленеевский диалект.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the Mozdok and Beslenceev dialects of the Kabardino-Circassian language. The article presents the findings of a comparative analysis of these dialects, focusing on their similarities and differences in relation to each other and to the literary language. The research draws on the works of prominent Caucasian scholars who have explored this topic. New recordings of speech from speakers of both dialects, collected between 2022 and 2024 in their respective regions, serve as primary data sources. Special attention is given to the consonantal inventory, where consonants absent in the literary language but phonetically similar in the studied dialects are identified. The relevance of this work stems from the pressing need to examine the contemporary state of these variants of the Kabardino-Circassian language through the collection and analysis of new field data. The novelty of the study lies in its re-evaluation of dialectal features of the Kabardino-Circassian language variants for the first time in several decades. It is demonstrated that the examined dialects employ several sounds that are phonetically similar substitutes for literary forms: *чI* [*ch'*], *чIь* [*ch*], *цIь* [*sh*] instead of *цI* [*sh'*], *г* (*g*) instead of *дж* [*dz*], *жь* [*zh'*] instead of *ж* [*zh*], among others. Additionally, each dialect exhibits its own specific properties in the use of consonant sounds.

Key words:

Kabardino-Circassian language; dialectology; phonetics; consonant sound; Mozdok dialect; Beslenceev dialect.

УДК 811.352.3*342.42

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-55-73

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Фонетические особенности моздокского и бесленеевского диалектов кабардино-черкесского языка (сходства и различия)

© Афаунова А. А., Шериева Н. Г., 2025

1. Введение = Introduction

Углубленное изучение диалектных особенностей языка играет ключевую роль в решении ряда важных задач лингвистики. Диалекты, формирующиеся в специфических территориальных и исторических условиях, служат ценным источником для исследования: они позволяют выявлять сохранившиеся архаизмы и историзмы, анализировать этапы эволюции языка и наблюдать динамику речевых процессов.

Исследование диалектов и говоров кабардино-черкесского языка началось в 20-е годы XX века. В период создания письменности в разных местностях проживания носителей языка проводились работы по выявлению особенностей речи. Исследования получили новый импульс в 1950-х годах, когда многие лингвисты заинтересовались анализом особенностей речи кабардинцев и выявлением отличительных характеристик в зависимости от их места жительства.

Как известно, моздокские кабардинцы проживают на территории Северной Осетии (г. Моздок, села Нижний Малгобек, Комарова, Новоосетиновское, Виноградное) и Курского района Ставропольского края (села Серноводское, Соколово, хутора Русское 1, Русское 2, Графский). Бесленевцы на сегодняшний день живут в Карачаево-Черкесской республике (в селе Бесленей Хабезского района, в селе Вакожиле Адыгехабльского района) и в Краснодарском крае (в селах Каноково, Кургоково Успенского (Новокубанского) района).

Образовались данные диалекты при разных условиях, и их появление является следствием глобальных лингвистических языковых процессов [Хежева, 2023, с. 3536]. Отделение бесленевцев от кабардинцев произошло еще в XV веке, они жили между реками Лаба и Кубань. После окончания Русско-Кавказской войны бо́льшая их часть эмигрировала в Турцию.

На исконной земле осталось малое их количество. Формирование моздокского диалекта связано с миграцией крестьян, бежавших от феодальной зависимости и оседавших на Моздокских землях в первой половине XVIII века. Главная особенность моздокского диалекта заключается в том, что значительная часть его носителей поменяли веру, и они стали считаться христианскими кабардинцами, что, естественно, не могло не сказаться и на языковых реалиях. Появлению несоответствий в речи способствовали также смешение различных народов, отсутствие письменности и влияния литературного языка [Кясов и др., 1981, с. 115]. Несомненно, что современное состояние диалектов непосредственно зависит от внутренних и внешних факторов [Абазова, 2020, с. 46].

Отличие диалектов от литературного кабардино-черкесского языка просматривается как в фонетическом, так и в лексическом составе этих разновидностей языка. Проживание носителей обоих диалектов вне территории Кабардино-Балкарской Республики создает ситуацию, при которой их язык подвергается значительному влиянию со стороны доминирующих языков окружения.

Предыдущая лингвистическая экспедиция для сбора образцов речи была организована в 1972—1975 годах и состоялась под руководством Х. Т. Таова. Последнее монографическое исследование по данной теме датируется 2005 годом, оно было подготовлено на базе записей данной экспедиции пятидесятилетней давности.

Актуальность настоящего исследования определяется острой необходимостью проведения всестороннего анализа современного состояния кабардинского языка. Кабардинцы, будучи малочисленным народом, сталкиваются с риском утраты своего языка и, как следствие, своей уникальной культурной идентичности. Поэтому изучение и сохранение кабардинского языка представляется важной научной и общественной задачей.

Научная новизна работы заключается в том, что исследование подготовлено на базе нового полевого материала, собранного на территориях Северной Осетии, Ставропольского и Краснодарского краев и Карачаево-Черкесской республики в период с 2022 по 2024 годы для учета фонетических, морфологических, лексических, синтаксических изменений диалектов кабардино-черкесского языка.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Фонетический состав диалектов и говоров кабардино-черкесского языка соответствует классическому литературному алфавиту. Но в них выявляются иные, несвойственные литературному языку, звучания. Этот факт вызывает немалый интерес, что предопределило *цель* исследовательской работы —

основательно изучить диалекты для обнаружения сходств и различий между ними в сравнении с литературным кабардино-черкесским языком.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить отличительные особенности моздокского и бесленеевского диалектов в сравнении с литературным языком; 2) сопоставить данные диалекты между собой для определения сходных звучаний; 3) выделить отличительные черты каждого диалекта.

Теоретической базой исследования послужили труды известных языковедов. Первый шаг по разграничению диалектов кабардино-черкесского языка был сделан Н. Ф. Яковлевым. Автор писал, что они «представляют собой значительное единообразие, которое не позволяет... выделить фонетические отличия, касающиеся самой системы звуков» [Яковлев, 1928, с. 119]. Иного мнения придерживался кавказовед Г. Ф. Турчанинов, разделяя *диалекты и говоры*; он утверждал, что наряду с диалектами в кабардинском языке обнаруживаются говоры, где проявляются преимущественно звуковые различия [Турчанинов, 1946б, с. 259]. Д. А. Ашхамаф в свою очередь выделял три разновидности языка (кабардинский, черкесско-кабардинский или кубано-кабардинский и адыгейско-кабардинский) [Ашхамаф, 1939 с. 7]. Подобные разночтения были понятны: с накоплением нового полевого диалектического материала каждый из исследователей строил свою гипотезу относительно структуры каждого из найденных вариантов языка.

Значительный вклад в изучение диалектов и говоров кабардино-черкесского языка внесли диссертационные исследования, выполненные в разные годы. Результаты этих работ, отличающихся глубиной анализа и оригинальностью выводов, получили дальнейшее развитие в монографических исследованиях Т. Х. Куашевой [Куашева, 1954], А. К. Шагирова [Шагиров, 1955], М. А. Кумахова [Кумахов, 1955], Б. Х. Балкарова [Балкаров, 1959], К. Т. Мамрешева [Мамрешев, 1959], П. М. Багова [Багов, 1968], расширяющих и углубляющих понимание диалектной структуры языка. Наиболее полный обзор диалектного членения кабардино-черкесского языка представлен в работах М. А. Кумахова [Кумахов, 1957] и Х. Т. Таова [Таов, 1975; Таов, 2006].

Основательно к исследованию моздокского диалекта подошла Т. Х. Куашева. Ей принадлежит ряд работ, посвященных данной теме: кандидатская диссертация [Куашева, 1954], монография [Куашева, 1959], а также статья, где представлена актуальная к тому времени информация, вошедшая в общий сборник по исследованиям диалектов и говоров [Куашева, 1969, с. 119—189].

Впервые о языке бесленеевцев упоминал Ш. Б. Ногмов [Ногмов, 1947]. Он считал самыми чистыми кабардинский и бесленеевский языки. Также

его выделяли Л. Г. Лопатинский [Лопатинский, 1891], Г. Ф. Турчанинов [Турчанинов и др., 1941; Турчанинов, 1946б; Турчанинов, 1949]. Особенности бесленеевского диалекта детально описал в своих исследованиях Б. Х. Балкаров [Балкаров, 1959; Балкаров, 1969].

Следует отметить, что указанные выше работы были выполнены достаточно давно. С течением времени диалекты кабардино-черкесского языка, испытывая влияние как внешних, так и внутренних процессов, претерпели существенную трансформацию, что обуславливает необходимость проведения новых исследований для актуализации лингвистических данных. Между тем, несмотря на значительный вклад предшествующих работ, современные исследования, посвященные комплексному анализу и сравнительной характеристике диалектных особенностей кабардино-черкесского языка, остаются немногочисленными. Сопоставительный анализ диалектов мог бы стать важным инструментом для восстановления истории адыгских языков, лишенных других источников информации о своем прошлом в силу их поздней письменной фиксации.

На сегодняшний день, в соответствии с общепринятой классификацией, основанной на результатах предыдущих исследований, в кабардино-черкесском языке выделяют **четыре диалекта**: моздокский, бесленеевский, кубанский и баксанский (последний чаще называют *диалектом Большой Кабарды*, он лег в основу литературного языка, так как его носители более многочисленны) — и **три говора** (малкинский, малокабардинский и кубано-зеленчукский). Но если баксанский развивается в пределах родной языковой среды, то остальные диалекты изолированы от литературного языка и находятся под довлеющим влиянием других языков (моздокский — осетинского, ногайского, русского; бесленеевский, кубанский — адыгейского, абазинского, русского). Естественно, что при таких условиях они со временем все более отдалялись от литературных норм. Каждый из речевых вариантов пошел по своему пути развития. Тем не менее, как ни удивительно, даже при том, что они функционируют на территории разных республик, между ними обнаруживаются определенные сходные черты.

Выбор **методов** лингвистического исследования обусловлен целью и задачами научной работы. Для поиска материала, отбора фактов, установления характеристик системы моздокского и бесленеевского диалектов применялись методы наблюдения и анализа; для выявления особенностей фонетического строя каждого из диалектов привлекался описательно-аналитический метод; для сравнения двух вариантов кабардино-черкесского языка и обнаружения сходных и различных характеристик использовался сравнительно-сопоставительный метод.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Как указывалось выше, в период с 2022 по 2024 годы проводилась обширная работа по сбору нового полевого материала о диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. Опрос проводился практически во всех населенных пунктах, где проживают кабардинцы. В общей сложности было опрошено около 70 представителей бесленеевского и моздокского диалектов.

Как показал материал, больше всего отличий от литературного языка и других диалектов и говоров в моздокском и бесленеевском диалектах обнаруживается в области консонантизма. Здесь присутствуют звуки, которые не встречаются в остальных вариантах речи. Следует отметить, что слова написаны по фонетическому принципу и в работе для обозначения звуков используются такие символы, которых нет в классическом алфавите кабардино-черкесского языка. Например, такие как *чI*, *чIь*, *щIь*, *гI*, *h*, *сI*, *тIсI*, *тIщI*, *шI* и т. д. Данные обозначения составлены на основе анализа фонетических особенностей речи (различия звуков по твердости / мягкости, месту образования, интенсивности произношения и т. п.).

3.1. Замена литературного свистяще-шипящего спиранта *щI*

Определенные согласные звуки литературного языка в диалектных словах реализуются по-разному. Например, литературный абруптивный свистяще-шипящий спирант *щI* в диалектах чаще всего заменяется абруптивной аффрикатой *чI*. Например, в моздокском диалекте (здесь и далее перевод наш. — *А. А., Н. Ш.*):

мозд.	лит.	рус.
<i>чIондэ</i>	<i>нщIондэ</i>	до этих пор
<i>чIыбым дьчIочI</i>	<i>щIыбым дьщIочI</i>	выходим на улицу
<i>мачIэ</i>	<i>машIэ</i>	мало
<i>зымычIэ</i>	<i>зымышIэ</i>	тот, кто не знает

Такой же звук широко используется и в бесленеевском диалекте:

бесл.	лит.	рус.
<i>чIалэ цIыкIу</i>	<i>щIалэ цIыкIу</i>	мальчик
<i>чIалэ дьдэу</i>	<i>щIалэ дьдэу</i>	совсем молодым
<i>мачIэти</i>	<i>машIэти</i>	мало
<i>чIэх лэри</i>	<i>щIэх лэри</i>	рано умер

Как пишет Т. Х. Куашева, в кабардино-черкесском языке «шипяще-свистящий спирант **щI** восходит к общеадыгскому **чI** и **щI** является результатом спирантизации аффрикаты **чI**» [Куашева, 1969, с. 126].

Б. Х. Балкаров данный звук в бесленеевском диалекте обнаруживал только у молодежи [Балкаров, 1969, с. 79], но в современном языке мы встречаем его у всех возрастов. Причина понятна: опрошенные в те давние года представители молодежи на сегодняшний день находятся в почетном возрасте, и естественно, что их дети и внуки переняли у них подобное произношение.

Интересно, что встречается и другой вариант данного звука — **чIь**, где абруптивность немного снижена, звук более твердый и округлый. Подобное произношение чаще всего присутствует в бесленеевском диалекте:

бесл.	лит.	рус.
<i>сычIьыхъэну</i>	<i>сыщIэтIыхъэнуц</i>	поступлю
<i>къычIьэчIу</i>	<i>къыщIэчIу</i>	выхода
<i>уыпчIьэ этту</i>	<i>у[ы]пщIэ этту</i>	задавая вопрос
<i>ди нэгу чIьэт</i>	<i>ди нэгу щIэтиц</i>	стоит перед глазами

Сопоставление по мягкости и твердости аффрикат **джь**, **чь**, **чIь** сближает бесленеевский диалект с бжедугским и темиргоевским диалектами адыгейского языка. Х. Т. Таов считал, что они утрачены в остальных диалектах и кабардино-черкесского и адыгейского языков [Таов, 2006, с. 231]. Однако, хоть и не у многих, такой же звук встречается и в речи моздокских кабардинцев:

мозд.	лит.	рус.
<i>пчIьэ хъуын?</i>	<i>пщIэ хъу[ы]нц?</i>	может, знаешь?

Взамен литературного звука **щI** реже используется согласный звук **шI** (произношение округленное, твердость усилена):

бесл.	лит.	рус.
<i>уауытшIын хуе</i>	<i>уеу[ы]пщIын хуейц</i>	надо спросить
мозд.	лит.	рус.
<i>сошIэ</i>	<i>сощIэ</i>	я знаю

В бесленеевском и в моздокском диалектах наряду с вышеуказанными звуками широко встречается и литературный вариант **щI**:

мозд.	лит.	рус.
зэдгъэщIау	зэдгъэщIауэ	уча
зыщIыпIэ	зыщIыпIэ	где-то
ахуэдудыщIыпI	ахуэдэу т[I]щIыпI	сделаем так
сыт тIщIэн	сыт т[I]щIэн	что поделать

бесл.	лит.	рус.
йащIурэ	йащIурэ	делая
щхъэщIэ пхуэщIу	щхъэщIэ пхуэщIу	клонясь тебе
гъэщIэгъуэн	гъэщIэгъуэн	удивительный
тIоущIумI	плыщI	сорок

Причиной можно считать незаконченность процесса перехода одного звука в другой, иными словами, и новообразование, и старое произношение используются параллельно.

В звучании абруптивного звука **щI** в разных диалектах находятся и свои индивидуальные проявления [Афаунова, 2024, с. 103—104]. К примеру, в речи моздокских кабардинцев, к удивлению, можно обнаружить несколько вариантов:

щI → **тIщI**:

мозд.	лит.	рус.
сытIщIоуытIщIэ	сыщIоу[ы]пIщIэ	спрашиваю
йагъэщIэращIэ	йагъэщIэращIэ	украшают

щI → **тIсI**:

мозд.	лит.	рус.
тIсIыгъуу	щIыгъуу	вместе
дызэротIсIэ	дызэрощIэ	знакомы

щI → **сI**:

мозд.	лит.	рус.
сIэхуурэ сIэх	щIэх-щIэхыурэ	часто
йасIэжырIым	йащIэжыркъым	не помнят

Как полагает Т. Х. Куашева, «свистящий спирант **сІ** восходит к первичному свистяще-шипящему спиранту **щІ**» [Куашева, 1969, с. 127]. Данный звук встречается также и в шапсугском диалекте адыгейского языка.

В речи малого количества людей обнаружено и следующее произношение:

щІ → *тчІ*:

мозд.	лит.	рус.
<i>тчІашэри</i>	<i>щІашэри</i>	завели
<i>йатчІа</i>	<i>йащІащ</i>	сделали

щІ → *цІ*:

мозд.	лит.	рус.
<i>сэ сцІэрэ?</i>	<i>сэ щцІэрэ?</i>	я знаю?

щІ → *чцІ*:

мозд.	лит.	рус.
<i>счцІэн хуе</i>	<i>сщцІэн хуейщ</i>	я должен знать
<i>зэвгъэчцІэн</i>	<i>зэвгъэщцІэн</i>	выучить

щІ → *тІшІ*:

мозд.	лит.	рус.
<i>шатІшІым</i>	<i>щащцІым</i>	когда делают

Как показывают примеры, внутри самого диалекта звуки **сІ-**, **тчІ-**, **тчІщІ-**, **чцІ-**, **шІ-**, **цІ-** являются синонимичными. Их использование зависит от местности, где проживает говорящий. Например, жители села Азаниев (Серноводское) отдают предпочтение звукам **цІ**, **тчІ**, **сІ**. А в речи уроженцев Авалово (Серноводское), наряду с **шІ**, чаще встречаются звуки **чІ**, **чцІ**, **шІ**. (Следует уточнить, что два села — Азаниев (христиане) и Авалово (мусульмане) — соединились и получили общее название Серноводское).

В использовании шипяще-свистящего абруптива **щІ** свои особенности просматриваются и в бесленеевском диалекте [Шериева, 2024, с. 46]. Например, вместо указанного звука употребителен твердый абруптивный, немного округленный **щІъ**:

бесл.	лит.	рус.
<i>си гъащIгъэм</i>	<i>си гъащIгэм</i>	в моей жизни
<i>уынафIэщIгу</i>	<i>у[ы]нафIэщIгу</i>	руководителем
<i>къызыэупIщIгац</i>	<i>къызыэуп[I]щIгац</i>	спросил меня
<i>йэупIщIгырт</i>	<i>йэуп[I]щIгырт</i>	спрашивал

Литературный звук **щI** реже замещается также шипяще-свистящим согласным **щ**:

бесл.	лит.	рус.
<i>щэн</i>	<i>щIэн</i>	знать
<i>щын</i>	<i>щIын</i>	делать

Как указывает Б. Х. Балкаров, свистяще-шипящий спирант **щI** является единым для адыгских языков [Балкаров, 1969, с. 79].

3.2. Использование заднеязычных смычно-взрывных палатализованных **г, к, кI**

Различия обнаруживаются и в использовании заднеязычных смычно-взрывных палатализованных **г, к, кI**. Как в литературном языке, так и в диалектах аффрикатизация данных звуков проходит с разной степенью интенсивности. И в моздокском, и в бесленеевском диалектах процесс аффрикатизации протекает интенсивно и **г, к, кI** часто заменяются на переднеязычные шипящие аффрикаты **дж, ч, чI**. Но следует отметить, что этот процесс имеет также свои особенности. Например, в речи моздокцев и бесленеевцев произношение **г, г'** вместо **дж** встречается крайне редко. Но если в бесленеевском мы можем увидеть лишь твердое произношение, то в моздокском наряду с твердым возможно и мягкое использование звука:

бесл.	лит.	рус.
<i>мэжгыт // мэжджыт</i>	<i>мэжджыт</i>	мечеть
<i>гысту // йыджысту</i>	<i>йыджысту</i>	сейчас

мозд.	лит.	рус.
<i>йыг'ысту // йыгысту // йыджысту</i>	<i>йыджысту</i>	сейчас
<i>йыг'ыри // йыгыри // йыджыри</i>	<i>йыджыри</i>	до сих пор

Но чаще всего в речи употребляется литературный вариант произношения — *дж*:

мозд.	бесл.	лит.	рус.
<i>сийоджэ</i>	<i>соджэ</i>	<i>сыщоджэ</i>	учусь
<i>седжас</i>	<i>сыхуеджа</i>	<i>сыхуеджащ</i>	учился(-лась)
<i>хьыджэбз</i>	<i>хьыджэбз</i>	<i>хьыджэбз</i>	девушка

Отличие заключается в том, что в бесленеевском диалекте наблюдается как мягкое произношение, так и речевая реализация твердого варианта литературного звука. Его выделял в своей работе и Б. Х. Балкаров [Балкаров, 1969, с. 78]. Как видим из нового полевого материала, хоть и не так обширно, но он в языке сохранился:

бесл.	лит.	рус.
<i>къриджэау</i>	<i>къриджауэ</i>	вызвав
<i>соджээр</i>	<i>соджэр</i>	читаю / учусь
<i>къауджэзэ</i>	<i>къуажэ</i>	село

Исходя из того, что подобное использование в современном материале обнаруживается редко, можно сделать вывод: процесс перехода палатализованных *г, к, кI* в аффрикаты *дж, ч, кI* (в литературном языке *кI* произносится как *чI*) подходит к завершению. Такой переход характерен для большинства диалектов и говоров кабардино-черкесского языка.

3.3. Замена литературного шипящего спиранта *ж* и свистяще-шипящего спиранта *жь*

Следующее сходство мы видим в замене литературного шипящего спиранта *ж* свистяще-шипящим спирантом *жь*, что находит воплощение во всех частях речи:

мозд.	бесл.	лит.	рус.
<i>жьылууэ</i>	<i>жьылуэ</i>	<i>жилуэ</i>	говоря
<i>жьэщы</i>	<i>жьэщ</i>	<i>жэщ</i>	ночь
<i>жьыIэжьырт</i>	<i>жьыIэжьа</i>	<i>жиIэжащ</i>	рассказал
<i>зйаупсыжьыри</i>	<i>йаупсыжьа</i>	<i>заупсыжащ</i>	побрили(сь)

Реже обнаруживаются случаи, когда, наоборот, литературному шипяще-свистящему спиранту *жь* соответствует в диалектах шипящий звук *ж*. К примеру:

бесл.	лит.	рус.
<i>адэжым</i>	<i>адэжьым</i>	дедушке
<i>нэуыжым</i>	<i>нэу[ы]жьым</i>	потом
<i>лэмыуыжыгьэуэ</i>	<i>зэмылэу[ы]жьыгьэуэ</i>	разнообразие
<i>лэжыгьэр</i>	<i>лэжьыгьэр</i>	работа

мозд.	лит.	рус.
<i>жылуэу</i>	<i>жьылуэу</i>	рано
<i>нэхъыж</i>	<i>нэхъыжь</i>	старший
<i>жы лей</i>	<i>жьы лей</i>	очень старый
<i>сышоложэ</i>	<i>сыщолажьэ</i>	работаяу

3.4. Лабиализация нелабиализованных согласных

Как и во всех диалектах и говорах, и у моздокцев, и у бесленеевцев в речи фиксируются варианты перехода нелабиализованных согласных в лабиализованные.

мозд.	лит.	рус.
<i>жылуэт</i>	<i>жылэт</i>	скажи
<i>схуыжулуынэлем</i>	<i>сху[ы]жылэнукьым</i>	не смогу сказать
<i>уынэ лэжьыгьэуэ</i>	<i>у[ы]нэ лэжьыгьэуэ</i>	домашним заданием
<i>кьытрагьэуэуэрт</i>	<i>кьытрагьэу[ы]вэрт</i>	ставили (на стол)

бесл.	лит.	рус.
<i>мыгьуагьэуэ</i>	<i>мыгьуагьэуэ</i>	с горя
<i>джыф'луэу</i>	<i>жыф'лэуэ</i>	говоря
<i>кьэувылуэу</i>	<i>кьэувылэуэ</i>	остановясь
<i>кьабгьэуэдэльэда</i>	<i>кьабгьэдэльэдац</i>	подбежал

Но в отличие от бесленеевского диалекта в моздокском немало примеров, когда лабиализованный звук переходит в нелабиализованный:

мозд.	лит.	рус.
<i>ходуц</i>	<i>хуэдэуц</i>	похоже
<i>тлэкI</i>	<i>тлэклу</i>	немного
<i>цлыкI</i>	<i>цлыклу</i>	маленький

Что касается бесленеевского диалекта, такой вариант произношения мы зафиксировали только у четверых информаторов и только в слове *цлыкI* (лит. *цлыклу* «маленький»).

бесл.	лит.	рус.
<i>уынэ цЫкIхэр</i>	<i>у[ы]нэ цЫкIухэр</i>	маленькие дома
<i>хьыджэбз цЫкIыри</i>	<i>хьыджэбз цЫкIури</i>	маленькая девочка

3.5. Замена звука *х* в аффиксе множественного числа –*хэ*

Носителями многих диалектов и говоров кабардино-черкесского языка производится замена глухого среднеязычного спиранта *х* в аффиксе –*хэ*, обозначающем множественное число. Конечно же, эти звуки по произношению приближены друг к другу, но различаются по месту образования и интенсивности звукового сопровождения. Чаще всего в речи моздокцев встречается звонкий заднеязычный звук *лI* (Г. Ф. Турчанинов в своих трудах отметил как *хI* [Турчанинов, 1946а, с. 219]). Например:

мозд.	лит.	рус.
<i>адрегIэр</i>	<i>адрейхэр</i>	остальные
<i>сабийгIэм</i>	<i>сабийхэм</i>	детям
<i>уэрэдгIэр</i>	<i>уэрэдхэр</i>	песни

Такой же звук находим и в речи бесленеевцев:

бесл.	лит.	рус.
<i>адыгэгIэм</i>	<i>адыгэхэм</i>	адыги
<i>къызэхуэсагIэм</i>	<i>къызэхуэсахэм</i>	собравшиеся
<i>псалъэгIэр</i>	<i>псалъэхэр</i>	слова

Наряду с этим в обоих вариантах языка мы можем обнаружить и ларингальный придыхательный согласный, который мы условно обозначили буквой *h*. Следует отметить, что в моздокском он встречается чаще, чем в бесленеевском:

мозд.	лит.	рус.
<i>сабийхэм</i>	<i>сабийхэм</i>	детям
<i>йанэхэр</i>	<i>йа анэхэр</i>	их мамы
<i>уынэцIэхэм</i>	<i>у[ы]нэцIэхэм</i>	фамилии

бесл.	лит.	рус.
<i>ди сабийхэри</i>	<i>ди сабийхэри</i>	наши дети
<i>датэхэр</i>	<i>датэхэр</i>	даты

В использовании данной морфемы также наблюдаются отличия. Например, в моздокском диалекте она произносится еще и как надгортанный звук *хь*:

мозд.	лит.	рус.
<i>мышкьышхьэр</i>	<i>мышкьышихэр</i>	ингуши
<i>кьуымыкьухьэр</i>	<i>кьу[ы]мыкьухэр</i>	кумыки
<i>чыристэнхьэм</i>	<i>чыристэнхэм</i>	христиане

В отличие от моздокского, в речи бесленеевцев чаще всего употребляется литературный вариант, хотя в первом он тоже встречается, но уже намного реже:

бесл.	лит.	рус.
<i>щопсохэ</i>	<i>щопсэухэр</i>	живут
<i>йэгъаджэхэр</i>	<i>йэгъэджакьухэр</i>	учителя
<i>таурыхьхэри</i>	<i>таурыхьхэри</i>	сказки

мозд.	лит.	рус.
<i>цьыхухэми</i>	<i>цьыхухэми</i>	людям
<i>зыкьаумхэр</i>	<i>зыкьомхэр</i>	многие

3.6. Заднеязычный согласный звук *кь* в аффиксе отрицания *-кьым*

Различия в диалектах обнаруживаются и в использовании аффикса отрицания *-кьым*. Входящий в его состав заднеязычный согласный звук *кь* в моздокском диалекте заменяется ларингальным смычным *л*. Такое же замещение происходит в вопросительном аффиксе *-кьэ*:

мозд.	лит.	рус.
<i>йааЙым</i>	<i>йаЛэкьым</i>	у них нет
<i>псоутэЙым</i>	<i>псэутэкьым</i>	не жили
<i>кьыдэптырлэ</i>	<i>кьыдэптыркьэ</i>	дашь?
<i>араЛэ</i>	<i>аракьэ</i>	да же?

Т. Х. Куашева в своей работе показывает схему перехода фарингального *кьл* в ларингальный *л* в праадыгском языке: *щылэм* ← *щыкьлэм*. Языковед полагает, что «абруптивный *кь* является вторичным звуком, восходящим к полуабруптивному (полунадгортанному) звуку» [Куашева, 1969, с. 125].

В языке бесленеевцев хоть и встречается такое произношение (бесл. *арых'уЙым* – лит. *арыхэукьым* «не просто так», бесл. *гузавэглэЙым* — лит. *гузавэхэкьым* «не беспокояться»), в большинстве случаев используется литературное звучание:

бесл.	лит.	рус.
<i>фIэлъыжьскъым</i>	<i>фIэлъыжкъым</i>	не висит больше
<i>йахуетэкъым</i>	<i>йахуейтэкъым</i>	уже не нужен
<i>дыджтэкъым</i>	<i>дджытэкъым</i>	не изучали
<i>йаджесIэкъым</i>	<i>йажесIэркъым</i>	я им не говорю

4. Заключение = Conclusions

Исследование показало, что диалекты кабардино-черкесского языка хоть и проявляют некоторые индивидуальные фонетические особенности в силу различных территориальных, исторических и иных обстоятельств, все же остаются в рамках единого языка.

В предлагаемой статье приведены не все случаи сходств и различий между диалектами, а лишь самые яркие звукосоответствия. В речи носителей бесленеевского и моздокского диалектов, проживающих в разных республиках, просматриваются общие черты, что может быть остаточным проявлением общеадыгского языка: замена литературного шипящего звука *ж* шипяще-свистящим спирантом *жь*; использование шипящего *ж* вместо литературного шипяще-свистящего спиранта *жь*; замещение литературного абруптива *цI* абруптивом *чI*; использование более твердого и округлого звука *чIь*; употребление вместо литературного звука *цI* абруптива *шI*; усиление процесса аффрикатизации звуков *г*, *к*, *кI*, перешедших в *дж*, *ч*, *чI*.

Кроме этого, в каждом из диалектов наблюдаются индивидуальные звуковые проявления. Например, в бесленеевском диалекте используется вместо шипяще-свистящего абруптива *цI* твердый, абруптивный, немного округленный звук *цIь*; наблюдается как мягкое произношение *дж*, так и твердый его вариант *джь*.

В моздокском диалекте абруптивный *цI*, кроме общих звучаний, заменяется также звуками *mlcI*, *mlцI*, *cI*, *mcI*, *цI*, *чцI*, *mlwI*; *х* в обозначении множественного числа *-хэ* заменяется звонким заднеязычным звуком *гI*, ларингальным придыхательным согласным *h*, надгортанным *хь*. Такое звучание в бесленеевском диалекте встречается крайне редко.

<p>Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.</p>	<p>Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.</p>
<p>Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.</p>	<p>The authors declare no conflicts of interests.</p>

Литература

1. Абазова М. М. Диалектная база кабардино-черкесского литературного языка / М. М. Абазова // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. — 2020. — № 1 (44). — С. 93—98. — DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-42-48.

2. *Афаунова А. А.* Особенности использования согласных звуков моздокского диалекта кабардино-черкесского языка в сравнении с литературным языком (I часть) / А. А. Афаунова // Вестник КБИГИ. — 2024. — № 3 (62). — С. 100—107. — DOI:10.31007/2306-5826-2024-3-62-100-107.
3. *Ашхамаф Д. А.* Краткий обзор адыгейских диалектов / Д. А. Ашхамаф. — Майкоп : Адыгнациздат, 1939. — 186 с.
4. *Багов П. М.* Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка / П. М. Багов. — Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1968. — 154 с.
5. *Балкаров Б. Х.* Бесленевский диалект / Б. Х. Балкаров // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. — Нальчик : Типография им. Революции 1905 г., 1969. — С. 76—118.
6. *Балкаров Б. Х.* Язык бесленеевцев / Б. Х. Балкаров. — Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. — 148 с.
7. *Куашева Т. Х.* Морфологические особенности терских говоров / Т. Х. Куашева // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. — Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. — С. 223—235.
8. *Куашева Т. Х.* Особенности терских говоров кабардинского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.00.00 / Т. Х. Куашева. — Москва, 1954. — 181 с.
9. *Куашева Т. Х.* Терские говоры / Т.Х. Куашева // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. — Нальчик : Типография им. Революции 1905 г., 1969. — С. 119—189.
10. *Кумахов М. А.* К вопросу о классификации адыгских диалектов / М. А. Кумахов // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. — Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. — Выпуск 2. — С. 111—120.
11. *Кумахов М. А.* Особенности кубанского диалекта кабардинского языка / М. А. Кумахов. — Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1955. — 210 с.
12. *Кясов А. Т.* Некоторые вопросы изолированного развития диалекта (на материале моздокского диалекта кабардино-черкесского языка / А. Т. Кясов, Х. Т. Таов // Лингвистическая география и проблемы истории языка. — Нальчик : Кабардино-Балк. Ин-т истории, филологии при Сов. Мине КБАССР, 1981. — Ч. 1. — С. 115—118.
13. *Лопатинский Л. Г.* Краткая кабардинская грамматика / Л. Г. Лопатинский // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис : Типография Концелярии Главногоначальствующего гражданского частию на Кавказе, 1891. — Выпуск XII. — С. 1—299.
14. *Мамрешев К. Т.* Особенности баксанского диалекта кабардинского языка / К. Т. Мамрешев. — Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. — 86 с.
15. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа / Ш. Б. Ногмов. — Нальчик : Кабгосиздат, 1947. — 160 с.
16. *Таов Х. Т.* Некоторые вопросы бесленевского диалекта / Х. Т. Таов // Ученые записки. Серия филологическая. — Нальчик : Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1975. — Т. XXVII. — С. 144—156.
17. *Таов Х. Т.* Диалектология / Х. Т. Таов // Кабардино-черкесский язык : в 2 томах. — Нальчик : Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. — Т. 2. — С. 222—291.
18. *Турчанинов Г. Ф.* Грамматика кабардинского языка / Г. Ф. Турчанинов, М. Цагов. — Москва–Ленинград : Издательство АН СССР, 1941. — 161 с.
19. *Турчанинов Г. Ф.* Материалы по диалекту моздокских кабардинцев / Г. Ф. Турчанинов // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. — Нальчик : Кабардинское государственное издательство, 1946а. — Т. 1. — С. 203—231.

20. Турчанинов Г. Ф. О некоторых фонетических явлениях в кабардинском языке первой половине XIX столетия / Г. Ф. Турчанинов // Языки Северного Кавказа и Дагестана. — Москва–Ленинград : Издательство АН СССР, 1949. — Выпуск 2. — С. 39—61.
21. Турчанинов Г. Ф. Язык, письменность, печать / Г. Ф. Турчанинов // Сборник «Кабардинская АССР». — Нальчик : Кабардинское государственное издательство, 1946б. — С. 256—281.
22. Хежева З. Р. История изучения кабардино-черкесских диалектов и говоров / З. Р. Хежева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16. — № 10. — С. 3534—3539. — DOI: 10.30853/phil20230544.
23. Шагиров А. К. Особенности малкинского говора кабардинского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.00.00 / А. К. Шагиров. — Москва, 1955. — 14 с.
24. Шериева Н. Г. Фонетические особенности бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка / Н. Г. Шериева // Вестник КБИГИ. — 2024. — № 1 (60). — С. 42—51. — DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-42-51.
25. Яковлев Н. Ф. Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков / Н. Ф. Яковлев // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. — 1928. — Т. I. — С. 117—128.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025,
одобрена после рецензирования 29.04.2025,
подготовлена к публикации 20.05.2025.

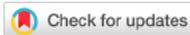
References

- Abazova, M. M. (2020). Dialect base of Kabardino-Circassian literary language. *Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies*, 1 (44): 93—98. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-42-48. (In Russ.).
- Afaunova, A. A. (2024). Features of the use of consonant sounds of the Mozdok dialect of the Kabardino-Circassian language in comparison with the literary language (Part I). *Bulletin of KBIGI*, 3 (62): 100—107. DOI:10.31007/2306- 5826-2024-3-62-100-107. (In Russ.).
- Ashkhamaf, D. A. (1939). *A brief overview of the Adyghe dialects*. Maikop: Adygnatsizdat. 186 p. (In Russ.).
- Bagov, P. M. (1968). *The Kuban-Zelenchuk dialects of the Kabardino-Circassian language*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House. 154 p. (In Russ.).
- Balkarov, B. H. (1959). *The language of the Besleneevs*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House. 148 p. (In Russ.).
- Balkarov, B. H. (1969). Besleneevsky dialect. In: *Essays on Kabardino-Circassian dialectology*. Nalchik: Printing House named after Revolutions of 1905. 76—118. (In Russ.).
- Khezheva, Z. R. (2023). History of the study of Kabardino-Circassian dialects and dialects. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 16 (10): 3534—3539. DOI: 10.30853/phil20230544. (In Russ.).
- Kuasheva, T. H. (1954). *Features of the Terek dialects of the Kabardian language*. PhD Diss. Moscow. 181 p. (In Russ.).
- Kuasheva, T. H. (1959). Morphological features of the Terek dialects. In: *Scientific notes of the Kabardino-Balkarian Research Institute*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House. 223—235. (In Russ.).

- Kuasheva, T. H. (1969). Terek dialects. In: *Essays on Kabardino-Circassian dialectology*. Nalchik: Printing House named after Revolutions of 1905. 119—189. (In Russ.).
- Kumakhov, M. A. (1955). *Features of the Kuban dialect of the Kabardian language*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House. 210 p. (In Russ.).
- Kumakhov, M. A. (1957). On the classification of Adyghe dialects. In: *Scientific notes of Kabardino-Balkarian State University*, 2. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House. 111—120. (In Russ.).
- Kyasov, A. T., Taov, H. T. (1981). Some issues of isolated dialect development (based on the Mozdok dialect of the Kabardino-Circassian language. In: *Linguistic geography and problems of language history*, 1. Nalchik: Kabardino-Balkaria. Institute of History, Philology of the Soviet Union. Mine KBASSR. 115—118. (In Russ.).
- Lopatinsky, L. G. (1891). A brief Kabardian grammar. In: *Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*, XII. Tiflis: Printing House of the Concentration Camp of the Commander-in-Chief of the Civil Unit in the Caucasus. 1—299. (In Russ.).
- Mamreshev, K. T. (1959). *Features of the Baksan dialect of the Kabardian language*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House. 86 p. (In Russ.).
- Nogmov, Sh. B. (1947). *The history of the Adyghe people*. Nalchik: Kabgosizdat. 160 p. (In Russ.).
- Shagirov, A. K. (1955). *Features of the Malkin dialect of the Kabardian language*. PhD Diss. Moscow. 14 p. (In Russ.).
- Sherieva, N. G. (2024). Phonetic features of the Besleneevsky dialect of the Kabardino-Circassian language. *Bulletin of KBIGI*, 1 (60): 42—51. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-42-51. (In Russ.).
- Taov, H. T. (1975). Some questions of the Besleneevsky dialect. In: *Scientific notes. The series is philological*, XXVII. Nalchik: Polygraph Plant named after Revolutions of 1905. 144—156. (In Russ.).
- Taov, H. T. (2006). Dialectology. In: *Kabardino-Circassian language: in 2 volumes*, 2. Nalchik: Republican Polygraph Plant named after Revolutions of 1905, El-Fa. 222—291. (In Russ.).
- Turchaninov, G. F. (1946a). Materials on the dialect of Mozdok Kabardians. In: *Scientific notes of the Kabardian Scientific Research Institute*, 1. Nalchik: Kabardian State Publishing House. 203—231. (In Russ.).
- Turchaninov, G. F. (1946b). Language, writing, printing. In: *Collection "Kabardian ASSR"*. Nalchik: Kabardian State Publishing House. 256—281. (In Russ.).
- Turchaninov, G. F. (1949). On some phonetic phenomena in the Kabardian language of the first half of the nineteenth century. In: *Languages of the North Caucasus and Dagestan*, 2. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 39—61. (In Russ.).
- Turchaninov, G. F., Tsafov, M. (1941). *Grammar of the Kabardian language*. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 161 p. (In Russ.).
- Yakovlev, N. F. (1928). A brief overview of Circassian (Adyghe) dialects and languages. *Notes of the North Caucasian Regional Mountain Research Institute*, 1: 117—128. (In Russ.).

*The article was submitted 30.01.2025;
approved after reviewing 29.04.2025;
accepted for publication 20.05.2025.*

Информация для цитирования:

Дмитриева Т. Н. Западносибирско-татарские лексические материалы в рукописном наследии российских академиков Г. З. Байера и Г. Ф. Миллера / Т. Н. Дмитриева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 75—97. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-75-97.

Dmitrieva, T. N. (2025). Lexical Materials of West Siberian Tatar in Manuscript Heritage of Russian Academics G. Z. Bayer and G. F. Müller. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 75-97. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-75-97. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Западносибирско-татарские лексические материалы в рукописном наследии российских академиков Г. З. Байера и Г. Ф. Миллера

Дмитриева Татьяна Николаевна
orcid.org/0000-0002-3719-5150
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра русского языка,
общего языкознания
и речевой коммуникации
profmdmitan@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-01692
«Народы Восточной Европы
и начальная история Древней Руси
в научном наследии Готлиба Байера»,
<https://www.rscf.ru/project/23-28-01692/>

Lexical Materials of West Siberian Tatar in Manuscript Heritage of Russian Academics G. Z. Bayer and G. F. Müller

Tatiana N. Dmitrieva
orcid.org/0000-0002-3719-5150
Doctor of Philology, Professor,
Department of the Russian,
General Linguistics and
Speech Communication
profmdmitan@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

This research was funded
by the Russian Science Foundation,
Project № 23-28-01692
“Peoples of Eastern Europe
and the Early History
of Ancient Rus’ in the Scholarly
Legacy of Gottlieb Bayer”
<https://www.rscf.ru/project/23-28-01692/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья основана на материале недостаточно изученного научного наследия российского академика Готлиба Зигфрида Байера (1694—1738). Впервые рассматривается лексика одного из первых памятников тоболо-иртышского диалекта сибирских татар в составе рукописного латинско-татарско-вогульского словарика в архиве Байера (Глазго, Великобритания). Установлено, что словарь Байера составлен на основе словарика российского академика Герхарда Фридриха Миллера (1705—1783), записанного им в Tobolsk в 1734 году и включающего слова общепотребительной, базовой лексики. В статье проведен анализ ряда лексем (16 из 99) словарика Байера — Миллера с точки зрения семантики, этимологии и графико-фонетических особенностей. Выявлены исконно тюркские лексемы и заимствования. Среди исконно тюркских — слова, обозначающие реалии природы (*Kun* ‘солнце; день’, *Jildūs* ‘звезда’, *Agatsch* ‘дерево; лес’, *Urman* ‘лес’, *Kul* ‘озеро’), связанные с социумом и деятельностью человека (*Achtscha* ‘деньги’, *kul* ‘слуга’, *ok* ‘стрела’), древнейшее общекипчакское наименование бога (*Tangri*) и этимологически неясное сиб.-тат. *büre'n* ‘озеро’. Заимствования представлены лексемами, связанными с мусульманской религией: *Chudai* ‘бог’, *Asman* ‘небо’, *Atniā* ‘неделя’ (от ‘пятница’) — из персидского; *Jumā* ‘пятница, неделя’, *Auwa* ‘небо’, *Schaitan* ‘дьявол’ — из арабского. Графико-фонетический анализ материала показал, что в рассмотренных языковых единицах нашли отражение особенности вокализма и консонантизма тоболо-иртышского диалекта первой половины XVIII века.

Ключевые слова:

Сибирь; Байер; Миллер; рукописные словники; язык сибирских татар; семантика; этимология; графико-фонетические особенности.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is based on the insufficiently studied scholarly legacy of the Russian academician Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738). It presents, for the first time, an analysis of the vocabulary found in one of the earliest monuments of the Tobol-Irtysh dialect of Siberian Tatars, specifically within a manuscript Latin-Tatar-Vogul dictionary preserved in Bayer’s archive (Glasgow, United Kingdom). The study establishes that Bayer’s dictionary was compiled based on the lexicon recorded by Russian academician Gerhard Friedrich Müller (1705–1783) in Tobolsk in 1734, which includes terms of common, basic vocabulary. The article analyzes a selection of lexical items (16 out of 99) from the Bayer-Müller dictionary with respect to their semantics, etymology, and graphic-phonetic characteristics. The research identifies indigenous Turkic lexemes as well as borrowings. Among the indigenous Turkic words are terms denoting natural phenomena (*Kun* ‘sun; day’, *Jildūs* ‘star’, *Agatsch* ‘tree; forest’, *Urman* ‘forest’, *Kul* ‘lake’), those related to society and human activities (*Achtscha* ‘money’, *kul* ‘servant’, *ok* ‘arrow’), the ancient common Kipchak term for deity (*Tangri*), and the etymologically unclear Siberian Tatar *büre'n* ‘lake’. Borrowed terms are associated with Islamic religion: *Chudai* ‘God’, *Asman* ‘sky’, *Atniā* ‘week’ (from ‘Friday’) — from Persian; *Jumā* ‘Friday, week’, *Auwa* ‘sky’, *Schaitan* ‘devil’ — from Arabic. A graphic-phonetic analysis of the material reveals distinctive features of vowel and consonant patterns characteristic of the Tobol-Irtysh dialect in the first half of the 18th century.

Key words:

Siberia; Bayer; Müller; manuscript dictionaries; language of Siberian Tatars; semantics; etymology; graphic-phonetic features.

УДК 81'373.6(=1.470=512.145)+811.124'02+929Байер+929Миллер

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-75-97

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Западносибирско-татарские лексические материалы в рукописном наследии российских академиков

Г. З. Байера и Г. Ф. Миллера

© Дмитриева Т. Н., 2025

1. Введение = Introduction

К числу выдающихся деятелей науки XVIII века принадлежит один из первых российских академиков Готлиб (Теофил) Зигфрид Байер. Немец по происхождению, академик по кафедре греческих и римских древностей в Российской Академии наук, созданной в 1724 году Петром I, Байер известен как историк, филолог и ориенталист. Он прекрасно владел классическими и европейскими языками и серьезно занимался китайским языком; начальная история Российского государства также входила в круг его научных интересов [Пекарский, 1870, с. 80—196; Горяев, 2024, с. 30—31; Соколов, 2024, с. 168—169]. Труды Байера (часть из них опубликована) написаны на латинском и немецком языках, но далеко не все они переведены на русский. Материалы рукописного наследия Байера, хранящиеся в Петербурге и в Глазго, изучены недостаточно.

Рукописные источники XVIII века по языкам народов Сибири представляют огромную ценность для изучения истории этих языков и их диалектов. Один из таких источников был обнаружен в архиве Байера, находящемся в Глазго (каталог архива опубликован в 2022 году). Это документ № E27, который, согласно его описанию в каталоге, написан в Санкт-Петербурге на латинском и немецком языках в период между 1730 и 1738 годами и содержит «собрание разрозненных двухстраничных текстов, посвященных различным уральским, алтайским и сибирским народам и языкам» [The Bayer Collection ..., 2022, p. 161]. Здесь же отмечается, что «лингвистический и этнографический материал в этом документе, возможно, был скопирован из отчетов Герхарда Фридриха Мюллера» [Ibid., p. 162] (перевод с англ. — см. [Дмитриева, 2024а, с. 11—12]).

Герхард Фридрих Миллер (Мюллер) — так же, как и Байер, немец по происхождению и академик Российской Академии наук, — был одним из

руководителей Второй Камчатской (Великой Северной) академической экспедиции, продолжавшейся с 1733 по 1743 годы, благодаря которой впервые стали целенаправленно собираться сведения о коренных народах Сибири и их языках. В ходе экспедиции Миллер присылал в Петербург в Академию наук отчеты и документы [Элерт, 1990, с. 149]. Изучая их, Байер мог познакомиться с материалами по лексике народов Сибири и скопировать их для себя (подробнее см. в [Дмитриева, 2024а, с. 12—13]).

Под заголовком «Siberia» в документе № E27 архива Байера нами был обнаружен записанный в три столбца латинско-татарско-вогульский словник [The Bayer Collection ..., d. E27, p. 8r—9l]. Эти же лексические материалы удалось найти в портфелях Миллера [РГАДА, ф. 199, д. 529, ч. 1, с. 113—126]. В записи Миллера, предвещающей указанный словник в «портфели» № 529-1, *на латинском языке* сообщается, что 18 февраля 1734 года и в последующие дни в Тобольске им были составлены *словники тобольско-татарского и вогульского языков* от двух толкователей языков из Тобольской провинции — татарского и вогульского — «*по их речи*» [РГАДА, ф. 199, д. 529, ч. 1, с. 112]. Татарские и вогульские слова словника Байера — Миллера записаны на латинице, с использованием буквенных сочетаний, принятых в немецком языке, некоторых диакритических знаков и, по-видимому, знаков ударения.

Словник Байера — Миллера, согласно традиции, идущей от первого исследователя Сибири Даниэля Готтлиба Мессершмидта, составлен по тематическому принципу. Такие списки слов на языках народов Сибири давали представление о базовой лексике этих языков. Особое внимание уделялось счету и именам числительным (см. [Дмитриева, 2024а, с. 13—15]).

Вогульская (мансийская) часть словника анализировалась нами ранее, ряд вогульских лексем был рассмотрен в плане семантики и словообразования [Дмитриева, 2024а]. В данной статье рассматриваются отдельные лексемы из тобольско-татарской части словника с точки зрения семантики, этимологии и некоторых графико-фонетических особенностей.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Словник Миллера из пф. 529-1 включает около 300 как татарских, так и вогульских слов, в то время как Байер записал лишь 90 вогульских слов, в том числе 4 — варианты наименований, 2 топонима и 5 этнонимов, и 99 татарских, в числе которых 7 — варианты, 1 топоним и 3 этнонима. Байер выписал у Миллера, очевидно, лишь интересующие его лексемы, сохранив их последовательность.

По составу татарских и вогульских (мансийских) лексем в словнике Байера — Миллера в [The Bayer Collection, d. E27, p. 8r—9l] также нет полного

совпадения. Например, названия дней недели приведены только татарские (все они — заимствования); только для татарского есть слова, обозначающие ‘пустыня’ и ‘море’ (для манси — жителей тайги эти реалии не актуальны), однако нет татарского названия реки Иртыш (мансийское есть!) и этнонимов ‘татары’ и ‘самоеды’ (ненцы), в то время как у манси они записаны.

Фонетические особенности, грамматика и лексика диалектов сибирских татар, тесно связанные с их этнической историей, рассмотрены во многих работах отечественных тюркологов [Ахатов, 1963; Тумашева, 1977; Алишина, 1994; Дмитриева, 1981; Насибуллина, 2000; Рамазанова, 2007, 2015; Садыков, 2012; Садыков, 2019; Зайдуллин, 2014 и мн. др.]; издан ряд современных сибирско-татарских словарей, в том числе [Тумашева, 1992; Сагидуллин, 2010; Бакиева, 2016].

Состав лексики сибирских татар отражает сложный процесс формирования сибирскотатарского этноса и его языка. Тюркологами установлено, что в этом процессе принимали участие как местные тюркские племена, так и башкирские, киргизские, ногайские, казахские и др. этнические группы; значительную роль в нем сыграли бухарцы — пришлые выходцы из Средней Азии, переселившиеся в Западную Сибирь, а также миграция в Сибирь казанских (поволжско-приуральских) татар [Тюркские народы ..., 2006, с. 26—33, 43—46; Тумашева, 1977, с. 11—16; Алишина, 1994, с. 81; Рамазанова, 2015, с. 67—71; Садыков, 2019 и др.]. Сибирские татарские диалекты относятся к кыпчакской группе тюркских языков, в которой тоболо-иртышский диалект занимает промежуточное положение между татаро-башкирской и кыпчак-ногайской подгруппами. В плане фонетики общей особенностью вокализма сибирских диалектов определяется его сдвинутость от старотюркской системы гласных к поволжско-татарской, но с отклонениями по диалектам. Консонантизм диалектов сохраняет древнетюркские особенности [Тумашева, 1977, с. 266].

Первыми опубликованными источниками по лексике диалектов сибирских татар являются словари Иосифа Гиганова [Гиганов, 1801; Гиганов, 1804]. Изучению диалектных исторических словарей татарского языка, в том числе и словарей И. Гиганова, посвящены работы А. Ш. Юсуповой [Юсупова, 2008, 2010, 2011 и др.], К. С. Садыкова [Садыков, 2012].

Лексика сибирских татар, собранная Миллером, также учитывается тюркологами. Д. Г. Тумашевой были изучены языковые материалы Миллера и записи отдельных слов, сделанные путешественниками в XVII—XVIII веках, и выявлены фонетические особенности тоболо-иртышского диалекта этого периода, но конкретные примеры из Миллера ею не приводятся. При этом она ссылается на другой документ из архива Миллера — «Лексикон или лучше сказать собрание слов Татарского языка по всем оно-

го диалектам по Сибири» [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 513, д. 1, л. 1—13]. См. [Тумашева, 1977, с. 45, 283].

Добавим некоторые сведения об этом документе. В описании портфелей Миллера есть «Портфель 513, содержащая словарь разных языков сибирских народов», в которой под номером 1 указан «Словарь татарского языка всех диалектов, находящихся в Сибири. Писан рукою Миллера. 13 листов» [РГАДА, ф. 199, оп. 2. Портфели Миллера, с. 114]. На первом листе документа 513-1 приведен перечень десяти сибирскотатарских диалектов, лексика из которых в нем представлена, и под номером 3 указан тоболо-иртышский диалект: «*Um Tobolsk und Tara am Irtisch*» («в Тобольске и Таре у Иртыша»). Этот «*Vocabularium*» построен Миллером по тому же тематическому принципу, что и документ 529-1, — в виде таблицы, с указанием значений слов на латинском языке и столбцами слов по диалектам. Лексический состав тоболо-иртышской части словников из пф. 529 и 513, написанных рукой Миллера, почти совпадает. Совершенно очевидно, что в тоболо-иртышской части сводного сиб.-тат. словника использован материал, записанный Миллером в Тобольске в 1734 году.

А. Х. Насибуллина отмечает, что материалы по лексике сибирских татар содержатся в словаре Миллера, составленном им в 1737—1738 годах в Тобольске [Насибуллина, 2000, с. 11], но указание места и даты требует уточнения, поскольку Миллер был в Тобольске только в начале и в конце Великой Северной экспедиции — в 1734 и в 1740—1742 годах. В 1737 году он находился в Якутске и в Иркутске и здесь уже мог составить этот документ: якутский язык завершает список языков словника из пф. 513-1. В 1738 году ученый путешествовал по Ангаре и Енисею (см. [Элерт, 1990, с. 149—151, 153]).

В данной статье мы рассматриваем ряд лексем из тобольско-татарского (= тоб.-ирт.) списка словников Байера (из [The Bayer Collection, d. E27]) и Миллера (из [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1]) на фоне других сиб.-тат. соответствий. Материал представлен в словарных статьях согласно его расположению в источнике, с указанием тематических групп.

Структура словарной статьи: 1) латинское слово (иногда заимствование), обозначающее называемое понятие; 2) русский перевод; 3) татарское слово у Байера и у Миллера; 4) соответствия и параллели в исторических и современных словарях диалектов сибирских татар [Гиганов, 1801; Гиганов, 1804; Дмитриева, 1981; Тумашева, 1992, Сагидуллин, 2010; Бакиева, 2016] и в татарском литературном языке по [РТС, 1955—1958; ТРС, 1966; ТРС, 2007], при этом варианты, фонетически наиболее близкие к формам, приведенным в словнике, выделяются **жирным шрифтом**; 5) этимологический комментарий с привлечением ЭСТЯ и словаря Р. Г. Ахметьянова [ЭСТатЯ] (на тат. языке); 6) графико-фонетический комментарий.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Байер сохранил тематическую последовательность материала словника Миллера, хотя и переписал его не полностью. В этой же последовательности мы рассматриваем сиб.-тат. лексемы источника и их соответствия с точки зрения семантики и этимологии, а также передачи в них фонетических особенностей тоболо-иртышского диалекта.

3.1. Духовные сущности (Бог и дьявол)

3.1.1. Deus / Бог' — Chudai, Tangri

[The Bayer Collection, d. E27, p. 8r] // = *Chuda'i, Tangri'i* [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 113].

~ тоб. *Алла, тангри, Худай (Ходай)*¹ [Гиганов, 1801, с. 52; Гиганов, 1804, с. 20]; сиб.-тат. (Тоб. Радлов) *худай* [Тумашева, 1992, с. 231]; сиб.-тат. *Алла, котай* [Сагидуллин, 2010, с. 20]; сиб.-тат. *Алла, Тэнрэ, Ходай* [Бакиева, 2016, с. 183]; ~ тат. лит. *алла* — рел. 'бог, господь, всевышний; божество' [ТРС, 1966, с. 33], 'аллах, бог, господь (бог); всевышний' [ТРС, 2007, т. 1, с. 82]; ~ *хода, ходай* — 'бог, господь' [ТРС, 1966, с. 614], 'бог, всевышний' [ТРС, 2007, т. 2, с. 535]; ~ *тэнре* — миф. 1. *ист. общетюркский бог неба тенгри*'; 2. бог, аллах [Там же, с. 342].

Первое из именованний бога в рассматриваемом источнике — тоб. *Chudai* (~ тат. лит. *ходай, хода*), иранское заимствование: < перс. *худдā, худдāй* 'Бог, Всевышний' < др.-иран. *qa-dhata* ~ санскр. *sva-dhita* 'творец своего закона, тот, кто его дает', ср. алт., тув. и т. д. *қудай* 'один из языческих богов'. Вообще *ходай* < *худай* распространено в языках всех мусульманских народов как синоним слова *Алла* [ЭСтатЯ, т. 2, с. 390]. *Худай* в представлении сибирских татар — божество, живущее на небе и руководящее всем на свете, нечто невидимое и непознаваемое [Корусенко, 2013, с. 69]. *Кудай* или *Худай* — верховный бог в уйгурской мифологии. Известен также под именем *Ульген*².

Форма *Chudai* у Байера — Миллера совпадает с тоб. фиксацией слова Радловым (нет перехода гласных *и* > *о* (*у* > *о*)). См. [Тумашева, 1977, с. 35—36]).

Второе имя — *Tangri* (тат. лит. *тэнре* 'бог, тенгри'), как уже отмечалось, является общетюрк. именем бога неба < др.-тюрк. *tānri* 'небо'; 'бог,

1 В словаре 1804 года вариант *Худай* заменен Гигановым на *Ходай* (= тат. лит.).

2 В мифологии и фольклоре тюркских народов Кудай (Худай) вместе со своим братом Эрликом создавал сушу и растения, горы, моря, деревья. Кудай сотворил собаку, но не дал ей шерсти, это сделал Эрлик. Кудай создал первых животных — коня, овцу, корову, а Эрлик — верблюда, медведя, барсука, крота. Он сотворил из глины человека, а Эрлик вдохнул в него душу. Кудай спустил с неба молнию, повелевал громом. Он состязался с Эрликом, который проиграл ему в споре, кому быть творцом, а затем они разделили народ между собой [Кудай]; см. также [Сагалаев, 1992, с. 22—44].

божество' ~ общекрыпч. *тэңир, тэңири*, уйг. *тэңри* 'бог', алт. *теңери* 'небесный, божественный', хак. *тигёр* 'небо' ~ монг. *тэңэр, тэңри, тэңэри* 'небо; божество'. Также алт. *теңери* 'небо', *танары* 'бог'; ~ тур., аз., туркм., кар. *таңры* и др. См. [ЭСТатЯ, т. 1, с. 245—246]¹.

Представления о Тенгри мало сохранились у сибирских татар. Вероятно, этот образ, подобно образу Худая как некогда верховного божества, был едва ли не полностью поглощен исламом и слился с образом единого монотеистического божества — Аллаха [Корусенко, 2013, с. 64].

Форма *Tangri* в анализируемом источнике совпадает с записью И. Гиганова: гласная буква *a* используется для передачи переднерядного *ə* (см. [Садыков, 2012, с. 128]).

К этим обозначениям бога Гиганов и авторы современных словарей добавляют мусульманское именование *Алла*, которое «употребляется в знач. 'бог' не только магометанскими, но и крещеными казанскими татарами...» (Радл. 1: 397), ср. тур., аз. *allah* 'бог, аллах' < ар. '*allāh* [Аникин, РЭС, т. 1, с. 163]. См. также [ЭСТатЯ, т. 1, с. 93]. Представления об Аллахе у сибирских татар формировались во многом в том виде, в каком его преподносили проповедники ислама. Другим источником формирования образа Аллаха был Коран, суры которого передавались в пересказе от одного человека к другому. Образ Аллаха — единого Бога вытеснил языческие верховные божества, взяв на себя часть их функций, однако при сопоставлении представлений тюркоязычных народов Западной Сибири об Аллахе, Тенгри и Худеа становится ясно, что эти образы отнюдь не равнозначны [Корусенко, 2013, с. 35].

3.1.2. Diabolus 'дьявол' — Schaitan

[The Bayer Collection, d. E27, p. 8r] // = *Schaitan* [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 113].

~ тоб. *шайтань, дю* 'дьяволь' [Гиганов, 1801, с. 53]; сиб.-тат. *шайтан, чин* 'чёрт' [Сагидуллин, 207]; сиб.-тат. *шайтан, пэри* 'бес, черт' [Бакиева, 2016, с. 185]; тат. лит. миф. *шайтан* 'чёрт, дьявол, бес, сатана, нечистая сила' [ТРС, 1966, с. 653; ТРС, 2007, т. 2, с. 600]; ~ сиб.-тат. *иблис* 'дьявол' [Бакиева, 2016, с. 184]; тат. лит. *шайтан, иблис* 'дьявол' [РТС, т. 1, с. 272]; тат. лит. миф. *иблис* 'сатана, дьявол, нечистая сила, злой дух' [ТРС, 2007, т. 1, с. 428].

1 Имя *Тенгри* (в русифицированной записи — алт. *тенгри, тенгери*; шор. *тегри*; якут. *тангара*; монг. *тэнгэр*; бурят. *тэнгэри, тэнгри* и др.) принадлежит древнейшему мифологическому фонду народов Центральной Азии. Возможно, этот термин был представлен еще в языке хунну (III в. до н. э. и раньше). Представление о Тенгри складывалось на основе анимистических верований о небесном духе-хозяине, причем небо мыслилось и его непосредственным проявлением, и местом его обитания [Мифологический словарь ..., 1990, с. 523]. Л. Н. Гумилев пишет, что в Иране главный бог тюрков Тенгри получил персидское название Кудай (Кодай) [Гумилев, 1993, с. 79] (цит. по: [Корусенко, 2013, с. 64]).

Сиб.-тат. и тат. лит. *Schaitan* (*шайтан*) ~ кыпч., казах., тат. *šajtan* ‘чёрт’; алт., шор. и др. *šajdan* ‘сатана’ < ар. *šaiṭān* (*шайṭān*) ‘бес, сатана; шайтан’ ~ евр. *саман* ‘обвинитель в суде; алчный, бунтарь’. Рус. *самана* пришло через греческий язык. Слово *шайтан* широко распространено в Евразии и у народов мира и означает ‘враг Божий, злой дух; идол’ [Фасмер, т. 4, с. 395; Аникин, 1997, с. 713; ЭСтатЯ, т. 2, с. 476]. От сибирских татар попало в русский и в мансийский язык как обозначение языческого вогульского идола (см. [Дмитриева, 2024а, с. 16]).

Сиб.-тат. и тат. лит. *иблиц* ‘дьявол’ < ар. *иблиц* ‘то же’ < др.-греч. *δίαβολος* (> рус. ‘дьявол’) [ЭСтатЯ, т. 1, с. 291].

В народном представлении Шайтан — это антипод Аллаха, воплотивший в себе силы зла. В мусульманской мифологии Шайтан — одно из имен дьявола Иблиса, свергнутого за непослушание Аллахом и ставшего его врагом, а также одна из категорий джиннов. У сибирских татар представления об Иблисе отнюдь не совпадают с представлениями о Шайтане: Иблис, по поверьям некоторых групп тоболо-иртышских татар, — дух огня. Шайтан же очень часто помещается на уровень выше — духов-хранителей, хотя Аллах и считается сильнее его [Корусенко, 2013, с. 71]¹.

Приведенное Гигановым тоб. *дию* в значении ‘дьявол’ ~ тат. фолькл. *дию* ‘див, злой дух; демон, чудовище’ [ТРС, 2007, т. 1, с. 354]. Тат. *дию* [дийу] ‘див, чудовище безобразного² вида и огромного роста, страшный, но глуповатый’ < перс. *див*, *диw* ‘великан’ < др.-перс. *дэw* < авест. *daeva* — санскр. *dēva* ‘Бог’ — и.-е. **deuos* (отсюда *Зевс* и лат. *Deus*) [ЭСтатЯ, т. 1, с. 247].

Сиб.-тат. *чин* ‘бес, черт’ ~ чаг., тат. *žin* ‘злой дух, демон’, кумык. *žin* ‘черт’ и др. < ар. *ǧinn* собир. ‘невидимые демоны, которые вмешиваются в человеческую жизнь, оказывая помощь или вред’. В рус. лит. — *джинн* [Аникин, РЭС, т. 13, с. 329—330].

Сиб.-тат. *пәри* ~ тат. лит. миф. *пәри* ‘нечистая сила, черт, бес’ [ТРС, 1966, с. 136—137]; (одно из значений) груб. прост. ‘черт, нечистый, лукавый’ [ТРС, 2007, т. 2, с. 136—137]; тат. лит. *пәри*, диал. *пири*, *пире*, *пир* «пери, черт и т. п.» (наиболее часто употребляемое название невидимых духов)³ ~ башк. *бәрей*, *пәрей*, тат. диал. *фәри*, казах. *пері*, общекыпч. *парий*, *пәри*, уйг. *пәри*, тур. *peri* < перс. *перй*, *пәрй* ‘нечистая сила; фея, красавица’

1 Согласно народным воззрениям, он хозяин «ада» и именно к нему попадают души грешников, что также противоречит исламским канонам. Шайтан нередко выступает в мифологии как громовержец. Этот факт сближает Шайтана с языческими божествами неба [Корусенко, 2013, с. 71].

2 В цитируемом источнике написано с опечаткой: во втором слоге пропущена буква *o*.

3 В целом *пәри* — не очень сильный дух-проказник, однако в некоторых говорах этому слову придается значение злого духа, нечистого, в литературных произведениях наоборот — значение обольстительной красавицы, рус. *пәри* [ЭСтатЯ, т. 2, с. 106].

< авест. *pairika*¹, основное значение ‘летучий’. Это иранское слово переходило от языка к языку многократно с незапамятных времен [ЭСтатЯ, т. 2, с. 106]. *Пэри* (*nari*, *peru*) — дух, персонаж мифологии, фольклора и письменной литературы народов стран Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии, Кавказа и Поволжья. Восходит к древнейшим пластам мифологии Ирана, где олицетворяет исключительно отрицательные качества. Со временем образ пэри переосмысливался и приобретал положительные свойства [Пэри].

Таким образом, ислам не только деформировал древние представления, но и, сращиваясь и дополняя их персонажами собственно арабо-мусульманской мифологии, способствовал дальнейшему сохранению этих представлений в народном сознании [Сызранов].

3. 2. Небо и небесные тела

3.2.1. Caelum ‘небо’ — *Auwà, asmàn*

[The Bayer Collection, d. E27, p. 8r] // = *Auwà, Asmàn* [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 113].

~ сиб.-тат. *aya* ‘воздух’ [Тумашева, 1992, с. 31], *aya* ‘небо’ [Сагидуллин, 2010, с. 86]; сиб.-тат. *кук*, *aya* ‘небо’ [Бакиева, 2016, с. 69], тат. лит. *hava* ‘воздух’ [ТРС, 1966, с. 778], ‘воздух; небо, небеса’ [ТРС 2007, т. 2, с. 542].

~ тоб. *кюкь*, *асмань* [Гиганов, 1801, с. 20; Гиганов, 1804, с. 310]; сиб.-тат. Тоб., Тар. *асман* ‘небо’ [Тумашева, 1992, с. 29].

Для обозначения неба в словнике Байера — Миллера даны два сиб.-тат. слова. Первое из них — тоб. *Auwà* (= *aya*; тат. лит. *hava* [ha^hwa]), известное в значениях ‘небо’ и ‘воздух’ < ар. *āwā* ‘воздух’ [ЭСтатЯ, т. 2, с. 393]. Бибибиальный характер согласного [w] Миллер передает через сочетание *-uw-*, на кириллице сиб.-тат. слово пишется через *-y-*.

Вторая лексема — *asmàn* (*асман*) ‘небо, небеса’ < перс. *āsmān* ‘то же’, от древнего и.-е. слова *akmen* ‘камень’; представление о небе как о камне было характерно для древней психологии. См.: [ЭСтатЯ, т. 1, с. 10]. Ср. в Ветхом Завете: *небесная твердь*.

Приведенное Гигановым тоб. *кюкь* ‘небо’, сиб.-тат. *кук* ср. с тат. лит. *кук* I ‘синий, голубой, лазурный’; *кук* II ‘небо’ [ТРС, 1966, с. 335; ТРС, 2007, т. 1, с. 671]. С точки зрения развития семантики цветовое значение у лексемы *кук* является вторичным: исконное значение др.-тюрк. корня *кōк* (огуз. *gōk*) — ‘небо’ [ЭСтЯ, т. 3, с. 67 (см. ГӨ:К); ЭСтатЯ, т. I, с. 487].

Огубленный гласный переднего ряда верхнего подъема у [j] (< др.-тюрк. *ō*) Гиганов передает через *ю* [Садыков, 2012, с. 128].

1 Авест. *pairika* традиционно переводится как «ведьма», «колдунья», «волшебница».

3.2.2. Sol ‘солнце’ — Kun

[The Bayer Collection, d. E27, p. 8] // = *Kun* [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 113].

~ тоб. *кюнь*, *кюяшь* ‘солнце’ [Гиганов, 1804, с. 563]; сиб.-тат. *көн* I ‘день’; *көн* II ‘солнце’ [Тумашева, 1992, с. 102]; тат. лит. *көн* уст. ‘солнце, солнечный свет’ [ТРС, 1966, с. 325] < общетюрк. **күн* (или **күн* с долгим *ү*) ‘солнце’, ‘день’ [Щербак, 1970, с. 195] (= **күн* и **күн*:н. Вопрос о приоритете ‘солнце’ или ‘день’ остается открытым [ЭСТЯ, т. 3, с. 100—101]).

Данное слово Миллер пишет с гласной *и*, Гиганов — с *ю*, как и в предыдущем *кюкь* ‘небо’. В сиб.-тат. и тат. лит. *көн* — переход общетюрк. *ү* > *ө* [Тумашева, 1977, с. 36, 45].

Та же семантика (‘солнце’ и ‘день’) у слова *кун* в кирг. и якут. языках. Типологически то же у мар. *кече*, венг. *nap*, хант. *хатл*. Ср. в анализируемом источнике: ‘солнце’ — вог. (манс.) *Kótol* [The Bayer Collection, d. E27, p. 8r; РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 113], ‘день’ — вог. *Kotol* [The Bayer Collection, d. E27, p. 8l; РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 113], ср. манс. сосьв. *хóтал* ‘день; солнце’ [Ромбандеева, 1982, с. 150].

Приведенная Гигановым тоб.-тат. лексема *кюяшь* ~ сиб.-тат. *койаиш* [Сагидуллин, 2010, 172; Бакиева, 2016, с. 70], тат. лит. *койаи* ‘солнце’ [ТРС, 1966, 289] — общетюрк. *күйаиш* id. < др.-тюрк. *qujaš*. Предполагают, что первичным значением могло быть ‘палящий жар солнца’, а затем ‘солнце’ [ЭСТЯ, т. 6, с. 112; ЭСтатЯ, т. 1, с. 445].

3.2.3. Stella ‘звезда’ — Jildűs

[The Bayer Collection, d. E27, p. 8r] // = *Jildűs* [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 113].

~ тоб. *юлдузь* ‘созвездие лось’ [Гиганов, 1801, с. 20], ‘звезда’ [Гиганов, 1804, 190]; сиб.-тат. Бар. (Радлов) *йылдыс* [Тумашева, 1992, с. 90], *йылтыс* [Сагидуллин, 2010, 73], *йолтыс* [Бакиева, 2016, с. 69] ~ тат. лит. *йолдыз* ‘звезда’ [ТРС, 1966, с. 187; ТРС, 2007, т. 1, с. 478] — общетюрк. < др.-тюрк. *йүлдуз* (*julduz*) [ЭСТЯ, т. 4, с. 279; ЭСтатЯ, т. 1, с. 322]. Во всех тюркских языках соответствующие лексемы означают ‘звезда’. Также есть значения ‘планета’, ‘созвездие’ (чув.) [ЭСТЯ, т. 4, с. 280]. Происхождение слова связывают с корневой основой *jal-*, *jil-*, *jol-*, *jul-* глагола ‘блестеть’. Слово также входит в состав тюркских астрономических терминов, называющих некоторые планеты (Венера, Юпитер, Марс, Сатурн, Меркурий) [Там же]. «Созвездие лось», отмеченное Гигановым, — это Большая Медведица¹.

1 Так называют это созвездие обские угры, от них название попало к русским. Лось играл ключевую роль в хозяйственной деятельности и традиционной культуре обских угров и ряда других сибирских этносов, см. [Дмитриева, 2024б, с. 227—228, 232].

3.3. Отрезки времени

3.3.1. *Hebdomas*¹ ‘неделя’ — *Jumà, Atniá*

[The Bayer Collection, d. E27, p. 8l] // = *Jumà, Atniá* [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 114].

~ сиб.-тат. *йома* 1. ‘пятница’; 2. (Кг) ‘неделя’ [Тумашева, 1992, с. 80, 82]; *атна, йома* ‘неделя’ [Сагидуллин, 2010, с. 145], сиб.-тат. *атна* ‘неделя’ [Бакиева, 2016, с. 69]; тат. лит. *атна* ‘неделя’ [ТРС, 1966, с. 44].

Названия дней недели в тюркских языках были заимствованы из восточного календаря. Большинство из них персидского происхождения. Последним днем недели у иранцев считалась пятница, поэтому ее наименование (заимствовано из арабского) приобрело также значение ‘неделя’². Ср.: **(Dies)** ♀ [день Венеры] ‘пятница’ — **Jumà** [The Bayer Collection, d. E27, p. 8r] // = *Jumà* [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 113] ~ сиб.-тат. *йома* ‘пятница’ [Тумашева, 1992, с. 82; Сагидуллин, 2010, с. 145]; тат. лит. *жомга* ‘пятница’ [ТРС, 1966, с. 771, *жомга*, диал. *жõма, йома* ‘пятница’, диал. ‘неделя’ ~ башк. *йомга, йома* ‘id’ < ар. *жум‘а* ‘собрание, день сбора’ (соборная молитва), ‘собрание’ (для молитвы) [ЭСТатЯ, т. 1, с. 277]. В большинстве исламских стран пятница является еженедельным выходным днем.

Форма **Jumà** отражает результат адаптации иноязычного слова, в котором на месте ар. *ж* [дж] появляется *j*, характерный для «йюкоящих» тюркских языков, в том числе для сиб.-тат., и «выпадает согласный из группы -мг-» (см. [Ахатов, 1964, с. 65—67; 75; Тумашева, 1977, с. 60]), при этом нет перехода гласного *u* > *o* (ср. тат. лит. *жомга* ‘пятница’).

Слово *Atniá* ‘неделя’ у Миллера ~ сиб.-тат., тат. лит. *атна*, диал. *әнә* в значении ‘неделя; пятница’ ~ уйг. *одина, адинә*, узб. диал., аз. *адына* < др.-тюрк. *adina* ‘пятница’ < перс. *адинä* < др.-перс. (Хорезм) *fadena* — считается, что название происходит от слова «пятый день» (*fade* – ‘пять’) и связано с тем, что древняя хорезмская неделя была пятидневной [ЭСТатЯ, т. 1, с. 113].

Записанную Миллером форму *Atniá* возможно сопоставить с казан.-тат. диалектным вариантом *әнә*³.

1 Греческое слово в латинском языке.

2 Поскольку у иранцев неделя начинается с субботы, соответственно, от нее идет отсчет последующих дней: воскресенье — один (день от) субботы, понедельник — два, вторник — три, среда — четыре, четверг — пять (дней от) субботы. Название пятницы, заимствованное из арабского, связано с принятием исламской веры и соборной молитвой в этот день. Название субботы восходит (через посредство персидского) к вошедшему в многие языки заимствованию из древнееврейского, см.: [Зайдуллин, 2014, с. 73; Дни недели ...]. В анализируемом нами словнике Байера — Миллера приведены все тоб.-тат. названия дней недели. В данной статье они не рассматриваются.

3 Ср. написание *a* на месте *ә* в начале слова у Гиганова [Садыхов, с. 128].

Для обозначения недели у сибирских татар используется и числительное «семь», указывающее на семь дней в ее составе¹. Ср.: тоб. *имте* ‘неделя’ [Гиганов, 1801, с. 58]; сиб.-тат. Лайт. *йете* 1. ‘неделя’; 2. Тоб., Тюм. ‘семь’, также сиб.-тат. *йетте* ‘семь’ [Тумашева, 1992, с. 80], *йете* ‘семь’ [Сагидуллин, 2010, с. 163] ~ тат. лит. *жиде*, диал. *йёдё*, «неделя» < др.-тюрк. *jetti*, рефлексy имеются во всех тюркских языках (убедительной этимологии не имеет). Деривация (для чисел) регулярна, см. [ЭСТЯ, т. 4, с. 167—168; ЭСтатЯ, т. 1, с. 267]. По тому же словнику Миллера семантическая параллель ‘семь’ — ‘неделя’ выявляется и в мансийском языке, см.: [Дмитриева, 2024а, с. 17—18].

3.3.2. Dies ‘день’ — Kun

[The Bayer Collection, d. E27, p. 8l] // = *Kun* [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 113].

~ тоб. *кюнь* [Гиганов, 1804, с. 120]; сиб.-тат. *көн* I [Тумашева, 1992, с. 102], *көн* [Сагидуллин, 2010, с. 41]; тат. лит. *көн* [ТРС, 1966, с. 289] — ‘день’, общетюрк. Ср. выше «солнце». Вопрос о приоритете ‘солнце’ или ‘день’ остается открытым [ЭСТЯ, т. 3, с. 101].

3.4. Географическое пространство

3.4.1. Sylva (=лат. *silva*)² ‘лес’ — Agatsch, urmàn

[The Bayer Collection, d. E27, p. 8l] // = *Agátsch, Urmàn* [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 114].

3.4.2. Arbor ‘дерево’ — agatsch

[The Bayer Collection, d. E27, p. 8 об.] // = *Agátsch* [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 114].

~ тоб. *агаць* ‘лес’ [Гиганов, 1804, с. 269]; сиб.-тат. Тюм., Тоб., Ваг. *агац, агацлык* ‘лес’, Юрш. *урманлык* [Тумашева, 1992, с. 15, 226]; ~ тат. лит. *урман* ‘лес’ [ТРС 1966, с. 591; ТРС, 2007, т. 2, с. 481] ~ сиб.-тат. Тюм., Каз., Юрш. *урман* ‘ель’ [Тумашева, 1992, с. 226];

~ тоб. *агачь, агаць* [Гиганов, 1801, с. 41], *агаць* [Гиганов, 1804, 121]; сиб.-тат. Бар. *агац и агач* ‘дерево’ [Дмитриева, 1981, с. 123]; сиб.-тат. *агац* [Тумашева, 1992, с. 15; Сагидуллин, 2010, с. 41] — ‘дерево’; ~ тат. лит. *агач* ‘дерево’; ‘лес, дерево (древесина)’ — собир. (материал, сырьё) [ТРС, 1966, с. 22; ТРС 2007, т. 1, с. 39].

~ сиб.-тат. *төс* I ‘лес’ [Тумашева, 1992, с. 216; Сагидуллин, 2010, с. 71].

1 С римского периода названия дней недели были связаны с названиями семи планет классической астрономии, и первым днем недели считалось воскресенье. Обе системы были приняты во многих языках [Загидуллин, 2014, с. 73].

2 Написание лат. слова через *y* (*sylva*) — грецизм: гиперкоррекция под влиянием греч. языка; лат. *u* = *v*.

Лексема *Agatsch* отмечена в словнике Байера — Миллера и в других источниках (=агач) в значениях ‘лес’ и ‘дерево’. Ср. еще сиб.-тат. *йыгаиш*, устар. тат. лит. *жигач*, *жыгач* ‘дерево; древесина; деревянный’. В тюркских языках встречается во множестве вариантов: общетюрк. *агач*, др.-тюрк. уйг. *jiyaç*, узб. диал. *йаггач*, чув. *йывйç*, башк. *агас*, алт., тув. диал. *агыч*, *аач*, *ааш*, *нааш*, *найш*, *ңайш* > якут. *мас* ‘дерево, лес’ (сиб.-тат. *агац* ‘лес’), тув. *ыяш* ‘лес’; чув. *йўç* ‘вид ивы; луг, болото’. Севортыан возводит слово к древнему *ы*, *ый* ‘роща, лес, кустарник’ с уменьшительным аффиксом *-гач* в увеличительном значении; Л. В. Дмитриева выделяет корень **jay* [ЭСТЯ, т. 1, с. 71—72; ЭСтатЯ, т. 1, с. 74].

С точки зрения фонетики примечательна фиксация колебания сиб.-тат. форм с согласным *ч* (у Байера — Миллера *tsch*) и *ц*: цоканье является одной из наиболее характерных фонетических особенностей диалектов сибирских татар и связано с переходом общетюрк. *ч* > сиб.-тат. *ц*. Причину отступления от этой нормы и сохранение *ч* связывают с влиянием казан.-тат. произношения, см.: [Ахатов, 1963, с. 68; Тумашева, 1977, с. 58; Алишина, 1994, с. 22]. Аффикс *-лык*, *-лік* образует имена существительные со значением места, избыливающего тем, что выражено основой [Тумашева, 1977, с. 125], то есть *агацлык* ‘лес’ — это место, избыливающее деревьями.

Слово *урман* обозначает ‘лес’ также и в тат. лит. языке, но у тоб.-ирт. татар отмечено значение ‘ель’, отсюда *урманлык* — то есть, видимо, «место, поросшее елками» (ср. *агацлык*). С точки зрения происхождения *урман* < общекыпч., уйг., чагат., огуз. *орман* ‘лес; дерево; поляна’ < др.-тюрк. *ортан* ‘лес’ [ДТС, с. 371]. По Севортыану < тохар. *or* ‘дерево, дрова’ + аффикс *-ман* [ЭСТЯ, т. 1, с. 472—473]; ср. также [ЭСтатЯ, т. 1, с. 152].

Для сиб.-тат. *төс* Д. Г. Тумашева дает толкование: «курман, -дала, кыр; лес, степь (тат. *урман-дала* букв. ‘лесостепь’), равнина, поле» [Тумашева, 1992, с. 216]. Происхождение неясно.

3.4.3. *Stagnum* ‘озеро’ — *kul*

[The Bayer Collection, d. E27, p. 81] // = *Kul*, *büre'n* [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 114]. Байер копирует у Миллера только первое слово из двух, обозначающих озеро.

Это названия разных типов водоемов. Первое из них, *kul* ~ тоб. *кюль* [Гиганов, 1801, с. 24; Гиганов, 1804, с. 335], сиб.-тат. *кул* [Тумашева, 1992, с. 107; Сагидуллин, 100], *кул* [Бакиева, 2016, с. 76], тат. лит. *кул* [ТРС 1966, 336] ‘озеро’ — общетюрк., др.-тюрк. **кӱл* (**кӱ:л*) [Щербак, 1970, с. 195; ЭТСЯ, т. 5, с. 95—96; ЭСтатЯ, т. 1, с. 490], с отражением сдвига общетюрк. *ӱ* (*ө*) > тат. *ү* [Тумашева, 1977, с. 35]. Миллер передает переднерядный гласный *ү* через лат. *u*.

Лексема *büre`n* — региональный сиб.-тат. географический термин ~ сиб.-тат. *бүрән* 1. Тюм., Юрш. ‘старица, речной рукав’, 2. Аб. ‘стоячая вода, озеро’, 3. Тюм., Тоб. ‘озерце, заводь’ [Тумашева, 1992, с. 48], *бүрән, пүрән* ‘старица, речной рукав; стоячая вода, озерцо’ > рус. сиб. омск. *бурень* ‘озеро, которое при половодье наполняется водой через протоку, пересыхающую летом’ [Аникин, 1997, с. 147; ЭСтатЯ, т. 1, с. 222]. Сиб.-тат. *бүрән* вряд ли из перс. *рийān* ‘камышы, камышовый’, см.: [ЭСтатЯ, т. 1, с. 222].

Примечательна передача Миллером гласного *y* через *ÿ*.

3.5. Драгоценные металлы, деньги

3.5.1. Pecunia ‘деньги’– Achtscha

[The Bayer Collection, d. E27, p. 8l] // = *Achtschà* [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 115]. Ср.: вог. *ochtscha* ‘деньги’– заимствовано из тат. [Там же].

~ тоб. *акца* [Гиганов, 1804, с. 120], сиб.-тат. *акца* [Тумашева, 1992, с. 21; Сагидуллин, 2010, с. 41; Бакиева, 2016, с. 95]; тат. лит. *акча* [ТРС, 1966, с. 30] ‘деньги’ < др.-тюрк. *акча* ‘то же’, букв. ‘что-то белое’, то есть серебряная монета [ЭСтатЯ, т. 1, с. 86].

Сочетание *tsch* в записи слова Миллером отражает сохранение в нем общетюркского *ç* и отсутствие перехода *ç > ц*, характерного для тоб.-ирт. диалекта [Тумашева, 1977, с. 58].

3.6. Человек (социальные термины)

3.6.1. Seruus (= servus) ‘слуга’ — kul

[The Bayer Collection, d. E27, p. 8l] // = *Kul* [РГАДА, ф. 199, оп. 2, пф. 529, ч. 1, с. 115].

~ тоб. *кулъ* [Гиганов, 1804, с. 548] ‘слуга’; сиб.-тат. Бар. *кул* ‘работник’ [Дмитриева, 1981, с. 155], ‘служащий’ [Бакиева, 2016, с. 44]; ~ сиб.-тат. *кол* ‘раб’ [Сагидуллин, 2010, с. 145], тат. лит. *кол* ‘раб, невольник’ [ТРС, 1966, с. 269; ТРС, 2015, т. I, с. 594]. ‘раб; работник’ [ЭСтатЯ, т. 1, с. 431].

< общетюрк. *кул*, пратюрк. **кул* ‘раб’ [Щербак, 1970, с. 194; ЭСТЯ, т. 6, с. 120; ЭСтатЯ, т. 1, с. 431—432]. Фиксация слова в анализируемом источнике сохраняет исконный корневой гласный *u* (=у) и совпадает с записью Гиганова — без перехода *y > ð* [Тумашева, 1977, с. 45].

3.7. Оружие

3.7.1. Sagitta ‘стрела’ — ok

[The Bayer Collection, d. E27, p. 9r] // = *ok* [М пф. 519-1-118].

~ тоб. *укъ* [Гиганов, 1804, 583], сиб.-тат. *ук* [Сагидуллин, 2010, с. 180], *укъ* [Бакиева, 2016, с. 172], тат. лит. *ук* [ТРС 1966, с. 586] — ‘стрела’.

< общетюрк. *окъ*, пратюрк. **ок* ‘стрела’ [Щербак, 1970, с. 195; ср. ЭСТЯ, т. 6, с. 120; ЭСтатЯ, т. 2, с. 343]. Миллер фиксирует форму с общетюрк. *o*, в то время как у Гиганова и др. отражается известный для тат. языка переход *o > y* (см. [Щербак, 1970, с. 157; Тумашева, 1977, с. 35]).

4. Заключение = Conclusions

Записи татарской лексики из архива Байера позволили еще раз обратить внимание на материалы Миллера, а именно — на татарскую часть латинско-татарско-вогульского словника, составленного им в 1734 году в Тобольске, и рассмотреть ее с точки зрения семантики, этимологии и графико-фонетических особенностей.

В статье проанализированы лишь некоторые лексемы (16 из 99) данного словника, составленного по тематическому принципу и включающего слова общеупотребительной, базовой лексики. Привлечение материалов словарей диалектов сибирских татар и татарского литературного языка позволило выявить синонимы и слова с близким значением, что расширяет представление о составе лексики в указанных тематических группах. Но диалектные словари часто не имеют точных географических помет, характеризуя язык сибирских татар в целом, и эти лексемы могут принадлежать разным диалектам (ср., например, наименования дьявола).

С точки зрения происхождения среди рассмотренных слов есть исконные тюркские лексемы и заимствования. Из них к исконной тюркской лексике относятся слова, обозначающие реалии природы (*Kun* ‘солнце; день’, *Jildûs* ‘звезда’, *Agatsch* ‘дерево; лес’; *Urman* ‘лес’; *Kul* ‘озеро’), слова, связанные с социумом и деятельностью человека (*Achtscha* ‘деньги’; *kul* ‘слуга’; *ok* ‘стрела’), а также древнейшее общекрыпчакское наименование бога (*Tangri*). Региональное сиб.-тат. *büre`n* ‘озеро’ этимологические неясно.

Заимствования из персидского и арабского языков, проникшие в лексику сибирских татар вместе с распространением ислама и через сибирских бухарцев, — это прежде всего лексика, имеющая отношение к религии, в том числе из перс. — *Chudai* ‘бог’, *Asman* ‘небо’, *Atniâ* ‘неделя’ (от ‘пятница’); из араб. — *Jumâ* ‘пятница, неделя’, *Auwa* ‘небо’, *Schaitan* ‘дьявол’.

Языковые материалы XVII—XVIII веков, несмотря на несовершенство транскрипции в передаче в них одних и тех же звуков, позволили Д. Г. Тумашевой проследить качество и состав гласных тоболо-иртышского диалекта на более ранних этапах его развития. Так, уже в XVII веке имел место перебой как в области широких губных: *o* > *y*, *ö* > *y*, так и в области узких: *y* > *ö*, *y* > *ø*. У Гиганова *ø* и *y*, *ö* и *y* обозначены одним знаком *y* [Тумашева, 1977, с. 34—35; 46].

Записи лексики словника Байера — Миллера, имеющие свою специфику передачи в них татарских звуков, даже при рассмотрении небольшого по объему материала также позволяют отметить некоторые фонетические особенности тоболо-иртышского диалекта первой половины XVIII века.

В области гласных это 1) сохранение *u* и *o* в исконных тюрк. словах и в заимствованиях: нет перехода *u* > *o* (*kul* ‘слуга’; *Chudai*, *Juma*)

и *o* > *u* (*ok*); 2) в то же время — отражение перехода **o* > *u* (*Urman*); 3) передача переднерядного *y* через *u* и *ü*: *Kul* ‘озеро’ (есть переход **ö* (*ø*) > *y*), *Kun* (сохраняется узкий гласный, нет перехода *y* > *ø*); *büre`n* (*y* Байера пропущено); 4) передача переднерядного *a* через *a* и *ia*’ (*Tangri*; *Atnia*”).

В области согласных это йоканье — сохранение кыпчакского *ü*, без перехода *ü* > *ж*, что отражается и на заимствованиях (*Juma*), а также сохранение общетюркского *ч* (*y* Миллера — *tsch* : *Agatsch*, *Achtscha*), как в казан.-тат., без отражения перехода *ч* > *ц* — цоканья, характерного для тоб.-ирт. диалекта.

Анализ всего материала словарика позволит более полно показать лексические и фонетические особенности тоболо-иртышского диалекта первой половины XVIII века и говора информанта, от которого была записана эта лексика.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Сокращения в названиях языков и диалектов

авест. — авестийский	омск. — омские говоры русского языка
аз. — азербайджанский	перс. — персидский
алт. — алтайский	пратюрк. — пратюркский
ар. — арабский	рус. — русский
башк. — башкирский	санскр. — санскрит
венг. — венгерский	сиб.-тат. — диалект (язык) сибирских татар
вог. — вогульский (мансийский)	сосьв. — сосьвинский диалект мансийского языка
греч. — греческий	тат. лит. — татарский литературный
др.-греч. — древнегреческий	тоб. (тоб.-тат.) — тобольско-татарский диалект
др.-иран — древнеиранский	тохар. — тохарский
др.-тюрк. — древнетюркский	тув. — тувинский
др.-перс. — древнеперсидский	тур. — турецкий
евр. — еврейский	туркм. — туркменский
и.-е. — индоевропейские языки	тюрк. — тюркские языки
казах. — казахский	узб. — узбекский
кар. — караимский	уйг. — уйгурский
кирг. — киргизский	хак. — хакасский
кумык. — кумыкский	хант. — хантыйский
кыпч. — кыпчакские	чагат. — чагатайский
лат. — латинский	чув. — чувашский
манс. — мансийский	шор. — шорский
мар. — марийский	якут. — якутский
монг. — монгольский	
общекыпч. — общекыпчакский	
общетюрк. — общетюркский	
огуз. — огузский	

Сокращения в географических названиях (по [Тумашева, 1992, с. 10–13])

Аб. — Абаул (Тюменская обл., Вагайский р-н)
Бар. — Барабинский р-н Новосибирской обл.
Ваг. — Вагайский р-н Тюменской обл.
Каз. — Казанлы, Казанские (Тюменская обл., Вагайский р-н)
Кг. — Кыргап, Киргап (Омская обл., Тарский р-н)
Күкр. — Күкрэнде, Чебурга (Тюменская обл., бывш. Байкаловский, ныне Тобольский район)
Лайт. — Лайтамак (Тюменская обл., Тобольский р-н)
М.-Уват — Малый Уват (Тюменская обл., Вагайский р-н)
Тар. — Тарский р-н Омской обл.
Тоб. — Тобольский р-н Тюменской обл.
Тюм. — Тюменский р-н Тюменской обл.
Умар — Умар, Оры (Новосиб. обл., Колыванский р-н)
Юрш. — Юршак, Иртышацкие (Тюменская обл., Тобольский р-н)

Прочие сокращения

груб. — грубое	пф. — портфель
диал. — диалектное	рел. — религиозное
ист. — историзм	сиб. — сибирское
миф. — мифологическое	устар. — устаревшее
прост. — просторечное	

Источники и принятые сокращения

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири : Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А. Е. Аникин. — Новосибирск : Наука, Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. — 774 с.
2. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири / А. Е. Аникин. — Новосибирск : Наука, 2003. — 788 с. — ISBN 5-02-031852-3.
3. Аникин, РЭС — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин. — Москва : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; Новосибирск : Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2007. — Т. 1. — 321 с.
4. Бакиева, 2016 — *Словарь* народно-разговорной лексики сибирских татар / Г. Т. Бакиева / Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т проблем освоения Севера ; сост. и ред. Г. Т. Бакиева. — Тобольск : Полиграфист, 2016. — 279 с.
5. Гиганов, 1801 — *Слова* коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованные / И. Гиганов. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1801. — 75 с.
6. Гиганов, 1804 — *Словарь* российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный / И. Гиганов. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1804. — 692 с.
7. *Дни* недели на разных тюркских языках [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://muhtariat.ru/linguaculturological-etudes/dni-nedeli-na-raznyx-tyurkskix-yazykax/> (дата обращения 15.09.2024).

8. *Кудай* [Электронный ресурс] // Энциклопедия Руниверсалис. — Режим доступа : <https://xn--h1ajim.xn--p1ai/%D0%9A%D1%83%D0%B4%D0%B0%D0%B9> (дата обращения 16.10. 2024).

9. *Мифологический словарь* / гл. ред. Е. М. Мелетинский. — Москва : Сов. энциклопедия, 1990. — 672 с.

10. *Лэри* [Электронный ресурс] // Tatarica: онлайн-энциклопедия. — Режим доступа : <https://tatarica.org/ru/razdely/narody/tatary/verovaniya-i-mifologiya/mifologicheskie-personazhi/pehri> (дата обращения 02.10.2024).

11. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*, Ф. 199. Портфели Миллера, Оп. 2. — 165 л. ; Оп. 2. Пф. 529. Ч. 1. С. 112—126 ; Оп. 2. Пф. 513. Д. 1. Л. 1—13.

12. *Ромбандеева Е. И.* Словарь мансийско-русский и русско-мансийский : пособие для учащихся начальной школы / Е. И. Ромбандеева, Е. А. Кузакова. — Ленинград : Просвещение, 1982. — 360 с.

13. РТС — *Русско-татарский словарь*. В 4 т. — Казань : ТАТКНИГОИЗДАТ, 1955—1959.

14. Сагидуллин, 2010 — *Русско-сибирскотатарский словарь* (Урысца-себертатарца сүслек) : около 15000 слов / сост. М. А. Сагидуллин. — Тюмень : Мандр и К°, 2010. — 216 с. — ISBN 9785930204414.

15. ТРС, 1966 — *Татарско-русский словарь* / Под ред. М. М. Османова. — Москва : Советская Энциклопедия, 1966. — 863 с.

16. ТРС, 2007 — *Татарско-русский словарь*. В 2 т. — Казань : Магариф, 2007. — 726 с. — ISBN 978-5-7761-1675-9.

17. *Тумашева Д. Г.* Словарь диалектов сибирских татар / Д. Г. Тумашева. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1992. — 255 с.

18. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1964—1973.

19. ЭСТЯ — *Этимологический словарь тюркских языков* / АН СССР, Институт языкознания. — Москва : Наука ; Восточная литература РАН, 1974—. — Т. 1—.

20. ЭСтатЯ — *Ахметьянов Р. Г.* Этимологический словарь татарского языка : в 2 томах (*Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленен этимологик сүзлеге. Ике томда*) / Р. Г. Ахметьянов. — Казань : Магариф — Вақыт, 2015. — Т. 1—2.

21. *The Bayer Collection. Manuscripts and books of Professor Theophilus Siegfried Bayer.* University of Glasgow, d. E27, p. 8r — 9l.

22. *The Bayer Collection. a preliminary catalogue of the manuscripts and books of Professor Theophilus Siegfried Bayer, acquired and augmented by the Reverend Dr Heinrich Walther Gerdes, now preserved in the Hunterian Library of the University of Glasgow* David Weston. Version 1.1. 2022.

Литература

1. *Алишина Х. Ч.* Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Монография / Х. Ч. Алишина. — Казань : Казанский пед. ин-т, 1994. — 119 с.

2. *Ахатов Г. Х.* Диалект западносибирских татар / Г. Х. Ахатов. — Уфа : Башкирский гос. ун-т, 1963. — 195 с.

3. *Горяев С. О.* Готлиб Зигфрид Байер и классическая латинская поэзия в научной полемике о начальной истории древней Руси / С. О. Горяев, Е. С. Рябцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 28—45. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-28-48.

4. *Дмитриева Л. В.* Язык барабинских татар (материалы и исследования) / Л. В. Дмитриева. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд., 1981. — 225 с.
5. *Дмитриева Т. Н.* Мансийские лексические материалы в рукописном наследии российского академика Готлиба Зигфрида Байера (1694—1738) / Т. Н. Дмитриева // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2024а. — Т. 26. — № 3. — С. 9—27. — DOI: 10.15826/izv2.2024.26.3.039.
6. *Дмитриева Т. Н.* Хантыйский языковой материал в путевом журнале научной экспедиции первого исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта за 1725—1726 г.) / Т. Н. Дмитриева // Сибирские угры в ожерелье субарктических культур : общее и неповторимое. — Ханты-Мансийск ; Томск, 2024б. — С. 218—233.
7. *Зайдуллин Р. Д.* Фонетические изменения названий дней недели в татарском языке / Р. Д. Зайдуллин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 9 (39). — С. 73—74.
8. *Корусенко М. А.* Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения) : Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета / М. А. Корусенко, Ю. И. Ожередов, А. А. Ярзуткина. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2013. — Т. V. — 264 с.
9. *Насибуллина А. Х.* Лексика тоболо-иртышского диалекта сибирских татар (в семантическом и генетическом аспектах) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.06 / А. Х. Насибуллина — Казань, 2000. — 174 с.
10. *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге : в 2 т. — Санкт-Петербург : Изд-во Имп. Акад. наук, 1870. — Т. 1. — С. 180—196.
11. *Рамазанова Д. Б.* Татар теленен көнчыгыш диалектлары [Восточные диалекты татарского языка] / Д. Б. Рамазанова. — Тюмень : Вектор Бук, 2007. — 258 с.
12. *Рамазанова Д. Б.* Языковые особенности / Д. Б. Рамазанова // История и культура татар Западной Сибири. Монография. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ ; Изд-во «Артифакт», 2015. — С. 51—71.
13. *Сагалаев А. М.* Алтай в зеркале мифа / А. М. Сагалаев. — Новосибирск : Наука, сиб.-тат. отд-ние, 1992. — 176 с.
14. *Садыков К. С.* Язык сибирских татар от И. Гиганова до Е. Елисеева (конец XVIII — начало XX вв.) / К. С. Садыков // Вестник КРСУ. — 2012. — Т. 12. — № 8. — С. 127—130.
15. *Садыков К. С.* Язык — источник этнической истории сибирских татар / К. С. Садыков // Сибирские татары: Материалы Всероссийского (с международным участием) симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10—12 декабря 2018 г.) / под ред. З. А. Тычинских. — Тобольск : Тобольская типография, 2019. — С. 242—246. — ISBN 978-5-9909229-7-6.
16. *Соколов С. В.* «От этого рассеяния имя российское» : этимологические поиски Г. З. Байера в контексте ученой традиции / С. В. Соколов, С. О. Горяев // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2024. — Т. 26. — № 2. — С. 166—180. — DOI: 10.15826/izv2.2024. 26.2.030.
17. *Сызранов А. В.* Демонологический фольклор астраханских татар | Астраханское информбюро [Электронный ресурс] / А. В. Сызранов. — Режим доступа : <http://astinform.ru/a-v-syzranov-demonologicheskij-folklor-astrahanskih-tatar.html?ysclid=m77a8a0ta0804020585> (дата обращения 10.11.2024).
18. *Тюркские народы Сибири* / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН ; Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. — Москва : Наука, 2006. — С. 26—47. — ISBN 5-02-033999-7.

19. Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар: Опыт сравнительного исследования / Д. Г. Тумашева. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1977. — 294 с.

20. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А. М. Щербак. — Ленинград : Наука, 1970. — 204 с.

21. Юсупова А. Ш. Словари Иосифа Гиганова — диалектологические словари татарского языка [Электронный ресурс] / А. Ш. Юсупова. — Режим доступа : <https://gigabaza.ru/doc/37227.html> (дата обращения 1.10.2024).

22. Юсупова А. Ш. Двужызычная лексикография татарского языка XIX века / А. Ш. Юсупова. — Казань : Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. — 408 с.

23. Юсупова А. Ш. Лексика двуязычных словарей татарского языка XIX века / А. Ш. Юсупова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2010. — Т. 23 (62). — № 3. — С. 3—8.

24. Юсупова А. Ш. Общая архаическая лексика словарей И. Гиганова и Д. Г. Тумашевой и их отражение в языке татарской диаспоры КНР / А. Ш. Юсупова // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков. — Казань : Отечество, 2011. — С. 200—203.

25. Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири / А. Х. Элерт. — Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. — 247 с.

*Статья поступила в редакцию 03.11.2024,
одобрена после рецензирования 04.12.2024,
подготовлена к публикации 17.05.2025.*

Material resources

Anikin, RES — Anikin, A. E. (2007). *Russian etymological dictionary, 1*. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk: Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 321 p. (In Russ.).

Anikin, A. E. (1997). *Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from Uralic, Altaic and Paleoasiatic languages*. Novosibirsk: Nauka, Siberian Publishing, Printing and Bookselling Enterprise of the Russian Academy of Sciences. 774 p. (In Russ.).

Anikin, A. E. (2003). *Etymological dictionary of Russian borrowings in the languages of Siberia*. Novosibirsk: Nauka Publ. 788 p. ISBN 5-02-031852-3. (In Russ.).

Bakieva, 2016 — *Dictionary of folk and colloquial vocabulary of the Siberian Tatars*. (2016). Tobolsk: Polygraphist Publ. 279 p. (In Russ.).

Days of the week in different Turkic languages. Available at: <http://muhtariat.ru/linguacultural-etudes/dni-nedeli-na-raznyx-tyurkskix-yazykax/> (accessed 15.09.2024). (In Russ.).

ESTatYa — Akhmetyanov, R. G. (2015). *Etymological dictionary of the Tatar language. In 2 volumes*. Kazan: Magarif — Vakyt. 451 p. (In Tat.).

ESTYA — *Etymological Dictionary of Turkic Languages, 1—*. (1974—). Moscow: Nauka; Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences. 768 p. (In Russ.).

Fasmer, M. (1964—1973). *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Moscow: Progress. (In Russ.).

Giganov, 1801 — *The words of the root, the most necessary information for teaching the Tatar language, collected in the Tobolsk main school by the teacher of the Tatar language,*

- St. Sophia Cathedral priest Joseph Giganov and the Yurt mullahs witnessed.* (1801). St. Petersburg: [b. i.]. 75 p. (In Russ.).
- Giganov, 1804 — *The Russian-Tatar dictionary, collected in the Tobolsk Main National School by the teacher of the Tatar language, priest Joseph Giganov, and witnessed by the mullahs of Yurtovsky.* (1804). St. Petersburg: [b. i.]. 692 p. (In Russ.).
- Kuday. In: *Runiversalis Encyclopedia*. Available at: <https://xn--h1ajim.xn--p1ai/%D0%9A%D1%83%D0%B4%D0%B0%D0%B9> (accessed 16.10.2024). (In Russ.).
- Mythological dictionary.* (1990). Moscow: Soviet Encyclopedia. 672 p. (In Russ.).
- Peri. In: *Online Encyclopedia Tatarica*. Available at: <https://tatarica.org/ru/razdely/narody/tatar/verovaniya-i-mifologiya/mifologicheskie-personazhi/pehri> (accessed 02.10.2024). (In Russ.).
- RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts.* (In Russ., Lat., Tat., Vogul.).
- Rombandeeva, E. I. (1982). *Dictionary of Mansi-Russian and Russian-Mansi: a manual for elementary school students.* Leningrad: Prosveshchenie Publ. 360 p. (In Russ.).
- RTS — *Russian-Tatar dictionary. In 4 volumes.* (1955—1959). Kazan: TATKNIGOIZDAT. (In Russ.).
- Sagidullin, 2010 — *Russian-Siberian Tatar dictionary (Urysets-sebertatars suslek): about 15,000 words.* (2010). Tyumen: Mandr and Ka. 216 p. ISBN 9785930204414. (In Russ.).
- The Bayer Collection. A preliminary catalogue of the manuscripts and books of Professor Theophilus Siegfried Bayer, acquired and augmented by the Reverend Dr Heinrich Walther Gerdes, now preserved in the Hunterian Library of the University of Glasgow David Weston. Version 1.1. 2022.*
- The Bayer Collection. Manuscripts and books of Professor Theophilus Siegfried Bayer. University of Glasgow, d. E27, p. 8r—9l.*
- TRS, 1966 — Osmanov, M. M. (ed.). (1966). *Tatar-Russian dictionary.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 863 p. (In Russ.).
- TRS, 2007 — *Tatar-Russian Dictionary. In 2 volumes.* (2007). Kazan: Magarif. 726 p. ISBN 978-5-7761-1675-9. (In Russ.).
- Tumasheva, D. G. (1992). *Dictionary of dialects of the Siberian Tatars.* Kazan: Kazan Publishing House. University. 255 p. (In Russ.).

References

- Akhatov, G. H. (1963). *Dialect of the West Siberian Tatars.* Ufa: Bashkir State University. 195 p. (In Russ.).
- Alishina, H. C. (1994). *Tobolo-Irtysh dialect of the language of the Siberian Tatars. Monograph.* Kazan: Kazan Pedagogical Institute. 119 p. (In Russ.).
- Dmitrieva, L. V. (1981). *The language of the Barabinsk Tatars (materials and research).* Leningrad: Nauka, Leningrad Publishing House. 225 p. (In Russ.).
- Dmitrieva, T. N. (2024a). Mansi lexical materials in the handwritten legacy of the Russian academician Gottlieb Siegfried Bayer (1694—1738). *Izvestiya UrFU. Series 2. Humanities*, 26 (3): 9—27. DOI: 10.15826/izv2.2024.26.3.039. (In Russ.).
- Dmitrieva, T. N. (2024b). Khanty language material in the travel journal of the scientific expedition of the first explorer of Siberia D. G. Messerschmidt for 1725—1726). In: *Siberian Ugrians in a necklace of subarctic cultures: common and unique.* Khanty-Mansiysk; Tomsk. 218—233. (In Russ.).
- Elert, A. H. (1990). *G. F. Miller's expedition materials as a source on the history of Siberia.* Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch. 247 p. (In Russ.).

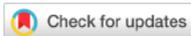

- Goryaev, S. O., Ryabtseva, E. S. (2024). Gottlieb Siegfried Bayer and Classical Latin Poetry in Scholarly Debate on Early History of Ancient Rus. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 28—48. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-28-48. (In Russ.).
- Korusenko, M. A., Ozheredov, Yu. I., Yartzutkina, A. A. (2013). *Mythology of the Siberian Tatars in symbols of images and things (experiments of reading): Proceedings of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia of Tomsk State University*, V. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 264 p. (In Russ.).
- Nasibullina, A. H. (2000). *Vocabulary of the Tobolo-Irtysh dialect of the Siberian Tatars (in semantic and genetic aspects)*. PhD Diss. Kazan. 174 p. (In Russ.).
- Pekarsky, P. P. (1870). *The history of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg: in 2 volumes, I*. St. Petersburg: Publishing House Imp. Academy of Sciences. 180—196. (In Russ.).
- Ramazanova, D. B. (2007). *Tatar telenen konchygysh dialectlary [Eastern dialects of the Tatar language]*. Tyumen: Vector Books. 258 p. (In Russ.).
- Ramazanova, D. B. (2015). Linguistic features. In: *The history and culture of the Tatars of Western Siberia. The monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Artifakt Publishing House. 51—71. (In Russ.).
- Sadykov, K. S. (2012). The language of the Siberian Tatars from I. Giganov to E. Eliseeva (late XVIII — early XX centuries). *Bulletin of the KRSU*, 12 (8): 127—130. (In Russ.).
- Sadykov, K. S. (2019). Language as a source of the ethnic history of the Siberian Tatars. In: *Siberian Tatars: Proceedings of the All—Russian (with international participation) Symposium “Cultural Heritage of the peoples of Western Siberia” (December 10—12, 2018)*. Tobolsk: Tobolsk Printing House. 242—246. ISBN 978-5-9909229-7-6. (In Russ.).
- Sagalaev, A. M. (1992). *Altai in the mirror of myth*. Novosibirsk: Nauka Publ., sib.-tat. Publishing house. 176 p. (In Russ.).
- Shcherbak, A. M. (1970). *Comparative phonetics of the Turkic languages*. Leningrad: Nauka Publ. 204 p. (In Russ.).
- Sokolov, S. V., Goryaev, S. O. (2024). “From this scattering, the Russian name”: the etymological searches of G. Z. Bayer in the context of the scientific tradition. *Izvestiya UrFU. Series 2. Humanities*, 26 (2): 166—180. DOI: 10.15826/izv2.2024.26.2.030. (In Russ.).
- Syzranov, A. V. *Demonological folklore of the Astrakhan Tatars | Astrakhan Information Bureau*. Available at: <http://astinform.ru/a-v-syzranov-demonologicheskiiy-folklor-astrahanskih-tatar.html?ysclid=m77a8a0ta0804020585> (accessed 10.11.2024). (In Russ.).
- The Turkic peoples of Siberia*. (2006). Moscow: Nauka. 26—47. ISBN 5-02-033999-7. (In Russ.).
- Tumasheva, D. G. (1977). *Dialects of the Siberian Tatars: The experience of comparative research*. Kazan: Kazan Publishing House. University. 294 p. (In Russ.).
- Yusupova, A. Sh. (2008). *Bilingual lexicography of the Tatar language of the 19th century*. Kazan: Publishing House of Kazan State University. 408 p. (In Russ.).
- Yusupova, A. Sh. (2010). Vocabulary of bilingual dictionaries of the Tatar language of the XIX century. *Scientific notes of the Taurida National University named after V. I. Vernadsky. The series “Philology. Social communication”*, 23 (62) / 3: 3—8. (In Russ.).

- Yusupova, A. Sh. (2011). General archaic vocabulary of I. Giganov and D. G. Tumasheva dictionaries and their reflection in the language of the Tatar diaspora of China. In: *Dialectology, history and grammatical structure of the Turkic languages*. Kazan: Fatherland. 200—203. (In Russ.).
- Yusupova, A. Sh. *Dictionaries of Joseph Giganov — dialectological dictionaries of the Tatar language*. Available at: <https://gigabaza.ru/doc/37227.html> (accessed 1.10.2024). (In Russ.).
- Zaidullin, R. D. (2014). Phonetic changes of names of days of the week in the Tatar language. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 9 (39): 73—74. (In Russ.).

*The article was submitted 03.11.2024;
approved after reviewing 04.12.2024;
accepted for publication 17.05.2025.*

Информация для цитирования:

Изволенская А. С. Инварианты и лакуны при передаче русских междометных фраз (на материале англоязычных переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») / А. С. Изволенская // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 98—114. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-98-114.

Izvolenskaya, A. S. (2025). Invariants and Lacunae in Translation of Russian Interjectional Phrases: A Study of English Translations of M. A. Bulgakov's "The Master and Margarita". *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 98-114. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-98-114. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Инварианты и лакуны
при передаче русских
междометных фраз
(на материале
англоязычных переводов
романа М. А. Булгакова
«Мастер и Маргарита»)**

Изволенская Анна Сергеевна
orcid.org/0000-0003-4163-8468
WoS ResearcherID: N-5876-2016
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
Института лингвистики
и межкультурной коммуникации
izvolenskaya_a_s@staff.sechenov.ru

Первый Московский государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова Министерства
здравоохранения Российской Федерации
(Сеченовский Университет)
(Москва, Россия)

**Invariants and Lacunae
in Translation of Russian
Interjectional Phrases:
A Study of English
Translations
of M. A. Bulgakov's
“The Master and Margarita”**

Anna S. Izvolenskaya
orcid.org/0000-0003-4163-8468
WoS ResearcherID: N-5876-2016
PhD in Philology, Senior Lecturer,
Institute of Linguistics
and Intercultural Communication
izvolenskaya_a_s@staff.sechenov.ru

I. M. Sechenov First Moscow State
Medical University of the Ministry
of Healthcare of the Russian Federation
(Sechenovskiy University)
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена особенностям выявления и преодоления лингвокультурных лакун в переводном художественном тексте на стилистическом материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Применив индуктивным образом метод лингвокогнитивного анализа, мы идентифицировали некоторые имплицитные лакуны. Главные выводы заключаются в следующем: 1) инварианты, выявляемые в процессе анализа переводного художественного текста, служат средством преодоления «мощных» лингвистических и культурологических лакун; 2) анализ некоторых переводческих решений может представлять собой материал для исследования природы лакун и их бытования в художественном тексте в синхроническом и диахроническом аспектах. Сформулирована структура академического переводческого комментария¹, призванного интегрировать художественный нарратив в исторический контекст для преодоления «мощных» лакун. Комментарий рассматривается как неотъемлемая часть перевода и творческого переводческого процесса. В данной работе мы обращаемся к следующим переводам «Мастера и Маргариты»: Майкла Гленни (1967), Мирры Гинзбург (1967), Дианы Л. Берджин и Кэтрин Т. О'Коннор (1993), Ричарда Пивьера и Ларисы Волохонской (1997) и Хью Эплина (2008).

Ключевые слова:

Мастер и Маргарита; эмоциональное междометие; лакуна; академический переводческий комментарий.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the peculiarities of identifying and overcoming linguocultural lacunae in translated literary texts, specifically focusing on the stylistic material of M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita." By employing an inductive method of linguistic-cognitive analysis, we identify several implicit lacunae. The main findings are as follows: 1) The invariants revealed during the analysis of the translated literary text serve as a means to bridge significant linguistic and cultural lacunae; 2) Analyzing certain translation choices can provide material for investigating the nature of lacunae and their existence within literary texts from both synchronic and diachronic perspectives. We propose a structure for an academic translation commentary designed to integrate the artistic narrative into its historical context, thereby addressing substantial lacunae. The commentary is viewed as an integral part of the translation and the creative translation process. This study examines the following translations of "The Master and Margarita": by Michael Glenny (1967), Mirra Ginsburg (1967), Diana L. Burgin and Katherine T. O'Connor (1993), Richard Pevear and Larissa Volokhonsky (1997), and Hugh Aplin (2008).

Key words:

Master and Margarita; emotional interjection; lacuna; academic translation commentary.

1 Междисциплинарный комментарий к переводному художественному тексту был, по сути, предложен Светланой Григорьевной Тер-Минасовой [Тер-Минасова, 1994]. Наш термин, *академический переводческий комментарий*, подчеркивает исследовательский, или «творческий», по выражению Тер-Минасовой, характер.

УДК 81'255.2+821.161.1Булгаков.032

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-98-114

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Инварианты и лакуны при передаче русских междометных фраз (на материале англоязычных переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)

© Изволенская А. С., 2025

1. Введение = Introduction

Популярность исследований по лакунарной тематике сопровождалась в последние 30 лет интенсивным развитием явления переводной множественности — появлением все большего числа переводных версий одного и того же художественного произведения. Лакуны определяются как лингво-культурологический феномен, «белые пятна на семантической картине мира», рождающиеся в результате взаимодействия двух культур [Марковина и др., 2010, с. 4—44]. Возникающие в ситуациях межкультурного общения и опосредованные текстом, лакуны неизбежно подвержены изменениям во времени. Одним суждено стереться из памяти массового читателя: так, не каждому современному читателю будет ясно, чем мотивировано восклицание Римского «Но за что?» [Булгаков, 2021, с. 122], произнесенное в минуты мучительного ожидания Варенухи, который «ушел и... не пришел обратно!» [Там же]. Иные лакуны кристаллизуются в форме (пред)убеждений, устойчивых представлений, стереотипов — одним словом, когниций. (Приводить примеры последних в случае с «закатным» / «заветным» романом Булгакова было бы делом неблагодарным). Наш интерес к устойчивым фразам с междометиями обусловлен, во-первых, сложностью их перевода, во-вторых, их культурной и когнитивной насыщенностью. Многие устойчивые речевые формулы не просто отмечены историко-культурной специфичностью, но играют не последнюю роль в понимании текста — ведь практически каждый аспект понимания речи связан с инференцией [The Oxford Handbook ..., p. 354]. Особенности функционирования междометий и частиц в соста-

ве устойчивых фраз в булгаковских текстах до сих пор уделялось недостаточно внимания.

Переводоведение на современном этапе все более сосредоточивается на процессе перевода как когнитивно-эвристической деятельности [Минченков, 2014]. Следовательно, небезосновательным будет предположить существование связи между аспектами перевода как когнитивной деятельностью и подвижной природой лакун. Современные классификации лингвокультурных лакун явно приглашают к дальнейшей их проработке. Так, исследователями выделяются субъектные лакуны, относящиеся к культурно-психологическим характеристикам нации; деятельностно-коммуникативные лакуны, происходящие из специфики различных видов деятельности; лакуны культурного пространства, выражающиеся в разнообразных фоновых знаниях, общих для представителей данной лингвокультуры [Марковина и др., 2010, с. 44–46]. Нетрудно заметить, что настоящая классификация требует дифференциации, а это, в свою очередь, — новых исследований переводных текстов в сопоставлении с оригиналом и другими переводными версиями рассматриваемого произведения. Согласно экспериментальным данным, именно национальная литература формирует и определяет культурный «тезаурус» человека [Там же, с. 64]. Диахронический аспект, таким образом, является ключевым в нашем исследовании «Мастера и Маргариты» — романа, проделавшего непростой путь к читателю.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Интересно, что «Мастер и Маргарита», вопреки своей лакунарной насыщенности, остается одним из самых популярных текстов мировой литературы и знаковым произведением отечественной литературы, входящим в школьную программу. Современный читатель по объективным причинам далек от мира романа, создававшегося преимущественно в 30-е годы прошлого века. Практика комментирования, связанного с упоминаниями в художественном тексте материальных предметов быта прошлого (таких, как примус, который «починяет» Бегемот, или любимые папиросы Ивана Бездомного «Наша марка»), давно оформилась в рамках литературоведения. Сложнее дело обстоит с лакунами нематериальной культуры, «невидимым и не высказанным», которое тем не менее играет ключевую роль в понимании булгаковской фантазмагии [Kechan, 2023, p. 167]. Наша работа посвящена преимущественно лакунам именно такого типа в восприятии иноязычного реципиента. Для установления лакунарного характера одного такого элемента нами был проведен опрос студентов Сеченовского Университета в возрасте 18—21 лет. Вопрос, заданный респондентам, касался

советской культуры общения в интеллигентской среде 1930-х годов, обходящейся без патронимов: «С чем связано удивление Ивана Бездомного, когда Воланд в первой главе обращается к нему по отчеству?»¹

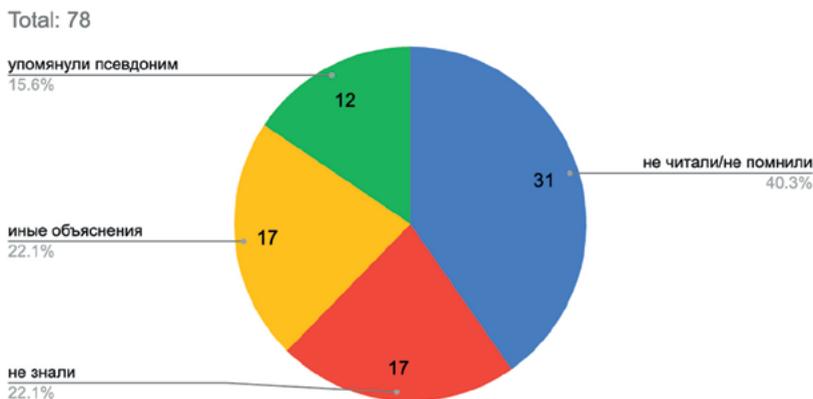

Рис. 1. Результаты опроса студентов Сеченовского Университета. Ответы на вопрос: «С чем связано удивление Ивана Бездомного, когда Воланд в первой главе обращается к нему по отчеству?»

Как видно из результатов опроса (рис. 1), никто из респондентов не дал верного ответа. Объяснение изумления Бездомного псевдонимом не может считаться верным ответом, поскольку, во-первых, псевдоним не относится в данном случае к отчеству, а во-вторых, использование псевдонима — лишь частный случай речевого этикета, который сам Булгаков не принимал, предпочитая при встрече с коллегами краткое «Михаил Афанасьич!» [Файко, 1988, с. 347].

Цель нашей работы заключается в уточнении содержания лингвистических и культурологических лакун в контексте переводоведения и с позиций когнитивной лингвистики. Задачи сформулируем следующим образом: 1) выявить суть приемов, используемых разными переводчиками при передаче специфичных междометных элементов в составе речевых формул разной длины; 2) определить составляющие комментария к переводному тексту с точки зрения заполняемой им лакуны. Взаимосвязь этих задач

1 Данный вопрос был вдохновлен семинаром с Ю. Г. Бит-Юнаном, который проводился в формате ридинг-группы в Музее Москвы в июле 2024 года. На семинаре никто из участников, среди которых были представители разных возрастных категорий, также не ответил на данный вопрос. См. подробнее о встрече: <https://mosmuseum.ru/events/p/moskvichka-reading/>

обосновывается, во-первых, объективной невозможностью передать культурную коннотацию междометной фразы, у которой, казалось бы, имеется эквивалент в языке перевода; во-вторых, тем, что эта объективная невозможность подчас «компенсируется» тем, что переводчик (в благих целях) искажает слово автора; см. подробнее: [Изволенская, 2021, с. 174]. Наше внимание сфокусировано на сходных и, наоборот, очень разных вариантах перевода одних и тех же устойчивых междометных элементов в экспрессивной речи персонажей. Эти сходства и различия, по нашей мысли, могут сигнализировать о присутствии лакуны. Если экстраполировать в область переводоведения сформулированный М. М. Бахтиным принцип, согласно которому каждый момент произведения «дан нам в реакции автора на него» [Бахтин, 1986, с. 9], то логично предположить, что момент перевода дан в реакции переводчика на переводимый им текст. Целесообразность комментария обоснована уже упомянутой объективной невозможностью в некоторых случаях преодолеть лакуну посредством преобразования собственно оригинального текста. Комментарий в таком случае избавляет переводчика от вынужденных «неуклюжих» решений, выражающихся, по сути, в редактировании (дописывании, сокращении, искажении) авторского текста [Марковина, 2004, с. 63].

Применение индуктивного метода заключается в векторе нашего анализа — от лингвистического (речевые формулы с междометиями) к когнитивному (лакуне) — при рассмотрении способов передачи наиболее экспрессивных элементов речи булгаковских персонажей. Обратим внимание и на способы передачи иностранного акцента: речь идет о ломаной речи Воланда в третьей главе и ложном акценте «сиреневого господина», покупающего лососину в торгсине (глава XXVIII). Подобный языковой материал обнаруживает, с одной стороны, специфичность русскоязычной культуры, а с другой — «мощные» лингвистические лакуны с точки зрения англоязычной культуры. Синонимичное употребление терминов «лакунарный» и «специфичный» обосновано отсутствием или просто иным наполнением реалий русскоязычной/советской культуры, трактуемых с точки зрения англоязычной лингвокультуры как «специфичные». Предпочтение отдается терминам «инвариант», «кинвариантный», описывающим элементы, общие для христианских в своем основании англо- и русскоязычных культур. Термин «универсальный» применим в более широком, духовном смысле «универсальных ценностей», в том смысле, в котором его предполагал Ролан Барт, когда писал в своем знаменитом эссе о «всеобщей мудрости» *la sagesse universelle* [Barthes, 1964, p. 62] Наконец, исходя из принципа принципиальной переводимости, мы придерживаемся установки, что нет таких культурных кодов, которые, сколько бы уникальны ни были, не мо-

гут быть переданы, на когнитивной уровне (понимания), в контекст другой культуры. Ведь первейшая и осуществимая задача перевода — понимание текста, а не вживание в него [Фефелов, 2015, с. 60].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Преодоление в переводе лингвистических лагун в речи персонажей

Из всех особенностей запечатленной Булгаковым эмоциональной московской речи 1930-х годов в романе особо выделяются междометные фразы с «инфернальными» коннотациями. Достаточно сказать, что лексема *черт* насчитывает в тексте романа всего 65 вхождений¹ — в основном в рамках устойчивых эмотивных фраз вроде *черт знает где / кто, черт возьми, ко всем чертям, ну тебя к черту* и др. Однако и в прямой, и в несобственно прямой речи, и в словах рассказчика случаи употребления лексемы *черт* в высшей степени двусмысленны. Например, когда Коровьев, представившийся Босому переводчиком интуриста, говорит, что Лиходеев «уже уехал», «уж катит» в Ялту, «уж он черт знает где!» [Булгаков, 2021, с. 100] (в Ялту Степан Богданович действительно отправился не по своей воле). Герои подчас не подозревают, что ненароком говорят правду, как, например, доктор, составляя анамнез Бездомного: *Тараканов, крысы, чертиков или шмыгающих собак не ловил?* [Там же, с. 68] (твердящий про «консультанта» Бездомный действительно надеялся поймать Воланда с его инфернальной свитой). Тот же Иван, уже в палате, настаивает, что надо «как-нибудь изловить» консультанта, потому что он «*тут черт знает чего натворит!*» [Там же, с. 141].

Эту особенность авторской стилистики не всегда получается отразить в переводе семантически равноценно. В романе о дьяволе «черт» подчас появляется в самых неожиданных местах, например, в описании цветов Маргариты во время первой встречи с мастером: *Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве*² [Там же, с. 144]. На этом описание безымянных цветов, выделявшихся на черном пальто Маргариты, не заканчивается, но и такой характеристики вполне достаточно, чтобы сообщить случайной встрече роковой характер (*Повинуйся этому желтому знаку...* [Там же]). При передаче фразы *черт их знает* переводчики придерживаются разных стратегий: Гленни выбирает вполне идиоматичное сочетание *God knows* [Bulgakov, 1992, p. 153], но более близкие к ориги-

1 Данные получены с помощью программы AntConc.

2 В новой экранизации романа умело передана случайность встречи, как и появления этих цветов, которые раздают на улице по случаю майской демонстрации.

налу варианты остальных переводчиков — *the devil knows / the devil only knows / Devil knows* (у Гинзбург [Bulgakov, 1991, p. 156], Эплина [Bulgakov, 2020, p. 181], Берджин и О’Коннор [Bulgakov, 2017, p. 115], Пивьера и Волохонской [Bulgakov, 2016, p. 169]) — акцентируют внимание на «желтом знаке», о чем мастер заключает так: *Нехороший цвет* [Булгаков, 2021, с. 144]. (Вспомним, что в романе есть еще *нехорошая* квартира.).

Кроме того, у некоторых переводчиков междометные слова *God / heaven knows* появляются там, где в оригинале их нет. Например, в версии Гленни «красавица секретарь» Анна Ричардовна рыдает: *...arm in arm with some villain that he’d picked up God knows where...* [Bulgakov, 1992, p. 215]. В оригинале эта характеристика Коровьева выведена так: *... сукин сын, неизвестно откуда взявшийся* [Булгаков, 2021, с. 196]. В версии Гинзбург фраза *неизвестно откуда взявшийся* передана с помощью *heaven knows* [Bulgakov, 1991, p. 207]. Здесь, очевидно, мы имеем дело с задачей переводчика передать естественность прямой речи. Способность Гленни передать особую легкость булгаковского языка неоднократно отмечалась русистами — американцем Э. Симмонсом [Цит. по: Машкевич, 2024, с. 261] и британкой Дж. Кертис [Curtis, 2019, p. 137]. Однако вставляемые просто для плавности слова *heaven / God*, пусть даже семантически пустые, несколько противоречат (явно не небесной) сути происходящего.

Есть и удачные переводческие находки с междометиями. Так, когда на Патриарших Воланд представляется «специалистом по черной магии», Берлиоз мысленно восклицает: *На тебе!* [Булгаков, 2021, с. 18]. Заключаемое в этом междометии недоверие и крайнее удивление успешно передаются на английский язык:

Гинзбург: *“Now what!”* [Bulgakov, 1991, p. 15].

Пивьер и Волохонская: *‘There he goes!...’* [Bulgakov, 2016, p. 16].

Эплин: *“Well, there you are!”* [Bulgakov, 2020, p. 20].

Более творческий подход обнаруживают:

Гленни: *“Like hell you do!”* [Bulgakov, 1991, p. 19].

Берджин и О’Коннор: *“Well I’ll be...”* [Bulgakov, 1997, p. 12].

Последние два варианта хороши явной, как у Гленни, или имплицитной, как у Берджин и О’Коннор, отсылкой к темному легиону. Как и в случае со словами *heaven / God*, инфернальная семантика обнаруживается в переводах там, где в оригинале ее нет. Например, «брудершафт», которым, по словам Бегемота, еще никого не удостоивал ни один кот, в версии Гленни превращается в «инфернальную вольность» обращения к коту как «кисе»: *‘People usually address cats as “pussy”, which I regard as an infernal liberty.’* [Bulgakov, 1992, p. 362]. Сравним с оригиналом: *Котам обычно почему-то говорят «ты», хотя ни один кот никогда ни*

с кем не тил брудершафта [Булгаков, 2021, с. 291]. Переводчик не только элегантно обошел трудность, связанную с русскими местоимениями 2-го лица, но и актуализировал свойственный роману метасемиотический смысл обыденных фраз, приобретающих в булгаковском тексте фантастический смысл.

Есть, однако, случаи, когда даже такая своеобразная компенсация лингвистической лакуны невозможна. В третьей главе Воланд так начинает отвечать Берлиозу: *Помилуйте, уж кто-кто, а вы-то должны знать, что ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда...* [Там же, с. 43—44]. Старомодное глагольное междометие *Помилуйте* по-разному передается переводчиками:

Glenny: *'But surely,'*... [Bulgakov, 1992, p. 44]

Ginsburg: *"Oh well,"*... [Bulgakov, 1991, p. 44]

Burgin and O'Connor: *"I beg your pardon,"*... [Bulgakov, 2017, p. 33]

Pevear and Volokhonsky: *'Good heavens,'*... [Bulgakov, 2019, p. 48]

Aplin: *"Pardon me,"*... [Bulgakov, 2020, p. 54]

Хотя с прагматической точки зрения все формулы, выражающие в данном контексте вежливый протест, могут считаться в разной степени эквивалентными, они едва ли передают в этой ситуации общения эксцентричность дореволюционного этикета, с которым русскоязычный читатель знаком из литературы XIX века. Между тем этот культурный компонент важен, поскольку составляет контраст и с простоватой речью Бездомного, и с «сильным заграничным» акцентом самого Воланда: *«О нет! Это может кто подтвердить!»* [Булгаков, 2024, р. 49]:

Гленни: *'Oh, yes! I can easily confirm it!'* [Bulgakov, 1992, p. 45].

Гинзбург: *'Oh, no! This one can confirm!'* [Bulgakov, 1991, p. 45].

Берджин и О'Коннор: *"Oh, no! There is someone who can confirm it!"* [Bulgakov, 2017, p. 34].

Пивьер и Волохонская: *"Oh, yes! That there is one who can!"* [Bulgakov, 2016, p. 49].

Эплин: *"Oh, no! One can confirm it!"* [Bulgakov, 2020, p. 54].

Как видно из примеров, некоторые переводчики сознательно отказываются от передачи акцента, который, как сообщает читателю сам рассказчик, *«у него, черт знает почему, то пропал, то появлялся»* [Булгаков, 2021, с. 44]. И формула дореволюционного этикета, и акцент в оригинале усиливают комический эффект в соединении с бесцеремонностью, с которой «сумасшедший» заграничный профессор на вопрос Берлиоза о том, где тот остановился, *«вдруг развязно»* отвечает: *«В вашей квартире»*. В XXVIII главе, однако, акцент играет не дополнительную, но смыслообразующую роль: *Кароши люблю, плохой — нет, — сурово говорил ино-*

странец [Булгаков, 2021, с. 363]. Ломаные русские слова принадлежат некоему «сиреневому джентльмену» в торговине:

Glenny: *'Is goot, I like; is bad, I not like,' added the foreigner.* [Bulgakov, 1992, p. 338].

Burgin and O'Connor: *"Goot I like, bat, no," said the foreigner sharply.* [Bulgakov, 2017, p. 296].

Pevear and Volokhonsky: *'Good I like, bad I don't,' the foreigner said sternly.* [Bulgakov, 2016, p. 435].

Aplin: *"Is good? Is good, I like, is bad — no," said the foreigner sternly.* [Bulgakov, 2020, p. 463].

Примечательно, что Гленни, который не счел нужным передать акцент Воланда в беседе с литераторами (что, впрочем, может быть связано со спешкой, в которой осуществлялся перевод, см. подробнее: [Curtis, 2019, p. 137]), придал должное значение акценту «сиреневого покупателя». Эта речевая характеристика господина в сиреновом — важный маркер его социальной принадлежности, точнее, непринадлежности к массе советских граждан. Мы еще вернемся к этому эпизоду во втором параграфе.

Таким образом, специфичные черты речи булгаковских героев в целом передаются переводчиками с минимальными потерями, так как английский язык располагает необходимым арсеналом лингвокультурных средств. Наиболее удачными переводческими решениями являются, бесспорно, вдохновленные метафизикой самого романа о дьяволе, апеллирующие к инвариантным понятиям христианской культуры. Творческий подход компенсации оказывается особенно востребованным, когда в тривиальных по смыслу, кратких по форме речевых формулах прочитывается чертовское. Наконец, особую трудность представляют случаи культурно-исторической «нагрузки» междометных фраз (*Помилуйте!*), которая, как «мощная» лакуна [Марковина и др., 2010, с. 60], может быть преодолена с помощью емкого постраничного комментария. Это, конечно, не отменяет высоких требований к переводу булгаковского текста.

3.2. Инвариантное vs специфичное в лакунах: преодоление комментарием

Булгаковский роман об Иешуа Га-Ноцри и его переводы являют собой и пример безошибочного распознавания переводчиком, принадлежащим к англоговорящей культуре, инвариантных элементов, общих для двух лингвокультур. Например, риторический вопрос Пилата *Что есть истина?* передан одинаково во всех пяти переводных версиях. Передача экспрессивных элементов московской речи, однако, требует большей креативности. При передаче русских эмоциональных междометий переводчики, осознанно или бессознательно, апеллируют к общехристианским

понятиям об аде и рае, что в случае с романом Булгакова представляется очевидным и приходится весьма кстати. Такой же подход успешно работает и при передаче русских междометных фраз с лексемой *черт*, в высшей степени специфичной для русской лингвокультуры [Турлаева и др., 2022, с. 690—691]. Так, председатель главной зрелищной комиссии Прохор Петрович пал жертвой своей гневливости, в пылу которой призвал чертей: *Да что ж это такое! Вывести его вон, черти б меня взяли!* [Булгаков, 2021, с. 196]. Быстро исполнившееся «пожелание» так передано переводчиками:

Гленни: *What is all this? I'm damned if I don't have you thrown out of here!* [Bulgakov, 1992, p. 186].

Гинзбург: *What the hell is this? Get him out of here, the devil take me!* [Bulgakov, 1991, p. 204].

Берджин и О'Коннор: *What the hell is this? Get him out of here, the devil take me!* [Bulgakov, 2017, p. 159].

Пивьер и Волохонская: *What is all this? Get him out of here, devil take me!* [Bulgakov, 2016, p. 234].

Эплин: *What on earth is all this? Well, I'll go to the devil, get him out of here* [Bulgakov, 2020, p. 249].

Вскоре вместо Прохора Петровича за столом — пустой костюм, «погруженный в работу» и водящий по бумаге «не обмакнутым в чернила сухим пером» [Булгаков, 2021, с. 195]. Думается, иноязычного реципиента здесь порадовал бы литературоведческий комментарий, отсылающий к схожему эпизоду из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, где за письменным столом сидит не градоначальник, а «градоначальниково тело, облеченное в мундир» [Салтыков-Щедрин, 1969, с. 289]. В конце романа провокации свиты Воланда в полной мере разворачиваются в торговине, где покупает лососину уже упоминавшийся ранее нами «сиреневый господин»:

— *Кароши?* — строго спрашивал сиреневый покупатель?

— *Мировая,* — отвечал продавец, кокетливо ковыряя острием ножа под шкурой.

— *Кароши люблю, плохой — нет,* — сурово говорил иностранец.

— *Как же!* — восторженно отвечал продавец. [Булгаков, 2021, с. 362—363].

Рассказчик явно акцентирует наше внимание на этом диалоге, о чем свидетельствуют, например, глаголы несовершенного вида (*спрашивал, отвечал*). Венчающее диалог междометие *Как же!*, произносимое продавцом с восторгом, свидетельствует о готовности услужить притязательному покупателю. Личность изысканного на ломаном русском «сиреневого господина», интересующегося качеством рыбы, проясняется в момент ка-

гастроффы, когда он, сев в кадку с керченской сельдью, кличет милицию. Вероятно, не каждый современный молодой читатель, выросший при капитализме, поймет, что попытка «сиреневого» советского гражданина сойти за иностранца связана с хитростью бесправного потребителя, желающего получить кусок получше. Поскольку эмоциональное междометие *Как же!* передано (этого следует ожидать) практически одинаково — *Of course!* / *But of course!*, мы рассмотрим наиболее, на наш взгляд, удачный перевод тандема Берджин и О'Коннор:

"Goot I like, bat, no," said the foreigner sharply.

"But of course!" was the salesman enthusiastic reply [Bulgakov, 2017, p. 296].

Инверсия, примененная Берджин и О'Коннор, очень уместна, ведь глаголы несовершенного вида в оригинале (*говорил, отвечал*) не просто передают ироничную интонацию рассказчика, но транслируют реакцию наблюдателей — Коровьева и Бегемота: *Тут наши знакомые отошли от иностранца с его лососиной к краю кондитерского прилавка* [Булгаков, 2021, с. 362]. Читатель как будто следует за этой парочкой по торгсину до момента, когда эти «знакомые», подслушавшие диалог, дерзко срывают маску с «иностранца».

Сравнить с версией Мирры Гинзбург не представляется возможным, поскольку ее перевод осуществлялся по редакции романа 1966—67 годов, опубликованного в журнале «Москва», откуда сцена в торгсине была удалена. Булгаков явно иронизирует над «сиреневым гражданином», метонимично окрестив его «сиреновой спиной». Эплин сопровождает сцену в торгсине комментарием: *Torgsin: the name is an abbreviation for trade with foreigners* [Aplin, 2020, p. 403]. Содержащаяся в этом комментарии информация предельно скупа и не дает читателю представления о советской реалии. Предложим более развернутый комментарий:

[1] *Torgsin shops (acronym from Rus. '[Всесоюзное объединение по] торговле с иностранцами', '[All-Union Organization for] trade with foreigners') were developed by the state in the early 1930s to sell to foreigners only, but later made available to all Soviet citizens to draw out the savings of the population and raise capital for the Five-Year Plan. People were allowed to sell their furniture, paintings, gold, jewelry and foreign currency to buy food and consumer goods* [Figes, 2008, p. 172].

[2] *The majority of Soviet citizens were hunting for very ordinary foodstuffs. Natalia Lebina recounts the memories of her great-grandmother, who had her fat golden chain cut into pieces and then had taken it to the torgsin. It helped feed her newborn relative in 1931* [Лебина, 2023, с. 122]. *Luxury foods (such as salmon) were available to foreigners, diplomats, jewelers, dentists etc.* [Осоки-

на, 2009, с. 215] — *the thin better-off stratum, which the 'lilac' man obviously belongs to.*

Первая часть комментария относится к трактовке реалии, вторая проводит связь этой реалии с контекстом романа. Передачи собственно лингвистической составляющей недостаточно: акцент господина, признак иностранной речи и, следовательно, маркер особого благосостояния, оказывается ненастоящим. В толпе советских граждан «сиреневый господин» выделяется одеждой: его «новенькая шляпа, не измятая и без подтеков на ленте, сиреневое пальто и лайковые рыжие перчатки» — красноречивое свидетельство благополучия во времена, когда для рядового человека «самое большое, что можно помыслить» — «два-три костюма, один из них заграничный» [Маньков, 1994, с. 190]. Однако еще до скандала Бегемот говорит Фаготу, что в лице покупателя лосося «чего-то не хватает, по-моему» [Булгаков, 2021, с. 362]. Как здесь не вспомнить наблюдение, сделанное героем И. С. Тургенева в повести «Ася»: *Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выражению их лица* [Тургенев, 2007, с. 203].

Таким образом, инвариантные и специфичные элементы текста оригинала проявляются в полной мере в процессе сопоставительного лингвокогнитивного анализа оригинального и переводных текстов, лишний раз подтверждая творческий характер художественного перевода. «Мощные» лакуны обнаруживаются в пространстве языка и культуры: эмотивный синтаксис оригинала неразрывно и невидимо связан с общекультурными и специфичными смыслами текста. Зримыми эти связи делает для читателя комментарий. Если рассматривать переводческий комментарий к переводному тексту в русле когнитивно-эвристической парадигмы, то он окажется когнитивным инструментом *per se*, вербализующим разрозненные элементы восприятия текста, которые, соединяясь, раскрывают в фантастическом самом что ни на есть реальное [Schofield, 2022, p. 57].

4. Заключение = Conclusions

Анализ способов передачи наиболее сложных с точки зрения перевода элементов эмотивного синтаксиса — русских междометных фраз — показал неявную и неразрывную связь отдельного уровня языка, с одной стороны, и когниции, с другой, в процессе восприятия и понимания рецепиентом художественного переводного текста.

Инвариантное мета-содержание оригинала содержит общий культурный код, что делает даже самые трудные, как с точки зрения авторской стилистики, так и с точки зрения объективных межъязыковых структур-

ных различий, места оригинала переводимыми. Лингвокогнитивный анализ фрагментов с междометными фразами показал, что компенсаторные переводческие решения зачастую связаны с инвариантным содержанием, кристаллизованным в словах и понятиях христианской культуры. Переводческие решения со словами *hell*, *damn*, даже в тех местах, где в оригинале соответствующая лексема отсутствует, в романе о «князе тьмы» оказываются удачными находками.

«Мощные» лакуны, то есть те, преодолеть которые невозможно только посредством преобразования оригинального текста, могут быть преодолены с помощью комментария. В структуре комментария соединяются лингвистические и культурно-исторические реалии, репрезентирующие соответствующие лакуны, и художественный контекст произведения.

В предисловии к первому парижскому изданию булгаковского романа архиепископ Иоанн Сан Францисский (Шаховской) так описал проблематику романа «Мастер и Маргарита»: «Драма книги — неистинное добро. Среди этой фантазмагии идеократического и обывательского мнимого добра хозяйничает Зло. Слово Зло я тут пишу с большой буквы не потому, что оно достойно этого, а потому, что здесь оно заслуживает такого подчеркивания» [Сан Францисский, 1967]. Метко замечание и о «проделках зла, слившихся с бытом людей» [Там же]. Реалии быта устаревают, но не устаревают вопросы о природе зла, о смерти, любви, трусости, быстротечности и конечности человеческого бытия. Значимость комментария, которому посвящена наша статья, обосновывается «невидимостью» лингвокультурных лакун для современного читателя. Комментарий к переводному художественному тексту призван вербализировать это содержание, невидимое в силу пространственно-временной дистанции между эпохой, когда создавался роман, и нашим веком, иными словами, способствовать традиционной духовно-просветительской задаче русской классической литературы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Булгаков М. Мастер и Маргарита / М. Булгаков. — Санкт-Петербург : Азбука, 2021. — 413 с. — ISBN 978-5-389-17142-8.
2. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в двадцати томах / М. Е. Салтыков-Щедрин. — Москва : Художественная литература, 1969. — Т. 8. — 614 с.
3. Тургенев И. С. Дворянское гнездо. Повести / И. С. Тургенев. — Москва : ЭКСМО, 2007. — 703 с. — ISBN 5-699-19245-X.
4. *Bulgakov M.* The Master and Margarita / М. Bulgakov. — New York : Grove Press, 1991. — 402 p.

5. *Bulgakov M.* The Master and Margarita / M. Bulgakov. — New York : Everyman's Library, 1992. — 446 p.
6. *Bulgakov M.* The Master and Margarita / M. Bulgakov. — Bergamo : Penguin Books, 2016. — 515 p.
7. *Bulgakov M.* The Master and Margarita / M. Bulgakov. — London : Picador Classic, 2017. — 367 p. — ISBN 978-0-330-54393-4.
8. *Bulgakov M.* The Master and Margarita / M. Bulgakov. — London : Alma-Classics, 2020. — 438 p. — ISBN 978-0-330-54393-4.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : «Искусство», 1986. — 445 с.
2. *Бобырева Е. В.* Сравнительные характеристики концепта “ЧУДО” в религиозном дискурсе в русском и английском языках / Е. В. Бобырева // Известия ВГПУ. — 2020. — № 9 (152). — С. 113—117.
3. *Изволенская А. С.* О роли переводческого комментария : социально-политические реалии в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» / А. С. Изволенская // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — Т. 19. — № 2. — С. 166—180. — DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-166-180.
4. *Лебина Н.* Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города 1917—1991 / Н. Лебина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — 578 с. — ISBN 978-5-4448-1951-7.
5. *Маньков А. Г.* Из дневника рядового человека (1933—1934 гг.) / А. Г. Манькова // Мемуары XX века // Звезда. — 1994. — № 5. — С. 134—199.
6. *Марковина И. Ю.* Метод установления лакун в исследовании этнопсихолингвистической специфики культуры / И. Ю. Марковина // Вопросы психолингвистики. — 2004. — № 2. — С. 58—64.
7. *Марковина И. Ю.* Культура и текст. Введение в лакунологию / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. — Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2010. — 138 с. — ISBN 978-5-9704-0563-5.
8. *Машкевич С.* Переводы «Мастера и Маргариты» : немного истории и «метароман» / Київський бібліофіл ММХХІV : альманах / С. Машкевич // Київський клуб бібліофілів. — Киев : Видавець Бихун В. Ю, 2024. — 432 с.
9. *Минченков А. Г.* Философия холизма и возможности применения ее положений в теории и практике перевода / А. Г. Минченков // Вестник СПбГУ. Серия 9. — 2014. — Выпуск 2. — С. 121—130.
10. *Осокина Е. А.* Золото для индустриализации : Торгсин / Е. А. Осокина. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. — 589 с. — ISBN 978-5-8243-1110-5.
11. *Сан Франциский И.* Книга. Мастер и Маргарита : роман / И. Сан-Франциский. — Париж : YMCA — PRESS, 1967. — 219 с.
12. *Тер-Минасова С. Г.* Пушкинская проза в восприятии англоязычного читателя / С. Г. Тер-Минасова // Россия и Запад : Диалог культур : сб. науч. ст. — Москва : Центр по изучению взаимодействия культур, 1994. — С. 140—144.
13. *Тураева А. С.* Образ черта в литовской, латышской и русской фразеологии / А. С. Тураева, М. С. Хмелевский // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. — 2022. — № 2 (115). — С. 122—127. — DOI: 10.37972/chgpu.2022.115.2.017.

14. *Файко А.* «Михаил Афанасьевич» / А. Файко // Воспоминания о Михаиле Булгакове. — Москва : Советский писатель, 1988. — С. 347—353.
15. *Фефелов А. Ф.* Современное российское переводоведение : в поисках новой суверенной парадигмы / А. Ф. Фефелов // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — Т. 13. — № 1. — С. 48—72.
16. *Aplin H.* Notes / H. Aplin // Mikhail Bulgakov. the Master and Margarita. — London : Alma Classics, 2021. — 438 p.
17. *Barthes R.* Essais critiques / R. Barthes. — Paris : Éditions du Seuil, 1964. — 275 p.
18. *Curtis J. A* Reader's Companion to Mikhail Bulgakov's the Master and Margarita / J. Curtis. — Brighton : Academic Studies Press, 2019. — 194 p. — ISBN 978-1644690789.
19. *Figes O.* The Whisperers / O. Figes. — London : Penguin Books, 2008. — 740 p. — ISBN 978-0312428037.
20. *Kechan A.* the Shadow and Anima in Bulgakov's the Master and Margarita / A. Kechan // Критички методи и толкувања (Critical Methods and Interpretations). — 2023. — Pp. 167—183.
21. *Schofield J.* Reading the *Master and Margarita* by Mikhail Bulgakov as Fantastic Literature / J. Schofield // Beyond the Anglocentric. — 2022. — Vol. 1. — № 1. — Pp. 49—58.
22. *Singer M.* Inference processing in discourse comprehension / M. Singer ; Ed. By M. Gareth Gaskell. — Oxford : Oxford University Press, 2009. — 859 p.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025,
одобрена после рецензирования 07.05.2025,
подготовлена к публикации 21.05.2025.

Material resources

- Bulgakov, M. (2016). *The Master and Margarita*. Bergamo: Penguin Books. 515 p.
- Bulgakov, M. (2020). *The Master and Margarita*. London: Alma-Classics. 438 p. ISBN 978-0-330-54393-4.
- Bulgakov, M. (2017). *The Master and Margarita*. London: Picador Classic. 367 p. ISBN 978-0-330-54393-4.
- Bulgakov, M. (1991). *The Master and Margarita*. New York: Grove Press. 402 p.
- Bulgakov, M. (1992). *The Master and Margarita*. New York: Everyman's Library. 446 p.
- Bulgakov, M. (2021). *The Master and Margarita*. Saint Petersburg: ABC. 413 p. ISBN 978-5-389-17142-8. (In Russ.).
- Saltykov-Shchedrin, M. E. (1969). *Collected works in twenty volumes, 8*. Moscow: Khudozhestvennaya literature. 614 p. (In Russ.).
- Turgenev, I. S. (2007). *The Noble nest. Novellas*. Moscow: EKSMO. 703 p. ISBN 5-699-19245—X. (In Russ.).

References

- Aplin, H. (2021). Notes. In: *Mikhail Bulgakov. The Master and Margarita*. London: Alma Classics. 438 p.
- Bakhtin, M. M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo Publ. 445 p. (In Russ.).
- Barthes, R. (1964). *Essais critiques*. Paris: Éditions du Seuil. 275 p. (In Frenc.).
- Bobyreva, E. V. (2020). Comparative characteristics of the concept of “MIRACLE” in religious discourse in Russian and English. *Izvestiya VGPU, 9 (152)*: 113—117. (In Russ.).

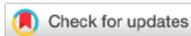

- Curtis, J. (2019). *A Reader's Companion to Mikhail Bulgakov's the Master and Margarita*. Brighton: Academic Studies Press. 194 p. ISBN 978-1644690789.
- Fayko, A. (1988). "Mikhail Afanasievich". In: *Memoirs of Mikhail Bulgakov*. Moscow: Sovetskiy pisatel Publ. 347—353. (In Russ.).
- Fefelov, A. F. (2015). Modern Russian Translation Studies: in search of a New Sovereign paradigm. *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural communication*, 13 (1): 48—72. (In Russ.).
- Figes, O. (2008). *The Whisperers*. London: Penguin Books. 740 p. ISBN 978-0312428037.
- Izvolenskaya, A. S. (2021). On the role of translation commentary: Socio-political Realities in M. A. Bulgakov's novel "The Heart of a Dog". *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural communication*, 19 (2): 166—180. DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-166-180. (In Russ.).
- Kechan, A. (2023). The Shadow and Anima in Bulgakov's the Master and Margarita. *Critical Methods and Interpretations*. 167—183.
- Lebina, N. (2023). *Passengers of the sausage train. Sketches for a picture of the life of a Russian city in 1917—1991*. Moscow: New Literary Review. 578 p. ISBN 978-5-4448-1951-7. (In Russ.).
- Mankov, A. G. (1994). From the diary of an ordinary man (1933—1934). *Memoirs of the XX century. Zvezda*, 5: 134—199. (In Russ.).
- Markovina, I. Yu. (2004). Method of establishing lacunae in the study of ethnopsycholinguistic specificity of cultures. *Questions of psycholinguistics*, 2: 58—64. (In Russ.).
- Markovina, I. Yu., Sorokin, Yu. A. (2010). *Culture and text. Introduction to lacunology*. Moscow: GEOTAR-Media. 138 p. ISBN 978-5-9704-0563-5. (In Russ.).
- Mashkevich, S. (2024). *Translations of "The Master and Margarita": a bit of history and a "metaroman"*. Kiev: Vidavets Bihun V. Yu. 432 p. (In Russ.).
- Minchenkov, A. G. (2014). Philosophy of holism and the possibility of applying its provisions in theory and practice of translation. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9*, 2: 121—130. (In Russ.).
- Osokina, E. A. (2009). *Gold for industrialization: Torgsin*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN): Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin. 589 p. ISBN 978-5-8243-1110-5. (In Russ.).
- San Francisco, I. (1967). *Book. The Master and Margarita: A Novel*. Paris: YMCA — PRESS. 219 p. (In Russ.).
- Schofield, J. (2022). Reading the Master and Margarita by Mikhail Bulgakov as Fantastic Literature. *Beyond the Anglocentric*, 1 (1): 49—58.
- Singer, M. (2009). *Inference processing in discourse comprehension*. Oxford: Oxford University Press. 859 p.
- Ter-Minasova, S. G. (1994). Pushkin's prose in the perception of the English-speaking reader. In: *Russia and the West: Dialogue of Cultures: Collection of scientific articles*. Moscow: Center for the Study of Cultural Interaction. 140—144. (In Russ.).
- Turlaeva, A. S., Khmelevsky, M. S. (2022). The image of a devil in Lithuanian, Latvian and Russian phraseology. *Bulletin of the I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University*, 2 (115): 122—127. DOI: 10.37972/chgpu.2022.115.2.017. (In Russ.).

*The article was submitted 04.03.2025;
approved after reviewing 07.05.2025;
accepted for publication 21.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Меркурьева Н. Ю. Два разделительных вопроса из текста «Гамлета» / Н. Ю. Меркурьева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 115—137. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-115-137.

Merkuryeva, N. Yu. (2025). Approaches to Translating Dialogical Unity with Tag Questions in Shakespeare's Tragedy "Hamlet". *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 115-137. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-115-137. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Два разделительных вопроса из текста «Гамлета»

Меркурьева Наталья Юрьевна
orcid.org/0009-0006-4144-3694
кандидат химических наук, доцент,
доцент кафедры
иностранных языков № 3
nata2lya1@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Approaches to Translating Dialogical Unity with Tag Questions in Shakespeare's Tragedy "Hamlet"

Natalia Yu. Merkuryeva
orcid.org/0009-0006-4144-3694
PhD in Chemistry,
Associate Professor, Department
of Foreign Languages No. 3
nata2lya1@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются подходы к переводу диалогического единства с разделительным вопросом из текста трагедии У. Шекспира «Гамлет». Проанализированы переводы одного фрагмента исходного текста, содержащего диалогическое единство, выполненные отечественными переводчиками Н. Полевым, А. Кронебергом, М. Вронченко, М. Загуляевым в XIX веке, Б. Пастернаком, М. Лозинским, А. Радловой, Ю. Лифшицем в XX веке, А. Агроскиным, И. Пешковым, А. Черновым, В. Поплавским в XXI веке. Показано разнообразие вариантов перевода, охарактеризованы различия в выборе переводческих приемов. Показано, что вариативность переводов связана с отношением переводчика к разделительным вопросам. Выявлены два направления интерпретации таких вопросов переводчиками. Если они понимаются как вопросительные предложения, тэги передаются как краткие вопросительные структуры *не правда ли?*, *ведь так?*, *не так ли?*, *может быть?*, *разве нет?*, *почему бы нет?*, которые бывают более объемными: *могло это быть именно так?*, *так ведь тоже могло быть?* Если разделительные вопросы понимаются как эмоционально окрашенные высказывания персонажа, переводчики не видят необходимости передавать вопросительные тэги. Отмечается зависимость интерпретации реплик с разделительными вопросами от восприятия переводчиками интенции Шекспира, понимания ими настроения и состояния персонажа.

Ключевые слова:

Шекспир; Гамлет; переводы Гамлета; художественный перевод; вариативность перевода; перевод разделительного вопроса; разделительный вопрос.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the approaches to translating dialogical unity featuring tag questions from William Shakespeare's tragedy "Hamlet." It analyzes translations of a specific fragment of the source text, which contains this dialogical unity, carried out by various domestic translators including N. Polev, A. Kroneberg, M. Vronchenko, and M. Zagulaev in the 19th century, as well as B. Pasternak, M. Lozinsky, A. Radlova, and Y. Lifshitz in the 20th century, and A. Agroskin, I. Peshkov, A. Chernov, and V. Poplavsky in the 21st century. The study highlights the diversity of translation options and characterizes the differences in the choice of translation techniques. It demonstrates that the variability of translations is linked to the translator's attitude towards tag questions. Two directions of interpretation by translators are identified: when understood as interrogative sentences, the tags are rendered as brief question structures such as "isn't it?", "right?", "isn't that so?", "perhaps?", "why not?", which can also be more elaborate: "could it really be so?", "it could have been that way too, couldn't it?" Conversely, if tag questions are interpreted as emotionally charged statements by the character, translators often see no need to convey the interrogative tags. The analysis reveals that the interpretation of lines containing tag questions depends on the translators' perception of Shakespeare's intent and their understanding of the mood and state of the characters.

Key words:

Shakespeare; Hamlet; Hamlet translations; literary translation; translation variability; tag question translation; tag questions.

УДК 81'255.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-115-137

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Два разделительных вопроса из текста «Гамлета»

© Меркурьева Н. Ю., 2025

1. Введение = Introduction

В 1748 году А. П. Сумароков, основываясь на французском пересказе П.-А. де Лапласа, сделанном в 1745 году, выполнил вольную переделку шекспировской трагедии [Гайдин, 2017а, с. 170—171]. Именно с его работы начинается свою историю русский «Гамлет», показатель «развития и трансформации русской мысли и эстетики» [Филиппова, 2024а, с. 336]. С тех пор в течение почти трех столетий русская литература «осваивает» шекспировское творчество: всемирно известный английский источник за это время переводился более 30 раз [Захаров и др., 2009, с. 101; Моташкова, 2016, с. 104].

Текст «Гамлета» характеризуется такой неоднозначностью суждений, что открывает возможности «многочисленных прочтений и интерпретаций тех смыслов», которые таит эта трагедия. Чрезвычайно привлекательной ее делает возможность декодирования этих смыслов в рамках различных переводов и театральных постановок. Появление новых переводных текстов, в свою очередь, «способствует их изучению в контексте уже существующих переводов» [Третьякова, 2014, с. 20].

В настоящее время в научной литературе существует большое количество работ, посвященных изучению переводов трагедии на русский язык. Так, например, Д. К. Филиппова рассматривает ранние переводы «Гамлета» — первые фрагментарные переводы, выполненные в XVIII веке М. Плещеевым и П. Карбановым, а также тексты М. Вронченко и Н. Полевого [Филиппова, 2022; Филиппова, 2023; Филиппова, 2024а; Филиппова, 2024б]. Работу М. Вронченко исследователь называет первым качественным переводом пьесы на русский язык [Филиппова, 2022, с. 328], отмечая, что переводчик передает не только содержание оригинала, но его форму — «низкую прозу и высокую поэтическую речь» [Филиппова, 2024б, с. 25], перевод Н. Полевого описывает как характеризующийся схематизмом персонажей, упрощением их характеров, они кажутся типическими, стереотипными [Филиппова, 2023, с. 364].

Е. А. Дамман и И. С. Гамбург производят сравнительный анализ текстов шести переводчиков, относящихся к разным эпохам: Н. Полевого и М. Вронченко, М. Лозинского и Б. Пастернака, В. Ананьина и А. Цветкова [Дамман и др., 2022]. Исследователи приходят к выводу, что «переводы-первопроходцы» Н. Полевого и М. Вронченко в целом передают смысл текста-оригинала, однако передача общей атмосферы и деталей оставляет желать лучшего. Обсуждая поэтичность и точность переводов М. Лозинского и Б. Пастернака, авторы отмечают, что текст М. Лозинского, несмотря на некоторую тяжеловесность, звучит возвышенно, переводчик следует структуре подлинника, стараясь сохранять детали, в то время как Б. Пастернак обращается с текстом смело и свободно, зачастую упрощая пьесу до разговорно-бытового уровня. Говоря о переводах В. Ананьина и А. Цветкова, исследователи констатируют, что этим переводам уготована судьба десятков других новых переводов трагедии — стать «еще одной попыткой» затмить классические переводы [Там же, с. 55, 56, 58].

Б. Н. Гайдин рассматривает переводы М. Л. Лозинского, Б. Л. Пастернака, А. Д. Радловой как классические, отмечая, что некоторые современные переводчики, среди которых исследователь называет И. В. Пешкова и Н. Н. Самойлова, стремятся соблюдать принцип эквилинеарности, противоположность им представляют довольно вольные переводы, которые следует воспринимать как театральные или литературные адаптации (В. Р. Поплавский, А. Ю. Чернов и др.), еще одну группу составляют тексты, в которых переводчики пытаются достичь баланса «между точностью и удобочитаемостью» (В. З. Ананьин, Ю. И. Лифшиц, А. В. Флора и др.) [Гайдин 2017б, с. 57].

По выражению В. Левика, «Шекспир, как никакой другой автор, допускает в силу своей емкости огромное количество интерпретаций» [Левик, 1968, с. 95]. В связи с этим справедливо мнение Б. Н. Гайдина о том, что все тексты переводов Гамлета на русском языке представляют собой ценнейший и уникальный материал для анализа, поскольку они отражают «пласты русской и мировой культуры, диалог культур и эпох, прошлое и настоящее» [Гайдин, 2017а, с. 170—171].

Т. П. Третьякова показывает, что сравнения текстов М. Лозинского и Б. Пастернака достаточно традиционны. Исследователь отмечает тяжеловесность перевода М. Лозинского, ряд неточностей и невольных искажений в его тексте, из-за чего утрачивается передача образов и трагичности конфликта, монологи персонажей не звучат как естественная речь. В тексте Б. Пастернака нет нарочитого усложнения, он как будто адаптирован для восприятия современниками. Обилие неточностей лишний раз доказывает своеобразие поэтической версии Пастернака и делает понятной це-

лесообразность создания других поэтических интерпретаций [Третьякова, 2014, с. 21—22].

Обилие лингвистического материала обуславливает наш интерес к сравнительному анализу подходов переводчиков разных временных периодов к интерпретации элементов разговорной речи, употребленных Шекспиром в диалогах пьесы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниками лингвистического материала послужили: фрагмент текста пьесы У. Шекспира «Гамлет», содержащий четырехчленное вопросно-ответное диалогическое единство с двумя разделительными вопросами, его переводы на русский, выполненные М. Вронченко (1828 год), М. Загуляевым (1861 год), Н. Полевым (1836 год), А. Кронебергом (1844 год), Б. Пастернаком (1939 год), М. Лозинским (1933 год), А. Радловой (1937 год), Ю. Лифшицем (1990 год), И. Пешковым (2009 год), А. Агроскиным (2009 год), В. Поплавским (2014 год), А. Черновым (2007 год). При исследовании применялись методы лингвистического исследования языковых фактов, лингвистического описания, сравнительно-сопоставительного метода, прагматического анализа, дискурс-анализа.

Перевод разделительного (расчлененного) вопроса с английского языка на русский представляет определенную сложность. Причина этого кроется не только в том, что вопрос такого типа отсутствует в русском языке. Главное затруднение заключается в распознавании значения расчлененного вопроса в тексте, поскольку именно значение влияет на способ передачи присоединенной части, состоящей из слов-заместителей, так называемого *тэга*.

В исследованиях разных лет отмечается полифункциональность разделительного вопроса на современном этапе развития языка [Гоголь, 2023; Кочетова и др., 2021; Курбатова, 2002; Морозов, 1998; Писанко, 1971; Тасуева и др., 2019; Tottie et al, 2006; Tottie et al, 2009]. Так, например, Н. И. Писанко отмечает, что говорящий использует расчлененный вопрос, предлагая собеседнику выразить согласие с определенным утверждением, ожидая подтверждения сделанного предположения, выражая реакцию на замечание собеседника, ожидая уточнения высказанного, выражая просьбу или приказ. Исследователь указывает на модально-экспрессивный характер расчлененного вопроса и называет уверенность и предположение основными его значениями [Писанко, 1971, с. 138—167]. В. В. Морозов среди функций расчлененных вопросов упоминает выражение интереса и попытку убеждения [Морозов, 1998, с. 6]. Е. А. Курбатова говорит о свойственных этому типу вопроса функциях донесения фактической информации до адресата, социализации, интеллектуальных, эмоциональных и

моральных установок, а также о функции побуждения [Курбатова, 2002, с. 16—17]. В. В. Селезнева, Е. А. Евсикова и А. Ш. Тарвердян в своей работе рассматривают расчлененные вопросы как полифункциональное синтаксическое средство, являющееся «кластером таких коммуникативно значимых параметров лингвоэкологичности, как вежливость, толерантность, некатегоричность, неимпозитивность, адресатоцентричность (ориентированность на собеседника), эмоциональная деинтенсификация, эмпатия» [Селезнева и др., 2019, с. 119]. Л. А. Кочетова, Е. Ю. Ильинова, Т. А. Клепикова говорят об информационной, этикетной и корректирующей межличностные отношения функциях [Кочетова и др., 2021]. А. В. Гуркова и А. И. Пилюгина отмечают использование разделительного вопроса для проверки предположений, запроса согласия партнера со спикером как попытки спикера подтвердить свои собственные мысли, выразить сомнение или собственное мнение [Гуркова и др., 2023]. Т. А. Симонян говорит об употреблении в речи этого типа вопроса с целью выражения мнения и эмоций косвенным образом, в завуалированной форме [Симонян, 2023], В. Ю. Белоусов выдвигает на первый план использование расчлененного вопроса для подтверждения или опровержения уже имеющейся информации [Белоусов, 2024].

Что касается исследований такого типа вопроса с исторической точки зрения, то Г. Тотти и С. Хоффманн, изучая разделительные вопросы из текстов драмы XVI века, указывают на их функционирование для запроса информации, выражения отношения говорящего к чему-то, вовлечения в дискурс, выражения вызова, что схоже с современной речью. Кроме того, исследователи отмечают функцию назидания, директивы или поучения, не характерную для разделительного вопроса на современном этапе [Tottie et al, 2009, p. 145—147].

В ряде работ рассматривается перевод разделительного вопроса на русский язык [Алексеева и др., 2019; Луговская, 2023, 2024; Халитова, 2012]. Отмечается, что при передаче тэга могут быть использованы вопросительные частицы, такие как *правда? не так ли? ведь так? правда ведь? да?*, называемые «контактоустанавливающими» вследствие их функционирования в констатирующе-вопросительных предложениях для выражения реакции адресата на речь адресанта при установлении с ним контакта [Халитова, 2012]. Исследователи также указывают, что зачастую тэг лишен материализации, тогда перевод осуществляется за счет синтаксического построения предложения, а также специфического интонирования высказывания [Луговская, 2023; Луговская, 2024].

Специальные работы, посвященные анализу перевода разделительного вопроса в диалогах трагедии Шекспира «Гамлет», нам не встретились.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Для анализа мы выбрали отрывок из первой сцены пятого акта, которая происходит на кладбище. Сцена начинается с появления двух могильщиков, которые начинают рыть могилу для Офелии, болтая между собой. Позднее появляется Гамлет в сопровождении Горацио. Выкапывая яму, один из могильщиков попадает в старое захоронение, натывается на череп и отбрасывает его в сторону, друзья наблюдают за его действиями:

*Ham. That skull had a tongue in it, and could sing once; how the knave jowls it to the ground, as if it were Cain's jaw-bone, that did the first murder! This might be the pate of a politician, which this ass now o'er-offices, one that would circumvent God, **might it not?***

Hor. It might, my lord.

*Ham. Or of a courtier, which could say, 'Good morrow, sweet lord! How dost thou, good lord?' This might be my Lord Such-a-one, that praised my Lord Such-a-one's horse, when he meant to beg it, **might it not?***

Hor. Ay, my lord.

Анализируя авторский дискурс, отметим, что каждая реплика Гамлета имеет двухчастное построение. В первой части персонаж пускается в философские рассуждения, как будто придумывая детали из жизни бывшего хозяина черепа. Вторую часть каждой реплики Шекспир представляет в виде вопросительного предложения, организованного согласно схеме: «*This might be..., might it not?*». Два кратких ответа предназначены для Горацио. В одном повторяются слова присоединенного вопроса *it might*, они сочетаются с обращением *my lord*, в другом такое же обращение находится в постпозиции от слова-подтверждения *ay* (представляющего собой измененное среднеанглийское междометие *yai* (*yes*) или наречие *aye* (*always*) [Etymology Dict.]).

В одно диалогическое единство реплики Гамлета соединяет союз *or*, употребление которого не оставляет сомнения в том, что реплики задумывались как нечто единое. Размещая два одинаковых присоединенных вопроса *might it not* так близко друг к другу, Шекспир, очевидно, не стремится к достижению речевого разнообразия. Напротив, он старается сделать оба вопроса максимально схожими друг с другом. Это наводит на мысль об их «полусинтетичности»: принцип присоединения тэга взят из разговорной речи, но не для придания естественности словам персонажа, а скорее для того, чтобы сформировать диалог, давая возможность зрителю осознать содержание текущей реплики и подготовить к восприятию следующей, замедлить скорость поступления информации к публике. Именно таким образом Шекспир избегает чрезмерной перегруженности реплики, превращая монолог Гамлета, полный намеков и аллегорий, в диалог с Горацио.

Если рассматривать персонажей как реальных людей, между которыми происходит коммуникация, то можно заметить, что Гамлет чрезмерно разговорчив, философствует. Горацио немногословен, как этого требует его подчиненное положение, и соглашается со всеми рассуждениями принца без возражений, отдавая дань дружбе, сам факт нахождения на кладбище его, в отличие от Гамлета, не вдохновляет. Гамлет совсем не обращает внимания на то, что говорит Горацио, рассуждает сам с собой. Даже при поверхностном рассмотрении можно увидеть в его первом высказывании (при упоминании Каина, который, как известно, убил своего родного брата) намек на действующего короля, а во втором, когда он говорит о лошади, — на королеву.

Таковы наши предположения о некоторых грамматических, стилистических и коммуникативных особенностях выбранного для анализа отрезка пьесы. Далее рассмотрим подходы переводчиков разного времени к его интерпретации.

3.1. Переводчики XIX века

М. Вронченко рассматривает присоединенную часть как устоявшееся сочетание *не правда ли*:

Гамлет. Въ семь черепъ также былъ языкъ; онъ также глѣть нѣкогда! и сей бездѣльникъ стучитъ имъ обѣ землю, какъ будто онъ челюсть Каина первоубійцы! Можетъ быть это голова политика, мыслившаго обмануть самаго Бога, и теперь имъ ворочаетъ осель сей! Не правда ли?

Горацио. Статься может, Принцъ!

Гамлетъ. Или придворнаго, который восклицалъ: здравствуйте, почтеннѣйшій! Здоровьяль вы, мои милостивецъ? или господина такого-то, который выхвалялъ у господина такого-то лошадь, выпросить ее у него желая! Не правда ли, Горацио?

Горацио. О, правда, Принцъ! (М. Вронченко).

Можем видеть, что опорное предложение разделительного вопроса воспринимается переводчиком как эмоциональное высказывание, о чем свидетельствуют восклицательные знаки между присоединенной и присоединяющей частями. При этом в предложении первой реплики используется *Можетъ быть*, которое во втором опускается. Из-за этого приема хорошо просматривается связь реплик Гамлета — вторая выглядит как продолжение первой: — *Или придворнаго..., или господина такого-то*. Присоединенные части создаются одинаковыми, они обе выглядят как краткие относительно самостоятельные вопросительные структуры, но в составе второй имеется обращение *Горацио*. Такое различие может быть обусловлено тем, что переводчик показывает завершение темы (да-

лее разговор будет вестись уже о следующем черепе, который достанет могильщик). На это указывают и неодинаковые реплики-ответы — нейтральное *Статься может, Принцъ* и потенциально более эмоциональное *О, правда, Принцъ*.

М. Загуляев также воспринимает присоединенный вопрос как устойчивое сочетание, стимулирующее собеседника к участию в разговоре, и выбирает для него два эквивалента — *неправда ли* и *Врѣдь такъ*:

Гамлетъ. Было время, когда и у этой головы былъ языкъ, и она тоже пѣла, а теперь этотъ негодяй швыряетъ ее какъ будто бы это былъ черепъ Каина, перваго человекоубійцы. Этотъ черепъ, съ которымъ болванъ обходится такъ бесцеремонно, былъ, можетъ быть, черепомъ великаго политика, думавшаго, что онъ въ состоянiи обмануть самого Бога, неправда ли?

Горацио. Очень можетъ быть, ваше высочество!

Гамлетъ. Или черепомъ придворнаго, умѣвшаго отлично говорить: «Честъ имѣю кланяться, какъ ваше здоровье?...» Можетъ быть онъ сидѣлъ на плечахъ господина такого-то, который хвалилъ лошадь господина такого-то, съ тѣмъ чтобъ выпросить ее!... Врѣдь такъ?

Горацио. Да, принцъ. (М. Загуляев).

Оба опорных предложения содержат элементы *можетъ быть*, которые не употребляются в присоединенных частях. Повторяемое из реплики-зачина сочетание *можетъ быть*, усиленное наречием *очень*, видим в реплике Горацио. Вторая реплика друга Гамлета более краткая, это слово-предложение *да*, сопровождающееся обращением. Интересно, что переводчик выбирает два разных обращения: в первой реплике *ваше высочество*, во второй — *принцъ*. Очевидно намерение сделать первый ответ более объемным, а второй — более кратким.

А. Кроненберг интерпретирует отрывок следующим образом:

Гамлет: Въ этомъ черепѣ былъ когда-то языкъ, и онъ могъ пѣть! А этотъ бездѣльникъ швырнулъ его о землю; точно будто челюсть Каина, перваго убійцы. Можетъ быть это была голова политика, мечтавшаго перехитрить самого Господа Бога; и этотъ осель перехитрилъ его теперь; не такъ ли?

Горацио: Дѣло возможное.

Гамлет: Или придворнаго, которому ничего не стоило говорить: добро утра, ваше высочество! Позвольте, пожелать вамъ всевозможнаго счастья! Онъ могъ быть черепомъ господина А, который хвалилъ лошадь господина В, потому что ему хотѣлось получить ее въ подарокъ. Не такъ ли?

Горацио: Все можетъ быть, принцъ. (А. Кроненберг).

Опорное предложение для присоединенного вопроса содержит предположение, маркируемое сочетаниями *Может быть* и *Онъ могъ быть*. В качестве присоединенных частей в обеих репликах наблюдаем устойчивое сочетание *не такъ ли*. Можно видеть, что в первой реплике на границе опорной и присоединенной частей поставлена точка с запятой, во второй — точка. Такая разметка показывает, что пауза перед первым присоединенным вопросом планируется короче, чем перед вторым. Если на первое *не такъ ли* Горацио реагирует словами *Дѣло возможное*, то на второе — гораздо более многословно. *Все может быть* второй реагирующей реплики вместо краткого *Ау*, наблюдаемого в тексте Шекспира, вероятно, привлекается переводчиком для указания на завершение одной темы и подготовки зрителя для восприятия другой.

Передавая разделительные вопросы, Н. Полевой старается следовать оригинальному тексту и в то же время избегать повторов:

Гамлетъ. У этого черепа былъ языкъ, и онъ также пѣвалъ! Какъ бросилъ его этотъ негодяй, будто черепъ Каина, перваго убійцы! А, можетъ быть, этотъ черепъ, который такъ легко швыряютъ теперь — составлять голову великаго политика, или челоуѣка, который думалъ править цѣлымъ міромъ — не правда ли?

Горацио. Можетъ быть, принцъ?

Гамлетъ. Или придворнаго, который такъ мило, такъ ловко умѣлъ сказать: “Здравствуйте, м. г., все ли вы въ добромъ здоровьи, м. г.” — Можетъ быть, это былъ знатный баринъ, охотникъ до лошадей, и — до всего — можетъ быть?

Горацио. Да, принцъ. (Н. Полевой).

Опорные клауземы построены с начальными частями *А, можетъ быть* и *можетъ быть*, присоединенные же части не повторяются и представлены сочетаниями соответственно *не правда ли* и *можетъ быть*. То есть во второй конструкции присоединенный вопрос, как и в оригинальном тексте, выглядит как повторение части опорного предложения, а в первой — как устойчивое сочетание. Можно предположить, что такой вариант перевода связан с подбором первой реплики Горацио *Можетъ быть, принцъ*, чтобы избежать близкого троекратного повтора словосочетания *можетъ быть*.

Во всех рассмотренных отрывках в первой реплике видим довольно прозрачный намек на некоего хитрого политика, рассуждения о котором предваряются упоминанием о Каине. Рядом с этим именем для большей ясности ставится слово *убийца* в той или иной форме: *Каина, перваго убійцы; Каина, перваго челоуѣкоубійцы* или *Каина первоубійцы*. Во второй реплике М. Загуляев, А. Кронеберг и М. Вронченко предлагают схожие нейтральные варианты соответственно: *«хвалили лошадь господина такого-то, съ*

тѣмъ чтобъ выпросить ее», «хвалиль лошадь господина В, потому что ему хотѣлось получить ее въ подарокъ», «выхваляль у господина такого-то лошадь, выпросить ее у него желая».

Н. Полевой выбирает совершенно другой подход: «*это былъ знатный баринъ, охотникъ до лошадей, и — до всего*». Бросается в глаза финальная часть опорного предложения *и — до всего*, по разметке видим отделяющую ее многозначительную паузу. Не желая увести зрителя в сторону от нужного русла рассуждений, переводчик подсказывает ход мысли, указывая на грех любострастия «знатного барина». Такой акцент переводчика становится понятным при исследовании особенностей его интерпретации. В частности, Л. С. Артемьева показывает, что Полевой сосредоточен на «усилении мотива мести в пьесе» [Артемьева, 2014, с. 94], Д. К. Филиппова отмечает, что переводчик делает главными устремлениями Гамлета «восстановление справедливости путем наказания убийцы и отмщение за отца» [Филиппова, 2023, с. 366].

3.2. Переводчики XX века

Б. Пастернак передает обе присоединенные части в виде кратких независимых предложений *Не правда ли:*

Гамлет. В этом черепе был когда-то язык, он умел петь. А этот негодяй шмякнул его об зѣмь, точно это челюсть Каина, который совершил первое убийство. Возможно, голова, которою теперь распоряжается этот осел, принадлежала какому-нибудь политику, который собирался перехитрить самого господа Бога. Не правда ли?

Горацио. Возможно, милорд.

Гамлет. Или какому-нибудь придворному. Он говаривал: «С добрым утром, светлейший государь. Как изволите здравствовать?» Его звали лорд такой-то и такой-то, и он нахваливал лорду такому-то его лошадь в надежде напроситься на подарок. Не правда ли?

Горацио. Правда, принц. (Б. Пастернак).

Значение предположения маркируется словом *Возможно*, которое переводчик вводит только в первую реплику Гамлета. Такой прием, вероятно, призван усилить ощущение у читающего / слушающего, что обе реплики представляют собой монолог, прерываемый вторым присутствующим. Краткие предложения реплик Горацио составлены так, чтобы была ясно видна лексико-грамматическая связь между ними и разделительными вопросами. Сначала друг Гамлета повторяет из опорной части разделительного вопроса слово *возможно*, сопровождая его обращением, во второй реплике из присоединенной части *Не правда ли* повторяется слово *Правда*. Обращение *ты лорд* передается, в отличие от текста Шекспира, по-разному: *милорд* в первой реплике и *принц* во второй.

Присоединенные части в переводе М. Лозинского выражаются сочетанием *разве нет*, тире указывает на довольно длительную паузу, отделяющую их от опорных предложений:

Гамлет: у этого черепа был язык, и он мог петь когда-то; а этот мужик швыряет его об землю, словно это Каинова челюсть, того, что совершил первое убийство! Может быть, это башка какого-нибудь политика, которую вот этот осел теперь перехитрил; человек, который готов был провести самого господра Бога, — разве нет?

Горацио: Возможно, принц.

Гамлет: Или придворного, который говорил: «Доброе утро, дражайший государь мой! Как вы себя чувствуете, всемилостивейший государь мой?» Быть может, это государь мой Такой-то, который хвалил лошадь государя моего Такого-то, рассчитывая ее выпросить, — разве нет?

Горацио: Да, мой принц. (М. Лозинский).

Присоединяющее предложение в первой реплике начинается словами *может быть*, во второй видим сочетание *быть может*. Реплики-реакции содержат обращение, второе из которых переводчик (в последней реплике) делает более объемным *мой принц*, видимо, для того, чтобы оно не выглядело слишком кратким и не вполне вежливым.

Схожий подход к интерпретации опорных предложений — перемену мест слов в начале конструкций (в первой: «*Это, может быть*»; во второй: «*Может быть, это*») — видим у А. Радловой:

Гамлет: Внутри этого черепа был язык, и когда-то он мог петь, — а этот хам швыряет его, будто это челюсть Каина, первого убийцы. Это, может быть, башка какого-нибудь государственного мудреца, которого этот осел сейчас перемудрил, мудреца, который мог надуть самого Бога. Могло так быть?

Горацио: Могло, милорд.

Гамлет: А может быть, этот череп принадлежал какому-нибудь придворному, который говорил: «Здравствуйте, прелестнейший милорд!», «Как ваше здоровье, прелестнейший милорд?» Может быть, это череп милорда какого-то, который восхвалял коня милорда такого-то, собираясь выклянчить его. Могло так быть?

Горацио: Конечно, милорд. (А. Радлова).

Присоединенные части представлены одинаковыми независимыми эллиптическими вопросительными предложениями *Могло так быть*. Переводчик показывает лексико-грамматическую связь первых двух реплик повтором Горацио слова *могло*. Между третьей и четвертой репликами, как и в оригинальном тексте, такой связи нет.

В тексте Ю. Лифшица предположение в первой реплике Гамлета маркировано сочетанием *может быть*, а во втором — словом *допустим*:

Гамлет. Этот череп умел когда-то говорить или даже петь.

А этот мошенник швыряет его, как челюсть Каина, первого братоубийцы. Может быть, это череп видного политика, который не шутя пытался провести Господа Бога, но в итоге пал куда ниже этого осламогильщика. Могло это быть именно так?

Горацио. Вполне, милорд.

Гамлет. Или это прах царедворца, говорившего: «С пробуждением, добрый государь. Как изволили почивать, милосердный государь?» Его звали, допустим, милорд Такой-то, и он юлил перед милордом Сяким-то в надежде выклянчить у того лошадь. Так ведь тоже могло быть?

Горацио. Могло, милорд. (Ю. Лифшиц).

Эти разделительных вопросов не повторяются, они выражены двумя вопросительными предложениями *Могло это быть именно так?* и *Так ведь тоже могло быть?*, отделенными от опорной части точками, то есть довольно значительными паузами. Первая реплика-реакция Горацио содержит согласие-поддакивание в виде замечания *Вполне*, сопровождаемого обращением. Вторая ответная реплика составлена повторяемым из присоединенного вопроса словом *могло*.

Б. Пастернак и М. Лозинский, а также А. Радлова рядом с именем Каина размещают сочетания соответственно «*совершил первое убийство*» и «*первого убийцы*». Говоря о том, кому мог принадлежать череп, переводчики используют слова *политик* и *государственный мудрец*, указывая на хитрость этого предполагаемого лица с помощью выражений «*собирался перехитрить самого господ Бога*», «*готов был провести самого господ Бога*», «*мог надуть самого Бога*». Ю. Лифшиц делает намек на действующего короля, отравившего своего брата, еще более явным — «*Каина, первого братоубийцы*», при этом, в отличие от своих предшественников, донося до зрителя / читателя собственное заключение: «*пал куда ниже*». Анализ второй части отрывка (второй пары реплик) позволяет предположить, что переводчики не замечают аллюзии в словах Гамлета «*horse, when he meant to beg it*», или не считают необходимым использовать их в качестве намека на королеву. А. Радлова вообще исключает возможность такой интерпретации, привлекая слово *конь*, а не *лошадь*: «*коня милорда такого-то*».

3.3. Переводчики XXI века

А. Чернов сохраняет присоединенный вопрос только во второй реплике Гамлета:

Гамлет: у этого черепа был язык. И он тоже мог петь. А этот плут швырнул его, как ту самую челюсть, которой Каин совершил первое убий-

ство. Подумай, может, это была башка политика, и он самого Творца водил за нос...

Горацио: Весьма вероятно.

Гамлет: Или придворного, что каждое утро причитал: «Доброго вам утра, милорд как ваше здоровье, милорд!..» А всего-то и хотел, что вы просить приглянувшегося скакуна... Что, может такое быть?

Горацио: Может, милорд. (А. Чернов).

В первой реплике присоединенный вопрос отсутствует, незаконченность речи принца показана многоточием. В опорное предложение переводчик включает императив *Подумай*, что делает его, при превращении в высказывание, не просто частью рассуждения, философствования Гамлета, а обращением к присутствующему. Присоединенный вопрос представлен самостоятельным предложением: *Что, может такое быть?* В реплике Горацио видим повторяющийся из этого предложения элемент *может*.

И. Пешков показывает присоединенный вопрос в первой реплике Гамлета в виде альтернативного вопроса *сумел бы... или не сумел бы*:

Гамлет. В черепе был язык, и он мог петь когда-то: а этот разбойник иваркнул его озмь, как будто здесь челюсть Каина, совершившего первое убийство! То, что этот осел сейчас извлек, могло быть головой политика, который и Бога сумел бы обвести вокруг пальца, или не сумел бы?

Горацио: Сумел бы, мой господин.

Гамлет. Или — головой придворного, который говорил «Доброе утро, милый господин! Как твои дела, дорогой господин?» Это мог быть господин такой-один, он хвалил бы господина такого-то лошадь, когда собирался попросить ее; могло быть так?

Горацио. Еще бы, мой господин. (И. Пешков).

В проанализированных выше отрывках можем видеть, что переводчики стараются избегать сослагательного наклонения, в варианте И. Пешкова оно привлекается: *Бога сумел бы обвести вокруг пальца*. Разделительный вопрос второго отрывка показан следующим образом: в опорной части предположение делается лишь в одной из клаузем *Это мог быть*, запрос же по поводу истинности делается ко всему сложному предложению с помощью сочетания *могло быть так?* В первой реплике Горацио, аналогично наблюдаемому в тексте Шекспира, производится повторение слов из присоединенной части *сумел бы*, вторая реплика-реакция представлена восклицанием *еще бы*, сопровождающимся обращением, одинаковым в обеих ответных репликах.

В обоих переводах сохраняется уточняющая фраза Гамлета о Каине *that did the first murder «совершил первое убийство»* и упоминание о хитрости некоего политика *one that would circumvent God: «он самого Творца*

водил за нос», «Бога сумел бы обвести вокруг пальца». Намек на королеву во второй реплике Гамлета не реализуется, А. Чернов совершенно отказывается от этой возможности, переведя слово *horse* как *скакун*.

В отличие от всех рассмотренных выше вариантов интерпретации, в первой реплике Гамлета следующего перевода, выполненного В. Поплавским, и часть о Каине, и упоминание о лошади опускаются:

Гамлет. Тот, кому принадлежал этот череп, своё уже отпел, независимо от того, кем он был при жизни, — может быть, крупным политиком, умевшим хитрить с самим господом Богом, — почему бы нет?

Горацио. Всё может быть, милорд.

Гамлет. Или особой, приближенной к государю, — он говорил: «Доброе утро, ваше величество! Как изволили почивать, ваше величество? Что прикажете, ваше величество?» — и сам носил высокий титул и громкое имя, — почему бы нет?

Горацио. Да, милорд, вполне возможно. (В. Поплавский).

Присоединенные вопросы показаны одинаковыми сочетаниями *почему бы нет?* В реагирующих репликах нет элементов, повторяющихся из присоединенных частей. Для Горацио составлены многословные ответы, видимо, в целях соответствия правилам вежливости.

Подход А. Агроскина принципиально отличается, пожалуй, от всех вариантов, обсужденных выше. Для облегчения восприятия зрителем автор перевода представляет реплику Гамлета в виде трех, а не двух частей, поэтому для Горацио предназначаются не два, а три ответа:

*Гамлет. А у него когда-то был язык,
и он мог петь. И вот на куче глины
лежит среди таких же горемык.*

Но кто они? Рабы иль властелины?

*А может быть в отброшенной башке
таился мозг политика, который
вершил судьбу страны при дураке,
украшенном наследственной короной?*

Горацио. Возможно.

*Гамлет. Или ей владел лакей,
который стлался перед господами,
вполне довольный участью своей,
готовый зад чужой лизать годами.*

Горацио. Да, может быть.

*Гамлет. А вдруг была она
над туловом пристроена милорда,
хвалившего лихого скакуна,*

чтобы принять его в подарок гордо.

Горацио. О, да, милорд! (А. Агроскин, 2009).

Можно видеть, что конструкции с присоединенными вопросами не сохраняются. Что касается аллюзий Шекспира, то переводчика, очевидно, больше интересует красота рифмованного текста: Гамлет философствует о превратностях человеческой судьбы, и у читателя не создается впечатление, что принц упоминает действующего короля или королеву.

4. Заключение = Conclusions

Перевод английских разделительных вопросов на русский язык затруднён из-за отсутствия в русском языке точного аналога — вопроса с присоединённой частью, состоящей из слов-заместителей, — а также из-за многозначности таких вопросов в английском языке.

Вариативность перевода реплик выбранного для анализа отрывка связана с особенностями восприятия переводчиками интенции Шекспира, пониманием ими того настроения и состояния персонажа, которое имеется в виду в оригинале. Речь принца может быть понята двояко: как намек на действующих короля и королеву посредством сравнения с братоубийцей-Каином и хитрым политиком, имеющим пристрастие к лошадям, а также как размышления философствующего интеллектуала о вопросах жизни и смерти. Соответственно, при первом подходе второй участник диалога, Горацио, воспринимается как подающий «технические» реплики, которые необходимы для замедления темпа речи актеров, чтобы дать зрителю время на осознание того, что происходит на сцене, при втором — Горацио показывается как реальный собеседник, к которому принц обращается с вопросами, ожидая необходимой поддержки.

Вариативность переводов связана также с отношением переводчика к разделительным вопросам. В их интерпретациях также видны два направления: конструкции понимаются как вопросительные предложения, и тогда тэги передаются как краткие присоединенные вопросительные структуры *не правда ли?, ведь так?, не так ли?, может быть?, разве нет?, почему бы нет?*, а также более объемные *могло так быть?, могло это быть именно так?, так ведь тоже могло быть?*; конструкции понимаются как эмоционально окрашенные высказывания размышляющего вслух персонажа, и в этом случае переводчики не видят необходимости передавать вопросительные тэги в том или ином виде — тогда вопросно-ответное диалогическое единство оригинального текста передается в виде невопросно-ответного.

Еще один путь достижения речевого разнообразия — способ передачи реплики-зачина и реплики реакции. Первая реплика *it might, my lord*,

предназначенная для Горацио, в тексте Шекспира лексико-грамматически связана с тэгом первого расчлененного вопроса *might it not*. Вторая реплика *Au, my lord* такой связи не имеет. Вариативность достигается здесь по-разному. Например, А. Радлова сохраняет такой принцип и относительно первой реплики Горацио: «*Могло так быть?*» «*Могло, милорд*»; и относительно второй: «*Могло так быть?*» «*Конечно, милорд*». Б. Пастернак использует повтор в предложениях обеих ответных реплик: в первой осуществляется повтор из опорной части: «*Возможно, ... Не правда ли?*» «*Возможно, милорд*»; во второй — из присоединенной: «*Не правда ли?*» «*Правда, принц*». Повтор может вводиться только в одной, причем не в первой, а во второй реплике, как у М. Вронченко: «*Не правда ли, Горацио?*» «*О, правда, Принцъ!*». Наконец, повтор вообще может отсутствовать, как у А. Кронеберга: «*не такъ ли?*» «*Дѣло возможное*» и «*Не такъ ли?*» «*Все можетъ быть, принцъ*».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Вильям Шекспир*. Гамлет. Трагедия в 5 актах / Шекспир Вильям ; Перевод А. Радловой. — Москва-Ленинград : Искусство, 1938. — 254 с.
2. *Гамлет*, принц Датский / Перевод Ю. И. Лифшиц. — Санкт-Петербург : Водолей, 2017. — 704 с.
3. *Гамлет*. Трагедия В. Шекспира. переводъ А. Кронеберга. — Харьков : Въ университетской типографіи, 1844. — 220 с.
4. *Гамлетъ* принцъ Датскій / Русскій перевод с англійскаго М. А. Загуляева. — Санктперербургъ : Типографія Ф. Х. Йордана, 1877. — 74 с.
5. *Гамлетъ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. Шекспира. Перевель с Англійскаго М. Вронченко. — Санктперербургъ : въ типографіи медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дель, 1828. — 205 с.
6. *Трагедія* Гамлета, принца Датскаго [Электронный ресурс] // Перевод А. Чернова (2002, 2003, 2007). — Режим доступа : <https://chernov-trezin.narod.ru/HamletPerevod.htm> (дата обращения 21.02.2025).
7. *Трагедія* о Гамлете, принце Датском [Электронный ресурс] // Перевод А. Р. Агроскина. — Режим доступа : http://theatre-library.ru/shakespeare_1847.doc (дата обращения 21.02.2025).
8. *Трагическая история* о Гамлете, принце Датском / Перевод М. Л. Лозинского // Вильям Шекспир. Избранные драмы в новых переводах. — Москва-Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1934. — С. 9—146.
9. *Трагическая история* принца Гамлета [Электронный ресурс] // Перевод В. Поплавского. — 2014. — Режим доступа : <https://www.vestnik-evropy.ru/issues/the-tragic-story-of-prince-hamlet-translation-poplavsky.html> (дата обращения 21.02.2025).
10. *Уильям Шекспир*. Гамлет, принц Датский / Шекспир Вильям : Перевод Б. Пастернака. — Санкт-Петербург : Азбука, 2023. — 224 с.

11. *Шекспир Вильям*. Гамлет, принц Датский : трагедия в пяти действиях Виллиама Шекспира / Вильям Шекспир ; пер. с англ. Н. А. Полевого. — Санкт-Петербург : Изд-во А. С. Суворина, 1910. — 148 с.

12. *Шекспир*. Гамлет : в поисках подлинника [Электронный ресурс] / Шекспир ; Перевод, подготовка текста оригинала, комментарии и вводная статья И. В. Пешкова. — Москва : Лабиринт, 2003. — Режим доступа : http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_hamlet16.txt (дата обращения 23.02.2025).

13. *Shakespeare William*. Hamlet / William Shakespeare // Four Tragedies. — London : Penguin Books, 1996. — 951 p.

Литература

1. *Алексеева А. В.* Интеррогативные высказывания как речевые акты в английском языке / А. В. Алексеева, Н. А. Депутатова // В сборнике : Terra Linguae. Сборник научных статей. — Казань : Издательство Казанского университета, 2019. — С. 11—15.

2. *Артемьева Л. С.* «Гамлет» в переводе Н. А. Полевого : проблема переводческой интерпретации жанра / Л. С. Артемьева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2—2. — С. 94—97.

3. *Белоусов В. Ю.* Структурные особенности дизъюнктивных интеррогативов в кинодиалоге гангстерского фильма (на основе американской кинематографии) / В. Ю. Белоусов // Флагман науки. — 2024. — № 2 (13). — С. 271—273.

4. *Гайдин Б. Н.* Онлайн-программа сравнительного тезаурусного анализа русских переводов произведений У. Шекспира : итоги первого года / Б. Н. Гайдин // Горизонты гуманитарного знания. — 2017а. — № 6. — С. 169—182. — DOI: 10.17805/ggz.2017.6.10.

5. *Гайдин Б. Н.* Шекспир в современной русской культуре : национальное и глобальное / Б. Н. Гайдин // Горизонты гуманитарного знания. — 2017б. — № 6. — С. 47—71. — DOI: 10.17805/ggz.2017.6.4.

6. *Гоголь И. Е.* Особенности интонации разделительного вопроса в иноязычной английской речи носителей китайского языка / И. Е. Гоголь // Stephanos. — 2023. — № 6 (62). — С. 102—111. — DOI: 10.24249/2309-9917-2023-62-6-102-111.

7. *Гуркова А. В.* Функции разделительных вопросов в деловом интервью / А. В. Гуркова, А. И. Пилюгина // В сборнике : Студенческая наука Подмоскovie. Сборник материалов Международной научной конференции молодых ученых, проводимой в рамках Года педагога и наставника в России. — Орехово-Зуево : Государственный гуманитарно-технологический университет, 2023. — С. 141—145. — ISBN 978-5-87471-496-3.

8. *Дамман Е. А.* Особенности развития переводческой мысли на примере переводов отрывка трагедии У. Шекспира «Гамлет» на русский язык / Е. А. Дамман, И. С. Гамбург // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2022. — Т. 19. — № 3. — С. 52—61. — DOI: 10.14529/ling220307.

9. *Захаров Н. В.* Шекспир и шекспиризм в России / Н. В. Захаров, В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 1. — С. 98—106.

10. *Кочетова Л. А.* Лингвопрагматическое исследование разделительного вопроса в англоязычном межличностном общении : корпусный анализ / Л. А. Кочетова, Е. Ю. Ильинова, Т. А. Клепикова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2021. — Т. 20. — № 5. — С. 67—86. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.6_

11. Курбатова Е. А. Функционально-экспрессивные особенности разделительных вопросов в современном английском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. А. Курбатова — Тула, 2002. — 147 с.

12. Левик В. Нужны ли новые переводы Шекспира? / В. Левик // Мастерство перевода 1966. — Москва : Советский писатель, 1968. — С. 93—104.

13. Луговская Е. Г. Когнитивный и прагматический аспекты перевода стандартных разделительных вопросов (tag-questions) в кинотексте / Е. Г. Луговская // Многоязычие в образовательном пространстве. — 2024. — Т. 16. — № 1 (20). — С. 115—125. — DOI: <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2024-16-1-115-125>.

14. Луговская Е. Г. Текстобразующая функция разделительных конструкций (tag questions) : проблемы перевода и адекватной интерпретации (на материале кинотекста) / Е. Г. Луговская // Многоязычие в образовательном пространстве. — 2023. — Т. 15. — № 3 (18). — С. 336—345. — DOI: <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-3-336-345>.

15. Морозов В. В. Когнитивные основания категоризации разделительных вопросов (на материале английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. В. Морозов. — Москва, 1998. — 205 с.

16. Моташкова С. В. Лингвосинергетический анализ творчества Б. Л. Пастернака — переводчика трагедии У. Шекспира «Гамлет» / С. В. Моташкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 4. — С. 103—107.

17. Писанко Н. И. Модально-экспрессивные значения некоторых общевпросительных предложений современного английского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Н. И. Писанко — Томск, 1971. — 257 с.

18. Селезнева В. В. Английский разделительный вопрос как лингвоэкологичный феномен межличностного общения / В. В. Селезнева, Е. А. Евсикова, А. Ш. Тарвердян // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 107—123. — DOI: [10.24224/2227-1295-2019-7-107-123](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-7-107-123).

19. Симонян Т. А. Прагматические функции разделительного вопроса в современном английском языке (на примере романов К. Хувер) / Т. А. Симонян // в сборнике : Сегодня и всегда: актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов по литературоведению, лингвистике, лингводидактике, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой английской филологии ИИЯ МГПУ Ксении Михайловны Барановой. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2023. — С. 201—210.

20. Тасуева С. И. Гендерные особенности речевого поведения (на материале современного английского языка) / С. И. Тасуева, М. И. Мачагова // В сборнике : Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа. Материалы Второй международной научно-практической конференции. — Грозный : Чеченский государственный педагогический университет, 2019. — С. 245—249.

21. Третьякова Т. П. Великому Уильяму Шекспиру — 450 лет! Шекспировскому «Гамлету» в переводе Бориса Пастернака — 75 лет! (Заметки к памятным юбилейным датам) / Т. П. Третьякова // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. — 2014. — № 4. — С. 19—25.

22. Филиппова Д. К. «Гамлет» У. Шекспира и русская словесность : фрагментарные переводы XVIII века / Д. К. Филиппова // В сборнике : Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сборник материалов XI (XXV) Международной научно-практиче-

ской конференции молодых учёных. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2024а. — С. 336—342. — ISBN 978-5-907722-89-7.

23. Филиппова Д. К. Две драмы Н. А. Полевого : «Гамлет» и «Уголино» / Д. К. Филиппова // В сборнике : Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. — С. 363—367. — ISBN 978-5-907572-02-7.

24. Филиппова Д. К. Русские переводы «Гамлета» У. Шекспира : первая треть XIX века / Д. К. Филиппова // В сборнике : Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сборник материалов IX (XXIII) Международной научно-практической конференции молодых учёных. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2022. — С. 328—331.

25. Филиппова Д. К. Шекспир в русской словесности 1748—1810 гг. : от переделки к переводу / Д. К. Филиппова // Имагология и компаративистика. — 2024б. — № 22. — С. 19—30. — DOI: 10.17223/24099554/22/2.

26. Халитова Л. К. Семантика и прагматика русских контактоустанавливающих частей и английского разделительного вопроса : сравнительно-сопоставительный аспект / Л. К. Халитова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Сер. Филологические науки. — 2012. — Выпуск 5. — С. 408—412.

27. Tottie G. Tag Questions in British and American English / G. Tottie, S. Hoffmann // Journal of English Linguistics. — 2006. — V. 34. — № 4. — Pp. 283—311.

28. Tottie G. Tag Questions in English. The First Century / G. Tottie, S. Hoffmann // Journal of English Linguistics — 2009. — V. 37. — № 2. — Pp. 130—161.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025,
одобрена после рецензирования 21.04.2025,
подготовлена к публикации 03.05.2025.

Material resources

Hamlet, Prince of Denmark. (2017). St. Petersburg: Aquarius. 704 p. (In Russ.).

Hamlet, the struggle in Russia. The acquaintance of V. Spy. (1828). St. Petersburg: In the printing house of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs. 205 p.

Hamlet. (1844). *The tragedy of W. Shakespeare.* Kharkiv: University Printing House. 220 p. (In Russ.).

Prince Hamlet of Denmark. (1877). St. Petersburg: F. H. Jordan Printing House. 74 p. (In Ukr.).

Shakespeare William. *Hamlet.* (1996). In: *Four Tragedies.* London: Penguin Books. 951 p.

Shakespeare. Hamlet: in search of the original. (2003). Moscow: Labyrinth. Available at: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_hamlet16.txt (accessed 23.02.2025). (In Russ.).

The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark. (2002, 2003, 2007). Available at: <https://chernov-trezin.narod.ru/HamletPerevod.htm> (accessed 21.02.2025). (In Ukr.).

The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark. Available at: http://theatre-library.ru/shakespeare_1847.doc (accessed 21.02.2025). (In Russ.).

The Tragic story of Hamlet, Prince of Denmark. (1934). In: *William Shakespeare. Selected dramas in new translations.* Moscow-Leningrad: State Publishing House of Fiction. 9—146. (In Russ.).

The Tragic Story of Prince Hamlet. (2014). Available at: <https://www.vestnik-evropy.ru/issues/the-tragic-story-of-prince-hamlet-translation-poplavsky.html> (accessed 21.02.2025). (In Russ.).

- William Shakespeare. (1910). *Hamlet, Prince of Denmark: a Tragedy in Five Acts by William Shakespeare*. Saint Petersburg: Publishing House of A. S. Suvorin. 148 p. (In Russ.).
- William Shakespeare. (1938). *Hamlet. Tragedy in 5 Acts*. Moscow-Leningrad: Iskusstvo Publ. 254 p. (In Russ.).
- William Shakespeare. (2023). *Hamlet, Prince of Denmark*. St. Petersburg: ABC. 224 p. (In Russ.).

References

- Alekseeva, A. V. (2019). Interrogative statements as speech acts in English. In: *In the collection: Terra Linguae. Collection of scientific articles*. Kazan: Kazan University Press. 11—15. (In Russ.).
- Artemyeva, L. S. (2014). “Hamlet” translated by N. A. Polevoy: the problem of translation interpretation of the genre. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, 2—2: 94—97. (In Russ.).
- Belousov, V. Y. (2024). Structural features of disjunctive prerogatives in the film dialogue of a gangster film (based on American cinematography). *Flagship of Science*, 2 (13): 271—273. (In Russ.).
- Damman, E. A. (2022). Peculiarities of the development of translation thought on the example of translations of a passage from W. Shakespeare’s tragedy “Hamlet” into Russian. *Bulletin of SUSU. The series “Linguistics”*, 19 (3): 52—61. DOI: 10.14529/ling220307. (In Russ.).
- Filippova, D. K. (2022). Russian translations of “Hamlet” by W. Shakespeare: the first third of the 19th century. In: *In the collection: Actual problems of linguistics and literary studies. Collection of materials of the IX (XXIII) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists*. Tomsk: National Research Tomsk State University. 328—331. (In Russ.).
- Filippova, D. K. (2023). Two dramas by N. A. Polevoy: “Hamlet” and “Ugolino”. In: *In the collection: Actual problems of linguistics and literary studies*. Tomsk: National Research Tomsk State University. 363—367. ISBN 978-5-907572-02-7. (In Russ.).
- Filippova, D. K. (2024a). Shakespeare’s Hamlet and Russian literature: fragmentary translations of the XVIII century. In: *In the collection: Actual problems of linguistics and literary studies. Collection of materials of the XI (XXV) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists*. Tomsk: National Research Tomsk State University. 336—342. ISBN 978-5-907722-89-7. (In Russ.).
- Filippova, D. K. (2024b). Shakespeare in Russian literature 1748—1810: from revision to translation. *Imagology and comparative Studies*, 22: 19—30. DOI: 10.17223/24099554/22/2. (In Russ.).
- Gaidin, B. N. (2017a). Online program for comparative thesaurus analysis of Russian translations of works by W. Shakespeare: results of the first year. *Horizons of humanitarian knowledge*, 6: 169—182. DOI: 10.17805/ggz.2017.6.10. (In Russ.).
- Gaidin, B. N. (2017b). Shakespeare in modern Russian culture: national and global. *Horizons of humanitarian knowledge*, 6: 47—71. DOI: 10.17805/ggz.2017.6.4. (In Russ.).
- Gogol, I. E. (2023). Features of the intonation of the dividing question in the foreign English speech of Chinese speakers. *Stephanos*, 6 (62): 102—111. DOI: 10.24249/2309-9917-2023-62-6-102-111. (In Russ.).
- Gurkova, A. V. (2023). The functions of dividing questions in a business interview. In: *In the collection: Student science in the Moscow region. A collection of materi-*

- als from the International Scientific Conference of Young Scientists, held as part of the Year of the Teacher and Mentor in Russia. Orekhovo-Zuyevo: State University of Humanities and Technology. 141—145. ISBN 978-5-87471-496-3. (In Russ.).
- Khalitova, L. K. (2012). Semantics and pragmatics of Russian contact-fixing particles and the English dividing question: a comparative aspect. *Humanities, socio-economic and social sciences. Ser. Philological sciences*, 5: 408—412. (In Russ.).
- Kochetova, L. A., Ilinova, E. Y., Klepikova, T. A. (2021). Linguopragmatic study of the dividing issue in English-speaking interpersonal communication: corpus analysis. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 20 (5): 67—86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.6>. (In Russ.).
- Kurbatova, E. A. (2002). *Functional and expressive features of dividing questions in modern English*. PhD Diss. Tula. 147 p. (In Russ.).
- Levik, V. (1968). Do we need new translations of Shakespeare? In: *Mastery of translation 1966*. Moscow: Soviet Writer. 93—104. (In Russ.).
- Lugovskaya, E. G. (2023). Text-forming function of dividing constructions (tag questions): problems of translation and adequate interpretation (based on the material of the film text). *Multilingualism in the educational space*, 15 / 3 (18): 336—345. DOI: <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-3-336-345>. (In Russ.).
- Lugovskaya, E. G. (2024). Cognitive and pragmatic aspects of the translation of standard dividing questions (tag-questions) in the film text. *Multilingualism in the educational space*, 16 / 1 (20): 115—125. DOI: <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2024-16-1-115-125>. (In Russ.).
- Morozov, V. V. (1998). *Cognitive bases of categorization of dividing questions (based on the material of the English language)*. PhD Diss. Moscow. 205 p. (In Russ.).
- Motashkova, S. V. (2016). Linguistic and synergetic analysis of the work of B. L. Pasternak, translator of W. Shakespeare's tragedy "Hamlet". *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural communication*, 4: 103—107. (In Russ.).
- Pisanko, N. I. (1971). *Modal-expressive meanings of some general interrogative sentences of modern English*. PhD Diss. Tomsk. 257 p. (In Russ.).
- Selezneva, V. V., Evsikova, E. A., Tarverdyan, A. S. (2019). English dividing question as a linguoecological phenomenon of interpersonal communication. *Nauchnyi Dialog*, 7: 107—123. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-107-123. (In Russ.).
- Simonyan, T. A. (2023). Pragmatic functions of the dividing question in modern English (on the example of K. Hoover's novels). In: *In the collection: Today and always: current problems of literary criticism, linguistics and linguodidactics. A collection of scientific papers on literary studies, linguistics, and linguodidactics, dedicated to the anniversary of Ksenia Mikhailovna Baranova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology at the Moscow State Pedagogical University*. Moscow: Limited Liability Company "Languages of the Peoples of the World". 201—210. (In Russ.).
- Tasueva, S. I., Machagova, M. I. (2019). Gender-specific features of speech behavior (based on the material of modern English). In: *In the collection: Language and literature in the educational and cultural space of Southern Russia and the Caucasus. Materials of the Second International Scientific and Practical Conference*. Grozny: Chechen State Pedagogical University. 245—249. (In Russ.).
- Tottie, G., Hoffmann, S. (2006). Tag Questions in British and American English. *Journal of English Linguistics*, 34 (4): 283—311.

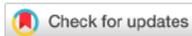

- Tottic, G., Hoffmann, S. (2009). Tag Questions in English. The First Century. *Journal of English Linguistics*, 37 (2): 130—161.
- Tretyakova, T. P. (2014). The great William Shakespeare is 450 years old! Shakespeare's Hamlet, translated by Boris Pasternak — is 75 years old! (Notes on memorable anniversaries). *Bulletin of the Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 4: 19—25. (In Russ.).
- Zakharov, N. V., Lukov, V. A. (2009). Shakespeare and Shakespeareanism in Russia. *Knowledge. Understanding. Ability*, 1: 98—106. (In Russ.).

*The article was submitted 13.02.2025;
approved after reviewing 21.04.2025;
accepted for publication 03.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Павлова Н. П. Основные тенденции современных исследований по русскому правописанию / Н. П. Павлова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 138—154. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-138-154.

Pavlova, N. P. (2025). Current Trends in Research on Russian Orthography. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 138-154. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-138-154. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Основные тенденции современных исследований по русскому правописанию

Павлова Наталия Павловна

orcid.org/0000-0002-7098-3861

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра начального образования,
общей и социальной педагогики
npp55@mail.ru

Череповецкий государственный
университет
(Череповец, Россия)

Current Trends in Research on Russian Orthography

Natalia P. Pavlova

orcid.org/0000-0002-7098-3861

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Primary Education,
General and Social Pedagogy
npp55@mail.ru

Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются современные исследования русской орфографической системы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления существующих научных подходов к орфографическому материалу. Охарактеризовано многообразие направлений, позиций и методов авторов в подходе к орфографической системе. Использован теоретический анализ источников, отобранных по ключевым словам в наукометрических базах данных. Отмечено повышение интереса к языковой норме в сложившейся языковой ситуации последних лет. Уделяется внимание вопросам нормирования орфографической системы в периоды социальных изменений. Отмечается, что в последние годы сделан акцент на изучении орфографической языковой личности рядового носителя языка. Рассмотрено появление «стихийной» (естественной) орфографии. Указывается необходимость соответствия письма потребностям современных информационных технологий. Выявляется влияние виртуальной коммуникации на орфографическую норму. В целом представлен обобщенный свод мнений о современных взглядах на русскую орфографию. В результате автор приходит к выводу о многогранности направлений в исследовании современных вопросов русской орфографии. Отмечается перспективность дальнейших исследований в области теории и истории русской орфографии, а также методики её преподавания в школе и вузе.

Ключевые слова:

теория письма; русская орфографическая система; принципы орфографии; ненормативное русское письмо; правила орфографии; языковая личность; естественное письмо.

REVIEW ARTICLES

Abstract:

This article examines contemporary studies of the Russian orthographic system. The relevance of this research is underscored by the necessity for theoretical reflection on existing scientific approaches to orthographic material. The diversity of directions, positions, and methods employed by authors in their approaches to the orthographic system is characterized. A theoretical analysis of sources, selected based on keywords from scientometric databases, has been utilized. An increasing interest in linguistic norms in the current linguistic situation of recent years is noted. Attention is given to the issues of standardization of the orthographic system during periods of social change. It is observed that recent years have seen a focus on studying the orthographic identity of the average language user. The emergence of “spontaneous” (natural) orthography is discussed. The necessity for writing to meet the demands of modern information technologies is emphasized. The influence of virtual communication on orthographic norms is identified. Overall, a synthesized overview of contemporary perspectives on Russian orthography is presented. As a result, the author concludes that there is a multifaceted nature to the directions in the study of current issues in Russian orthography. The potential for further research in the theory and history of Russian orthography, as well as methodologies for teaching it in schools and universities, is highlighted.

Key words:

writing theory; Russian orthographic system; principles of orthography; non-standard Russian writing; rules of orthography; linguistic identity; natural writing.

УДК 811.161.1*35

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-138-154

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Основные тенденции современных исследований по русскому правописанию

© Павлова Н. П., 2025

1. Введение = Introduction

Изучение орфографии с лингвистических позиций имеет в русской лингвистике прочный фундамент [Богородицкий, 2004; Бодуэн де Куртене, 1963; Гвоздев, 2007; Иванова, 1991; Панов, 2007; Щерба, 1983]. В последние два десятилетия наметились новые подходы к орфографическому материалу. Эти исследования дают возможность проследить многообразие направлений, позиций, подходов и методов авторов, что и составляет предмет данного научного обзора.

На современном этапе мы видим, что опубликованный в 2000-х годах проект «Свода правил русского правописания» дал определенный импульс развитию орфографии как науки. Особенное внимание исследователей при этом обращено к вопросам нормирования орфографической системы в периоды тех или иных социальных изменений. Особенно острыми они стали в последние два года в связи с появившейся информацией о том, что Министерство просвещения РФ планирует обновить орфографию и пунктуацию русского языка [Проект Постановления ..., 2021]. С критикой представленного проекта выступили члены Орфографической комиссии РАН [В РАН раскритиковали..., 2021]. Однако не только нормативный аспект обращает на себя внимание ученых.

В настоящее время в лингвистике обозначился круг орфографических вопросов, при рассмотрении которых акцент делается на изучении орфографической языковой личности рядовых носителей русского языка, когнитивном аспекте русской орфографии, представлении индивидуальных и коллективных орфографических портретов в свете лингвоперсонологии [Авакумова, 2002; Голев, 2004; Киселева, 2001; Татаринцева, 2007; Каган, 2005; Диллон, 2023].

Наблюдается стремление авторов выйти в новую область исследований функционирования орфографии. Ставится вопрос о соответствии со-

временной русской орфографии потребностям информационных технологий, определяются характерные черты современной письменной практики, влияние на нее орфографических норм виртуальной коммуникации [Иванова, 2011; Кретов, 2015; Сорокин и др., 2016].

Следует отметить, что в публикации представлен далеко не полный перечень основных направлений, которые можно выделить при рассмотрении основных тенденций в исследовании современной русской орфографии. Однако он дает возможность увидеть разностороннюю научную жизнь отечественной и зарубежной лингвистики, что и составляет цель данного обзора.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Информационной базой представленной работы стали публикации отечественных и зарубежных лингвистов, ряд нормативных документов. Нами выбраны наиболее репрезентативные работы последних десятилетий (монографии, статьи, сборники), которые дают представление о возможных дискуссиях между представителями различных научных школ и направлений. Использовался теоретический анализ источников, которые отобраны по ключевым словам, в наукометрических базах данных. Отобранный материал синтезировался в тематические кластеры, представленные ниже.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вопросы орфографической нормы, обусловленные языковой ситуацией

В небольшом предисловии к научно-популярной «брошюре» «И все-таки она хорошая!» М. В. Панов постарался убедить читателей, что «русская орфография достойна уважения и даже благодарности, несмотря на все ее недостатки» [Панов, 1964, с. 5]. Однако сегодня, спустя почти шестьдесят лет после выхода книги М. В. Панова, мы находимся в ситуации, когда «корректировка русской орфографии XXI века по-прежнему является одной из актуальных задач, стоящих перед современными русистами» [Юдина, 2016, с. 229].

Сложившуюся ситуацию комментирует С. М. Кузьмина: «В последнее десятилетие наблюдается повышение интереса к вопросам нормы, обусловленное сложившейся у нас языковой ситуацией... Письмо вне нормы вообще немислимо. Поэтому вновь становится актуальным, казалось бы, решенный вопрос о соотношении нормативного и объективного подхода к языку» [Кузьмина, 2008, с. 399].

Действительно, отправной точкой для новых дискуссий в области реформирования орфографической системы послужил проект «Свода пра-

вил русского правописания. Орфография. Пунктуация», опубликованный по результатам деятельности Орфографической комиссии при Отделении литературы и языка РАН [Свод правил ..., 2000]. Несмотря на то, что, по утверждению авторов проекта, содержащиеся в проекте орфографические и пунктуационные изменения не затрагивают основных, коренных принципов русского письма и касаются отдельных частных вопросов, ... в ряде работ (а иногда и «Резолюций» [Резолюция..., 2002, с. 340—342]) убедительно доказывалось несовершенство проекта, подвергались критике (в ряде случаев обоснованной) отдельные «незаполненные лакуны» (например, неудачно сформулированное правило, касающееся корней – *вис-* — *-вес-*) [Шмелев, 2002]. Естественно, что в период с 2000 года вышел из печати обширный корпус научных публикаций, в которых прослеживается необходимость перемен и улучшений в области нормирования русской орфографии, вызванных активными изменениями в социальной жизни нашего общества [Арутюнова, 2015; Бешенкова, 2008; Кузьмина, 2003; Леонова, 2010; Нечаева, 2012; Татаринцева, 2007].

Остановимся более подробно на монографии «Теория и практика нормирования русского письма» [Бешенкова и др., 2016]. Авторы Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова предлагают общую теорию орфографической кодификации русского письма. Книга состоит из трех разделов. Для целей нашей работы наибольший интерес представляет первый раздел «Вопросы теории нормирования орфографии». Один из центральных выводов данной главы состоит в том, что «развитие такой системы письма обусловлено как рядом объективных факторов, так и субъективным фактором, то есть деятельностью кодификаторов» [Там же, с. 6]. Соответственно, роль этих факторов обусловлена социальной ситуацией: рекомендации кодификаторов могут быть или приняты, или отвергнуты обществом. При этом нормирование рассматривается авторами как сознательный процесс управления письмом, что позволяет осуществлять процесс письменной коммуникации и обучения письму. Особое внимание уделяется авторами понятию «правило». Однако оно рассматривается не с методической (более привычной), а с теоретической точки зрения, как лингвистический инструмент. Правила, по мнению авторов, — «способ описания существующей системы орфографии, ... поскольку при возникновении новых слов правило позволяет определить то написание, которое соответствует системе» [Там же, с. 134]. Подобный подход дает возможность, с одной стороны, описать систему письма в настоящем, в том числе в учебных целях, с другой — обеспечить существование системы письма в будущем.

В общем виде проблемы орфографической нормы в связи со сложившейся языковой ситуацией сформулированы Н. В. Юдиной [Юдина, 2016].

Она отмечает следующие наиболее характерные тенденции. Во-первых, расхождение между кодифицированными рекомендациями правил и письменной практикой. Во-вторых, стремление современной языковой личности к активной лингвокреативной деятельности, связанной с использованием экспрессивных возможностей графики, орфографии и пунктуации для привлечения внимания читающих и пишущих. Кроме того, намеренное нарушение орфографической и пунктуационной нормы может быть вызвано либо низким уровнем владения письменной коммуникацией, либо пренебрежением к существующим правилам, либо стремлением к лингвистической самоидентификации.

На наш взгляд, принцип «не навреди» должен использоваться не только в медицинской практике, но и в языковой, поэтому, как совершенно справедливо отмечает С. К. Пожарицкая, изменение правил должно быть глубоко продуманным с точки зрения всей системы языка, чтобы улучшение не оказалось мнимым; чтобы упрощение или отмена одного правила не повлекли за собой усложнения или возникновения другого [Пожарицкая, 2002].

3.2. Изучение орфографической языковой личности рядовых носителей русского языка

Исследованию орфографической языковой личности рядовых носителей русского языка посвящено довольно значительное число отечественных публикаций.

В свете теории о «естественнонаучной орфографии» Н. Д. Голев [Голев, 2004] предложил сформировать теоретическое понятие «орфографическая языковая личность», разработать методику многоаспектного «портрета» этой личности, а также апробировать ее на конкретном материале. Эти задачи реализованы в ряде работ [Авакумова, 2002; Голев, 2001; Голев и др., 2001; Павлова, 2014; Пушкарева, 2004; Сальникова, 2016; Татаринцева, 2007]. По сути, сформировалось новое самостоятельное направление языкознания, объектом которого является субъект и его языковые проявления в области орфографии. На основе анализа значительного корпуса письменных текстов носителей русского языка, в том числе детей, осваивающих русскую графо-орфографическую систему, сделаны выводы о том, что русская орфография носит двунаправленный характер. С одной стороны, это книжная письменная речь, которая требует максимального единообразия написаний, а с другой — это обыденное, естественное письмо, которым пользуются массовые носители языка. При этом ни в коей мере не подвергается сомнению необходимость овладения орфографическими навыками. Публикации последних лет говорят нам не о «раскачивании» орфографической нормы и немедленной ее замене / отмене, но о необходимости учи-

тивать «стихийную орфографию», которая независимо от кодификаторов складывается в современном обществе.

Объектом исследования Н. К. Ивановой стал «человек пишущий» из среды преподавателей вуза. Рассматривается отношение респондентов разного возраста к актуальным проблемам орфографии, четко обозначившимся в современном российском обществе, их оценка собственной орфографии. Полученные данные позволили автору сделать вывод о том, что большинство опрошенных продемонстрировали в целом несколько завышенную самооценку собственной грамотности: 52 % считают, что пишут вполне грамотно, только 2 % признали, что они «не совсем грамотны». При этом 80 % опрошенных не считают правила орфографии русского языка трудными, 10 % — признали их сложными. Данный вывод косвенно подтверждается опытом работы автора публикации с различными письменными источниками, подготовленными на технических кафедрах [Иванова, 2011, с. 77—92].

Одной из проблем теории и практики русской орфографии является теоретическое осмысление принципов орфографии пишущего, которое возможно только в результате длительных наблюдений над практикой обыденного письма. Л. Г. Пушкарева в своей диссертации, опираясь на значительный объем экспериментальных данных, исследует деятельность пишущего при решении орфографической задачи [Пушкарева, 2004]. Работа выполнена в русле исследований научной школы Н. Д. Голева о коммуникативно-прагматическом и деятельностном аспектах изучения орфографической деятельности рядовых, пишущих и читающих. Как отмечает автор исследования, теоретическая значимость работы заключается в том, «она вносит определённый вклад в разработку и решение актуальных вопросов теории современной русской орфографии (об основном принципе русской орфографии и о соотношении существующих принципов правописания в сознании пишущего)» [Там же, с. 3]. Особый интерес представляют статистические данные работы, определяющие взаимосвязь таких категорий, как «принцип орфографии» и «реальная орфографическая деятельность пишущего».

Работ зарубежных исследователей, в которых внимание сосредоточено именно на личности человека пишущего, немного. Большинство зарубежных публикаций, проблематика которых представляется актуальной для нашей работы, посвящено изучению орфографической способности человека, «языку наследия», отклонениям от орфографической нормы.

В публикации «Новый взгляд на преподавание русского языка: фокус на наследии учащегося» [Kagan et al., 2001] рассматриваются профили носителей русского языка и студентов, изучающих русский язык как иностранный. При этом русский язык авторы считают «языком наследия».

Носителями его в последние годы стали представители третьей волны русскоязычных иммигрантов в США. Согласно статистике, 64 % взрослых в третьей волне русской эмиграции имеют высшее образование. Авторы О. Каган и К. Диллон отмечают, что носители «языка наследия» имеют определенную грамматическую интуицию, которая дает возможность сформулировать правила. Однако опыт показывает, что они смогут комфортно писать на русском языке только после «укрепления» своих навыков письма на практике.

Как и большинство зарубежных исследователей, О. Каган не ограничивается только рамками лингвистики. Значимым моментом для изучения языка наследия она называет учет мотивации студентов, в том числе и при освоении орфографии. Именно мотивация должна стать руководящим принципом для отбора материалов и разработки учебных программ. Автор считает важным инструментом усвоения нормативного письма знание лингвистической биографии студента, поэтому перед началом обучения она должна быть запрошена [Kagan, 2005].

Аналогичные исследования представлены и в монографии «Heritage Language Education: A New Field Emerging» («Образование на языках Heritage: новая область развития») [Brinton et al., 2008].

Интерес представляет публикация Н. Дич «Cross-Linguistic Study Of Spelling In English As A Foreign Language: The Role Of First Language Orthography In Efl Spelling» («Кросс-лингвистическое исследование орфографии в английском языке как иностранном: роль орфографии первого языка в орфографии EFL»), которая посвящена когнитивным механизмам, лежащим в основе процедуры написания слов на английском языке как иностранном носителями датского, русского и итальянского языков. Автор отмечает, что время на планирование написания слова носителями русского (и итальянского) языка оказалось меньше, чем у датчан. Этот факт объясняется прозрачностью орфографии языка [Dich, 2011].

Как уже сказано, публикации зарубежных авторов, связанные с рассмотрением вопросов орфографической личности, немногочисленны, однако названные выше в определенной степени заполняют эту лауну.

3.3. Соответствие современной русской орфографии потребностям информационных технологий

В последние годы отмечается значительное повышение интереса исследователей орфографии к интернет-текстам. При этом можно наблюдать своеобразное углубление и продолжение тематики, посвященной орфографии наивного носителя языка, рассмотренной в предыдущем параграфе.

Исследуя интернет-форумы и живые дневники, авторы публикации «Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания»

наблюдают за «авторской рефлексией над орфографической и пунктуационной составляющими создаваемого (в том числе некодифицированного) текста» [Басалаева и др., 2016, с. 60]. Анализируя представления пишущих о границах норм правописания, Е. Г. Басалаева и др. условно разделяют участников на группы. «Первый тип признается в том, что вообще не знает / не помнит норм правописания. Эти люди часто оказываются среди задающих вопросы, или это просто случайные визитеры форумов, оставляющие комментарии. Второй тип говорящих мыслит себя экспертом и дает разного рода советы. Третий тип заявляет о своей принципиальной позиции: знание норм русского языка излишне» [Там же, с. 61]. Результаты, полученные авторами, оказываются шире, чем просто лингвистические наблюдения. Основной вывод, сделанный авторами статьи, следующий: «В наивном сознании отражаются своеобразные представления о правилах правописания, которые в целом выходят за рамки нормы. Это вызвано тем, что носители языка часто не знают, где искать ответы на свои вопросы, или же не находят ответы в справочниках; круг проблем, которые люди обсуждают, гораздо шире: они связаны не только с орфографическими и пунктуационными правилами, но и с техническими возможностями компьютера, с динамическими процессами в языке, влиянием иностранных языков на русский и др.» [Там же, с. 67].

В статье Н. К. Ивановой рассмотрено влияние виртуальной коммуникации на орфографические нормы, поскольку «письменная коммуникация стала не только принадлежностью профессиональной деятельности, но и фактом досуга огромного количества людей» [Иванова, 2011, с. 37]. Автор обращается к письму молодого поколения, так как навыки письма у молодежи формировались в новых социокультурных и социолингвистических условиях. По данным опросов, проведенных Н. К. Ивановой, 90 % молодых людей «следуют упрощенным орфографическим правилам Сети, а при наборе SMS-сообщений почти 100 % пользуются общепринятыми сокращениями, позволяющими не думать о правописании русских слов, и очень редко применяют знаки препинания» [Там же, с. 38]. Сравнивая речевую практику старшего и молодого поколений, автор приходит к выводу о «поколенческом» разделении через письмо. Другой вывод состоит в том, что орфографическая личность готова к переключению регистров в зависимости от ситуации общения: официальной и неофициальной письменной речи.

В статье Л. Мокробородовой анализируется лингвистическое явление российских интернет-сайтов, которое автор называет *новограф*. Это явление близко к фонетическому письму по принципу «пиши, как говоришь». По сути, это алфавитный язык. Основной вывод, сделанный в публикации:

«Новограф не просто ревизовал русскую орфографию, но породил и, видимо, дальше будет порождать собственные написания» [Mokrobogodova, 2008, с. 78].

Совершенно новый подход к русской орфографии предлагает А. А. Кретов в статье «Русская орфография и вызовы компьютерной эры». Автор считает, что для этапа новых информационных технологий необходимо не просто приспособить, а в определенной степени реформировать нашу орфографическую систему. С этой целью предлагается тринадцать изменений, направленных на устранение асимметрии морфем синонимического и омонимического типов. Среди них обязательная постановка ударения в текстах на русском языке, обязательное употребление буквы *ё*, постановка перевёрнутых вопросительного или восклицательного знаков в начале предложения, возвращение в алфавит буквы *ять*, буквы *i* десятиричное, остальные предложения касаются изменения использования уже имеющихся букв [Кретов, 2015, с. 179].

Как уже отмечено, наша публикация не ставит целью дискутировать с авторами предлагаемых концепций.

Аналогичные вопросы ставит и Р. Рейнолдс. Он приводит доказательства того, что необходимо устранение неоднозначности на основе правил при компьютерной обработке текста, поскольку грамматика ограничений разрешает 44 % неоднозначности [Reynolds, 2016].

В целом все авторы отмечают, что Интернет является новым средством коммуникации, предопределившим возможность для изменений в системе «старой» орфографии, которую необходимо трансформировать для новых информационных технологий.

4. Заключение = Conclusions

Письменная речь на протяжении многих лет является объектом пристального внимания человека и общества, поскольку это часть национальной культуры. Современная русская орфография дает неограниченные возможности для исследований с самых разных научных позиций. При этом орфография является едва ли не самым консервативным разделом языка. Об этом свидетельствуют многочисленные попытки ее реформирования, которые не дали окончательного ответа на поставленные вопросы.

В результате анализа исследований последних лет по русской орфографии автор публикации приходит к выводу о многогранности направлений в исследовании современных вопросов русского письма. К ним следует отнести следующие.

Особое внимание многие лингвисты по-прежнему уделяют вопросам орфографической нормы в современной языковой ситуации. Это об-

условлено не только стремлением ученых выработать принципы кодификаторской деятельности в орфографии, но и стихийным обсуждением проблем орфографии, обусловленных развитием общества и технологий. Отмечается, что значительно укрепилась тенденция к «раскачиванию» существующих правил письма, что проявляется прежде всего в спонтанной письменной речи. Как отмечает Н. В. Юдина, задача специалистов в теории письма в том, чтобы «следить за функционированием орфографии, за действенностью орфографических правил, выявлять “устаревшие стеснительные правила” и разрабатывать научно обоснованные предложения по их изменению» [Юдина, 2016, с. 233].

В последние годы в самостоятельную область исследований выделялась лингвоперсонология, сложился ее терминологический аппарат применительно к письменной речи. Орфографическая языковая личность, стихийное естественное письмо, орфографическая компетентность в онтогенезе, выбор стратегии пишущим носителем языка (в том числе ребенком), интуитивная грамотность — вот основной круг вопросов, рассматриваемых в работах лингвистов.

Новым направлением исследований русской орфографии в начале XXI века стала письменная речь в современной интернет-коммуникации, в том числе ее влияние на графику и орфографию. Отмечаются такие черты, как большое количество аббревиатур, сокращений, нарушений орфографической нормы (в ряде случаев умышленное), приближенность письменной речи к разговорной, использование прописных букв вместо строчных, передача звукового состава слова. При этом новые формы письма используются молодым поколением значительно более активно, чем традиционные. В виртуальном общении ярко проявляется тенденция к расшатыванию нормы, формированию носителем языка собственной системы письма. Анализ письменной виртуальной коммуникации позволяет говорить о том, что в ней складываются тенденции будущей русской орфографии.

Дальнейшие исследования тенденций орфографии могут быть посвящены вопросам полизнаковости, неоднозначности тенденций письма, проблемам правописания заимствований, географических наименований, эволюции орфографической нормы в русском зарубежье, освоению русской орфографии билингвами, особенностям преподавания орфографии, в том числе на дистанционной основе.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. В РАН раскритиковали проект о новых правилах орфографии русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ria.ru/20211127/orfografiya-1761067250.html?ysclid=ldddw6mkb0850966421> (дата обращения 09.09.2023).
2. Проект Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении правил русской орфографии» (подготовлен Минпросвещения России 09.11.2021) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56800589/?ysclid=lacdbc0q8m728772393> (дата обращения 19.09.2023).
3. Резолюция конференции «Человек пишущий и читающий : проблемы и наблюдения (март 2002 г., Санкт-Петербург) // Материалы международной конференции (14—16 марта 2002 г. С-Петербург). — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 2004. — С. 340—342. — ISBN 5-288-03288-2.
4. Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация : Проект // [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://tetran.ru/SiteContent/Details/85?ysclid=m5pk20x53q197669002> (дата обращения 28.09.2023).

Литература

1. Авакумова Е. А. Морфематические основания интуитивной орфографии русского языка : на материале эксперимента с детьми 6—7 лет : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. А. Авакумова. — Кемерово, 2002. — 170 с.
2. Арутюнова Е. В. Реформы русской орфографии и пунктуации в советское время и постсоветский период : Лингвистические и социальные аспекты : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Арутюнова. — Москва, 2015. — 296 с.
3. Басалаева Е. Г. Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания / Е. Г. Басалаева, О. А. Ружа М. В. Шпильман // Сибирский филологический журнал : научный журнал. — 2016. — № 3. — С. 59—69.
4. Бешенкова Е. В. Вариативность в орфографии / Е. В. Бешенкова // Вестник Тамбовского университета. Серия : «Гуманитарные науки». — 2008. — № 2 (58). — С. 194—202.
5. Бешенкова Е. В. Теория и практика нормирования русского письма / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. — Москва : ЛЕКСПУС, 2016. — 424 с. — ISBN 978-5-905532-32-0.
6. Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку / В. А. Богородицкий. — Москва : УРСС (Лингвистическое наследие XX века), 2004. — 221 с. — ISBN 5-354-01021-7.
7. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — Т. 2. — 384 с.
8. Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике / А. Н. Гвоздев. — Москва : URSS : Изд-во ЛКИ, 2007. — 284 с. — ISBN 978-5-382-00553-9.
9. Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии : монография / Н. Д. Голев. — Москва : УРСС, 2004. — 158 с. — ISBN 5-354-00735-6.
10. Голев Н. Д. Неканоническая модель орфографической деятельности (о коммуникативном аспекте русской орфографии) / Н. Д. Голев // Язык и общество на пороге нового тысячелетия : итоги и перспективы: тезисы докладов международной конф. (23—25 октября 2001 г.). — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — С. 151—152. — ISBN 5836003491.
11. Голев Н. Д. Основной принцип русской орфографии в объективистском освещении : постановка проблем и гипотез / Н. Д. Голев // Фонетика и письмо в диахронии :

Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Б. И. Осипов. — Омск : Омск. гос. ун-т, 2001. — С. 14—21. — ISBN 5-7779-0278-2.

12. *Голев Н. Д.* Коммуникативная орфография русского языка : задачи и методы экспериментального изучения орфографической деятельности читающего / Н. Д. Голев, О. А. Киселева // Фонетика и письмо в диахронии : Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Б. И. Осипов. — Омск : Омск. гос. ун-т, 2001. — С. 22—31. — ISBN 5-7779-0278-2.

13. *Иванова В. Ф.* Современная русская орфография / В. Ф. Иванова. — Москва : Высшая школа, 1991. — 201 с. — ISBN 5-06-001667-6.

14. *Иванова Н. К.* Русская языковая личность : орфография молодого поколения / Н. К. Иванова // Записки Горного института. — 2011. — Т. 193. — С. 37—40.

15. *Иванова Н. К.* Русская языковая личность : опыт исследования орфографии (по материалам анкетирования научно-педагогической интеллигенции) / Н. К. Иванова // Интеллигенция и мир. — 2011. — № 4. — С. 77—92.

16. *Кретов А. А.* Русская орфография и вызовы компьютерной эры / А. А. Кретов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2015. — № 1 (266). — С. 174—180.

17. *Кузьмина С. М.* Активные процессы в области русского письма [Электронный ресурс] / С. М. Кузьмина // Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX—XXI веков : кол. монография, 2008. — Режим доступа : <https://elibrary.ru/pdxveix?ysclid=lddedojun1388490895> (дата обращения 20.11.2023).

18. *Кузьмина С. М.* История и уроки кодификации русской орфографии в XX веке [Электронный ресурс] / С. М. Кузьмина. — Режим доступа : <https://tjano.ruslang.ru/r/archive/2003-2/173-191?ysclid=lddei9jmie332503158> (дата обращения 17.10.2023).

19. *Леонова Ж. В.* Реформа русской орфографии в свете теории принципов письма / Ж. В. Леонова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2010. — № 1 (12). — С. 162—166.

20. *Нечаева И. В.* Орфографическая кодификация сегодня и коллегияльность нормативных решений / И. В. Нечаева // Язык и социальная действительность. — 2012. — № 1—2 (3—4). — С. 13—22.

21. *Нечаева И. В.* Современная русская орфография : догма и инновации [Электронный ресурс] / И. В. Нечаева // Studia Rossica Gedanensia. — Режим доступа : <https://elibrary.ru/contents.asp?id=34220339> (дата обращения 24.10.2023).

22. *Павлова Н. П.* Орфографическая личность ребенка / Н. П. Павлова // Уральский филологический вестник. Серия : психолингвистика в образовании. — 2014. — № 2. — С. 5—13.

23. *Панов М. В.* И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках / М. В. Панов. — Москва : Наука, 1964. — 167 с. — ISBN 978-5-8391-0179-1.

24. *Пожарицкая С. К.* Орфография и возможности ее реформирования [Электронный ресурс] / С. К. Пожарицкая // Отечественные записки. — 2002. — № 2. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/oz/2002/2/orfografiya-i-vozmozhnosti-ee-reformirovaniya.html> (дата обращения 16.09.2023).

25. *Пушкарева Л. Г.* Вопросы теории русской орфографии в свете экспериментальных данных о практической ориентации пишущего : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. Г. Пушкарева. — Омск, 2004. — 176 с.

26. *Сальникова О. С.* Орфографический портрет ребенка 5—7 лет : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. С. Сальникова. — Череповец, 2016. — 217 с.

27. *Сорокин А. А.* Автоматическое исправление опечаток и орфографических ошибок для русскоязычных социальных медиа / А. А. Сорокин, Т. О. Шаврина // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies : Proceedings of the International Conference «Dialogue 2016» Moscow, June 1—4. — 2016. — Pp. 102—113.*

28. *Татаринцева Е. Н.* Лингвоперсонологическое функционирование принципов русской орфографии : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. Н. Татаринцева. — Барнаул, 2007. — 216 с.

29. *Харченко С. Ю.* Орфографическая норма : проблемы реализации / С. Ю. Харченко // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2016. — Т. 15. — № 4. — С. 159—167. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.16>.*

30. *Шмелев А. Д.* Нужен ли новый «Свод правил правописания»? / А. Д. Шмелев // *Отечественные записки. — 2002. — № 2. — С. 56—69.*

31. *Щерба Л. В.* Теория русского письма / Л. В. Щерба. — Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1983. — 134 с.

32. *Юдина Н. В.* Русская орфография и пунктуация в XXI веке : «Человек» и «Закон» / Н. В. Юдина // *Вестник Кемеровского государственного университета. — 2016. — № 3. — С. 227—233.*

33. *Brinton D. M.* Routledge Heritage Language Education : A New Field Emerging [Electronic resource] / D. M. Brinton, O. Kagan, S. Bauckus. — Access mode : <https://www.routledge.com/Heritage-Language-Education-A-New-Field-Emerging/Brinton-Kagan-Bauckus/p/book/9780415995887> (accessed 09.10.2023).

34. *Dich N.* Cross-Linguistic Study of Spelling in English as a Foreign Language : The Role of First Language Orthography In Efl Spelling [Electronic resource] / N. Dich. — Access mode : <https://ecommons.cornell.edu/bitstream/handle/1813/30701/nld26.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 15.10.2023).

35. *Kagan O.* In support of the definition of a knowledge-based heritage language : the case of the Russian language [Electronic resource] / O. Kagan // *Лингвистика, образование. Международный журнал билингвального образования и билингвизма. 2005, март. — Access mode : <https://doi.org/10.1080/13670050508668608> (accessed 23.10.2023).*

36. *Kagan O.* New Perspective on Teaching Russian : Focus on the Heritage Learner / O. Kagan, K. A. Dillon // *Slavic and East European Journal. — 2001. — Vol. 45. — № 3. — Pp. 507—518.*

37. *Mokrobodova L.* The «New Spelling» of Russian on the internet in relation to phonetics and orthography [Electronic resource] / L. Mokrobodova // *Русская фонетика и орфография. Scando-slavica, 2008. — № 54. — Access mode : [http // https://doi.org/10.1080/00806760802494190](http://https://doi.org/10.1080/00806760802494190) (accessed 19.10.2023).*

38. *Reynolds R. J.* Russian natural language processing for computerassisted language learning Capturing the benefits of deep morphological analysis in real-life applications [Electronic resource] / R. J. Reynolds // *Информатика, лингвистика, 2016, август. — Access mode : <https://munin.uit.no/bitstream/handle/10037/9685/thesis.pdf?sequence=3&isAllowed=y> (accessed 21.10.2023).*

39. *Rosselli A.* Come l'Italia conquista il Dodecanneso / [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : <http://www.ansi.it/militari/rodi.html> (accessed 14.10.2023).

*Статья поступила в редакцию 09.01.2025,
одобрена после рецензирования 21.04.2025,
подготовлена к публикации 20.05.2025.*

Material resources

- Code of rules of Russian spelling. Spelling. Punctuation: A project.* Available at: <https://tetran.ru/SiteContent/Details/85?ysclid=m5pk20x53q197669002> (accessed 28.09.2023). (In Russ.).
- Draft Decree of the Government of the Russian Federation “On approval of the rules of Russian Spelling” (prepared by the Ministry of Education of Russia on 09.11.2021).* Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56800589/?ysclid=lacdbc0q8m728772393> (accessed 19.09.2023). (In Russ.).
- Resolution of the conference “A man who writes and reads: problems and observations” (March 2002, St. Petersburg). In: *Proceedings of the international Conference (March 14—16, 2002, St. Petersburg)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University. 340—342. ISBN 5-288-03288-2. (In Russ.).
- The Russian Academy of Sciences criticized the project on new spelling rules of the Russian language.* Available at: <https://ria.ru/20211127/orfografiya-1761067250.html?ysclid=ldddd6mkb0850966421> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).

References

- Arutyunova, E. V. (2015). *Reforms of Russian spelling and punctuation in the Soviet era and the post-Soviet period: Linguistic and social aspects*. PhD Diss. Moscow. 296 p. (In Russ.).
- Avakumova, E. A. (2002). *Morphemic foundations of intuitive spelling of the Russian language: based on an experiment with children aged 6—7*. PhD Diss. Kemerovo. 170 p. (In Russ.).
- Basalaeva, E. G., Ruzha, O. A., Shpilman, M. V. (2016). Russian spelling and punctuation through the prism of naive consciousness. *Siberian Journal of Philology: scientific journal*, 3: 59—69. (In Russ.).
- Baudouin de Courtenay, I. A. (1963). *Selected works on general linguistics*, 2. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 384 p. (In Russ.).
- Beshenkova, E. V. (2008). Variability in spelling. *Bulletin of Tambov University. Series: “Humanities”*, 2 (58): 194—202. (In Russ.).
- Beshenkova, E. V. (2016). *Theory and practice of the normalization of Russian writing*. Moscow: LEXRUS. 424 p. ISBN 978-5-905532-32-0. (In Russ.).
- Bogoroditsky, V. A. (2004). *Essays on linguistics and the Russian language*. Moscow: URSS (Linguistic Heritage of the twentieth century). 221 p. ISBN 5-354-01021-7. (In Russ.).
- Brinton, D. M., Kagan, O., Baucus, S. *Routledge Heritage Language Education: A New Field Emerging*. Available at: <https://www.routledge.com/Heritage-Language-Education-A-New-Field-Emerging/Brinton-Kagan-Baucus/p/book/9780415995887> (accessed 09.10.2023).
- Dich, N. *Cross-Linguistic Study of Spelling in English as a Foreign Language: The Role of First Language Orthography In Efl Spelling*. Available at: <https://ecommons.cornell.edu/bitstream/handle/1813/30701/nld26.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 15.10.2023).
- Golev, N. D. (2001). Communicative spelling of the Russian language: tasks and methods of experimental study of the spelling activity of the reader. In: *Phonetics and writing in diachrony: An interuniversity collection of scientific papers*. Omsk: Omsk State University. 22—31. ISBN 5-7779-0278-2. (In Russ.).

- Golev, N. D. (2001). Non-canonical model of spelling activity (on the communicative aspect of Russian spelling). In: *Language and society on the threshold of the new millennium: results and prospects: Abstracts of the International Conference (October 23—25, 2001)*. Moscow: URSS Editorial. 151—152. ISBN 5836003491. (In Russ.).
- Golev, N. D. (2001). The basic principle of Russian spelling in objectivity coverage: setting problems and hypotheses. In: *Phonetics and writing in diachrony: An interuniversity collection of scientific papers*. Omsk: Omsk State University. 14—21. ISBN 5-7779-0278-2. (In Russ.).
- Golev, N. D. (2004). *Antinomies of Russian orthography: a monograph*. Moscow: URSS. 158 p. ISBN 5-354-00735-6. (In Russ.).
- Gvozdev, A. N. (2007). *Selected works on spelling and phonetics*. Moscow: URSS: LKI Publishing House. 284 p. ISBN 978-5-382-00553-9. (In Russ.).
- Ivanova, N. K. (2011). Russian linguistic personality: the spelling of the younger generation. *Notes of the Mining Institute, 193*: 37—40. (In Russ.).
- Ivanova, N. K. (2011). The Russian linguistic personality: the experience of spelling research (based on the survey of scientific and pedagogical intelligentsia). *Intelligentsia and the World, 4*: 77—92. (In Russ.).
- Ivanova, V. F. (1991). *Modern Russian orthography*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 201 p. ISBN 5-06-001667-6. (In Russ.).
- Kagan, O. (2001). New Perspective on Teaching Russian: Focus on the Heritage Learner. *Slavic and East European Journal, 45* (3): 507—518.
- Kagan, O. (2005). In support of the definition of a knowledge-based heritage language: the case of the Russian language. *Linguistics, education. International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. Available at: <https://doi.org/10.1080/13670050508668608> (accessed 23.10.2023).
- Kharchenko, S. Y. (2016). Spelling norm: problems of implementation. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics, 15* (4): 159—167. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.16>. (In Russ.).
- Kretov, A. A. (2015). Russian spelling and the challenges of the computer age. *Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University, 1* (266): 174—180. (In Russ.).
- Kuzmina, S. M. (2008). Active processes in the field of Russian writing. *Modern Russian: Active processes at the turn of the XX—XXI centuries: monograph collection*. Available at: <https://elibrary.ru/pxveix?ysclid=lddedojunl388490895> (accessed 20.11.2023). (In Russ.).
- Kuzmina, S. M. *History and lessons of codification of Russian spelling in the XX century*. Available at: <https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2003-2/173-191?ysclid=lddei9jmie332503158> (accessed 17.10.2023). (In Russ.).
- Leonova, J. V. (2010). The reform of Russian spelling in the light of the theory of principles of writing. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, 1* (12): 162—166. (In Russ.).
- Mokrobodrova, L. (2008). The «New Spelling» of Russian on the internet in relation to phonetics and orthography. Russian phonetics and spelling. *Scando-slavica, 54*. Available at: [http // https://doi.org/10.1080/00806760802494190](http://https://doi.org/10.1080/00806760802494190) (accessed 19.10.2023).
- Nechaeva, I. V. (2012). Spelling codification today and collegiality of normative decisions. *Language and social reality, 1—2* (3—4): 13—22. (In Russ.).
- Nechaeva, I. V. *Modern Russian spelling: dogma and innovations. Studia Rossica Gedanensia*. Available at: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=34220339> (accessed 24.10.2023). (In Russ.).

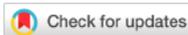

- Panov, M. V. (1964). *And yet she is good! A story about Russian spelling, its advantages and disadvantages*. Moscow: Nauka Publ. 167 p. ISBN 978-5-8391-0179-1. (In Russ.).
- Pavlova, N. P. (2014). The spelling personality of a child. *Ural Philological Bulletin. Series: Psycholinguistics in education*, 2: 5—13. (In Russ.).
- Pozharitskaya, S. K. (2002). Spelling and the possibilities of its reformation. *Domestic notes*, 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/2/orfografiya-i-vozmozhnosti-ee-reformirovaniya.html> (accessed 16.09.2023). (In Russ.).
- Pushkareva, L. G. (2004). *Questions of the theory of Russian spelling in the light of experimental data on the practical orientation of the writer*. PhD Diss. Omsk. 176 p. (In Russ.).
- Reynolds, R. J. (2016). *Russian natural language processing for computer-assisted language learning Capturing the benefits of deep morphological analysis in real-life applications*. Available at: <https://munin.uit.no/bitstream/handle/10037/9685/thesis.pdf?sequence=3&isAllowed=y> (accessed 21.10.2023).
- Rosselli, A. *Come l'Italia conquista il Dodecanneso*. Available at: <http://www.anpi.it/militari/rodi.html> (accessed 14.10.2023).
- Salnikova, O. S. (2016). *Spelling portrait of a 5—7-year-old child*. PhD Diss. Cherepovets. 217 p. (In Russ.).
- Sebba, M. *Orthography as Social Action: Scripts, Spelling, Identity and Power*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/333034077_Orthography_as_social_action_Scripts_spelling_identity_and_power (accessed 17.11.2023).
- Shcherba, L. V. (1983). *Theory of Russian writing*. Leningrad: Nauka Publ. Leningr. Department. 134 p. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2002). Is there a need for a new “Set of spelling rules”? *Otechestvennye zapiski*, 2: 56—69. (In Russ.).
- Sorokin, A. A., Shavrina, T. O. (2016). Automatic correction of typos and spelling errors for Russian-language social media. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2016” Moscow, June 1—4*. 102—113. (In Russ.).
- Tatarintseva, E. N. (2007). *The linguistic and phonological functioning of the principles of Russian orthography*. PhD Diss. Barnaul. 216 p. (In Russ.).
- Yudina, N. V. (2016). Russian spelling and punctuation in the 21st century: “Man” and “The Law”. *Bulletin of Kemerovo State University*, 3: 227—233. (In Russ.).

*The article was submitted 09.01.2025;
approved after reviewing 21.04.2025;
accepted for publication 20.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сандалова М. М. Семантика и функционирование цветоименований в автобиографиях художников конца XIX — начала XX веков / М. М. Сандалова, Л. В. Калинина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 155—173. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-155-173.

Sandalova, M. M., Kalinina, L. V. (2025). Semantics and Functioning of Color Terminology in Autobiographies of Artists from Late 19th to Early 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 155-173. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-155-173. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Семантика и функционирование цветоименований в автобиографиях художников конца XIX — начала XX веков

Сандалова Мария Михайловна

orcid.org/0009-0008-2566-7115

аспирант, преподаватель
кафедры русского языка,
культуры речи и методики обучения,
корреспондирующий автор
sandalova.mari@mail.ru

Калинина Людмила Викторовна

orcid.org/0000-0003-2271-3995

доктор филологических наук,
профессор
кафедры русского языка,
культуры речи и методики обучения
grifon.kalinina@yandex.ru

Вятский государственный университет
(Киров, Россия)

Semantics and Functioning of Color Terminology in Autobiographies of Artists from Late 19th to Early 20th Century

Maria M. Sandalova

orcid.org/0009-0008-2566-7115

Postgraduate student, lecturer
of the Department of the Russian,
Speech Culture and Teaching Methods,
corresponding author
sandalova.mari@mail.ru

Liudmila V. Kalinina

orcid.org/0000-0003-2271-3995

Doctor of Philology, Professor
of the Department of the Russian,
Speech Culture and Teaching Methods
grifon.kalinina@yandex.ru

Vyatka State University
(Kirov, Russia)

© Сандалова М. М., Калинина Л. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена обзору и анализу случаев употребления цветоименований в речи художников как профессионалов, работающих с цветом. Цель проведённого исследования — выявить особенности осмысления и вербализации цвета, а также употребления имён цвета в речи художников. Материалом выступили 2500 контекстов, выбранных из автобиографий М. З. Шагала, К. А. Коровина, К. С. Петрова-Водкина, И. Е. Репина, Н. К. Рериха. Применены методы структурной (компонентный анализ, дистрибутивный анализ, метод семантических полей), когнитивной (метод когнитивной интерпретации) и психолингвистики (эксперименты, опросы). Дана общая статистика употребления имён цвета в проанализированном материале. Предложена категоризация цветоименований на когнитивных основаниях, в соответствии с типом и уровнем ментального искажения цвета по сравнению с объективной реальностью. Приводится анализ имён цвета в речи художника с точки зрения употребления их художником как живописцем и философом искусства. Проанализирована роль родовой номинации *краска* в отражении вещественного воплощения цвета. Поставлен вопрос об употреблении близких к прототипу сочетаний (типа *зелёный луг*). Установлено, что художники осмысляют имена цвета как самостоятельный феномен, объект обсуждения и оценки, стремятся к точности выражения больше, чем к красочности, склонны использовать профессиональные термины и наделять цветоименование дополнительной точностью.

Ключевые слова:

цветоименование; семантика; вербализация перцептивных ощущений; речь художников.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article provides a comprehensive review and analysis of the instances of color terminology used in the discourse of artists as professionals engaged with color. The aim of this research is to uncover the specific features of color perception and verbalization, as well as the employment of color names in the language of artists. The study is based on 2,500 contexts selected from the autobiographies of notable figures such as Marc Chagall, Konstantin Korovin, Kuzma Petrov-Vodkin, Ilya Repin, and Nicholas Roerich. Employing methods from structural analysis (component analysis, distributional analysis, semantic field analysis), cognitive semantics (cognitive interpretation method), and psycholinguistics (experiments, surveys), the paper presents general statistics on the usage of color names within the analyzed material. A categorization of color terminology is proposed based on cognitive foundations, corresponding to the type and level of mental distortion of color in relation to objective reality. The analysis addresses color names in the context of artists' speech, examining their use as both painters and art philosophers. The role of generic terms *kraska* [*paint*] in reflecting the material embodiment of color is also discussed. Additionally, the study raises questions regarding the use of prototypical combinations (e.g., *zelenyy lug* [*green meadow*]). It is established that artists conceptualize color names as independent phenomena, subjects of discussion and evaluation, aiming for precision in expression over vividness, and tending to utilize professional terminology while imbuing color names with additional evaluative qualities.

Key words:

color terminology; semantics; verbalization of perceptual experiences; artists' discourse.

УДК 81'37+81'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-155-173

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Семантика и функционирование цветоименований в автобиографиях художников конца XIX — начала XX веков

© Сандалова М. М., Калинина Л. В., 2025

1. Введение = Introduction

Антропоцентризм современной лингвистики проявляется как в разработке близких психологии и антропологии методов анализа языка и речи, так и в появлении новых векторов исследования, таких как вербализация перцептивных ощущений человека. В то же время постепенное сближение лингвистики с нейронауками обеспечивает расширенную теоретическую базу для подобных исследований.

Название новой области исследования — *лингвосенсорика* — предложено В. К. Харченко в 2012 году [Харченко, 2012]. К лексике как объекту изучения в данном случае относят слова, называющие, например, пять стандартных «чувств» (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус), а также некоторые интероцептивные (внутренние) и проприоцептивные (телесно-пространственные) ощущения (см., например, [Нагорная, 2017]).

Интерес к подобным лексическим единицам вызван в первую очередь их семантикой, не имеющей однозначного, объективного денотата. Неслучайно многие подобные лексические группы соотносят с философским феноменом квалиа, то есть «невыразимым, внутренне присущим, частным, а также непосредственно воспринимаемым» качеством [Деннет, 2021, с. 341].

Классическое проявление квалиа — цвет, и именно цветоименования стали объектом настоящего исследования.

Имена цвета разносторонне изучены с точки зрения разных лингвистических подходов: историко-генетического (например, [Berlin et al., 1969; Бахилина, 1975]), семантических категорий [Фрумкина, 1984; Брагина, 1972], семантических прототипов [Вежбицкая, 1996; Рош, 1972], психолингвистики [Базыма, 2005]. Развитие технологий подсказывает и новые пути анализа, например, в связи с нейронауками и когнитивистикой [Дойчер, 2018; Шварцлоуз, 2024].

Цель настоящей статьи связана с последним направлением исследования и заключается в анализе особенностей осмысления и речевого употребления цветоименований художниками как специалистами, использующими цвет в качестве инструмента работы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Под *цветонаименованием* (также используются равноправные термины *имя цвета*, *цветообозначение*, *колоратив*) мы будем понимать слово или фразу, называющие цвет как оптическую характеристику объектов действительности или указывающие на него. В живой речи носителей русского языка такие единицы могут быть представлены разными грамматическими формами, а также относиться к разным уровням близости к «семантическому прототипу» (вот несколько примеров: *белый*, *красный*, *малиновый*, *охра*, *посинеть*, *белизна*, *геморроидальный цвет*, *красный*, *как бурлак*, *цвет поношенного сюртука*, *светлый*, *блёлкый*, *разноцветный*).

Собственно лингвистическое (а не культурно-символическое или литературоведческое) исследование цветоименований развивается в двух основных направлениях: (1) описание генезиса цветовой лексики языков и (2) изучение проявленной в именах цвета связи между языком, сознанием человека и действительностью. Первое направление наследует известной работе Б. Берлина и П. Кея «Основные цветковые термины» [Berlin et al., 1969], в которой была обоснована идея об универсальном для всех естественных языков пути формирования цветовой лексики, — и дискуссии вокруг этой идеи (в том числе С. Харгрейв [Hargrave, 1982], Я. ван Бракель [van Brackel, 1993], А. Вежбицкая [Вежбицкая, 1996] и поздние дополнения самого П. Кея [Kay et al., 1978]).

Второе направление впервые обозначено У. Ю. Гладстоном в работе «Исследования о Гомере и его веке» [Gladstone, 1858] вопросом о том, может ли язык отражать эволюцию органов зрения человека. Это направление особенно популярно в последнее десятилетие в связи с появлением новых технических возможностей и развитием междисциплинарности. Так, Г. Дойчер в работе «Сквозь зеркало языка» [Дойчер, 2018] сравнивает данные речи и исследований нейронаук для постановки вопроса о том, определяется ли наше восприятие (в том числе цвета) языковым сознанием или физиологией.

Настоящее исследование выполнено в русле последнего направления, на речевом материале носителей конкретного типа языкового сознания — художников, использующих цвет и краску как инструмент в своей профессиональной работе.

Сами художники видят отличительные черты своего мышления в «целостности видения предмета» [Унковский, 1980, с. 6], «интуитивном мировосприятии» [Денисов, 2008, с. 7], «повышенной способности к представлениям» [Васнецов, 1908, с. 10—11] и «тренированном взгляде», умеющем вычленивать нужные детали (в личной беседе). Кроме того, осознаётся и существование концептуальной метафоры ИСКУССТВО — ЭТО ЯЗЫК: «В произведениях живописи впечатление формы, цвета и света — альфа и омега всего. Это аналогично тому, как мысль, чтобы стать понятной для других, должна быть выражена членораздельными звуками, правильно построена логически и грамматически» [Васнецов, 1908, с. 12—13] (также см. исследование К. Салливан [Sullivan, 2006]).

Некоторые предварительные данные о речи художников может дать изучение коммуникации в социальных сетях [Сандалова, 2023]: художники, по-видимому, склонны делать имя цвета смысловым (и грамматическим) центром предложения, относиться к нему как к объекту речи больше, чем как к средству описания, при этом сами развёрнуто и точно оценивают цвет или «колорит», а также наделяют цвет активным началом. Подобные проявления мы стремились найти в материале настоящего исследования, намереваясь подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что существуют характерные только для социальной группы художников особенности вербализации и описания цвета.

Языковым материалом исследования стали 2500 контекстов, отобранных методом сплошной выборки из автобиографических текстов пяти художников конца XIX — начала XX веков: «Моей жизни» М. З. Шагала, «Моей жизни» (и автобиографических рассказов) К. А. Коровина, «Пространства Эвклида» К. С. Петрова-Водкина, «Далёкого близкого» И. Е. Репина и путевых заметок Н. К. Рериха («Сердце Азии», «Шамбала»).

Мемуарная проза позволяет рассмотреть языковые явления на неоднородном материале, поскольку такие произведения могут включать как профессиональные рассуждения автора, так и «художественные» описания, а также заметки, близкие к обыденной речи.

Цветонаименования достаточно частотны в речи (особенно в сравнении с другой перцептивной лексикой), что позволяет применять широкий спектр методов: как традиционных для системно-структурной и функциональной лингвистики, так и предложенных психолингвистикой и когнитивной лингвистикой, а кроме того, статистических подсчётов. Анализируемый материал показал необходимость разработки специальной категоризации и интерпретации не столько изолированных случаев употребления, сколько общих когнитивных и текстуальных принципов употребления имён цвета.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая статистика употребления имён цвета в мемуарах художников и основания выделения категорий дальнейшего анализа

Структурный анализ цветоименований, выделенных в мемуарах художников, предполагает, как правило, лексический, морфологический и синтаксический подход к категоризации единиц.

Подобный подход к анализу даёт значительные, но не всегда показательные для настоящего исследования результаты. В частности, подтверждается грамматическая и семантическая консервативность имён цвета. В таблице можно увидеть сводные данные, учитывающие одновременно грамматические и семантические категории имён цвета: процентное соотношение показывает значительное преобладание случаев категории «простое основное» цветоименование (табл. 1).

Отметим только одну структурную особенность употребления имён цвета в мемуарах художников — частое (относительно речи прочих носителей русского языка) употребление существительных, как производных от прилагательных-цветоименований (типа *белизна*), так и родовых (таких, как *краска, цвет, колорит, палитра, гамма*), что показывает частое осмысление «предметности» цвета в противовес привычному «признаку».

Кроме того, общий статистический обзор позволяет выделить статистически значимые имена цвета для художника (по медиане для номинальных шкал). Далее при перечислении знаком * обозначается «стандартная форма»: за такой формой могут скрываться однокоренные слова разных частей речи и слова с корнями, традиционно считающимися оттенками основного цвета, но не самостоятельные оттенки и не слова, образованные сложением — так, например, **красный* = *красный, краснеющий, покраснел, алый, малиновый, краснеющий, кумачовый* и др., но не *розовый* и не *красно-белый*. Значимые для художников цвета — это **белый, чёрный, красный, синий* и **бледный* для М. З. Шагала, **белый, красный, синий, тёмный, чёрный* и **зелёный* для К. А. Коровина, **цвет (!), красный, синий, белый, чёрный, краска (!)* для К. С. Петрова-Водкина, **чёрный, белый, серый, красный, тёмный, краска (!)* для И. Е. Репина, **чёрный, красный, белый* для Н. К. Рериха.

Интересно нарушение художниками преобладания традиционной цветовой триады *чёрный — белый — красный* и включение родовых понятий в набор значимых цветоименований.

Однако необычные с точки зрения структурной лингвистики случаи — скорее редкое исключение, чем правило. Такие случаи сложно интерпретировать как «закономерности». Это обусловило необходимость подбора иных способов анализа: статистического и когнитивного.

Таблица 1

Структурная категоризация имён цвета в мемуарах художников (данные приведены в единицах и процентах от общего числа по каждому автору, суммарные данные представлены в последнем столбце)

Structural colour term categorization in artists' memoirs (data is given in units and in percentage of the total for each author, total of all the analyzed material is given in the last column)

Категория (с примерами из материала анализа)	Шагал	Коровин	Петров-Водкин	Репин	Рерих	Сводные данные
Простое основное (<i>белый, красный</i>)	129 (54)	295 (54)	280 (40)	461 (51)	62 (67)	1227 (49)
Простое несоединённое (<i>пеленчатый, румяный</i>)	42 (17)	91 (17)	94 (13)	120 (13)	12 (13)	329 (14)
Простое указательное (<i>бледный, светлый</i> — «указывающие» на цвет, но не называющие его)	20 (8)	58 (11)	32 (5)	80 (9)	0	190 (8)
Сложное с двумя цветовыми корнями (<i>серо-голубой, бело-жёлтый</i>)	9 (4)	2 (0,4)	4 (1)	9 (1)	1 (1)	25 (1)
Сложное с нецветовым корнем (<i>белоснежный, линияло-красный</i>)	13 (5)	4 (1)	6 (1)	8 (1)	9 (10)	39 (2)
Сложное с «указательным» корнем (<i>светло-шатеновый, тёмно-русый</i>)	7 (3)	9 (2)	24 (3)	19 (2)	2 (2)	61 (2)
«X-го цвета» (<i>лилово цвета, охровые гаммы</i>)	4 (2)	13 (2)	35 (5)	61 (7)	2 (2)	115 (5)
«Цвета X-а» (<i>цвета жёлтой охры, оттенков тусклого серо-бры</i>)	7 (3)	2 (0,4)	11 (2)	6 (1)	1 (1)	27 (1)
Фразеологизм с цветовым значением (<i>без кровинки в лице, кровь с молоком</i>)	1 (0,4)	0	1 (0,1)	0	0	2 (0,1)
Простое родовое понятие (<i>краска, цвет</i>)	7 (3)	60 (11)	190 (27)	124	4 (4)	385 (15)
Родовое словосочетание (<i>палитра красок, цветовая шкала</i>)	0	1 (0,2)	19 (3)	5 (1)	0	25 (1)
Словосочетание-название цвета (<i>кремнистые белла, титановая красная</i>)	0	6 (1)	8 (1)	11 (1)	0	25 (1)

Первый подход заключался в анализе общей частоты употребления имён цвета в мемуарах художников по сравнению с другими текстами — например, с произведениями художественной классики. Для этого мы составили пропорцию (далее результат указан в скобках) количества употреблённых имён цвета к общему числу слов на первые 50 страниц произведения: «Моя жизнь» М. З. Шагала (0,011), «Моя жизнь» К. А. Коровина (0,008), «Пространство Эвклида» К. С. Петрова-Водкина (0,008), «Далёкое близкое» И. Е. Репина (0,011), «Сердце Азии» Н. К. Рериха (0,004), «Бедные люди» Ф. М. Достоевского (0,003), «Портрет» Н. В. Гоголя (0,005), «Петербург» А. Белого (0,015), «Медный всадник» А. С. Пушкина (0,010), «Козлиная песнь» К. К. Вагинова (0,011). Значимая закономерность в этом случае также не прослеживается.

Второй подход состоял в определении соотносённости цветоименования и реального цвета, объективной окраски предмета. В рамках этого подхода мы разделили все найденные случаи употребления имён цвета на несколько категорий (табл. 2).

Таблица 2

Категоризация имён цвета в мемуарах художников
на когнитивных основаниях

Categorization of colour terms used in artists' memoirs,
based on cognitive grounds

Категория	Шагал	Коровин	Петров-Водкин	Репин	Рерих	Сводные данные
Реальный цвет	143 (60)	392 (71)	275 (39)	586 (64)	61 (66)	1457 (58)
Реальный цвет с усилением	24 (10)	18 (3)	23 (3)	47 (5)	3 (3)	115 (5)
«Живописное» использование	25 (11)	31 (6)	34 (5)	33 (4)	4 (4)	127 (5)
Идеастетическое использование (неперцептивная семантика)	22 (10)	12 (2)	13 (2)	26 (3)	1 (1)	74 (3)
Цвет как абстракция	8 (3)	14 (3)	105 (15)	28 (3)	0	74 (3)
Бесцветное употребление	9 (4)	18 (3)	34 (5)	35 (4)	14 (26)	155 (6)
Реальный цвет, но речь идёт о краске	2 (1)	4 (1)	5 (1)	31 (3)	0	42 (2)
Оптический эффект	0	0	7 (1)	0	0	7 (0,3)

Для пояснения категорий приведём некоторые примеры контекстов.

1. Реальный цвет. *Когда мой дед, почтенный старец с длинной чёрной бородой, скончался с миром, отец за несколько рублей купил другое жильё* [Ш, с. 6].

2. Реальный цвет с усилением. *Пассажиры были бледны и желты, как с похмелья* [ПВ, с. 276] (не буквально жёлтые).

3. «Живописное» использование: автор искажает цвет реального объекта, отражая свой взгляд как живописца. *Уже вечер. Голубые звёзды. Фиолетовая земля. Закрываются лавки* [Ш, с. 24]. *Над моховым болотом, за которым далеко расстились рядами леса, взошёл круглый месяц, как розовый кружок на лиловой мгле ночного неба* [К, с. 239].

4. Идеастетическое использование: автор искажает цвет реального объекта, чтобы подчеркнуть свою оценку или настроение сцены. *Поешь со мной, Андрюша, люб ты мне, ох люб. Светел, как синее утро* [К, с. 194]. *Маленький, чёрненький, худенький, он (Заболотский) производил очень жалкое впечатление* [Р, с. 190].

5. Цвет как абстракция. *Ты ведь тоже обожаешь фиолетовый, как я, правда?* [Ш, с. 69]. *Чтоб найти взаимоотношения между красным, жёлтым и зелёным, требуется большая точность в распределении красящего пигмента* [ПВ, с. 57].

6. Нецветовое употребление: переносное или в составе устойчивого выражения. *А если нам не доставалось пирожков и груш из отцовских карманов, то вечер был бесцветным* [Ш, с. 9]. *Я понимал одно — что Синяя Борода куролесит в столице и что он денежно ущемлён и призывает в свидетели биржу* [ПВ, с. 192];

7. Иногда цвет реален, но автор рассуждает о краске, использованной на картине, а не об объекте реальности. *Такое страшилище эта голова — синяя-пресиняя, и панич также синий и страшный! Маменька говорила, что это Давид с головой великана Голиафа* [Р, с. 25].

8. Оптический эффект. *Как синяя ночь для человека, отошедшего от костра, и как красна голая дорожка на освещённом зелёном лугу; конечно, эти явления, хотя и без анализа их, издавна знакомы людям* [ПВ, с. 298].

Предложенная категоризация определила направления дальнейшего исследования. Следующие части статьи раскрывают самые частотные и показательные её группы.

3.2. Употребление имён цвета в речи художников как живописцев

Описательные эпизоды в мемуарах художников представляется возможным разделить на три типа: описание природы (пейзаж), описание человека (портрет), литературное описание картины или процесса её создания (так называемый экфрасис).

Наиболее типичные случаи «описательного» употребления имён цвета встречаются в пейзажах. *Мраморное море отликает оттенками синего бархата со всплесками лазури, а в глубинах его — тени цвета созревших слив* [ПВ, с. 271]. *Брёвна от земли или в жёлтых, оранжевых рефлексах. Цвета горели невероятной силой, почти белые. Под крышей, в крыльце, были тени красноватые с ультрамарином. И зелёные травы на земле горели так, что не знал, чем их взять* [К, с. 62].

Отметим, однако, что в пейзаже используются «основные» цветоименования: живописность достигается не сложной выразительностью, а искажением реального цвета в пользу краски, которую можно положить на холст, или использованием глагольных форм имён цвета.

Словесный портрет в исполнении художника интересен тем, что имена цвета в нём используются довольно скудно и прямолинейно. Например, «Моя жизнь» М. З. Шагала открывается серией портретов членов семьи, из которой мы узнаём, что мать его была *седая*, бабушка — *румяная*, дядюшки различаются цветом бороды. Единственный пространственный портрет — описание отца: *Вы когда-нибудь видели на картинах флорентийских мастеров фигуры с длинной, отроду не стриженной бородой, тёмно-кариками, но как бы и пепельными глазами, с лицом цвета жжёной охры, в морщинках и складках?* [Ш, с. 7]

Подобным образом описывают людей и другие художники. Например, Толстой в описании К. С. Петрова-Водкина определяется цветом глаз: *Серые глаза из-под спутанных бровей смотрели остро, юношески, и толстовский нос, всюю утверждающий себя, пучился над усами впавшего рта* [ПВ, с. 137]. К. А. Коровин следующим образом описывает вошедших гостей: *В комнату вошли блондин и жгучий брюнет; один худой и бледный, её муж, другой плотный, толстенький, как кубарь, его знакомый* [К, с. 242].

Можно предположить, что использование ограниченного набора цветоименований для портретов связано с живописным требованием гармоничности цветового строя картины, схожего с «аккордом» [Ковтун, 1960, с. 28]. В описании художник как бы намечает основные цветовые пятна, определяющие для него всю личность.

Описания картин и процесса их создания богаче всего представляют цветовую лексику авторов и их стремление передать субъективное отношение к картине. *В каждом этюде Персанова с особенным чувством и воображением был писан в тёмных, трагических красках фон. Тёмно-лиловые и синие глубины заставляли играть розово-оранжевые блёстки по бирюзовым прозрачным массам* [Р, с. 118]. *Теперь на новых выставках в Варшаве польские адепты plein-air'изма довели его до гадости: пестрота лиловых рефлексов* насована ими без толку во все плоскости и произ-

водит дурацкое впечатление. **Синие тени** дают мёртвый холод картинам [Р, с. 458].

Описания процесса создания картины встречаются почти во всех мемуарах, как правило, в частях, посвящённых истории обучения автора. *Через два дня мне на холсте больше ничего не оставалось делать. Улеглась гроздь, **подцветилась** под себя, **белилами** укрылась салфетка, **рыжеватые** тени обозначили плоскость стола, но ничего не получилось цельного, убедительного по образности* [ПВ, с. 284]. *Целым **кадмиумом** и **киноварью** я разложил пятна сосен, горящих на солнце, и **синие тени** от дома, водил широкой кистью. — Постой, — сказал Сорокин. — Где же это **синее**? Разве **синие** тени? — А как же, — ответил я. — **Синие** [К, с. 62].*

Основные принципы использования имён цвета художниками в описательных контекстах — стремление как можно более точно передать оттенки, который может быть положен на холст, и избегание цветистых выражений в пользу конкретности.

3.3. Имя цвета как категория философии художника

Среди самых заметных черт употребления имён цвета в речи художников — отношение к цвету как к самостоятельному феномену и оперирование именем цвета как грамматическим субъектом / объектом. Это не только выводит цвет в разряд автономной категории, но и позволяет его в свою очередь оценивать и описывать.

Каждый из художников отражает в использовании цветоименований собственные профессиональные и мировоззренческие принципы, иногда прямо, иногда — косвенно, в формальных способах употребления имён цвета.

Так, М. З. Шагал, близкий интуитивной живописи, проявляет себя в символическом использовании имён цвета: *Зато, думал я, моё искусство не рассуждает, оно — расплавленный свинец, **лазурь** души, изливающаяся на холст* [Ш, с. 118]; *Пусть **чёрное** станет ещё **черней**, а белое — ещё **белей*** [Ш, с. 160]. Кроме того, для М. З. Шагала важно противоречие его творчества конвенциональной действительности, которое он переживает болезненно: *Бакст. Европа. Париж. Уж он-то меня поймёт, поймёт, почему я заикаюсь, почему я **бледный** и **грустный** и даже почему пишу в **фиолетовых тонах*** [Ш, с. 95].

К. А. Коровин как импрессионист сосредоточивает свои размышления о живописи вокруг цветовых отношений. Например, размышляет о соотношении реального цвета и краски: *Дубинин говорил: — Картина хороша, только усов у меня эдаких нет. Чего же усы-то сделал **рыжие**, а у меня усы-то **чёрные**. Ты **чёрной краской** делай. Я для удовольствия сделал ему **чёрные** усы — всё испортил. Усы прямо лезут одни, хоть ты что. А Дуби-*

нину нравилось, и он сказал: — Вот теперь правильно [К, с. 48]. Вы видите брёвна, стёкла в окне, деревья. А для меня это **краски** только. Мне всё равно что — пятна [К, с. 61]; Когда верно взять **краску**, **тон** в контрасте, то выйдут брёвна [К, с. 61].

К. С. Петров-Водкин пишет «Пространство Эвклида» как программное произведение, поэтому он включает несколько эпизодов, напоминающих описание «мысленных экспериментов» с краской. При работе над задачей П. П. Чистякова: **Зелень выбросила из себя всё жёлтое содержание, она осинилась; красное бросалось то в огненное, то кровавилось пурпуром, то вбирало в себя кадмии до оранжевых**, — это теснило **жёлтую** ленту, она задыхалась за неимением выхода к самой себе и становилась **розовой** [ПВ, с. 58]. Осмысление соотношения цвета и других чувств в попытках передать цвет для слепо-глухо-рождённого: Я исходил из того, что колебательные волновые процессы света (а, следовательно, и **цвета**) в других октавах, но, вероятно, аналогичны тепловым, следовательно, последними можно вызвать образ, по крайней мере пропорциональный значению и действию первых» [ПВ, с. 251]. Размышление о цвете в теории: **Основной цвет, например синий, есть такой элемент спектра, в который абсолютно не входят ни жёлтый, ни красный, и он ни оптической, ни красочной смесью из других цветов составлен быть не может** [ПВ, с. 296]. Автобиография К. С. Петрова-Водкина не в первый раз становится объектом когнитивного анализа [Калинина, 2021].

И. Е. Репин как реалист сосредоточен на том, чтобы как можно точнее передать видимый им цвет на холсте, краска становится посредником, в том числе вербальным, налаживающим контакт между сознанием художника и материальной картиной, поэтому в его мемуарах много терминологических названий краски: ... в Харькове он купил — это всё ещё было до отъезда в Петербург — по фунту самых дорогих: **ультрамариону, кальмиуму (кадмиум) и кармину**. Картины его отличались от картин всех других наших живописцев дивным **колоритом**, это было нечто невиданное [Р, с. 116].

В путевых заметках Н. К. Рериха мало цветоименований как абстракции. Однако цвет встречается иногда в культурных терминах: названиях сект (**красношапочники, чёрная вера бонто, жёлтая, красная вера**), а также сакральных объектов («**чёрный трон**» Каракарум, мифический **белый конь**).

Философские и профессиональные принципы художников, таким образом, могут проявляться в выборе используемых авторами имён цвета, их синтаксической роли и в оценке автором цвета как абстрактного феномена.

3.4. Цвет и краска: абстрактное и материальное

Широкое использование родовых понятий вообще и номинации *краска* и её производных в частности — уникальная черта художников, резко отличающая их от прочих носителей языка. При этом *краска* может выступать в качестве синонима *цвета*, а может быть его антонимом по семантической оси «абстрактность — материальность».

Соотношение употребления и семантики родовых цветоименований *цвет* и *краска* уже рассматривалось нами отдельно на материале «Пространства Эвклида» К. С. Петрова-Водкина [Сандалова 2024]. Авторы других проанализированных на настоящий момент мемуаров подтверждают те же закономерности в использовании *краски*: она осмысливается как вещество как с точки зрения существования, так и с точки зрения использования, инструментальности. Кроме того, *краску* чаще, чем *цвет* оценивают, в том числе с позиций хорошо / плохо: — *Вот ты какой, — говорил Евграф Семёнович, улыбаясь. — Краски не те* [К, с. 61], — или с позиций субъективного отношения: *Чтобы меня утешить, Трофим оставил мне свои краски, и с этих пор я так впился в красочки, прильнув к столу, что меня едва отрывали для обеда и срамили, что я совсем сделался мокрый как мышь от усердия и одурел со своими красочками за эти дни* [Р, с. 59].

Кроме того, *краска* может быть представлена терминами-названиями краски, которые становятся характерным для речи художников как профессионалов лексическим средством описания: *Под крышей, в крыльце, были тени красноватые с ультрамарином* [К, с. 62]. <...> *фигуры с длинной, отроду не стриженной бородой, тёмно-какими, но как бы и пепельными глазами, с лицом цвета жёлтой охры, в морщинках и складках* [Ш, с. 7].

3.5. Особенности семантики близких к прототипу сочетаний с именами цвета (типа *зелёный луг*)

Большая часть описанных в предыдущих частях статьи особенностей употребления имён цвета в мемуарах художников проявлена в меньшей части материала. Таблица 2 показывает, что 58 % случаев употребления цветоименований относятся к категории «основных»: это наиболее распространённые и знакомые рядовому носителю языка лексемы.

С одной стороны, такое процентное соотношение закономерно для цветоименований, учитывая их консервативность. Большинство таких контекстов представляют собой конкретизацию цвета предмета, необходимого для его идентификации среди подобных. *Алексей Кондратьевич Саврасов был у меня, смотрел, сказал мне: «Это жёлтая крашеная дача — мне смотреть противно, не только что писать»* [К, с. 62]; *Бориска вывел пару серых (коней). Какие красавцы!* [Р, с. 35]. Такое употребление естественно для языка и подтверждается когнитивными исследованиями: че-

людей склонен обращать внимание на цвета, играющие роль в различении предметов и, следовательно, выживании [Рахилина, 2008, с. 17].

С другой стороны, среди контекстов этой категории встречаются и такие парадоксальные варианты. *Я повернул по Ремже влево и пошёл по зелёному лугу, где шла речка* [К, с. 216]. *Корова слышит шорох колосьев, видит синее небо над забором* [Ш, с. 17]. *Белые облака клубились в небе. Весна, благодать* [К, с. 105]. *Но он тихо сопел носом, уткнувшись в лужицу на серой золе* [Р, с. 90]. *У реки Тишты на дорогу к нам вышло два леопарда. Они мирно оглядели нас и, мягко ступая, скрылись в зелёной листве* [Рх, с. 94]. Всего в материале мемуаров мы нашли 94 подобных случая.

В перечисленных контекстах цветоименования не играют функции идентификации или описания, не добавляют новой информации для читателя: облака в сознании носителя русского языка прототипически *белые*, а луг *зелёный*. Подобное употребление кажется коммуникативно нецелесообразным.

Интересно, что большая часть таких сочетаний близка к характерным для языковой картины мира представлениям, отражённым в словарях, в которых, как правило, указано, что *синий / голубой* — это цвет неба, а *зелёный* — цвет растительности (что далеко не всегда совпадает с данными физики).

В ряде случаев подобное употребление сопровождается контекстуальными синонимами, показывающими отношение автора к описываемому объекту. *Вода реки была кристально прозрачная, мягкая и вкусная* [К, с. 215]. *До чего было прекрасно. Дорожки, зелёная трава, распустившиеся берёзки. Замечательно* [К, с. 93]. *Вместо горького, трагического тона леса на их картинах — блеск солнца, голубое небо, зелёная трава и смеющиеся физиономии девочек и парубков* [Р, с. 456].

1. Данные, обнаруженные в мемуарах художников, мы проверили дополнительным опросом 24 студентов филологического направления, которым предлагалось подобрать потенциальные контекстуальные синонимы к фразам типа «хорошее небо / плохое небо» (без знания о цели исследования). Результаты анализа позволяют сделать следующие выводы.

2. Существуют устойчивые сочетания формы «имя цвета + определяемое слово», которые закреплены в сознании носителей языка как «прототипические» (к таким мы относим, например, найденные *голубое / синее небо, зелёная трава / листва / растительность, белый снег*).

3. Подобные сочетания показывают развитие дополнительной семантики оценочности: *голубое/синее небо* — «хорошее», *серое небо* — «плохое», *зелёная трава* — «хорошая, свежая», *жёлтая трава* — «плохая, чах-

лая». Однако не все такие сочетания несут оценочность: например, *красная кровь* не показывает такого же изменения семантики.

4. Употребление таких сочетаний в речи художников может быть связано с профессиональной «остранённостью» взгляда, для которого каждый цвет значим (хотя автор фиксирует далеко не все цвета, которые видит).

5. Употребление таких сочетаний в речи художников может сигнализировать о том, что художники внутренне отождествляют цветоименование и цвет как свой инструмент, в результате используя имя цвета как пустой «символ» для передачи смысла (или отношения).

Выводы 3 и 4 — это скорее размышление о возможных причинах названного явления, чем утверждение. В каждом случае можно найти в анализируемом материале «исключения». Обнаружение «прототипических» сочетаний позволяет лишь поставить вопрос об их семантике, но не ответить на него — по крайней мере, на проанализированном нами материале.

4. Заключение = Conclusions

Анализ автобиографической прозы художников конца XIX — начала XX веков показывает, что для речи художников характерны некоторые яркие особенности вербализации цвета, связанные, по-видимому, с тем, что для художников характерно перенесение паттернов мышления с цвета как своего рабочего инструмента на имена цвета в речи. Красочная или необычная описательность при этом не свойственна текстам художников и в именах цвета (против ожидания) не проявляется.

Перечислим ключевые особенности использования имён цвета в речи художников, выявленные в результате анализа.

1. Художники расширяют набор частотных для среднестатистического носителя языка цветоименований за счёт использования родовых понятий и специальных терминов, названий краски.

2. В описании, будь то портрет, пейзаж или описание живописного полотна, художники сосредотачиваются на точности передачи оттенка, а не на выразительности фраз. Точность иногда определяется не реальной окраской предмета, а живописным видением профессионала.

3. Профессиональные и философские принципы художника могут быть отражены в выборе цветоименований, а также с помощью постановки цветоименования в позицию агенса или объекта оценки в предложении.

4. Художники могут различать *цвет* и *краску*, вводя дополнительное семантическое разграничение по абстрактности / материальности (вещественности).

5. В отдельных случаях оценочность в речи художников, по-видимому, может проявляться в близких к семантическому прототипу сочетаниях с именем цвета (к постановке вопроса).

Выделенные особенности употребления цветоименований в речи художников связаны, как можно видеть, не столько с формой или семантикой конкретной лексемы, сколько со способом осмысления художником цвета и цветоименования. Представляется логичным предположить, что подобные паттерны соотношения можно проследить и в других парах перцептивных ощущений и способов их вербализации в речи соответствующих профессионалов. Подтверждение или опровержение этой гипотезы может быть перспективой проведённого исследования.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. К — *Коровин К. А. Моя жизнь* / К. А. Коровин. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 288 с. — ISBN 978-5-389-12423-3.
2. ПВ — *Петров-Водкин К. С. Пространство Эвклида* / К. С. Петров-Водкин. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 384 с. — ISBN 978-5-389-16600-4.
3. Р — *Репин И. Е. Далёкое близкое* / И. Е. Репин. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с. — ISBN 978-5-389-16100-9.
4. Рх — *Рерих Н. К. Сердце Азии. Шамбала* / Н. К. Рерих. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — С. 3—114. — ISBN 978-5-389-20600-7.
5. Ш — *Шагал М. З. Моя жизнь* / М. З. Шагал ; пер. с фр. Н. Мавлевич. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 224 с. — ISBN 978-5-389-12820-0.

Литература

1. *Базыма Б. А. Психология цвета : теория и практика* / Б. А. Базыма. — Санкт-Петербург : Речь, 2005. — 205 с. — ISBN 5-9268-0363-2.
2. *Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке* / Н. Б. Бахилина. — Москва : Наука, 1975. — 288 с.
3. *Брагина А. А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний* / А. А. Брагина // *Лексикология и лексикография : сборник статей.* — Москва : Наука, 1972. — 200 с.
4. *Васнецов А. Опыт анализа понятий, определяющих искусство живописи* / А. Васнецов. — Москва : Издание И. Кнебель, 1908. — 133 с.
5. *Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание* / А. Вежбицкая. — Москва : Русские словари, 1996. — 416 с.
6. *Денисов В. С. Восприятие цвета* / В. С. Денисов. — Москва : Эксмо, 2008. — Ч. 1. — 176 с.

7. *Деннет Д.* Насосы интуиции и другие инструменты мышления / Д. Деннет ; пер. с англ. Э. Мамедьярова и Е. Фоменко. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2021. — 576 с. — ISBN 978-5-17-112947-7.

8. *Дойчер Г.* Сквозь зеркало языка / Г. Дойчер ; пер. с англ. Н. Ю. Жуковой. — Москва : АСТ, 2018. — 382 с. — ISBN 978-5-17-114373-2.

9. *Калинина Л. В.* Автобиографическая проза художника как материал для лингвокогнитивного анализа (на примере произведения К. С. Петрова-Водкина «Пространство Эвклида») / Л. В. Калинина // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сборник статей международной научной конференции, Ярославль, 18—19 сентября 2020 года. — Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2021. — С. 53—65. — ISBN 978-5-00089-519-1.

10. *Ковтун Е.* Как смотреть картину. Язык живописи / Е. Ковтун. — Ленинград : Упедгиз, 1960. — 90 с.

11. *Нагорная А. В.* Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований : Аналит. Обзор / А. В. Нагорная ; РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Яковлева Э. Б. — Москва : ИНИОН РАН, 2017. — 86 с. — ISBN 978-5-248-00844-5.

12. *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. — Москва : Русские словари, 2008. — 416 с. — ISBN 5-93259-016-5.

13. *Сандалова М. М.* Особенности функционирования имён цвета в речи художников и не-художников (на материале соцсетей) / М. М. Сандалова // Язык — текст — дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т. Б. Радбиля): сборник статей по материалам Международной научной конференции «Язык — текст — дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т. Б. Радбиля)» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 22—24 ноября 2023 г.). — Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2023. — С. 396—403. — ISBN 978-5-91326-862-4.

14. *Сандалова М. М.* Родовое цветоименование «краска» в «Пространстве Эвклида» К. С. Петрова-Водкина как вещественное воплощение цвета / М. М. Сандалова // Семантика. Функционирование. Текст. — Киров : [б. и.], 2024. — С. 97—102.

15. *Унковский А. А.* Живопись : Вопросы колорита / А. А. Унковский. — Москва : Просвещение, 1980. — 128 с.

16. *Фрумкина Р. М.* Цвет, смысл, сходство. Аспекты психологического анализа / Р. М. Фрумкина. — Москва : Наука, 1984. — 175 с.

17. *Харченко В. К.* Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2012. — 216 с. — ISBN 978-5-397-02316-0.

18. *Шварцлоуз Р.* Ландшафты мозга. Об удивительных искажённых картах нашего мозга и о том, как они ведут нас по жизни / Р. Шварцлоуз ; пер. с англ. Т. Мосоловой. — Москва : АСТ : CORPUS, 2024. — 336 с. — ISBN 978-5-17-152721-1.

19. *Berlin B.* Basic Color Terms : Their universality and evolution / B. Berlin, P. Kay. — Berkeley : University of California Press, 1969. — 186 p.

20. *Gladstone W. E.* Homer's perception and use of colour / W. E. Gladstone // Studies on Homer and Homeric age. — Oxford : Oxford University Press, 1858. — Pp. 457—499.

21. *Hargrave S.* A report on colour term research in five Aboriginal languages. In: Work Papers of SIL-AAB Series B. — Darwin : Summer Institute of Linguistics Australian Aborigines Branch, 1982. — Vol. 8. — Pp. 201—226.

22. Kay P. The linguistic significance of the meaning of basic colour terms / P. Kay, Ch. McDaniel // *Language*. — 1978. — Pp. 610—646.
23. Rosch Heider E. Universals in color naming and memory / E. Rosch Heider // *Journal of Experimental Psychology*. — 1972. — № 93 (1). — Pp. 10—20.
24. Sullivan K. How does art «speak», and what does it «say»? Conceptual metaphor theory as a tool for understanding the artistic process / K. Sullivan // *Thought tools for a new generation : essays on thought, ideas, and the power of expression*. — Oregon : Clark Honors College, 2006. — Pp. 81—89.
25. Van Brackel J. The plasticity of categories : The case of colour / J. Van Brackel // *British Journal for the Philosophy of Science*. — 1993. — № 44. — Pp. 103—135.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025,
одобрена после рецензирования 03.05.2025,
подготовлена к публикации 19.05.2025.

Material resources

- K — Korovin, K. A. (2020). *My life*. Saint Petersburg: ABC, ABC-Atticus. 288 p. ISBN 978-5-389-12423-3. (In Russ.).
- PV — Petrov-Vodkin, K. S. (2022). *Euclidean space*. Saint Petersburg: ABC, ABC-Atticus. 384 p. ISBN 978-5-389-16600-4. (In Russ.).
- R — Repin, I. E. (2022). *Distant close*. Saint Petersburg: ABC, ABC-Atticus. 512 p. ISBN 978-5-389-16100-9. (In Russ.).
- Roerich, N. K. (2022). *The Heart of Asia. Shambhala*. Moscow: AST Publishing House. 3—114. ISBN 978-5-389-20600-7. (In Russ.).
- Sh — Chagall, M. Z. (2021). *My life*. Saint Petersburg: ABC, ABC-Atticus. 224 p. ISBN 978-5-389-12820-0. (In Russ.).

References

- Bakhilina, N. B. (1975). *The history of color designations in the Russian language*. Moscow: Nauka Publishing House. 288 p. (In Russ.).
- Bazyma, B. A. (2005). *Psychology of color: theory and practice*. St. Petersburg: Speech. 205 p. ISBN 5-9268-0363-2. (In Russ.).
- Berlin, B., Kay, P. (1969). *Basic Color Terms: Their universality and evolution*. Berkeley: University of California Press. 186 p.
- Bragina, A. A. (1972). “Color” definitions and the formation of new meanings of words and phrases. In: *Lexicology and lexicography: collection of articles*. Moscow: Nauka Publ. 200 p. (In Russ.).
- Denisov, V. S. (2008). *Perception of color, 1*. Moscow: Eksmo. 176 p. (In Russ.).
- Dennett, D. (2021). *Pumps of intuition and other tools of thinking*. Moscow: AST Publishing House: CORPUS. 576 p. ISBN 978-5-17-112947-7. (In Russ.).
- Deutscher, G. (2018). *Through the mirror of language*. Moscow: AST Publishing House. 382 p. ISBN 978-5-17-114373-2. (In Russ.).
- Frumkina, R. M. (1984). *Color, meaning, similarity. Aspects of psychological analysis*. Moscow: Nauka Publ. 175 p. (In Russ.).
- Gladstone, W. E. (1858). Homer’s perception and use of colour. In: *Studies on Homer and Homeric age*. Oxford: Oxford University Press. 457—499.

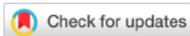

- Hargrave, S. (1982). A report on colour term research in five Aboriginal languages. In: *Work Papers of SIL-AAB Series B*. Darwin: Summer Institute of Linguistics Australian Aborigines Branch. 8: 201—238.
- Kalinina, L. V. (2021). The autobiographical prose of the artist as a material for linguistic and cognitive analysis (on the example of the work of K. S. Petrov-Vodkin “Euclid’s Space”). In: *Semantics and functioning of linguistic units in different types of speech: collection of articles of the International scientific conference, Yaroslavl, September 18—19, 2020*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 53—65. ISBN 978-5-00089-519-1. (In Russ.).
- Kay, P. (1978). The linguistic significance of the meaning of basic colour terms. *Language*. 610—646.
- Kharchenko, V. K. (2012). *Linguosensory: Fundamental and applied aspects*. Moscow: LIBROCOM. 216 p. ISBN 978-5-397-02316-0. (In Russ.).
- Kovtun, E. (1960). *How to watch a painting. The language of painting*. Leningrad: Uchpedgiz Publ. 90 p. (In Russ.).
- Nagornaya, A. V. (2017). *Linguistic sensorics as a promising area of modern linguistic research: Analysis. Review*. Moscow: INION RAS. 86 p. ISBN 978-5-248-00844-5. (In Russ.).
- Rakhilina, E. V. (2008). *Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility*. Moscow: Russian Dictionaries. 416 p. ISBN 5-93259-016-5. (In Russ.).
- Rosch Heider, E. (1972). Universals in color naming and memory. *Journal of Experimental Psychology*, 93 (1): 10—20.
- Sandalova, M. M. (2023). Features of the functioning of color names in the speech of artists and non-artists (based on the material of social networks). In: *Language — text — discourse in the new conditions of communication (dedicated to the 60th anniversary of Professor T. B. Radbil)*. Nizhny Novgorod: NNSU named after N. I. Lobachevsky. 396—403. ISBN 978-5-91326-862-4. (In Russ.).
- Sandalova, M. M. (2024). Generic color naming “paint” in the “Euclidean space” by K. S. Petrov-Vodkin as a material embodiment of color. In: *Semantics. Functioning. Text*. Kirov: [b. i.]. 97—102. (In Russ.).
- Schwarzlose, R. (2024). *Landscapes of the brain. About the amazing distorted maps of our brain and how they guide us through life*. Moscow: AST Publishing House: CORPUS. 336 p. ISBN 978-5-17-152721-1. (In Russ.).
- Sullivan, K. (2006). How does art «speak», and what does it «say»? Conceptual metaphor theory as a tool for understanding the artistic process. In: *Thought tools for a new generation: essays on thought, ideas, and the power of expression*. Oregon: Clark Honors College. 81—89.
- Unkovsky, A. A. (1980). *Painting: Issues of color*. Moscow: Prosveshchenie Publ. 128 p. (In Russ.).
- Van Brackel, J. (1993). The plasticity of categories: The case of colour. *British Journal for the Philosophy of Science*, 44: 103—135.
- Vasnetsov, A. (1908). *The experience of analyzing concepts defining the art of painting*. Moscow: Edition by I. Knebel. 133 p. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian Dictionaries. 416 p. (In Russ.).

*The article was submitted 04.02.2025;
approved after reviewing 03.05.2025;
accepted for publication 19.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Хачатрян Г. К. Новообнаруженные слова в документах армянской общины города Каменца (XVI—XVII века) / Г. К. Хачатрян // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 174—189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-174-189.

Khachatryan, G. K. (2025). Newly Discovered Lexical Items in Documents of Armenian Community of Kamieniec (16th-17th Centuries). *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 174-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-174-189. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Новообнаруженные слова в документах армянской общины города Каменца (XVI—XVII века)

Хачатрян Гурген Кипронович

orcid.org/0009-0009-2870-1443

доктор филологических наук,
профессор, кафедра
армянского языка и литературы
gxachatryan@yahoo.com

Ванадзорский государственный
университет им. О. Тумаяна
(Ванадзор, Армения)

Newly Discovered Lexical Items in Documents of Armenian Community of Kamieniec (16th-17th Centuries)

Gurgen K. Khachatryan

orcid.org/0009-0009-2870-1443

Doctor of Philology, Professor,
Department of the Armenian
and the Literature
gxachatryan@yahoo.com

Vanadzor State University
named after Hovhannes Tumanyan
(Vanadzor, Armenia)

© Хачатрян Г. К., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье проведено исследование лексических особенностей летописи армянской общины, поселившейся в городе Каменец средневековой Польши в XVI—XVII веках. В качестве материалов привлекаются более полутора десятков лексических единиц, которые еще не были исследованы специалистами среднеармянского языка. Результаты сопоставительного анализа показывают, что большинство этих слов являются прямыми заимствованиями из польского, украинского, немецкого и кыпчакского языков. Имеются также некоторые опосредованные заимствования из латыни. Сообщается, что часть из новообнаруженных слов представляют собой новообразования, созданные на основе типичных для среднеармянского языка словообразовательных моделей. В статье впервые исследуются и вводятся в научный оборот данные о новообнаруженных единицах лексики польских армян 16—17 веков, которые дополняют пласты заимствований и новообразований среднеармянского языка. Подчеркивается, что каменецкие армяне во время проживания на одной территории с поляками, украинцами и кыпчаками находились с ними в финансово-экономических, правовых, культурных и других отношениях, при необходимости прибегая к заимствованиям, что доказывает их полную адаптированность и интегрированность в данную среду.

Ключевые слова:

новообнаруженные слова и варианты слов; заимствования; среднеармянский язык; кыпчакский язык; польский язык; украинский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article investigates the lexical characteristics of the chronicle of the Armenian community that settled in the medieval Polish town of Kamieniec during the 16th and 17th centuries. The study draws on over fifteen lexical items that have not been previously examined by specialists in Middle Armenian. The results of the comparative analysis reveal that the majority of these words are direct borrowings from Polish, Ukrainian, German, and Kipchak languages. Additionally, there are some indirect borrowings from Latin. It is reported that a portion of the newly discovered words constitutes neologisms created based on typical word formation patterns of Middle Armenian. For the first time, this article explores and introduces into academic discourse data on the newly identified lexical units of Polish Armenians from the 16th to 17th centuries, which will enrich the layers of borrowings and neologisms in Middle Armenian. The study emphasizes that the Armenians of Kamieniec, while cohabitating with Poles, Ukrainians, and Kipchaks, engaged in financial-economic, legal, cultural, and other interactions, resorting to borrowings when necessary. This underscores their complete adaptation and integration into this environment.

Key words:

newly discovered words and variants; borrowings; Middle Armenian; Kipchak; Polish; Ukrainian.

УДК 811.19'373.45

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-174-189

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.6.2. Всеобщая история

Новообнаруженные слова в документах армянской общины города Каменца (XVI—XVII века)

© Хачатрян Г. К., 2025

1. Введение = Introduction

В исследованиях среднеармянской лексики еще в XIX—XX веках были зафиксированы определенные научные достижения [Бюзандаци¹, 2020; Григорян, 1964, с. 225—237; Очерки ..., 1972, с. 169—296; Речек, 1987, с. 1—8], которые продолжают и сегодня [Казарян, 2000; Казарян, 2001; ССЯ, 2009; Григорян, 2017, с. 55—62; Писович, 2002, с. 31—41; Хачатрян, 2020; Хачатрян, 2012; Тшечак, 2023, с. 243—255]. Однако вышесказанное не означает, что все вопросы в указанной области решены. В частности, остался неизученным ряд заимствований и новообразований, входящих в состав среднеармянского языка. Цель нашей статьи — максимально восполнить существующий пробел в среднеармянском словарном составе.

В средние века произошло два переселения из Армении в Польшу (около 1060 года и через четыре столетия после этого) [Айтынеан, 1866, с. 162]. Польские, в частности каменецкие, армяне в ходе длительного сосуществования с поляками, украинцами и кыпчаками в новой для них среде прибегали к необходимым в процессе общения заимствованиям². Доказательством могут служить десятки заимствований, относящихся к различным сферам социальной жизни, пришедших из среднепольского (далее польского), среднеукраинского (далее украинского), немецкого и латыни

1 Поряйр Бюзандаци составил словарь среднеармянского языка еще в 1884—1894 годах в Стокгольме, который, однако, был опубликован в 25 экземплярах в Женеве лишь в 2000 году.

2 Польские армяне наряду со своим родным языком знали и кыпчакский язык, который долее всего «... сохранялся в среде армян Львова и Каменца-Подольского — до второй половины XVII века — в силу своей функциональности, поскольку местные армянские купцы, независимо от их этнического происхождения, торговали со странами Востока, во многих из которых тюркский язык был либо языком значительной части населения, либо языком правящей верхушки, и знание этого языка значительно облегчало ведение коммерческой деятельности [Осипян, 2013, с. 168].

(при посредничестве польского или украинского¹), а также кыпчакского² языка.

Большинство заимствований, обнаруженных в армянских документах XVI—XVII веков, исследовано. Однако ряд слов еще нуждается в тщательном изучении. Эти слова интересны и тем, что они не имели общеармянского распространения, а употреблялись только в говоре польских армян, который является говором ардиальского диалекта, одного из мертвых диалектов современного армянского языка³.

Научная новизна статьи состоит в том, что впервые рассматриваются более полутора десятков слов, сохранившихся в дошедших до нас документах каменецких армян XVI—XVII веков, среди которых: а) новообнаруженные прямые или опосредованные заимствования из европейских языков (в частности, польского, украинского, немецкого и латыни), а также кыпчакского, б) среднеармянские новообразования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В статье мы рассматриваем два документа армянской автономной общины, обосновавшейся в Каменце (речь идет о городе Каменец-Подольский на современной Украине) еще в средние века. Это — а) летопись (1430—1652 годы) и б) протоколы судебных заседаний армянского суда (1559—1575 годы) указанного города. Оба написаны на смеси грабара (древнеармянского) и среднеармянского языков.

Мы рассматриваем каждую из выбранных лексических единиц в отдельной словарной статье, указав международно-принятую транскрипцию данного слова, его значение, часть речи, варианты, если таковые имеются, а также год первого или единственного употребления.

При исследовании преимущественно использовались описательно-аналитический, сравнительный и сопоставительный методы, применялись также элементы статистического метода.

1 Польские армяне называли поляков *lululʻis* [nemič] [КПК, с. 6, 14, 41, 96, 170 и др.], *hjuʻu* [ilax] [ПКП, с. 57] или *yh* [leh] [ССЯ, 2009, с. 286], а украинцев *hnuʻiq* [ərowz] [ПКП, с. 19, 23, 39, 48; ГАК, с. 31 и др.] или *hnuʻiqhluʻi* [ərowzner] (русичи) [ПКП, с. 103, 220].

2 Большая часть тюрко-татарских «ненчислимых» слов вошли в словарь польских армян благодаря переселенцам XIV века [Айтынеан, 1866, с. 162].

3 Ардиальский диалект имел четыре ветви, на которых говорили армяне, переселившиеся из разных провинций Армении, а также повторно мигрировавшие из Крыма и других мест, образовавшие армянские колонии Польши, Венгрии, Сучавы и Румынии [Ачарян, 1963, с. 9]. Вышеупомянутая география сама по себе указывает на неоднородность ардиальского диалекта. Так что мы используем термин *говор* условно, поскольку при столь ограниченном языковом материале трудно с точностью охарактеризовать польско-армянский вариант речи в ардиальском диалекте — это субдиалект или говор.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Новообнаруженные слова в документах армянской общины Каменца (16—17 вв.)

В результате анализа установлено, что новообнаруженные словарные единицы, выделенные из упомянутых документов, делятся на две группы:

1. новые заимствования:

1.1. прямые заимствования из польского, украинского или кыпчакского:

а) Существительное *ալբաբովտի* [albabowt] является прямым заимствованием из кыпчакского языка: *alpravud*. Слово встретилось один раз в протоколах за 1552 год: ...*Կալանիկից քաղաքն մեծ կրակս ընկաւ, և 16 ալբաբովտի կրակաւ, և եօթն տուն չարտ (сильный пожар обрушился на город Каменец, сгорели 16 ларьков и семь домов армян)* (здесь и далее перевод наш. — Г. Х.) [ГАК, с. 19]. Г. Алишан при подготовке книги «Каменец»¹ пытался в скобках передать значение слова *ալբաբովտի* с помощью армянского слова *կրակ* (ларек). Отметим, что он так поступил и с некоторыми другими иностранными словами. Однако слово *ալբաբովտի*, использованное в оригинале в форме родительного падежа (*ալբաբովտի*), на самом деле означает не «ларек», а «аристократ, богач, шляхтич» и т. д. [АГКС, с. 84]. Мы считаем, что отрывок *16 ալբաբովտի կրակաւ, և եօթն տուն չարտ* означает: *сгорели дома 16-ти шляхтичей и 7-ми армян*. Сказанное подтверждает и тот факт, что исследуемое слово в вариантах *alpravud*, *alprovud*, *alprovut* в вышеуказанных значениях встречается также в армянописьменных кыпчакских оригиналах [АГКС, с. 84].

б) Прилагательное *բերիսնայ* [bērisdəy] является прямым заимствованием из украинского языка: *bericstuiy* (в немецком *gestreif*, *streifig* [ЖНМНС, с. 628]), то есть «пятнистый» [ЕСУМ, т. 4, с. 350], «крапчатый», «с пятнами разных цветов»). Заимствование *բերիսնայ* используется один раз в протоколах 1574 года: ...*Խաչոնն կերիսնայի քաղաքն. Եւ արտ յո՛ւ. կըէ կալանիկի գիւղն Ա (1) հարնի բերիսնայ կալ (Хачко шел на пасеку, я спросил, не хочешь ли ты купить крапчатого хромого теленка)* [ПКП, с. 170].

в) Существительное *գանիցա* [ganic'a] / *քանիցա* [k'anic'a] является прямым заимствованием из украинского языка: *каниця*, *канка* / *тканиця*, *тканка*, что означает «женский тканый головной убор» [АГКС, с. 650]. *Գանիցա* зафиксировано в 1573 году в одном и том же протоколе пять раз, но странно то, что имеются не только параллельные варианты, но и орфографические описки. Ср.: *գանիցան* [zganic'an] / *գանիցն* [zganic'n] / *քանիցան* [zk'anic'an] / *քանիցն* [zk'anc'an].

1 Г. Алишан озаглавил свой труд «Каменец», основываясь на армяно-польском произношении названия города Каменец.

Рассмотрим примеры их употребления в текстах: ... *զի տիս նիսի նորրնիսի հոգի Անիր Տանկոյնի քաների զօրին եւ զքանիցան* (... что дает ему пояс и **тканый головной убор** дочери покойного звонаря Амира) [ПКП, с. 44]; ... *նի զազգիէ զայն զօրին եւ զքանիցան* (... чтобы он велел принести те пояс и **тканый головной убор**) [Там же]; ... *սիրտիսի լինի Սիրզին ղնիլ զքանիցան ի քիտիտիսն* (Саргис обязуется принести в суд **тканый головной убор**) [Там же]; ... *էր զանիցն ՏԸ (18) սիրտը մարգարիտի շիրիմ* (... **тканый головной убор** <...> был <...> из 18 роз, выложенных жемчугом) [Там же] ... *երբը զայն զօրին եւ զքանիցան* ([он] принес тот пояс и **тканый головной убор**) [Там же].

Это слово в вариантах *kanica, kanca, kanka, tkanica, tkanka* встречается и в армянописьменных кыпчакских оригиналах [АГКС, с. 650, 1176, 1322, 1442, 1452 и др.].

г) Прилагательное *դիսաւոյ* [disavəy] является прямым заимствованием из украинского языка. Слово *тисавий* образовано от украинского *тис* (в латинском: *taxis* [ЕСУМ, т. 5, с. 573], в армянском: *կարմրածառ* [karmrac'ar] или *զեղնի* [geğji], обозначающие красное дерево). Это название цвета (ср. в немецком: *eibenbaumfarbig, weiss-gelb* [ЖНМНС, с. 964]): «цвета тиса, бело-желтый, буланый» [ЕСУМ, т. 5, с. 573]. Заимствование *դիսաւոյ* представляет собой единичную фиксацию в тексте 1574 года: *Եկաւ տէր Հանուսն եւ հայցեց ի քիտիտիսնէն. զի եկեալ տեսցեն զայն ձին. գոր ի Տոնաւանքէն մնացել էր **դիսաւոյ**. թորրի (Пришёл господин Ханус и попросил у суда прийти и посмотреть на ту **буланую** турецкую лошадь, которая осталась после [смерти] Тонавага) [ПКП, с. 172].*

д) Существительное *խախրա* [хахга] является прямым заимствованием из кыпчакского языка (*չаχра*), означающим «зал», «пристройка», «примыкающее к дому или отдельное строение» и т. д. [АГКС, с. 787]. Записано один раз в 1573 году: *Եւ ի մէջ արշախ տնայնի զնիցի զիս տնիս եւ զներքեալ արկիս. եւ զներք արկիս ար. եւ **զխախրա** (И за эту сумму денег я записал свой дом, нижний подвал, верхний подвал также и **пристройку**) [ПКП, с. 39].*

Это слово встречается и в армянописьменных кыпчакских оригиналах в форме *չаχրա* [АГКС, с. 787].

е) Существительное *կաթոնկը* [kat'ownk'] (речь идет о немецкой марке «*Gattung*», которая в том числе выпускала ножи из специальной стали) — это не опосредованное заимствование из польского или украинского языка, а прямое заимствование из немецкого языка (*Gattung*). Данное утверждение можно обосновать тем, что упомянутое слово было заимствовано также поляками и украинцами в соответственных формах *gatunek* и *гатунок* [АГКС, с. 535] с добавлением, соответственно, *e* или *o* между согласны-

ми **n** и **g** в конце слова, тогда как армянский язык в указанной позиции оказался ближе к языку заимствования (*լյաթնկը* — *Gattung*). Дело в том, что Каменец находился на оживленном торговом пути, часть каменецких армян занималась торговлей [Григорян, 1975, с. 32], и название этого типа ножа могло быть позаимствовано непосредственно у немецких купцов. Слово *լյաթնկը* употреблено один раз: ... Ա (1) Օրսիսից յնրիսի ... որևէ էր Ասիականորին յօտնի ... անհայտ իւրիւնքներ. յսիւնքն են՝ ԲՃԴ (204) գրով. ... Դ (4) տիւրիս *լյաթնկը* դիւսիւ ... (Один молдаванин <...> дал Асватуру <...> товары на сохранение <...>, а именно: 204 шапки, <...> 4 связки ножей **катунк**) [ПКП, с. 42].

Рассматриваемое слово встречается и в армянописьменных кыпчакских оригиналах: *gatunk* [АГКС, с. 535].

Надо отметить, что заимствования в говоре польских армян претерпели те же фонетические изменения, что и исконно армянские слова. Звонкие согласные в любой позиции и исконных, и заимствованных слов в говоре польских армян преимущественно фонетически менялись на глухие или придыхательные, а глухие и придыхательные согласные преобразовывались в гласные, что мы видим на примерах *բերիսիս* [bërisdøy] < *неписиий*, *լյաթնկը* [kat'ownk'] < *Gattung* и других рассматриваемых словах¹. При этом в случае заимствований учитывалось не написание слова, а его произношение на языке заимствования.

ё) Существительное *կարնէց* [karnëc'] является прямым заимствованием из польского языка (*garniec*) и означает «1. кувшин, 2. мера объёма сыпучих и жидких тел» [АГКС, с. 535], «старинная польская мера объёма, сосуд вместимостью в один кувшин, крынку, горшок» [SEJP, с. 156]. Единичная фиксация относится к 1652 году: *Թողանցի խնկայ Սրնկաննի ... մէկ մէկ կարնէց մէրր գննց ...* (Купец Симеон из Тохата <...> купил по одному **кувшину** меда) [А, с. 112].

Слово *կարնէց* встречается также в армянописьменном кыпчакском и украинском оригиналах в вариантах *garnes*, *garnic* и *гарнець*, *гарнець*, *гарець* соответственно [АГКС, с. 534—535].

ж) Существительное *ձվիկը* [jvilënk'], как и упомянутый выше *լյաթնկը*, является прямым заимствованием из немецкого языка. Речь идет о немецкой марке «Zwilling», что означает: «близнец, двойник», такое же наименование носили ножи из специальной стали. Слово *ձվիկը* в исследованных документах зафиксировано один раз в 1573 году: ... Ա (1) Օրսիսից յնրիսի ... որևէ էր Ասիականորին յօտնի ... անհայտ իւրիւնքներ. յսիւնքն են՝ ԲՃԴ (204) գրով. ... ԺԶ (16) տիւրիս *ձվիկը* դիւսիւ ... (один молдаванин

1 Фонетическая система говора польских армян подробно представлена В. Р. Григоряном и А. С. Писовичем [Григорян и др., 1964, с. 225—237].

Исследуемое слово встречается и в одном армянописьменном кыпчакском оригинале: *sekretar* [АГКС, с. 1246].

3.3. Новообнаруженные новообразования

3.3.1. Выявленные новообразования, составленные с помощью собственных языковых словообразовательных средств:

а) Существительное *դոցօտ'իւն* [doğowt'iwɛn] («дрожь, трепет») является среднеармянским авторским новообразованием, заместившим унаследованный от габара синоним *դոցօտն* [doğowmɛn]. Оно употреблено один раз в 1595 или 1596 году: ... *գոր եկեալ մեծաւ երկիւղիւ և դոցօտ'իւնսր՝ խիտիտիտ'իւն հիւսիտեց* ([ոն] *прийдя с великим страхом и трепетом, заключил мир*) [ГАК, с. 60].

б) Прилагательное *մսաբլուր* [msablɔwɾ] («гора мяса», «очень толстый, упитанный, громадный») является авторским новообразованием самого летописца¹. Автор использует новообразование *մսաբլուր* в 1564 и 1573 годах, оба раза как характеристику известного библейского антигероя Голиафа: ... *եւ էր այդ Մոցոր մեծաւրն մեծ իբրեւ զմսաբլուրն Գողիաթ* (... и этот Моцок был громадным, как **мясная гора** Голиаф) [ГАК, с. 35]; ... *վիւնդ զընկալիս իր և իմաբլուրեացիւնդ ի ներքոյ ոտից իրոց. որպէս երբեմն յաշտորն արբն Դաւիթ՝ զմտօրէն զմսաբլուրն Գողիաթ* ([ոն] *прогнал врагов своих и склонил их к ногам своим, как когда-то святой царь Давид бессовестным мясной горой Голиафом*) [ГАК, с. 44].

в) Существительное *մեղրի* [meğri] («алкогольный напиток из меда»), встречается один раз в 1574 году в списке слов, обозначающих алкогольные напитки. Речь идет об обычном для некоторых славянских народов напитке из меда — медовухе, медухе. Польские армяне, по всей вероятности, переводили название этого напитка как *մեղրի*²: ... *նչ մեղրի. եւ նչ ցրի. եւ նչ բիւլ* (... ни **медовухи**, и ни водки, и ни пива) [ПКП, с. 167].

3.3.2. Выявленные новообразования, составленные посредством соединения собственных языковых и иноязычных словообразовательных средств

Кроме внутреннего и внешнего способов обогащения словарного запаса, «...есть еще третий, смешанный путь, когда новые лексические единицы образуются путем соединения или сопоставления основных морфем исконого языка и внутренних средств языка заимствователя» [Хачатрян, 2012, с. 6]. Словарь польских армян смешанным путем пополнился следу-

1 Речь идет о протонерее отце Ованнесе, в 1560—1610 годы писавшем летопись города Каменец [ГАК, с. 3].

2 В НСАЯ есть пояснения к слову *մեղրոյի* [meğrògi] — «медовая водка»: «Сироп, подобный водке или опьяняющему вину, приготовленному из меда (особенно эфиопского)» [НСАЯ, т. 2, с. 250].

ющими словами, образованными согласно модели «заимствованное слово + армянский суффикс»:

а) существительное *Նեմիշնոց* [nēmišnosʹ] (Польша)¹ является авторским новообразованием и дополняет ряд синонимичных топонимов *Բօլսկայ* [bòlskʹay] / *Բոլսկայ* [bolcʹkʹay], *Լեհք* [lehkʹ], *Լեհաստան* [lehasstan], *Նեմիշք* [nemiščʹ], употреблявшихся в среднеармянском языке того периода в значении ‘Польша’. Они происходят из трех заимствованных наименований, данных армянами полякам: *իլախ* [ilax], *լեհ* [leh], *նեմիշ* [nemišč]. Новообразование *Նեմիշնոց* составлено из последнего из указанных основ (*նեմիշ*) и армянского суффикса *-(ա)նոց* [-(a)nosʹ]. Единичная фиксация содержится в протоколе 1572 года: ... *եւ հաստանեցաւ Տրանսիլւորի յալախերն յալախերն անցաւ ալախ աշխարհի, որ կոչի Նեմիշնոց, ալախերն է Բօլսկայ (... և [король Франции] согласился царствовать над ними в стране, называемой Немичноц, то есть Польша)* [ГАК, с. 43].

Слово *Նեմիշնոց* — явно искусственное новообразование. Дело в том, что в грабаре и среднеармянском языке названия государства или региона либо были заимствованы без изменения (частные случаи фонетических изменений мы не учитываем) (например: *Թրանսիլւորիա* [tʹransilvania] — «Трансильвания» [ГАК, с. 128]), либо образовывали новый топоним по модели: «название данного народа / нации + унаследованный из грабара суффикс *-ք* [kʹ] или среднеармянский суффикс *-ստան* [stan]»². В качестве примеров можем привести: *Օլախք* [olaxkʹ] (Молдавия) [ГАК, с. 17], *Մաթարք* [mačarkʹ] (Венгрия) [ГАК, с. 48], *Կովնդիստան* [kowčistan] (Грузия) и т. д. Суффикс *-(ա)նոց* [-(a)nosʹ], как правило, добавлялся не к наименованию народа / нации, а к другим существительным, при этом получалось имя нарицательное, обозначающее место, например: *ծառանոց* [čaṛanosʹ] («сад, рощица») [Очерки ..., 1972, с. 256], *աղբնոց* [ağbnosʹ] («мусорная свалка») [Там же] и т. д.

б) Прилагательное *օլախի* [olaxhʹi] («молдаванин») является синонимом к слову *օլախ* [olax], когда оно выступает в качестве прилагательного. Ср.: *օլախ երդեմեր* (молдавские иереи) и *օլախի մարդ* (человек-молдаванин). Образовано соединением заимствования *օլախ* [olax] и армянского суффикса *-(ա)ցի* [-(a)ciʹ]. Хотя новообнаруженное слово *օլախի* в ис-

1 В отличие от новообразования *Նեմիշնոց* [nēmišnosʹ], в исследованных документах понятие «լեհ» (поляк) пишется с *ե* [e] — *նեմիշ* [nemišč] [ГАК, с. 46; КПК, с. 118, 154, 170 и др.].

2 Упомянутые суффиксы в среднеармянском языке имеют не только словообразовательное значение, они употребляются и в качестве морфемы, выражающей значение множественного числа. Например, *Լեհք* [lehkʹ] — это не только «Польша», но и «поляки». *Լեհաստան* [lehasstan] означает только «Польша», в то время как *սեղանաստան* [teğestan] означает «места», *քամաստան* [kʹamestan] — «ветры» и т. д.

точниках встречается один раз — в тексте 1573 года: ... Ա (1) Օրսիսցի միտրի ... որևէ էր Ասխատրիի մօտի ... անմիտր իտրիսիսցի ... (один **молдаванин** <...> дал Асватуру <...> товары на сохранение) [ПКП, с. 42], — но мы уверены, что это не авторская новообразование, как слово *Նխիջնաց*, потому что в среднеармянском языке для выражения значения ‘житель того или иного места’ обычно используется модель: «название страны / места (и т. п.) + армянский суффикс *-(u/t)ցի* [-(a/e)c‘i]», например: *ստամբուլցի* [stambòlc‘i] (стамбулец) [ПКП, с. 3], *քրակոսցի* [k‘rak‘ovc‘i] (краковец) [ПКП, с. 21], *քիսիսցի* [k‘eǰac‘i] (сельчанин) [ПКП, с. 189] и т. д.

4. Заключение = Conclusions

В оригинальных документах XVI—XVII веков, дошедших до нас от армянской общины города Каменец, имеется ряд слов, в том числе новообнаруженные прямые или опосредованные заимствования из польского, украинского, немецкого и кыпчакского языков. Имеются также некоторые опосредованные заимствования из латыни и среднеармянские новообразования.

Частое появление польских и украинских заимствований в словарном запасе польских (в частности, каменецких) армян связано с тем, что в городе Каменец существовало три автономные общины (армянская, польская и украинская), между которыми в течение длительного времени проживания на общей территории сложились многосторонние отношения, охватывавшие финансово-экономическую, правовую и культурную сферы. Наличие кыпчакских заимствований обусловлено тем, что большинство польских армян наряду с армянским языком владели и кыпчакским и при общении на армянском языке использовали также кыпчакские слова. Наличие немецких заимствований связано с торговой деятельностью польских армян. Заимствования же из латинского языка опосредованы. Языком-посредником является польский, поскольку эти слова, как правило, относятся к сфере государственного управления и должностей, а данная сфера интересовала в первую очередь поляков, так как состоявшаяся государственность в данный отрезок времени была именно у них.

Заимствования в говоре польских армян подвергались тем же фонетическим изменениям, что и исконно армянские слова (звонкие согласные в любом положении слов преимущественно фонетически менялись на глухие или придыхательные, а глухие и придыхательные — на гласные). При заимствовании учитывается главным образом не написание слова, а его произношение на языке заимствования.

Тот факт, что большая часть проанализированных заимствований была использована однократно, по нашему мнению, обусловлен не их редко-

стью, а разнообразием вопросов, рассматриваемых в судебных заседаниях, и тем, что мы располагаем лишь частью протоколов судебных заседаний. Но мы не исключаем, что эти слова могли быть использованы и в других документах.

Польско-армянская колония термины, связанные с государственным управлением и должностями, по большей части заимствовала либо из польского языка, либо через его посредство. Данный факт объясняется тем, что в XVI—XVII веках власть процветающей Речи Посполитой оказывала влияние даже на национальные меньшинства, проживавшие на окраинах империи. Украинские и кыпчакские заимствования в словаре польских армян относятся преимущественно к сферам экономики и быта.

Летопись и протоколы судебных заседаний Каменца дают достаточное представление о картине полной адаптации и интеграции польско-армянской колонии в новую среду.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АГКС — *Гаркавец А. Н.* Кыпчакский словарь. По армянописьменным памятникам XVI—XVII веков / А. Н. Гаркавец. — Алматы : БАУР, 2023. — 1786 с.

2. *Бюзандаци Н. Н.* Словарь разговорного армянского языка по литературным источникам XI—XVII вв.) [на армянском языке] / Подготовил к печати М. Минасеан. — Женева : [б. и.], 2000. — 785 с. (Բիւզանդացի Ն. Ն., Բառգիրք ստորին հայերէնի ի մատենադրութեանց ԺԿ ... ԺԷ դարուց / Հրատարակութեան պատրաստեց Ս. Մինասեանը. — Ժնև: 2000. — 785 էջ).

3. ГАК — *Каменец*, летопись армян Польши и Румынии [на армянском языке] / под ред. Г. М. Алишана. — Венеция : Типография монастыря Мхитара на острове Св. Лазаря, 1896. — 286 с. (Վանենից, Տարեգիրք հայոց Լեհաստանի և Ռումինիոյ / Ղ. Ս. Ալիշանի խմբագրութեամբ. — Վենետիկ: Ի վանս Մխիթարայ, ի Ս. Ղազար, 1896. — 276 էջ).

4. ЕСУМ — *Этимологический словарь украинского языка* [на украинском языке] / Гл. ред. О. С. Мельничук. — Киев : Издательство «Научная мысль», 1982—2012. Т. 1—6. (Етимологічний словник української мови / Голов. ред. О. С. Мельничук. — Київ : Наук. думка, 1982—2012. — Т. 1—6).

5. ЖНМНС — *Малорусско-немецкий словарь* [на украинском языке] / Е. Желехивский, С. Недильский. — Львов : Из типографии тов. им. Шевченко, 1886. — Т. 2. — 628 с. (Малорусько-німецький словар / Е. Желехівський, с. Недільський. — Львів: 3 друкарні тов. им. Шевченка, 1886. — Т. 2. — 628 с.).

6. НСАЯ — *Новый словарь армянского языка* [на армянском языке] / Г. Аветикеев, Х. Сюрмелеан, М. Авгереев. — Венеция : Типография Святого Лазаря, 1836. — Т. 1—2. — 2233 с. (Նոր բառգիրք հայկազգեան լեզուի / Գ. Աւետիքեան, Խ. Միլրմեկեան, Ս. Ազգերեան. — Վենետիկ: Տպարան ի Սրբոյն Ղազարոս, 1836. — հ. 1-2. — 2223 էջ).

7. ПКП — *Протоколы армянского суда города Каменец-Подольского (XVI в.)* [на армянском языке] / Под ред. В. Р. Григоряна. — Ереван : Издательство Академии наук Арм.

ССР, 1963. — 440 с. (Կամենեց-Պոդոլսկի, 1963 — Կամենեց-Պոդոլսկ քաղաքի հայկական դատարանի արձանագրությունները (XVI դ.) / Աշխատասիրության Կ. Ռ. Գրիգորյանի. — Երևան: Հայկական ՍՍՌ գիտությունների ակադեմիայի հրատ., 1963. — 440 էջ).

8. ССЯ — *Словарь* среднеармянского языка [на армянском языке] / Р. С. Казарян, Г. М. Аветисян. — Ереван : Издательство ереванского университета, 2009. — 841 с. (Միջին հայերենի բառարան / Ռ. Ս. Ղազարյան, Հ. Մ. Ավետիսյան. — Երևան: Երևանի համալսարանի հրատ., 2009. — 841 էջ).

10. SEJP — *Wiesław B.* Этимологический словарь польского языка [на польском языке] / Б. Виеслав. — Краков : Литературное издательство, 2008. — 862 с. (*Wiesław B.* Słownik etymologiczny języka polskiego / B. Wiesław. — Kraków : Wydawnictwo Literackie, 2008. — 862 s.).

Լիտերատուրա

1. *Айтынеан А.* Критический обзор ашхарабара или новоярмянского языка [на армянском языке] / А. Айтынеан. — Венеция : Типография Святого Лазаря, 1866. — 866 с. (Այտրնեան Ա., Քննական քերականութիւն աշխարհաբար կամ արդի հայերէն լեզուի / Ա. Այտրնեան. — Վենետիկ: Տպարան ի Սրբոյն Ղազարու, 1866. — 866 էջ).

2. *Ачарян Г. А.* Исследование ардиальского диалекта [на армянском языке] / Г. А. Ачарян. — Ереван : Издательство Академии наук Арм. ССР, 1953. — 293 с. (Աճառյան Հ. Հ., Քննություն Առտիալի բարբառի / Հ. Հ. Աճառյան. — Երևան: Հայկական ՍՍՌ Գիտությունների ակադեմիա, 1953. — 293 էջ).

3. *Григорян В. Р.* Армянописьменные польские документы [на армянском языке] / В. Р. Григорян, А. С. Писович // Вестник Матенадарана. — 1964. — № 7. — С. 225—237. (Գրիգորյան Վ. Ռ., Հայաստան լեհերեն վավերագրերը / Վ. Ռ. Գրիգորյան, Ա Ս. Պիսովիչ // Բանբեր Մատենադարանի. — 1964. — № 7. — էջ 225-237).

4. *Григорян В. Р.* История армянских поселений Подолии [на армянском языке] : автореферат ... доктора исторических наук : 07.00.02 / В. Р. Григорян. — Ереван, 1975. — 94 с. (Գրիգորյան Վ. Ռ., Պոդոլիիի հայ գաղթավայրերի պատմությունը, սեղմագիր ... պատմական գիտությունների դոկտորի: 07.00.02 / Վ. Ռ. Գրիգորյան. — Երևան. — 1975. — 94 էջ).

5. *Григорян С. А.* Польские заимствования в среднеармянском языке [на армянском языке] / С. А. Григорян // Научный журнал Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна. — 2017. — № 2. — С. 55—62. (Գրիգորյան Ս. Ա., Լեհական փոխառությունները միջին հայերենում / Ս. Ա. Գրիգորյան // Գիտական հանդես Խ. Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի. — 2017. — № 2. — էջ 55-62).

6. *Джаукян Г. Б.* Развитие и структура армянского языка (краткий очерк) [на армянском языке] / Г. Б. Джаукян. — Ереван : Издательство «Митк», 1969. — 292 с. (Ջահուկյան Գ. Բ., Հայոց լեզվի զարգացումը և կառուցվածքը / Գ. Բ. Ջահուկյան. — Երևան, «Միտք» հրատ., 1969. — 292 էջ).

7. *Казарян М. С.* Польские заимствования в среднеармянском языке [на армянском языке] : диссертация ... кандидата филологических наук : Ж.02.01 / М. С. Казарян. — Ереван, 2020. — 234 с. (Ղազարյան Ս. Ս., Լեհական փոխառությունները միջին հայերենում, ատենախոսություն... Ժ.02.01 բանասիրական գիտությունների թեկնածուի / Ս. Ս. Ղազարյան. — Երևան. — 2000. — 177 էջ).

8. *Казарян Р. С.* Лексика среднеармянского языка [на армянском языке] / Р. С. Казарян. — Ереван : Издательство ереванского университета, 2001. — 228 с. (Ղազարյան

Ռ. Ս., Միջին հայերենի բառապաշարը / Ռ. Ս. Ղազարյան. — Երևան: Երևանի համալսարանի հրատ., 2001. — 228 էջ).

9. *Ксенофонт*. Анабасис / перевод, статья и примечания С. М. Максимовой, под ред. Акад. И. И. Толстого. — Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1951. — 301 с.

10. *Осипян А. Л.* Миграция, адаптация и интеграция кочевников в оседлом обществе: сравнительный анализ перехода половцев к оседлому образу жизни в Галицкой Руси и Венгерском королевстве в xiii—xv вв. / А. Л. Осипян // Тюркские племена и государства Евразии в древности и в средние века. — Казань : Издательство «Ихлас», 2013. — С. 122—174.

11. *Очерки ...* — Очерки по истории среднеармянского литературного языка [на армянском языке] / Под ред. Э. Б. Агаяна. — Ереван : Издательство Академии наук Арм. ССР, 1972. — Т. 1. — 496 с. (Ավանդակներ գրական միջին հայերենի պատմության / Է. Բ. Աղայանի խմբագրությունը. — Երևան: Հայկական ՍՍՀ գիտությունների ակադեմիայի հրատ., 1972. — հ. Ա . — 496 էջ).

12. *Писович А.* Личные имена армян. Попытка объяснения [на польском языке] / А. Писович // Этимологическо-мотивационный словарь старых польских личных имен. — Краков. — 2002. — С. 31—41. (A. Pisowicz, Nazwy osobowe Ormian. Próba objaśnienia // Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych. — Kraków. — Писович А.2002. — С. 31—41.).

13. *Речек Я.* Языковая колонизация армян [на польском языке] / Я. Речек // Польский язык. — 1987. — LXVII. — 1—2. — С. 1—8. (J. Reczek. — Językowa polonizacja Ormian / Język Polski. — 1987. — LXVII. — 1-2. — С. 1—8.).

14. *Тшечак Л.* Следы украинского влияния в исторической антропонимии львовских армян (17—18 вв.) [на польском языке] / Л. Тшечак // Вестник Житомирского государственного университета им. Ивана Франко. Филологические науки. — 2023. — № 2 (100). — С. 243—255. (Trzeciak Ł., Ślady wpływow ukraińskich w historycznej antroponomii Ormian lwowskich (XVII-XVIII w.) // Visnyk Zhytomyrs'koho derzhavnoho universytetu imeni Ivana Franka. Filolohichni nauky. — 2023. — № 2 (100). — С. 243—255).

15. *Хачатрян Г. К.* Грамматические модели союза антропонимов и сопровождающих слов в протоколах армянского суда Каменница (XVI в.) [на армянском языке] / Г. К. Хачатрян // «Эчмиадзин». — 2021. — № 1. — С. 91—105 (Անձանունների և ուղեկցող բառերի կապակցման քերականական կաղապարները Կամեննիցի հայկական դատարանի արձանագրություններում (XVI դ.) / Գ. Կ. Խաչատրյան // «Էջմիածին». — 2021, № 1 — С. 91-105).

16. *Хачатрян Г. К.* Односоставные предложения среднеармянского языка [на армянском языке] / Г. К. Хачатрян. — Ереван : Издательство Института Языка НАН РА, 2022. — 315 с. (Խաչատրյան Գ. Կ., Միջին հայերենի միակազմ նախադասությունները / Գ. Կ. Խաչատրյան. — Երևան: ՀՀ ԳԱԱ լեզվի ինստիտուտի հրատ., 2022. — 315 էջ).

17. *Хачатрян М. Г.* Арабские заимствования в айренах и кафках [на армянском языке] : диссертация ... кандидата филологических наук : Ж.02.01 / М. Г. Хачатрян. — Ереван, 2012. — 159 с. (Խաչատրյան Մ. Գ., Արաբական փոխառությունները հայերեններում և կաֆաներում, ստենախոսություն ... Ժ.02.01 բանասիրական գիտությունների թեկնածուի / Մ. Գ. Խաչատրյան. — Երևան. — 2012. — 159 էջ).

*Статья поступила в редакцию 29.12.2024,
одобрена после рецензирования 24.03.2025,
подготовлена к публикации 24.04.2025.*

Material resources

- AGKS — Garkavets, A. N. (2023). *Kypchak dictionary. According to Armenian-written monuments of the XVI–XVII centuries*. Almaty: BAUR Publ. 1786 p. (In Russ.).
- Buzandatsi, N. N. (2000). *Dictionary of the spoken Armenian language based on literary sources of the XI–XVII centuries.* Geneva: [b. i.]. 785 p. (In Armen.).
- EU — Melnichuk, O. S. (ed.). (1982—2012). *Etymological dictionary of the Ukrainian language, 1–6*. Kiev: Publishing House “Scientific Thought”. (In Ukrain.).
- GAK — Alishan, G. M. (ed.). (1896). *Kamenits, the Chronicle of the Armenians of Poland and Romania*. Venice: Printing house of the monastery of Mkhitar on the island of St. Lazarus. 286 p. (In Armen.).
- NSAYA — *A new dictionary of the Armenian language, 1–2*. (1836). Venice: The Printing House of St. Lazarus. 2233 S. (In Armen.).
- PKP — Grigoryan, V. R. (ed.). (1963). *Protocols of the Armenian court of the city of Kamenets-Podolsk (XVI century)*. Yerevan: publishing house of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. SSR. 440 p. (In Armen.).
- SEJP — Vieslav, B. (2008). *Etymological dictionary of the Polish language*. Krakow: Literary Publishing House. 862 p. (In Polish.).
- SSYA — *Dictionary of the Middle Armenian language*. (2009). Yerevan: Publishing house of the University of Yerevan. 841 S. (In Armen.).
- ZHNMNS — *Little Russian-German dictionary, 2*. (1886). Lviv: From the printing house of Comrade Shevchenko. 628 p. (In Ukrain.).

References

- Acharyan, G. A. (1953). *Study of the Ardial dialect*. Yerevan: Publishing house of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. SSR. 293 p. (In Armen.).
- Aytynean, A. (1866). *A critical review of Ashkharabar or the New Armenian language*. Venice: St. Lazarus Printing House. 866 p. (In Armen.).
- Essays ... — Agayan, E. B. (ed.). (1972). *Essays on the history of the Middle Armenian literary language, 1*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. 496 p. (In Armen.).
- Ghazaryan, R. S. (2001). *Vocabulary of the Middle Armenian language*. Yerevan: Publishing house of the University of Yerevan. 228 p. (In Armen.).
- Grigoryan, S. A. (2017). Polish borrowings in the Middle Armenian language. *Scientific Journal of the Armenian State Pedagogical University named after H. Abovyan, 2*: 55—62. (In Armen.).
- Grigoryan, V. R. (1975). *The history of the Armenian settlements of Podolia*. Author’s abstract of Doct. Diss. Yerevan. 94 p. (In Armen.).
- Grigoryan, V. R., Pisovich, A. S. (1964). Armenian-written Polish documents. *Bulletin of the Matenadaran, 7*: 225—237. (In Armen.).
- Jaukyan, G. B. (1969). *The development and structure of the Armenian language (a short essay)*. Yerevan: Publishing House of Mitk. 292 p. (In Armen.).
- Kazaryan, M. S. (2020). *Polish borrowings in the Middle Armenian language*. PhD Diss. Yerevan. 234 p. (In Armen.).
- Khachatryan G. K. (2022). *Single-part sentences of the Middle Armenian language*. Yerevan: Publishing House of the Institute of Language of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. 315 p. (In Armen.).

- Khachatryan, G. K. (2021). Grammatical models of the union of anthroponyms and accompanying words in the protocols of the Armenian court of Kamenitsa (XVI century). *“Etchmiadzin”, 1*: 91—105 (In Armen.).
- Khachatryan, M. G. (2012). *Arabic borrowings in ayren and kafah*. PhD Diss. Yerevan. 159 p. (In Armen.).
- Osipyan, A. L. (2013). Migration, adaptation and integration of nomads in a settled society: a comparative analysis of the transition of the Polovtsians to a settled lifestyle in Galician Russia and the Kingdom of Hungary in the XIII—XV centuries. In: *Turkic tribes and states of Eurasia in antiquity and the Middle Ages*. Kazan: Ikhlas Publishing House. 122—174. (In Russ.).
- Pisovich, A. (2002). Personal names of Armenians. An attempt at explanation. *Etymological and motivational dictionary of old Polish personal names*. 31—41. (In Polish.).
- Reчек, Я. (1987). Linguistic polonization of Armenians. *Polish language, LXVII (1—2)*: 1—8. (In Polish.).
- Trzechak, L. (2023). Traces of Ukrainian influence in the historical anthroponymy of Lviv Armenians (17th—18th centuries). *Bulletin of the Zhytomyr State University named after Ivan Franko. Philological sciences, 2 (100)*: 243—255. (In Polish.).
- Xenophon. (1951). *Anabasis*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 301 p. (In Russ.).

*The article was submitted 29.12.2024;
approved after reviewing 24.03.2025;
accepted for publication 24.04.2025.*

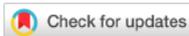
МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Анна Дмитриевна Курилова, канд. филол. наук (Москва)
Екатерина Анатольевна Беспалова, канд. филол. наук (Курск)
Екатерина Сергеевна Бабкина, д-р филол. наук (Хабаровск)
Светлана Ивановна Якимова, д-р филол. наук (Хабаровск)
Татьяна Геннадьевна Волошина, д-р филол. наук (Белгород)
Чжан Юй, ассистент (Москва)
Юлия Викторовна Донскова, канд. филол. наук (Москва)
Яна Андреевна Глебова, канд. филол. наук (Белгород)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Беспалова Е. А. Перифразы Петербурга в современной медиаречи : прагматический аспект / Е. А. Беспалова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 191—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-191-210.

Bespalova, E. A. (2025). Periphrases of St. Petersburg in Contemporary Media Discourse: A Pragmatic Perspective. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 191-210. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-191-210. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Перифразы Петербурга
в современной медиаречи:
прагматический аспект**

Беспалова Екатерина Анатольевна

orcid.org/0000-0001-7218-0635

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра теоретической
и прикладной лингвистики,
kbspalova@yandex.ru

Юго-Западный
государственный университет
(Курск, Россия)

**Periphrases of St. Petersburg
in Contemporary
Media Discourse:
A Pragmatic Perspective**

Ekaterina A. Bespalova

orcid.org/0000-0001-7218-0635

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Theoretical
and Applied Linguistics,
kbspalova@yandex.ru

Southwest State University
(Kursk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению особенностей употребления перифрастических номинаций Петербурга в современных медийных текстах, представленных в газетном корпусе Национального корпуса русского языка. Целью стало выявление актуальных значений и функциональных возможностей этих единиц в медиаречи. Актуальность исследования обусловлена его лингвопрагматической направленностью, важностью изучения топонимических перифраз как средства воздействия на читателя и значимого языкового ресурса журналиста. Показано, что образные номинации Петербурга активно используются в медиатекстах, помогая авторам обозначить локацию события, сформировать представление о городе, дать ему оценку, подчеркнуть нужные смыслы. Автор выявляет такие функции перифраз, как отсылка к исторической эпохе, средство поэтизации, положительной оценки, содержательной характеристики, оценки современных событий через исторические ассоциации; синонимическая замена топонима образным оборотом позволяет избежать повтора. В газетных текстах семантический объем топонимических перифраз варьируется, наблюдается наращивание значений, метафорические образы развиваются. Использование перифраз подтверждает актуальность для носителей языка темы сопоставления двух столиц. Описаны примеры построения каламбура с использованием перифраз Петербурга на основе омонимии, полисемии, антонимии компонентов высказывания, а также структурно-семантической трансформации перифрастического оборота.

Ключевые слова:

перифраза; Петербург; прагматика языковых единиц; медиатекст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the distinctive features of periphrastic nominations of St. Petersburg in modern media texts, as represented in the newspaper corpus of the Russian National Corpus. The study aims to identify the current meanings and functional capabilities of these units within media discourse. The relevance of this research is underscored by its linguo-pragmatic focus, emphasizing the importance of studying toponymic periphrases as a means of influencing readers and as a significant linguistic resource for journalists. It is demonstrated that figurative nominations of St. Petersburg are actively employed in media texts, assisting authors in marking the location of events, shaping perceptions of the city, providing evaluations, and highlighting necessary meanings. The author identifies several functions of periphrases, including references to historical epochs, means of poeticization, positive evaluation, substantive characterization, and assessing contemporary events through historical associations; the synonymous replacement of a toponym with a figurative expression allows for the avoidance of repetition. In newspaper texts, the semantic scope of toponymic periphrases varies, with an observable expansion of meanings and the development of metaphorical imagery. The use of periphrases confirms the relevance of the topic of comparing the two capitals for native speakers. Examples are provided illustrating the construction of puns using St. Petersburg periphrases based on homonymy, polysemy, antonymy of statement components, as well as structural-semantic transformations of periphrastic constructions.

Key words:

periphrase; St. Petersburg; pragmatics of linguistic units; media text.

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-191-210

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Перифразы Петербурга в современной медиаречи: прагматический аспект

© Беспалова Е. А., 2025

1. Введение = Introduction

Топонимикон страны, региона, города отражает их природные условия, особенности исторического и культурного развития, этнографическую специфику, «менталитет и особенности характера» населения [Калинина, 2020, с. 23], что в целом формирует «пространственную идентичность» [Крюков, 2011, с. 134] места.

Город как особое пространство, отличающееся своим культурным и бытовым укладом, который влияет на образ жизни и мировоззрение его жителей [Дегтярева и др., 2012, с. 21], привлекает внимание исследователей разных областей науки. Петербург является одним из важнейших «для российского национального сознания городов» [Кириченко, 2006, с. 108]. По замечанию В. Н. Топорова, ни об одном городе не написано столько, сколько о Петербурге; во многом такое внимание к *Северной столице* объясняется «силой “петербургского” эффекта на сознание» людей [Топоров, 2003, с. 9].

Будучи одним из «ключевых культурных концептов русской концептосферы» [Черняк, 2004, с. 139], Петербург стал предметом активной перифрастической номинации. Перифразы города, представляя собой результат вторичной номинации и средство выразительности, активно используются в языке СМИ, быстро реагирующем на социальные и культурные изменения.

Медиатекусты участвуют в формировании у читателей представлений о происходящих в обществе процессах, выполняя при этом «социально-релятивную функцию» и представляя собой уникальный объект изучения для лингвистов [Баско, с. 575]. Использование в медиаречи определенных языковых единиц обусловлено стремлением автора так или иначе интерпретировать события, сформировать их оценку. Топонимические перифразы в этом отношении имеют свою значимость, отвечая на пространствен-

ный вопрос журналистской триады «что? где? когда произошло?» и выполняя в тексте различные функции, помимо номинативной, что делает их исследование в прагматическом аспекте актуальным.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной работы является анализ функционирования перифраз Петербурга в современных медиатекстах для выявления тенденций предпочтения в выборе их носителями языка и установления актуальных значений, развивающихся в контекстах.

Топонимические перифразы, понимаемые нами как описательные обороты вторичной номинации, которые выступают в качестве экспрессивного средства выражения для обозначения географических объектов, привлекают интерес современных лингвистов, что можно объяснить их возросшей ролью в медиатекстах XXI века [СТП, 2022, с. 10].

С. В. Ганова обосновывает необходимость изучения топонимических наименований «в рамках антропоцентрического направления», подчеркивая, что «человек не мыслит себя вне пространства» и без исследований в этой области «представление о языковой картине мира будет неполным» [Ганова, 2012, с. 362]. Джоан Торт-Донада рассматривает топонимы как основу географической коммуникации, на примере Каталонии анализирует фундаментальные связи между регионом и его географическими названиями [Tort-Donada, 2022, p. 72].

Значительная часть исследований посвящена описанию топонимико-на Петербурга. Анализ топонимических наименований в петербургском тексте А. Блока свидетельствует о том, что обозначение города «включает в себя совокупность социально-значимых ассоциаций» [Топонимика ..., 2018, с. 511], обуславливающую специфику его семантики. Многие авторы отмечают такую особенность Петербурга, как «многоименность»: город, наряду с официальными полионимами, имеет ряд неофициальных перифрастических имен [Боброва, 2023, с. 165]. Данное ономазиологическое явление обозначается как *полиноминативность* [Там же] или *гетерониминативность* и подразумевает «возможность обозначить один объект несколькими именами» [Грехова, 2009, с. 207]. При этом каждая из перифраз относится к общему денотату, но указывает на какой-либо из характерных признаков Петербурга; совокупность же таких наименований дает разностороннее представление о городе и образует «семантико-стилистическую парадигму» топонима [Гукова и др., 2010, с. 135—136].

О. К. Кириченко, проведя анализ содержания концепта ПЕТЕРБУРГ в речевом обиходе города, отмечает, что оно включает такие составляющие части, как «своеобразие природного облика города, его высокий столич-

ный статус, значимость в культуре и истории страны» [Кириченко, 2005, с. 7]. В. Д. Черняк указывает на устойчивую связь в русском языковом сознании двух столиц [Черняк, 2022, с. 68], К. А. Елистратова пишет о противостоянии Петербурга и Москвы на протяжении трех веков и его языковом выражении [Елистратова, 2012, с. 68].

М. А. Сиривля подчеркивает важность изучения перифраз именно в медиаречи, где они выполняют особую роль в передаче намерений говорящего, его оценки происходящего, в отражении его «эмоционального состояния (негативного или позитивного)» [Сиривля, 2007, с. 14]. Медийные тексты, по замечанию Н. В. Баско, быстро реагируют на различные общественные трансформации и влияют на развитие языка, использование же в них перифраз помогает усилить «действенность высказывания или основной идеи публицистического текста» [Баско, 2018, с. 576].

Сказанное объясняет выбор в качестве материала исследования публикаций газетного корпуса Национального корпуса русского языка, который содержит актуальный языковой материал последних десятилетий [Беспалова и др., 2021, с. 33], включая 2023 год.

В состав анализируемых перифраз Петербурга вошли общепринятые топонимические номинации (13 единиц с количеством употреблений от 1 до 9127), отобранные из «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» [Тезаурус], «Словаря топонимических перифраз» [СТП], историко-этимологического словаря «Русская фразеология» [РФ] с учетом их актуальности в медиатекстах. Кроме рассматриваемых номинаций, ранее в отношении Петербурга использовались выражения *финансовая столица* и *криминальная столица*, однако современное речевое употребление свидетельствует об их неактуальности в языке СМИ: поисковые запросы по поводу использования определения *криминальная столица* отсылают к 90-м годам XX века, а под *финансовой столицей* понимаются разные экономически развитые города; в связи с этим названные перифразы в работе рассматриваться не будут.

В работе используются методы сплошной выборки, наблюдения, лексико-семантического, лингвостатистического и контекстуального анализа, классификации, систематизации данных.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Перифразы Петербурга могут быть исследованы в составе тематических групп, содержащих часть общей информации о городе. По этому признаку выделяем перифрастические обороты (далее — ПО), отражающие (1) историю города, (2) статусность города как столицы, (3) географические особенности, (4) специфику архитектуры и организации пространства.

3.1. Перифрастические обороты, связанные с историей Петербурга

Данная группа является наиболее обширной и объединяет два исторических пласта: этап основания города Петром I (*град Петров / Петра, град Святого Петра, Петра творенье, окно в Европу*) и период исторических потрясений 20 века (*колыбель революции, колыбель трех революций*).

Перифраза *город Святого Петра* (11; далее в скобках дается количество употреблений в газетном корпусе) содержит отсылку к имени небесного покровителя Петербурга. Для контекстов употребления данного ПО характерна актуализация значения компонента *Святой*: *...божественное покровительство у города святого Петра* [КП, 30.12.2009]. В другом случае подчеркивается глубинный смысл исторического названия в сопоставлении с советским онимом: *Долгие годы имя Ленина было идеологическим футляром для города Святого Петра* [Известия, 04.09.2001].

Три перифразы — *град Петров, Петра творенье, окно в Европу* — обязаны своим происхождением А. С. Пушкину, «первому открывателю смыслов» города, его сути и души, в чьих строках «впервые прозвучал отклик России на явление Петербурга» [Топоров, 2003, с. 5]. Помимо ассоциирования с «Медным всадником», эти выражения актуализируют у читателей представления об исторической эпохе Петра I, основании им города, завоевании выхода в Балтийское море, обустройстве новой столицы в европейском стиле.

Образная номинация *град Петров / Петра* (33) употребляется при описании особой атмосферы Петербурга в разговоре о Ф. М. Достоевском (*В граде Петра поневоле станешь мистиком* [Труд-7, 28.01.2005]) и при изложении исторического факта (*императрица ... жаловала герб «граду Петра»*) [ПГ, 2021.05.07]). ПО может сочетаться с другой перифразой в одном контексте (*в «граде Петра», который ... считается культурной столицей России* [Известия, 10.11.2019]) или расширять свой компонентный состав за счет эпитета (*славного града Петра* [СПВ, 05.09.1997]). Отмечаем пример игры слов, основанной на омонимии (*И град обрушился на град Петра* [СПВ, 20.09.1997]).

Перифраза *Петра творенье* (28) употребляется при описании благоустройства города Петром I в стилизованном контексте с положительной оценкой (*Справно работало Петра творенье. Не пожалел государь денег из казны: пригласил ... мастеров иноземных* [НГ, 21.04.1998]), а может выступать как иностилевой элемент при характеристике суровой действительности (*...потрясение, которое Петра творенье испытало в конце XX века* [Коммерсант, 15.05.2002]). Сочетание топонима, перифразы и отонимического прилагательного акцентирует внимание на петровской эпохе: *В Петербурге, который «Петра творенье», от петровских лет уцелел де-*

саяток зданий [Коммерсант, 10.05.2010]. Строчка из поэмы А. С. Пушкина, служащая источником перифразы, может использоваться в качестве названия спектакля или отправной точки для рекламного текста, в котором сочетаются полионимы города (*Люблю тебя, Петра творенье. Отправиться в Санкт-Петербург удобнее всего поездом ... более десятка составов отправляются в город на Неве* [АиФ, 2000.12.08]).

В медиатекстах встречаем примеры переадресации перифразы и буквализации значения (*Люблю их все, Петра творенья* [КП, 24.05.2013] — о фильмах Петра Тодоровского) и построения по модели ПО другого словосочетания (*таково «Петра творенье» ... на крови и костях Иванов* [НГ, 21.02.1997] — здесь антропоним *Иваны* используется в значении апеллатива). В одном из контекстов прием каламбура основан на трансформации структуры и семантики оборота: *Спасите! Да это же Петр творенья Цетрели* [НГ, 11.12.1997].

Считается, что А. С. Пушкин создал выражение *окно в Европу* на основе фразы итальянского путешественника и просветителя XVIII века Франческо Альгаротти: «Санкт-Петербург — это окно, через которое Россия смотрит ... на Европу» [Измайлов, 1978, с. 266]. Возводя город, Петр I разрушал «границу между варварством и цивилизацией, ... прокладывая путь сближения с европейской культурой» [Артамонов, 2020, с. 83], поэт же своей метафорой закрепил «в коллективной памяти ... восприятие петровских преобразований» [Там же, с. 79].

Перифраза *окно в Европу* (1082) частотна в медиатекстах. Она используется для обозначения самого города (*в Петербурге — городе, который называют окном в Европу* [Известия, 30.05.2014]) и открывшихся в связи с его строительством возможностей, среди которых стратегическое значение имел выход к морю (*Александр Третий понимал, что России мало одного окна в Европу в Петербурге* [Vesti.ru, 17.07.2010]). Перифраза выступает названием разных объектов: это кинофестиваль в Выборге (431), телепрограмма (9), выставка, ресторан.

В медиаречи семантический объем ПО варьируется. В значительной части контекстов идет речь о различных контактах с Европой, без прямой связи с Петербургом: так обозначается возможность вести дела с Европой (*Вена может выступить в качестве нового «окна в Европу» для России* [ПГ, 2018.06.04]), выход на европейский уровень в какой-либо сфере (*для «Краснодара» кубок России превращался в настоящее окно в Европу* [РБК Дейли, 17.04.2014]), возможность побывать в Европе (*турпоездки в Болгарию были чуть ли не единственным окном в Европу для советских граждан* [РИА Новости, 18.01.2008]). Область взаимодействия с Европой может конкретизироваться: железная дорога (*если бы Китай занялся про-*

быванием наземного окна в Европу... [Ведомости, 2017.05.14]), газопровод из России в Европу (*об «окне в Европу», под которым подразумевал газопровод NordStream* [РБК Дейли, 06.09.2011]), вывод денег за рубеж (*Окно в Европу... вывод капитала за рубеж* [Коммерсант, 26.09.2011]), европейские традиции и сюжеты в культуре (*без «окна в Европу» [выставка] получилась бы более «руссофильской»* [Известия, 17.04.2019]). Противоположной тенденцией выступает сужение заложенного в перифразе значения до масштаба одной европейской сети магазинов (*«окно в Европу» уже прорубала сеть магазинов Le Futur* [РБК Дейли, 24.08.2011]) или даже грузового порта в Петербурге (*Новое окно в Европу откроют в сентябре* [Vesti.ru, 18.06.2015]).

Петровские реформы воспринимались как *окно*, «открывающее пространство прогресса» для российского общества [Артамонов, 2020, с. 80], и уже в XVIII—XIX веках в русской культуре для их обозначения использовались образы *глаза, ока, завесы, дверей, врат* [Там же, с. 84—87]. В соответствии с этой традицией образное основание перифразы активно трансформируется в газетных текстах. ПО реализует богатый синтагматический потенциал, что дает возможность обозначить разные варианты взаимодействия между странами: во многих контекстах *окно в Европу* сочетается, помимо соотносящихся с изначальной идеей *рубить / прорубить, вырубить, открыть* и их форм, с глаголами *закрывать, прикрывать, пробить* (о футболистах), *распахивать, проламывать заколотить, захлопнуть, сузить, зарешетить*, в разной степени указывающими на ограничение взаимодействия между Россией и Европой.

Зачастую по модели ПО строится сопоставительная конструкция, в состав которой входит лексема со значением открывающейся части стены здания. Образным основанием для сравнения может служить «проем» большего размера, чем *окно*, тогда в сравнительной части идет речь о том, что превосходит по значимости деяние Петра: это могут быть *ворота* (*Если Санкт-Петербург — окно в Европу, то Дальний Восток России — ворота в мир* [Коммерсант, 27.09.2007]), *дверь* (*Если Петр и прорубил «окно в Европу», то Екатерина II «распахнула дверь» в Черное море* [Vesti.ru, 19.04.2008]). В другом случае, когда объект сравнения уступает *окну*, значимость *окна в Европу* возрастает: объектом может выступать *форточка* (*Если Петербург — это окно в Европу, то Вологда — форточка* [Известия, 25.07.2012]), *ставни* (*Большой театр прикроет «окно в Европу» или... открывает «ставни в Россию»* [Известия, 18.09.2013]) — про отказ принимать нескольких приглашенных артистов), *дыра* (*Если Петр I в свое время прорубил окно в Европу, то сейчас оно превратилось в дыру, через которую утекает богатство нашей страны* [Коммерсант, 04.03.2007]).

Расширение компонентного состава перифразы позволяет ей развивать новые смыслы. В медиаречи частотно выражение *трансферное окно в Европе* (75), служащее для обозначения периода, когда в европейских клубах футболисты переходят из одного клуба в другой. Отмечены и другие значения: *окно в Европу* определяется как *театральное* (о спектаклях Петербурга в Европе); *балканское, безразмерное* — о мигрантах; *рублевое, валютнообменное, сельскохозяйственное, воздушное, дипломатическое*. В одном из контекстов дается новая (на тот момент) характеристика Петербурга, отражающая факт переезда в город «Газпрома»: *...историческое окно в Европу будет окном газовым* [«Vesti.ru, 08.07.2011].

В медиатекстах находим примеры переосмысления ПО в ироническом контексте (*Здесь у нас теперь «окно в Европу», — показывает ... на огромную дыру в стене* (КП, 25.07.2008)) и игры слов на основе полисемии (*художник, прорубивший окно в Европу, показывает серию своих окон* [Vesti.ru, 17.06.2010]).

Колыбель революции (48) — идеологема советского периода, один из примеров того, как политика влияла «на формирование топонимикона многих стран» [Крюков, 2011, с. 135]. Ее использование может быть связано с породившей ее прецедентной ситуацией (*колыбель революции Питер встречает юбилей Октября* [Труд-7, 07.11.2007]) или с современными событиями, вызывающими исторические ассоциации (*Питер может снова стать колыбелью революции* [НР 2, 07.07.2005]).

ПО употребляется в газетных текстах как синонимическая замена топонима (*рождаемость в «колыбели революции» упала до минимума в октябре 1942 года* [ПГ, 2014.01.30]), в сочетании с ним (*Питер — это «колыбель» революции* [АиФ, 1992.11.04]) или с другой перифразой (*Город на Неве — колыбель революции* [Ведомости, 2017.02.17]).

В одном из контекстов отмечаем развитие семантики образной номинации: Петербург рассматривается как *колыбель рок-революции* (*Когда говорят, что Санкт-Петербург — это колыбель революций, подразумевают еще и ту, которую произвели в начале 80-х рок-подпольщики* [АиФ, 2003.05.28]). Однако общей тенденцией является использование перифразы для обозначения любого места (*провинция, город, регион, площадь*) в мире, где произошла революция: *В провинции Гарбия, считающейся колыбелью «революции 25 января»* [КП, 28.11.2012] и др.

Колыбель трех революций (11) соотносится по структуре и содержанию с предыдущей перифразой, указывая на революции 1905—1907 и 1917 годов. Соответственно, ПО используется при упоминании годовщины переворота 1917 года (*7 октября подарил Санкт-Петербургу — колыбели трех революций — прекрасное с морозцем утро* [НГ, 08.10.1998]) и

как характеристика общественно-политической современной ситуации (*Колыбель трех революций... вновь обретает в России славу столицы забастовок и стачек* [КП, 30.04.2007]). Привлекает внимание употребление перифразы в материале о юбилейных младенцах в роддомах, названном «*Три младенца в колыбели трех революций*»: здесь сочетание счетных оборотов с числительным *три* усилено многозначным образом *колыбели*.

3.2. Образные номинации, подчеркивающие статусность Петербурга как столицы

Компонент *столица*, активно используемый при перифрастической номинации города, отражает его историческое прошлое (являлся *столицей* Российской империи на протяжении трех столетий) и «подчеркивает высокий статус Петербурга в жизни современной России наравне с Москвой» [Кириченко, 2005, с. 14]. Частотность такого обозначения связана и с активным использованием в языке СМИ лексемы *столица* в переносном значении (как обозначения города, являющегося центром чего-либо): это позволяет актуализировать «значимые для социума смыслы» [Дуреко, 2012, с. 79]. Названные тенденции отражены в употреблении перифраз *культурная столица* (1089), *северная столица* (9127), *трамвайная столица* (2).

Замечено, что «впервые *культурной столицей* Петербург назвал первый президент России Борис Ельцин, когда передал московскому телеканалу «Культура» «кнопку» Центрального телевидения Санкт-Петербурга» [*Культурный гид ...*]. Еще ранее, с 1985 года, по инициативе Евросоюза избиралась «Культурная столица Европы» (с 2000 года — два и более городов). Активному распространению перифразы способствовали также проекты «Культурная столица Содружества» и «Культурная столица России».

В медиатекстах отразился процесс закрепления за Петербургом неофициальных наименований (*В лихие 90-е Петербург окрестили сначала криминальной столицей России, затем он получил неофициальный статус культурной столицы* [ПГ, 2018.03.10]), сформировалось отношение к городу в настоящее время (*Большинство россиян считают Санкт-Петербург культурной столицей страны* [lenta.ru, 25.03.2019]).

Сочетание в одном контексте нескольких перифраз подчеркивает семантическую значимость каждой: *В «граде Петра», который ... считается культурной столицей России, было решено проводить и Культурный форум* [Известия, 10.11.2019] — *Град Петра* указывает на исторический факт, *культурная столица* объясняет выбор локации для форума.

Медиатексты показывают актуальность для носителей языка темы сопоставления Москвы и Петербурга. В газетном корпусе представлено несколько позиций по этому вопросу: Петербург называется *культурной столицей* в отличие от *столицы* страны Москвы (*...в Москве или культурной*

столице Санкт-Петербурге [КП, 19.12.2012]); высказывается противоположное мнение (*Москва — культурная столица на 350 процентов. Ленинград — периферия!* [lenta.ru, 11.02.2015]); утверждается их равенство (*Так исторически сложилось, что у нас две культурные столицы* [Известия, 01.05.2013]); также оба города признаются *культурными столицами мира*.

Петербург ставится в один ряд с другими культурными столицами: *Петербург... Но и Венеция тоже культурная столица* [lenta.ru, 13.08.2016]. Перифраза используется в текстах для создания каламбура из сочетания однокоренных антонимов (*Некультурное мероприятие в культурной столице* [Vesti.ru, 01.07.2020]) или лексем (*курулировать нашу культуру будет культурная столица России* [Известия, 15.04.2014]).

В медиаречи перифраза широко используется для обозначения других городов. Это может быть связано с предшествующими эпохами в истории (*Новгород был социально-политической и культурной столицей Руси* [lenta.ru, 09.04.2017]). Но чаще такое употребление обусловлено желанием подчеркнуть культурную значимость в наши дни региона (о Якутске: *культурная столица Арктики* [lenta.ru, 28.11.2019]), страны (*Дрезден считается культурной столицей Германии* [lenta.ru, 05.07.2019]), а также Европы (*Оулу, Савонлинна и Тампере борются за звание культурной столицы Европы 2026 года* [РИА Новости, 22.12.2020]). Город может превращаться в культурную столицу в связи с происходящим в нем событием (*Оленегорск на несколько дней превратится в культурную столицу Мурманской области* [lenta.ru, 13.01.2017] и др.) или благодаря умелому руководству в течение определенного времени (*Марат Гельман, превращавший при Чиркунове Пермь в культурную столицу* [Ведомости, 2014.05.29]).

Северная столица (9127) выступает наиболее частотной перифразой Петербурга в газетном корпусе. Содержащие ее контексты указывают на исторические факты (*За свою историю Северная столица носила несколько имён* [ПГ, 2021.01.26]) и место в современном мире (*круглый стол «Мода на Петербург. Северная столица: стиль в политике и бизнесе»* [Коммерсант, 24.10.2001]).

ПО наиболее часто встречается в сочетании с лексемами *губернатор, власти, жители, гости*. Расширение компонентного состава оборота за счет введения определений позволяет детализировать описание Петербурга: *Северная столица в медиаречи российская* (8), *зимняя* (2), *5-миллионная* (2), *блокадная, славная*.

При сопоставлении с Москвой оба города могут быть номинированы перифрастически: *Северная столица издавна соперничает с белокаменной* [КП, 19.07.2005]. В одном из контекстов названа языковая причина соперничества (*Устойчивые словосочетания «северная столица», «культурная*

столица» ... оказались настолько сильными символически, что просто обязывали ленинградцев / петербуржцев конкурировать с Москвой [НР 2, 28.04.2006]), в других показаны его проявления в разных сферах (Северная столица обогнала Москву на два пункта (рейтинг по качеству жизни) [Vesti.ru, 24.02.2011]; Очевидно желание Москвы дать фору северной столице [У Москвы будет свой Петергоф // Vesti.ru, 15.10.20030] и др.).

Перифраза активно используется как часть наименования различных объектов (управляющая компания петербургского аэропорта Пулково «ООО «Воздушные ворота Северной столицы» (249), документальный фильм «Женщины северной столицы» (5) и др.) и как его полный вариант (названия бизнес-центра (24), политического объединения (10), филиала банка (8), газеты (5), радио и др.).

Перифраза многократно используется для обозначения других северных городов, в таком случае на первый план выдвигается географический фактор, а не столичный статус: так названы *Алеппо* (12) в Сирии, *Александрия* (8) в Египте, *Салоники* (6) в Греции, *Милан* (4) в Италии и др.

ПО *трамвайная столица* (2) указывает на специфику транспортной инфраструктуры города: *К 1917 году общая протяженность трамвайных путей в Петербурге составила 200 километров, ... что позволило городу считаться «трамвайной столицей» всего мира* [ПГ, 2019.09.29].

3.3. Описательные названия Петербурга, отражающие его географические особенности

Специфика местоположения Петербурга нашла отражение в ПО *город на Неве* и *город белых ночей*; такой «тип перифраз основан на родовых понятиях географического объекта» [Баско, 2018, с. 578]: опорный компонент *город* выступает родовым понятием по отношению к Петербургу, а зависимый называет отличительный признак.

Топонимическая перифраза *город на Неве* (2088) указывает на основную водную магистраль города Неву, дельта которой, ее рукава и каналы образуют узнаваемый всеми облик города на островах, рождающий ассоциации с Венецией: *...сходство Венеции и города на Неве, в котором Бродский мечтал о Венеции* [Vesti.ru, 25.05.2010]. В медиатекстах *город на Неве* наделяется эпитетами *прекрасный, аристократический, замечательный, блистательный, родной*.

Контексты употребления перифразы содержат много фактов об истории города (*Прокладку каждой новой улицы города на Неве царь утверждал лично* [ПГ, 2020.09.12]), его переименованиях (*после смерти Владимира Ленина город на Неве был назван Ленинградом* [ПГ, 2021.06.12]), военном прошлом (*Несгибаемой волей блокадников выковано настоящее и будущее города на Неве* [ПГ, 2021.09.08]), переустройстве (*Развитие*

трамвайного движения в городе на Неве потребовало реконструкции улиц и укрепления мостов [ПГ, 2021.09.29]).

В газетных текстах используется сочетание перифраз при описании Петербурга (*В городе на Неве отмечали ... 300 лет со дня основания Северной столицы* [ПГ, 2020.05.25]), сопоставлении его с Москвой (*имперский город на Неве ... торжествует над первопрестольной* [НГ, 2000.10.02]) и с Севастополем (*[поезда] между городом на Неве и городом русских моряков* [ПГ, 2019.11.08]).

С употреблением данной перифразы связаны два факта, не встречавшихся ранее при анализе: это пример словопроизводства (*Солженицын предлагал дать городу на Неве имя Невозград* [Vesti.ru, 12.06.2011]) и случай, фиксирующий процесс устаревания топонима *Ленинград*, переход его в пассивный словарный запас (...*утверждения, что Ленинград — это не город на Неве, а группа Сергея Шнурова, и прочие «перлы»*) [РБК Daily, 09.06.2004] — речь идет о сочинениях школьников на ЕГЭ).

ПО *город белых ночей* (2), несмотря на его символичность, встречается в медиатекстах редко: «*Сокол летит в город белых ночей* [Труд-7, 21.07.2000].

3.4. Перифразы, указывающие на специфику организации пространства в Петербурге и его архитектуры

Данная группа перифраз представлена оборотами, включающими в состав компонент-ойконим: *Северная Пальмира, Северная Венеция*; в некоторых медиатекстах значение данных ойконимов актуализируется.

Перифрастическая номинация *Северная Пальмира* (285) основана на сходстве Петербурга и сирийского города: Пальмира была основана Соломоном «в оазисе бесплодной пустыни», Санкт-Петербург — «на пустынных невских берегах», оба города славились «великолепием своих архитектурных памятников», и их сравнению было положено начало уже в XVIII веке [РФ, 2005, с. 514], что отражено в медиатекстах: *Санкт-Петербург поэтически называют Северной Пальмирой* [ПГ, 2016.03.27].

Перифраза используется в качестве синонимической замены топонима (...*контраст красоты Северной Пальмиры с обилием бытовых проблем* [Труд-7, 23.09.2006]), в сочетании с ним (*Дело было в Петербурге на третий день снегопада, превратившего Северную Пальмиру в блокадный Ленинград* [Коммерсант, 25.01.2010] — актуализируется устоявшийся исторический облик) и другими перифразами (*300 лет стоит на Неве Петров град... «Северная Пальмира» — часто называют его, а еще — «культурная столица»* [Труд-7, 23.07.2003] — названы три разные характеристики города).

Сопоставление с Москвой подчеркивает несуетливость города (*В будни Северная Пальмира выглядит, как Москва в субботу* [Труд-7, 23.05.2003]), совершенство архитектуры (*Что мы... можем предложить туристам?*

Неповторимый архитектурный стиль, как в Северной Пальмире? [АиФ, 2002.05.29]), литературные способности жителей (...*литературные обитатели северной Пальмиры в очередной раз доказали, что у них с фантазией дела обстоят куда лучше, чем у москвичей* [Известия, 07.11.2001]).

Северная Пальмира выступает в качестве названия различных мероприятий (премия, конкурс фотографии, концерт) и объектов (поезд, отель, туристическая фирма, общественный фонд, кооператив).

ПО *Северная Венеция* (105) подчеркивает схожесть Петербурга с итальянским городом, построенным на островах и испещренным водными артериями: *Северная Венеция, так как он расположен на 42 островах, 99 каналах и притоках Невы* [ПГ, 2019.09.06]. В газетных текстах проводится сравнение городов (*Северная Венеция, а катеров и теплоходов ... ходит меньше, чем по Венеции «настоящей»* [ПГ, 2017.11.02]), они упоминаются на равных (*В Северной Венеции показывается то, что достойно внимания и в самой Венеции* [Ведомости, 2016.06.30]), их связывает фигура И. Бродского (*связь между Венецией... и поэтом, рожденным в ... Северной Венеции* [РИА Новости, 24.05.2010]); топоним получает антонимичное определение в соответствии с моделью перифразы (*Северная Венеция участвовала в празднике Венеции южной* [Известия, 25.12.2003]).

Употребление в одном контексте перифразы и топонима выполняет уточняющую функцию (*часть съемок планирует провести в Северной Венеции, то есть в Санкт-Петербурге* [Известия, 20.06.2012]), а сочетание нескольких перифраз усиливает признак (*Северная Венеция, морской фасад России и он же город на Неве* [Коммерсант, 28.06.2010] — акцентируется «водная» характеристика города)).

Сравнение города с Венецией не является общепринятым: *Есть несправедливость в том, что Санкт-Петербург называют Северной Венецией. Ведь это Амстердам ... вдохновил Петра Первого на строительство* [Vestigi, 20.06.2009]. Кроме того, Амстердам — один из городов, которые удостоились быть названными *Северной Венецией*; к их числу также относятся Стокгольм, Брюгге и Ярославль по случаю затопления города после ливня.

Как и другие петербургские перифразы, *Северная Венеция* активно используется в качестве названия различных объектов (парк культуры, завод, ресторан, компания, мороженое и др.).

4. Заключение= Conclusions

Материалы газетного корпуса свидетельствуют о том, что перифразы Петербурга активно используются носителями языка. Наиболее частотны среди них *Северная столица, город на Неве, культурная столица, окно в Европу*, редко используются *город белых ночей, трамвайная столица*.

Расширение компонентного состава оборота путем введения определения позволяет детализировать описание Петербурга (*аристократический город на Неве*). Сочетание в одном контексте топонима и перифразы может решать задачу уточнения значения или усиления признака, концентрация же оборотов дает возможность охарактеризовать город с разных сторон.

Перифрастические номинации Петербурга выполняют в медиатекстах различные функции: отсылают к исторической эпохе Петра I (*град Петра*), выступают средством поэтизации города (*Петра творенье*), его положительной оценки (*культурная столица*), содержательной характеристики (*трамвайная столица*), дают оценку современных событий через исторические ассоциации (*колыбель революции*), в целом помогают избежать повтора посредством синонимической замены топонима.

Семантический объем перифраз может расширяться или сужаться по сравнению с исходным, образное основание метафоры — трансформироваться (*окно в Европу*). Медиаречь отражает утилитарное назначение номинаций: они активно используются в качестве наименования самых различных объектов. В газетных текстах наблюдается развитие новых смыслов образных номинаций на основе переадресации (*Петра творенья* — о фильмах П. Тодоровского) или уточнения семантики одного из компонентов (*колыбель революции* — о рок-подполье); зафиксирован пример словотворчества на перифрастической основе (*город на Неве — Невоград*).

Характерной особенностью топонимических перифраз в медиатекстах является их многозначность: для обозначения различных мест используются обороты *колыбель революции*, *культурная столица*, *Северная столица*. Газетный корпус показывает, что традиционная тема сопоставления Москвы и Петербурга остается актуальной для носителей языка и отражается в перифрастических номинациях.

Перифразы Петербурга используются при создании каламбура с использованием возможностей омонимии (*Град обрушился на Град Петра*), полисемии (*Три младенца в Колыбели трех революций*), антонимии (*Некультурное мероприятие в Культурной столице*), структурно-семантической трансформации оборота (*Петр творенья Церетели*).

Перечисленные особенности использования перифраз Петербурга в медийных текстах позволяют их авторам сформировать представление читателей о городе при обозначении локации события, а с точки зрения лингвистики — пополняют данные о прагматике языковых единиц.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АиФ — *Аргументы и факты* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).
2. *Ведомости* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).
3. *Известия* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).
4. *Коммерсант* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).
5. КП — *Комсомольская правда* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).
6. *Культурный гид по Санкт-Петербургу* [Электронный ресурс] // Культура.РФ // https://www.culture.ru/s/s_peterburg/discover_peterburg/ (дата обращения 31.01.2025).
7. НГ — *Независимая газета* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).
8. НР 2 — *Новый регион 2* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).
9. ПГ — *Парламентская газета* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).
9. РФ — *Бирих А. К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Москва : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. — 926 с. — ISBN 5-17-029253-8.
10. *РБК / РБК Дейли* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).
11. *РИА Новости* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).
12. СПВ — *Санкт-Петербургские ведомости* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).
13. СТП — *Морозов М. А.* Словарь топонимических перифраз : названия российских городов (на материале современной публицистики) / М. А. Морозов, Н. Е. Якименко. — Санкт-Петербург : Алетей, 2022. — 186 с. — ISBN 978-5-00165-489-6.
14. *Тезаурус* — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — Москва : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. — 1135 с. — ISBN 978-5-98986-143-9.
15. *Труд-7* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).
16. *Lenta.ru* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).
17. *Vesti.ru* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 31.01.2025).

Литература

1. *Артамонов Д. С.* «Окно в Европу» в культурной памяти : метаморфозы фронтальной метафоры / Д. С. Артамонов // Журнал фронтирных исследований. — 2020. — Т. 5. — № 2 (18). — С. 78—91. — DOI: 10.46539/jfs.v5i2.204.

2. *Баско Н. В.* Современный медиатекст в аспекте культурологии : образные наименования географических объектов / Н. В. Баско // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 37. — № 4. — С. 573—582. — DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-4-573-582.

3. *Беспалова Е. А.* Библиейские фразеологизмы с антропонимическим компонентом в современных медиатекстах / Е. А. Беспалова, А. В. Ельниковца // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 29—42. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-29-42.

4. *Боброва М. В.* Особенности функционирования современных полионимов г. Санкт-Петербурга / М. В. Боброва // Ономастика Поволжья : Материалы XXI Международной научной конференции, Рязань, 03—05 октября 2023 года. — Рязань, 2023. — С. 165—169.

5. *Ганова С. В.* Концептуализация ойконимов / С. В. Ганова // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 1 (32). — С. 362—365.

6. *Грехнева Л. В.* Особенности перифрастической номинации / Л. В. Грехнева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2009. — № 6—2. — С. 207—210.

7. *Гукова Л. Н.* Семантико-стилистическая парадигма топонима : постановка вопроса / Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина // Мова. — 2010. — № 15. — С. 131—138.

8. *Дегтярева Е. О.* Кодифицирующая и конспирирующая функции субстантивных метафорических словосочетаний в поэзии Серебряного века (на материале семантического поля «город») / Е. О. Дегтярева, Е. О. Духовнова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2012. — № 5. — С. 20—24.

9. *Дуреко Е. Ю.* Медиаконцепт «столица» и его варьирование в журналистском дискурсе / Е. Ю. Дуреко // Известия Уральского федерального университета. Серия 1 : Проблемы образования, науки и культуры. — 2012. — Т. 101. — № 2. — С. 77—83.

10. *Елистратова К. А.* Лексическая объективация топонимических логоэпистем «Москва» vs. «Петербург» в современном поэтическом дискурсе (на материале текстов В. Полозковой и Е. Фанайловой) / К. А. Елистратова // Череповецкие научные чтения. — 2012. — Ч. 1. — С. 68—70.

11. *Измайлов Н. В.* Примечания к тексту поэмы «Медный всадник» / А. С. Пушкин // Медный всадник. — Ленинград : Наука, 1978. — С. 266—270.

12. *Калинина С. А.* Топонимические фразеологизмы современного английского языка как знаки материальной и духовной культуры / С. А. Калинина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2020. — № 4 (210). — С. 23—29. — DOI: 10.23951/1609-624X-2020-4-23-29.

13. *Кириченко О. К.* Город на Неве, город белых ночей, культурная столица... / О. К. Кириченко // Мир русского слова. — 2006. — № 2. — С. 108—112.

14. *Кириченко О. К.* Концепт «Петербург» в речевом обиходе города : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. К. Кириченко. — Санкт-Петербург, 2005. — 20 с.

15. *Крюков П. А.* Роль экстралингвистического фактора в формировании немецкого топонимикона (на примере идеологической компоненты в северной и восточной германии в период с 1933 по 1990-е гг.) / П. А. Крюков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2011. — № 6. — С. 133—138.

16. *Сиривля М. А.* Перифраз как экспрессивное средство языка газеты (семантико-прагматический аспект) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. А. Сиривля. — Челябинск, 2007. — 23 с.

17. *Топонимика* Петербурга Александра Блока / Л. Н. Авдонина, Т. А. Гордеева, Н. Н. Таньков, А. О. Булатова // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 2 (69). — С. 510—513.

18. *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы : Избранные труды / В. Н. Топоров. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2003. — 612 с. — ISBN 5210015459.

19. *Черняк В. Д.* Концепт «Петербург» в современном политическом дискурсе / В. Д. Черняк // Лингвистика. Бюллетень уральского лингвистического общества. — 2004. — № 12. — С. 139—148.

20. *Черняк В. Д.* Образ Петербурга в тезаурусе языковой личности / В. Д. Черняк // Язык и культура. — 2022. — С. 62—69. — DOI: 10.33580/9785001289425_62.

21. *Tort-Donada J.* Toponymy as a tool for the geographical interpretation of the region : some methodological foundations / J. Tort-Donada // European Cartographic Conference. — 2022. — 19—21 September. — Pp. 71—79. — DOI: https://doi.org/10.5194/ica-abs-5-150-2022_

Статья поступила в редакцию 31.01.2025,
одобрена после рецензирования 29.04.2025,
подготовлена к публикации 18.05.2025.

Material resources

AiF — Arguments and facts. *Newspaper corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).

Cultural guide to St. Petersburg. *Culture.Russian Federation*. Available at: https://www.culture.ru/s/s_peterburg/discover_peterburg/ (accessed 31.01.2025). (In Russ.).

HP 2 — New region 2. *Newspaper building of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).

Izvestia. *Russian Language Newspaper Building*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).

Kommersant. *Newspaper corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).

KP — Komsomolskaya Pravda. *Newspaper corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).

Lenta.ru. *Newspaper corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).

NG — Nezavisimaya gazeta. *Newspaper building of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).

PG — Parliamentary newspaper. *Newspaper building of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).

RBC — RBC Daily. *Newspaper corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).

RF — Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. I. (2005). *Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: about 6000 phraseological units*. Moscow: Astrel: AST: Lux. 926 p. ISBN 5-17-029253-8. (In Russ.).

RIA Novosti. *Newspaper Corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).

SPV — St. Petersburg Vedomosti. *Newspaper corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).

- STP — Morozov, M. A., Yakimenko, N. E. (2022). *Dictionary of toponymic peripherals: names of Russian cities (based on the material of modern journalism)*. St. Petersburg: Alethea. 186 p. ISBN 978-5-00165-489-6. (In Russ.).
- Thesaurus — Baranov, A. N. (ed.). *Dictionary-thesaurus of modern Russian idiomatics*. Moscow: World of Avanta Encyclopedias+. 1135 p. ISBN 978-5-98986-143-9. (In Russ.).
- Trud-7. *Newspaper corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).
- Vedomosti. *Newspaper corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).
- Vesti.ru. *Newspaper corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpора.ru/results?search> (accessed 31.01.2025). (In Russ.).

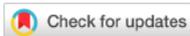
References

- Artamonov, D. S. (2020). “Window to Europe” in cultural memory: metamorphoses of frontier metaphor. *Journal of Frontier Studies*, 5 / 2 (18): 78—91. DOI: 10.46539/jfs.v5i2.204. (In Russ.).
- Basko, N. V. (2018). Modern media text in the aspect of cultural studies: figurative names of geographical objects. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities*, 37 (4): 573—582. DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-4-573-582. (In Russ.).
- Bespalova, E. A., Elnikova, A. V. (2021). Biblical Phraseological Units with an Anthroponym in Modern Media Texts. *Nauchnyi dialog*, 6: 29—42. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-29-42>. (In Russ.).
- Bobrova, M. V. (2023). Features of the functioning of modern polionyms of St. Petersburg. *Onomastics of the Volga region: Proceedings of the XXI International Scientific Conference*. 165—169. (In Russ.).
- Chernyak, V. D. (2004). The concept of “Petersburg” in modern political discourse. *Linguistics. Bulletin of the Ural Linguistic Society*, 12: 139—148. (In Russ.).
- Chernyak, V. D. (2022). The image of St. Petersburg in the thesaurus of linguistic personality. *Language and culture*. 62—69. DOI: 10.33580/9785001289425_62. (In Russ.).
- Degtyareva, E. O. (2012). Coding and conspiratorial functions of substantive metaphorical phrases in poetry of the Silver Age (based on the semantic field “city”). *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 5: 20—24. (In Russ.).
- Dureko, E. Y. (2012). The media concept “capital” and its variation in journalistic discourse. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture*, 101 (2): 77—83. (In Russ.).
- Elistratova, K. A. (2012). Lexical objectification of toponymic logoepestisms “Moscow” vs. “Petersburg” in modern poetic discourse (based on texts by V. Polozkova and E. Fainilova). *Cherepovets scientific readings*, 1: 68—70. (In Russ.).
- Ganova, S. V. (2012). Conceptualization of oikonoms. *The world of science, culture, and education*, 1 (32): 362—365. (In Russ.).
- Grekhneva, L. V. (2009). Features of peripheral nomination. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, 6—2: 207—210. (In Russ.).
- Gukova, L. N. (2010). Semantic and stylistic paradigm of a toponym: posing a question. *Mov*, 15: 131—138. (In Russ.).

- Izmailov, N. V. (1978). Notes to the text of the poem “The Bronze Horseman”. In: *The Bronze Horseman*. Leningrad: Nauka Publ. 266—270. (In Russ.).
- Kalinina, S. A. (2020). Toponymic phraseological units of modern English as signs of material and spiritual culture. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 4 (210): 23—29. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-4-23-29. (In Russ.).
- Kirichenko, O. K. (2005). *The concept of “Petersburg” in the speech usage of the city*. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 20 p. (In Russ.).
- Kirichenko, O. K. (2006). The city on the Neva, the city of white nights, the cultural capital... *The world of the Russian word*, 2: 108—112. (In Russ.).
- Kryukov, P. A. (2011). The role of the extralinguistic factor in the formation of the German toponymicon (on the example of the ideological component in northern and eastern Germany in the period from 1933 to the 1990s). *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 6: 133—138. (In Russ.).
- Sirivlya, M. A. (2007). *Periphrasis as an expressive means of newspaper language (semantic and pragmatic aspect)*. Author’s abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 23 p. (In Russ.).
- Toponymy of Alexander Blok’s Petersburg. (2018). *The world of science, culture, and education*, 2 (69): 510—513. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (2003). *The Petersburg text of Russian literature: Selected works*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. 612 p. ISBN 5210015459. (In Russ.).
- Tort-Donada, J. (2022). Toponymy as a tool for the geographical interpretation of the region: some methodological foundations. *European Cartographic Conference*. 71—79. DOI: <https://doi.org/10.5194/ica-abs-5-150-2022>.

*The article was submitted 31.01.2025;
approved after reviewing 29.04.2025;
accepted for publication 18.05.2025.*

Информация для цитирования:

Волошина Т. Г. Языковая креолизация в современном англоязычном нигерийском медиадискурсе / Т. Г. Волошина, Я. А. Глебова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 211—230. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-211-230.

Voloshina, T. G., Glebova, Ya. A. (2025). Language Creolization in Contemporary English-Language Nigerian Media Discourse. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 211-230. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-211-230. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Языковая креолизация
в современном
англоязычном
нигерийском
медиадискурсе**

Волошина Татьяна Геннадьевна

orcid.org/0000-0002-6839-9631
доктор филологических наук,
профессор кафедры второго
иностранного языка,
корреспондирующий автор
tatianavoloshina@rambler.ru

Глебова Яна Андреевна

orcid.org/0000-0002-3604-8191
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романо-германской
филологии и межкультурной
коммуникации
glebova_ya@bsuedu.ru

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
(Белгород, Россия)

**Language Creolization
in Contemporary
English-Language
Nigerian Media Discourse**

Tatiana G. Voloshina

orcid.org/0000-0002-6839-9631
Doctor of Philology, Professor,
Department of the Second
Foreign Language,
corresponding author
tatianavoloshina@rambler.ru

Yana A. Glebova

orcid.org/0000-0002-3604-8191
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Romano-Germanic
Philology and
Intercultural Communication
glebova_ya@bsuedu.ru

Belgorod State
National Research University
(Belgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен анализ актуального состояния нигерийского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиапространстве. Целью статьи стало выявление степени креолизации английского языка на уровне фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса в англоязычной нигерийской онлайн газете «Punch». Установлены уникальные свойства англоязычного нигерийского медиадискурса: ограниченный перечень рубрик и объем публикаций, превалирование статей аналитического и информационного жанров, креолизация английского языка. Доказано, что креолизация на фонетическом уровне связана с такими высокопродуктивными трансформационными процессами, как ассимиляция и эпентеза. Установлено, что морфологическая креолизация проявляется в виде отклонения от нормы при образовании видовременных форм глагола, при переводе предложений из прямой речи в косвенную, опущении предлогов. Сообщается, что лексическая креолизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе связана с высокочастотными заимствованиями из европейских и местных языков, а также адаптацией фразеологизмов к особенностям местных языков и культур. Утверждается, что синтаксическая креолизация английского языка проявляется в виде инверсированного порядка слов в предложениях.

Ключевые слова:

креолизация английского языка; англоязычный нигерийский медиадискурс; фонетическая креолизация; морфологическая креолизация; лексическая креолизация; синтаксическая креолизация; интерференция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes the current state of the Nigerian variety of English within the English-language media landscape of Nigeria. The primary objective of the article is to assess the degree of creolization of the English language at the phonetic, morphological, lexical, and syntactic levels in the Nigerian online newspaper “Punch.” Unique characteristics of English-language Nigerian media discourse are identified, including a limited range of topics and publication volume, a predominance of analytical and informational article genres, and the creolization of English. It is demonstrated that phonetic creolization is associated with highly productive transformational processes such as assimilation and epenthesis. Morphological creolization is observed through deviations from standard norms in the formation of tense aspects of verbs, the conversion of direct speech into indirect speech, and the omission of prepositions. The article reports that lexical creolization in English-language Nigerian media discourse is linked to frequent borrowings from both European and local languages, as well as the adaptation of idiomatic expressions to local linguistic and cultural contexts. It is asserted that syntactic creolization manifests as inverted word order in sentences.

Key words:

creolization of English; English-language Nigerian media discourse; phonetic creolization; morphological creolization; lexical creolization; syntactic creolization; interference.

УДК 81'282.8:004.738.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-211-230

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Языковая креолизация в современном англоязычном нигерийском медиадискурсе

© Волошина Т. Г., Глебова Я. А., 2025

1. Введение = Introduction

Вопросы контактного взаимодействия неблизкородственных языков и культур в условиях глобализации продолжают привлекать интерес исследователей междисциплинарного профиля. Английский язык в настоящее время приобрел статус средства глобальной коммуникации во многих сферах, включая СМИ. Именно СМИ обладают возможностью в кратчайший период доставить сведения и факты различного рода читателям и слушателям. В современном мировом сообществе информация, передаваемая при помощи большинства СМИ, представляет собой креолизованную область знаний, которая базируется на сочетании средств вербальной и невербальной коммуникации. Медиапространство представляет собой сочетание различного контента, при котором читатель или зритель получает информацию на основе зрительного и слухового каналов связи, что помогает лучше воспринимать полученную информацию.

Научная проблема определяется необходимостью изучения специфики адаптации английского языка как языка СМИ, с одной стороны, и потребностью анализа языковых вариантов, функционирующих в различных типах дискурса, с другой стороны, для выявления новых свойств, обусловленных влиянием этносоциокультурных факторов.

Вопросы специфики адаптации английского и французского языков европейско-африканского многоязычия были исследованы в трудах отечественных [Волошина, 2020; Волошина, 2024; Глебова, 2021; Глебова, 2023] и зарубежных [Time, 2007; Nash, 2014; Agbo, 2020; Hymes, 2020; Khan, 2021] лингвистов.

Специфика англоязычных СМИ была изучена в трудах Т. Г. Синяевой и М. И. Логачевой [Синяева и др., 2011], И. В. Смотровой и В. В. Хорольского [Смотровой и др., 2015]. Вопросы адаптации британского английского языка в СМИ африканских стран остаются малоизученной областью

знаний. В отечественной лингвистике анализ креолизации английского на примере различного типа дискурса представлен в трудах Т. Г. Волошиной, М. Д. Богдановой, М. В. Алаевой и др. [Волошина и др., 2023; Богданова, 2024; Алаева, 2024 и др.].

Актуальность исследования определяется необходимостью анализа современного состояния англоязычного медиапространства как ключевого средства глобальной коммуникации и потребностью изучения степени адаптации английского языка на примере африканских СМИ, в которых английский язык является иностранным и подвергается креолизации.

Новизна исследования определяется проведением комплексного анализа степени адаптации английского языка, функционирующего в англоязычном нигерийском медиапространстве, на всех языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, результатом чего являются новые свойства нигерийского варианта английского языка.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В нашем исследовании медиапространство рассматривается как область функционирования языка, а именно нигерийского варианта английского языка. Целью работы стало выявление специфики языковой креолизации английского языка на примере англоязычного нигерийского медиапространства. Под *креолизацией* мы понимаем процесс адаптации британского английского языка на всех уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом) к реалиям местных языков, в результате чего для подсистем нигерийского варианта английского языка характерно значительное отклонение от нормы (британского английского языка).

Материалом исследования послужили статьи из ведущей англоязычной нигерийской онлайн-газеты «Punch», изданные в 2024 году. Были изучены письменные тексты англоязычной нигерийской газеты «Punch» и видеоматериалы, сопровождающие статьи в этой газете. В ходе исследования была составлена картотека примеров (2000 единиц), репрезентирующих специфику креолизации английского языка в англоязычном нигерийском медиапространстве.

Исследование базируется на применении сравнительно-сопоставительного анализа, в результате которого были выявлены фонетические, морфологические, лексические и синтаксические свойства нигерийского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиапространстве в преломлении к британскому английскому языку. Метод количественного анализа позволил определить наиболее и наименее частотные трансформационные процессы, свойственные для нигерийского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиапространстве.

В работе были выявлены новые морфологические, лексические и синтаксические свойства нигерийского варианта английского языка в медиапространстве на основе анализа онлайн-медиатекстов англоязычной нигерийской газеты «Punch». Что касается фонетических свойств нигерийского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиапространстве, то они были установлены на основе анализа видеоматериала, прилагаемого к медиатекстам.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Практическая часть нашего исследования базируется на анализе специфики английского языка, функционирующего в англоязычном нигерийском медиапространстве. Под *медиапространством* мы понимаем пространство, созданное при помощи электронных средств коммуникации. В настоящей статье мы изучаем специфику англоязычного нигерийского медиадискурса, представляющего собой сопряжение процессов речевой деятельности нигерийцев различных этносоциокультурных групп в области СМИ, в результате чего происходит креолизация английского языка в местных этносоциокультурных условиях. Анализ явления креолизации английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе необходимо начать с изучения специфических свойств англоязычного нигерийского медиадискурса в сопоставительном ключе с англоязычным медиадискурсом Великобритании.

3.1. Специфика англоязычного нигерийского медиадискурса

Сопоставительный анализ с англоязычным медиадискурсом Великобритании позволил выявить следующие уникальные свойства англоязычного нигерийского медиадискурса на примере онлайн газеты «Punch»: ограниченный перечень рубрик, небольшой объем опубликованных статей, превалирование статей аналитического и информационного жанра, языковая креолизация английского языка на уровне фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса, что обусловлено интерференцией автохтонных языков и влиянием местных культур.

Для англоязычной нигерийской онлайн-газеты «Punch» характерны следующие рубрики: «Home», «News», «Featured», «Investigations», «Videos», «Metro Plus», «Politics», «Business», «Healthwise», «Editorial», «Columns». Для такой англоязычной газеты Великобритании, как «The Sun», основными рубриками являются: «News», «Sport», «Fabulous», «TV», «Showbiz», «Money», «Travel», «Health», «Tech», «Motors». К ним прилагаются дополнительные рубрики «Royals», «Wellness», «Dear Deidre», «Puzzles», «Videos», «Betting», «Shopping», «Topics A-Z». Другая англоязычная онлайн-газета Великобритании «Mail Online» включает следующие рубри-

ки: «Home», «News», «Royals», «US», «Sport», «TV», «Showbiz», «Female», «Health», «Science», «Money», «Travel», «Podcasts», «Shopping».

В среднем объем статьи в англоязычной нигерийской онлайн-газете «Punch» составляет от 350 до 500 слов. В свою очередь, в англоязычной онлайн-газете Великобритании «The Sun» объем статьи в среднем составляет от 450 до 650 слов, а в онлайн-газете «Mail Online» — от 450 до 700 слов. Таким образом, объем слов в англоязычной нигерийской онлайн-газете «Punch» по сравнению с англоязычными онлайн-газетами Великобритании «The Sun» и «Mail Online» меньше на 18—25 %.

В результате сопоставительного анализа жанровой принадлежности статей в англоязычном нигерийском медиадискурсе (на примере онлайн-газеты «Punch») и англоязычного медиадискурса Великобритании (на примере онлайн-газет Великобритании «The Sun» и «Mail Online») было установлено, что для англоязычного нигерийского медиадискурса характерно превалирование онлайн-статей аналитического (55 %) и информационного (32 %) жанров. Статьи художественно-публицистического (13 %) жанра являются малопродуктивными. В свою очередь, для англоязычного медиадискурса Великобритании (на примере выбранной онлайн-газеты) типична приблизительно равная жанровая продуктивность статей (статьи информационного жанра — 38 %, статьи аналитического жанра — 35 %, статьи аналитического жанра — 27 %).

Квантитативный анализ позволил выявить наиболее продуктивные формы статей в зависимости от их жанровой принадлежности. Так, среди статей аналитического жанра в онлайн-газете «Punch» наиболее частотными являются публикации в форме статьи (45 %), комментария (22 %) и обзора (18 %); статьи в форме аналитического интервью (9 %) и рецензии (6 %) являются непродуктивными. Для статей информационного жанра наиболее продуктивными в онлайн-газете «Punch» являются статьи, написанные в форме репортажа (28%), заметок (22 %) и информационного интервью (20 %). К наименее частотным статьям принадлежат публикации в форме корреспонденции (17 %) и отчета (13 %). Для статей художественно-публицистического жанра в издании «Punch» наиболее продуктивными публикациями являются статьи в форме очерка (65 %) и житейских историй (35 %).

Перейдем к вопросу креолизации английского языка в англоязычном нигерийском дискурсе на примере онлайн-газеты «Punch».

3.2. Креолизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе на примере онлайн-газеты «Punch»

Креолизация английского языка в англоязычной нигерийской газете «Punch» проявляется на всех уровнях языка: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, что проявляется в отклонении от

нормы — британского английского языка. Рассмотрим подробнее трансформационные процессы на каждом уровне нигерийского варианта английского языка в указанном периодическом издании.

3.3. Фонетическая креолизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе

В ходе анализа фонетических трансформационных процессов британского английского языка в англоязычных нигерийских видеоматериалах онлайн-газеты «Punch» были выявлены такие продуктивные фонетические процессы, как ассимиляция, при которой происходит уподобление гласных и согласных звуков в рамках одного слова (55 %); эпентеза, для которой характерной особенностью является вкрапление дополнительного звука (30 %); протеза, типичным свойством этого фонетического изменения является добавление звука в начале слова (15 %).

Наиболее продуктивной фонетической трансформацией для англоязычных нигерийских видеоматериалов в онлайн-газете «Punch» является ассимиляция, при которой происходит замена гласных и согласных звуков британского английского языка аналогами звуков автохтонных нигерийских языков.

Для ассимиляции гласных звуков характерны монофтонгизация дифтонгов и сокращение долготы гласного звука, например:

(1) *They were identified as Lakurawa group /zei vo idintifid es lakurawa grup/* [Man seeks justice after radiotherapy at UCH damaged his sight]. — Их идентифицировали как группу Лакурава.

Как показывает приведенный пример, для фонетического строя нигерийского варианта английского языка в видеоматериалах англоязычной нигерийской онлайн-газеты «Punch» характерной особенностью является монофтонгизация дифтонга (*identified /idintifid/* — идентифицировали, в то время как в британском английском языке в начале слова произносится дифтонг /ɑi/). Причиной рассматриваемого трансформационного процесса является отсутствие гласных дифтонгов в автохтонных нигерийских языках.

(2) *Oil marketers made great investments /ol makitiz med grit investments/* [So this happened (Episode 276) reviews PETROAN's battle with Dangote refinery, others]. — Нефтяные маркетологи вложили большие средства (в развитие предприятия).

Приведенный пример иллюстрирует такие фонетические трансформационные процессы, как монофтонгизация дифтонгов (*oil /ol/* — нефть вместо /oɪl/; *made /med/* — сделал вместо /meɪd/; *great /grit/* — большие суммы денег вместо /greɪt/) и сокращение долготы гласного звука (*marketers /makitiz/* — маркетологи вместо /ma:kætəz/). Как и в предыдущем примере, причиной фонетических трансформационных процессов является интерференция со стороны автохтонных языков Нигерии.

Ассимиляция согласных звуков проявляется в замене согласных звуков британского английского языка на звуковые аналоги автохтонных языков, например:

(3) *Everything* we know about the tragic incident is **that** Liam Payne is dead / *evrisin* wi no abot the tragik incident iz **zet** liam pen iz ded/ [Nigerian system intolerable, unfit for human habitation — Farotimi]. — *Все, что мы знаем об этом трагическом инциденте, это то, что Лиам Пейн погиб.*

Как показывает пример, фонетический строй нигерийского варианта английского языка подвержен значительному влиянию со стороны местных языков, в которых отсутствуют межзубные звуки британского английского языка /θ/ и /ð/, которые в речи нигерийцев переходят в фонетические аналоги /z/ и /s/, соответственно (*Everything* / *evrisin* / — *все*, вместо /*evriθɪŋ*/; *that* /*zet*/ — *что*, вместо /*dæt*/).

Эпентеза и протеза являются менее продуктивными фонетическими трансформационными процессами в видеоматериалах англоязычной нигерийской газеты «Punch».

Примеры:

(4) *Stay informed with us* / **site** informd viz es / [Health 360: flood crisis in Nigeria]. — *Оставайтесь с нами в курсе событий.*

В рассматриваемом примере наблюдается вкрапление звука /i/ в глаголе *Stay* /*site*/ — *оставаться*, что вызвано необходимостью комфортного произношения звуков.

(5) *Unfortunately* **idea** about his plans failed / *lanfɔʃɪnɪtli* **lɪdɪ** ebat his plen feld/ [Asian markets recover as Trump's trade plans worry investors]. — *К сожалению, догадка о его планах провалилась.*

Как показывает приведенный пример, такое фонетическое изменение, как протеза, является типичным явлением для англоязычной речи нигерийцев. В данном случае наречие *Unfortunately* /*lanfɔʃɪnɪtli*/ — *к сожалению* и существительное *idea* /*lɪdɪ*/ — *идея* произносятся с добавочным согласным звуком /l/ в начале слова, что продиктовано влиянием автохтонных языков.

3.4. Морфологическая креолизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе

В нашем исследовании при анализе морфологических трансформационных процессов нигерийского варианта английского языка в медиатекстах англоязычной нигерийской газеты «Punch» рассматриваются морфологические изменения самостоятельных и служебных частей речи в преомлении к британскому английскому языку.

В ходе исследования медиатекстов англоязычной нигерийской газеты «Punch» было установлено, что в них превалирует морфологическая

трансформация самостоятельных частей речи (95 %) над морфологической трансформацией служебных частей речи (5 %).

Среди морфологических трансформационных процессов самостоятельных частей речи наиболее частотными являются морфологические изменения глаголов (82 %); менее продуктивными — изменения существительных (12 %) и наречий (7 %).

Глагольные трансформационные процессы проявляются в симплификации видовременных форм глагола, несоблюдении правил перевода предложений из прямой речи в косвенную речь, употреблении глаголов в форме действительного залога вместо страдательного, например:

(6) *Odutola noted that the situation worsened when the medical report on the survivor revealed she **was eight weeks pregnant**, with the pregnancy suspected to be a result of the crime* [Man arrested for raping, impregnating 16-year-old girl in Ogun]. — *Одутола отметила, что ситуация ухудшилась, когда медицинское заключение о состоянии ее здоровья показало, что она была на восьмой неделе беременности, и беременность, предположительно, наступила в результате насильственных действий.*

Приведенный пример иллюстрирует симплификацию временной формы глагола — *was eight weeks pregnant* — *была на восьмой неделе беременности*. Следует отметить, что в данном случае речь идет о предшествующем событии, поэтому согласно грамматическим правилам британского английского языка необходимо употребить глагол в форме Past Perfect — *had been eight weeks pregnant*. Однако в автохтонных нигерийских языках отсутствует расширенная временная сетка (временные формы глагола), подобная британскому английскому языку, поэтому для нигерийского варианта английского языка характерно употребление глаголов в форме Past Simple.

(7) *He added that the collaboration between the Presidency, National Assembly, and stakeholders **has been** instrumental in advancing the commission's goals* [NDDC to resume project inauguration February — MD]. — *Он добавил, что сотрудничество между президентом, Национальным собранием и заинтересованными сторонами сыграло важную роль в достижении целей.*

В рассматриваемом примере не соблюдаются правила перевода предложений из прямой речи в косвенную: *has been instrumental in advancing the commission's goals* — *сыграло важную роль в достижении целей комиссии* (вместо *had been* согласно грамматическим нормам британского английского языка).

(8) *In his media chat on Monday, President Tinubu stated that financial discipline **has been introduced**, with additional funds being allocated to development projects* [Tinubu's media chat confirms APC's insensitivity to Nigerians' hardship — PDP]. — *В своем выступлении перед журналистами*

в понедельник президент Тинубу заявил, что будет выделена финансовая помощь и на проекты развития найдут дополнительные средства.

В этом примере не соблюдается правило перевода предложений из прямой речи в косвенную (*has been introduced* — *была введена* вместо *had been introduced*). Причиной морфологических трансформаций подобного рода является влияние интерференции со стороны автохтонных языков, в которых отсутствует аналогичное британскому английскому языку грамматическое правило.

(9) *A 25-litre container of groundnut oil, which sold for N41,000 last year, now goes for N95,000, nearly doubling in price* [Christmas: Low-key celebrations as prices soar, traders lament poor sales]. — *25-литровая упаковка арахисового масла, которую в прошлом году продавали за 41 000 фунтов стерлингов, теперь продается за 95 000 фунтов стерлингов, что почти вдвое превышает цену по сравнению с прошлым годом.*

В этом примере морфологические изменения касаются употребления глагола в форме действительного залога вместо страдательного. Данный пример является частью высказывания респондента, не имеющего должного уровня образования, поэтому в его речи наблюдаются грамматические ошибки.

Морфологические трансформационные процессы, характерные для существительного и наречия, являются менее продуктивными в англоязычной нигерийской газете «Punch», например:

(10) *The new she was not barren kept her going through the challenging years* [Ogun couple welcomes triplets after 24 years of marriage]. — *Новость о том, что она не была бесплодной, помогла ей пережить трудные годы.*

Приведенный пример иллюстрирует случай употребления существительного *new* — *новость* в форме единственного числа, в то время как в британском английском языке это существительное употребляется исключительно в форме множественного числа (*news* — *новости*).

(11) *Moving backlier is never progress* [Satanic conspiracy: Two brothers kill, bury sibling in Anambra]. — *Движение назад не является прогрессом.*

В рассматриваемом примере функционирует наречие в сравнительной степени *backlier* — *назад*. Согласно нормам британского английского языка наречие *назад*, *обратно* образуется при помощи суффикса *ward* (*backward*), а степень сравнения этого наречия формируется аналогично форме сложного прилагательного (сравнительная степень — *more backwards* — *еще больше назад*).

Морфологические трансформационные процессы, касающиеся служебных частей речи, проявляются в виде опущения предлогов, например:

(12) *A Palestinian TV channel affiliated with a militant group said five of its journalists were killed Thursday in an Israeli strike on their vehicle in Gaza,*

with Israel's military saying it had targeted a "terrorist cell [Israeli airstrike kills five journalists in Palestine]. — Палестинский телеканал, связанный с группировкой боевиков, сообщил, что пятеро журналистов были убиты в четверг в результате израильского удара по их автомобилю в Газе, а израильские военные заявили, что целью удара была «террористическая ячейка».

В приведенном примере морфологический трансформационный процесс касается опущения предлога *on* перед существительным *Thursday* — *четверг*, что обусловлено, как и предшествующие типы ошибок, недостаточным уровнем знания английского языка.

3.5. Лексическая креолизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе

Трансформационные процессы британского английского языка на уровне лексики в англоязычной нигерийской онлайн-газете «Punch» проявляются в виде высокочастотных заимствований из европейских и автохтонных языков (55 %) и фразеологизмов (45 %), образованных при помощи адаптации британского английского языка к реалиям местных культур.

Среди заимствованных лексических единиц из европейских языков наиболее продуктивными являются заимствованные лексические единицы из французского (72 %), португальского (20 %) и испанского (8 %) языков, например:

(13) *Azerbaijan Airlines flight J2-8243 was en route from Baku, the Azerbaijani capital, to Grozny in Russia's Chechen Republic and made an emergency landing approximately 3 kilometers (1.8 miles) from Aktau, Kazakhstan [38 dead in Azerbaijan Airlines plane crash on Christmas Day]. Peйc J2-8243 авиакомпании «Азербайджанские авиалинии», следовавший из Баку, столицы Азербайджана, в Грозный, Чеченская Республика, совершил вынужденную посадку примерно в 3 километрах (1,8 мили) от Актау, Казахстан.*

В приведенном примере функционирует заимствованная из французского языка лексическая единица *en route* — *маршрут, путь*. Заимствования из французского языка являются продуктивными для нигерийского варианта английского языка во всех сферах, что обусловлено влиянием экстралингвистических факторов, а именно необходимостью общения с соседней франкофонной страной — Камеруном.

(14) *Homes light up with luminarias, streets fill with piñatas, and the grand Nochebuena is the highlight, featuring tamales, bacalao, and ponche. It's a season of colour, culture, and community [Christmas in Mexico is a party]. Дома освещаются огоньками, улицы заполняются пиратами, а кульминацией праздника является грандиозная Ночебуэна, где подают тамале, бакалао и понче. Это — сезон красок, культуры и общения.*

В этом примере функционирует заимствование из испанского языка, *Nochebuena* — *Сочельник*, а также заимствования из португальского языка: *tamales* — *кусочки теста из кукурузной муки, обёрнутые банановыми листьями*, *bacalao* — *треска*, *ronche* — *слабоалкогольный напиток из фруктов и сахара*. Заимствованные из португальского и испанского языков лексические единицы часто употребляются в ежедневной речи нигерийцев, так как многие из португальских и испанских блюд были адаптированы в нигерийской гастрономической культуре.

Высокочастотными для лексического строя нигерийского варианта английского языка в медиатекстах онлайн газеты «Punch» являются заимствования из автохтонных языков (*хауса*, *йоруба* и *игбо*), например:

(15) *The Harmattan season brings cooler weather, creating a boom in the clothing sector. Vendors like Omolara Adetubo, who sells sweaters and warm fabrics in the Oshodi market in Lagos, said she often experiences record sales during harmattan* [Unlocking Nigeria's seasonal business opportunities]. — *Сезон Харматтан приносит прохладную погоду, что приводит к увеличению продаж одежды. Продавцы, например, такие как Омолара Адетубо, продают свитера и теплые ткани на рынке Ошоди в Лагосе; говорят, что во время сезона Харматтан у нее часто наблюдаются рекордные продажи.*

В этом примере функционирует заимствование из языка игбо — *Harmattan* — особый сезон в Западной Африке (с конца ноября по середину марта), особенностью которого является продолжительная, дождливая, холодная погода.

Функционирование фразеологизмов также является отличительной особенностью медиатекстов англоязычной нигерийской газеты «Punch», например:

(16) *It is deeply upsetting that they should bear the brunt of such a tragic mistake* [Sokoto airstrike: Tambuwal expresses shock, calls for justice]. — *Меня глубоко огорчает, что они должны принять удар на себя.*

Рассматриваемый пример содержит в своем составе фразеологизм *to bear the brunt of such a tragic mistake* — *принять удар на себя*, который частично соответствует британскому фразеологизму *to bear the brunt of something* — *принять на себя основную тяжесть чего-то*. В нигерийском варианте английского языка этот фразеологизм претерпевает изменения — происходит расширение значения — *принять на себя тяжесть последствий из-за допустимых ошибок*, что обусловлено спецификой местной культуры — всегда отвечать за свои поступки.

(17) *We urge Kwankwaso to stop daydreaming and face reality. His misplaced confidence in reducing the APC's votes in Kano State is nothing but*

wishful thinking. *Our party remains the people's choice, Abbas said* [Stop day-dreaming, face reality, APC blasts Kwankwaso]. — *Мы призываем Кванквасо перестать мечтать и посмотреть в лицо реальности. Его необоснованная уверенность в том, что APC получит меньше голосов в штате Кано, является не чем иным, как принятием желаемого за действительное. Наша партия остается выбором народа, сказал Аббас.*

Приведенный пример содержит в своем составе два фразеологизма: *to stop daydreaming and face reality* — *перестать мечтать и посмотреть в лицо реальности* и *nothing but wishful thinking* — *выдавать желаемое за действительность*. Первый фразеологизм полностью соответствует британскому английскому языку, второй фразеологизм является репрезентацией ценностей нигерийской культуры, обозначая иллюзии, самообман, которые наносят вред человеку.

(18) *Similarly, the rainy season demands waterproof clothing and accessories. Items like raincoats, umbrellas, and rubber boots fly off the shelves, with traders reporting higher profits* [Unlocking Nigeria's seasonal business opportunities]. — *Аналогичным образом, сезон дождей требует непромокаемой одежды и аксессуаров. Такие товары, как дождевики, зонты и резиновые сапоги, быстро исчезают с прилавков, а торговцы сообщают о росте прибыли.*

В этом примере функционирует фразеологизм нигерийского варианта английского языка *fly off the shelves* — *быстро исчезать с прилавков (о товарах)*.

Высокочастотное функционирование фразеологизмов в англоязычном нигерийском медиадискурсе объясняется желанием нигерийцев следовать нормам родных культур.

3.6. Синтаксическая креолизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе

Синтаксические трансформационные процессы в нигерийском варианте английского языка в медиатекстах онлайн-газеты «Punch» связаны с обратным порядком слов в предложении и продиктованы влиянием интерференции со стороны автохтонных языков, для которых типичен свободный порядок слов в предложении. В данном случае можно сказать, что позиция главных и второстепенных членов предложения подвергается инверсии. В нашем исследовании было установлено, что в большей степени в медиатекстах онлайн-газеты «Punch» инверсия характерна для второстепенных членов предложения (95 %), а именно для позиции обстоятельства, например:

(19) *The court has since ordered the remand of the accused in prison on charges bordering on conspiracy, negligent acts causing harm, and failure to provide adequate security and medical facilities at the event* [Ibadan stampede: Naomi's mother laments ex-queen's detention, appeals to Tinubu]. — *С тех пор*

суд вынес решение о заключении обвиняемого под стражу по обвинению в сговоре, халатности, повлекшей причинение вреда, и необеспечении надлежащей безопасности и медицинского обслуживания на мероприятии.

В приведенном примере мы наблюдаем инверсию обстоятельства времени *since* — *с тех пор*, которое занимает позицию между вспомогательным и основным глаголами (*has since ordered*). Инверсия в данном случае объясняется интерференцией со стороны местных языков, для которых типичен свободный порядок слов в предложении.

(20) *Accordingly, a sample of the crude oil was taken for an appropriate laboratory test while the boat and the product were handled in line with extant directives,*” Usman said [Navy intercepts 100,000 litres stolen crude oil in Ondo]. — Соответственно, была взята проба сырой нефти для соответствующего лабораторного анализа, а с судном и продуктом обращались в соответствии с действующими директивами”, — сказал Усман.

Как и в предыдущем примере, мы наблюдаем инверсию обстоятельства. В данном случае обстоятельство выражено наречием *Accordingly* — соответственно, которое занимает начальную позицию в предложении. Инверсия обстоятельства вызвана интерференцией.

(21) *The Edo APC chair had, in a viral video on 10th December, accused Ighodalo of corruption and misappropriation of state funds in the wake of the gaffe made by Governor Monday Okpebholo during the presentation of his N605bn budget estimates to the Edo House of Assembly*” [Defamation: I owe you no apology, APC chairman replies Ighodalo]. — 10 декабря председатель APC Эдо в вирусном видеоролике обвинил Игходало в коррупции и незаконном присвоении государственных средств после оплошности, допущенной губернатором Окпехоло во время презентации его бюджетной сметы в размере 605 млрд фунтов стерлингов в Палате собрания Эдо.

Рассматриваемый пример иллюстрирует инверсию обособленных обстоятельств — обстоятельства места — *in a viral video* — в вирусном видеоролике и обстоятельства времени — *on 10 th December* — 10 декабря, которые в предложении расположены последовательно друг за другом и занимают положение между вспомогательным и основным глаголами (*had, in a viral video on 10 th December, accused*). Как и в предыдущих примерах, инверсия объясняется влиянием свободного порядка слов в автохтонных нигерийских языках.

Инверсия главных членов предложения в онлайн-газете «Punch» является непродуктивной, такие примеры достигают 5 %:

(22) *Then added he, that no actions were taken* [N’West bandits fleeing to Oyo, Makinde cries out]. — Затем он добавил, что никаких действий не предпринималось.

В этом примере функционирует инверсия глагола *added* — *добавил*, занимающего позицию, предшествующую местоимению *he* — *он*, что обусловлено интерференцией.

4. Заключение = Conclusions

Креолизация английского языка в условиях англо-нигерийского билингвизма проявляется в адаптации фонетического, морфологического, лексического и синтаксического строя британского английского языка к реалиям нигерийских языков и культур. Современный англоязычный нигерийский медиадискурс обладает следующими уникальными свойствами: ограниченный перечень рубрик в онлайн-газетах, небольшой объем статей, превалирование статей аналитического и информационного жанра, языковая креолизация на уровне фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса, что вызвано интерференцией со стороны автохтонных языков и недостаточным уровнем образования.

Англоязычный нигерийский медиадискурс на примере англоязычной нигерийской онлайн-газеты «Punch» отражает актуальное состояние нигерийского варианта английского языка, для которого характерны значительные трансформационные процессы на всех языковых уровнях по сравнению с британским английским языком. Анализ креолизации фонетического строя английского языка в газете «Punch» на основе видеоматериалов помог выявить такие высокочастотные фонетические трансформационные процессы, как ассимиляция гласных и согласных звуков (55 %), эпентеза (30 %) и протеза (15 %). Фонетические изменения продиктованы интерференцией со стороны местных языков и необходимостью аппроксимации звуков к аналогам автохтонных языков для комфортного произношения. Морфологическая креолизация английского языка в анализируемом источнике проявляется в симплификации видовременных форм глагола, несоблюдении правил перевода предложений из прямой речи в косвенную речь, употреблении глаголов в форме действительного залога вместо страдательного, опущении предлогов. В числе причин морфологических отклонений от грамматических правил британского английского языка можно назвать недостаточный уровень образования нигерийцев и интерференцию со стороны местных языков. Лексическая креолизация английского языка реализуется при помощи высокочастотных заимствований из европейских языков (французского, португальского, испанского) и местных языков (*хауса*, *йоруба*, *игбо*), а также за счет фразеологизмов, отражающих специфику местных лингвокультур. Причиной лексической креолизации является влияние экстралингвистических факторов, ключевым из которых выступает поддержка экономических связей с соседними франкофонными

странами, а также желание нигерийцев сохранять родные языки и родные культуры.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Asian markets recover as Trump's trade plans worry investors* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/asian-markets-recover-as-trumps-trade-plans-worry-investors/> (accessed 07.01.2025).
2. *Christmas in Mexico is a party* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/christmas-in-mexico-is-a-party/> (accessed 07.01.2025).
3. *Christmas : Low-key celebrations as prices soar, traders lament poor sales* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/christmas-low-key-celebrations-as-prices-soar-traders-lament-poor-sales/> (accessed 07.01.2025).
4. *Defamation : I owe you no apology, APC chairman replies Ighodalo* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/defamation-i-owe-you-no-apology-apc-chairman-replies-ighodalo/> (accessed 07.01.2025).
5. *Health 360 : flood crisis in Nigeria* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/health-360-flood-crisis-in-nigeria/> (accessed 07.01.2025).
6. *Ibadan stampede : Naomi's mother laments ex-queen's detention, appeals to Tinubu* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/ibadan-stampede-naomis-mother-laments-ex-queens-detention-appeals-to-tinubu/> (accessed 07.01.2025).
7. *Israeli airstrike kills five journalists in Palestine* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/israeli-airstrike-kills-five-journalists-in-palestine/> (accessed 07.01.2025).
8. *Man arrested for raping, impregnating 16-year-old girl in Ogun* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/man-arrested-for-raping-impregnating-16-year-old-girl-in-ogun/> (accessed 07.01.2025).
9. *Man seeks justice after radiotherapy at UCH damaged his sight* [Electronic resource]. — Access mode : <http://punchng.com/man-seeks-justice-after-radiotherapy-at-uch-damaged-his-sight> (accessed 07.01.2025).
10. *Navy intercepts 100,000 litres stolen crude oil in Ondo* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/navy-intercepts-100000-oil-laden-boat-in-ondo/> (accessed 07.01.2025).
11. *NDDC to resume project inauguration February* — MD [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/nddc-to-resume-project-inauguration-february-md> (accessed 07.01.2025).
12. *Nigerian system intolerable, unfit for human habitation* — Farotimi [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/nigerian-system-intolerable-unfit-for-human-habitation-farotimi/?dicbo=v2-FEmi9F3> (accessed 07.01.2025).
13. *N'West bandits fleeing to Oyo, Makinde cries out* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/nwest-bandits-fleeing-to-oyo-makinde-cries-out/> (accessed 07.01.2025).

14. *Ogun couple welcomes triplets after 24 years of marriage* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/ogun-couple-welcomes-triplets-after-24-years-of-marriage/>. (accessed 07.01.2025).
15. *Satanic conspiracy : Two brothers kill, bury sibling in Anambra* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/satanic-conspiracy-two-brothers-kill-bury-sibling-in-anambra/>. (accessed 07.01.2025).
16. *Sokoto airstrike : Tambuwal expresses shock, calls for justice* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/sokoto-airstrike-tambuwal-expresses-shock-calls-for-justice/> (accessed 07.01.2025).
17. *So this happened* (Episode 276) reviews PETROAN's battle with Dangote refinery, others [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/so-this-happened-episode-276-reviews-petroans-battle-with-dangote-refinery-others/> (accessed 07.01.2025).
18. *Stop daydreaming, face reality, APC blasts Kwankwaso* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/stop-daydreaming-face-reality-apc-blasts-kwankwaso/>(accessed 07.01.2025).
19. *Tinubu's media chat confirms APC's insensitivity to Nigerians' hardship — PDP* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/tinubus-media-chat-confirms-apcs-insensitivity-to-nigerians-hardship-pdp/>. (accessed 07.01.2025).
20. *Unlocking Nigeria's seasonal business opportunities* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/unlocking-nigerias-seasonal-business-opportunities/> (accessed 07.01.2025).
21. *38 dead in Azerbaijan Airlines plane crash on Christmas Day* [Electronic resource]. — Access mode : <https://punchng.com/38-dead-in-azerbaijan-airlines-plane-crash-on-christmas-day/> (accessed 07.01.2025).

Литература

1. *Алаева М. В.* Инверсия в англоязычных текстах нигерийской газеты «Vanguard» / М. В. Алаева // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 9 (57). — С. 244—248. — DOI: 10.60797/RULB.2024.57.4.
2. *Богданова М. Д.* К вопросу становления нигерийского варианта английского языка на примере британского и нигерийского прессы / М. Д. Богданова // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 4 (52). — С. 22—28. — DOI: 10.18454/RULB.2024.52.24.
3. *Волошина Т. Г.* Английский язык в Африке : лингвокультурологический аспект / Т. Г. Волошина. — Москва : Флинта, 2020. — 188 с. — ISBN 978-5-9765-4481-9.
4. *Волошина Т. Г.* Нигерийский вариант английского языка : лингвокультурологическая адаптация / Т. Г. Волошина // Вопросы современной лингвистики. — 2024. — № 1. — С. 15—24. — DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-15-24.
5. *Глебова Я. А.* Основные характеристики языкового кода нуши / Я. А. Глебова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2021. — № 2 (7). — С. 21—30. — DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-3. 4.
6. *Глебова Я. А.* Заимствования как средство пополнения лексического состава франко-ивуарийского пиджина нуши / Я. А. Глебова // Научная мысль Кавказа. — 2023. — № 2 (114). — С. 102—106. — DOI: 10.18522/2072-0181-2023-114-102-106.
7. *Лингвокультурологическая креолизация* в нигерийских киносценарных текстах / Т. Г. Волошина, С. М. Профатилова, Д. М. Костина, А. Н. Луханина // Вестник Костромского государственного университета. — 2023. — № 4 (29). — С. 139—144.
8. *Синяева Т. Г.* Особенности языка английских СМИ / Т. Г. Синяевская, М. И. Логачева // Альманах современной науки и образования. — 2011. — № 4 (47). — С. 205—207.

9. *Смотровая И. В.* Проблема стандарта и языковой экспрессии в английских СМИ (на материале экономических текстов в качественных газетах и журналах) / И. В. Смотровая, В. В. Хорольский // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. — 2015. — № 1. — С. 128—132.

10. *Agbo O. F.* The Relationship of Nigerian English and Nigerian Pidgin in Nigeria : Evidence from Copula Constructions in Ice-Nigeria / O. F. Agbo, I. Plag // Journal of language contact. — 2020. — № 13. — Pp. 351—388.

11. *Hymes D.* Pidginization and Creolization of Languages : Their Social Contexts / D. Hymes // Journal International Journal of the Sociology of Language. — 2020. — № 2. — Vol. 4. — Pp. 99—109.

12. *Khan I. J.* Pidgin and Creole : Concept, Origin and Evolution / I. J. Khan, S. Akter // Pidgin and Creole : Concept, Origin and Evolution. — 2021. — № 3. — Vol. 6. — Pp. 164—170.

13. *Nash J.* The Atlas of Pidgin and Creole Language Structures. The Survey of Pidgin and Creole Languages / J. Nash // Australian Journal of Linguistics. — 2014. — № 3. — Vol. 34. — Pp. 426—429. — DOI: 10.1080/ 07268602.2014.926581.

14. *Time V. M.* A Sociological Perspective on Pidgin's Viability and Usefulness for Development in West Africa / V. M. Time, D. K. Pryc // Revista Virtual de Estudos da Linguagem. — 2007. — № 5. — Vol. 9. — Pp. 1—30.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025,
одобрена после рецензирования 24.04.2025,
подготовлена к публикации 16.05.2025.

Material resources

Asian markets recover as Trump's trade plans worry investors. Available at: <https://punchng.com/asian-markets-recover-as-trumps-trade-plans-worry-investors/> (accessed 07.01.2025).

Christmas in Mexico is a party. Available at: <https://punchng.com/christmas-in-mexico-is-a-party/> (accessed 07.01.2025).

Christmas: Low-key celebrations as prices soar, traders lament poor sales. Available at: <https://punchng.com/christmas-low-key-celebrations-as-prices-soar-traders-lament-poor-sales/> (accessed 07.01.2025).

Defamation: I owe you no apology, APC chairman replies Ighodalo. Available at: <https://punchng.com/defamation-i-owe-you-no-apology-apc-chairman-replies-ighodalo/> (accessed 07.01.2025).

Health 360: flood crisis in Nigeria. Available at: <https://punchng.com/health-360-flood-crisis-in-nigeria/> (accessed 07.01.2025).

Ibadan stampede: Naomi's mother laments ex-queen's detention, appeals to Tinubu. Available at: <https://punchng.com/ibadan-stampede-naomis-mother-laments-ex-queens-detention-appeals-to-tinubu/> (accessed 07.01.2025).

Israeli airstrike kills five journalists in Palestine. Available at: <https://punchng.com/israeli-airstrike-kills-five-journalists-in-palestine/> (accessed 07.01.2025).

Man arrested for raping, impregnating 16-year-old girl in Ogun. Available at: <https://punchng.com/man-arrested-for-raping-impregnating-16-year-old-girl-in-ogun/> (accessed 07.01.2025).

Man seeks justice after radiotherapy at UCH damaged his sight. Available at: <http://punchng.com/man-seeks-justice-after-radiotherapy-at-uch-damaged-his-sight> (accessed 07.01.2025).

- Navy intercepts 100,000 litres stolen crude oil in Ondo.* Available at: <https://punchng.com/navy-intercepts-100000-oil-laden-boat-in-ondo/> (accessed 07.01.2025).
- NDDC to resume project inauguration February — MD.* Available at: <https://punchng.com/nddc-to-resume-project-inauguration-february-md> (accessed 07.01.2025).
- Nigerian system intolerable, unfit for human habitation — Farotimi.* Available at: <https://punchng.com/nigerian-system-intolerable-unfit-for-human-habitation-farotimi/?dicbo=v2-FEmi9F3> (accessed 07.01.2025).
- N'West bandits fleeing to Oyo, Makinde cries out.* Available at: <https://punchng.com/nwest-bandits-fleeing-to-oyo-makinde-cries-out/> (accessed 07.01.2025).
- Ogun couple welcomes triplets after 24 years of marriage.* Available at: <https://punchng.com/ogun-couple-welcomes-triplets-after-24-years-of-marriage/>. (accessed 07.01.2025).
- Satanic conspiracy: Two brothers kill, bury sibling in Anambra.* Available at: <https://punchng.com/satanic-conspiracy-two-brothers-kill-bury-sibling-in-anambra/> (accessed 07.01.2025).
- Sokoto airstrike: Tambuwal expresses shock, calls for justice.* Available at: <https://punchng.com/sokoto-airstrike-tambuwal-expresses-shock-calls-for-justice/> (accessed 07.01.2025).
- So this happened (Episode 276) reviews PETROAN's battle with Dangote refinery, others.* Available at: <https://punchng.com/so-this-happened-episode-276-reviews-petroans-battle-with-dangote-refinery-others/> (accessed 07.01.2025).
- Stop daydreaming, face reality, APC blasts Kwankwaso.* Available at: <https://punchng.com/stop-daydreaming-face-reality-apc-blasts-kwankwaso/>(accessed 07.01.2025).
- Tinubu's media chat confirms APC's insensitivity to Nigerians' hardship — PDP.* Available at: <https://punchng.com/tinubu-media-chat-confirms-apcs-insensitivity-to-nigerians-hardship-pdp/>. (accessed 07.01.2025).
- Unlocking Nigeria's seasonal business opportunities.* Available at: <https://punchng.com/unlocking-nigerias-seasonal-business-opportunities/> (accessed 07.01.2025).
- 38 dead in Azerbaijan Airlines plane crash on Christmas Day.* Available at: <https://punchng.com/38-dead-in-azerbaijan-airlines-plane-crash-on-christmas-day/> (accessed 07.01.2025).

References

- Agbo, O. F., Plag, I. (2020). The Relationship of Nigerian English and Nigerian Pidgin in Nigeria: Evidence from Copula Constructions in Ice-Nigeria. *Journal of language contact*, 13: 351—388.
- Alayeva, M. V. (2024). Inversion in the English-language texts of the Nigerian newspaper “Vanguard”. *Russian Linguistic Bulletin*, 9 (57): 244—248. DOI: 10.60797/RULB.2024.57.4. (In Russ.).
- Bogdanova, M. D. (2024). On the formation of the Nigerian version of the English language using the example of the British and Nigerian press. *Russian Linguistic Bulletin*, 4 (52): 22—28. DOI: 10.18454/RULB.2024.52.24. (In Russ.).
- Glebova, Ya. A. (2021). Main characteristics of the Nushi language code. *Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics*, 2 (7): 21—30. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-3. 4. (In Russ.).
- Glebova, Ya. A. (2023). Borrowings as a means of replenishing the lexical composition of the Franco-Ivorian pidgin nushi. *Scientific thought of the Caucasus*, 2 (114): 102—106. DOI: 10.18522/2072-0181-2023-114-102-106. (In Russ.).

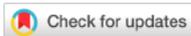

- Hymes, D. (2020). Pidginization and Creolization of Languages: Their Social Contexts. *Journal International Journal of the Sociology of Language*, 2 (4): 99—109.
- Khan, I. J., Akter, S. (2021). Pidgin and Creole: Concept, Origin and Evolution. *Pidgin and Creole: Concept, Origin and Evolution*, 3 (6): 164—170.
- Nash, J. (2014). The Atlas of Pidgin and Creole Language Structures. The Survey of Pidgin and Creole Languages. *Australian Journal of Linguistics*, 3 (34): 426—429. DOI: 10.1080/07268602.2014.926581.
- Sinyaeva, T. G., Logacheva, M. I. (2011). Features of the English media language. *Almanac of Modern Science and Education*, 4 (47): 205—207. (In Russ.).
- Smotrova, I. V. (2015). The problem of standard and linguistic expression in the English media (based on economic texts in high-quality newspapers and magazines). *Bulletin of the VSU. Philology series. Journalism*, 1: 128—132. (In Russ.).
- Time, V. M., Pryc, D. K. (2007). A Sociological Perspective on Pidgin's Viability and Usefulness for Development in West Africa. *Revista Virtual de Estudos da Linguagem*, 5 (9): 1—30.
- Voloshina, T. G. (2020). *English in Africa: A linguistic and cultural aspect*. Moscow: Flinta. 188 p. ISBN 978-5-9765-4481-9. (In Russ.).
- Voloshina, T. G. (2024). The Nigerian version of the English language: linguistic and cultural adaptation. *Issues of modern linguistics*, 1: 15—24. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-15-24. (In Russ.).
- Voloshina, T. G., Profatilova, S. M., Kostina, D. M., Lukhanina, A. N. (2023). Linguistic and cultural creolization in Nigerian screenplays. *Bulletin of Kostroma State University*, 4 (29): 139—144. (In Russ.).

*The article was submitted 12.01.2025;
approved after reviewing 24.04.2025;
accepted for publication 16.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Донскова Ю. В. Стратегии и тактики медицинской социальной рекламы профилактики и лечения онкологических заболеваний / Ю. В. Донскова, А. Д. Курилова, Чжан Юй // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 231—247. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-231-247.

Donskova, Y. V., Kurilova, A. D., Zhang Yu. (2025). Strategies and Tactics of Medical Social Advertising for Prevention and Treatment of Oncological Diseases. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 231-247. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-231-247. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Стратегии и тактики медицинской социальной рекламы профилактики и лечения онкологических заболеваний

Донскова Юлия Викторовна
orcid.org/0000-0001-8002-603X
кандидат филологических наук,
Институт лингвистики
и межкультурной коммуникации,
корреспондирующий автор
mehetabel@mail.ru

Курилова Анна Дмитриевна
orcid.org/0000-0001-9311-1380
кандидат филологических наук, доцент
Институт лингвистики
и межкультурной коммуникации
akurilova@mail.ru

Чжан Юй
orcid.org/0000-0002-4202-2895
ассистент
yuzhang0829@yandex.ru

Первый Московский государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова Министерства
здравоохранения Российской Федерации
(Сеченовский Университет)
(Москва, Россия)

Strategies and Tactics of Medical Social Advertising for Prevention and Treatment of Oncological Diseases

Yulia V.Donskova
orcid.org/0000-0001-8002-603X
PhD in Philology,
Institute of Linguistics and
Intercultural Communication,
corresponding author
mehetabel@mail.ru

Anna D. Kurilova
orcid.org/0000-0001-9311-1380
PhD in Philology, Associate Professor,
Institute of Linguistics
and Intercultural Communication
akurilova@mail.ru

Zhang Yu
orcid.org/0000-0002-4202-2895
Assistant Lecturer
yuzhang0829@yandex.ru

Sechenov First Moscow
State Medical University
(Sechenov University)
(Moscow, Russia)

© Донскова Ю. В., Курилова А. Д., Чжан Юй, 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования медицинской социальной рекламы обусловлена её высокой общественной значимостью, важной ролью в охране здоровья населения. В статье представлены результаты сопоставительного анализа дискурсивных стратегий и тактик в рекламе профилактики и лечения онкологических заболеваний на материале поликодовых текстов рекламных кампаний России, Китая, Австралии, Великобритании, Израиля, Индонезии, Сингапура. Доказано, что основными стратегиями рекламы данной тематики являются информирование, влияние на поведенческие модели реципиентов, создание определённого эмоционального фона, обеспечение привлечения финансовых средств. К тактическим приёмам убеждения относятся как директивные требования, так и косвенные средства персуазивности (визуализация, метафоризация, парадоксальность, игровые тактики). Делается вывод, что онкологическая тематика в отечественной социальной рекламе ощущается как табуированная, поэтому главной целью становится формирование оптимистического отношения к болезни. Отмечается, что в зарубежных рекламных кампаниях чаще используется тактика угрозы, целью ряда проектов становится борьба со стигматизацией онкобольных. Авторы останавливаются на особенностях социальной рекламы в Китае, среди которых выделяются политизированность, подчеркивание роли государства в здравоохранении, пропагандирование научных методов лечения онкологических заболеваний, использование концептов СЕМЬЯ, КОЛЛЕКТИВ, табуирование темы смерти.

Ключевые слова:

социальная реклама; речевые стратегии; речевые тактики; медицинский дискурс; профилактика раковых заболеваний; онкология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of this study on medical social advertising is underscored by its significant societal importance and its crucial role in public health promotion. This article presents the findings of a comparative analysis of discursive strategies and tactics employed in advertising campaigns for the prevention and treatment of oncological diseases, based on polycode texts from campaigns in Russia, China, Australia, the United Kingdom, Israel, Indonesia, and Singapore. It has been demonstrated that the primary strategies in this area of advertising include information dissemination, influencing recipients' behavioral patterns, creating a specific emotional backdrop, and securing financial contributions. The tactical persuasion techniques encompass both directive demands and indirect means of persuasiveness (visualization, metaphoricization, paradoxical statements, and playful tactics). The study concludes that oncological themes in domestic social advertising are perceived as taboo, making the primary objective the formation of an optimistic attitude towards illness. It is noted that foreign advertising campaigns more frequently employ threat tactics, with several projects aimed at combating the stigmatization of cancer patients. The authors also focus on the characteristics of social advertising in China, highlighting its politicization, emphasis on the state's role in healthcare, promotion of scientific treatment methods for oncological diseases, and the use of concepts such as FAMILY and COLLECTIVE, alongside the taboo surrounding death.

Key words:

social advertising; speech strategies; speech tactics; medical discourse; cancer prevention; oncology.

УДК 81'42:659.132.212

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-231-247

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Стратегии и тактики медицинской социальной рекламы профилактики и лечения онкологических заболеваний

© Донскова Ю. В., Курилова А. Д., Чжан Юй, 2025

1. Введение = Introduction

Социальная реклама как особый сегмент медиадискурса обладает высокой общественной значимостью, поскольку «макроцель всех сообщений социальной рекламы — улучшение жизни общества и решение социальных проблем» [Рюмин, 2012, с. 7]. Медицинская социальная реклама нацелена на повышение осведомлённости населения о том или ином заболевании, поощрение способствующего сохранению здоровья поведения и в конечном итоге снижение уровня заболеваемости. Планируемыми результатами воздействия рекламы на аудиторию являются осознание необходимости ранней диагностики и рекомендованной специалистами тактики лечения, информированность о современных методах лечения, прекращение стигматизации больных. Дискурсивное исследование рекламных кампаний позволяет выявить наиболее востребованные коммуникативные стратегии и тактики, а также спрогнозировать их эффективность. Для этого необходимо рассмотреть соответствие рекламы целевой аудитории, определить, является ли она понятной и информативной, оценить оригинальность и яркость воплощения основной идеи, а также успешность реализации интенции.

Специфика рекламного текста, на что неоднократно обращалось внимание, заключается в его поликодовости [Данилевская, 2012, с. 133; Чернявская, 2009], а именно — в сочетании языковых, визуальных и аудиальных единиц информации. Воздействие на разные органы чувств усиливает эффективность восприятия, затрагивая как сознание, так и подсознание реципиента.

Медицинские рекламные тексты составляют особую группу в сегменте социальной рекламы, так как они затрагивают чувствительную сферу здоровья и самосохранения. Цели медицинских рекламных текстов для аудитории могут быть разнообразными: а) пропаганда здорового образа жизни, б) профилактика заболеваний, в) информирование о важности ранней

диагностики, г) разоблачение дезинформации и стереотипных представлений, д) воодушевление пациентов, е) организация материальной и нематериальной помощи, ж) социальная поддержка. В зависимости от целей выбираются стратегии и тактики рекламных кампаний, при этом необходимо учитывать национально-культурные особенности восприятия болезни.

В данной статье мы рассмотрим социальную рекламу на примерах, затрагивающих как наиболее часто освещаемые в информационном пространстве темы профилактики и лечения распространённых онкологических заболеваний (рак молочной железы, рак легких, рак простаты, колоректальный рак и т. д.), так и общие темы, касающиеся данного вопроса (например, преодоление стигматизации пациентов с онкологическими заболеваниями и др.).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Медицинская социальная реклама как важный инструмент информирования населения представляет безусловный интерес для исследования. В научных публикациях по данной теме затрагивались различные аспекты создания и функционирования медицинской рекламы.

Так, в статье Н. В. Данилевской были выделены и проанализированы языковой, речевой и визуальный планы организации медицинских текстов профилактической направленности [Данилевская, 2012]. Автор видит сверхзадачу медицинской рекламы в том, чтобы «соподчинить социально значимому смыслу рекламного текста все элементы — и языковые, и неязыковые» [Данилевская, 2012, с. 134]. Вербальные и невербальные особенности медицинской рекламы рассматриваются также в статье Е. С. Скляр [Скляр, 2018]. Сочетание визуального и вербального нарратива в рекламе вакцинации против COVID-19 стало предметом исследования в статье Ю. В. Донсковой, А. Д. Куриловой и О. А. Махно. Авторами была подчеркнута важность визуального нарратива в креолизованном тексте рекламы [Донскова и др., 2023, с. 96—97].

Важные наблюдения об эффективности рекламных проектов профилактической направленности были сделаны Л. Л. Калининой, которая, в частности, приводит факт роста обращений за врачебной консультацией на 12 % как положительный результат рекламной кампании, направленной на борьбу с раком, а также отмечает сложность оценки эффективности социальной рекламы, вызванный тем, что об успешности кампаний можно судить только по прошествии определённого времени [Калинина, 2020, с. 20].

В ряде зарубежных исследований затрагиваются этические аспекты медицинской рекламы, указываются негативные последствия рекламирования методик лечения или фармацевтических препаратов в проектах,

адресованных широкой аудитории [Crosssectional study ..., 2021; Gale, 2019]. Следует отметить, что в соответствии со статьёй 24 Федерального закона РФ «О рекламе» реклама конкретных методов профилактики, диагностики и лечения допустима только в специализированных медицинских изданиях или в рамках мероприятий, предназначенных для медицинских работников. В задачи данной статьи входит исключительно анализ рекламы, направленной на непрофессиональную аудиторию и имеющей в связи с этим социальное значение. Тексты данного сегмента рекламы не содержат специализированной информации.

Важный аспект изучения медицинской социальной рекламы составляет выявление национально-культурной специфики рекламных проектов. Так, национальная специфика китайской и российской социальной рекламы на материале рекламных кампаний о коронавирусной инфекции стала предметом исследования И. Т. Вепревой [Вепрева, 2022], специальное внимание было уделено сравнительному анализу аксиосферы российского и китайского рекламного плаката о коронавирусе [Вепрева и др., 2023]. Контент-анализ социальной рекламы, содержащей информацию об онкологических заболеваниях, осуществлён в работах учёных из Китая [Cancer communication ..., 2021; Zhao et al., 2024]. В работе румынских исследователей прослеживается роль социальных сетей в рекламных кампаниях по борьбе с раком груди [Social media ..., 2024].

Материал исследования представляют поликодовые рекламные тексты, опубликованные на сайтах региональных отраслевых онкологических обществ. Местом последующего размещения социальной рекламы служит городское пространство (остановки общественного транспорта и сам транспорт, фасады зданий, одежда, аксессуары), а также интернет-среда (социальные сети, сайты). Общее количество анализируемых объектов — 80 единиц. Образцы социальной рекламы отражают особенности национальных лингвокультур следующих стран: Россия, Китай, Австралия, Великобритания, Израиль, Индонезия, Сингапур.

В статье применялась методика дискурс-анализа, включающая исследование поликодового рекламного дискурса в аспектах семантики и прагматики.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности российской социальной рекламы профилактики и лечения онкологических заболеваний

В сфере российской социальной рекламы тема онкологии до сих пор осознаётся как табуированная. Несмотря на важность как можно более широкой осведомлённости населения о заболевании и способах борьбы

с ним, этой задаче пока ещё уделяется недостаточно внимания. Однако в последнее время отмечается рост интереса к проблеме, результатом которого стали оригинальные рекламные кампании.

Среди них — всероссийский фотопроjekt по поддержке женщин с онкологическими заболеваниями «Химия была, но мы расстались» [Химия была...]. Основная цель кампании — рассказать «от первого лица» реальные истории героев, преодолевших онкологические заболевания.

Слоган рекламной кампании подчёркивает успешное преодоление проблем со здоровьем. Понятие «химия», имеющее в данном контексте негативные коннотации, благодаря форме глагола в прошедшем времени отнесено в прошлое. Фотографии молодых женщин, прошедших химиотерапию в процессе лечения, дополнены фразами с двойным смыслом. Тяжёлая болезнь (рак) наделяется антропоморфными чертами и ассоциируется с мужчиной, с которым можно расстаться в силу разных причин: «Мы были несовместимы по гороскопу», «Он никогда не нравился моей маме». Все эти фразы подчёркивают активный выбор женщины, возможность расстаться с нежеланным спутником. В концепции данного рекламного проекта заложен приём парадоксального сближения двух разных жизненных ситуаций — преодоления тяжёлой болезни и расставания с мужчиной. Так как разрыв с партнёром воспринимается как неприятная, тяжёлая ситуация, но приводящая к преодолению сложных отношений и положительным изменениям в жизни, представление о таком развитии личных отношений мужчины и женщины переносится и на историю лечения онкологического заболевания. Реклама подводит к мысли о том, что от рака необязательно умирают, с ним можно расстаться по своей воле в результате лечения.

Следует отметить следующие тактические приёмы, реализованные в отечественном рекламном проекте: персонализация, аналогия, юмор, оптимистическая тональность.

Свидетельством актуальности онкологической проблематики является рост популярности российского сетевого информационно-аналитического издания «Вместе против рака» [Вместе...], однако материалы, размещаемые на данном ресурсе, в большей степени ориентированы на специалистов в области медицины. Информации, отвечающей запросам широкой аудитории, всё ещё недостаточно.

Вместе с тем точные данные (цифры, факты) повышают уровень экспертности социальной рекламы и вызывают большее доверие. Наряду с информацией о быстрой и доступной диагностике отечественная социальная реклама активно использует данные о позитивном исходе лечения при своевременном обнаружении рака на ранних стадиях. Например, рекламная кампания «#ЯПРОШЛА» на TLC при поддержке Philips содержит

информацию о 86% положительных прогнозов при лечении рака молочной железы на 3-й стадии [Назаренкова, 2017].

3.2. Стратегии и тактики зарубежных рекламных кампаний

В рамках данной статьи рассмотрены рекламные проекты Израиля, Австралии, США, Великобритании, Китая, направленные на информирование об онкологических заболеваниях.

Основными стратегиями медицинской рекламы данной тематики являются: а) информирование о заболевании; б) влияние на поведенческие модели реципиентов рекламы (побуждение соблюдать профилактические меры, не пренебрегать ранней диагностикой); в) создание определённого эмоционального фона (оптимистичного или тревожного); г) привлечение финансовых средств.

Израильская рекламная кампания 2014 года «Pay Attention» [Mother ..., 2014] в названии использует императивную конструкцию в целях концентрации внимания на жизненно важной проблеме — в данном случае на генетическом аспекте онкологического заболевания. Фотографии матери и дочери акцентируют их сходство и призывают задуматься над тем, какие опасности приготовили для них гены. Рак отождествляется с врагом, реклама в императивной форме призывает активно противостоять ему: *Take a stand against breast cancer*.

Требование серьёзного отношения к опасности онкологии выражено в австралийской социальной рекламе. Лозунг *Take off your brave face* [Cancer support ..., 2021] буквально призывает говорить о заболевании без лицемерия, отказаться от бравады, не пренебрегать опасностью, а вовремя обратиться за профессиональной помощью.

В Австралии из-за климатических факторов особую озабоченность вызывает рак кожи. На улицах и пляжах страны установлены бесплатные диспенсеры с солнцезащитными кремами, а слоган рекламы [The job ..., 2021] призывает сократить пребывание на солнце, используя тактику угрозы (через безапелляционную презумпцию «невозможно избавиться от рака»): *Cutting your sun exposure is easier than cutting out a skin cancer* (Сократить пребывание на солнце легче, чем избавиться от рака кожи). Визуальный ряд также транслирует негативно окрашенную информацию. Чёрный элемент (дыра) на изображении тела метафорически воспринимается как нечто чужеродное, нездоровое: ожог, эрозия. Чёрный пунктир, обводящий фрагмент, вызывает ассоциацию со швами или маркерными отметками при хирургических вмешательствах. Данный фрагмент изображения совмещен с углублением — дозатором солнцезащитного крема, однако с точки зрения коммуникации ключевое сообщение выглядит скорее угрожающим, чем оберегающим. Тревожная тональность поддерживается

и в других австралийских рекламных кампаниях. Так, наружная реклама использует фотографии загорающих на пляже людей, дополняя их категоричным утверждением: *There's nothing healthy about a tan* (В загаре нет ничего здорового). Категоричное требование представлено и на плакатах с надписью *Protect your skin* (Защитите свою кожу), на которых улыбающиеся люди разных возрастных групп изображены в головных уборах, солнечных очках и одежде с длинными рукавами. Использование статистических данных в рекламном тексте нацелено на усиление тревожных настроений. Так, фраза *More than 1 in 4 Aussies admit that sun protection isn't part of their daily routine in summer* (Более чем один из четырёх австралийцев признаётся, что защита от солнца не является частью его ежедневных гигиенических процедур летом) дополняет основной слоган рекламного изображения *The job's not done until we're all safe in the sun* (Дело не сделано, пока мы все не оказались в безопасности под солнцем). Текстовое сообщение рекламы фокусирует внимание на негативной стороне проблемы, в то время как те же данные можно было бы интерпретировать по-другому, например, подчеркнув, что больше половины австралийцев ежедневно защищают кожу от солнца. Вместе с тем визуальная сторона рекламного сообщения с помощью иконок и визуального деления на «до и после» позволяет понять, какими методами следует обезопасить себя от негативного влияния солнечного излучения (солнцезащитный крем, головной убор, одежда с длинным рукавом, очки, зонт), поэтому ключевое сообщение рекламы все же остается конструктивным, но не будет запугивающим.

Одной из запоминающихся рекламных кампаний стала серия иллюстраций на билбордах со слоганом *Watch how a thousand Australians die every year* (Посмотрите, как тысяча австралийцев умирает каждый год). Изображение с течением времени меняется, и можно увидеть, как кожа загорающей девушки покрывается характерными для течения болезни пятнами. Рекламная кампания в зоне пляжей настроена на долгосрочную коммуникацию и длительный контакт с аудиторией. В данном случае иллюстративная составляющая помогает избежать привязки к конкретному человеку, как бы это было в случае с фотографией.

Рассмотрим также проект «No one deserves to die» [No one ..., 2021] (Никто не заслуживает смерти), реализованный в форме наружной рекламы в США и получивший вирусное распространение в интернете. Проект обращает внимание на острую проблему стигматизации онкобольных. В частности, стигматизация больных раком лёгких, обусловленная ложным представлением о курении как единственной причине заболевания, вызывает тревогу во всем мире [Lung Cancer, 2018]. Цель рекламы — показать абсурдность представления, что заболевшие раком лёгких сами

виноваты в своей болезни. Рекламная кампания, учитывая тренды интерактивности и геймификации, представляет детектив, разворачивающийся под видом социальной рекламы. Счётчик отсчитывает время, когда будет назван убийца, лишаящий жизни 160 000 человек в США ежегодно. На серии плакатов мрачного темно-зеленого цвета помещены портреты людей, относящиеся к разным социальным группам. Надписи к фотографиям отражают предвзятые суждения, подчёркивая их абсурдность: *Cat lovers deserve to die* (Любители кошек заслуживают смерти), *The smugs deserve to die* (Зазнайки заслуживают смерти), *The tattooed deserve to die* (Люди с татуировками заслуживают смерти), *Hipsters deserve to die* (Хипстеры заслуживают смерти), *Crazy old aunts deserve to die* (Сумасшедшие старые тётушки заслуживают смерти), *The genetically privileged deserve to die* (Генетически привилегированные заслуживают смерти). Реклама побуждает потребителей контента самостоятельно прийти к выводу, что убийцей является рак лёгких. Вся кампания направлена на опровержение устоявшегося представления о том, что только курящие могут заболеть раком лёгких. Для этого используется приём персонализированной визуализации. Девять пациентов с этим диагнозом, не являющиеся курильщиками, на фотографии держат в руках свои рентгеновские снимки с выделенными красным очагами поражения. Принадлежность пациентов к разным половозрастным группам также демонстрирует, что болезнь, как и любой другой несчастный случай, может коснуться каждого.

Аналогичную цель преследует израильская рекламная кампания, слоган которой констатирует: *Breast cancer does not discriminate* (Рак груди не дискриминирует), — указывая на важность изменения отношения общества к онкобольным, недопустимость их дискриминации по признаку возраста, расы или социально-экономического статуса. Серия интервью, фото- и видеоматериалов выполнена в минималистичном хроникальном стиле. В отличие от американской рекламной кампании, в которой была использована игровая подача материала, в израильском проекте избрана тактика реалистичности, достоверности историй. Как и в отечественной кампании «Химия была, но мы расстались», почти все визуальные изображения монохромны.

Иной ассоциативный ряд использует английская социальная реклама [Peterson, 2015], фиксирующая внимание на значимых радостных событиях жизни, которые можно упустить, не заботясь о своём здоровье. На плакатах по синему фону крупными буквами белого цвета обозначены события, которые могут произойти в разные периоды жизни, например, *Your wedding* (Твоя свадьба), *First grandchild* (Рождение первого внука), — а мелким шрифтом внизу указано предупреждение, например: *Don't miss*

it because of colon cancer. Get screened (Не пропусти это из-за рака кишечника. Проверься).

Апелляция к страху «потерянной жизни», «упущенного момента» часто используется в социальной рекламе, которая работает на предупреждение болезни, пропаганду здорового образа жизни и своевременной превентивной диагностики.

Размещение рекламы на улицах, в поликлиниках и аптеках, в вагонах и на станциях метро способствует быстрому распространению информации, доносит её даже до реципиентов, обычно избегающих рекламного контента по другим каналам связи. Так, надпись на автомате, выдающем жетоны в метро (например: *Проверить простату так же легко*), обязательно будет прочитана. То же самое можно сказать и о надписях в общественных туалетах.

Также в коммуникации, призывающей к регулярному прохождению обследований, часто эксплуатируются смыслы ‘незаметность’, ‘тайность’, ‘скрытость’ при характеристиках течения многих онкологических заболеваний и подчёркивается необходимость проходить проверку вне зависимости от того, есть ли какие-то беспокоящие симптомы. Культура внимательного и бережного отношения к собственному телу активно использовалась, в частности, в широкой рекламной кампании *AVON. Stop breast cancer*, направленной на борьбу с раком молочной железы [Назаренкова, 2017]. Одним из слоганов стал: *Not everything that grows is visible. Regular self-examining of your breasts can save your life* (Не все, что растёт, — видно. Регулярная проверка своей груди поможет сохранить тебе жизнь). В данной рекламе с участием супермодели показаны нежелательные для нее волосы в области подмышек, на которые, в отличие от опухоли, она сразу может обратить внимание.

Ряд социальных рекламных проектов, посвященных борьбе с онкологическими заболеваниями, содержат призывы о материальной поддержке как самих инициатив, так и фондов, помогающих своим подопечным справиться с болезнью. Также эти кампании информируют о больших финансовых затратах, связанных с лечением, и об отсутствии доступности этого лечения для каждого. Компания Pandora в своём проекте, имеющем целью популяризацию пожертвований, использовала нестандартный метод привлечения внимания к проблеме. На полу в различных учреждениях и торговых центрах размещались информация о высоких финансовых затратах на борьбу с заболеваниями и просьба оказать помощь: *Estamos precisando mais que voce. Doe seu troco a Liga* (Мы нуждаемся в этом больше, чем ты. Пожертвуйте свою сдачу). Рядом с объявлением была приклеена монета с крупным номиналом, которая привлекала людей, желающих ее поднять и благодаря

этому обращающих внимание на рекламное сообщение. Сайты многих кампаний, упомянутых в данной статье, имеют интерактивные кнопки с информацией, как помочь фонду, отдельным людям и инициативам.

Медицинская социальная реклама в Китае, в частности, направленная на повышение осведомлённости о профилактике и лечении онкологических заболеваний, имеет свою специфику. Повышение уровня здоровья населения в Китае является приоритетным направлением государственной политики. Это связано, в частности, со старением населения. Так, согласно статистическим данным, в 2009 году в Шанхае количество пожилых людей составляло 18,5 % населения [Ван Ли, 2009], а к настоящему времени стало ещё более значительным. Социальная реклама носит преимущественно информативный характер. Получили распространение видеоролики, популяризирующие знания о борьбе с онкологическими заболеваниями. В них приводятся различные схемы последовательности развития болезни, посредством анимации пошагово демонстрируются этапы лечения. Наряду со стратегией информирования применяется стратегия убеждения. Так, в рекламе присутствуют аргументы к авторитету известных врачей и других вызывающих доверие лиц, например, актеров или масс-медийных персонажей. Также часто встречаются сцены и кадры с логотипами и контактной информацией разных специализированных медицинских организаций и сообществ. Наиболее яркой особенностью китайской рекламы является ее тесная связь с политическим дискурсом. Очень часто в рекламных кампаниях содержатся ссылки на государственные стратегии обеспечения здоровья населения. В анализируемых рекламных текстах высокой частотностью отличаются упоминания государственной программы *健康中国2030 / Здоровый Китай 2030* [Здоровый Китай..., 2016], а также надписи *国家卫生健康委员会指导 / под руководством Национальной комиссии здравоохранения*.

Другая особенность китайской социальной рекламы, направленной на борьбу с онкологическими заболеваниями, заключается в апелляции к коллективизму и семейным ценностям. Концепт семьи остается одним из самых значимых в китайской картине мира. Эта особенность проявляется во внедрении данного концепта в рекламный текст, часто демонстрирующий пациентов и их семьи, вместе борющиеся с заболеванием. В рекламе CCTV *爱的接力 / Эстафета любви* [Эстафета ..., 2018] подчеркиваются поддержка и помощь семьи в лечении онкологии. В рекламных текстах часто используются такие понятия, как *家 / «семья», 一家 / «одна семья», 全家 / «вся семья»*. Также вводятся призывы к социальному сплочению, усиливающие коллективную ответственность, которые подчёркиваются лексемами с семантикой единения: *我们 / мы и 一起 / вместе*. Активно используются слоганы: *抗击癌症, 需要你我同行 / Борьба с раком тре-*

бует совместных усилий, как моих, так и твоих, — а также китайские четырехзначные идиомы с семантикой коллективизма, например: 同舟共济 / *действовать в одном направлении, объединить усилия*, 万众一心 / *все как один человек, в едином порыве*, 众志成城 / *единство — великая сила* [Оправдать доверие ..., 2024].

Стоит также отметить создание определенного эмоционального фона. Китайские рекламные кампании избегают прямых отсылок к смерти и создания тревожного фона. По сравнению с шокирующими изображениями (например, легких курильщика крупным планом), которые часто используются в западной рекламе, китайская реклама, как правило, использует «визуальные метафоры», например увядшие цветы, которые символизируют ухудшение здоровья. Кроме этого, избегается использование таких лексических единиц, как 死亡 / *смерть* и 绝症 / *смертельная болезнь*. Предпочтение отдаётся словам с позитивной семантикой: 希望 / *надежда* и 生命之光 / *свет жизни*. Следует учесть, что в китайской культуре не принято напрямую говорить о смерти так таковой. Даже в религиозных концепциях смерть обычно обозначается как переход на следующий этап жизненного цикла.

На прагматическом уровне, кроме ранее названных стратегий, китайские рекламные кампании также активно прибегают к стратегии побуждения к научному лечению онкологических заболеваний. В данном случае этот акцент обосновывается тем, что лечение онкологических заболеваний методами западной медицины является довольно дорогостоящим в Китае. В связи с этим множество пациентов обращаются к народной медицине и используют ряд неапробированных рецептов народной медицины, что в результате только откладывает эффективное лечение. По этой причине во многих рекламных текстах встречается слоган 科学抗癌, 关爱生命 / *Цените жизнь, боритесь с раком научным способом* [Научная профилактика ..., 2019].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, анализ социальной рекламы, посвящённой профилактике и лечению онкологических заболеваний, позволил выявить основные тактики и приёмы, применяемые в отечественных и зарубежных рекламных кампаниях.

В результате исследования было установлено, что онкологическая тематика в отечественной социальной рекламе всё ещё ощущается как табуированная. В рассмотренном рекламном проекте «Химия была, но мы расстались» проблема борьбы с заболеванием представлена метафорически, общая тональность рекламы оптимистическая, цель проекта — внушить надежду на выздоровление.

Для иностранных проектов в большей степени характерна ориентация на профилактику, указываются конкретные способы предотвращения заболевания. Важным аспектом зарубежной социальной рекламы является борьба со стигматизацией онкологических заболеваний. Отдельное место в рекламном контенте уделяется сбору благотворительных средств для помощи заболевшим, благодаря чему утверждается мысль о том, что проблема борьбы с болезнью касается каждого.

К тактическим приёмам убеждения, используемым в рекламе, относятся как директивные требования, прямо формулирующие призыв к тем или иным действиям, так и косвенные средства персуазивности (метафоризация, парадоксальность, игровые тактики). Визуальный ряд тяготеет к документальности, создающей впечатление достоверности информации. Необходимый для восприятия эмоциональный настрой (серьёзность, строгость) создаётся предпочтением ахроматических колористических решений.

Определённым своеобразием отличается социальная медицинская реклама в Китае. К её особенностям относятся политизированность, подчеркивание роли государства в здравоохранении, пропагандирование научных методов лечения онкологических заболеваний (на фоне непопулярности западной медицины в Китае), активное использование концептов СЕМЬЯ, КОЛЛЕКТИВ, табуирование темы смерти.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Вместе* против рака : Информационно-аналитическое издание [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://protiv-raka.ru/media-smi-reklama> (дата обращения 21.12.2024).

2. *Здоровый Китай 2030* [Электронный ресурс] // Информационный портал правительства Китая. 健康中国2030 // 中国政府网. — 2016. — Режим доступа : https://www.gov.cn/zhengce/2016-10/25/content_5124174.htm (дата обращения 21.12.2024).

3. *Назаренкова Е.* 13 кампаний против рака груди в России и за рубежом [Электронный ресурс] / Е. Назаренкова // Sostav. — 30.10.2017. — Режим доступа : <https://www.sostav.ru/publication/film-ot-tlc-i-mylo-ot-cp-and-b-london-kampanii-protiv-raka-grudi-v-rossii-i-za-rubezhom-28968.html> (дата обращения 21.12.2024).

4. *Научная* профилактика рака — во главе угла. 25-я Национальная неделя борьбы с онкологией : время действовать! [Электронный ресурс] // Информационный портал государственного комитета по делам здравоохранения. 科学抗癌预防先行, 第25个“全国肿瘤防治宣传周”来了 // 国家卫生健康委员会网站. — 2019. — Режим доступа :

<https://finance.china.com.cn/consume/special/ZLXC/20190417/4955873.shtml> (дата обращения 21.12.2024).

5. *Оправдать доверие жизни : свет надежды в борьбе с раком* [Электронный ресурс] // Платформа онлайн-видео iQiyi. 成就生命之托, 点亮抗癌之路 // 爱奇艺. — 2024. — Режим доступа : https://www.iqiyi.com/v_1t6n1ymcxu0.html (дата обращения 21.12.2024).

6. *О рекламе* : Федеральный закон Российской Федерации № 38-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105292> (дата обращения 21.12.2024).

7. *Химия была, но мы расстались* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://myphothotherapy.ru> (дата обращения 21.12.2024).

8. *Эстафета любви* [Электронный ресурс] // Информационный портал центрального телевидения Китая. 爱的接力 // 中国中央电视台. — 2018. — Режим доступа : <https://tv.cctv.com/2019/04/05/VIDEIOYRxfrm4axdRas8cSsf190405.shtml> (дата обращения 21.12.2024).

9. *Cancer support group urges youngsters to take off your brave faces in campaign from Navas*. — 2021 [Electronic Resource]. — Access mode : <https://mumbrella.com.au/cancer-support-group-urges-youngsters-to-take-off-your-brave-face-in-campaign-from-navas-713412> (accessed 21.12.2024).

10. *Mother and daughter* [Electronic Resource] // Israel Cancer Association. — 2014. — Access mode : <https://www.adsofttheworld.com/campaigns/mother-amp-daughter> (accessed 21.12.2024).

11. *No one deserves to die* [Electronic Resource] // Lung Cancer Alliance. — 2013. — Access mode : <https://www.oneclub.org/awards/theoneshow/-award/19202/no-one-deserves-to-die> (accessed 21.12.2024).

12. *Peterson E. Don't Miss It : a new campaign from the Colon Cancer Coalition* [Electronic Resource] / E. Peterson. — 2015. — Access mode : <https://coloncancercoalition.org/2015/05/06/dont-miss-it> (accessed 21.12.2024).

13. *The job's not done until we're all safe in the sun*. 21 November 2021 [Electronic Resource]. — Access mode : <https://www.cancer.org.au/blog/the-jobs-not-done-until-were-all-safe-in-the-sun> (accessed 21.12.2024).

Литература

1. *Ван Ли*. Здравоохранительная пропаганда и СМИ Китая : опыт взаимодействия [Электронный ресурс] / Ван Ли // Mediascope. Foreign Media. — 2009. — № 2. — Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/issues/215> (accessed 21.12.2024).

2. *Вепрева И. Т.* Аксиосфера социального рекламного плаката о коронавирусе в России и Китае / И. Т. Вепрева, Чжибин Ян // Научный диалог. — 2023. — № 12 (2). — С. 102—123. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-102-123

3. *Вепрева И. Т.* Национальная специфика социальной рекламы о коронавирусе в России и Китае / И. Т. Вепрева // Quaestio Rossica. — 2022. — Т. 10. — № 1. — С. 35—52. — DOI: 10.15826/qr.2022.1.657

4. *Данилевская Н. В.* О специфике текстов социальной рекламы в современном рекламном дискурсе (на материале медицинской профилактической литературы) / Н. В. Данилевская // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2012. — № 4. — С. 132—137.

5. *Донскова Ю. В.* Семиотика рекламы вакцинации в медиадискурсе / Ю. В. Донскова, А. Д. Курилова, О. А. Махно // Научный диалог. — 2023. — № 12 (7). — С. 83—101. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-83-101

6. *Калинина Л. Л.* Социальная реклама и её роль в современном российском обществе / Л. Л. Калинина // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2020. — № 3. — С. 15—24. — DOI: 10.28995/2073-6304-2020-3-15-24

7. *Рюмин Р. В.* Социальная реклама как речевой жанр : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Р. В. Рюмин. — Томск, 2012. — 23 с.

8. *Скляр Е. С.* Вербальные и невербальные особенности текстов медицинской рекламы / Е. С. Скляр // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 4 (25). — С. 110—112.

9. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста : поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 245 с.

10. *Cancer Communication and User Engagement on Chinese Social Media : Content-Analysis and Topic Modelling Study [Electronic Resource] / L. Chen, P. Wang, X. Ma, X. Wang // Journal of Medical Internet Research. — 2021. — Vol. 23, Iss. 11. — DOI: 10.2196/26310.*

11. *Cross-sectional study of medical advertisements in a national general medical journal : evidence, cost and safe use of advertised versus comparative drugs [Electronic Resource] / K. Boesen, A. L. Simonsen, K. J. Jorgensen, P. C. Gotzsche // Research Integrity and Peer Review. — 2021. — № 6 (8). — Access mode : <https://researchintegrityjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s41073-021-00111-9> (accessed 21.12.2024).*

12. *Elrod J. K.* Advertising in health and medicine : using mass media to communicate with patients [Electronic Resource] / J. K. Elrod, Jr. J. L. Fortenberry // BMC Health Services Research. — 2020. — № 18. — Access mode : <https://bmchealthservres.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12913-020-05599-3> (accessed 21.12.2024).

13. *Gale A.* Advertising increases health care costs and undermines medical ethics / A. Gale // Missouri Medicine. — 2019. — № 116 (5). — Pp. 344—346.

14. *Lung Cancer Stigma across the Social Network : Patient and Caregiver Perspectives [Electronic Resource] / S. Occhipinti, J. Dunn, D. L. O'Connell, G. Garvey, P. C. Valery, D. Ball, K. M. Fong, S. Vinod, S. Chambers // Journal of Thoracic Oncology. — 2018. — Vol. 13, Iss. 10. — Pp. 1443—1453. — Access mode : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1556086418307664> (accessed 21.12.2024).*

15. *Social Media Campaigns : A Game Changer for the Prevention of Breast Cancer in Romania / R. D. Todor, G. Brătucu, A. N. Candrea, C. G. Stempel, C. V. Anastasiu // Healthcare (Basel). — 2024. — № 12 (8). — Pp. 8—65. — DOI: 10.3390/healthcare12080865*

16. *Zhao K.* Cancer Prevention and Treatment on Chinese Social Media : Machine Learning-Based Content Analysis Study [Electronic Resource] / Zhao Keyang, Li Xiaojing, Li Jingyang // Journal of Medical Internet Research. — 2024. — Vol. 26. — e55937. — DOI: 10.2196/55937.

*Статья поступила в редакцию 25.02.2025,
одобрена после рецензирования 19.04.2025,
подготовлена к публикации 02.05.2025.*

Material resources

About advertising: Federal Law of the Russian Federation № 38-FZ. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105292> (accessed mode 21.12.2024). (In Russ.)

Cancer support group urges youngsters to take off your brave faces in campaign from Havas. (2021). Available at: <https://mumbrella.com.au/cancer-support-group-urges-young->

- sters-to-take-off-your-brave-face-in-campaign-from-havas-713412 (accessed mode 21.12.2024).
- Healthy China 2030. (2016). In: *Information Portal of the Government of China*. Available at: https://www.gov.cn/zhengce/2016-10/25/content_5124174.htm (accessed mode 21.12.2024). (In Chin.)
- Justify the trust of life: the light of hope in the fight against cancer. (2024). In: *Online video platform iQiyi*. Available at: https://www.iqiyi.com/v_1t6n1ymcxu0.html (accessed mode 21.12.2024). (In Chin.)
- Mother and daughter. (2014). In: *Israel Cancer Association*. Available at: <https://www.adsoftheworld.com/campaigns/mother-amp-daughter> (accessed mode 21.12.2024).
- Nazarenkova, E. (2017). 13 campaigns against breast cancer in Russia and abroad. In: *Sostav*. 30.10.2017. Available at: <https://www.sostav.ru/publication/film-ot-tlc-i-mylo-ot-cp-and-b-london-kampanii-protiv-raka-grudi-v-rossii-i-za-rubezhom-28968.html> (accessed mode 21.12.2024). (In Russ.)
- No one deserves to die. (2013). In: *Lung Cancer Alliance*. Available at: <https://www.oneclub.org/awards/theonshow/-award/19202/no-one-deserves-to-die> (accessed mode 21.12.2024).
- Peterson, E. (2015). *Don't Miss It: a new campaign from the Colon Cancer Coalition*. Available at: <https://coloncancercoalition.org/2015/05/06/dont-miss-it> (accessed mode 21.12.2024).
- Relay of love. (2018). In: *China Central Television Information Portal*. Available at: <https://tv.cctv.com/2019/04/05/VIDEIOYRxfm4axdRas8cSsf190405.shtml> (accessed mode 21.12.2024). (In Chin.)
- Scientific cancer prevention is at the forefront. 25th National Cancer Control Week : Time to act! (2019). In: *Information portal of the State Committee for Health Affairs*. Available at: <https://finance.china.com.cn/consume/special/ZLXC/20190417/4955873.shtml> (accessed mode 21.12.2024). (In Chin.)
- The job's not done until we're all safe in the sun. 21 November 2021*. (2021). Available at: <https://www.cancer.org.au/blog/the-jobs-not-done-until-were-all-safe-in-the-sun> (accessed mode 21.12.2024).
- There was chemistry, but we broke up*. Available at: <https://myphototherapy.ru> (accessed mode 21.12.2024). (In Russ.)
- Together against cancer: An information and analytical publication*. Available at: <https://protiv-raka.ru/media-smi-reklama> (accessed mode 21.12.2024). (In Russ.)

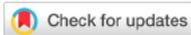
References

- Boesen, K., Simonsen, A. L., Jorgensen, K. J., Gotzsche, P. C. (2021). Cross-sectional study of medical advertisements in a national general medical journal: evidence, cost and safe use of advertised versus comparative drugs. *Research Integrity and Peer Review*, 6 (8). Available at: <https://researchintegrityjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s41073-021-00111-9> (accessed mode 21.12.2024).
- Chen, L., Wang, P., Ma, X., Wang, X. (2021). Cancer Communication and User Engagement on Chinese Social Media: Content-Analysis and Topic Modelling Study. In: *Journal of Medical Internet Research*, 23 (11). DOI: 10.2196/26310.
- Chernyavskaya, V. E. (2009). *Linguistics of the text: polycode, intertextuality, interdiscursivity*. Moscow: LIBROCOM. 245 p. (In Russ.)
- Danilevskaya, N. V. (2012). On the specifics of social advertising texts in modern advertising discourse (based on medical preventive literature). *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*, 4: 132—137. (In Russ.)

- Donskova, Yu. V., Kurilova, A. D., Makhno, O. A. (2023). Semiotics of vaccination advertising in media discourse. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 83—101. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-83-101. (In Russ.)
- Elrod, J. K., Fortenberry, Jr. J. L. (2020). Advertising in health and medicine: using mass media to communicate with patients. *BMC Health Services Research*, 18. Available at: <https://bmchealthservres.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12913-020-05599-3> (accessed mode 21.12.2024).
- Gale, A. (2019). Advertising increases health care costs and undermines medical ethics. *Missouri Medicine*, 116 (5): 344—346.
- Kalinina, L. L. (2020). Social advertising and its role in modern Russian society. *Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Economics. Management. The right"*, 3: 15—24. DOI: 10.28995/2073-6304-2020-3-15-24. (In Russ.)
- Occhipinti, S., Dunn, J., O'Connell, D. L., Garvey, G., Valery, P. C., Ball, D., Fong, K. M., Vinod, S., Chambers, S. (2018). Lung Cancer Stigma across the Social Network: Patient and Caregiver Perspectives. *Journal of Thoracic Oncology*, 13 (10): 1443—1453. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1556086418307664> (accessed mode 21.12.2024).
- Ryumin, R. V. (2012). *Social advertising as a speech genre: Abstract PhD of Philology*. Tomsk. 23 p. (In Russ.)
- Sklyar, E. S. (2018). Verbal and nonverbal features of medical advertising texts. *Baltic Humanitarian Journal*, 7 / 4 (25): 110—112. (In Russ.)
- Todor, R. D., Brătucu, G., Candrea, A. N., Stempel, C. G., Anastasiu, C. V. (2024). Social Media Campaigns: A Game Changer for the Prevention of Breast Cancer in Romania. *Healthcare (Basel)*, 12 (8): 8—65. DOI : 10.3390/healthcare12080865.
- Van Lee. (2009). Healthcare propaganda and the Chinese media: the experience of interaction. In: *Mediascope. Foreign Media*, 2. Available at: <http://www.mediascope.ru/issues/215> (accessed mode 12/21/2024). (In Russ.)
- Vepreva, I. T. (2022). National specifics of social advertising about coronavirus in Russia and China. *Quaestio Rossica*, 10 (1): 35—52. DOI: 10.15826/qr.2022.1.657. (In Russ.)
- Vepreva, I. T., Zhibin Yang. (2023). The axiosphere of the social advertising poster about coronavirus in Russia and China. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 102—123. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-102-123. (In Russ.)
- Zhao Keyang, Li Xiaojing, Li Jingyang. (2024). Cancer Prevention and Treatment on Chinese Social Media: Machine Learning-Based Content Analysis Study. *Journal of Medical Internet Research*, 26. e55937. DOI: 10.2196/55937.

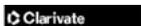
*The article was submitted 25.02.2025;
approved after reviewing 19.04.2025;
accepted for publication 02.05.2025.*

Информация для цитирования:

Якимова С. И. Авторские посвящения в поэтическом дискурсе журнала «Рубеж» (Харбин, 1926—1945) как продуктивный компонент художественного текста / С. И. Якимова, Е. С. Бабкина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 248—270. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-248-270.

Yakimova, S. I., Babkina, E. S. (2025). Authorial Dedications in Poetic Discourse of “Rubizh” Journal (Harbin, 1926–1945) as a Productive Component of Artistic Text. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 248-270. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-248-270. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Авторские посвящения
в поэтическом дискурсе
журнала «Рубеж»
(Харбин, 1926—1945)
как продуктивный компонент
художественного текста**

Якимова Светлана Ивановна
orcid.org/0000-0003-4810-9956
доктор филологических наук, доцент,
профессор высшей школы медиа,
коммуникаций и сервиса,
корреспондирующий автор
005563@togudv.ru

Бабкина Екатерина Сергеевна
orcid.org/0000-0001-7310-7798
доктор филологических наук, доцент,
профессор высшей школы медиа,
коммуникаций и сервиса
006007@togudv.ru

Тихоокеанский
государственный университет
(Хабаровск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 24-28-20352,
<https://rscf.ru/project/24-28-20352/>

**Authorial Dedications
in Poetic Discourse
of “Rubizh” Journal
(Harbin, 1926–1945)
as a Productive Component
of Artistic Text**

Svetlana I. Yakimova
orcid.org/0000-0003-4810-9956
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Higher School of Media,
Communications, and Service,
corresponding author
005563@togudv.ru

Ekaterina S. Babkina
orcid.org/0000-0001-7310-7798
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Higher School of Media,
Communications, and Service
006007@togudv.ru

Pacific National University
(Khabarovsk, Russia)

Acknowledgments:

This research was supported
by the Russian Science Foundation,
Project № 24-28-20352,
<https://rscf.ru/project/24-28-20352/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются особенности поэтического контента еженедельного литературно-художественного издания русских эмигрантов в Китае, журнала «Рубеж» (1926—1945), в новом, структурно-функциональном аспекте, в контексте паратекстуальной проблематики, сформулированной Ж.-М. Томасо и Ж. Женеттом. Материалом послужила богатая подборка журнала «Рубеж», хранящаяся в Государственном архиве Хабаровского края. Была произведена жанровая выборка поэтических текстов с авторскими посвящениями. Авторы статьи рассматривают внутрижанровую типологию и полифункциональность авторских посвящений как одного из важных элементов паратекста в произведениях поэтов-эмигрантов. Проведенный контент-анализ мемориальных и диалоговых авторских посвящений выявляет многообразие их текстологических возможностей. Установлено, что посвящения являются, с одной стороны, формой авторского присутствия и самовыражения, а с другой — разновидностью интертекста. Дискурсивный анализ авторских посвящений в произведениях поэтов-эмигрантов выявляет философско-эстетическую, духовно-нравственную обусловленность авторского творческого самовыражения, его соответствия высокому запросу русской эмигрантской аудитории на актуализацию ценностей русской национальной духовной культуры и искусства (литература, изобразительное искусство, балет), значимый вклад художников-эмигрантов в формирование Русского мира.

Ключевые слова:

паратекст; авторские посвящения; поэтический дискурс журнала *Рубеж*; эмигрантская литература; Харбин; национально-культурные ценности; интертекст; Русский мир.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the characteristics of poetic content in the weekly literary and artistic publication of Russian émigrés in China, the journal “Rubizh” (1926–1945), from a novel structural-functional perspective within the context of paratextual issues as articulated by Gérard Genette and Jean-Michel Tomaso. The material for this research is derived from a rich collection of the “Rubizh” journal housed in the State Archive of the Khabarovsk Territory. A genre-based selection of poetic texts featuring authorial dedications was conducted. The authors analyze the intragenre typology and multifunctionality of these dedications as significant elements of paratext in the works of émigré poets. The content analysis of memorial and dialogical authorial dedications reveals a diverse range of their textual possibilities. It is established that dedications serve, on one hand, as a form of authorial presence and self-expression, and on the other hand, as a variety of intertextuality. A discursive analysis of authorial dedications in the works of émigré poets uncovers the philosophical-aesthetic and spiritual-moral determinants of creative self-expression, aligning with the high demands of the Russian émigré audience for the actualization of values inherent in Russian national spiritual culture and art (literature, visual arts, ballet), highlighting the significant contributions of émigré artists to the formation of the Russian World.

Key words:

paratext; authorial dedications; poetic discourse of the journal *Rubizh*; émigré literature; Harbin; national-cultural values; intertextuality; Russian World.

УДК 811.161.1'42:82-14

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-248-270

Научная специальность ВАК

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

5.9.1. Русская литература и литературы

народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Авторские посвящения в поэтическом дискурсе журнала «Рубеж» (Харбин, 1926—1945) как продуктивный компонент художественного текста

© Якимова С. И., Бабкина Е. С., 2025

1. Введение = Introduction

Современные исследования художественного текста становятся все более многоаспектными, тяготея к междисциплинарности в своем стремлении к постижению максимальной полноты заложенных в нем смыслов. Поэтический текст, отличающийся особой концентрацией смыслов, сохраняет свою высокую притягательность для исследователей. Предлагаемые современными исследователями новые научные подходы способствуют так называемой научной «перезагрузке», новому рассмотрению известного, отчасти знакомого художественного контента.

Предметом изучения в данной статье выступают авторские посвящения в поэтическом дискурсе еженедельного журнала «Рубеж», издававшегося русскими эмигрантами Харбина в период 1926—1945 годов, в новом, структурно-функциональном аспекте, в контексте паратекстуальной проблематики, впервые сформулированной Ж.-М. Томассо и Ж. Женеттом [Титова, 2019, с. 30]. Придерживаясь широкого понимания термина, Ж. Женетт включает в состав паратекста посвящение, заглавие, вступление и названия глав. Трактую паратекст как «ориентированный внутрь основного текста» [Соколова, с. 306], Ж. Женетт уточняет: «Паратекст, разумеется, может обладать самостоятельной эстетической и идеологической ценностью, щегольством и парадоксальностью, но он всегда подчинен “своему” тексту, и эта функциональность определяет, в конечном итоге, его суть» [Жанетт, 2004, с. 189]. Концептуальный постулат о единстве паратекста с собственно текстом, сформулированный Ж. Женеттом, развивают современные исследователи.

В отечественном литературоведении наряду со словом *паратекст* используется термин *рамочный текст*, или *рамка произведения*, и интерпре-

тируется как граница художественного пространства, отделяющая текст от нетекста [Лотман, 1970, с. 255].

В современной науке различают два вида авторского присутствия в произведении. Первый вид авторского присутствия соотносится с понятием образа автора, когда автор создает своего двойника, для которого он выступает прототипом. Исследователь О. А. Мельничук характеризует данный вид авторского присутствия как проявление установки писателя «на разрыв между словом и действительностью» [Мельничук, 2002, с. 51]. Исследователи с антропоцентрической парадигмой лингвистического мышления рассматривают художественный текст как сказанное самим «говорящим» как конкретной языковой личностью, используя такие понятия, как «авторская интонация», «авторское сознание» [Копытов, 2010, с. 13].

Как считает исследователь А. Ф. Андросова, «произведение неотделимо от своего создателя; замысел автора может быть реконструирован только из произведения, в котором он воплощен. В любом художественном тексте все, от сюжета до знаков препинания, является сознательным выбором автора в соответствии с его намерением, замыслом» [Андросова, 2015, с. 25]. О. А. Мельничук уточняет, что при этом автор в художественном тексте проявляет себя «с разной степенью выраженности в зависимости от его замысла» [Мельничук, 2002, с. 41]. Поэтому перед читателем встает задача постижения авторского сознания, «закодированного в тексте при помощи языковых и композиционных средств» [Мельничук, 2002, с. 52].

Заголовочный комплекс, вариативно включающий в себя авторское посвящение, являясь рамочным компонентом художественного текста, заметно влияет на формирование главных линий авторского замысла. Посредством посвящения автор, предваряя знакомство читателя со своим текстом, публично заявляет о себе, о своих идейно-художественных и личных приоритетах, предпочтениях, приоткрывает дверь в свой личный субъективный мир.

Присущая авторскому поэтическому дискурсу монолитность, обусловленная фундаментальными воззрениями поэта, представителя национальной культуры определенного периода истории, «способствует концептуализации художественного образа эпохи через призму индивидуального культурно-мировоззренческого опыта автора, выявлению уникального синтеза рационального и эмоционального» [Якимова, 2022б, с. 48].

Поэтический дискурс журнала «Рубеж» включает в себя богатый контент с множеством новых творческих практик, сформировавшихся в условиях изменившихся вызовов времени: высокий запрос в условиях эмиграции на произведения национальной культурной тематики в ее связи с традициями русской классики, достижениями серебряного века.

Авторские посвящения к текстам художественных произведений, в том числе поэтических, относясь к «затекстовым» структурам, способствуют более глубокому пониманию художественного замысла поэта, его концептуальному постижению в контексте взаимодействия объективных и субъективных, социокультурных и индивидуально-творческих факторов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Литературно-художественный журнал «Рубеж» много раз становился предметом внимания исследователей как главное литературно-художественное еженедельное периодическое издание русской диаспоры в Китае [Бузуев, 2021; Забияко и др., 2008]. Исследователи изучали особенности проблематики, жанровой специфики, вопросы авторства опубликованных в этом издании публицистических и художественных текстов.

Поэтический дискурс этого журнала, включающий в себя богатый контент с множеством новых творческих практик, обусловленных эмиграцией и изменившимися вызовами времени, высоким запросом на произведения национальной культурной тематики в ее тесной связи с традициями русской классики, достижениями серебряного века, до настоящего времени в заявленном аспекте не изучался. Вместе с тем вопрос о формах и способах авторского присутствия и самовыражения в художественном, в том числе поэтическом, тексте остается актуальным для современного литературоведения в силу его продуктивности.

Научная новизна в изучении структурно-функциональных особенностей поэтического контента периодического издания русских эмигрантов в Китае обусловлена недостаточной изученностью особенностей его проблематики, обусловленной разлукой с Родиной, приоритетом национальных культурных ценностей, актуализацией консолидирующей темы искусства в глобальном пространстве, процессами формирования и продвижения Русского мира.

Изучение авторских посвящений в поэтических произведениях русских эмигрантов, публиковавшихся в журнале «Рубеж», в контексте создания нового журналистского контента посредством интеграции художественных текстов актуальной проблематики, разнообразной структуры и жанров, «отражает поступательную динамику развития русскоязычного дискурса, обогащавшегося включением интертекстуальных и контекстуальных элементов» с учетом изменений социокультурного запроса эмигрантской аудитории [Якимова, 2022а, с. 82].

Выявлению новых аспектов в деятельности редакции журнала «Рубеж» по формированию поэтического контента во многом способствует дискурсивный подход в анализе поэтических произведений с авторскими

посвящениями. Высокая эффективность дискурсивного подхода обусловлена использованием совокупности аналитических методов интерпретации текстов как продуктов речемыслительной деятельности человека в контексте конкретных исторических обстоятельств и социокультурных условий жизни русских эмигрантов в Китае.

Понятие дискурса может рассматриваться с разных позиций. Объектом данного исследования является поэтический дискурс журнала «Рубеж» в социокультурном контексте XX—XXI веков как особый вид вербального искусства в рамках текстового контента пространства поэзии. В рамках изучаемой темы важным представляется вклад в теорию дискурса голландского исследователя Т. А. ван Дейка, который рассматривает дискурс как «завершенный или продолжающийся “продукт” коммуникативного действия», включающий «интерпретацию продукта реципиентами» [Ван Дейк]. Характеризуя дискурс как «тип вербальной продукции», «тип жанра», ученый отмечает, что понятие дискурса «относится к специфическому историческому периоду, социальной общности или к целой культуре» [Там же].

Журнал «Рубеж», как одно из востребованных и популярных в Китае в русской эмигрантской среде средств массовой информации, которые «не только передают информацию, но и путем осознанного отбора выделяют и субъективно интерпретируют события окружающей действительности, влияя на сознание личности и формируя общественное мнение», может рассматриваться как важный фактор формирования русскоязычного эмигрантского сообщества [Темникова, 2016, с. 7]. Транслируя новое знание о мире, оценку актуальных событий, журнальный дискурс расширяет информационное пространство, соединяя в себе «процесс вербализованной речемыслительной деятельности» и ее «результат» в виде «совокупности текстов» [Уварова, 2015, с. 49].

Журнал «Рубеж» (1926—1945), своим символическим названием полемизируя с идеей разрыва, на четверть века стал одним из центров русской словесной культуры в зарубежье, продвигая, в том числе через поэтический дискурс, идеалы и ценности русской национальной культуры и искусства в контексте актуальных глобальных социокультурных процессов.

В середине 1930-х годов мировую известность получил Пакт Рериха, документ, составленный великим русским художником Николаем Константиновичем Рерихом (1874, Санкт-Петербург, — 1947, Индия), который регулировал вопросы охраны материальных и духовных достижений культуры и искусства разных стран и народов. Главными тезисами Пакта Рериха стали утверждения, основанные на традициях русской классики: *«Сознание красоты спасет мир»*; *«В красоте залог счастья человечества*,

потому мы ставим искусство высшим стимулом для возрождения духа»; «Не может человечество процветать без знания величия культуры» [Пакт Рериха]. Подписание Пакта Рериха состоялось 15 апреля 1935 года в Вашингтоне в Белом Доме представителями 21 государства американского континента. В 2025 году мировая общественность отметит 90-летие со времени подписания Пакта Рериха. Наследие Н. К. Рериха изучают ученые всего мира. «Смысл Пакта Рериха во всей его глубине и значимости еще предстоит открыть современному миру. Это выдающееся достижение Н. К. Рериха, которое можно рассматривать и в контексте развития мировой истории, и развития мировой культуры, и общественной мысли», — подчеркнул И. Ю. Дьяченко, один из участников состоявшегося 15 апреля 2020 года Международного круглого стола «Пакт Рериха — Мир через Культуру» [Дьяченко, 2020].

Колоссальный масштаб личности и деятельности Н. К. Рериха снижал ему репутацию «Гражданина мира». Этот выдающийся художник, мыслитель, общественный деятель, продвигая идею культуры как основы мира, объехал многие страны и континенты, его хорошо знали русские эмигранты в Европе, Америке и Китае. Со многими русскими писателями он состоял в переписке, встречался за рубежом. Н. К. Рерих был лично знаком и общался в начале 1920-х годов в Париже, позднее — в Америке с известным писателем из Сибири, Г. Д. Гребенщиковым, который в конце 1920-х годов присылал из Америки и публиковал в «Рубеже» свои произведения. Это ему посвятила стихотворение «Чураевка», опубликованное в «Рубеже», Мария Дорожинская, поэт западноевропейской эмиграции [Дорожинская, 1930, с. 4]. С писателем, мыслителем и журналистом русского зарубежья Дальнего Востока Вс. Н. Ивановым (1888, г. Волковыск, Гродненская губерния, — 1971, г. Хабаровск), который написал книгу «Рерих — художник-мыслитель» (Рига, 1937), Н. К. Рерих встречался в Китае во время своей экспедиции на Восток. Идеи Н. К. Рериха имели широкий общественный резонанс во всем мире и в эмигрантской среде в частности. Журнал «Рубеж» не остался в стороне от этой «столбовой» дороги русской эмиграции первой волны, а его вклад в формирование и продвижение Русского мира сохраняет значимость не только для исследователей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В контексте событий, развернувшихся после октябрьской революции 1917 года в России, идейно-политическая полемика недолгое время занимала первые страницы периодических изданий русского зарубежья, уступив место конструктивным тенденциям, философско-эстетическим и художественным исканиям. В сложившейся социокультурной ситуации журнал

«Рубеж» внес свой весьма заметный, в определенной степени новаторский вклад в процесс осмысления духовного раскола России, самоопределения русской творческой интеллигенции, ее нравственно-философских поисков путей преодоления духовного кризиса в сознании русской эмиграции, в формирование устойчивых основ жизни в изгнании.

Тема искусства, заключающего в себе основы добра и красоты, обладающего мощным консолидирующим ресурсом, заняла главные позиции в печатных изданиях русского зарубежья, стала своеобразной точкой опоры. Пакт Рериха о приоритете искусства в жизни человечества мощно противостоял деструктивным проявлениям эпохи 1930-х годов.

В статье рассматриваются продуктивные виды авторских посвящений в поэтических произведениях, мемориальные и диалогические, которые объединяет тема искусства.

3.1. Мемориальные авторские посвящения. Тема памяти

Среди авторских посвящений к поэтическим произведениям, опубликованным в русском эмигрантском журнале «Рубеж», особое место занимают мемориальные посвящения, связанные с памятными датами в жизни и творчестве известных деятелей русской культуры и искусства, чье влияние в условиях эмиграции, разлуки с Россией, заметно усиливалось.

В современном научном дискурсе достаточно известным является факт, что идейно-художественными ориентирами в поэзии эмигрантов на Востоке оставались А. Блок и Н. Гумилев, поэты-новаторы Серебряного века.

К десятилетию со дня смерти А. Блока Александра Паркау (в замужестве Александра Петровна Нилус; 16 июня 1889, Новочеркасск — 1954, Казахская ССР), которая была известна в дальневосточной эмиграции как русский поэт, прозаик, переводчик и журналист, опубликовала в харбинском журнале «Рубеж» свое стихотворение «В синем тумане» с посвящением «К 10-летию смерти А. Блока». Мысленно адресуя стихотворение А. Блоку, А. Паркау берет на себя миссию подвижника, популяризатора творчества поэта, близкого ей по духу.

Тема Родины и будущего России, оставаясь самой заветной для А. Блока-символиста, была связана с поэтическим образом синей дали времен. В своих записных книжках А. Блок писал: *«Это Россия летит неведомо куда — в сине-голубую пропасть времен — на разубранной и разукрашенной своей тройке. Видите ли вы ее звездные очи — с мольбою обращенные к нам: “Полоби меня, полюби красоту мою!” Но нас от нее отделяет эта бесконечная даль времен, эта синяя морозная мгла, эта снежная звездная сеть»* [Блок, 1965, с. 117—118].

В своих записных книжках, размышляя о немецких романтиках, опираясь на цитаты из Г. Гейне, А. Блок и в себе открывал романтика: «Несмо-

тря на мои опустошительные походы против романтиков, сам я все-таки всегда оставался романтиком и был им даже в большей степени, чем сам подозревал. После самых смертоносных ударов, нанесенных мною увлечению романтической поэзией в Германии, меня самого вновь охватила тоска по голубому цветку» [Блок, 1962, с. 147].

А. Паркау, открывая свое стихотворение строками: «*Блок — певец голубого тумана, / Петербургских мерцающих льдов*», — усиливает заголовок («В синем тумане») акцентом на одном из оттенков синего цвета (голубом), концептуального в поэтической цветописии символистов [Паркау, 1931, с. 1]. Две важные стихии жизни: вода и воздух, — составляя амбивалентность физической природы тумана, одного из универсальных художественных образов, который находит свое яркое отражение в литературе и живописи, дополняются богатой цветовой палитрой тумана. В поэзии А. Блока традиционные смыслы синего цвета (гармония, покой) в контексте национальных социокультурных трансформаций начала XX века приобретают блоковские художественно-выразительные доминанты (непорочность, первозданность).

Используя цвет как художественное средство для создания своего собственного, неповторимого образа-символа, А. Блок динамично развивает символику образа новым семантическим наполнением: голубой цвет отражает недостижимость идеала, а синий — крушение идеала или измену. Синий цвет и его вариации, передающие в поэзии А. Блока не просто оттенки цвета, а преимущественно эмоциональное переживание лирического героя А. Блока в контексте революционных потрясений эпохи, творчески переосмысливаются А. Паркау в других социокультурных обстоятельствах, в условиях изгнания. Опираясь на поэтизацию и романтизацию цветообраза у символистов, А. Паркау в своем стихотворении «В синем тумане» с посвящением «К 10-летию смерти А. Блока» создает концептуальную поэтическую зарисовку, адресуя ее не только почитателям поэзии А. Блока, а всем соотечественникам в изгнании. Побуждая читателя к глубокой погруженности в мир блоковской поэзии и поэтики, А. Паркау передает созвучие лирических переживаний своего лирического героя с блоковским: «*Только принял он или не принял / Гордо взвишшийся красный флаг, — / Он остался всё тот же синий, / Тот же синий мистический маг*» [Паркау, 1931, с. 1].

В научной статье современных исследователей Л. И. Донецких и Ю. Н. Кудрявцевой о развитии цветовой поэтики А. Блока много внимания уделяется данному цвету: «Словообраз “синий” в творчестве Блока наделяется амбивалентностью смыслов. Его символика претерпевает значительные изменения от восторженного представления романтических идеалов

в раннем творчестве до негативной семантики и выражения светлых надежд на заключительном этапе лирического пути поэта» [Донецких и др., 2010, с. 29]. Эти смысловые сдвиги обусловлены изменением авторской акцентировки, усилением влияния экстралингвистических факторов. Синий цвет заметно визуализирует психологическое состояние лирического героя «трилогии вочеловечения» А. Блока, его «романа в стихах».

Художественный мотив тоски, акцентирующий финал стихотворения А. Паркау, включает в себе высокую оценку поэтического таланта А. Блока, поэта-патриота, прорицателя, не сумевшего пережить трагической поступи своей эпохи: *«Ветер, выюга, смертельная рана... / В дни звериной борьбы и тревог, / Блок, певец голубого тумана, / С сердцем раненым жить не мог. <...> // В том же синем плаще эстета / Неразгаданный умер Блок»* [Паркау, 1931, с. 1].

В этом произведении А. Паркау начала 1930-х годов, отразившем динамику цветообраза в творчестве А. Блока, тезисно намечены некоторые из современных научных наблюдений о творческо-индивидуальном развитии поэтики цвета у Блока-художника, символиста-новатора.

С середины 1920-х годов журнал «Рубеж» почти на 20 лет стал центром русской культурной жизни Харбина, а не только литературной деятельности, где на профессиональном уровне проводилась большая культурно-просветительская работа. Как литературно-художественное издание, журнал «Рубеж» выполнял широкие функции, отвечая на запросы русскоязычной аудитории в Китае. Он выступал как популяризатор общекультурных знаний, наследия русской национальной культуры и искусства, способствуя воспитанию подрастающего поколения русских эмигрантов, формированию пространства Русского мира. Заметный вклад в это важное дело внесли авторские посвящения поэтов-эмигрантов к своим стихам о русской национальной культуре, религиозных праздниках России, которые эмигранты увезли с собой в изгнание, сохраняя свою национальную идентичность.

В условиях эмиграции, вызвавшей у русских людей в изгнании бурю чувств и переживаний в связи с утратой Родины, необходимостью адаптироваться к жизни в окружении чужого языка и иной культуры, поэтический талант открывали в себе многие деятели русского зарубежья, порой неожиданно для себя и окружающих. Их поэтические отклики на новые события были искренними и глубокими, они передавали главные чаяния и раздумья выходцев из России.

Ярким тому подтверждением стало опубликованное в «Рубеже» в 1929 году стихотворение известного на Дальнем Востоке, а затем и в Маньчжурии журналиста, поэта Н. Д. Шилова «Крещенское гаданье»

с авторским посвящением «К картине художника Н. Пимоненко» [Шилов, 1929, с. 1]. Николай Дионисьевич Шилов (? — 1936, Шанхай) после октября 1917 года печатался под псевдонимами «Герцог Лоренцо» и «Коля Шилов», сотрудничал с газетами Читы, Благовещенска, Хабаровска и Владивостока. Стихотворение Н. Шилова связано с традиционными в дореволюционной России рождественскими и крещенскими празднествами. Этим же традиционным с давних времен на Руси святочным гаданием посвящена написанная русско-украинским художником-передвижником Николаем Корнильевичем Пимоненко (1862—1912) картина «Святочное гадание» (1888).

В конце 1880-х годов главной темой творчества художника стала жизнь села в Малороссии: жанровая живопись (картина «Колядки», вторая половина 1880-х годов), историческая живопись (картина «Пасхальная зутреня в Малороссии», 1891). В картине «Святочное гадание», авторский вариант которой хранится в Красноярском художественном музее имени В. И. Сурикова, отражена жизнь крестьян, воссозданы образы родной природы и национальной культуры. Авторское посвящение к стихотворению Н. Шилова, как разновидность интертекста, побуждает читателя откликнуться на него и совершить пусть небольшой, но важный не только для поэта-эмигранта в рамках его художественного замысла экскурс в мир изобразительного искусства, запечатлевшего яркие картины религиозного праздника, заключающего в себе важные национальные ценности.

Традиционное святочное развлечение, запечатленное на полотне Н. К. Пимоненко «Святочное гадание», воссоздает живую картину крестьянского быта: под зимние праздники незамужние крестьянки собирались в группы и гадали о будущем: когда выйдут замуж, кем будут мужья, какой будет жизнь. Прекрасные и улыбчивые девушки с его картины с интересом и волнением наблюдают за тем, как тень на стене причудливо меняет свои очертания, будоража воображение и мечтательность юных созданий. На своих полотнах Н. К. Пимоненко поэтизирует привычный, незатейливый крестьянский быт.

Н. Шилов переводит на язык поэзии живописную картину художника Н. К. Пимоненко, дополняя и углубляя ее смыслы словесными художественными образами, используя сравнения (*преданье, дальний сон*), гиперболизируя переживания лирического героя (*восторг*): «*Изба, как давнее преданье, / И девушки, как дальний сон, / Восторг крещенского гаданья / На полотне изображен*» [Шилов, 1929, с. 1]. Это стихотворение представляет собой философско-эстетический, ностальгически окрашенный духовный отклик поэта-эмигранта: «*Гляжу на дивную картину, / Как на священную скрижаль, / И в душу мне с родной долины / Идет знакомая пе-*

чаль» [Там же]. Художественный мотив тоски, как национальный концепт русской культуры, трансформируясь в поэтическом тексте посредством интеграции вербальных и визуальных художественных средств через диалог с полотном художника, передает чувство тоски от разлуки с Родиной лирического героя-эмигранта в наивысшей концентрации: *«Мне вспоминается былая, / Родная святочная Русь / За перевалами Алтая, / Куда давно я сердцем рвусь. // Там стало всё давно любимым — / Поля и горы, и тайга, / А я печальным пилигримом / Топчу чужие берега»* [Там же].

Лирический герой, разрушая иллюзии, переносит читателя в другое измерение, в современную ему драматическую реальность: *«Я не один... Мы в бездорожье / Бредем уже двенадцать лет, / Но каждый про себя вожит / И верит: близится рассвет»* [Там же].

Поэтические строки поэта-эмигранта, соотносимые с живописным полотном большого художника, приверженного основам православной национальной культуры, через духовную связь с Родиной укрепляют душу эмигранта верой в себя и Россию, испокон веков черпающую силы в своем героическом прошлом: *«Но наши души, все же, Русью / Неисчерпаемо полны; / О ней же ласковые гусли / Поют из древней глубины»* [Там же].

Тема традиционных религиозных праздников, представленная этим стихотворением в поэтическом дискурсе журнала «Рубеж», актуализирует приверженность русских эмигрантов православным религиозным ценностям как национально-культурной основе русского характера. Литература и живопись в этом поэтически-визуальном диалоге художников, поэта и живописца, предстают как мощные и влиятельные, доминантные виды русского искусства, которые укрепляли духовную связь эмигрантов с Россией.

Журнал «Рубеж» своим богатым по содержанию контентом, посвященным вопросам русской национальной литературы, отечественного изобразительного искусства, русской живописи и театра, через многогранный диалог с русским искусством, его национальными истоками и традициями интегрировал заложенные в нем глубокие национальные смыслы в сознание и реалии жизни русских эмигрантов. Способствуя укреплению русского духа эмигрантов из России, формированию патриотических настроений, журнал «Рубеж» наполнял жизнь русских изгнанников надеждой на обретение перспективы быть полезными своей Родине. Вместе с тем авторские посвящения к опубликованным в журнале поэтическим произведениям способствовали решению важной задачи формирования Русского мира за рубежами родного Отечества.

Стихотворение Л. Сафроновой «Анна Павлова» (1881—1931) с авторским посвящением «К годовщине смерти — 25 января» обращено к образу

выдающейся русской балерины XX столетия, посвятившей свою жизнь служению искусству русского балета на сцене Императорских театров, Мариинского и театров мира. Авторское посвящение к тексту стихотворения открывает для читателя новые горизонты смыслов, пробуждая в нем причастность к высокому искусству, интерес к творческой и личной судьбе большого русского артиста. Через образ лирического героя, поклонника балета, автор утверждает идею приоритета художественной культуры и искусства в жизни человека и общества, характеризуя балет как наивысший вид искусства, передавая свое преклонение перед воплощением национальной гордости, русской балериной: «*В корне искусств самоцветом, / Живой звездой лучезарной / Сияет немеркнущим светом / Русская — Павлова Анна*» [Сафронова, 1945, с. 4].

Поэтический образ балерины соотносится с ее главной ролью в поставленном Михаилом Фокиным для нее концертном номере «Лебедь» на музыку К. Сен-Санса. «Белым Лебедем Русского балета» прозвали современники эту выдающуюся русскую балерину. Воплощая образец служения искусству, великая балерина прославляла своим творчеством Россию, популяризировала ее культурные ценности: «*В Европе, в далеком Китае, / Гостьей была долгожданной. / В огне вдохновенья сгораю ...*» [Сафронова, 1945, с. 4]. Автор стихотворения усиливает драматическое звучание поэтического образа А. Павловой биографическими элементами: ее единственная любовь к Виктору Дандре (1870—1944) не была счастливой из-за разницы социальных статусов: «*За что осужден на муку / Ты, умирающий лебедь?*» [Сафронова, 1945, с. 4]. Риторический вопрос содержит смысловую ассоциацию с трагизмом скоротечной смертельной болезни А. Павловой.

Небольшое авторское посвящение к стихотворению, дополняя поэтический дискурс гипертекстуально, вносит новые, актуальные, обогащающие акценты в журнальный дискурс эмигрантского издания.

3.2. Диалоговые авторские посвящения. Тема творчества

Творческим феноменом в деятельности русских писателей-эмигрантов в Китае можно считать поэтические диалоги между писателями, необыкновенно распротранившимися в практике тогдашней жизни, причем как воображаемые, между поэтами-эмигрантами и классиками, так и протекавшие в режиме реального времени поэтические полемики внутри диаспоры или выходявшие за ее рамки и даже континенты.

Предметное рассмотрение поэтических произведений с авторскими посвящениями, адресованными своим современникам, открывает новые горизонты в их контекстной интерпретации. В ответ на стихи с авторскими посвящениями современникам, собратьям по перу, авторы получали в свой адрес поэтические ответы с аналогичными авторскими посвящениями.

К уникальным явлениям журнального дискурса «Рубежа» можно отнести факт поэтической переписки известной в русском зарубежье Дальнего Востока Лидии Юлиановны Хаиндровой (Хаиндрова, в замужестве Хаиндрова-Сереброва Л. Ю., 1910, Харбин — 1986, Краснодар), русской поэтессы и журналистки, с одним из известных на востоке и на западе поэтов русского зарубежья, Валерием Перелешиним (Салатко-Петрище, Валерий Францевич; 1913, Иркутск — 1992, Рио-де-Жанейро, Бразилия). Стихотворение Л. Хаиндровой «О мудрости» с посвящением «Валерию Перелешину», опубликованное в 1939 году в журнале «Рубеж», задавая тему поэтической дискуссии, приоткрывает завесу над эпистолярным этих писателей. Их первую встречу в редакции журнала «Рубеж» в 1932 году, положившую начало их эпистолярному диалогу длиною в жизнь, В. Перелешин вспоминал через много лет: «Хаиндрова оказалась красивой, очаровательной дамой с лицом кавказского типа (чудесные большие бархатные глаза, очень белая кожа). <...> Весь её облик — барственный, мягкий, полный доброжелательства — располагал к ней сразу и навсегда» [Перелешин, 1987, с. 32—33]. Этих писателей в Китае объединила общая работа в литературном сообществе «Чураевка», в литературной газете с таким же названием. Перед отъездом из Китая в СССР в 1947 году Л. Хаиндрова вернула В. Перелешину его письма к ней, они сохранились «в архиве В. Перелешина с его комментариями» [Кузнецова, 2021, с. 75—76]. Прервавшаяся на 20 лет переписка возобновилась, когда В. Перелешин жил в Бразилии.

Главными темами их переписки в Китае стали творчество и перипетии монашеской жизни В. Перелешина, начавшейся в связи с закрытием в Харбине юридического института, где он учился, и его поступлением на Богословский факультет Института св. Владимира. «В мае 1938 года он постригся в монахи, ему было дано имя Герман, и он поселился в монастыре» [Кузнецова, 2021, с. 74]. Это был период духовных исканий поэта после его переезда из Харбина в Пекин на службу в Российской духовной миссии. Этому переводу способствовала Л. Хаиндрова, которая была знакома с главой миссии архимандритом Виктором.

Их поэтический диалог открывает Л. Хаиндрова стихотворением «О мудрости», лирический герой которого привержен высокой миссии поэта, служению своему призванию: «*Поэты пишут только для себя, — / Им кажутся доступны тайны мира, — / И, ничего на свете не любя, / Поёт тревожно о любви их лира*» [Хаиндрова, 1939, с. 18]. Важно уточнить, что заявляемая установка «*пишут только для себя*» отражает высокую степень искренности и тревоги за судьбы человечества, нравственные приоритеты автора. Постигание мудрости бытия определяет содержание жизни лирического героя, носителя мотива тоски и тревоги о мироздании: «*О мудрости — немудрые*

прочтут, — / Во всех веках довлеющая каста, — / Но для неё не кинут свой уют, — / Как не поймут и слов Екклесиаста» [Хаиндрова, 1939, с. 18]. Переживаемое лирическим героем томление духа обусловлено пониманием необходимости претерпевать и преодолевать суетность жизни.

Поэтический ответ В. Перелешина в стихотворении «Беседа в дороге» с посвящением «Лидии Хаиндровой» через символику образа пути как олицетворения духовных исканий передает представление о неостановимости жизни в ее безусловном движении к обретению мудрости: *«Где чудотворцем, где нищим, где хитрым расходом / Так и брожу я по свету в облезлом плаще, / Так и скитаюсь по долгим земным переходам... / Что ты сказал? Да, конечно, скитаюсь вотице»* [Перелешин, 1939, с. 1]. Развивая тему мудрости, лирический герой В. Перелешина мыслит в конструктивном ключе. Причисляя себя к типу людей, осознающих тщетность суетности, он проявляет духовный стоицизм, делясь им не только со своей собеседницей и коллегой по перу, расширяя аудиторию своих респондентов: *«Были и бури, и беды, но, юноша верный, / в мире бессмысленном не безнадежно темно, / Если хотя бы из этой зловонной таверны / Нам путешественник вынесет хлеб и вино»* [Там же]. Лирический герой В. Перелешина, мудрый в своем бескорыстии, свободе от житейских привязанностей, в финале стихотворения говорит о высокой ценности человеческой дружбы и поддержки: *«...вселенскую скуку / И без вина я простить небожителям рад / Лишь за твою поддерживавшую вовремя руку, / За благодарный и преданный — искоса — взгляд»* [Там же, с. 19]. Авторское посвящение привносит в стихотворение глубокий лиризм, убедительность, повышая доверие читателя, пробуждая его позитивный эмоциональный отклик, а в контексте журнального дискурса — публикационный эффект высокой, философской мудрости в понимании призвания поэта.

Яркой иллюстрацией и подтверждением общекультурной национальной миссии эмигрантского журнала «Рубеж» может служить опубликование в 1930 году в одном из его номеров стихотворения Марии Дорожинской «Чураевка» с авторским посвящением «Посвящено Г. Д. Гребенщикову», присланного ею из Бразилии. Об этом свидетельствует авторская запись под текстом стихотворения.

О Марии Дорожинской, поэте западноевропейской ветви эмиграции, известно немного. Имеются сведения о выходе двух сборников ее стихов в Берлине и Париже [Дорожинская, 1935, 1929]. Отзыв на сборник стихов Марии Дорожинской «Зарево прошлого», изданный в 1929 году в Париже, был написан русским эмигрантом Г. Д. Гребенщиковым (1883, Томская губерния — 1964, штат Флорида, США) и прислан им из Америки в редакцию харбинского журнала «Рубеж» [Гребенщиков, 1930, с. 23].

Стихотворение М. Дорожинской «Чураевка» [Дорожинская, 1929, с. 2] можно рассматривать как фрагмент творческого, дружеского диалога русских писателей-эмигрантов, оказавшихся в разных частях света и странах (США и Бразилия). Местом этой литературной «встречи» соотечественников стал харбинский журнал «Рубеж», который внес свой вклад в процесс консолидации русских диаспор, способствовал развитию Русского мира.

Название стихотворения в контексте авторского посвящения обращено к культурной памяти русских эмигрантов, актуализируя одну из важных идейных доминант русского зарубежья, получившую свое художественное воплощение в образе семьи староверов Чураевых в романе-эпопее Г. Д. Гребенщикова «Чураевы». Над этим романом автор работал, начиная с 1911 года, более 40 лет. Этимологически фамилия героев романа «Чураевы» происходит от глагола *чураться* и связана с разговорной традицией русского языка. Устаревший смысл слова *чур*, заключающего в себе значение ‘ограждать себя от чего-либо (в играх, а также в заклинаниях против «нечистой силы» и т. п.)’, интегрируется со значением ‘сторониться, избегать кого-либо, чего-либо’ (см. [Фасмер, т. IV, с. 385—386]). Через семантику фамилии Чураевых автор романа в условиях духовного раскола России в первой четверти XX века актуализировал тему русского национального характера, ментальную приверженность выходцев из России национальным культурным корням, которые обуславливают готовность и способность русского человека противостоять «чужому», сохраняя верность «своим», осознанным и осмысленным ценностям и приоритетам. Уникальность «своего» дополняет общую картину мира, делая его богаче и разнообразнее, сохраняя вместе с тем ценность «своего». Смыслы, актуализированные, по задумке автора произведения, в фамилии главного героя и в названии романа, деятелями эмиграции транспонировались в их современную реальность.

Г. Д. Гребенщиков, переехав в 1924 году из Франции в США по приглашению Н. К. Рериха, с которым познакомился в Париже в начале 1920-х годов, принял решение воплотить в жизнь свою давнюю мечту: построить дом для себя, а потом и для других. Дом в Америке не был для Гребенщикова главной целью, он был этапом его жизни, акцентирующим евангельскую притчу о домах, построенных на песке и на камне, духовно связанным с его малой родиной, Сибирью и Алтаем. В одном из писем он признавался: «<...> *строю в Америке, чтобы научиться строить в лучшей из стран — в Сибири*» [Гребенщиков, 2013, т. 4, с. 475]. Лирический герой стихотворения М. Дорожинской, отражая солидарность его автора с концепцией миропонимания и миропостроения Г. Д. Гребенщикова, становится подвижником национальной культурно-созидательной

программы писателя и мыслителя Г. Д. Гребенщикова в его идее сохранения и продвижения русской национальной идентичности через создание Чураевки по всему миру: *«В лесу глубоко — тихий скит... / Неугасимо в чащах темных / Для душ мятежных и бездомных / Светильник радостно горит...»* [Дорожинская, 1930, с. 2]. Образ русского скита как олицетворения духовной идентичности, силы духа русского человека, его неразрывной связи с Россией акцентируется в стихотворении М. Дорожинской через интертекстуальные связи: *«И ветер западный несет / Дыханье рек и водной шири... / О снежной, о родной Сибири / Он песни прежние поет...»* [Там же].

По замыслу Г. Д. Гребенщикова, изложенному его автором в 1952 году в программной статье «Что такое Чураевка?», Чураевка являет собою *«то, что на огне не горит, в воде не тонет и ржавчиною и травой забвения не покрывается»*. Она *«несокрушима и для истребителей свободного мышления неуловима»* [Гребенщиков, 2013, т. 6, с. 396]. Идея Г. Д. Гребенщикова о приверженности русского человека родной земле, сформировавшей духовный фундамент его бытия, наполняет сердце лирического героя надеждой: *«И там, как прежде, отражен / В озерной глуби древний Китеж, / И в странном сне там вновь услышишь / Его церковный перезвон...»* [Дорожинская, 1930, с. 2]. Воссоздаваемые в стихотворении реалии эмигрантской жизни наполнены тяжелыми испытаниями. Художественные мотивы тоски, смерти, усиливая трагизм мироощущения лирического героя-эмигранта, вместе с тем не отменяют поступательного закона жизни природы, духовного стоицизма русского национального характера, его человеческой надежды и веры: *«Когда же красен листопад, / И все надежды ранит осень, / И на верхушках черных сосен / о смерти вороны кричат, — // В скиту лампада зажжена, / Чтоб одинокие в дороге / Поверили в своей тревоге, / Что будет новая весна...»* [Там же].

Стихотворение М. Дорожинской «Чураевка» с авторским посвящением «Посвящено Г. Д. Гребенщикову», опубликованное в одном из номеров харбинского журнала «Рубеж» в 1930 году, можно рассматривать как феноменальный факт в истории русской культурной эмиграции. Свидетельствуя о взаимодействии западной и восточной ветвей русской эмиграции первой волны XX века, оно характеризует эту литературно-журнальную «встречу» как отнюдь не случайную. Эпистолярный писателей-сибиряков, оказавшихся в эмиграции на разных континентах земли, Алексея Алексеевича Грызова (литературный псевдоним — Алексей Ачаир, 1896—1960, сибиряк, станица Ачаир, Омская губерния — Новосибирск), руководителя харбинской организации «Молодая Чураевка» и литературной газеты «Чураевка», и Георгия Дмитриевича Гребенщикова, русского писателя-эми-

гранта, проживавшего в тот период в США, заметно дополняет картину жизни русской литературы и журналистики за рубежами России [«Полно охватить всю сибирскую Русь» ..., 2009]. Вместе с тем этот факт отражает смелые, новаторские искания и открытия в сфере дискурсивных практик русских эмигрантов Китая, создателей и авторов литературно-художественного журнала «Рубеж».

4. Заключение = Conclusions

Редакционная политика эмигрантского журнала «Рубеж» выстраивалась с учетом изменившихся реалий жизни русских эмигрантов в окружении чужого языка и другой культуры, творчески и новаторски.

Использование жанровых модификаций мемориальных и диалогических авторских посвящений к поэтическим произведениям в журнальном дискурсе еженедельного эмигрантского издания «Рубеж», отвечая высоким потребностям русской интеллигенции в творческой самореализации и самовыражении, способствовало расширению смыслового пространства журнального и поэтического дискурсов в рамках реализации новых информационно-просветительских задач, соответствующих высоким социокультурным запросам русскоязычной аудитории.

Повышение смысловой содержательности и продуктивности публикационных эффектов поэтического дискурса посредством внедрения интертекстуальных творческих практик в процесс трансформации поэтического контента способствовало идейно-эстетической, поэтической актуализации ценностей русской национальной культуры и искусства, отвечающей запросам духовно-нравственного, эстетического воспитания подрастающего поколения русских эмигрантов, сохранению их национальной идентичности в контексте формирования и продвижения Русского мира.

Включая в свой контент поэтические произведения с авторскими посвящениями, выступающими в качестве продуктивного компонента художественного текста, журнал «Рубеж» демонстрирует новый опыт интеграции журналистского и художественного, поэтического, текста и контекста. Отдавая приоритет теме русского искусства как фундамента национальной культуры, журнал «Рубеж» в использовании авторских посвящений как продуктивных элементов структуры поэтических текстов остается в истории отечественной журналистики ярким примером развития профессионального творчества на основе синтеза традиций и новаторства. Поддерживая и развивая традиции интертекстуальности в русской классической литературе, это литературно-художественное издание упрочивает связи литературы и журналистики как главных составных частей русской словесной культуры.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Блок А.* Записные книжки. 1901 — 1920 / А. Блок. — Москва : Художественная литература, 1965. — 686 с.
2. *Блок А.* Собр. соч. В 8-ми тт. / А. Блок. — Москва : Художественная литература, 1962. — Т. 6. — 560 с.
3. *Гребенщиков Г.* Сборник стихов «Зарево прошлого». М. Дорожинская / Г. Гребенщиков // Рубеж. — Харбин. — 1930. — № 49. — С. 23.
4. *Гребенщиков Г. Д.* Собрание сочинений : в 6 т. / Г. Д. Гребенщиков. — Барнаул : Издательский Дом «Барнаул», 2013. — ISBN 978-5-906393-04-3.
5. *Дорожинская М.* Зарево прошлого : стихи / М. Дорожинская. — Париж : [б. и.], 1929. — 85 с.
6. *Дорожинская М.* Стихи : 1929—1934 / М. Дорожинская. — Берлин : «Петрополис», 1935. — 62 с.
7. *Дорожинская М.* Чураевка : стихотворение / М. Дорожинская // Рубеж. — Харбин. — 1930. — № 46. — С. 2.
8. *Пакт Рериха и Знамя Мира* [Электронный ресурс] // Сердце Азии. — Режим доступа : <https://goerich.kz/pakt/> (дата обращения 02.12.2024).
9. *Паркау А.* В синем тумане (К 10-летию смерти А. Блока) / А. Паркау // Рубеж. — Харбин. — 1931. — № 33. — С. 1.
10. *Перелешин В.* Беседа в дороге (Лидии Хаиндровой) / В. Перелешин // Рубеж. — Харбин. — 1939. — № 21. — С. 1, 19.
11. *Перелешин В.* Два полустанка / В. Перелешин // Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930—1950. The Memoirs of Valerij Pereles' in. — Amsterdam : Rodopi, 1987. — 159 p.
12. «Полно охватить всю сибирскую Русь» : «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира. Предисловие и публикация В. А. Росова // Новый журнал. — 2009. — № 256. — С. 239—263.
13. *Сафронова Л.* Анна Павлова (К годовщине смерти — 25 января) / Л. Сафронова // Рубеж. — Харбин. — 1945. — № 3. — С. 4.
14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. I—IV.
15. *Хаиндрова Л.* О мудрости (Валерию Перелешину) / Л. Хаиндрова // Рубеж. — Харбин. — 1939. — № 16. — С. 18.
16. *Шилов Н.* Крещенское гаданье (К картине художника Н. Пимоненко) / Н. Шилов // Рубеж. — Харбин. — 1929. — № 4. — С. 1.

Литература

1. *Андросова Ф. С.* Формы авторского присутствия в художественном произведении / Ф. С. Андросова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 6 (48). — С. 24—26.

2. Бузуев О. А. На пути к успеху : издательская политика журнала «Рубеж» в 1920—1930 гг. / О. А. Бузуев // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX—XXI вв. : сб. науч. ст. — Хабаровск : Тихоокеан. гос. ун-т, 2021. — С. 287—293.
3. Дейк Т. А. ван. К определению дискурса [Электронный ресурс] / Т. А. ван Дейк. — Режим доступа : <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения 10.11.2024).
4. Донецких Л. И. Цветовой образ мира в поэтике А. Блока : синий / Л. И. Донецких, Ю. Н. Кудрявцева // Вестник Удмуртского университета. История и филология. — 2010. — Выпуск 2. — С. 29—38.
5. Дьяченко И. Ю. Пакт Рериха и его особенности, связанные с развитием общественной жизни и сознания [Электронный ресурс] / И. Ю. Дьяченко // Международный круглый стол «Пакт Рериха — Мир через Культуру» (15.04.2020). — Режим доступа : https://icr.su/rus/news/icr/detail.php?ELEMENT_ID=6663 (дата обращения 02.12.2024).
6. Женетт Ж. Посвящения / Ж. Женетт // Антропология культуры / Отв. ред. В. В. Иванов. — Москва : Вердана, 2004. — Выпуск 2. — С. 187—218.
7. Забияко А. А. «Четверть века беженской судьбы...». Художественный мир лирики русского Харбина / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. — Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2008. — 427 с. — ISBN 978-5-93493-121-7.
8. Колотов А. А. Паратекстуальный подход в современном литературоведении / А. А. Колотов // I Международная заочная научно-практическая конференция «Филология и лингвистика : современные тренды и перспективы исследования» : сборник материалов конференции (30 сентября 2011 г.). — Краснодар : Центр социально-политических исследований «Премьер», 2011. — 196 с.
9. Копытов О. Н. Образ автора и авторское начало: разграничение и области применения понятий / О. Н. Копытов // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 334. — С. 11—14.
10. Кузнецова О. Ф. Письма Валерия Перелешина Лидии Хаиндровой из Харбина и Пекина. 1938—1941 / О. Ф. Кузнецова // Харбин, запечатленный в слове. — Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2021. — Выпуск 8. — С. 73—92.
11. Куликова Е. Ю. Лирика Лидии Хаиндровой : мотивная специфика и художественная генеалогия / Е. Ю. Куликова // Филологический класс. — 2022. — Т. 27. — № 3. — С. 105—114. — DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-09.
12. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва : Искусство, 1970. — 384 с.
13. Мельничук О. А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста / О. А. Мельничук. — Москва : МГУ, 2002. — 208 с. — ISBN 5-211-04571-8.
14. Соколова Е. В. Паратекст / Е. В. Соколова // Западное литературоведение XX в. : Энциклопедия. — Москва : Intrada, 2004. — С. 306. — ISBN 987-604-064-9.
15. Темникова Л. Б. К вопросу о типологии медиадискурса / Л. Б. Темникова // Научный журнал КубГАУ. — 2016. — № 119 (05). — С. 1—13.
16. Титова Е. В. Драматургический паратекст : к постановке проблемы / Е. В. Титова // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языковедение. Культурология. — 2019. — № 2. — С. 30—40. — DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-30-40.
17. Уварова Е. А. Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий / Е. А. Уварова // Вестник МГОУ. Серия : Лингвистика. — 2015. — № 5. — С. 47—54. — DOI: 10.18384/2310-712X-2015-5-47-54.

18. Якимова С. И. Журналистика Дальнего Востока России : дискурсивный опыт (на примере газеты «Русский край» и журнала «Рубеж») / С. И. Якимова // МедиаАльманах. — 2022а. — № 4. — С. 78—85. — DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2022.7885.

19. Якимова С. И. Поэтический дискурс Всеволода Никаноровича Иванова в контексте историософских воззрений писателя-евразийца / С. И. Якимова // Культура и текст. — 2022б. — № 3 (50). — С. 47—63. — DOI: 10.37386/2305-4077-2022-3-47-63.

Статья поступила в редакцию 08.02.2025,
одобрена после рецензирования 21.04.2025,
подготовлена к публикации 03.05.2025.

Material resources

- Block, A. (1965). *Notebooks. 1901—1920*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 686 p. (In Russ.).
- Blok, A. (1962). *Sobr. op. In 8 volumes, 6*. Moscow: Khudozhestvennaya literature. 560 p. (In Russ.).
- Dorozhinskaya, M. (1930). Churaevka: a poem. *The frontier. Harbin, 46*: P. 2.8. (In Russ.).
- Dorozhinskaya, M. (1929). *Glow of the past: Poems*. Paris: [b. i.]. 85 p. (In Russ.).
- Dorozhinskaya, M. (1935). *Poems: 1929—1934*. Berlin: “Petropolis”. 62 p. (In Russ.).
- “Fully embrace the whole of Siberian Russia”: “Young Churaevka” in the letters of Georgy Grebenshchikov and Alexei Achair. Preface and publication by V. A. Rosov. (2009). *Novy zhurnal, 256*: 239—263. (In Russ.).
- Grebenshchikov, G. D. (1930). Collection of poems “The Glow of the past”. M. Dorozhinskaya. *Rubezh. Harbin, 49*: P. 23. (In Russ.).
- Grebenshchikov, G. D. (2013). *Collected works: in 6 volumes*. Barnaul: Barnaul Publishing House. ISBN 978-5-906393-04-3. (In Russ.).
- Khaindrova, L. (1939). About wisdom (to Valery Pereleshin). *Rubezh. Harbin, 16*: P. 18. (In Russ.).
- Parkau, A. (1933). In the blue fog (On the 10th anniversary of the death of A. Blok). *Rubezh. Harbin, 33*: 1—10. (In Russ.).
- Pereleshin, V. (1987). Two stations. In: *Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930—1950. The Memoirs of Valerij Pereles`in*. Amsterdam: Rodopi. 159 p. (In Russ.).
- Pereleshin, V. (1939). Conversation on the Road (by Lidia Khaindrova). *Rubezh. Harbin, 21*: P. 1, 19. (In Russ.).
- Safronova, L. (1945). Anna Pavlova (On the anniversary of her death — January 25). *Rubezh. Harbin, 3*: P. 4. (In Russ.).
- Shilov, N. (1929). The Epiphany fortune-telling (To the painting by the artist N. Pimonenko). *Rubezh. Harbin, 4*: P. 1. (In Russ.).
- The Roerich Pact and the Banner of Peace. *The heart of Asia*. Available at: <https://roerich.kz/pakt/> (accessed 02.12.2024). (In Russ.).
- Vasmer, M. (1986-1987). *Etymological dictionary of the Russian: in 4 volumes*. Moscow: Progress. I-IV. (In Russ.).

References

- Androsova, F. S. (2015). Forms of the author’s presence in a work of art. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 6 (48)*: 24—26. (In Russ.).

- Buzuev, O. A. (2021). On the way to success: the publishing policy of the Rubezh magazine in 1920—1930. In: *Literature and journalism of the Asia-Pacific region in intercultural communication of the XX—XXI centuries: collection of scientific articles*. Khabarovsk: Pacific State University. 287—293. (In Russ.).
- Dake, T. A., van. *Towards the definition of discourse*. Available at: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (accessed 10.11.2024). (In Russ.).
- Donetskikh, L. I., Kudryavtseva, Yu. N. (2010). The color image of the world in the poetics of A. Blok: blue. *Bulletin of the Udmurt University. History and philology*, 2: 29—38. (In Russ.).
- Dyachenko, I. Y. The Roerich Pact and its features related to the development of public life and consciousness. *International round table “The Roerich Pact — Peace through Culture” (15.04.2020)*. Available at: https://icr.su/rus/news/icr/detail.php?ELEMENT_ID=6663 (accessed 02.12.2024). (In Russ.).
- Genette, J. (2004). Dedications. In: *Anthropology of culture*, 2. Moscow: Verdana Publ. 187—218. (In Russ.).
- Kolotov, A. A. (2011). The paratextual approach in modern literary studies. In: *I International Correspondence Scientific and Practical Conference “Philology and Linguistics: modern trends and research prospects”: conference proceedings (September 30 2011)*. Krasnodar: Center for Socio-political Research “Premier”. 196 p. (In Russ.).
- Kopytov, O. N. (2010). The image of the author and the author’s principle: differentiation and scope of concepts. *Bulletin of Tomsk State University*, 334: 11—14. (In Russ.).
- Kulikova, E. Y. (2022). Lyric poetry by Lidia Khaindrova: motif specificity and artistic genealogy. *Philological class*, 27 (3): 105—114. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-09. (In Russ.).
- Kuznetsova, O. F. (2021). Letters from Valery Pereleshin to Lidiya Khaindrova from Harbin and Beijing. 1938—1941. In: *Harbin, captured in the word*, 8. Blagoveshchensk: Amur State University. 73—92. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1970). *The structure of artistic text*. Moscow: Iskusstvo Publ. 384 p. (In Russ.).
- Melnichuk, O. A. (2002). *Narration in the first person. Interpretation of the text*. Moscow: Moscow State University. 208 p. ISBN 5-211-04571-8. (In Russ.).
- Sokolova, E. V. (2004). Paratext. In: *Western literary studies of the XX century: Encyclopedia*. Moscow: Intrada. P. 306. ISBN 987-604-064-9. (In Russ.).
- Temnikova, L. B. (2016). On the typology of media discourse. *Scientific Journal of KubGAU*, 119 (05): 1—13. (In Russ.).
- Titova, E. V. (2019). Dramaturgical paratext: towards the formulation of the problem. *Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies*, 2: 30—40. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-30-40. (In Russ.).
- Uvarova, E. A. (2015). Media text and media discourse: on the problem of the correlation of concepts. *Bulletin of the Moscow State University. Series: Linguistics*, 5: 47—54. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-5-47-54. (In Russ.).
- Yakimova, S. I. (2022a). Journalism of the Russian Far East: a discursive experience (on the example of the newspaper “Russian Territory” and the magazine “Rubezh”). *Media Almanac*, 4: 78—85. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2022.7885. (In Russ.).
- Yakimova, S. I. (2022b). The poetic discourse of Vsevolod Nikanorovich Ivanov in the context of the historiosophical views of a Eurasian writer. *Culture and Text*, 3 (50): 47—63. DOI: 10.37386/2305-4077-2022-3-47-63. (In Russ.).

Zabiyako, A. A., Efendieva., G. V. (2008). “*A quarter century of refugee fate...*”. *The artistic world of Russian Harbin lyrics*. Blagoveshchensk: Amur State University. 427 p. ISBN 978-5-93493-121-7. (In Russ.).

*The article was submitted 08.02.2025;
approved after reviewing 21.04.2025;
accepted for publication 03.05.2025.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Елена Александровна Сафрон, д-р филол. наук (Петрозаводск)

Елена Михайловна Шастина, д-р филол. наук (Елабуга)

Игорь Васильевич Кудряшов, д-р филол. наук (Арзамас)

Марина Анатольевна Дубова, д-р филол. наук (Коломна)

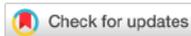
Мария Михайловна Ожигова, канд. филол. наук (Москва)

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филол. наук (Арзамас)

Сергей Сергеевич Лебедев, преподаватель (Петрозаводск)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Дубова М. А. Концепт МОРАЛЬ в объективации авторской модели мира (по роману Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море») / М. А. Дубова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 272—289. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-272-289.

Dubova, M. A. (2025). Concept of MORALITY in Authorial Worldview: An Analysis of B. Pilnyak's Novel "The Volga Flows into the Caspian Sea". *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 272-289. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-272-289. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Концепт МОРАЛЬ в объективации авторской модели мира (по роману Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море»)

Дубова Марина Анатольевна
orcid.org/0000-0001-6906-1002
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и литературы
dubovama@rambler.ru

Государственный социально-
гуманитарный университет
(Коломна, Россия)

Concept of MORALITY in Authorial Worldview: An Analysis of B. Pilnyak's Novel "The Volga Flows into the Caspian Sea"

Marina A. Dubova
orcid.org/0000-0001-6906-1002
Doctor of Philology, Professor
of the Department of the Russian
and Literature
dubovama@rambler.ru

State University of Humanities
and Social Studies
(Kolomna, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале романа Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» изучается концепт МОРАЛЬ. Он рассматривается как миромоделирующая универсалия, раскрывающаяся применительно к образу автора, системе персонажей романа, мотивной парадигме. Актуальность статьи обусловлена обращением к проблеме лингвостилистического выражения миромоделирующих универсалий в художественном тексте. В статье используются методы филологического, семантического, лингвостилистического и концептуального анализа. В ходе проведенного исследования автор изучает полевое строение концепта МОРАЛЬ в тексте романа и приходит к выводам, раскрывающим связь концепта с лейтмотивами жизни и смерти, труда и др. Определяется особый статус любви в ряду морально-нравственных понятий романа и в системе жизненных ценностей автора. Характеризуются лексемы, объективирующие полную бинарную семантической оппозиции «морально — аморально» и вытекающие из неё частные дихотомии. Выявляются и комментируются приемы аналогии, иносказания, совмещения пространственно-временных плоскостей, повторов, репрезентирующие авторский «голос» в тексте. Обосновывается преемственность морально-нравственных ценностей, объективирующих концепт МОРАЛЬ в авторской и национальной картине мира на примере раскрытия образной системы произведения, в первую очередь профессора Полетики и его дочери Любви.

Ключевые слова:

нравственные ценности; концептуализация морали; аксиология; миромоделирующая универсалия; Борис Пильняк; *Волга впадает в Каспийское море*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the concept of MORALITY as presented in B. Pilnyak's novel "The Volga Flows into the Caspian Sea." It is explored as a world-modeling universality that unfolds in relation to the author's persona, the character system, and the motif paradigm within the narrative. The relevance of this study is underscored by its focus on the linguistic and stylistic expressions of world-modeling universals in literary texts. Employing methods of philological, semantic, linguistic-stylistic, and conceptual analysis, the author investigates the field structure of the concept of MORALITY within the text and arrives at conclusions that reveal its connections to the leitmotifs of life and death, labor, among others. A distinctive status of love is identified within the spectrum of moral concepts in the novel and in the author's system of life values. The article characterizes lexemes that objectify the poles of the binary semantic opposition "moral — immoral" and related dichotomies. Techniques of analogy, allegory, spatial-temporal plane merging, and repetition are identified and commented upon as they represent the author's "voice" in the text. The continuity of moral values that objectify the concept of MORALITY in both the authorial and national worldview is substantiated through an exploration of the imagery system of the work, particularly focusing on Professor Poletika and his daughter Lyubov.

Key words:

moral values; conceptualization of morality; axiology; world-modeling universality; Boris Pilnyak; *The Volga Flows into the Caspian Sea*.

УДК 821.161.1Пильняк.07+81'42::17.022.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-272-289

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Концепт МОРАЛЬ в объективации авторской модели мира (по роману Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море»)

© Дубова М. А., 2025

1. Введение = Introduction

Миромоделирование «как комплекс приемов, категорий и формул, позволяющих автору сформировать особый мир конкретного ... произведения ..., является новейшей парадигмой анализа» [Дубова и др., 2022, с. 5] художественного текста. Исследования, предпринимаемые в рамках обозначенной парадигмы, призваны выявить ряд сигнификативных параметров, генерирующих бинарные оппозиции, которые структурируют модель мира в творчестве конкретного автора.

Применительно к Б. Пильняку проблема миромоделирования не получила системного научного изучения, да и вообще, как таковая не ставилась. И в этом смысле мир его художественных произведений еще предстоит исследовать ученым. Преимущественно наследие писателя изучалось «по нескольким направлениям: проблемы поэтики, мотивно-образная парадигма, Б. Пильняк и литературное сообщество, интертекстуальные связи» [Дубова, 2023, с. 207]. В этом ряду в последние десятилетия появился ряд исследований: Е. Р. Абдуразаковой [Абдуразакова, 2005], В. В. Агеносова [Агеносов, 2021], Л. Н. Анпиловой [Анпилова, 2019], Е. С. Бабкиной [Бабкина, 2007], А. Е. Денисова [Денисов, 2019], М. Е. Camisa [Camisa, 2021], В. П. Крючкова [Крючков, 2006], И. И. Профатило [Профатило, 2006], А. В. Святославского [2020], Е. В. Суровцевой [2018], В. Н. Яранцева [Яранцев, 2015], И. О. Шайтанова [Шайтанов, 1990] и др., — расширяющих и углубляющих представления научного сообщества о фигуре писателя и его месте в отечественном литературном процессе 20—30-х годов XX века, о поэтике его произведений.

С учетом всего вышесказанного актуальность статьи состоит в обращении к проблеме построения и описания авторской модели мира с позиций структурно-семантической нагрузки в художественном тексте центральных миромоделирующих универсалий. Наш научный интерес связан со специфической функционально-стилевого потенциала и способами лексической объек-

тивации концепта МОРАЛЬ в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», что и составляет предмет исследования, новизна которого состоит в выявлении структурно-семантической роли концепта МОРАЛЬ в системе миромоделирующих универсалий романа Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», что вносит вклад в изучение авторской модели мира.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Роман Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», в основе которого лежит «строительство “монолита”, способного воды Москвы-реки и Оки направить в пустыни и засушливые районы» [Ауэр, 2009, с. 24], был создан писателем в 1929 году и «впервые вышел в издательстве “Недра” в 1930 году ... в России больше не переиздавался вплоть до 1988 года» [Пильняк, 2003, т. 4, с. 477]. Применительно к этому грандиозному строительству, являющемуся отражением масштабных перемен, произошедших в стране, не только оразивших внешние преобразования, но и затронувших внутреннюю сущность людей, просветивших их на моральную состоятельность, раскрываются судьбы главных героев романа, относящегося, по мнению критиков, к жанру производственного [Гаганова, 2015, с. 17], который переживает трансформацию в творчестве писателя. Сюжетно произведение «определяется в большей степени “историей” социалистического строительства» [Посухова и др., 2016], демонстрирующего, как *«Россия шла в социализм, чтобы неминуемо дойти»* [Пильняк 2003, т. 4, с. 435]. Мы сосредоточимся на концептуализации морали в построении авторской модели мира: *«... вся страна превращена в моральный плакат, плакаты морали вышли на улицы, потому что их не осталось в так называемых душах»* [Пильняк 2003, т. 4, с. 441].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Концепт МОРАЛЬ как миромоделирующая универсалия: семантико-стилистический потенциал, приемы объективации, функциональная нагрузка

Итак, в качестве одного из проблемных в романе актуализируется вопрос о морали в стране, которая *«шла солдатским шагом военного похода в социализм, чтобы победить... ползли сырости и плесени недовольства, неверия, усталости, предательства ...»* [Пильняк, 1990, с. 405]. Заново строится не только социалистическая Россия, но и *«человек, человечество строит монолиты понятий..., строя новые человеческие отношения»* [Пильняк, 2003, т. 4, с. 463].

Достоянием государства является не только высокое развитие экономики, уровень жизни людей, но *«и мораль каждого из нас... именно мо-*

раль, моральные качества» [Там же, с. 440]. Так на страницах романа актуализируется мотив морали, структурирующий одну из вертикальных опор авторской модели мира. Опираясь на словарную семантику этого понятия, писатель тонко и иронично рассуждает о «доброкачественной и второсортной» [Там же] морали, о специфике жизни «коллективной моралью» [Там же], пришедшей на смену родовой, о причинах и следствиях того, что «моральные запасы иссякают до нуля» [Там же].

Общество строит «новую мораль», основанную «на новых человеческих отношениях», поэтому оказываются возможными отклонения в виде «чести Эдгара Ивановича — чести труса и вора, который канонизирует воровство» [Там же, с. 401], «убитой человеческой чести Марии» [Там же, с. 425], ставшей «символом женской судьбы» [Там же], или появление людей, подобных Евгению Евгеньевичу Полтораку и Надежде Антоновне Саранцевой.

Понимание моральных ценностей подменяется и искажается, поэтому на социалистическом строительстве имеют место вопиющие факты нарушения женской чести и достоинства: артельные жены, изнасилования и др. А «погибший человек, пропойца и охломон, но истинный коммунист» [Пильняк, 1990, с. 596] Иван Ожогов, как ни парадоксально это звучит, морален, что подчеркнуто использованием в его словесном портрете и речемыслительном дискурсе лексем *честь* и *совесть*: «Судьба Ивана была судьбою возникновения социализма, чести, ... утвержденной на знании, навсегда враждующем с ложью, с предательством, с провокацией, с мракобесием, с невежеством» [Там же, с. 494]. Выстраиваемая в цитируемом текстовом фрагменте семантическая оппозиция «честь (далее в тексте контекстуальными синонимами этой лексемы станут *достоинство* и *правда*) — ложь, предательство, провокация, мракобесие, невежество» наглядно демонстрирует явный перевес в обществе явлений, подменяющих действие нравственного закона, что объективируется однородным рядом лексем с отрицательной коннотацией. И этому есть объяснение: «мораль можно растеривать, как сапоги и хлеб. Революция её и растратила» [Пильняк, 2003, т. 4, с. 440].

По сути, эта антитеза становится ключевой в романе, просвечивая на духовно-нравственную состоятельность героев и их поступки, бескомпромиссно разделяя их по разные стороны добра и зла, чести и бесчестия. Так, основу жизненной позиции «человека прямых идей и прямых действий» [Там же, с. 261] профессора Пимена Сергеевича Полетики составляет бинарная оппозиция «благородно — неблагородно». Примечательно, что даже отрицательные персонажи, такие как, например, инженер Полторак, нарушая нравственные законы, в душе понимают, что поступают аморально.

Концепт МОРАЛЬ в романе связан и должен рассматриваться в ряду таких миромоделирующих универсалий, как образ автора, система персонажей, мотивная парадигма.

В понятийное поле концепта входят такие лексемы, как, собственно, *мораль* — ‘правила нравственности, а также сама нравственность’ [Ожегов, 1986, с. 310]; *совесть* — ‘чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом’ [Там же, с. 644]; *долг* — ‘то же, что обязанность’ [Там же, с. 148]; *честь* — ‘достойные уважения и гордости моральные качества и этические принципы личности’ [Там же, с. 766], *уважение* — ‘почтительное отношение, основанное на признании чьих-н. достоинств’ [Там же, с. 713] и их дериваты. Они составляют ядро концепта, тогда как на разном расстоянии от него, оформляя периферию, находятся лексемы *справедливость*, *благородство*, *чистота* и др.

К этому полю примыкают лексемы *любовь* и *счастье*, которые персонажи Б. Пильняка осмысливают и трактуют в тесной, органичной связи с нравственной сущностью человека. Эти понятия взаимосвязаны в авторской характеристике и в понимании смысла жизни положительных героев (Пимена Сергеевича Полетики, его дочери Любви Пименовны, инженера Садыкова). Для них это не простые слова, а важные критерии, регулирующие поведение и в целом образ жизни. Поэтому вполне закономерно в персонажной и неперсонажной субъектных речевых сферах этих героев и представлены данные лексемы. Им автор словно бы доверяет говорить о любви, чести и совести, достоинстве и благородстве, долге.

Бинарную оппозицию с ними образует понятийное поле «аморально», объективируемое лексемами *мерзость* (*мерзавец*), *зло*, *несчастье*, *злодеяние*, *позор*, которые, в свою очередь, употребляются в характеристике отрицательных героев (инженера Полторака, Якова Карповича Скудрина). Автор отказывает им в праве жить, приводя в финале произведения к смерти. Конечно, это логичный финал жизни врагов социалистического строя. Коммунистическая справедливость торжествует. Но не все так просто у Б. Пильняка. Этим персонажам нет места в жизни и потому, что они грубо поправили основной нравственный закон, сформулированный в тексте в качестве жизненного правила профессора Полетики: «*Одно непреложно навсегда — человек должен быть честен, правдив и чист, “добродетелей сосед”, — иначе — гибель*» [Пильняк, 1990, с. 404].

В этой семантической плоскости формируются оценочные суждения: то, что морально и нравственно, оно правдиво, честно и справедливо. Соответственно, то, что безнравственно, — бесчестно, несправедливо, позорно.

Прокомментируем подробнее, опираясь на текстовые фрагменты, объективирующие «голос» автора, рецепцию морального облика современ-

ного Б. Пильняку общества и способы выражения авторской позиции. Принимая во внимание, что Б. Пильняк в своё время был одним из известнейших писателей, активно печатаемых (а значит, в подтексте, как мы понимаем, одобряемых Советской властью), задумаемся, как же ему удавалось выражать своё довольно неоднозначное мнение по отношению к современности?

Авторская оценка морально-нравственного состояния современного общества не транслируется прямо, она объективируется с помощью разнообразных приемов: аналогии, иносказания, совмещения пространственно-временных плоскостей, повторов и т. д. Приведем несколько примеров:

— превращенная в аукцион церковь Святого Пимена, в которой 25 лет тому назад молодой Пимен Сергеевич венчался, сейчас выглядит следующим образом: *Иконы исчезли со стен, замазанных наскоро известкой, алтарь уничтожился... Стены лепились объявлениями и плакатами — «В борьбе за мир крепите оборону Советского Союза!» — плиты пола заросли ошметками грязи...* [Пильняк, 1990, с. 396]. По аналогии можно предположить, что подобная неустроенность и разгром царят и в душах людей;

— снимаемые с колоколен и воющие над Коломной колокола ... *ныли над городом колокола, тащимые со звонниц*» [Там же, с. 424]: уже семантика глагольной лексики (*выть, ныть*) передает соответствующую атмосферу жизни;

— пьющий со статуей Христа водку музеевед Грибоедов: ... *музеевед пил водку в одиночестве с деревянной статуей сидящего Христа ... поднося чарку к деревянным Христовым губам... Христос был безразличен. Деревянный Христос, в терновом венце, с каплями крови на груди, казался живым человеком* [Там же, с. 423].

Все это — приметы советского времени, символизирующие духовную пустоту (яркая деталь портретной характеристики персонажей — глаза, характеризующиеся многозначным сравнением: *Глаза гостей пустели, как у мертвецов* [Там же, с. 425]), утрату веры и, как следствие, распушенность и вседозволенность (Надежда Антоновна), «болезнь женщинами» Полторака, возможность изменить жене (Ласло). Положительные герои этого не приемлют. У них твердая система жизненных ценностей, ключевое место в которой занимает честь.

Общество, потерявшее мораль как внутренне качество, пытается заменить её внешними проявлениями: моральными плакатами, иронично-саркастичное отношение автора к которым ясно без комментариев: *«Не пейте!»... «Курить и плевать воспрещается»... Это были моральные плакаты, которыми ... вытирала на улицы мораль* [Пильняк, 2003, т. 4, с. 435].

Основная причина подобного состояния общества, в котором удивляются, «когда человек честен» [Там же, с. 441], состоит, по мнению инженера Полторака, в следующем: *У нас не уважают человека... Человек, взятый с поправкой на жулика, превращен в существо, когда человек есть средство, а не цель, с поправкой на вещь, а не на честь* [Там же]. Но, подчеркнем, это лишь одна из транслируемых автором в романе позиций.

3.2. Бинарная семантическая оппозиция «морально — аморально» в рецепции системы персонажей романа

Рассмотрим, как раскрывается концепт МОРАЛЬ применительно к системе персонажей романа. Каждый герой произведения словно просвечивается автором на его моральную состоятельность. И здесь последовательно реализуется оппозиция «морально — аморально». На одном её полюсе находятся герои, которых можно назвать «порядочными людьми» (профессор Полетика, его дочь Любовь, инженер Садыков, Иван Ожогов). Для них такие важные моральные категории, как *честь, достоинство, долг, любовь*, — не просто слова, а нравственные опоры, определяющие их поведение и образ жизни. Тогда как на противоположном полюсе находятся братья Бездетовы, Яков Карпович Скудрин. В то же время в романе немало персонажей, которых нельзя однозначно расположить на одном из двух полюсов, хотя они и тяготеют к какому-то из них, как, например, инженеры Полторак и Ласло.

Особое место в ряду персонажей занимает Пимен Сергеевич Полетика, основной жизненный принцип которого: *Стоит быть благородным с неблагородным, и этот неблагородный постарается стать честным не только в делах, но и в помыслах* [Пильняк, 1990, с. 397] — реализуется в его поступках и отношениях с людьми. *Отклонение от норм благородства профессор считал патологией* [Пильняк, 1990, с. 397]. Полетика твердо идет по жизни, ни разу не отступив от своих моральных принципов, благодаря чему, в числе прочего, он пользуется заслуженным уважением у единомышленников и даже врагов.

Его антиподом в романе является инженер Евгений Евгеньевич Полторак, один из участников заговора, образ жизни которого аморален, о чем свидетельствует, в частности, его «болезнь женщинами». В словесном портрете героя находит отражение явное противоречие между внешней ухоженностью и скрывающейся за ней непорядочностью: *...такие (глаза), которых не следовало бы иметь порядочному человеку, — подумал профессор* [Пильняк, 1990, с. 400]; *Инженер Полторак всегда выглядел тщательно-чистым..., — и он всегда вызывал у профессора Полетики ощущение грязной липкости* [Там же, с. 402]. Эта двойственность (в данном случае между внешним описанием и внутренней сущностью) станет центральным приемом в изображе-

нии персонажа на протяжении всего романа. Герой использует людей лишь с позиции удовлетворения своих потребностей (его отношения с женой Софьей Григорьевной, связь со смертельно больной сестрой жены Верой Григорьевной, связь с Надеждой Антоновной Саранцевой).

Он враг социализма, основу его убеждений составляет идея, что *«все построено на крови»* [Пильняк, 2003, т. 4, с. 335]: и строительство, и любовь, — и в то же время убежденного, что *«убийство — гадость, мерзость!..»* [Там же], который никак не может понять, как он, *«русский»*, *«ученик Соловьева»*, мечтавший *«о святой Софии и о кресте на ней»*, хотевший *«умереть за Россию»* [Там же, с. 336], дошел до такого предательства, которое законом обратного действия разрушило, *«бескровно убило»* (в соответствии с его же терминологией) и его самого: *«Сам из своей совести выгнался, не стерпел? — сказал иронически Иван* [Там же].

В плоскости морально-нравственной проблематики лежат размышления Полторака об убийстве (им принадлежит важное место в раскрытии системы взглядов героя и в структурировании концепта МОРАЛЬ), введенные в текст в форме диалога с Яковом Карповичем Скудриным. На вопрос Полторака: *«Принципиально — можно убить или нет?»* Яков Карпович коротко и четко отвечает: *«Человека надо любить, уважать человека. Тогда убивать нельзя»* [Пильняк, 1990, с. 287]. И вот опять она — все та же любовь, которая основа всему, которая стоит в одном ряду с уважением, а в подтексте — с совестью, честью и достоинством. Продолжая свою мысль, Скудрин говорит: *«...нам четверым... Можно убить... Потому что мы совесть потеряли... Совесть и стыд у нас с вами уничтожены, мы все можем, украсть, предать, убить... мы сейчас ... говорим не от чести, а от бесстыдства...»*

— *«А я не хочу убивать, — тихо сказал Полторака...»* [Там же, с. 443]. Как окажется в финале произведения, Евгений Евгеньевич не только не захочет, но и не сможет убить, потому что, в соответствии с градацией Якова Карповича, *«у него честь сохранилась»* [Там же]. Более того — он *«бескровно убил»* себя *«своей жизнью»* (тогда как инженера Эдгара Ласло убила смерть Марии). И, таким образом, сам Полторака опровергает свою теорию о том, что *«убийство всегда основано на крови»*.

Анализируя систему персонажей с позиций объективации концепта МОРАЛЬ, не представляется возможным обойти стороной семью Скудриных: Якова Карповича, Ивана Карповича и их сестер Римму Карповну и Капитолину Карповну.

Яков Карпович — злейший враг социализма, забравшего у него сыновей, создавший в оппозиции советской власти *«свою линию жизни, осклизлую и узловатую»* [Там же, с. 429]. Неприятно, даже внешне отталкиваю-

ще выглядят все его портретные описания: ... *старик пухнул, отекавший, зеленый и счастливый, как сукровица* [Там же, с. 444] — и его поведение (*хрюкал, юродствуя, страшный и отвратительный*). Даже положительные эмоции не делают выражение его лица приятнее: у него *«по лицу прошла злая доброта»* [Там же, с. 430], а счастье лишь *«морицит лицо»* [Там же]. Он живет одной надеждой — отплатить за то, что потерял с приходом социализма. Однако герой скорее вызывает жалость и брезгливость, чем страх и опасение. Глядя на него, невозможно всерьез поверить, что затеянная им и его соратниками (Полтораком, братьями Бездетовыми) диверсия представляет серьезную опасность для строительства монолита. Этот моральный изгой обречен на смерть. И последней каплей, разрушающей жизнь Якова Скудрина, становится известие о том, что его дочь Катерина, которую он *«хранил целомудрием семнадцатого века»* [Там же, с. 433], оказывается беременной от одного из братьев Бездетовых, а значит, старику не удалось *«перехитрить жизнь»*, продолжительная игра с которой сложилась не в его пользу. Монологи Якова Карповича о современной жизни прямо или опосредованно касаются нравственной проблематики. Одним из ключевых среди них является монолог о юродивых, которых он делит на две группы: сумасшедшие (к ним относит и своего брата Ивана, из породы убиваемых) и жулики (из породы убивающих): *Россия жуликов любит... Что, по-вашему, движет миром...? Титул? Звание? Любовь? — Память!* [Там же, с. 442—443]. Именно память не дает ему забыть все потери, связанные с приходом Советской власти, заставляя вести свою скрытую борьбу с ней.

Противоположен Якову Карповичу его брат Иван Ожогов — первый председатель Коломенского исполкома, а ныне юродивый новой Советской России. Уже семантика выбранного писателем имени *Иван* — «милость Божия» — раскрывает авторское отношение к этому персонажу, которого Б. Пильняк определяет так: ... *нищий, побирюша, юродивый, лазарь, — юродивый Советской Руси, справедливости ради, мирская коломенская совесть, молец за коммунизм* [Там же, с. 574]. Основу мировоззрения Ожогова составляет триединство, выступающее нравственным мерилом его жизни: *Революцию он понимал и навсегда понял ... переустройством — чести человека, правом на любовь и на жизнь — переустройством человеческих отношений и человека* [Там же, с. 495]. И пусть он оказывается изгоем в современном обществе, живущим на заброшенном кирпичном заводе с такими же, подобными себе, ставшим «жертвой времени и революции» [Профатило, 2006, с. 13], продолжающим мечтать о всемирном братстве, победе чести и совести, именно ему автор доверяет пламенные речи о человеческом достоинстве, а его речемыслительный дискурс характеризуют

лексемы *честь, достоинство, совесть, справедливость* и под., входящие в концептуальное поле «Мораль». Образ охломона неоднозначен, двойствен, как, впрочем, и большинства других персонажей романа, достаточно взять хотя бы одну фразу из его словесного портрета и проанализировать семантику лексем, употребленных в составе одного ряда однородных номинаций: *погибший человек, пройца и охломон, но истинный коммунист* [Пильняк, 1990, с. 596]. Иван Ожогов и его единомышленники из коммуны «обнаруживают духовную близость к строителям нового ... мира и к представителям государственной власти» [Скобелев, 1995, с. 176]. Безусловно, этот герой нежизнеспособен, и в финале романа он погибнет под водами разлившейся реки вместе со своим верным другом псом Арапкой, но его убеждение в том, что ... *для коммунизма истинного первым делом должны быть — доверие, напряженное внимание, уважение к человеку и — люди* [Пильняк, 2003, т. 4, с. 445], останется твердым.

В описании жизни сестер Скудриных лексемам, входящим в понятийное поле морали, также принадлежит большое место. Применительно к ним художественная оппозиция «морально — аморально» объективируется в антитезе «честь — позор». Капитолина Карповна являет собой пример «*всеколоменской морали*», её жизнь «*прошла полна достоинств мешчанской морали вся на ладони всегородских глаз и всегородских моралей*» [Пильняк, 1990, с. 417], — такую, на первый взгляд, высокую оценку дает ей автор. Однако настойчивый словообразовательный повтор морфемы *все* в составе окказиональных прилагательных, используемой для «обозначения целостности понятия, которое охватывает полный ряд предметов, явлений или признаков; распространяется на всех, на все» [Ожогов, 1986, с. 90] (омонимичной, что немаловажно, определительному местоимению), на который трудно не обратить внимание, явно не случаен и актуализирует важную для автора мысль. И рядом, в одном и том же фрагменте, отмечается, что «*всегородская мораль*» Капитолины Карповны «*благословлена всегородской сволочью*» [Пильняк, 1990, с. 417]: *Она осталась примером всегородской чести, проквашившая свою жизнь целомудрием пола, бога, коломенской морали* [Там же]. Обратим внимание на контекстуальное употребление лексемы *всегородской*: *всегородские глаза, всегородская сволочь, всегородская честь, наконец, всегородская мораль*. Что это, если не явная ирония автора, скрытая в настойчивом повторении одного и того же определения? (Вообще пильняковской прозе свойственны разные виды повторов, в том числе устойчивых сочетаний, используемых автором с композиционной целью и являющихся ярким художественным образом [Лю Гопин, 2013, с. 34]). Как же так: примерная, образцовая жизнь в трактовке писателя оценивается как «*проквашенная целомудрием... морали*»?

Автор показывает, как неоднозначны могут быть поступки, которые на первый взгляд выглядят простыми, понятными и заслуживающими очевидной оценки с точки зрения нравственности. Здесь перевернуто представление о том, что морально и что «не морально», потому что позор оказывается морален счастьем жизни Риммы Карповны, и наоборот, мораль и честь Капитолины *проквашены* и никому, кроме неё самой, не нужны. У нее нет ни мужа, ни детей, потому что «*ничто — только ничем и может быть*» [Пильняк, 1990, с. 418]. А живет она ради племянниц, дочерей ее сестры, ставшей *всеколомским позором* (эта лексема настойчиво повторяется писателем в словесном портрете Риммы Карповны, которая «*позорно полюбила*» женатого человека (о ее *позоре* стало всем известно), прошла через «*годы этой любовной связи — позора*» и, наконец, родила дочерей — «*позорных свидетельств этой связи*» [Там же]): *Время просеяло: биологическая честь Риммы оказалась сильнее всеколомской чести Капитолины, позор превратился в счастье, ... честь же Риммы создавалась подобно речным перекатам и плесам, подпертым монолитом любви* [Там же]. Значит, любовь, настоящая, искренняя, всепоглощающая, даже к такой «дряни», которым оказался возлюбленный Риммы Карповны, принесшая счастье материнства и воспитания дочерей, — это морально. Интересна и семантически неоднозначна евангельская параллель в характеристике Риммы Карповны: *У Риммы в паспорте значилось: «имеет двоих детей», «девица», — как было бы записано в России до революции и у Марии, матери Христа* [Там же].

3.3. Любовь как высшая моральная ценность в мотивно-образной парадигме романа

Также не осуждается автором и уход жены от профессора Полетики к инженеру Ласло. Это был честный поступок Ольги Александровны, не захотевшей обманывать и унижать мужа изменой (да для неё в силу душевной цельности и порядочности это было и невозможно) во имя любви (любви-жертвы, любви-подвига, на которую готова и её дочь Любовь Полетика), потому что *если ушла любовь, значит, пришла ложь, — а ложь есть мерзость* [Пильняк, 2003, т. 4, с. 314]. Это нравственное мерило любви просвечивает на способность к этому чувству всех героев.

Любовь выступает высшей ценностью среди моральных понятий романа, и наиболее полно её содержание раскрывается применительно к образу дочери профессора Полетики, имя которой — *Любовь* — далеко не случайно омонимично нравственному понятию. Именно представление о любви этой героини, на наш взгляд, транслирует авторское понимание данного чувства: *...она считала любовь чистотою, неделимым, подвигом* [Там же]. Это то понимание, которое разделяет и её отец (*любовь у профес-*

сора Полетики была на всю жизнь единственной [Там же, с. 243]), и инженер Федор Иванович Садыков, и её мать, и другие положительные герои.

И все же насколько по-разному понимается это чувство персонажами романа! «Больной женщинами», Полторак (который *не умел любить и не знал той любви, которая веками, определяла слово любовь, и он любил не женщин, а самого себя в женщинах* [Там же, с. 315]) убежден, что есть только *плотская любовь* [Там же, с. 305]. Способность его к любви раскрывается через чувства героя к жене Софье Григорьевне, её сестре Вере Григорьевне, любовнице Надежде Антоновне, наконец, Любви Пименовне: *Вера, Надежда, Любовь, — жену Полторака звали Софьей, — Полторак бредил породой юродивых, которых убивают. Вера, Надежда, Любовь, Мудрость — бред, ничего нет. Все на крови* [Там же, с. 340].

Семантика имен окружающих Полторака женщин не может не рассматриваться в плоскости истории о христианских мученицах Софии и её дочерях Вере, Надежде и Любви, названных так в честь трех основных христианских добродетелей, в судьбах которых возникают параллели с героинями Б. Пильняка. Полторак обманул свою жену Софию и предал её сестру Веру, Надежда сама изменила ему, а Любовь ушла от него «оскорбительно чистой».

Для артистки Надежды Антоновны, которая, по ее собственным словам, «*может быть и трибуном, и проституткой, ... и такой, которой все позволено*» [Там же, с. 311], которая «*никого не любит и не любила, кроме себя*» [Там же, с. 310], «*это глупое слово любовь умерло*» [Там же]. В её речи часто появляется лексема *мораль*, причем традиционное понимание её подменяется: *... я плохо знаю, что такое мораль, или у меня она своя... у меня будет сын, и я не буду знать, кто его отец, — их было несколько... И это неважно, кто отец. Это моя мораль ... Почему любить так — неморально?* [Там же, с. 330, 337].

Федор Иванович Садыков, который «*строит новую общественность и новую мораль*» [Там же, с. 385], в соответствии с его пониманием любви, считая друга Эдгара Ласло и свою жену Марию «*честными людьми*» [Там же, с. 387], сам предлагает им «*жениться и быть вместе: раз вы любите, без ненужной лжи*» [Там же, с. 385]. А по-другому он не представляет себе любви, поступая как «*честный коммунист*» [Там же, с. 387].

В свою очередь, инженер Ласло любит жену Ольгу Александровну, но позволяет себе измены, в том числе с «*чужой, незнакомой женщиной*» [Там же, с. 388] Марией Садыковой, которая, когда муж отпустил её, оказалась Ласло не нужна. Однако он принял «*перчатку чести, которую нельзя было не принять, честь осталась за Садыковым*» [Там же, с. 392]. Но женьба только приблизила трагедию — самоубийство Марии.

Так мы видим, как бинарная оппозиция «морально — аморально» призывает все романное повествование, разделяя персонажей и их поступки на два полюса.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, один из универсальных лингвокультурологических концептов — МОРАЛЬ — занимает важное место в любой национальной картине мира. Человеку свойственно активное познание окружающей действительности, что формирует его систему взглядов на мир и становится основой совершаемых действий, объективируясь в речемыслительном дискурсе. Важное место в нем принадлежит наряду со знаниевым компонентом нормативно-оценочной составляющей.

Проведенный анализ романа «Волга впадает в Каспийское море» продемонстрировал, что концепт МОРАЛЬ как в общественном национальном сознании, так и в авторской интерпретации Б. Пильняка тесно связан с соответствующими, моральными, принципами, предписывает соблюдение определенных норм поведения, реализуется в соблюдении известных ценностей и идеалов.

Концептуальное содержание морали раскрывается в тесной связи с мотивно-образной парадигмой романа, в частности, с лейтмотивами жизни и смерти, труда, «архетипическим мотивом волка» [Профатило, 2007, с. 137] и др. Моральная составляющая просвечивает на состоятельность и саму советскую действительность, и духовно-нравственную плоскость жизни.

Непреложность системы морально-нравственных ценностей, объективирующих концепт МОРАЛЬ, в авторской и национальной картине мира не вызывает сомнений. Наиболее последовательно эта преэмптиивность демонстрируется на примере раскрытия образа Любви Полетики, выдержавшей искушение любовью Полторака, но «оставшейся чистой» и не изменившей своей системе ценностей. Целомудренная Любовь Пименовна, «приближающаяся к идеалу Вечной Женственности» [Мазинг-Делич, 2011, с. 119], изучающая прошлое (историю каменных баб, историю преданий), а значит, получающая его опыт, является связующим звеном поколений, выступая в настоящем носителем этого потенциала, чтобы передать его будущему.

Авторская позиция заявлена и транслируется в мыслительном дискурсе профессора Полетики: *... одно непреложно навсегда — человек должен быть честен, правдив и чист, «добродетелей сосед» (как это сказано в Минях), — иначе — гибель* [Пильняк, 2003, т. 4, с. 250].

Бинарная семантическая оппозиция «морально — аморально» выступает одной из миромоделирующих универсалий, реализуясь в систе-

ме частных противопоставлений: честно — бесчестно, правда — ложь, совестливый — бессовестный, верность — предательство, справедливость — обман и под.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении приемов концептуализации авторской модели мира в романе «Волга впадает в Каспийское море» и шире — в прозе Б. Пильняка в целом. Научно целесообразным является исследование миромоделирующей роли не только морально-нравственных, но и других концептов, структурирующих художественный мир пильнянковской прозы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. — Москва : Русский язык, 1986. — 797 с.
2. Пильняк Б. А. Волга впадает в Каспийское море / Б. А. Пильняк. — Москва : Современник, 1990. — 607 с.
3. Пильняк Б. Собрание сочинений : в 6 т. Повести ; Рассказы ; Волга впадает в Каспийское море : Роман / Б. Пильняк. — Москва : ТЕРРА — Книжный клуб, 2003. — Т. 4. — 480 с. — ISBN 5-275-00727-2.

Литература

1. Абдуразакова Е. Р. Тема Востока в творчестве Бориса Пильняка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Р. Абдуразакова. — Владивосток, 2005. — 22 с.
2. Агеносов В. В. Был ли Б. Пильняк экспрессионистом? / В. В. Агеносов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2021. — № 1. — С. 138—141.
3. Анпилова Л. Н. Русская версия экспрессионизма : проза Бориса Пильняка 1920-х годов / Л. Н. Анпилова. — Санкт-Петербург : Нестор — История, 2019. — 244 с. — ISBN 978-5-4469-1583-5.
4. Ауэр А. П. Перед лицом Вечности : Статьи о художественном мире Б. Пильняка / А. П. Ауэр. — Коломна : КГПИ, 2009. — 211 с. — ISBN 978-5-98492-087-2.
5. Бабкина Е. С. Своеобразие формирования жанровой системы в творчестве Бориса Пильняка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. С. Бабкина. — Владивосток, 2007. — 23 с.
6. Гаганова А. А. Художественный кризис производственного романа 1920—70 гг. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. А. Гаганова. — Москва, 2015. — 26 с.
7. Денисов А. Е. Пильняковские чтения в Коломне / А. Е. Денисов. — Коломна : Серебро слов, 2019. — 106 с.
8. Дубова М. А. «Россия, Расея, Русь, Коломна : провинция» : концептуализация пространства в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» / М. А. Дубова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 203—219. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-203-219.

9. *Дубова М. А. В. Я. Брюсов. Проблемы миромоделирования и стилевой полифонии : от малой прозы к романной / М. А. Дубова, Н. А. Ларина. — Москва : Юрист, 2022. — 432 с.*

10. *Крючков В. П. Проза Б. А. Пильняка 1920-ых годов : мотивы в функциональном и интертекстуальном аспектах : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / В. П. Крючков. — Саратов, 2006. — 51 с.*

11. *Лю Гопин. Языковые традиции в построении художественного текста : Б. Пильняк — А. Рекемчук — З. Прилепин / Гопин Лю // Интерпретация текста : лингвистический, литературоведческий и методический аспекты : VI Международная научная конференция, 6—7 декабря 2013 г. — Чита : ЗаБГУ, 2013. — С. 34—35.*

12. *Мазинг-Делич И. «Волга впадает в Каспийское море» Бориса Пильняка как отражение «софиологии» Льва Троцкого / И. Мазинг-Делич // Б. А. Пильняк : исследование и материалы : сборник научных трудов. — Коломна : Мос. гос. обл. соц.-гум. ун-т, 2011. — Выпуск VI. — С. 113—123. — ISBN 978-5-98492-095-7.*

13. *Посухова О. Ю. Производственный роман как средство формирования профессиональной идентичности в советском обществе / О. Ю. Посухова, А. С. Фролова // Гуманитарий юга России. — 2016. — Т. 22. — № 6. — С. 92—109.*

14. *Профатило И. И. Художественный мир прозы Б. А. Пильняка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. И. Профатило. — Москва, 2006. — 18 с.*

15. *Профатило И. И. Архетипический мотив волка в романе Б. А. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» / И. И. Профатило // Б. А. Пильняк : исследования и материалы : сборник научных трудов. — Коломна : Коломенский гос. пед. ин-т, 2007. — Выпуск V. — С. 137—143.*

16. *Святославский А. В. М. М. Пришвин и Б. А. Пильняк : к истории творческих взаимоотношений / А. В. Святославский // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2020. — № 6—1. — С. 118—127. — DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.118>.*

17. *Скобелев В. П. Андрей Платонов и Борис Пильняк (романы «Чевенгур» и «Волга впадает в Каспийское море») / В. П. Скобелев // Борис Пильняк : Опыт сегодняшнего прочтения. ИМЛИ им. М. Горького РАН. — Москва : Наследие, 1995. — 208 с.*

18. *Суровцева Е. В. Б. А. Пильняк и его эпистолярные обращения во власть / Е. В. Суровцева // Филология и лингвистика. — 2018. — № 1 (7). — С. 1—5.*

19. *Шайтанов И. О. Когда ломается течение (исторические метафоры Бориса Пильняка) / И. О. Шайтанов // Вопросы литературы. — 1990. — № 7. — С. 35—72.*

20. *Яранцев В. Н. Всеволод Иванов и Борис Пильняк : опыт творческого сосуществования (аспект «сорборности») / В. Н. Яранцев // Сибирский филологический журнал — 2015. — № 3. — С. 48—51.*

21. *Camisa M. E. Andrei Platonov and Boris Pil'niak : the pursuit of the happy man / M. E. Camisa // Philological Class. — 2021. — Т. 26. — № 1. — С. 107—117. — DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-08.*

*Статья поступила в редакцию 27.01.2025,
одобрена после рецензирования 06.05.2025,
подготовлена к публикации 21.05.2025.*

Material resources

- Ozhegov, S. I. (1986). *Dictionary of the Russian language*. Moscow: Russian Language. 797 p. (In Russ.).
- Pilnyak, B. A. (1990). *The Volga flows into the Caspian Sea*. Moscow: Sovremennik Publ. 607 p. (In Russ.).
- Pilnyak, B. (2003). *Collected works: in 6 volumes, 4*. Moscow: TERRA Book Club. 480 p. ISBN 5-275-00727-2. (In Russ.).

References

- Abdurazakova, E. R. (2005). *The theme of the East in the work of Boris Pilnyak*. Author's abstract of PhD Diss. Vladivostok. 22 p. (In Russ.).
- Agenosov, V. V. (2021). Was B. Pilnyak an expressionist? *Philological Sciences. Scientific reports of the higher school, 1*: 138—141. (In Russ.).
- Anpilova, L. N. (2019). *The Russian version of expressionism: Boris Pilnyak's prose of the 1920s*. St. Petersburg: Nestor — Istoriya. 244 p. ISBN 978-5-4469-1583-5. (In Russ.).
- Auer, A. P. (2009). *In the face of Eternity: Articles about the artistic world of B. Pilnyak*. Kolomna: KGPI. 211 p. ISBN 978-5-98492-087-2. (In Russ.).
- Babkina, E. S. (2007). *The peculiarity of the formation of the genre system in the work of Boris Pilnyak*. Author's abstract of PhD Diss. Vladivostok. 23 p. (In Russ.).
- Camisa, M. E. (2021). Andrei Platonov and Boris Pil'niak: the pursuit of the happy man. *Philological Class, 26 (1)*: 107—117. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-08.
- Denisov, A. E. (2019). *Pilnyakov readings in Kolomna*. Kolomna: Silver of Words. 106 p. (In Russ.).
- Dubova, M. A. (2023). “Russia, Rossia, Rus, Kolomna: Province”: Conceptualization of Space in B. Pilnyak's Novel “Volga Flows into Caspian Sea”. *Nauchnyi dialog, 12 (2)*: 203—219. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-203-219. (In Russ.).
- Dubova, M. A., Larina, N. A. (2022). *V. Y. Bryusov. Problems of world modeling and stylistic polyphony: from small prose to novel*. Moscow: Lawyer Publishing Group. 432 p. (In Russ.).
- Gaganova, A. A. (2015). *The artistic crisis of the industrial novel of the 1920 — 70s*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).
- Kryuchkov, V. P. (2006). *The prose of B. A. Pilnyak of the 1920s: motifs in functional and intertextual aspects*. Author's abstract of Doct. Diss. Saratov. 51 p. (In Russ.).
- Liu Guoping. (2013). Linguistic traditions in the construction of a literary text: B. Pilnyak — A. Rekemchuk — Z. Prilepin. In: *Text interpretation: linguistic, literary and methodological aspects: VI International Scientific Conference, December 6—7, 2013*. Chita: ZabGU. 34—35. (In Russ.).
- Mazing-Delich, I. (2011). “The Volga flows into the Caspian Sea” by Boris Pilnyak as a reflection of Leon Trotsky's “sophiology”. In: *B. A. Pilnyak: research and materials: collection of scientific papers, VI*. Kolomna: Moscow State Region. social-gum. Univ. 113—123. ISBN 978-5-98492-095-7. (In Russ.).
- Posukhova, O. Y., Frolova, A. S. (2016). The industrial novel as a means of forming professional identity in Soviet society. *Humanities of the South of Russia, 22 (6)*: 92—109. (In Russ.).
- Profatilo, I. I. (2006). *The artistic world of B. A. Pilnyak's prose*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 18 p. (In Russ.).

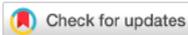

- Profatilo, I. I. (2007). The archetypal motif of the wolf in B. A. Pilnyak's novel "The Volga flows into the Caspian Sea". In: *B. A. Pilnyak: research and materials: collection of scientific papers, V*. Kolomna: Kolomna State Pedagogical Institute. 137—143. (In Russ.).
- Shaitanov, I. O. (1990). When the current breaks (historical metaphors by Boris Pilnyak). *Questions of literature, 7*: 35—72. (In Russ.).
- Skobelev, V. P. (1995). Andrey Platonov and Boris Pilnyak (novels "Chevengur" and "Volga flows into the Caspian Sea"). In: *Boris Pilnyak: The experience of today's reading. Gorky Institute of Physics and Technology of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: Heritage. 208 p. (In Russ.).
- Surovtseva, E. V. (2018). B. A. Pilnyak and his epistolary appeals to power. *Philology and Linguistics, 1 (7)*: 1—5. (In Russ.).
- Svyatoslavski, A. V. (2020). M. M. Prishvin and B. A. Pilnyak: towards the history of creative relationships. *Philological Sciences. Scientific reports of the higher school, 6—1*: 118—127. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.118>. (In Russ.).
- Yarantsev, V. N. (2015). Vsevolod Ivanov and Boris Pilnyak: the experience of creative co-existence (the aspect of "conciliarity"). *Siberian Philological Journal, 3*: 48—51. (In Russ.).

*The article was submitted 27.01.2025;
approved after reviewing 06.05.2025;
accepted for publication 21.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Кудряшов И. В. Лирический сюжет цикла «Спас» Николая Клюева как духовная автобиография поэта / И. В. Кудряшов, С. П. Пяткин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 290—310. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-290-310.

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2025). Lyric Narrative of Nikolai Klyuev's Cycle "Spas" as Poet's Spiritual Autobiography. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 290-310. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-290-310. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

ERIHPLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лирический сюжет цикла «Спас» Николая Клюева как духовная автобиография поэта

Кудряшов Игорь Васильевич
orcid.org/0000-0001-7022-3830
доктор филологических наук,
профессор кафедры
русского языка и литературы,
корреспондирующий автор
kiv.arz@yandex.ru

Пяткин Сергей Николаевич
orcid.org/0000-0002-8659-7543
доктор филологических наук,
профессор кафедры
русского языка и литературы,
младший научный сотрудник
pyatkinsn@arz.unn.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Арзамасский филиал)
(Арзамас, Россия)

Lyric Narrative of Nikolai Klyuev's Cycle "Spas" as Poet's Spiritual Autobiography

Igor V. Kudryashov
orcid.org/0000-0001-7022-3830
Doctor of Philology, Professor,
Department of the Russian
and the Literature,
corresponding author
kiv.arz@yandex.ru

Sergey N. Pyatkin
orcid.org/0000-0002-8659-7543
Doctor of Philology, Professor,
Department of the Russian
and the Literature,
junior research scientist
pyatkinsn@arz.unn.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
(Arzamas, Russia)

© Кудряшов И. В., Пяткин С. Н., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование стихотворного цикла Н. А. Клюева «Спас» (1918), который является одним из вершинных произведений в творческой эволюции поэта, неординарно и неоднозначно запечатлевшим его религиозно-философские искания на стыке двух эпох — до и после революции 1917 года. Гипотеза работы связана с атрибуцией циклического нарратива как сюжета о спасении души, воплотившего основные вехи духовной автобиографии Клюева. Утверждается, что содержание каждого из восьми стихотворений цикла художественно концептуализируется определенной метафорой, соотношенной с идеей сакрального преображения героя-автора, а развитие сюжета в «Спасе» обуславливается последовательной сменой этих метафор. Показано, что концептуальные метафоры, являясь важным элементом поэтики клюевского цикла, формируют его образно-символическую структуру, насыщенную библейскими аллюзиями и реминисценциями, и отражают религиозно-этический опыт олонецкого поэта: от осмысления божественного предназначения песенного дара (метафора «спасение как предопределение») — к восприятию высшего смысла жертвенной христианской любви (метафора «спасение как самопожертвование»). Отмечено, что «Спас», содержащий характерные признаки «пасхального текста», вообрал в себя жанровые традиции православной агиографии и стал предметом авторефлексии в прозе Н. Клюева 20-х годов.

Ключевые слова:

Клюев; стихотворный цикл; концептуальная метафора; герой-автор; духовное преображение; религиозно-философские искания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the poetic cycle “Spas” (1918) by N. A. Klyuev, which stands as one of the pinnacle works in the poet’s creative evolution, uniquely and ambiguously capturing his religious and philosophical inquiries at the intersection of two eras — before and after the 1917 Revolution. The hypothesis posits that the cyclical narrative can be attributed as a story of soul salvation, embodying the key milestones of Klyuev’s spiritual autobiography. It is asserted that the content of each of the eight poems in the cycle is artistically conceptualized through a specific metaphor, correlated with the idea of sacred transformation of the hero-author, while the development of the plot in “Spas” is determined by the sequential change of these metaphors. The study demonstrates that conceptual metaphors, as a crucial element of Klyuev’s poetics, shape its imagistic and symbolic structure, rich in biblical allusions and reminiscences, reflecting the religious-ethical experience of the Olonets poet: from the contemplation of divine purpose behind the gift of song (the metaphor “salvation as predestination”) to the perception of the higher meaning of sacrificial Christian love (the metaphor “salvation as self-sacrifice”). It is noted that “Spas,” exhibiting characteristic features of a “Paschal text,” integrates genre traditions of Orthodox hagiography and becomes a subject of authorial reflection in Klyuev’s prose from the 1920s.

Key words:

Klyuev; poetic cycle; conceptual metaphor; hero-author; spiritual transformation; religious-philosophical inquiries.

УДК 821.161.1Клюев.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-290-310

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Лирический сюжет цикла «Спас» Николая Клюева как духовная автобиография поэта

© Кудряшов И. В., Пяткин С. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Лирический цикл «Спас» Николая Клюева (1918), состоящий из восьми стихотворений, написанных в 1916—1918 годах, вошел в состав книги второй «Песнослава», изданного «Литературно-издательским отделом Народного комиссариата по просвещению» в Петрограде в 1919 году по прямому распоряжению А. В. Луначарского. Это издание, вместившее в себя фактически все написанное поэтом к концу 1918 года, стало первым Собранием сочинений Н. Клюева, и именно в таком статусе оно воспринималось как им самим, так и ближним кругом его современников (см. об этом, например: [Есенин, 1999, с. 97]).

Изначально публикацию «Песнослава» Клюев планировал осуществить в издательстве М. В. Аверьянова, вслед за вышедшей в нем своей книгой «Мирские думы» (1916). С этой целью был подписан договор, и, как свидетельствуют письма Клюева, адресованные Аверьянову, поэтом велась напряженная и кропотливая работа по отбору материала, внесению в него значительных исправлений и его структурированию. Однако обстоятельства сложились таким образом, что Клюев, подготовивший «Песнослов» к печати в одной книге, был вынужден в августе 1918 года расторгнуть договор.

«Песнослов» в двух книгах, изданный Наркомпросом, имел «принципиально новую» организацию «сюжета и композиции» (см. [Мекш, 1986, с. 71; Азадковский, 2002, с. 157; Брыкалин, 2005, с. 7] и др.), способствующую, по справедливому заключению Э. Б. Мекша, тому, «чтобы текстовая последовательность раскрывала эволюцию художественного мира автора» [Мекш, 1986, с. 74]. Говоря другими словами, скрупулёзная и многократная переработка Клюевым текстов и принципов их компоновки в «Песнослове», которая велась в течение трех лет, отражает процесс творческой самоидентификации поэта, неизбежной для автора, готовящего к выходу

в свет столь значительное издание, как собрание собственных сочинений. Следовательно, все произведения, созданные Клюевым в данный период, в той или иной мере несут на себе печать такого поиска. Вместе с тем во всем массиве стихотворных текстов этих лет — а их написано с 1916 по 1918 годы около ста — «Спас» занимает особое место по двум причинам. Во-первых, он является единственным циклическим образованием, выделенным автором. Четыре стихотворения, написанные примерно в то же время и объединенные заголовком «Поэту Сергею Есенину» во второй книге «Песнословия», по строгому литературоведческому взгляду, лишь условно могут считаться циклом. Во-вторых, в содержании «Спаса» в концентрированном виде обнаруживаются отличительные черты «скифской» идеологии с ее «голгофским акцентом»: «через страдания и распятие — к воскресению и преображению» [Семенова, 2004, с. 326] (см. также: [Серегина, 2015; 2018]). Причем этот акцент отчетливо просматривается во внутренней логике и последовательности стихотворений цикла, где в оптике евангельского сюжета, имеющего необычное и неоднозначное авторское прочтение, запечатлены разные вехи крестного пути лирического героя как ценностные маркеры духовно-творческой эволюции поэта.

Все вышесказанное дает основание предполагать, что лирический цикл «Спас» Николая Клюева, насыщенный библейскими мотивами и символикой, автобиографическими отсылками, представляет собой уникальный материал для реконструкции духовного пути самого поэта.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Одним из первых исследователей, пытавшихся найти «ключ» к прочтению клюевского «Спаса», стала Н. Ю. Бельченко. Она обратилась к анализу ритуально-мифологических элементов структуры и образности цикла и пришла к выводу, что ритуал и миф составляют основу поэтики Клюева и выступают важнейшим инструментом декодирования глубинных смыслов его произведения [Бельченко, 1998]. Справедливо указав на «совпадение зачина и выхода, своего рода выхода в зачин, в текст, а текста в свет» [Там же, с. 38] как ритуализацию структуры «Спаса», исследователь в то же время не соотнесла эту особенность с доминирующим в цикле сюжетом о спасении души, опирающимся на народно-христианскую традицию.

Отметим, что в новейшее время цикл «Спас» как ценный источник информации о религиозно-философских воззрениях Клюева и его поэтическом мире неизменно находится в центре внимания ученых (см. [Никё, 2006; Шокальский, 2006; Ларионова, 2012; Казаркин, 2013; Солнцева, 2016; Пономарева, 2017; Солнцева, 2019 и др.]). Детальный анализ интимных мотивов в «Спасе» представлен в одной из глав широко известной

книги Н. М. Солнцевой «Странный эрос» [Солнцева, 2000]. Её автор утверждает, что в цикле Клюевым «сотворен неомиф о Спасе», а его «лирический герой явно берет на себя роль хлыстовской богородицы» [Там же, с. 32], что, по мнению исследователя, и составляет сюжет произведения. Проведенный Солнцевой анализ позволил ей сделать заключение, что «весь цикл “Спас” являет гимн уду», хотя образы Клюева наполнены «высокой философичностью» [Там же, с. 38]. Подходя к оценке «Спаса» исключительно с позиций поэтического выражения сектантства (хлыстовства) поэта, Солнцева, по существу дела, заявляет о богохульстве и богоотступничестве лирического героя цикла, а подспудно и его автора: «... исполненный мистической страсти лирический герой переступает границу дозволенного Церковью, абсолюты порушены» [Там же, с. 36].

Французский славист Мишель Никё, вслед за Н. М. Солнцевой, называет «Спас» «мистико-эротическим циклом», отражающим «своеобразный, порой почти кощунственный мистический опыт слияния с Христом» [Никё, 2006, с. 83—84]. Концепция прочтения «Спаса», предложенная Н. М. Солнцевой, получила развитие и в статье А. А. Лысова, который, проведя сопоставительный анализ двух циклов Клюева «Поэту Сергею Есенину» и «Спас», пришел к выводу, что их объединяет имеющий «сектантскую основу» мотив «духовного зачатия», выразившийся в наделении «лирического героя атрибутами Христа» [Лысов, 2016, с. 25].

В статье «Купина в творчестве Николая Клюева: образ и понятие» литературовед Е. И. Маркова связывает возникновение замысла «Спаса» с убеждением поэта, в котором он пребывал в первые годы революции, что «страна через страдание, через распятие обретет спасение. Этой мечте-идее посвящен его цикл “Спас”» [Маркова, 2008, с. 178]. В монографическом труде, посвящённом изучению поэтического родословия Николая Клюева как «народного завета», Маркова отмечает, что «Спас» воспроизводит «чрезвычайно сложные представления Клюева о Христе» и одновременно с этим «демонстрирует и привычное представление о Христе, с которым герой-поэт вступает в непривычные отношения» [Маркова, 2009, с. 65]. Особенно значимой для предлагаемого нами исследования является обобщающая мысль ученого о национальном характере творческой судьбы поэта: «Русский путь Клюева — это путь русского крестьянина к Спасителю» [Там же, с. 69].

Накопленный в литературоведении опыт опосредованно способствует осмыслению цикла «Спас» как духовной автобиографии Клюева, в основу которой положена идея спасения души, явленная в развитии и обретающая в каждом стихотворении новые смысловые решения. Такое прочтение клюевского цикла, претендующего считаться новаторским, значительно расширит его существующие интерпретации, основанные преимуще-

ственно на анализе мистико-эротического контекста «Спаса» и этико-художественных транскрипций сектантских взглядов и настроений поэта. Это определяет главную цель настоящей статьи, опирающейся на методологические подходы (биографический, мифопоэтический, историко-литературный, интертекстуальный, герменевтический), которые применяются в современной филологической практике для системного рассмотрения произведений, отразивших факты духовной биографии писателя. В основу исследования положен структурно-семантический анализ концептуальных метафор, базирующийся на теории метафоры американских исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, 2004].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лирический сюжет и концептуальная система цикла «Спаса»

Клюевское определение своего творчества — «Песенный Спас» (см.: [Медведев, 2005, с. 109]) — видится в высшей степени симптоматичным при выборе поэтом заглавия цикла. Антропоним *Снас*, занимающий в ономастиконе Клюева главенствующее положение и имеющий широкий спектр художественных репрезентаций (Берестяный Спас, Виноградный Спас, Мокробородый Спас и т. п.) (см.: [ПСК, 2007, с. 154—177]), служит в церковно-славянском языке кратким именованием Иисуса Христа Спасителя мира и одновременно является названием двенадцатого праздника в православном календаре — Преображения Господня. Оба эти значения антропонима *Снас*, взаимодополняющие друг друга и образующие его единое коннотативное поле, в равной степени характеризуют поэтическую семантику заглавия клюевского цикла и конституируют христианский смысл воссозданного в нем жертвенного пути лирического субъекта как носителя и выразителя авторского сознания.

Содержание каждого из восьми стихотворений цикла художественно концептуализируется определенной метафорой, которая в своей когнитивно-семиотической сущности прямо соотносена с идеей сакрального преобразования, становящегося единственным залогом спасения и Воскресения души героя-автора. Последовательная смена концептуальных метафор в «Спасе», структурирующих дискурс всего циклического нарратива, проясняет развитие его сюжета, состоящего из значимых, взаимосвязанных между собой этапов духовного пути героя вплоть до его «ощутимого», метафизического единения с Христом. Очередность этих метафор в цикле Н. Клюева нам видится таковой:

1. Спасение как предопределение.
2. Спасение как служение.
3. Спасение как испытание.

4. Спасение как покаяние.
5. Спасение как упование.
6. Спасение как боголюбие.
7. Спасение как утешение.
8. Спасение как самопожертвование.

1. В начальном стихотворении цикла «Вышел лен из мочища...», выполняющем роль завязки лирического сюжета, реализуется концептуальная метафора «**спасение как предопределение**», основное лексическое значение которой содержит указание на то, что путь лирического героя к спасению души заранее предreshен Божественной волей.

Символический образ льна, с которым отождествляет себя лирический герой, воспроизводя все процессы его обработки (мочение, сушка, провевание, мялка), в системе эмоциональных и содержательных интенций автора становится исходной точкой его метафизических исканий. Образ «одежды нетленной», как конечный продукт всех операций со льном, восходит к библейским «ризам спасения» (Ис. 61: 10), облачение в которые и служит знаком начала посвяtitельного пути героя. Этот путь напрямую связан в тексте с «мужицким Спасом», который в религиозно-этических воззрениях Клюева «максимально приближен к крестьянскому бытию и миропониманию» [Сепсякова, 2004, с. 331] и осмыслен поэтом как подлинное существо Христа Спасителя. В данном аспекте примечательно то неординарное, если не сказать парадоксальное, назначение героя в обновляющемся мире, которое он осознает как предопределение своей судьбы свыше, ведущее к спасению, что подчеркивается финальными строками: «*Плоти громной, Господней, / На порты я взрацен, / Чтoб Земля с Преисподней / Убелились, как лен*» [Клюев, 1919, с. 143].

2. Не менее сложна и эйдологическая ткань текста второго стихотворения, открывающегося строками «*Я родил Эммануила — / Загумённого Христа*» [Там же, с. 144]. «Загуменный Христос» в цикле Клюева — один из образных сономинатов «мужицкого Спаса» и в то же время одна из ипостасей автора, о чем свидетельствует следующий фрагмент текста: «*Иисусе... / Песен китежских причуды / Погибающим открыл*» [Там же, с. 145]. Символический посыл произведения проясняет природу поэтического таланта лирического героя и постулирует идею его деятельностного служения на пути к спасению, что отражает следующее содержание, концептуализированное метафорой «**спасение как служение**». Противопоставление праведного крестьянского мира («*Ржаного Назарета*») бесплодному городу («*Литер злой, железногрудый*»), являющееся сквозным мотивом в клюевском цикле, не только передает многотрудность такого служения, но и, думается, — в большей степени — утверждает образ рус-

ского крестьянства как народа-Христа, с которым кровно связан герой и которому предначертана великая миссия искупления грехов человечества. Закономерно, что стихотворение заканчивается строфой, отсылающей к теме бессмертия в народной памяти песенного дара, отданного людям: *«И над Тяткиной могилкой / Ты начертишь: пел и жил. / Кто родил Эммануила, / Тот не умер, но почил»* [Там же].

3. Развитие лирического сюжета цикла в третьем стихотворении обусловлено репрезентацией семантического потенциала концептуальной метафоры **«спасение как испытание»**. Содержание начальных строк этого произведения обнаруживает прозрачную корреляцию с евангельским эпизодом о рождении Христа: *«Я родился в вертепе, / В овчьем теплом хлеву»* [Там же, с. 146]. Корреляционная связь подобного рода, что показательно, проявляет себя в клюевском тексте и там, где говорится об искушении героя-автора, за которым стоит *«дьявол злой тонконогий»*. В результате этого актуализируется почти непосильное для смертного человека бремя испытаний, что выпало на долю героя, которого дьявол уводит со спасительного пути *«в смрадный, каменный ад»*, символизирующий город, населенный не людьми, а *«грешными тенями»*. Вместе с тем самым сложным испытанием становится соблазн земной «книжной» славой. Его мучительное преодоление приводит героя к обретению пророческого дара поэта (*«Но прозрел я ступени / В Божий певчий шалаи»*) [Там же, с. 147], и одновременно порождает в его душе глубокое покаянное чувство (*«О, простите, примите / В рай запечный меня!»*) [Там же, с. 148], манифестируя новый этап в сюжетном движении «Спаса».

4. Метафора **«спасение как покаяние»** выступает ядром концептуальной системы четвертого стихотворения цикла *«Во дни по вознесении...»*. Евангельское событие восшествия Спасителя во плоти на небо отзывается в сознании героя ощущением метафизической пустоты, пробуждающим в нем мольбы о прощении: *«Виноградный Спас, прости, прости»* [Там же, с. 149]. Такое именование Христа, органичное для религиозно-художественной эстетики Клюева, символически апеллирует к образу духовного плодородия как одной из ипостасей Спасителя в народно-христианской культуре. Покаянная рефлексия, скрепляющая эмоционально-ценностное содержание стихотворения, непосредственно связана с переживанием героем-автором духовного оскудения как собственной души, так и всей русской земли после вознесения Христа. Печать горькой и неподдельной скорби лежит на картинах, открывающихся взору лирического героя: *«... оспенный трактир / для Христов (народа-Христа) усладнее Софии»; «И в церквах обугленный Распутин / Продает сусальный, тусклый рай»* [Там же, с. 150]. Закрывающий стихотворение инфернальный образ Распутина,

торгующего мнимым спасением душ, отсылает память читателя к словам апостола Петра о лжепророках (2 Пет. 2: 1—2) и является символом лжеучительства, губительной ереси и, одновременно с этим, — предвестником гибели крестьянской России, презревшей Христа.

Замещение в субъектно-образной структуре текста лирического «я» лирическим «мы» свидетельствует не только об онтологическом единстве героя и «народа–Христа», но и об объединяющем их чувстве вины, которое субъект речи высказывает соборным словом покаяния.

Покаяние служит залогом фундаментального обновления внутреннего мира героя-автора на его пути к богопознанию. «Раскаяние, — как писал преподобный Иоанн Дамаскин, — есть возвращение, путем подвижнической жизни и трудов, из противоестественного состояния в состояние естественное и от дьявола к Богу» [Дамаскин, 1913, с. 237]. И в этом отношении стихотворение «Во дни по вознесении...» является «кульминационным текстом» «Спаса», знаменующим поворотный момент в сюжете о духовном преображении героя.

5. Запечатленный в финальной части четвертого стихотворения ключевского цикла образ России, имеющий пейоративную семантику, выступает ключевым структурно-смысловым компонентом следующего произведения — «Неугасимое пламя...». Этот образ, выраженный перифразой *«адский, погибельный храм»*, раскрывается в картинах всеобщего нравственного разложения, сопоставимых с описанием библейского Содома: *«В совокупленье геенском / Корчится с отроком бес...», «Страсть многохоботным удом / Множит пылающих чад»* [Клюев, 1919, с. 151]. Лирический герой, осмысливая собственную греховную сущность (*«Чрево мне выжгла геенна, / Бесы гнездятся в костях»*), возносит страстную молитву о скорейшем втором пришествии Христа, который преобразит мир, погрязший в грехах: *«Милый, явьшь, я — супруга, / Ты же — сладчайший жених. / с Севера, — с ясного ль Юга / Ждать поцелуев Твоих? <...> / Выведи, Боже распятой, / Из преисподней земли»* [Там же, с. 152].

Сакральная семантика упования на милость Божию, проявляющаяся в синтагматических и парадигматических связях текста, формирует его когнитивно-дискурсивное пространство, основанием которого служит метафора **«спасение как упование»**.

6. Эмоционально-образное содержание стихотворения «Неугасимое пламя...» резко контрастирует с эмотивной тональностью следующего произведения цикла «Мои уста — горячая пустыня...». Его заглавная идея, создавая живописную и символически насыщенную словесную канву текста, достаточно полно и отчетливо высказана финальной фразой, где звучит признание героя во всепоглощающей любви к Богу: *«Тебя,*

Мое Дитя, Супруг и Бог — люблю» [Там же, с. 154]. Собственно, метафора «спасение как боголюбие» определяет концептуальную систему данного произведения. В самом признании героя опознается отсылка к первой заповеди Христа: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею» (Мк. 12: 29—31).

Стоит отметить, что в отличие от Есенина, который в поэме «Преображение» духовную жажду воплощения Христа лаконично выразил, по сути дела, в призыве «родить» («*Господи, отелись!*»), Клюев воспроизводит сакральный процесс воплощения Христа в душе героя целостно: от любовного томления («*Будь в ласках, как жена, в лобзании безбрежен*») до рождения («*...и муки роженицы, / Грызь жил, последа жар, стена, перетерплю...*» [Там же]), — прибегая, как справедливо заметила Н. М. Солнцева, к интимным «мотивам плотского эроса» [Солнцева, 2000, с. 33], которые намечены в предыдущих стихотворениях цикла.

Перед нами открывается таинство явления в мир нового, благочестивого человека. Вместе с тем сопряженное с радостью («*ласками*») и муками («*стенаниями*») рождение «нового» героя, стяжающего боголюбие, определяет его готовность к дальнейшему духовно-творческому совершенствованию на пути к спасению.

7. Концептуальную систему седьмого стихотворения организует метафора «спасение как утешение». В этом произведении, как и в ряде предыдущих, автор вновь обращается к теме «*адского, погибельного храма*», олицетворенного образом древней столицы: «*И Тобою попраный починают ад / Сытые кутейники московские!*» [Клюев, 1919, с. 155]. Сохраняет свои inferнальные коннотации в новом тексте и фигура кощунствующего Распутина, который «*на антиминсе / Пляшет в жегучих, похотливых сапогах*» [Там же]. («Антиминс — освященный плат со святыми мощами, на котором изображено положение Христа во гроб, четыре евангелиста и орудия страдания Спасителя. А. кладется на церковный престол во время причастия» [СД, 2003, с. 989]).

Увиденное духовным зрением, переживаемое и высказываемое автором будто бы не оставляет никаких надежд на спасение: «*Как же бежать из преисподней, / Где стены из костей и своды из черепов?*» [Клюев, 1919, с. 155]. Однако душа героя наполнена отнюдь не безраздельной скорбью, а неизбывной верой в пришествие Христа «*в венце терновом*» и чувством благодатного утешения, которое герой подвижнически несет всем людям, даже тем, что скрывают в своих недрах «*ад заводской и гиблый трактир*».

Утешительная весть радостно подхватывается самой природой («*Ведь пичужка с глазом васильковым / Выше библий, тиар и порфир*») и, что

значимо для певца «мужицкого Спаса», отзывается «словом / о грядущих золотых мирах» исключительно в сознании обитателей деревни, единственно сохраняющих живую память о мире горнем и корневых устоях национального бытия.

8. Последнее стихотворение цикла завершает лирический сюжет о спасении души героя. Вплетенная в глубокий религиозно-философский контекст произведения, идея духовного возвышения, достигаемого через жертвенную любовь, составляет содержательное ядро концептуальной метафоры «спасение как самопожертвование». В венчающем цикл тексте ипостасное соединение героя с Христом («Распятыя на древе — с Тобюю, в Тебе» [Клюев, 1919, с. 157]) изображается как Таинство — дар Святого Духа за душевный труд, силу и крепость веры, свидетельствующий о достижении героем своего предназначения, с осмысления которого, напомним, и начинается «Спас». В этом ракурсе содержание первого и последнего стихотворения замыкаются, образуя сюжетно-композиционное единство и завершенность цикла.

Религиозный экстаз, испытываемый героем и выраженный в страстном желании «войти в Твои раны», «вкусить» винограда, опалить «кровью уста», — очевидная аллюзия стиха из шестой главы Евангелия от Иоанна: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем (Ин. 6: 56).

Мотив причастия, определяющий развитие лирического сюжета стихотворения, обуславливает последующее появление в тексте идеи конечного пути героя («До верногo шляха в сияющий рай!»), осознания им сакральной роли своего поэтического дара («Мой стих — зызыватель в Христовы ряды») и образа «Девы-Любви», которой герой без остатка («на вес не дробя») отдает себя.

В земном мире, наполненном «злом и бедами», крестная любовь, что в финале ниспосылается герою как высшая благодать, становится его крепким внутренним стержнем, залогом обретения Царства Небесного. Высшее блаженство, счастье и полноту жизни лирический герой цикла обретает не в поэтической проповеди Христовых истин, а, подобно Христу Спасителю, в жертвенном служении ближним.

Сокровенная жизнь души героя, обращенная к Богу и запечатленная в поэтическом мире «Спаса», отразила многолетний этико-художественный опыт и духовную эволюцию самого поэта. Каждое из восьми стихотворений цикла, последовательно воссоздавая яркую панорамную картину спасительного преображения героя-автора, вместе с тем соотнесено с важнейшими вехами жизненного и творческого пути Клюева, вплоть до 1918 года — времени оформления этих произведений в единый циклический текст.

3.2. Контексты стихотворного цикла «Спас» как духовной автобиографии поэта

Биографические детали и факты из жизни поэта, проявляющиеся, как правило, в ономастическом пространстве цикла за счет использования реальных топонимов и антропонимов (*Соловки, Москва, Распутин* и др.), дают возможность установить временные границы основных этапов религиозных исканий Клюева, которые, в свою очередь, обуславливают доминирование определенных мотивов в поэзии 1904—1918 годов.

Так, в содержании первого стихотворения цикла «Вышел лен из мощища...» отражается период личностного и творческого самоопределения поэта до его вступления на литературный путь в 1904—1905 годах. Второе стихотворение — «Я родил Эммануила...» — отсылает к произведениям первого сборника Клюева «Сосен перезвон» (1911), наполненного мотивами «тоски, поисков будущего», а также «избранничества, мессианства русской деревни», [Мекш, 1986, с. 74; 76]. В третьем стихотворении явно дают о себе знать религиозно-философские настроения Клюева периода его сближения в 1911 году и разрыва в конце 1912 года с «голгофскими христианами». Сборники «Братские песни» и «Братские песни: (Песни голгофских христиан)», вобравшие идеи активного христианства, пронизаны призывами к страданиям на кресте, «только не как Христос, а как разбойники, с Ним на Голгофе распятые» [Терешкина, 2019, с. 104]. Четвертое, пятое и шестое стихотворения соотносятся с глубокими религиозными раздумьями Клюева 1913—1914 годов, вызванными смертью матери в ноябре 1913 года. В это время в Олонецкой губернии создавались лирические произведения, вошедшие в сборник «Лесные были», где, как справедливо отметил Э. Б. Мекш, «вместе с темой возвращения» на родину «звучит тема покаяния» [Мекш, 1986, с. 76]. Отметим, что начальные произведения указанного сборника, составившие позднее цикл «Избяные песни», над которым поэт работал в 1914—1916 годах, раскрывают тему сиротства и его преодоления «через идею христианского Спасения» (см.: [Пономарева, 2016, с. 112]). Ценностным сосредоточием седьмого стихотворения («Господи, опять звонят...») являются размышления о Спасителе, «следы» которых легко обнаруживаются в сборнике «Мирские думы» и лирических текстах 1917 года, когда революционные события устойчиво прочитываются поэтом сквозь призму «религиозной историософии», в основе которой — «Евангелие как метаистория» [Серегина, 2018, с. 460]. Заключительное стихотворение «Спаса» — «Войти в Твои раны — в живую купель...» — художественно аккумулирует в себе опыт христианского мировидения поэта, накопленный им ко времени работы над Собранием сочинений.

Если, как справедливо отметил К. М. Азадовский, по «Песнослову» «можно проследить все творчество Клюева — весьма неровное — от 1905 до 1918 года» [Азадовский, 1990, с. 228], то по стихотворениям, составившим цикл «Спас», можно проследить эволюцию религиозного сознания поэта, им самим художественно осмысленную с той вершины своего духовно-творческого развития, которого поэт достигает в 1918 году.

В данном отношении особый интерес вызывает прозаический текст Николая Клюева «Гагарья судьбина», датированный 1922 годом. В жанровом плане это весьма сложное и неоднозначное произведение, в котором автобиографический нарратив является лишь событийной канвой повествования, призванной упорядочить во времени и пространстве (несмотря на то, что хронологический порядок глав нарушается) собственное жизнеописание поэта. С одной стороны, в нем видится стремление Клюева дать представление о своем творческом родословии, что отчетливо прослеживается, к примеру, в финальных строках, где автором заданы симптоматичные границы «песенной жизни»: «от избы до дворца, от песни за навозной бороной до белых стихов в царских палатах» [СД, 2003, с. 42]. Однако, с другой стороны, в клюевском тексте присутствуют ясно опознаваемые черты агиографического жанра: «древнее благочестие» как незыблемый канон домашнего воспитания, раннее приобщение героя к молитве и слову Священного Писания, отказ от семейной жизни и уход в монастырь, страдания за веру, искушение и его преодоление, отмеченное знаком высшего участия в судьбе героя: «Театры, музыка, картинные выставки не дали мне ничего, кроме польняной тоски и душевного холода... Грузинская Божия Матерь спасла меня от растреления» [Там же, с. 36]. Вместе с тем, что важно подчеркнуть, репрезентируемый путь в своих опорных точках текстового поля обнаруживает очевидную корреляцию с сюжетом о спасении души в лирическом цикле «Спас». Например, в начальной «главке» «Гагарьей судьбины» дважды акцентируется мысль о божественном предопределении судьбы автора, затем в выразительных деталях изображается его служение и испытание веры («Вериги я на себе носил девятифунтовые... Без 400 земных поклонов дня не кончал» [Там же, с. 39]; неоднократно в тексте возникает мотив покаяния и упования на милость Божию («мне стало стыдно и смертельно обидно за себя, за Россию, за песни — пальничный товар» [Там же, с. 36]); в манере самобытного клюевского лирического письма, отсылающего к стихам «Спаса», даётся образ боголюбия и утешения автора: «Теплый животный Господь взял меня на ладонь свою, напоил слюной своей, облизал меня добрым родимым языком, как корова облизывает новорожденного теленка» [Там же, с. 35]. Сверх того, идея спасения как самопожертвования является объединяющим началом «Гагарьей

судьбины», заглавным и высшим смыслом духовного пути поэта-христианина, отраженного в повествовании. Добавим, что роднят «Спас» и «Гагарью судьбину» переклички и другого рода: противопоставление «избяного рая» («родимого гнезда») «смаднему, каменному чаду» столичных городов, мотив «дедовских могил», микросюжет о Распутине и др. В целом, все это позволяет сделать — пока еще предварительный — вывод о том, что «Гагарья судьбина» выступает в качестве прозаической версии стихотворного цикла «Спас», утверждающей неизменность авторской оценки собственной поэтической судьбы как посвятительного пути к Христу, что станет твердым, выверенным в своих аксиологических координатах базисом последующего житнетворчества Николая Клюева.

Как справедливо заметил Мишель Никё, «поэт никогда не сомневался в конечной Божией справедливости» и «даже в страшных условиях ссылки письма поэта к Надежде Федоровне Христофоровой свидетельствуют об истинном, глубоком христианстве. В них он выступает и как духовный наставник, и как смиренный христианин» [Никё, 2006, с. 83], воспринимающий свою жизнь как «узкий, тернистый, но спасительный путь, <...> по которому [его] ведет ... Провидение» (Из письма к Л. Э. Кравченко от 20 января 1935 года, Томск) [СД, с. 350].

Восемь стихотворений цикла отсылают к библейской символике числа «восемь», означающего спасение и обновление, завершение старого этапа жизни и переход к новому. По христианскому преданию, Воскресение Христово произошло «в первый день недели» (Мк. 16: 9), который получил название «день Господень». Первым днем недели в Православном календаре считается воскресенье, которое в жизни Церкви имеет особое значение. Однако этот день также можно считать — в переносном смысле — «восьмым днём» после субботы (седьмого дня недели, начинающейся с воскресенья), что подчёркивает идею перехода от смерти к новой жизни, от старой эпохи к новой. Воскресение Христа Спасителя открыло возможность вечной жизни для всех, кто верит в Него. В церковной традиции восьмой день, обозначает каждое воскресенье, в том числе и самое значимое Пасхальное, которое проникнуто радостью о Воскресении Христа Спасителя и победы над смертью. Заключительные строки «Спаса» («*Придачей покупке, на вес не дробя, / Улыбчивой гостье я отдал себя*») [Клюев, 1919, с. 158]) наполнены особенным ощущением героя тихой пасхальной радости, чувством обетованного воскресения к новой жизни. Они выражают идею жертвенной христианской любви как верного пути для всех, ищущих спасения во Христе. И в данном случае есть повод говорить о проявляющейся и определяющей тип национальной духовной личности в цикле Клюева пасхальной доминанте как магистральной идее русской словес-

ности, концептуальное обоснование которой дано в специальном монографическом труде И. А. Есаулова [Есаулов, 2004]. Это, в свою очередь, позволяет значительно расширить контекст изучения «Спаса», где, на наш взгляд, и возможным, и продуктивным может оказаться его сопоставление с Каменноостровским циклом А. С. Пушкина, в котором последовательность стихотворений устанавливается поступательным движением авторского сознания «к пасхальной победе над Смертью» [Есаулов, 2021, с. 93].

Оставляя эту тему будущим исследователям «Спаса», обратимся к другим, более очевидным контекстам клюевского цикла.

Зародившийся в IV веке в европейской литературе жанр «духовной автобиографии» повествует о тернистом пути христианина от греховной юности к стяжанию Божественной благодати. Самым известным произведением этого жанра является сочинение английского писателя и протестантского проповедника Джона Беньяна «Изобилующая благодать к первому из грешников» (1666) (в английском первоисточнике — «Grace Abounding to the Chief of Sinners»), снабженное авторским предисловием «Короткое сообщение о чрезвычайной благодати Божьей во Христе по отношению к бедному слуге Джону Баньяну» [Харрисон, 2009, с. 105].

В своей основе «Спас» Николая Клюева воспроизводит сложившуюся в мировой литературе сюжетную «формулу» духовной автобиографии, где осознание героем высшего предопределения своей судьбы ведет его к обретению жизни во Христе. В отечественной словесности жанр автобиографии-исповеди восходит к жанру жития, который в XVII веке постепенно превращается в бытовую повесть, а затем становится автобиографией-исповедью. Яркий пример этому — уникальный памятник отечественной словесности XVII века «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», с автором которого Клюев подчеркивал не только творческую близость, но и родовую связь: «Я сгорел на своей “Погорельщине”, как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозерском» [СД, 2003, с. 313]. Это признание, являющееся очевидным элементом автомифологии Клюева, нельзя отнести к эпатажным вымыслам поэта. Как справедливо отметил В. Г. Базанов, «с “огненными” писаниями Аввакума связана поэзия Клюева, ее глубокая духовность, ее эстетика», а сами они — «действительно родственные натуры» [Базанов, 1990, с. 20; 24] (см. также: [Калинина, 2007]).

Судьба легендарного старообрядца, непоколебимого в жертвенном стоянии за Христа, художественно преломляется в сознании героя-автора «Спаса», сообщая лирическому сюжету цикла дополнительные коннотации, обогащающие содержание духовной автобиографии олонецкого поэта. Примечательно, что в «Гагарьей судьбине» как прозаическом параф-

разе «Спаса» свободно эксплицируются текстовые параллели с «Житием протопопа Аввакума», которые могут стать предметом новых научных рецензий клюевского цикла.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование цикла «Спас» позволяет идентифицировать его как духовную автобиографию Николая Клюева, отражающую основные вехи богопознания поэта. Безусловно, в стихотворениях «Спаса» ошутимо дает о себе знать русское религиозное разномыслие, акцент на котором, о чем мы говорили выше, во многом определяет содержание новейших литературоведческих практик цикла. В предлагаемой интерпретации «Спаса» мы исходим из того, что в период работы Н. Клюева над циклом его широкий диапазон религиозно-этических исканий, проявившихся в поэтическом синкретизме образной системы произведений, упорядочивал и питал христианский традиционализм. Его актуализация как ценностного сосредоточия семантики «Спаса» видится нам вполне правомерной в контексте существующих дискуссий о мировоззренческих основах художественной эстетики Клюева.

Анализ поэтики цикла выявил, что последовательная смена концептуальных метафор — от «спасения как предопределения» до «спасения как самопожертвования» — воспроизводит путь христианина от осознания им Божественного промысла до его уподобления Христу через жертвенную любовь и соотносится с важнейшими этапам биографии Клюева, передающими характерные особенности религиозно-философского поиска поэтом «узкого пути» к «тесным вратам» спасения.

«Спас» Н. Клюева вобрал в себя жанровые традиции православной житийной агиографии, в первую очередь «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного», и западноевропейской духовной автобиографии, демонстрируя универсальность христоцентрической модели спасения, представленной новокрестьянским поэтом в «Спасе». Его восьмичастная структура, обусловленная пасхальным архетипом, выражает идею о преображении мира через жертвенное служение человека, высочайшим образцом которого стал земной путь Спасителя, воспринимаемый поэтом сквозь призму народно-христианской культуры и Священного Предания.

Специфика авторской оптики сюжета о спасении души, запечатленного в стихотворениях цикла, свойственна и для прозы Клюева 20-х годов, в частности биографического очерка «Гагарья судьбина», выступающего парафразом «Спаса».

Исследовательское прочтение цикла как духовной автобиографии Н. Клюева открывает перспективу дальнейшего изучения религиозно-фи-

лософского дискурса творчества поэта, сосредоточенного на его стяжении благодати спасения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Клюев Н. А.* Песнослов. Книга вторая / Н. А. Клюев. — Петроград : Литературно-издательский отдел народного комиссариата по просвещению, 1919. — 256 с.
2. *Медведев Ю. П.* Николай Клюев и Павел Медведев. К истории диалога / Ю. П. Медведев // Николай Клюев глазами современников : сборник воспоминаний / Сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. — Санкт-Петербург : Росток, 2005. — С. 108—117. — ISBN 5-94668-031-5.
3. ПСК — *Поэтический словарь* Николая Клюева. Частотные словоуказатели / Сост. М. В. Богданова, С. Б. Виноградова, С. Х. Головкина, С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич. — Вологда : [б. и.], 2007. — Выпуск 1. — 256 с.
4. ПССБ — *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. — Москва : Наука ; Голос, 1995—2002. — Т. 6. Письма. — 1999. — 816 с. — ISBN 5-02-011682-3.
5. СД — *Клюев Н. А.* Словесное древо. Проза / Н. А. Клюев ; вступ. ст. А. И. Михайлова ; сост. В. П. Гарнин. — Санкт-Петербург : Росток, 2003. — 688 с. — ISBN 5-94668-012-9.

Литература

1. *Азадовский К. М.* Жизнь Николая Клюева : документальное повествование / К. М. Азадовский. — Санкт-Петербург : Звезда, 2002. — 367 с. — ISBN 5-94214-003-0.
2. *Азадовский К. М.* Николай Клюев : Путь поэта. / К. М. Азадовский. — Ленинград : Советский писатель, 1990. — 336 с. — ISBN 5-265-01491-8.
3. *Базанов В. Г.* С родного берега: о поэзии Николая Клюева / В. Г. Базанов ; отв. ред. А. И. Павловский ; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкин. дом). — Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1990. — 241 с. — ISBN 5-02-027974-9.
4. *Бельченко Н. Ю.* Ритуал как ключ к прочтению цикла «Спас» Н. А. Клюева / Н. Ю. Бельченко // Ритуально-міфологічний підхід к інтерпретації тексту. Збірник наукових праць / За заг. ред. Л. О. Кисельової, П. Ю. Поберезкіної. — Київ : Інститут змісту і методів навчання, 1998. — С. 35—49.
5. *Брыкалин В. А.* Книга стихов Николая Клюева «Песнослов» как художественное единство : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / В. А. Брыкалин. — Волгоград, 2005. — 18 с.
6. *Дамаскин Иоанн.* Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина. Т. 1. / Иоанн Дамаскин ; пер. с греч. — Санкт-Петербург : Императорской С.-Петербургской духовной академии, 1913. — XXIV. 442 с.
7. *Есаулов И. А.* Каменноостровский цикл А. С. Пушкина как пасхальный текст : мимесис, парафрасис, катарсис (Статья первая) / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2021. — Т. 19. — № 1. — С. 88—123. — DOI: 10.15393/j9.art.2021.9002.

8. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — Москва : Кругъ, 2004. — 560 с. — ISBN 5-7396-0073-1.
9. *Казаркин А. П.* «Посвящённый от народа»: путь Николая Клюева / А. П. Казаркин. — Томск : Сибирика, 2013. — 184 с. — ISBN 978-0-7892-0014-3.
10. *Калинина Л. Ф.* «Правнук Аввакума» («поэтический космос» Н. А. Клюева) / Л. Ф. Калинина // Вестник Башкирского университета. — 2007. — Т. 12. — № 2. — С. 58—61.
11. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00222-2.
12. *Ларионова С. Г.* Духовная поэзия Николая Клюева / С. Г. Ларионова // Филологічні науки. — 2012. — № 11. — С. 51—57.
13. *Лысов А. А.* Циклы Н. А. Клюева «Поэту Сергею Есенину» и «Спас» в контексте хлыстовской традиции и мотива зачатия / А. А. Лысов // Высшая школа. — 2016. — № 4. — С. 25—29.
14. *Мекш Э.* От замысла к воплощению (творческая история собрания сочинений Н. А. Клюева «Песнослов») / Э. Мекш // Традиции и новаторство в советской литературе. Сборник научных трудов / Отв. ред. Д. Д. Ивлев. — Рига : ЛГУ им. П. Стучки, 1986. — С. 65—82.
15. *Маркова Е. И.* Купина в творчестве Николая Клюева : образ и понятие / Е. И. Маркова // Православие в Карелии : материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов (16—17 октября 2007 года, г. Петрозаводск). — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008. — С. 176—183. — ISBN 978-5-9274-0316-5.
16. *Маркова Е. И.* Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты / Е. И. Маркова ; Карельский науч. центр Российской акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2009. — 354 с. — ISBN 978-5-9274-0373-8.
17. *Никё М.* Теодицея у Н. Клюева и С. Клычкова / М. Никё // XXI век на пути к Клюеву : материалы Международной конференции «Олонекские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», Петрозаводск, 21—25 сентября 2004 года / Составитель и научный редактор Е. И. Маркова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2006. — С. 81—86. — ISBN 5-9274-0191-0.
18. *Пономарева Т. А.* «Избьяные песни» Н. А. Клюева : формирование циклической целостности / Т. А. Пономарева // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2016. — № 5 (74). — С. 112—117.
19. *Пономарева Т. А.* Художественный мир новокрестыанской литературы : Монография / Т. А. Пономарева. — Москва : МПГУ, 2017. — 184 с. — ISBN 978-5-4263-0504-5.
20. *Семенова С. Г.* Метафизика русской литературы : в 2 т. / С. Г. Семенова. — Москва : ПоРог, 2004. — Т. 1. — 511 с. — ISBN 5-902377-06-4.
21. *Сепсякова И. П.* Языческое, старообрядческое и христианское начала в поэзии Николая Клюева / И. П. Сепсякова // Проблемы исторической поэтики. — 1994. — Т. 3. — С. 316—340. — DOI: 10.15393/j9.art.1994.2427.
22. *Серегина С. А.* «Жизнетворные ключи Нового Назарета» : к истории «скифского мифа» русской литературы / С. А. Серегина // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / сост. и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. — Москва : Индрик, 2018. — С. 456—475. — ISBN 978-5-91674-504-7.
23. *Серегина С. А.* Образ распятия в произведениях Андрея Белого, Николая Клюева и Сергея Есенина (1917—1918) / С. А. Серегина // Мифологические образы в ли-

тературе и искусстве / Отв. ред. М. Ф. Надъярных, Е. В. Глухова. — Москва : Индрик, 2015. — С. 262—283. — ISBN 978-5-91674-356-2.

24. Солнцева Н. М. «Песнь о великой матери» Н. А. Клюева : мистика и реальность в истории о «внучке Аввакума» / Н. М. Солнцева // Stephanos. — 2019 — № 5 (37). — С. 7—22.

25. Солнцева Н. М. Гносеология С. Клычкова и Н. Клюева (1920—1930-е гг.) / Н. М. Солнцева // Stephanos. — 2016. — № 4 (18). — С. 9—22.

26. Солнцева Н. М. Странный эрос : Интимные мотивы поэзии Николая Клюева / Н. М. Солнцева. — Москва : Эллис Лак, 2000. — 128 с. — ISBN 5-88889-008-1.

27. Терешкина Д. Б. Евангельские образы и мотивы в первой книге «Братских песен» Николая Клюева / Д. Б. Терешкина // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 1. — С. 94—107. — DOI: 10.15393/j9.art2019.5861.

28. Харрисон Ф. М. Джон Баньян. Лудильщик, проповедник и автор книги «Путешествие пилигрима» / Ф. М. Харрисон. — Bielefeld : CLV, 2009. — 176 с.

29. Шокальский Е. «Распятыя на древе — с Тобою, в Тебе...» Лес, древо и крест в лирике Клюева / Е. Шокальский // XXI век на пути к Клюеву : материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», Петрозаводск, 21—25 сентября 2004 года / Составитель и научный редактор Е. И. Маркова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2006. — С. 119—132. — ISBN 5-9274-0191-0.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025,
одобрена после рецензирования 10.05.2025,
подготовлена к публикации 22.05.2025.

Material resources

CD — Klyuev, N. A. (2003). *The word tree. Prose*. Saint Petersburg: Rostock. 688 p. ISBN 5-94668-012-9. (In Russ.).

Klyuev, N. A. (1919). *Pesoslov. The second book*. Petrograd: Literary and Publishing Department of the People's Commissariat for Education. 256 p. (In Russ.).

Medvedev, Y. P. (2005). Nikolay Klyuev and Pavel Medvedev. Towards the history of dialogue. In: *Nikolai Klyuev through the eyes of contemporaries: a collection of memoirs*. St. Petersburg: Rostock. 108—117. ISBN 5-94668-031-5. (In Russ.).

Pskov — *The Poetic dictionary of Nikolai Klyuev. Frequency word indicators, 1*. (2007). Vologda: [b. i.]. 256 p. (In Russ.).

PSS6 — Yesenin, S. A. (1999). *Complete Works: in 7 volumes, 6*. Moscow: Nauka; Golos. 816 p. ISBN 5-02-011682-3. (In Russ.).

References

Azadovsky, K. M. (1930). *Nikolay Klyuev: The Poet's Path*. Leningrad: Sovetskiy pisatel. 336 p. ISBN 5-265-01491-8. (In Russ.).

Azadovsky, K. M. (2002). *The life of Nikolai Klyuev: a documentary narrative*. Saint Petersburg: Zvezda Publ. 367 p. ISBN 5-94214-003-0. (In Russ.).

Bazanov, V. G. (1990). *From his Native Shore: about the poetry of Nikolai Klyuev*. Leningrad: Nauka: Leningr. publishing House. 241 p. ISBN 5-02-027974-9. (In Russ.).

Belchenko, N. Y. Ritual as the key to reading the cycle “Saved” by N. A. Klyuev. In: *Ritual and mythological guide to the interpretation of the text. Zbirnik naukovikh prats*. Kyiv: Institute of Music and Methodology. 35—49. (In Ukr.).

- Brykalin, V. A. (2005). *The book of poems by Nikolai Klyuev "Pesnoslov" as an artistic unity*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 18 p. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2004). *Paschality of Russian literature*. Moscow: Krug Publ. 560 p. ISBN 5-7396-0073-1. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2021). The Kamennostrovsky cycle of A. S. Pushkin as an Easter text: mimesis, paraphrasis, catharsis (First article). *Problems of historical poetics*, 19 (1): 88—123. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9002. (In Russ.).
- Harrison, F. M. (2009). *John Bunyan. The tinker, the preacher and the author of the book "The Pilgrim's Journey"*. Bielefeld: CLV. 176 p. (In Russ.).
- John Damascus. (1913). *The Complete Works of St. St. John of Damascus, 1*. St. Petersburg: Imperial St. Petersburg Theological Academy. XXIV. 442 p. (In Russ.).
- Kalinina, L. F. (2007). "Avvakum's great—grandson" ("poetic cosmos" by N. A. Klyuev). *Bulletin of the Bashkir University*, 12 (2): 58—61. (In Russ.).
- Kazarkin, A. P. (2013). *"Dedicated from the people": the path of Nikolai Klyuev*. Tomsk: Sibirika. 184 p. ISBN 978-0-7892-0014-3. (In Russ.).
- Lakoff, J. (2004). *Metaphors that we live by*. Moscow: Unified URSS. 256 p. ISBN 5-354-00222-2. (In Russ.).
- Larionova, S. G. (2012). The spiritual poetry of Nikolai Klyuev. *Philological sciences*, 11: 51—57. (In Russ.).
- Lysov, A. A. (2016). Cycles of N. A. Klyuev "To the poet Sergei Yesenin" and "Saved" in the context of the Khlyst tradition and the motive of conception. *Higher School*, 4: 25—29. (In Russ.).
- Markova, E. I. (2008). Kupina in the works of Nikolai Klyuev: image and concept. In: *Orthodoxy in Karelia: proceedings of the III Regional scientific conference dedicated to the 780th anniversary of the baptism of the Karelians (October 16—17, 2007, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk: KarSC RAS. 176—183. ISBN 978-5-9274-0316-5. (In Russ.).
- Markova, E. I. (2009). *The Genealogy of Nikolai Klyuev. Texts. Interpretations. Contexts*. Petrozavodsk: KarSC RAS. 354 p. ISBN 978-5-9274-0373-8. (In Russ.).
- Meksh, E. (1986). From conception to embodiment (the creative history of the collected works of N. A. Klyuev "Pesnoslov"). In: *Traditions and innovation in Soviet literature. Collection of scientific papers*. Riga: P. Stuchki Leningrad State University. 65—82. (In Russ.).
- Nick, M. (2006). Theodicy of N. Klyuev and S. Klychkov. In: *The XXI century on the way to Klyuev: proceedings of the International Conference "Olonets pages of Nikolai Klyuev's life and work and problems of Ethnopoetics"*, Petrozavodsk, September 21—25, 2004. Petrozavodsk: KarSC RAS. 81—86. ISBN 5-9274-0191-0. (In Russ.).
- Ponomareva, T. A. (2016). "Izbyanye pesni" by N. A. Klyuev: the formation of cyclic integrity. *Bulletin of Cherepovets State University*, 5 (74): 112—117. (In Russ.).
- Ponomareva, T. A. (2017). *The artistic world of novokrestyansk literature: A monograph*. Moscow: Moscow State University. 184 p. ISBN 978-5-4263-0504-5. (In Russ.).
- Semenova, S. G. (2004). *Metaphysics of Russian literature: in 2 volumes, 1*. Moscow: Threshold. 511 p. ISBN 5-902377-06-4. (In Russ.).
- Sepsyakova, I. P. (1994). Pagan, Old Believer and Christian principles in the poetry of Nikolai Klyuev. *Problems of historical Poetics*, 3: 316—340. DOI: 10.15393/j9.art.1994.2427. (In Russ.).
- Seregina, S. A. (2015). The image of the crucifixion in the works of Andrei Bely, Nikolai Klyuev and Sergei Yesenin (1917—1918). In: *Mythological images in literature and art*. Moscow: Indrik. 262—283. ISBN 978-5-91674-356-2. (In Russ.).

- Seregina, S. A. (2018). “The life-giving keys of the New Nazareth”: on the history of the “Scythian Myth” of Russian literature. In: *New Testament images and plots in the culture of Russian Modernism*. Moscow: Indrik Publ. 456—475. ISBN 978-5-91674-504-7. (In Russ.).
- Shokalsky, E. (2006). “To be crucified on a tree — with You, in You ...” The forest, the tree and the cross in the lyrics of Klyuev. In: *XXI century on the way to Klyuev: proceedings of the International Conference “Olonets pages of the life and work of Nikolai Klyuev and the problems of ethno-poetics”, Petrozavodsk, September 21—25, 2004*. Petrozavodsk: KarSC RAS. 119—132. ISBN 5-9274-0191-0. (In Russ.).
- Solntseva, N. M. (2000). *Strange eros: Intimate motifs of Nikolai Klyuev's poetry*. Moscow: Ellis Luck. 128 p. ISBN 5-88889-008-1. (In Russ.).
- Solntseva, N. M. (2016). Gnoseology of S. Klychkov and N. Klyuev (1920—1930s). *Stephanos*, 4 (18): 9—22. (In Russ.).
- Solntseva, N. M. (2019). “The Song of the Great Mother” by N. A. Klyuev: mysticism and reality in the story of the “granddaughter of Avvakum”. *Stephanos*, 5 (37): 7—22. (In Russ.).
- Tereshkina, D. B. (2019). Evangelical images and motifs in the first book of “Fraternal Songs” by Nikolai Klyuev. *Problems of historical Poetics*, 17 (1): 94—107. DOI: 10.15393/j9.art2019.5861. (In Russ.).

*The article was submitted 11.03.2025;
approved after reviewing 10.05.2025;
accepted for publication 22.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ожигова М. М. Максим Горький и газета «Руль» : три периода взаимоотношений / М. М. Ожигова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 311—332. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-311-332.

Ozhigova, M. M. (2025). Maxim Gorky and Newspaper “Rul” [Steering Wheel]: Three Phases of Their Relationship. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 311-332. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-311-332. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Максим Горький и
газета «Руль»:
три периода
взаимоотношений**

Ожигова Мария Михайловна
orcid.org/0000-0002-9631-0446
кандидат филологических наук,
преподаватель, специалист
по учебно-методической работе
кафедры теории литературы
ozhigova13.m@gmail.com

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

**Maxim Gorky and
Newspaper “Rul”
[Steering Wheel]:
Three Phases
of Their Relationship**

Maria M. Ozhigova
orcid.org/0000-0002-9631-0446
PhD in Philology, Lecturer,
specialist in educational and
methodological work,
Department of Literary Theory
ozhigova13.m@gmail.com

Lomonosov Moscow
State University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению долгих и довольно сложных взаимоотношений газеты «Руль» и М. Горького. Целью исследования стал анализ публикаций в газете «Руль», содержащих критику творчества Горького, а также выявление этапов изменения взаимоотношений между этим изданием и писателем. Материалом исследования является корпус статей газеты «Руль» с 1921 по 1931 годы, а также письма Максима Горького, в которых он дает оценку газете и комментирует свою позицию по отношению к возникшей полемике между ним и газетой. В результате исследования во взаимоотношениях Горького и газеты «Руль» были выделены три периода, каждый из которых имеет свою специфику, базирующуюся на дихотомии эстетического и политического ракурсов. Было высказано предположение, что, с одной стороны, фигура Горького была важна для газеты в качестве необходимой антагонистической фигуры, что является политическим аспектом этого взаимодействия. С другой стороны, автор статьи утверждает, что имплицитно у редакции газеты «Руль» было намерение «перетянуть» Горького на свою сторону, что особенно видно в первом и частично во втором периодах, выделенных нами. Отмечается, что вместе с тем, несмотря на напряженный характер взаимоотношений, литературно-художественная критика «Руля» в целом отдавала должное достоинствам прозы Горького.

Ключевые слова:

Максим Горький; берлинская газета *Руль*; критика творчества Горького; Айхенвальд; Берлин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the long and complex relationship between the *Rul'* [*Steering Wheel*] newspaper and M. Gorky. The study aims to analyze the publications in the *Rul'* that critique Gorky's work, as well as to identify the stages of change in the relationship between this publication and the writer. The research material consists of a corpus of articles from the *Rul'* spanning from 1921 to 1931, along with letters from Maxim Gorky in which he evaluates the newspaper and comments on his stance regarding the emerging controversy between himself and the *Rul'*. As a result of this investigation, three distinct periods in the relationship between Gorky and the *Rul'* have been identified, each characterized by its own specificity based on the dichotomy of aesthetic and political perspectives. It is posited that, on one hand, Gorky's figure served as a necessary antagonistic presence for the newspaper, representing a political dimension of this interaction. On the other hand, the author asserts that the editorial team of the *Rul'* implicitly aimed to win over Gorky to their side, particularly evident in the first and partially in the second periods identified in this study. It is noted that despite the tense nature of their relationship, the literary-artistic criticism from the *Rul'* generally acknowledged the merits of Gorky's prose.

Key words:

Maxim Gorky; Berlin newspaper *Rul*; critique of Gorky's work; Aikhenvald; Berlin.

УДК 821.161.1Горький.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-311-332

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Максим Горький и газета «Руль»: три периода взаимоотношений

© Ожигова М. М., 2025

1. Введение = Introduction

Максим Горький по праву входит в число крупнейших писателей XX века. В разные периоды его творчество всегда привлекало внимание критиков, в том числе и относящихся к русскому зарубежью, однако исследователи отмечали «возраставшую на протяжении 20-х годов политическую отчужденность между Горьким и эмиграцией» [Ревякина, 2004, с. 113]. Отдельный интерес представляет критика писателя в крупном издании газеты «Руль», вышедшей в Берлине с 1920 по 1931 годы. Как правило, исследователи (А. М. Зверев, И. В. Кочергина и др.) рассматривают критику творчества М. Горького в «Руле» в большей степени через призму литературно-критических рецензий Ю. И. Айхенвальда. Действительно, «Айхенвальд придавал совершенно новый качественный уровень критике “Руля”» [Зверев, 1997, с. 167]. Однако, на наш взгляд, рассмотрение критики Горького в «Руле» только через призму рецензий Айхенвальда методологически недостаточно для составления полной и объективной картины. Несмотря на то, что «именно в газете “Руль” был опубликован основной массив статей и рецензий» Айхенвальда [Кочергина, 2022б, с. 13], очевидно, что в отношении Горького к эстетическим оценкам неизбежно примешивался и аспект политических разногласий, что во многом было связано и с позицией газеты, с которой сотрудничал Айхенвальд-Каменецкий.

Целью исследования является рассмотрение истории взаимоотношений газеты «Руль» и Горького комплексно. Новизну исследования составляет выделение трех различных периодов взаимоотношений «Руля» и Горького, что позволяет впервые наиболее полно проанализировать неоднозначный характер отношений Горького с газетой «Руль» за все время существования газеты, а также избежать выборочного, фрагментарного анализа, как это имело место до сих пор. При этом мы постарались подойти к исследованию объективно, включив в анализ почти весь массив упоминаний и контекстов, связанных с Горьким.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Материалом исследования являются отзывы М. Горького о газете «Руль», содержащиеся в письмах, а также отзывы, заметки, статьи и рецензии о личности и творчестве Горького в самой газете «Руль». Так как в статье предлагается выделять три периода взаимоотношений газеты «Руль» и М. Горького, то к анализу привлекаются аналитический и сравнительный методы исследования.

3. Результаты и обсуждение = **Results and Discussion**

3.1. Газета «Руль» о М. Горьком в период до Ю. И. Айхенвальда (1920, 1921, 1922 годы)

Газета «Руль» была одним из изданий эмиграции, политически была близка к кадетам и редактировалась И. В. Гессеном и В. Д. Набоковым. Издание выходило в Берлине ежедневно с 1920 по 1931 годы. Как правило, контекст взаимоотношений газеты «Руль» и Горького рассматривается через призму критических статей и заметок Ю. И. Айхенвальда, публиковавшимся в газете еще и под псевдонимом Б. Каменецкий. Действительно, в количественном отношении больше всего отзывов о Горьком в «Руле» связано именно с Айхенвальдом-Каменецким, хотя газета «имела целый литературно-критический отдел, до 1928 года редактировавшийся Айхенвальдом» [Сорокина, 2011, с. 79]. Между тем просмотр всего архива «Руля», включая «до»- и «после»-айхенвальдовский период позволяет увидеть, что о Горьком «Руль» писал как до прихода Айхенвальда в журнал, так и после трагической гибели критика в 1928 году. Таким образом, мы предлагаем рассматривать критику «Руля» о Горьком в контексте трех периодов существования газеты. Первый период — от начала издания газеты «Руль» до прихода в редакцию Ю. И. Айхенвальда: 1920 — конец 1922 года. Ко второму периоду можно отнести статьи о Горьком периода сотрудничества газеты с Айхенвальдом с декабря 1922 по 1928 годы. К третьему же периоду относится отрезок с 1929 года по 1931 (год окончания издания газеты).

Прежде всего, отметим двоякость позиции «Руля» по отношению к Горькому, которую можно увидеть на протяжении всего времени существования издания. «Руль» видел Горького в двух ипостасях: как политика и как писателя, и соотношение это менялось и не было однозначным во всех трех выделяемых нами периодах. Вероятно, именно поэтому характер взаимоотношений Горького и «Руля» имеет весьма специфическую форму. Ощущая себя «рулевым» русской эмиграции, газета, с одной стороны, имела намерения обратиться Горького в «свой лагерь», тем более что как раз во время пребывания Горького в эмиграции наблюдалось охлаждение писателя и новой власти в России. Отношения становились напряженнее и от того, что

горьковский журнал «Беседа» не допускали в СССР [Клинг, 2023, с. 43—44]. С другой стороны, Горький воспринимался как представитель вражеского лагеря, антимонархист, и, таким образом, становился удобной фигурой для критики, что, по мнению издателей, наверняка, могло повысить градус полемики и интерес к газете. Это подтверждает и то, что газета, «ожидая приезда Горького, систематически публиковала сообщения о его деятельности и вымышленные интервью с ним (Руль. 1921. № 269. 5 окт.; № 271. 7 окт.; № 272. 8 окт.; № 284. 22 окт. и др.)» [Горький, 2007, с. 601].

Однако здесь можно говорить именно о «взаимоотношениях» газеты и Горького, так как писатель, в свою очередь, читал «Руль» регулярно после своего переезда за границу в 1921 году, и его отзывы тоже были двоякими и со временем кардинально менялись. Так, в письме Е. П. Пешковой от 8 ноября 1921 года из Берлина Горький сообщает: «...грызут, кусают и всячески охотятся... товарищи журналисты» [Там же, с. 253]. В письме Р. Роллану он говорит о том, что его «нимало не беспокоит злая грязь, изливаемая... <людьми>, которые, очевидно, не способны на дело, более полезное» [Там же, с. 264], как раз имея в виду нападки «Руля», связанные с политическими разногласиями и откровенными выдумками, которые в тот год печатала газета. Вместе с тем в этот первый выделенный нами период взаимоотношений Горького и газеты уже проявилась та двойственность литературно-критического курса «Руля», связанная с внутренним расколом между восприятием Горького-писателя и Горького-политика.

Так, еще в 1920 году в № 19 газета публикует статью представителя существовавшей до революции Конституционно-демократической партии (кадетов) Павла Милюкова, в которой тот в довольно доброжелательном ключе сравнивает Горького и Толстого. Милюков рассуждает о будущем русского народа, и в ходе осмысления творчества Толстого и Горького выделяет два типа русского человека: «“пролетарий”, фабричный рабочий» и «русский крестьянин» [Милюков, 1920, с. 2]. В этой парадигме Милюков рассматривает творчество писателей: Толстой говорит и пишет о крестьянском народе, а Горький о представителях пролетариата. По Милюкову, после всех трансформаций «победителем... окажется не народ Горького, а народ Толстого» [Там же, с. 3]. При этом интересно, что в этой статье Милюков не критикует Горького, а ставит его в один ряд с Толстым.

Далее в № 157 газеты от 27 мая 1921 года появляется негативный отзыв о статье Горького, посвященной В. И. Ленину. Неустановленный автор в статье «Русские речи» называет Горького «большевистским придворным писателем» [Русские речи ..., 1921, с. 2], а затем приводит рассуждения вымышленных участников беседы. Интересно, что поводом для того, чтобы опубликовать «русские речи» о будущем народа, как будто становится ста-

тья Горького о Ленине, само же творчество Горького здесь роли не играет. Это говорит о том, что ракурс здесь смещен с фигуры Горького-писателя на Горького \neq общественного деятеля. Эти два различных «профиля» писателя будут попеременно актуализироваться редакцией газеты практически до конца ее существования.

Несмотря на резкую политическую критику 1921 года, уже в № 347 от 7 января 1922 года «Руль» публикует литературный опрос «Некрасов и мы» К. И. Чуковского, в котором наряду с такими авторами, как А. Ахматова, С. Горюновский, Н. Гумилев, А. Белый, З. Гиппиус, Д. Мережковский, Вяч. Иванов, М. Кузьмин, В. Маяковский, принимает участие и М. Горький. К слову, Горький признался, что, по его мнению, творчество Некрасова на него влияния не оказало. Вместе с тем важно, что имена Горького и других деятелей из враждующих политических лагерей оказались в газете «Руль» на страницах одной статьи. Этот момент важно зафиксировать, так как в дальнейшем курс «Руля» в отношении Горького будет меняться. Однако в это время оценки эстетики и творчества в отношении Горького все еще остаются благожелательными. Тем более контрастно выглядит статья Александра Яблоновского «О г-не Горьком», опубликованная в № 518 от 13 августа 1922 года, в которой он в свойственной противоположному лагерю манере критикует Горького за то, что тот благодарил Герберта Хувера (в связи с помощью в голод) в том числе от лица русского народа. Естественно, бросается в глаза, что здесь, как и с отзывом о статье про Ленина, благодарность Хуверу становится только предлогом для того, чтобы вновь раскритиковать Горького за его политические взгляды. Впрочем, и Горький отзывался о «Руле» неблагоприятно. Так, показателен его комментарий об А. Н. Толстом в письме Н. И. Бухарину от 1 июня 1922 года: «С какой дикой злобой пишут о нем < о А. Н. Толстом > “Руль” и “Голос”» [Горький, 2009, с. 57].

Наконец, последним упоминанием Горького в 1922 году становится рецензия Ю. И. Айхенвальда в № 619, помещенная в рубрику «Литературные заметки», которую критик вел «в течение шести лет...» [Кочергина, 2022б, с. 13] и где публиковался под псевдонимом Б. Каменецкий. Айхенвальд в этой статье излагает свое мнение о только что вышедшей повести «Детство» Горького и о характерологических чертах его прозы в целом. Так, он отмечает, что Горький «перемежает правду с сочинительством ... стилизуя жизнь и внося в нее дуновение... фольклора» [Каменецкий, 1922, с. 2]. Критик подчеркивает, что из-за афоризмов, которые произносят герои, «не всегда веришь повествователю» [Там же], но вместе с тем признает, что Горький имеет «талантливую руку» [Там же] и хоть и «пережил свою славу» [Там же], тем не менее является настоящим художником и «талантливым писателем» [Там же]. Рецензия имеет в целом комплиментарный характер (что

будет в текстах Айхенвальда далеко не всегда), но самым значимым здесь является то, что именно в этом первом тексте Каменецкого о Горьком прямо озвучивается то самое фактически «программное» для «Руля» *разделение в восприятии Горького как писателя и как общественного и / или политического деятеля*: «...вдвойне — и как практик искусства, и как теоретик общественной мысли, имеет он теперь редкую возможность увидеть, в какое дело воплотилось его слово» [Там же]. Очевидно, что творчество любого писателя вообще трудно оценивать с позиций такого жесткого разграничения, тем более трудно говорить в таком ключе о ранней прозе Горького. И тем не менее политические разногласия вынуждали «Руль» прибегать именно к такому ходу, о чем говорит и фраза Айхенвальда: «История действительную проверку устроила всей его литературной и не-литературной деятельности» [Там же]. Можно сказать, что со статьи Айхенвальда о «Детстве» Горького и начинается второй выделенный нами период во взаимоотношениях Горького и журнала «Руль». Основной контекст этого периода связан с рецензиями Айхенвальда-Каменецкого на горьковские рассказы немецкого периода, публиковавшиеся в его журнале «Беседа» в 1923—1925 годах, принадлежавшие, по точному замечанию Н. Н. Примочкиной, к его экспериментальной поэтике [Примочкина, 2022, с. 17].

3.2. «Руль» о Горьком в период редакционной деятельности Ю. И. Айхенвальда (1923—1928)

В период, когда Ю. Айхенвальд сотрудничал с газетой «Руль», горьковский контекст газеты связан преимущественно с рецензиями критика на журнал «Беседа», который Горький начал издавать в Берлине в 1923 году (изд-во «Эпоха»), однако начало взаимоотношений Горького и Айхенвальда приходится еще на «дореволюционный период» [Кочергина, 2023, с. 145].

«Беседа» же была «одним из самых значительных литературно-издательских начинаний Горького за рубежом...» [Примочкина, 2003, с. 151] и задумывалась как издание «...вне политики и “злобы дня”» [Семенова, 2023, с. 109]. Журнал не был политическим, а по своему содержанию в большой степени выполнял эстетическую и просветительскую функцию. «В “Беседе” Горький хотел объединить все прогрессивные культурные силы современной Европы, России и русского зарубежья» [Примочкина, 2006, с. 251], планировалось, что в издании будут публиковаться «А. Эйнштейн, Э. Штейнах, Т. Манн, Б. Келлерман и др.» [Кудрявцева, 2023, с. 19]. Закономерно и пристальное внимание представителей «Руля» к появлению нового журнала в среде русской эмиграции.

В № 728 от 22 апреля 1923 года на страницах «Руля» вышла статья Айхенвальда «Буква и дух», посвященная вопросам орфографии. Здесь Каменецкий как бы невзначай упоминает М. Горького и его тезис «человек —

это звучит гордо», что указывает на вполне благосклонное отношение к Горькому как к писателю. Между тем по письмам Горького видно, что и писатель в это время читает «Руль», в частности, его интересует именно литературно-критический блок. В письме Эль Мадани он упоминает рецензии о Шкловском, подмечая: «...все это не то, что следовало бы сказать о нем» [Горький, 2009, с. 139]. А в письме М. Ф. Андреевой он шутит: «Жажду славы, а “Руль” — не позволяет» [Там же, с. 142], — видимо, имея в виду отзыв на «Детство» из № 619.

27 мая 1923 в № 755 газеты появляется рецензия на первый выпуск горьковской «Беседы», в которой критик в основном концентрируется на рассказе Горького «Отшельник» и «Заметках», которые в этом номере были представлены отрывочными воспоминаниями Горького о Льве Толстом и А. Блоке, а также «попури» из обрывочных воспоминаний-фантазий, имеющих художественную форму. В своей рецензии Айхенвальд отмечает, что «физиономия сборника расплывчата и неорганична» [Каменецкий, 1923, с. 2], вместе с тем выражает надежду, что в будущем задумка Горького создать своеобразный «интернациональный» журнал увенчается успехом. Оценивая рассказ Горького «Отшельник», Айхенвальд упрекает писателя в том, что образ отшельника «не целен и не ясен, и не правдоподобен» [Там же]. Критик пытается уличить Горького в излишней афористичности и в том, что его герои часто используют далекие от жизни сентенции. Надо сказать, что эта претензия в будущем будет присутствовать практически в каждой рецензии Айхенвальда на горьковские рассказы немецкого периода. Что касается «Заметок», то тут Айхенвальд гораздо более придирчив, однако отмечает, что наряду с «фольгой претенциозной выдумки..., разбросаны и тонкие, ценные штрихи — особенно там, где подсмотрено, как ведет себя человек наедине сам с... собою» [Там же]. В то же время воспоминания Горького о Льве Толстом кажутся Айхенвальду не совсем достоверными, и, как считает Айхенвальд, слова Толстого «М. Горький записал не стенографически...» [Там же]. В целом, оценивая критику Айхенвальда, следует сказать, что попытка эстетической критики ему здесь не удается, да и аргумент о неточном цитировании, произведенном М. Горьким, кажется слабым, тем более, что «Записки» имеют скорее мемуарный характер.

Параллельно с созданием своего журнала еще более возрастает и интерес Горького к эмигрантской периодике. Так, летом 1923 года он пишет П. П. Крючкову: «Весьма умоляю Вас: скажите, чтоб мне купили и выслали спешно “Воскресный № «Руля»” от 8-го числа...Очень нужно» [Горький, 2009, с. 212]. Такой интерес у писателя вызывала в особенности литературная критика, а в этом номере был представлен литературный обзор, посвященный книгам И. Шмелева, И. Эренбурга, В. Войтинского и др.

Уже 2 сентября 1923 года в № 839 выходит рецензия Айхенвальда на второй номер «Беседы», которая по своему содержанию весьма неоднозначна. Здесь со стороны Каменецкого снова звучат упреки в недостоверности воспоминаний Горького, теперь уже о похоронах Чехова («...тон и содержание горьковского рассказа о похоронах Чехова глубоко фальшивы» [Каменецкий, 1923, с. 2]), а также дается негативная оценка пересказанного Горьким разговора с Блоком, представленного, по мнению критика, Горьким так, будто единственным мотивом собеседников было стремление «...свою образованность показать» [Там же]. Таким образом, и все воспоминание Горького отмечено «стилизаторством», за которую Айхенвальд недолюбливал и его прозу. Интересно, что здесь Айхенвальд фактически «переходит на личности», намекая, что Блоку, в отличие от Горького, свою образованность показывать не было никакой необходимости. Замечания такого характера вообще были свойственны политическим оппонентам Горького: «Успех не дал Горькому времени и сил для необходимой внутренней работы мысли...» [Философов, 1997, с. 699], — и, конечно же, не были объективными. С другой стороны, несмотря на уличение в «стилизаторстве», Айхенвальд замечает, что «местами дневник Горького... занимателен... иногда прорываются живые штрихи...» [Каменецкий, 1923, с. 2]. Надо сказать, что на выпад критика по поводу неточности воспоминаний о похоронах Чехова Горький ответил лично Айхенвальду в письме от 6 сентября 1923 года («Вы странно ошибаетесь, говоря, что похороны А. П. Чехова описаны мною не верно»), детально описав историю похорон Чехова и опровергнув все искажения, допущенные критиком [Горький, 2009, с. 236]. Вместе с тем рецензия на весь выпуск «Беседы» в целом позитивная. Так, положительно оценена публикация прежде неизвестных стихотворений А. Блока. Кроме того, Айхенвальд одобрительно высказывается о материалах журнала в целом, указывая на то, что стихотворения Николая Оцупа и Софии Парнок «хороши» [Каменецкий, 1923, с. 3]. Критик разбирает и статьи других авторов. Так, очень положительно он оценивает статью Владислава Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» (выходила в нескольких номерах «Беседы»), подробно комментирует отрывок «Из воспоминаний» А. Белого. Второй выпуск «Беседы» и его содержание, очевидно, были тепло встречены литературным критиком «Руля». Таким образом, Горький-издатель получил одобрение в среде литературной эмиграции.

14 октября 1923 года в 875 номере «Руля» выходит рецензия Айхенвальда на только вышедшие «Мои университеты» Горького. Здесь снова, как и всегда, присутствует неоднозначность оценок, однако в общем критик констатирует, что «Сквозь резонерство и нарочитые афоризмы надо пробиваться к тому хорошему, что завернуто у Горького в его словесные

оболочки» [Там же, с. 2]. Отзыв Айхенвальда имеет скорее спокойный, рассудительный тон, нежели остро критический, так он говорит о недостатке реализма и романтизма, о том, что для Горького, активно занимавшегося самообразованием, неизбежно должны были открыться противоречия между книгами, «в которые он почти непоколебимо верил», и «жесточкой жизнью» [Там же, с. 3]. Во фразе «Начитанность свою он не совсем претворил в самого себя, и не так привык к культуре, чтобы она стала для него второй природой» [Там же, с. 2] вновь проявляется личное отношение Айхенвальда, выходящее за рамки выдержанного литературно-критического анализа. В конце критик делает вывод, что Горький «до сих пор не вышел на вольные просторы духа» [Там же, с. 3], таким образом, фактически говоря о возможном художественном потенциале Горького. Подтверждение этой мысли можно увидеть уже в рецензии Айхенвальда на третий выпуск журнала «Беседа» в № 917 «Руля» от 9 декабря 1923 года, где критик дает весьма положительный отзыв. Оценивая берлинские стихи В. Ходасевича, Айхенвальд говорит, что они «оригинальны по темам и осуществлению» [Там же, с. 2], высоко оценивает и перевод бюргеровской «Леноры», сделанный Ниной Берберовой. Говоря о продолжении «Поэтического хозяйства Пушкина» Ходасевича, критик называет эту работу писателя «крупной заслугой» перед «современным пушкиноведением» [Там же]. Что касается отзыва о тексте Горького «Рассказ о безответной любви», то здесь Айхенвальд начинает повторяться, говоря о том, что текст «...производил бы хорошее впечатление трогательностью своих ситуаций, если бы не страдал обычной для автора червоточинной резонерства» [Там же].

С декабря 1923 года отзывы Айхенвальда о Горьком не появлялись вплоть до весны, следующая рецензия появится только в мае 1924 года по случаю выхода № 4 журнала «Беседа». Однако это не означает, что фамилия Горького исчезает со страниц «Руля». Новый виток отношений с газетой возникает у писателя в связи с трагическими политическими событиями: 21 января 1924 года умирает В. И. Ленин. Конечно же, это событие не обходит вниманием эмигрантская пресса, что вызывает волну возмущения у Горького. Так, в письме С. Ф. Ольденбургу он пишет: «Особенно отвратительно держится “Руль”, и одна из наиболее гнусных статей о Ленине — статья Ю. Айхенвальда. Грязно написал и Алданов-Ландау» [Горький, 2009, с. 301]; «...с горя, зверски изругал “День”, “Руль” и всех Керенских, Черновых» [Горький, 2009, с. 295]. Вместе с тем в связи с этим событием на страницах «Руля» критика Горького как писателя отходит на второй план. Так, 8 февраля 1924 года в № 966 появляется ироническая заметка без указания авторства о «повороте М. Горького», суть которой сводится к реакции на критическую цитату Горького о российской власти [Пово-

рот ..., 1924, с. 4]. А 26 февраля 1924 года в № 981 А. Яблоновский осуждает Горького за поддержку большевиков, однако критика здесь чисто политическая, не имеющая отношения к творчеству. В то время Горький писал Е. П. Пешковой: «Во Франции меня травит Гиппиус, здесь А. А. Яблоновский. Очень усердно стараются» [Горький, 2009, с. 305].

Однако, несмотря на откровенно вражеские политические отношения, обострившиеся после смерти В. И. Ленина, 4 мая 1924 года в № 1038 выходит рецензия Айхенвальда-Каменецкого на четвертый номер «Беседы». В целом номер был встречен критиком очень положительно. Так, он высоко оценивает перевод с еврейского языка В. Ходасевичем поэмы С. Черниховского «Свадьба Эльки» и даже приводит одну строфу в своей рецензии. Одобрительно отзывается Айхенвальд и о подборе художественной литературы, в частности, хвалит рассказ «Кира Киралина» неизвестного писателя Панайота Истрати, а также говорит о том, что «несколько растянута, но все же мила идиллия Владимира Юрезанского «Человек»» [Каменецкий, 1924, с. 6], и подчеркивает, как «красива и музыкально построена фраза в рассказе Владимира Лидина «Зацветает жизнь» [Там же]. При характеристике Горького Айхенвальд вновь проявляет свою приверженность прежней позиции, неизменно указывая на присущее писателю, по его мнению, «резонерство», однако в этот раз, комментируя новый текст Горького «Рассказ о герое», критик выражает точку зрения, что писателю «недостало эстетической объективности для того, чтобы... перевоплотиться... в контрреволюционера» [Там же, с. 5]. Это замечание является единственным (не считая упоминания о «резонерстве») и, по сути, обнаруживает предвзятость в отношении Горького, так как очевидно, что «измерить» эстетическую объективность» не представляется возможным, это понятие довольно субъективное. В то же время с этим номером «Беседы» связана целая история, так как, нарушив обыкновенный порядок, Горький опубликовал не один, а два своих рассказа. Второй текст «Рассказ об одном романе» вышел под псевдонимом «Василий Сизов». Опубликовать второй рассказ под псевдонимом Горький решил, когда он совместно с Ходасевичем «сообща редактировали журнал «Беседа»» и «чуть ли не на пари» [Ходасевич, 2006, с. 165] решили проверить литературно-критическую объективность Айхенвальда. Надо сказать, что и этот текст Айхенвальд раскритиковал, признав «беллетристическое предприятие Василия Сизова «Об одном романе»... неудавшимся... манерным и оригинальничаящим» [Каменецкий, 1924, с. 6]. По воспоминаниям Ходасевича, критика обоих рассказов обрадовала Горького, так как, по мнению писателя, это означало, что он «ошибался» в Айхенвальде. Конечно, вывод Горького об объективности критика спорен, так как Каменецкий вполне мог догадаться

о том, что под псевдонимом Василия Сизова скрывается Горький. В любом случае вопрос о том, разгадал ли Айхенвальд хитрость Горького, остается открытым, а значит, и комплиментарный вывод Горького об объективности Каменецкого, тоже может быть дискуссионным.

Между тем по более мягким отзывам Горького о «Руле» и по выдержанной и в общем позитивной рецензии Айхенвальда можно видеть, что накал, связанный с политической темой, к лету 1924 года стих, о чем говорит и реплика из письма Горького С. В. Познеру от 1 июля 1924: «Вижу злой умный “Руль” и бездарнейшие истерические “Дни”» [Горький, 2012, с. 24]. Писатель здесь, конечно же, оценивает именно литературно-критическую составляющую газеты. При этом 2 июля в № 1086 «Руль» выпускает заметку «Горький против Троцкого» [Горький против ..., 1924, с. 3], реакцию на которую можно увидеть в письме Горького от 6 июля 1924 года: «В “Руле” напечатано, что будто бы Троцкий где-то говорил, что я настраиваю крестьянство против большевиков. Не верится» [Там же, с. 26]. Вместе с тем 6 июля 1924 года в № 1090 газеты был опубликован отклик Айхенвальда на статью Горького, посвященную В. И. Ленину, опубликованную в «Русском современнике» (№ 1). Критик не уделяет много времени разбору статьи, однако упрекает писателя в поддержке Ленина. Это подтверждает, что если в отзывах Айхенвальда и появляется откровенная критика, то она связана всегда именно с политическими расхождениями во взглядах, а не с неприятием творчества Горького в принципе.

Затем в № 1097 15 июля 1924 года выходит статья Айхенвальда к двадцатилетию смерти Чехова, в ней Горький упомянут нейтрально в контексте одного из писем Чехова. А уже 6 августа 1924 года в № 1116 появляется рецензия Айхенвальда на 5-й номер «Беседы». Здесь Каменецкий уделяет особенно много внимания Горькому, так как помимо рассказа «Карамора» там были размещены его воспоминания о Л. Лунце и очерк о С. А. Толстой. Стоит ли говорить, что вновь критик упрекает Горького в «резонерстве», к которому теперь добавляется еще и «теоретизирование». Вместе с тем очень положительно оценивает Айхенвальд воспоминания Горького о С. А. Толстой: «...заступничество Горького за Толстую...можно только приветствовать» [Каменецкий, 1924, с. 2]. Снова отдельной похвалы Айхенвальда заслуживает выборка художественного материала. Так, очень лестно отзываясь он о переводе рассказа Дж. Голсуорси: «...жутко прекрасный» [Там же, с. 3].

В то же время для Горького, вероятно, в целом положительный отзыв на его журнал не может смягчить принципиальных противоречий, связанных с фигурой Ленина, так как в письме М. Ф. Андреевой от 18 августа 1924 года он пишет, что хотел бы «уничтожить всех насекомых, считая в их числе Айхенвальда» [Горький, 2012, с. 47]. Впрочем, несмотря на резко не-

готивное отношение к газете и к ее ведущему критику, Горький продолжает читать издание, просит своих адресатов присылать «Руль», что находит отражение в его переписке.

26 ноября 1924 года в № 1211 публикуется рецензия Айхенвальда на очередной номер журнала «Русский современник» (№ 3). Здесь же дается короткая заметка о рассказе «Анекдот» М. Горького, который был напечатан против обыкновения не в «Беседе». Можно сказать, что Айхенвальд здесь впервые по-настоящему критикует текст Горького, говоря о том, что тот «сочиняет какую-то ересь — внутреннюю и внешнюю небылицу» [Каменецкий, 1924, с. 3].

Последним откликом на «Беседу» становится статья Айхенвальда, опубликованная в № 1338 от 29 апреля 1925 года, где критик дал обширную рецензию на двоянный 6—7 номер, не только высоко оценив «Рассказ о необыкновенном» Горького, но и отметив достойный выбор других авторов, работы которых были включены в номер. Так, по традиции указав на «афоризмы», «поучения» и излишнюю натуралистичность Горького, Айхенвальд подчеркивает, что в рассказе «так живо развертывается... спираль событий» [Каменецкий, 1925, с. 2], что это сглаживает все недостатки текста. При этом стоит отметить, что положительный отзыв критика о новом рассказе неразрывно связан с одной из «сентенций» героя — утверждению, что после революции положение ухудшилось. Эту цитату Айхенвальд даже приводит у себя в рецензии: «...революция, говорит он, была, а толку не родила...» [Там же]. Можно предположить, что такой позитивный отзыв был связан еще и с тем, что Айхенвальд увидел в тексте Горького некую примиренческую с его взглядами позицию. Очевидно, что политические взгляды Горького (даже изложенные в его критических высказываниях о большевиках) не могли сближаться с позициями Айхенвальда, однако для критика, вероятно, было достаточно и этой цитаты, что говорит об имплицитном признании таланта Горького и стремлении привлечь его на свою политическую сторону. Это предположение подтверждается тем, что уже в следующем выпуске «Литературных заметок», опубликованных в № 1344 от 6 мая 1925 года, Айхенвальд вносит дополнение к рецензии на «Рассказ о необыкновенном», говоря о том, что не до конца составил «перечень уродств» [Там же], которые есть в тексте Горького. Под «уродствами» критик имел в виду натуралистические мотивы и сцены, имеющиеся в рассказе. При этом трудно сказать, для чего была сделана эта вставка, предвещающая статью Айхенвальда про Ф. А. Степуна. С одной стороны, это может быть связано с желанием еще раз напомнить читателям о последнем рассказе Горького, который, по мнению критика, все же был удачным. С другой стороны, замечание, сделанное уже «вдогонку», может быть связано со своеобразным «раскаянием» Айхенваль-

да, сожалениями о своем же в целом положительном отзыве. Надо сказать, что столь важная заметка отсутствует в издании, подготовленном И. В. Кочергиной «Ю. И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922—1928)» (стр. 465, книга 1) [Кочергина, 2022a], на что мы хотим обратить внимание будущих исследователей, поэтому рекомендуем обращаться к оригинальной рецензии в архиве газеты «Руль».

В 1925 году журнал «Беседа» перестает выходить, однако в № 1681 от 16 июня 1926 года в «Руле» вновь появляется критическая заметка Айхенвальда, теперь уже о романе Горького «Дело Артамоновых» (1925). Критик вновь обвиняет Горького в том, что его герои говорят афоризмами («...засилье поговорок и прибауток...» [Айхенвальд, 1926, с. 2]). Кроме того, по мнению Айхенвальда, в роман «без нужды включено много безобразия... человеческой уродливости...» [Там же]. Стоит сказать, что заметка не очень объективна, так как в целом Горький в этом произведении использует яркие образы и отсылки к символическим знакам.

Между тем следующее упоминание Горького обнаруживается в отзыве Айхенвальда о книге М. Цветаевой «Версты» («№ 1871 от 26 января 1927 года), где критик мимоходом соглашается с Д. П. Святополк-Мирским и его мыслью о том, что Горький, «никогда ни во что не умея поверить, говорил и делал, как будто бы верил» [Айхенвальд, 1927, № 1871, с. 2]. В № 1953 от 4 мая 1927 года в разделе «Литературных заметок» публикуется очередной отзыв — на пьесу Горького «Фальшивая монета» (1913) [Айхенвальд, 1927, № 1953, с. 2]. Следует отметить, что эта пьеса вызывает неподдельный интерес у современных литературоведов, так как считается одной из самых «загадочных, «зашифрованных» [Примочкина, 2021, с. 138]. Айхенвальду же «Фальшивая монета» абсолютно не понравилась, о чем он довольно резко сообщил в рецензии: «Автор оказал бы немалую услугу русской литературе, если бы... своего произведения... не обнародовал» [Айхенвальд, 1927, № 1953, с. 2]. Впрочем, политизированность «Руля» проявилась и здесь, так как ранее, еще в 1926 году критическую рецензию на пьесу написал Луначарский, и Горький отмечал, что «“Рули”, “Дни” и всякие другие — радуются и убеждены, что, если Луначар. недоволен, значит, пьеса — хороша, то есть — контрреволюционна» [Горький, 2013, с. 185]. Однако позднее Луначарский принес извинения, так как не знал, что пьеса была написана в 1913 году, а вслед за этим изменилась и позиция «Руля», что отразилось и в рецензии Айхенвальда.

Позже, уже 25 января 1928 года в № 2177 «Руля» выходит статья Айхенвальда под названием «Цензура церберов», где критик осуждает немецкого публициста Эгона Эрвина Киша за поддержку советской цензуры. Среди прочего Каменецкий упоминает и Горького, говоря о том, что «его-то со-

ветская власть ласкает» [Айхенвальд, 1928, № 2177, с. 3], однако Горького, по мнению критика, «сомнительно относить к классикам» [Там же]. Нельзя не заметить, что критика Айхенвальда стала значительно более резкой и зачастую переходила в осуждение политических убеждений писателя. Это видно и в последнем упоминании Айхенвальдом Горького — в № 2241 газеты от 11 апреля 1928 года в колонке, посвященной шестидесятилетию Горького, критик уделяет внимание не оценке многолетнего творческого пути писателя, а политической теме, указывая на множество восторженных откликов именно, как пишет Айхенвальд, в «большевизанствующей печати» [Айхенвальд, 1928, № 2241, с. 3]. При этом критик указывает, что все эти отклики «относятся больше к политику, чем к художнику» [Там же]. Это замечание особо привлекает внимание, так как мы, анализируя критику «Руля» о Горьком, заметили, что в целом газета до и после прихода Айхенвальда в издание относилась к творчеству Горького весьма одобрительно, да и многие отзывы Каменецкого несут комплиментарный посыл. Острая критика «Руля» всегда касалась исключительно политической стороны жизни Горького, и фактически только «за политику» «Руль» писателя и критиковал. В этом смысле упрек газеты, брошенный советской критике, не объективен, ведь, по сути, получается, что отзывы и «Руля», и советских изданий были нацелены на политический извод творчества Горького, или на его общественную деятельность. Упрек «Руля» выглядит несостоятельным, так как газета занималась фактически тем же, что и советская критика, только с противоположным знаком. Между тем критика эстетико-художественного аспекта творчества Горького была тогда представлена слабо, и, возможно, именно поэтому до сих пор, по признанию многих горьковедов, наследие Горького воспринимается либо через призму советских штампов, либо через критику идейных врагов Горького, которые тоже часто, сами того не сознавая, пользовались этими же штампами.

По стечению обстоятельств отзыв о юбилее Горького становится последней рецензией Айхенвальда о писателе. С апреля 1928 года Айхенвальд больше высказываться о Горьком не будет. «Литературные заметки» за авторством критика просуществуют до трагической смерти Айхенвальда в конце 1928 года, после чего начнется последний рассматриваемый нами период взаимоотношений М. Горького и газеты «Руль».

3.3. «Руль» о Горьком в период после смерти Ю. И. Айхенвальда (1929—1931 годы)

В третий выделяемый нами период упоминания Горького на страницах «Руля» появляются уже исключительно в связи с общественными событиями, таким образом, горьковский контекст «Руля» окончательно политизируется. Мы лишь кратко перечислим основные публикации, большинство из

них можно отнести скорее к разряду упоминаний. Так, в № 2464 от 4 января 1929 года появляется заметка «Неудачи Максима Горького» без указания автора [Неудачи ..., 1929]. Здесь возникает уже прямая пикировка с Горьким, очень резкая. Между тем 6 января 1929 года в № 2466 «Руль» публикует фотоколлаж под заголовком «Современные русские писатели» среди которых Горький занимает видное место [Современные ..., 1929]. Как можно увидеть, писатель находится в первом нижнем ряду по центру (рис. 1).

Современные русские писатели.

1. М. Горький; 2. А. К. Толстой; 3. А. Чехов; 4. М. Горький; 5. М. Горький; 6. М. Горький; 7. М. Горький; 8. М. Горький; 9. М. Горький; 10. М. Горький; 11. М. Горький; 12. М. Горький; 13. М. Горький; 14. М. Горький; 15. М. Горький; 16. М. Горький; 17. М. Горький; 18. М. Горький; 19. М. Горький; 20. М. Горький; 21. М. Горький; 22. М. Горький; 23. М. Горький; 24. М. Горький; 25. М. Горький; 26. М. Горький; 27. М. Горький; 28. М. Горький; 29. М. Горький; 30. М. Горький; 31. М. Горький; 32. М. Горький; 33. М. Горький; 34. М. Горький; 35. М. Горький; 36. М. Горький; 37. М. Горький; 38. М. Горький; 39. М. Горький; 40. М. Горький; 41. М. Горький; 42. М. Горький; 43. М. Горький; 44. М. Горький; 45. М. Горький; 46. М. Горький; 47. М. Горький; 48. М. Горький; 49. М. Горький; 50. М. Горький; 51. М. Горький; 52. М. Горький; 53. М. Горький; 54. М. Горький; 55. М. Горький; 56. М. Горький; 57. М. Горький; 58. М. Горький; 59. М. Горький; 60. М. Горький; 61. М. Горький; 62. М. Горький; 63. М. Горький; 64. М. Горький; 65. М. Горький; 66. М. Горький; 67. М. Горький; 68. М. Горький; 69. М. Горький; 70. М. Горький; 71. М. Горький; 72. М. Горький; 73. М. Горький; 74. М. Горький; 75. М. Горький; 76. М. Горький; 77. М. Горький; 78. М. Горький; 79. М. Горький; 80. М. Горький; 81. М. Горький; 82. М. Горький; 83. М. Горький; 84. М. Горький; 85. М. Горький; 86. М. Горький; 87. М. Горький; 88. М. Горький; 89. М. Горький; 90. М. Горький; 91. М. Горький; 92. М. Горький; 93. М. Горький; 94. М. Горький; 95. М. Горький; 96. М. Горький; 97. М. Горький; 98. М. Горький; 99. М. Горький; 100. М. Горький.

Рис. 1. Современные русские писатели
Pic. 1. Modern Russian writers

В этом же номере Горький мельком упоминается в заметке «Наши за границей» [Наши ..., 1929].

12 мая 1929 года в № 2570 появляются иронические заметки М. М. Попелло-Давыдова под названием «Из жизни знаменитостей» [Попелло-Давыдов, 1929]. Здесь вновь возникает тема «Шалапин и Горький». Так, согласно автору заметок, после очередного банкета Шалапин послал «... своему приятелю Максиму Горькому письмо...», приглашающее его присоединиться к празднику. Затем 27 июня 1929 года в № 2608 в «Руле» публикуется открытое письмо Горькому от «Вольного союза крючников», в котором крючники Нижегородской губернии обращаются к писателю

1 Наёмный рабочий в России в XVIII — первой трети XX веков, переносящий тяжести на спине с помощью особого железного крюка.

с жалобами на тяжелые условия труда и жизни [Вольный ..., 1929]. Как можно видеть, после смерти Айхенвальда литературная критика Горького «сходит на нет», зато активно эксплуатируется политическая тема и оценки Горького с позиции его политических взглядов. К слову, это открытое письмо было перепечатано «Рулем» из парижской газеты «Дни».

Впрочем, и крупницы упоминаний в контексте литературы тоже становятся окрашенными личной неприязнью. Так, в № 2623 от 14 июля 1929 года выходит большая статья «о Чехонте и Чехове» С. Яблоновского. Горький упоминается здесь нейтрально как один из тех, с кем общался Чехов. Однако и тут ему вскользь дана оценка как тому, кто никогда не станет русским интеллигентом, «сколько бы последний не учился» [Яблоновский, 1929, с. 2]. В № 2628 от 20 июля 1929 года Горького мельком вспоминают в контексте статьи «Проблема преступления и художественная литература», а 6 ноября 1929 года в № 2721 выходит статья С. Франка о письмах Райнера М. Рильке, где, в частности, упоминается тот факт, что Рильке не понравилась пьеса «На дне» Горького: «...наряду с русскими поэтами, Горький не производит впечатления подлинно великого...» [Франк, 1929, с. 3]. 1 января 1930 года в № 2766 «Руля» появляется заметка, в которой Горький обвиняется в том, что он «пытается угодить начальству» [Кровь и грязь ..., 1930, с. 2]. В июле-августе 1930 года газета активно эксплуатирует тему «невозвращения писателя», что находит отражение и в письмах Горького. 2 июля 1931 года в № 3220 выходит статья А. Бема о Маяковском, в которой фигура Горького вновь упоминается и оценивается лишь с политических позиций. Конечно же, исход литературности из критики «Руля» замечает и Горький, что можно увидеть по его отзывам о газете в письмах этого периода. Так, в письме Д. А. Лутохину от 1926 года он пишет: «Должен сознаться, что неприличие выпадов против меня гг. “политиков” — “Руля”, например, — иногда возбуждает у меня желание крикнуть им: постыдитесь» [Горький, 2013, с. 209]. Таким образом, писатель понимает, что после смерти Айхенвальда все серьезные выпады «Руля», как правило, связаны с политическими расхождениями, а не с творчеством, что косвенно подтверждается и нашим обзором рецензий Айхенвальда, определенно талантливого литературного критика.

4. Заключение = Conclusions

Как можно увидеть, взаимодействие газеты «Руль» и Максима Горького охватывает довольно длительный период, около десяти лет, и оно не ограничивается односторонней критикой «Руля», а является специфической историей взаимоотношений писателя и газеты, что мы и проследили, рассмотрев довольно подробно упоминания Горького в газете, а также отзывы о «Руле» в переписке писателя. Из довольно обширного обзора кри-

тики «Руля» творчества Горького (а мы постарались рассмотреть почти все отзывы газеты о писателе) можно увидеть, что позиция, при которой отношения «Руля» и Горького рассматриваются только в плоскости критики Ю. И. Айхенвальда, является неполноценной. Исследование показывает двойственный характер этих взаимоотношений, а также то, что взаимодействие «Руля» и М. Горького можно разделить на три периода, в которых видна взаимная эволюция отношений и оценок. Для «Руля» Горький определенно был талантливым писателем, на это косвенно указывает позиция газеты еще до прихода в нее Айхенвальда. Вместе с тем эта позиция укрепляется и в период Айхенвальда-Каменецкого, который, несмотря на то что видел достоинства прозы Горького, был довольно однотипен в негативных оценках. В то же время издание Горького «Беседа», которому посвящена большая часть рецензий Айхенвальда, в целом заслуживает его одобрение. Это говорит о том, что «Беседа» воспринималась в «Руле» как издательский успех Горького-редактора. Вместе с тем политическая ангажированность «Руля» требовала острой критики в адрес Горького, а потому часто Айхенвальд высказывался о Горьком «с нескрываемой неприязнью, отступая от объективности» [Зверев, 1997, с. 170].

Двойственность отношения к Горькому, которая имела место на страницах газеты, высвечивается особенно ярко в последний выделенный нами период, уже после смерти ведущего критика газеты, когда «Руль» окончательно сконцентрировался лишь на критике образа жизни или политических взглядов Горького. Вместе с тем на всем протяжении существования газеты не остается в стороне и Горький, который не только внимательно знакомится с ее содержанием (и не только с рецензиями о себе, что можно увидеть по письмам), но и пикируется непосредственно с автором рецензий Ю. Айхенвальдом. При этом важно отметить, что к оценкам своего творчества Горький относится со вниманием, но довольно спокойно, а возмущение вызывают у него именно политические выпады «Руля», которые часто связаны еще и с искажением фактов, на что писатель часто обращает внимание в своих письмах. В последний период взаимодействия газеты и писателя их взаимные оценки становятся взаимно более резкими. Вероятно, в период жизни Горького в Германии «Руль» питал надежду, что писатель сблизится с политической эмиграцией, и был разочарован, когда этого не случилось. Вместе с тем нельзя не отметить, что на всем протяжении существования газеты для нее была значима фигура Горького как антагониста, поскольку изданию требовался яркий и вместе с тем «враждебный» образ, способный поддерживать интерес читательской аудитории. В целом же можно сказать, что «Руль» однозначно отдавал должное писательскому таланту Горького, однако даже «естественный символизм» [Тахо-Годи,

2021, с. 188] Айхенвальда не смог смягчить политических противоречий редакции и писателя.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Айхенвальд Ю.* Литературные заметки / Ю. Айхенвальд // Руль : [газета]. — 1926. — № 1681. — С. 2—3.
2. *Айхенвальд Ю.* Литературные заметки / Ю. Айхенвальд // Руль : [газета]. — 1927. — № 1871. — С. 2—3.
3. *Айхенвальд Ю.* Литературные заметки / Ю. Айхенвальд // Руль : [газета]. — 1927. — № 1953. — С. 2—3.
4. *Айхенвальд Ю.* Литературные заметки / Ю. Айхенвальд // Руль : [газета]. — 1928. — № 2241. — С. 2.
5. *Айхенвальд Ю.* Цензура церберов / Ю. Айхенвальд // Руль : [газета]. — 1928. — № 2177. — С. 2—3.
6. *Вольный союз ключников.* Письмо Максиму Горькому // Руль : [газета]. — 1929. — № 2608. — С. 2.
7. *Горький М.* Полное собрание сочинений : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2007. — Т. 13. — 735 с. — ISBN 978-5-02-034415-0.
8. *Горький М.* Полное собрание сочинений : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2009. — Т. 14. — 821 с. — ISBN 978-5-02-036261-1.
9. *Горький М.* Полное собрание сочинений : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2012. — Т. 15. — 966 с. — ISBN 978-5-02-037367-9.
10. *Горький М.* Полное собрание сочинений : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2013. — Т. 16. — 981 с. — ISBN 978-5-02-038121-6.
11. *Каменецкий Б.* Литературные заметки / Б. Каменецкий // Руль : [газета]. — 1922. — № 619. — С. 2—3 ; 1923. — № 728. — С. 2—3 ; № 755. — С. 2—3 ; № 839. — С. 2—3 ; № 875. — С. 2—3 ; № 917. — С. 2—3 ; 1924. — № 1038. — С. 5—6 ; № 1097. — С. 2—3 ; № 1116. — С. 2—3 ; № 1211. — С. 2—3 ; 1925. — № 1338. — С. 2—3 ; № 1344. — С. 2—3.
12. *Миллоков П.* Толстой и русский народ / П. Миллоков // Руль : [газета]. — 1920. — № 19. — С. 2.
13. *Горький против Троцкого* // Руль : [газета]. — 1924. — № 1086. — С. 3.
14. *Кровь и грязь* // Руль : [газета]. — 1930. — № 2766. — С. 2.
15. *Наши за границей* // Руль : [газета]. — 1929. — № 2466. — С. 1.
16. *Неудачи Максима Горького* // Руль : [газета]. — 1929. — № 2464. — С. 2.
17. *Поворот Горького* // Руль : [газета]. — 1924. — № 966. — С. 4.
18. *Попелло-Давыдов М. М.* Из жизни знаменитостей / М. М. Попелло-Давыдов // Руль : [газета]. — 1929. — 12 мая. — № 2570. — С. 2.
19. *Русские речи* // Руль : [газета]. — 1921. — № 157. — С. 2.
20. *Современные русские писатели* // Руль : [газета]. — 1929. — № 2466. — С. 7.
21. *Франк С.* Письма Р. М. Рильке / С. Франк // Руль : [газета]. — 1929. — № 2721. — С. 2—3.
22. *Чуковский К.* Некрасов и мы / К. Чуковский // Руль : [газета]. — 1922. — № 347. — С. 2—3.

23. Яблоновский А. Досадная полемика / А. Яблоновский // Руль : [газета]. — 1924. — № 981. — С. 2—3 ; 1922. — № 518. — С. 2 ; 1926. — № 1563. — С. 2—3 ; 1929. — № 2623. — С. 2—3.

Литература

1. Зверев А. М. Берлинская газета русской эмиграции «Руль» / А. М. Зверев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7 : Литературоведение. — 1997. — № 3. — С. 159—176.

2. Клинг О. А. Мемуары как источник реконструкции жизни и творчества А. М. Горького в Германии / О. А. Клинг // А. М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве. — Москва : ИМЛИ РАН, 2023. — С. 33—55. — ISBN 978-5-9208-0724-3.

3. Кочергина И. В. История литературных отношений М. Горького и Ю. И. Айхенвальда : к постановке проблемы / И. В. Кочергина // Литературоведческий журнал. — 2023. — № 3 (61). — С. 143—159. — DOI: 10.31249/litzhur/2023.61.09.

4. Кочергина И. В. Ю. И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922—1928) : в 2-х томах / И. В. Кочергина. — Москва : Водолей, 2022а. — Т. 1—2.

5. Кочергина И. В. Юлий Айхенвальд — рыцарь Слова / И. В. Кочергина // Ю. И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922—1928). — Москва : Водолей, 2022б. — С. 5—20. — ISBN 978-5-91763-586-6.

6. Кудрявцева Т. В. Имя А. М. Горького на культурной карте Германии / Т. В. Кудрявцева // А. М. Горький в Германии : писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве. — Москва : ИМЛИ РАН, 2023. — С. 13—32. — ISBN 978-5-9208-0724-3.

7. Примочкина Н. Н. Горький и писатели русского зарубежья / Н. Н. Примочкина. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — 364 с. — ISBN 5-9208-0119-0.

8. Примочкина Н. Н. Итальянские темы в публикациях журнала «Беседа» / Н. Н. Примочкина // Русские в Италии : культурное наследие в эмиграции. — Москва : Русский путь, 2006. — С. 251—259. — ISBN 5-85887-239-5.

9. Примочкина Н. Н. Поэтика эксперимента: творчество М. Горького начала 1920-х гг. / Н. Н. Примочкина. — Москва : Директ-Медиа, 2022. — 320 с. — ISBN 978-5-4499-2813-9.

10. Примочкина Н. Н. Пьеса М. Горького «Фальшивая монета» : новое прочтение / Н. Н. Примочкина // Филологический класс. — 2021. — Т. 26. — № 3. — С. 138—149. — DOI 10.51762/1FK-2021-26-03-12.

11. Ревякина И. А. Публицисты и критики русской эмиграции 1920-х годов о творчестве М. Горького / И. А. Ревякина // Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20—30-х годов. — Москва : ИНИОН РАН, 2004. — С. 99—116. — ISBN 5-248-00202-08.

12. Семенова А. Л. М. Горький : от «Летописи» к «Беседе» / А. Л. Семенова // А. М. Горький в Германии : писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве. — Москва : ИМЛИ РАН, 2023. — С. 99—112. — ISBN 978-5-9208-0724-3.

13. Сорокина В. В. Формирование литературной критики русского зарубежья : берлинский период : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Вера Владимировна Сорокина. — Москва, 2011. — С. 79.

14. Тахо-Годи Е. А. «Естественный символизм» Юлия Айхенвальда (к вопросу об эстетическом методе) / Е. А. Тахо-Годи // Русская литература и журналистика в пред-

революционную эпоху : формы взаимодействия и методология анализа. — Москва : ИМЛИ РАН, 2021. — С. 188—203. — ISBN 978-5-9208-0661-1.

15. *Ходасевич В. Ф.* Некрополь / В. Ф. Ходасевич. — Москва : Вагриус, 2006. — 444 с. — ISBN 5-9697-0323-0.

16. *Философов Д. В.* Конец Горького / Д. В. Философов // Максим Горький : pro et contra : Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 1997. — 895 с. — ISBN 978-5-9208-0724-3.

*Статья поступила в редакцию 03.01.2025,
одобрена после рецензирования 03.05.2025,
подготовлена к публикации 22.05.2025.*

Material resources

Blood and dirt. (1930). *Rul'*: [newspaper], no. 2766: P. 2. (In Russ.).

Chukovsky, K. (1922). Nekrasov and me. *Rul'*: [newspaper], no. 347: 2—3. (In Russ.).

Eichenwald, Yu. (1681). Literary notes. *Rul'*: [newspaper], no. 1681: 2—3. (In Russ.).

Eichenwald, Yu. (1871). Literary notes. *Rul'*: [newspaper], no. 1871: 2—3. (In Russ.).

Eichenwald, Yu. (1928). Censorship of Cerberus. *Rul'*: [newspaper], no. 2177: 2—3. (In Russ.).

Eichenwald, Yu. (1928). Literary notes. *Rul'*: [newspaper], no. 2241: P. 2. (In Russ.).

Eichenwald, Yu. (1953). Literary notes. *Rul'*: [newspaper], no. 1953: 2—3. (In Russ.).

Failures of Maxim Gorky. (1929). *Rul'*: [newspaper], no. 2464: 2. (In Russ.).

Frank, S. (1929). Letters of R. M. Rilke. *Rul'*: [newspaper], no. 2721: 2—3. (In Russ.).

Free Union of Hookers. Letter to Maxim Gorky. (1929). *Rul'*: [newspaper], no. 2608: 2. (In Russ.).

Gorky v. Trotsky. (1924). *Rul'*: [newspaper], no. 1086:3. (In Russ.).

Gorky, M. (2007). *Complete works: in 24 volumes, 13*. Moscow: Nauka. 735 p. ISBN 978-5-02-034415-0. (In Russ.).

Gorky, M. (2009). *Complete works: in 24 volumes, 14*. Moscow: Nauka. 821 p. ISBN 978-5-02-036261-1. (In Russ.).

Gorky, M. (2012). *Complete works: in 24 volumes, 15*. Moscow: Nauka. 966 p. ISBN 978-5-02-037367-9. (In Russ.).

Gorky, M. (2013). *Complete works: in 24 volumes, 16*. Moscow: Nauka. 981 p. ISBN 978-5-02-038121-6. (In Russ.).

Gorky's turn. (1924). *Rudder*: [newspaper], no. 966: 4. (In Russ.).

Kamenetsky, B. (1922, 1923, 1924, 1925). Literary notes. *Rul'*: [newspaper]. (In Russ.).

Milyukov, P. (1920). Tolstoy and the Russian people. *Rul'*: [newspaper], 19: 2. (In Russ.).

Modern Russian writers. (1929). *Rul'*: [newspaper], no. 2466: 7. (In Russ.).

Ours abroad. (1929). *Rul'*: [newspaper], no. 2466: 1. (In Russ.).

Popello-Davydov, M. M. (1929). From the lives of celebrities. *Rul'*: [newspaper], May 12, no. 2570: 2.

Russian speeches. (1921). *Rul'*: [newspaper], no. 157: 2. (In Russ.).

Yablonovsky, A. (1922, 1924, 1929). Annoying polemic. *Rul'*: [newspaper]. (In Russ.).

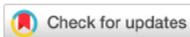
References

Filosofov, D. V. (1997). Gorky's End. In: *Maxim Gorky: pro et contra: Maxim Gorky's personality and creativity in the assessment of Russian thinkers and researchers*. St.

- Petreburo: Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 895 p. ISBN 978-5-9208-0724-3. (In Russ.).
- Khodasevich, V. F. (2006). *Necropolis*. Moscow: Vagrius. 444 p. ISBN 5-9697-0323-0. (In Russ.).
- Kling, O. A. (2023). Memoirs as a source of reconstruction of the life and work of A. M. Gorky in Germany. In: *A. M. Gorky in Germany: a writer and his environment in the socio-cultural and literary-media space*. Moscow: IMLI RAS. 33—55. ISBN 978-5-9208-0724-3. (In Russ.).
- Kochergina, I. V. (2022a). *Yu. I. Eichenwald in the newspaper "Rul'" (1922—1928)*. Moscow: Aquarius. 1—2. (In Russ.).
- Kochergina, I. V. (2022b). Yuli Eichenwald — Knight of the Word. In: *Yu. I. Eichenwald in the newspaper "Rul'" (1922—1928)*. Moscow: Aquarius. 5—20. ISBN 978-5-91763-586-6. (In Russ.).
- Kochergina, I. V. (2023). The history of literary relations between M. Gorky and Yu. I. Eikh-enwald: towards a problem statement. *Literary Journal*, 3 (61): 143—159. DOI: 10.31249/litzhur/2023.61.09. (In Russ.).
- Kudryavtseva, T. V. (2023). The name of A. M. Gorky on the cultural map of Germany. In: *A. M. Gorky in Germany: a writer and his environment in the socio-cultural and literary media space*. Moscow: IMLI RAS. 13—32. ISBN 978-5-9208-0724-3. (In Russ.).
- Primochkina, N. N. (2003). *Gorky and the writers of the Russian Diaspora*. Moscow: IMLI RAS. 364 p. ISBN 5-9208-0119-0. (In Russ.).
- Primochkina, N. N. (2006). Italian themes in the publications of the journal “Conversation”. In: *Russians in Italy: cultural heritage in emigration*. Moscow: Russian Way. 251—259. ISBN 5-85887-239-5. (In Russ.).
- Primochkina, N. N. (2021). M. Gorky’s play “The Counterfeit Coin”: a new reading. *Philological class*, 26 (3): 138—149. DOI 10.51762/1FK-2021-26-03-12. (In Russ.).
- Primochkina, N. N. (2022). *The poetics of experiment: the work of M. Gorky in the early 1920s*. Moscow: Direct-Media. 320 p. ISBN 978-5-4499-2813-9. (In Russ.).
- Revyakina, I. A. (2004). Publicists and critics of the Russian emigration of the 1920s on the work of M. Gorky. In: *Classics and modernity in literary criticism of the Russian diaspora of the 20—30s*. Moscow: INION RAS. 99—116. ISBN 5-248-00202-08. (In Russ.).
- Semenova, A. L. (2023). M. Gorky: from the “Chronicle” to the “Conversation”. In: *A. M. Gorky in Germany: a writer and his environment in the socio-cultural and literary media space*. Moscow: IMLI RAS. 99—112. ISBN 978-5-9208-0724-3. (In Russ.).
- Sorokina, V. V. (2011). *The formation of literary criticism of the Russian diaspora: the Berlin period*. Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. S. 79. (In Russ.).
- Takho-Godi, E. A. (2021). “Natural symbolism” by Julia Eichenwald (on the question of aesthetic method). In: *Russian literature and journalism in the pre-revolutionary era: forms of interaction and methodology of analysis*. Moscow: IMLI RAS. 188—203. ISBN 978-5-9208-0661-1. (In Russ.).
- Zverev, A. M. (1997). The Berlin newspaper of the Russian emigration “Rul’”. *Social Sciences and Humanities. Russian and foreign literature. Series 7: Literary Criticism*, 3: 159—176. (In Russ.).

*The article was submitted 03.01.2025;
approved after reviewing 03.05.2025;
accepted for publication 22.05.2025.*

Информация для цитирования:

Сафрон Е. А. Мотив сделки с дьяволом в романе К.-Ю. Вальгрена «Личное дело игрока Рубашова»: литературный и культурный контекст / Е. А. Сафрон, С. С. Лебедев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 333—348. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-333-348.

Safron, E. A., Lebedev, S. S. (2025). Motif of Deal with Devil in K. J. Wahlgren’s Novel “The Personal File of Player Rubashov”: Literary and Cultural Context. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 333-348. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-333-348. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Мотив сделки с дьяволом
в романе К.-Ю. Вальгрена
«Личное дело игрока
Рубашова»: литературный
и культурный контекст**

Сафрон Елена Александровна

orcid.org/0000-0002-7752-3403

Scopus Author ID: 59506881600

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры германской
филологии и скандинавистики,
корреспондирующий автор
00inane@mail.ru

Лебедев Сергей Сергеевич

orcid.org/0009-0004-3753-8354

преподаватель кафедры германской
филологии и скандинавистики
snipel@mail.ru

Петрозаводский
государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

**Motif of Deal with Devil
in K. J. Wahlgren's Novel
“The Personal File
of Player Rubashov”:
Literary and Cultural
Context**

Elena A. Safron

orcid.org/0000-0002-7752-3403

Scopus Author ID: 59506881600

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Germanic
Philology and Scandinavian Studies,
corresponding author
00inane@mail.ru

Sergey S. Lebedev

orcid.org/0009-0004-3753-8354

Lecturer, Department of Germanic
Philology and Scandinavian Studies
snipel@mail.ru

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование особенностей репрезентации мотива сделки с дьяволом в романе К. Ю. Вальгрена «Личное дело игрока Рубашова» (1996). Актуальность исследования обусловлена возможностью по-новому взглянуть на русскую классическую литературу XIX века глазами современного шведского писателя — носителя другой культуры. Научная новизна состоит в том, что на материале этого романа впервые показано, как мотив сделки с дьяволом помогает объединить разнородные элементы культурно-исторического контекста в рамках постмодернистского текста. В качестве материалов для проведения интертекстуального анализа интерпретации К. Ю. Вальгреном мотива сделки с дьяволом привлекаются произведения И. В. Гете, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, О. де Бальзака. Доказано, что К. Ю. Вальгрэн использует в романе театральные приемы, синтезируя высокий жанр (трагедию) и низкий (комедию). Подчеркивается, что мотив сделки с дьяволом является катализатором фабулы и удобным инструментом для игры с элементами мифологии и фольклора в контексте постмодернизма XX века. Авторы утверждают, что писатель постулирует идею гуманизма: герой, наказанный бессмертием, но сохранивший, несмотря ни на какие испытания, доброту и возможность сострадать, находит успокоение.

Ключевые слова:

интертекстуальность; мотив сделки с дьяволом; маска; Карл-Юхан Вальгрэн; шведский роман.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the representation of the motif of the deal with the devil in K. J. Wahlgren's novel "The Personal File of Player Rubashov" (1996). The relevance of this research lies in the opportunity to re-examine Russian classical literature of the 19th century through the lens of a contemporary Swedish author, who embodies a different cultural perspective. The novelty of this work is that it demonstrates, for the first time, how the motif of the deal with the devil unifies disparate elements of the cultural and historical context within a postmodern text. The intertextual analysis draws on works by I. V. Goethe, A. S. Pushkin, N. V. Gogol, M. Yu. Lermontov, F. M. Dostoevsky, and O. de Balzac to interpret Wahlgren's engagement with this motif. It is shown that Wahlgren employs theatrical techniques in the novel, synthesizing high art (tragedy) with low art (comedy). The study emphasizes that the motif of the deal with the devil serves as a catalyst for the plot and a convenient tool for engaging with elements of mythology and folklore within the context of 20th-century postmodernism. The authors argue that the writer posits an idea of humanism: the protagonist, punished with immortality yet maintaining kindness and compassion despite various trials, ultimately finds solace.

Key words:

intertextuality; motif of deal with devil; mask; K. J. Wahlgren; Swedish novel.

Мотив сделки с дьяволом в романе К.-Ю. Вальгрена «Личное дело игрока Рубашова»: литературный и культурный контекст

© Сафрон Е. А., Лебедев С. С., 2025

1. Введение = Introduction

Демонстрируя широкие возможности жанрового синтеза, современная постмодернистская литература нередко использует мотивы, традиционные для готической и романтической литературы. Среди них не последнее место занимает мотив сделки с дьяволом, чья установка на изображение сверхъестественного подразумевает обязательное введение в текст фантастического компонента.

К обозначенному мотиву обращается и шведский писатель, а также рок-музыкант Карл-Юхан (отдельные переводчики используют форму имени Йоган, однако авторы настоящего исследования настаивают на форме, ориентированной на особенности произношения имени на шведском языке) Вальгрэн, в одном из интервью заявивший, что его цель — увести шведскую литературу в сторону от реализма, доминирующего за счет исторически сформировавшейся практики повышенного внимания к рабочей прозе [Кобленкова, 2014, с. 579]. Несмотря на популярность среди читателей, критики и литературоведы обычно оставляют творчество этого писателя почти без внимания (исключением являются статьи М. Жмуда-Тчебетовской [Żmuda-Trzebiatowska, 2006], А. Ругеман [Rogeman, 2002], М. Стейнсафир [Steinsaphir, 1996], Д. В. Кобленковой [Кобленкова, 2015, с. 148]), поэтому на сегодняшний день ему не посвящено ни одного крупного исследования. Вполне возможно, что причина холодности со стороны научного сообщества кроется в слабом интересе самого писателя именно к шведской ментальности (К. Ю. Вальгрэн много лет провел вдали от родины, живя то в Индии, то в Германии, то в Дании).

В настоящей статье будет рассмотрен роман «Личное дело игрока Рубашова» («Dokument rörande spelaren Rubashov», 1996), который для отечественной филологической науки еще почти не известен. Данный факт определяет научную новизну представляемого исследования. Актуаль-

ность проделанной авторами работы обусловлена возможностью увидеть под новым углом и тем самым переоценить принципы и установки русской классической литературы, пропущенные через сознание писателя, принадлежащего чужой культурной традиции.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

На сегодняшний день мотив сделки с дьяволом уже неоднократно попадал в поле внимания исследователей. Так, Н. Т. Пахсарьян [Пахсарьян, 2016], Н. М. Ильченко и Ю. А. Маринина [Ильченко и др., 2023] рассматривали обозначенный мотив на материале творчества Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана, И. В. Александрова показывала путь перехода этого мотива из творчества представителей готики (М. Г. Льюиса, Ч. Мэтьюрина, У. Бекфорда и др.) в прозу М. Н. Загоскина [Александрова, 2019], Ю. Ю. Данилкова изучала художественное изображение диалога с дьяволом и заключения с ним сделки в романе Т. Манна «Доктор Фаустус» [Данилкова, 2022] и т. д.

К. Ю. Вальгрэн, на примере произведения которого мы будем рассматривать особенности преломления мотива сделки с дьяволом, шведским литературоведением традиционно определяется в разряд постмодернистов [Jansson, 1998, s. 88]. Эта характеристика представляется верной и в случае с романом «Личное дело игрока Рубашова», где писатель использует такие приемы и методы, как мозаичность повествования и интертекстуальность, но выстраивает повествование в духе реалистического романа XIX века. Последнее положение становится очевидным уже при чтении первой главы романа, в которой действие начинается в последний день уходящего позапрошлого столетия в главном для русской литературной классики XIX века городе — Санкт-Петербурге.

Цель данной статьи — показать на материале обозначенного романа К. Ю. Вальгрэна, как мотив сделки с дьяволом скрепляет воедино изначально принципиально разнородные культурно-исторические установки (фольклорно-мифологические традиции разных народов) и жанровые составляющие постмодернистского текста. (Так, здесь можно выделить элементы музыкально-драматургического жанра маски, исторического, социально-бытового романа, романа воспитания и т. д. Жанровый синтез романа «Личное дело игрока Рубашова» К. Ю. Вальгрэна настолько сложен, что требует отдельного самостоятельного исследования).

Обозначенная цель подразумевает решение следующих задач: выявить литературные и исторические факторы, послужившие К. Ю. Вальгрэну вдохновением для обращения к мотиву сделки с дьяволом; проанализировать роль мотива маски в репрезентации образ дьявола; изучить влияние

принципа театрализации и карнавализации на композиционный строй текста К. Ю. Вальгрена; исследовать роль мотива карточной игры в судьбе протагониста «Личного дела игрока Рубашова» и его связи с образом дьявола.

Широкий жанровый синтез, смешение направлений, включение в текст разнообразных фольклорно-мифологических кодов обуславливают обращение к культурологическому подходу, к мифопоэтическому, компаративистскому, сравнительно-историческому методам, приемам мотивного анализа.

Роман К. Ю. Вальгрена «Личное дело игрока Рубашова» был переведен на английский, немецкий, датский, норвежский, итальянский, литовский, латышский и русский языки. Одна из причин его успеха — тот факт, что он затронул ряд важнейших для человечества проблем: тему войны, смерти, ответственности, страха старения.

Роман повествует о погрязшем в азартных играх человеке, который решился продать душу дьяволу — казалось бы, нарочито заезженный сюжет европейской литературы XIX века, создающий впечатление, что автор избрал эту заурядную канву специально: чтобы поместить читателя в давно известные обстоятельства, о которых он читал уже у Ч. Р. Метьюрина в «Мельмоте Скитальце» (1820), у Э. Т. А. Гофмана в «Эликсирах Сатаны» (1815), у А. Шамиссо в «Удивительной истории Петера Шлемеля» (1814), у И. В. Гете в «Фаусте» и т. д., но показать их с новой точки зрения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мотив вызова дьявола в контексте литературной традиции

Авторы настоящего исследования предполагают, что мотив вызова дьявола в «Личном деле игрока Рубашова» оформлен К. Ю. Вальгреном с опорой на «Сказку о золотом петушке» (1835) А. С. Пушкина и подается читателям в форме загадки, которую необходимо разгадать.

Некий скопец рассказал Рубашову о возможности вызова сил Зла. У А. С. Пушкина в сказке также действует «звездочет и скопец», который соблазняет царя волшебным предметом (магическим помощником) — золотым петушком, в обмен прося выполнить любое его желание. Как и протагонистом К. Ю. Вальгрена, героем А. С. Пушкина царем Дадонем скопец воспринимается с пренебрежением, насмешкой. Так, когда скопец просит отдать ему шамаханскую царицу, царь спрашивает: «Или бес в тебя вернулся, / Или ты с ума рехнулся? ... / Но всему же есть граница. / И зачем тебе девица?» [Пушкин, 2021, с. 20]. Обратим внимание на то, что в восприятии царя в скопца вселился бес. Звездочеты в православной культуре всегда воспринимались как связанные с несправедным знанием, не говоря уже о том, что церковь порицала саму идею магии и почитания магических предметов, отождествляя их с происками дьявольских сил.

У К. Ю. Вальгрена дьявол высказывается о скопце также крайне пренебрежительно: «Все ваши попытки с этим смехотворным кастратом ... вы ведь не думаете, что я к вам приехал благодаря скопцу?» [Вальгрэн, 2005, с. 36].

Пушкинский Дадон убивает звездочета, но потом и сам гибнет от клюва золотого петушка, то есть источником наказания служит волшебный помощник — магическое начало в сказке. Таким образом, царь был не просто наказан за неблагодарность, а с самого начала оказался в ловушке, подстроенной, видимо, бесовскими силами: не по своей воле он получил подарок, за который затем должен был предоставить вознаграждение, на которое по определению согласиться не мог. Аналогично и у К. Ю. Вальгрена источником наказания Рубашова служит предмет, являющийся итогом его договора с бесовскими силами. Разумеется, подобный ряд умозаключений не обязательно должен возникнуть у читателя, но упоминание таинственного скопца не случайно. Сама эта лексема, обозначающая мужскую несостоятельность, возникшую вследствие насильственных действий, ассоциируется с трагедией, слабостью, запретом, принципиально безвыходной ситуацией, а именно в такой ситуации Рубашов и оказывается.

Скопца, направившего Рубашова к дьяволу, зовут Илиодор — вариация греческого Хелиодорос — «дар солнца», то есть имя уже содержит намек на некий дар, который получает как сам Илиодор, так затем и Рубашов. По другой версии, это имя носил ветхозаветный сборщик податей, пожелавший ограбить Храм, за что был жестоко наказан, но прощен, когда раскаялся и принес жертвы Богу [Вторая Книга Маковейская, 1892, с. 1157—1158]. Также в финале будет прощен и Рубашов.

Существовала и чисто историческая параллель. Возможно, К. Ю. Вальгрэн намекал на известное историческое лицо — Сергея Труфанова (иерей Илиодора, расстриженного в 1912 году) — крайне правого деятеля авантюрного толка, одно время близкого к Г. Распутину, а затем ставшего его врагом [Фирсов, 2002, с. 417—418]. Илиодор привлекал на свои проповеди большое число людей, выступая против интеллигенции, местных властей, призывая к еврейским погромам, за что был отправлен в ссылку [Зырянов, 1984, с. 141]. После революции служил в ЧК, в 1922 году эмигрировал, попутно объявив себя патриархом в изгнании [Фирсов, 2002, с. 461—462, 465—466]. В 1917 году С. Труфанов написал книгу о Распутине под названием «Святой чорт» [Илиодор, 1917]. Этот оксюморон не мог не попасть в поле зрения Вальгрена, когда он писал об эпохе, в которой действовали исторические Г. Распутин и Илиодор.

Согласно творческому замыслу К. Ю. Вальгрена, встреча с Илиодором, просящим милостыню, показывает герою, что успех, достигнутый благодаря договору с дьяволом, — иллюзорен: «Его вдруг охватило отчаяние — по-

думалось, что все его счастье — не его, оно куплено в кредит, и скоро ему придется это счастье возвращать с процентами, скорее всего многократно превышающими размеры самого займа» [Вальгрен, 2005, с. 110].

Факт продажи Илиодором души дьяволу подтверждается как собственно его словами: «Душа моя принадлежит Ему» [Там же], так и наличием клейма на голове. В связи с этим уместно вспомнить средневековую традицию описания «служителей Зла» эпохи инквизиции: в случае обнаружения на теле «знаков дьявола», якобы подтверждающих факт заключения договора с нечистой силой, несчастных ждала неминуемая смерть [Орлов, 1992, с. 31].

Еще один признак одержимости дьяволом, упоминаемый еще средневековыми клириками, — невосприимчивость к боли [Орлов, 1992, с. 31—32]: Илиодор показывает Рубашову, что может резать себе руку и даже отрезать палец, ничего при этом не испытывая. Отсутствие чувствительности может иметь и прозаическое объяснение: это последствие того, что Илиодора изувечили в детстве, не случайно в роман введена страшная сцена кастрации мальчика, которую видит Рубашов.

Смерть Илиодора становится для героя своеобразным предостережением: тем, кто заключает договор с дьяволом, уготована одинаковая страшная судьба.

3.2. Маска дьявола в контексте карнавальной культуры

Основным средством репрезентации образа дьявола в романе является маска.

С одной стороны, сцена появления этой демонической фигуры оформлена К. Ю. Вальгренем в соответствии с каноном одноименного драматургического жанра, под которым понималось костюмированное представление, синтезирующее музыку, танцы, диалоги (в сцене встречи героя с дьяволом синтезируются пантомима, разыгрываемая новоприбывшим, диалоги между персонажами и карточная игра, также представляющая собою своеобразный спектакль, разыгранный силами Зла), на мифологический сюжет (образ повелителя преисподней так или иначе сопряжен с мифологией) аллегорического характера (комната Рубашова становится ареной сражения сил Добра и Зла), где наряду с профессиональными актерами участвовали и зрители [Мусвик, 2001, с. 509] (в функциональном плане Николай Рубашов является одновременно и зрителем, и актером-любителем). Маска была обычно приурочена к празднику, соответственно, и факт появления дьявола в доме Николая под гром шутих и фейерверков, доносящихся с улиц Петербурга, радующегося наступлению нового XX века, логично интерпретировать с позиций средневековой карнавальной культуры, описанной М. М. Бахтиным. Так, по законам средневекового празд-

ничного действия дьявол, приходящий в дом к Рубашову, функционально соответствует королю праздника [Бахтин, 1990, с. 220]. Как замечает сам новоприбывший, звуки города служат аккомпанементом его прибытию, а фейерверки заменяют раскаты грома. Появление дьявола в тексте сопряжено с традиционными фольклорными мотивами, знаменующими вторжение в мир реальности нечистой силы и производящими суггестивное воздействие: по лестничной площадке проносится ветер, огонь лампы колеблется при его появлении, его лицо трудно различить.

С другой стороны, дьявол скрывает свою истинную природу: существо, обладающее почти безграничной властью, для посещения Рубашова надевает маску слабости и бессилия, даже говорит о том, что не переносит вида крови. Это объясняется его трикстерской природой. Он шутит над Николаем, дразнит его, дает ему надежду, чтобы позднее ее лишит. Как замечает О. Ю. Осьмухина, маска — защитный механизм личности, утратившей цельность. Она становится способом осмысления собственного я, попыткой обрести себя заново [Осьмухина, 2008, с. 58; Осьмухина, 2000]. Дьявол К. Ю. Вальгрена — это Мефистофель XX века, не имеющий целостной личности: он «часть той силы», которая воплощается в местоимении «мы», не имеет постоянной формы, о чем он напрямую сообщает герою, все его слова — ложь, поэтому ничему из сказанного нельзя верить (что в конечном итоге и является целью дьявола — подорвать веру человека). Близость демонического образа К. Ю. Вальгрена и образа, созданного И. В. Гете, определяется общей мыслью о всеобщей относительности. Бес стремится запутать, окружает Николая суетой, чтобы максимально размыть границы между правдой и неправдой, реальностью и наваждением, Добром и Злом и в конечном итоге между собой и Богом. Но тем не менее повторяет мысль Мефистофеля о неизбежности гуманизма.

Дьявол — основной двигатель сюжета, он пишет сценарий жизни главного героя, поэтому весь роман — это изложение дьяволом содержания документов личного дела Рубашова, к которому он сам же и делает фотографии. По сути дела, поставленный повелителем преисподней эксперимент уподобляет его автору натуралистического романа, создающему свой текст согласно «постулатам биосоциальной эмпирики» [Альбрехт, 2021, с. 520].

Одна из масок дьявола в романе — образ делопроизводителя, скрупулезно выполняющего работу: «Мы обращаемся к читателю с почтительной просьбой — вести как можно более подробный дневник. Это, безусловно, облегчит нашу работу и позволит избежать ошибок и непродуманных решений» [Вальгрэн, 2005, с. 52]. Дело Рубашова — это его жизнь, помещенная «коллекционером» под стекло для изучения, подобно тому, как «изучали» своих героев Э. Золя, И. Тэн, А. Стриндберг, Г. де Мопассан и т. д.

По словам М. М. Бахтина, карнавальный король одновременно является и шутом, чей образ определяется гипертрофированным телесным началом [Бахтин, 1990, с. 220—225]. Следуя этой линии, К. Ю. Вальгрэн сопровождает дьявола запахом серы, при этом намеренно приводит целый ряд сравнений, говоря о том, что этот запах напоминает уксус, тухлое яйцо, угольную пыль, аммиак, скисшее молоко, сыр рокфор, избегая наименования его истинного соответствия. Поведение inferнального героя также носит сниженный, шутовской характер: он оказался слабым игроком, жаловался на шум с улицы, «...ворчал, хрюкал, а один раз даже начал сыпать проклятиями по поводу собственной очевидной ошибки» [Вальгрэн, 2005, с. 45] и т. д. Очевидно намерение писателя вовлечь читателя в игру с узнаванием: не называть своего героя прямо, но дать с помощью достаточно тривиальных приемов и характеристик понять, кто перед ним.

Впоследствии дьявол появляется перед героем в образе разных существ или предметов: черного кота, крысы, бутылочного стекла и т. д. Именно так, как существ с нестабильной внешностью, воспринимали бесов в культуре Средневековья. Здесь имеет место пример фольклорного мышления: конкретный внешний облик является выражением живущей в теле души, вследствие чего формируются ригидные ассоциативные модели: красивый = добрый, уродливый = злой. Поэтому множественность воплощений и, как следствие, хаотичность интерпретируются как проявления сверхъестественных демонических сил. Как раз по этой причине церковь в древней Руси, например, запрещала скоморохов: их суетливое поведение, пляски, бубны и маски (личины) прямо вызывали ассоциацию с «бесовским воинством» (скоморохи упоминаются в Лаврентьевской летописи в связи с попытками дьявола портить нравы людей и отваживать их от Бога; «скомрахи» наряду с азартными играми, игрою в шахматы и кости осуждаются в «Домострое», причем отмечается, что они творят то, что угодно дьяволу, и поют «песни бесовские») [Горский, 1985, с. 308—310]. В тексте Стоглава (церковный Стоглавый собор 1551 года) упоминается, что скоморохи ставятся вне закона, их можно отлавливать и подвергать любым наказаниям [Там же, с. 367—371].

3.3. Тотальная театрализация событий как часть авторского замысла

Любое превращение дьявола — не просто хаотичное лицедейство, но реализация заранее им же самим продуманного сценария. Подобно актеру античного театра или японского театра но, одетый в маску дьявол всегда играет строго закрепленную за ним роль, поэтому он всегда называется именами с семантикой зла: Федервиш Моргенштерн, где первое имя может означать метелочку из перьев для смахивания пыли с адского архива, со-

стоящего из множества дел (для учета человеческих душ), а второе — с немецкого переводится как «утренняя звезда» — планета Венера, которую древние римляне называли словом Люцифер («светоносная») [Коршунков, 2018, с. 100], ставшим со времен Средневековья именем дьявола [Люцифер ..., 1896, с. 270]; Малькус — по имени зороастрийского демона-разрушителя, героя эсхатологического мифа [Kianoosh, 2016] и т. д.

Яркая игровая деталь, формируемая фактом столкновения реального и фантастического, — «типографским способом напечатанный» [Вальгрэн, 2005, с. 42] договор — еще один элемент дьявольской театральной постановки. Сама процедура составления документа носит подчеркнуто заурядный бюрократический характер: присутствуют «отрывной талон» [Вальгрэн, 2005, с. 42], чернильница-непроливайка с обычными чернилами, и только по прошествии определенного времени главный герой выясняет, что этот, казалось бы, рядовой предмет нельзя уничтожить: он не горит в огне, не рвется и проч., то есть будничность документа оказывается мнимой, а Рубашов попадает в плен волшебного предмета.

Наибольшее сходство с театральным действием возникает, когда Николай теряет свою возлюбленную Марию Медею, которая растворяется в воздухе, оказываясь чистой иллюзией, фантомом — очередными происками дьявола. В связи с этим снова можно вспомнить трагедию И. В. Гете «Фауст»: Прекрасная Елена также исчезает, оставляя в руках главного героя только свою одежду.

В очередной раз демонстрируя раздробленность собственной личности, дьявол предстает перед читателем одновременно и как сценарист, и как актер, и как зритель собственного спектакля: «В двадцати метрах стоит еще один человек. На снимке он вышел нерезко, к тому же наполовину скрыт проезжающей машиной. Но лицо у него тоже страдальческое, по щекам текут слезы. Это гость Николая Дмитриевича, тот самый, мы узнаем его, хоть он и не в фокусе. В руке у него фотоаппарат» [Вальгрэн, 2005, с. 364]. Тем самым К. Ю. Вальгрэн создает впечатление бесконечного коридора, образованного из поставленных напротив друг друга зеркал, где в роли отражающего стекла выступает восприятие самого дьявола.

3.4. Мотив карточной игры: интертекстуальные связи

К. Ю. Вальгрэн гиперболизирует болезненные пристрастия своего протагониста, создавая образ настоящего лудомана, одержимого всеми видами игры одновременно: карты (в том числе — баккара), кости, шашки, бросание монет, спички, рулетка, тотализатор, скачки, кегельбан, собачьи бега, лотерея, петушинные бои, бильярд. Сам перечень настолько подробен и длинен, что в итоге создается совершенно фантастический образ, для реального мира принципиально невозможный. Николай впитывает грех за-

висимости полностью, пропускает его через себя, признаваясь в любви не только к процессу игры, но и ко всем игрокам одновременно.

Классическая литература знает массу примеров одержимых игрой героев, которые сталкиваются с проявлением демонического: аддикция толкает их на путь порока, тем самым делая души таких персонажей открытыми силам зла. Так, в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» (1834) Герман сначала увлеченно смотрит за карточными играми, а потом ценою жизни выбивает из старой графини тайну трех карт. В повести «Штосс» (1845) М. Ю. Лермонтова Лугин каждую ночь играет с призраком в карты за душу прекрасной незнакомки, чтобы в итоге проиграть все свое состояние. У О. де Бальзака в романе «Шагренева кожа» (1831) Рафаэля де Валантена на сделку по продаже души также толкает карточный долг (Роман «Личное дело игрока Рубашова» имеет несколько важных перекличек с романом О. де Бальзака: оба героя — заядлые игроки, которые сталкиваются с проявлением дьявольской силы в том момент, когда пытаются покончить с собой; жизнь каждого из них связана с нерасторжимым контрактом; ночной гость Николая Рубашова приносит с собой портфель из телячьей кожи, кусок кожи определяет и судьбу героя О. де Бальзака).

На кон К. Ю. Вальгрэн ставит душу героя: дьявол спрашивает, что Рубашов хочет получить в случае выигрыша, но для Рубашова его противник — сам главный игрок, воплощение всех игроков, которых он встречал в жизни, поэтому смысл — в самой игре, в желании «щекотания нервов» [Вальгрэн, 2005, с. 38]. В определенном смысле отсутствие корысти у Рубашова — это также отсылка к русской классической литературе XIX века, герои которой обычно решаются на роковой шаг не из желания разбогатеть (исключение составляет, как представляется, только Герман из «Пиковой дамы», но ведь не случайно А. С. Пушкин подчеркивает, что он «немец»). Так, Петро у Н. В. Гоголя из повести «Вечер накануне Ивана Купала» (1830) отправляется за роковым кладом не из-за золота, а из желания получить разрешение на брак с дочерью зажиточного казака, в которую он беззаветно влюблен. Аналогично в «Преступлении и наказании» (1866) Ф. М. Достоевского Раскольников убивает старуху-процентщицу в первую очередь не потому, что ему нужны деньги, а потому, что желает проверить себя: «тварь ли я дрожащая или право имею» [Достоевский, 1975, с. 435]. Рубашов также хочет проверить себя, испытать судьбу. Таким образом, и в этой мотивации можно усмотреть намек на психологическую подоплеку романа Ф. М. Достоевского.

3.4. Путь протагониста в контексте дьявольского испытания

Мотив сделки с дьяволом сопряжен с мотивом судьбы, рока, поэтому представляется вполне логичным, что у К. Ю. Вальгрэна кучером са-

таны служит сама смерть. Создавая образ в духе фольклорной традиции, К. Ю. Вальгрэн уподобляет смерти сон: Николаю кажется, что дьявол чрезмерно грубо расталкивает своего задремавшего возницу. Но его сон — сон мертвеца, и понять это читатель должен только по одной сугубо реалистичной детали: «изо рта его, несмотря на трескучий мороз, не вырывалось даже легкого облачка пара» [Вальгрэн, 2005, с. 35] Примечательно, что первоначально Рубашов хотел пригласить кучера в дом, чтобы тот не замерз, но дьявол предостерегает от проявления подобной заботы: «Мой старый слуга служит нашей семье столько лет, что никто и не упомянет, когда он появился... а мороз он, поверьте, никак не замечает... Не советую, — вдруг сказал он, и Надя опять поняла, что он и в самом деле читает ее мысли, — не советую приглашать его погреться. Это было бы легкомысленно» [Вальгрэн, 2005, с. 549]. Здесь снова в тексте активизируется фольклорно-мифологическое мышление: демонические силы не могут войти в дом без приглашения и причинить его обитателям вред. (В связи с этим можно вспомнить эпизод из повести «Семья вурдалака» (1839) А. К. Толстого: ночью превратившийся в вампира старик просит внука открыть окно и выпустить его в дом, обещая подарок, а потом нападает на ничего не подозревающего ребенка). Таким образом, пригласить смерть в свой дом означает умереть, но Рубашов как раз и будет лишен этой привилегии.

Проиграв в карты, Николай теряет власть над собственной жизнью и смертью. По ироничному замечанию дьявола, в аду нет больше мест, поэтому Рубашов наказан бессмертием, он повторяет судьбу легендарного Агасфера. С одной стороны, это испытание временем: у Рубашова появляется бесконечная возможность вновь и вновь проявлять себя как активного деятеля, но, с другой стороны, над ним тяготее рок — он приносит близким несчастья. Николай спасает девочку в гетто Варшавы и мальчика на Балканах лишь затем, чтобы стать свидетелем их гибели. Эти трагедии — часть спектакля, разыгранного дьяволом: протагонисту кажется, что он кого-то спасает (то есть совершает добро), но оказывается бессилем предотвратить зло и даже сам невольно оказывается исполнителем, причиной зла.

4. Заключение = Conclusions

На первый взгляд создается впечатление, что дьявол выигрывает битву за душу Николая: герой теряет семью, спасенных им людей, теряет вновь обретенную после долгих лет любовь. В конце концов он почти утрачивает человеческий облик, но, по словам самого дьявола, он сохраняет самое главное — сострадание и доброту. Финал романа гуманистичен: дьявол идет навстречу своему герою: жалея его, он дает ему возможность обогреть его в карты и умереть, обретя вечный покой.

«Личное дело игрока Рубашова» — это пример обзорного романа о XX веке: чтобы избежать описания семейной хроники на примере жизни нескольких поколений, писатель наделяет главного героя бессмертием, показывая неумолимый ход времени. Создавая гротескный текст о дьяволе, К. Ю. Вальгрэн использует приемы интермедиальности, обогащая и без того обширный слой интертекста. Чаще всего писатель обращается к театральным приемам, синтезируя высокий жанр — трагедию (судьба Николая Рубашова) и низкий — комедию (образ дьявола и разыгранный им спектакль). Дьявол К. Ю. Вальгрэна — болтливый лицедей, постоянно меняющий тему разговора, толкающий героя на путь зла. Таким образом, сама речь антагониста становится катализатором фабулы в стилистике XIX века и одновременно удобным инструментом для игры с различными жанрами в контексте постмодернизма уже XX века. Поэтому мы можем рассматривать «Личное дело игрока Рубашова» еще и как образец метапрозы, где мотив сделки с дьяволом запускает процесс саморазвертывания и саморефлексии текста. Подобный подход позволяет наметить дальнейшие перспективы исследования, заключающиеся в возможности проанализировать, с одной стороны, особенности жанрового синтеза, свойственного этому тексту и, с другой стороны, изучить в подобном ключе типологические переключки с другими романами К. Ю. Вальгрэна через призму практики интертекстуальности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Вальгрэн К.-Й.* Личное дело игрока Рубашова : роман / К. Й. Вальгрэн. — Москва : Олма-Пресс, 2005. — 570 с. — ISBN 5-224-04831-1.
2. *Вторая Книга Маковейская*, гл. III, стих 24 // Библия или Книги Священного писания Ветхого и Нового завета в русском переводе с параллельные местами. — Изд. 2-е. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1892. — С. 1157—1158.
3. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Худож. лит.-ра, 1975. — 560 с.
4. *Люцифер* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Санкт-Петербург : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1896. — Т. 18. — С. 270.
5. *Мусвик В. А.* Маска / В. А. Мусвик // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. — Москва : Интелвак, 2001. — С. 509—511.
6. *Пушкин А. С.* Сказки Пушкина. Живопись Палеха / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : Изд-во ТД «Медный всадник», 2021. — 152 с. — ISBN 978-5-93893-866-3.
7. *Kianoosh R. Malkūs* // Encyclopædia Iranica [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.iranicaonline.org/articles/malkus-demon> (accessed 26.01.2025).

Литература

1. *Александрова И. В.* Диалог с готической традицией в прозе М. Н. Загоскина. Статья 2. Цикл «Вечер на Хопре» / И. В. Александрова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2019. — № 1. — С. 42—59.

2. *Альбрехт О. В.* Позитивизм в зеркале карнавала : раблезианский хронотоп в творчестве Э. Золя / О. В. Альбрехт // Вестник РУДН. Серия : Литературоведение, журналистика. — 2021. — № 3. — С. 519—528. — DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-519-528 УДК 821.161.1.

3. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе : Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.

4. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — 2-е изд — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с.

5. *Горский А. Д.* Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. / А. Д. Горский, О. И. Чистяков. — Москва : Юридическая литература, 1985. — Т. 2. — 526 с.

6. *Данилкова Ю. Ю.* «Космополит всей душой» : об одном источнике образа черта в романе Т. Манна «Доктор Фаустус» / Ю. Ю. Данилкова // Новый филологический вестник. — 2022. — № 1 (60). — С. 276—286. — DOI: 10.54770/20729316-2022-1-276.

7. *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией / П. Н. Зырянов. — Москва : Наука, 1984. — 226 с.

8. *Илиодор*, бывш. иер. (Сергей Труфанов). Святой чорт : (Записки о Распутине) / Илиодор. — Санкт-Петербург : Тип. Т-ва Рябушинских, 1917. — 187 с.

9. *Ильченко Н. М.* «Влюбленный дьявол» Ж. Казота и «Стихийный дух» Э. Т. А. Гофман : символическая и психологическая трактовка мотива искушения / Н. М. Ильченко, Ю. А. Маринина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 298—312. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-298-312.

10. *Кобленкова Д. В.* О некоторых формах и приемах вторичной условности в шведской литературе и критике / Д. В. Кобленкова // Скандинавские чтения. — 2014. — С. 574—581.

11. *Кобленкова Д. В.* «Тератологический» роман К. Ю. Вальгрена «Ясновидец» в эпоху (пост)постмодернизма / Д. В. Кобленкова // Новый филологический вестник. — 2015. — № 2 (33). — С. 148—155.

12. *Коршунков В.* Греколатиника : отражения классики / В. Коршунков. — Москва : НЕОЛИТ, 2018. — 528 с. — ISBN 978-5-6044697-7-4.

13. *Орлов М. А.* История сношения человека с дьяволом / М. А. Орлов. — Москва : Республика, 1992. — 352 с.

14. *Осьмухина О. Ю.* Маска в культурно-художественном сознании Российского Зарубежья 1920 — 1930-х годов (на материале творчества В. В. Набокова) : диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01 / О. Ю. Осьмухина. — Саранск, 2000. — 220 с.

15. *Осьмухина О. Ю.* Маска как средство авторского самопознания: к постановке проблемы / О. Ю. Осьмухина // Альманах современной науки и образования. — 2008. — № 2 (9). — С. 157—159.

16. Пахсарьян Н. Т. Творчество Жака Казота в современном освещении / Н. Т. Пахсарьян // *Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе*. — Москва : МГОУ 2016. — С. 31—40.

17. Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1980-х — 1918 г.) / С. Л. Фирсов. — Москва : ППП «Типография Наука», 2002. — 624 с. — ISBN 978-5-94270-015-X.

18. *Żmuda-Trzebiatowska M.* I Det vi kallar landet Sverige — Från dräpande samtids-satir till nostalgisk dröm och mycket annat. Bilden av Sverige I Carl-Johan Vallgrens Vi-sor / M. Żmuda-Trzebiatowska // *Folia Scandinavica*. — POZNAN. — 2006. — Vol. 9. — Pp. 221—238.

19. Rogeman A. En helt egen författarprofil [Electronic resource] // *Svenska Dagbladet*. 2002.06.25. — Access mode : <https://www.svd.se/a/5e200319-0bc0-3bd0-a94a-6ae48fd882e5/en-helt-egen-forfattarprofil> (accessed 26.01.2025).

20 Steinsaphir M. Carl-Johan Vallgren : «Jag ar svag for djavulen» / M. Steinsaphir // *Femina*. — 1996.11.11. — Ss. 124—126.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025,
одобрена после рецензирования 27.04.2025,
подготовлена к публикации 21.05.2025.

Material resources

Dostoevsky, F. M. (1975). *Crime and punishment*. Leningrad: Artist. lit-ra. 560 p. (In Russ.).
Kianoosh, R. Malkūs. *Encyclopaedia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/malkus-demon> (accessed 26.01.2025).

Lucifer. (1896). In: *Encyclopedia of Brockhaus and Efron, 18*. Saint Petersburg: I. A. Efron's Typograph. P. 270. (In Russ.).

Musvik, V. A. (2001). Mask. In: *Literary Encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: Intelvak Publ. 509—511. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (2021). *Pushkin's Fairy Tales. Palekh's painting*. Saint Petersburg: Publishing house of TD “The Bronze Horseman”. 152 p. ISBN 978-5-93893-866-3. (In Russ.).

The Second Book of Maccabees, chapter III, verse 24. (1892). In: *The Bible or the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments in Russian translation with parallel passages. 2nd ed.* Saint Petersburg: Synodal Printing House. 1157—1158. (In Russ.).

Wahlgren, K. J. (2005). *Personal file of the player Rubashov: roman*. Moscow: Olma Press. 570 p. ISBN 5-224-04831-1. (In Russ.).

References

Albrecht, O. V. (2021). Positivism in the carnival mirror: the Rabelaisian chronotope in the work of E. Zola. *Bulletin of the RUDN University. Series: Literary studies, journalism, 3*: 519—528. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-519-528 UDC 821.161.1. (In Russ.).

Alexandrova, I. V. (2019). Dialogue with the Gothic tradition in the prose of M. N. Zagoskin. Article 2. the cycle “Evening at Khopra”. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences, 1*: 42—59. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel: Essays on historical poetics. In: *Questions of literature and aesthetics*. Moscow: Fiction. 234—407. (In Russ.).

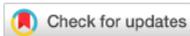

- Bakhtin, M. M. (1990). *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Fiction. 543 p. (In Russ.).
- Danilkova, Yu. Y. (2022). “Cosmopolitan with all my soul”: about one source of the image of the devil in T. Mann’s novel “Doctor Faustus”. *New Philological Bulletin*, 1 (60): 276—286. DOI: 10.54770/20729316-2022-1-276. (In Russ.).
- Firsov, S. L. (2002). *The Russian Church on the eve of change (late 1980s — 1918)*. Moscow: SPE “Tipografiya Nauka”. 624 p. ISBN 978-5-94270-015-X. (In Russ.).
- Gorsky, A. D. (1985). *Russian legislation of the X—XX centuries: in 9 volumes, 2*. Moscow: Yuridicheskaya literature. 526 p. (In Russ.).
- Ilchenko, N. M., Marinina, Yu. A. (2023). “Devil in Love” by J. Cazotte and “Elemental Spirit” by E. T. A. Hoffmann: Symbolic and Psychological Interpretation of Motive of Temptation. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 298—312. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-298-312. (In Russ.)
- Iliodor. (1917). *Former Hierarch (Sergey Trufanov). the Holy Devil: (Notes on Rasputin)*. Saint Petersburg: Ryabushinskikh Publishing House. 187 p. (In Russ.).
- Koblenkova, D. V. (2014). On some forms and techniques of secondary convention in Swedish literature and criticism. *Scandinavian readings*. 574—581. (In Russ.).
- Koblenkova, D. V. (2015). K. Y. Walgren’s “Teratological” novel “The Clairvoyant” in the Post eraPostmodernism. *New Philological Bulletin*, 2 (33): 148—155. (In Russ.).
- Korshunkov, V. (2018). *Greek Latin: reflections of the classics*. Moscow: NEOLITH. 528 p. ISBN 978-5-6044697-7-4. (In Russ.).
- Orlov, M. A. (1992). *The history of human intercourse with the devil*. Moscow: Republika Publ. 352 p. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y. (2000). *The mask in the cultural and artistic consciousness of the Russian Abroad of the 1920s — 1930s (based on the work of V. V. Nabokov)*. PhD Diss. Saransk. 220 p. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y. (2008). Mask as a means of author’s self-knowledge: towards a problem statement. *Almanac of Modern Science and Education*, 2 (9): 157-159. (In Russ.).
- Pakhsaryan, N. T. (2016). The work of Jacques Cazotte in modern lighting. In: *Artistic understanding of reality in foreign literature*. Moscow: Moscow State University. 31—40. (In Russ.).
- Rogeman, A. (2002). En helt egen författarprofil. *Svenska Dagbladet*. Available at: <https://www.svd.se/a/5e200319-0bc0-3bd0-a94a-6ae48fd882e5/en-helt-egen-forfattarprofil> (accessed 26.01.2025). (In Germ.).
- Steinsaphir, M. (1996). Carl-Johan Vallgren: «Jag ar svag for djavulen». *Femina*. 124—126. (In Germ.).
- Żmuda-Trzebiatowska, M. I. (2006). Det vi kallar landet Sverige — Från dräpande samtidsatir till nostalgisk dröm och mycket annat. Bilden av Sverige I Carl-Johan Vallgrens Visor. *Folia Scandinavica. POZNAN*, 9: 221—238. (In Germ.).
- Zyryanov, P. N. (1984). *The Orthodox Church in the struggle against revolution*. Moscow: Nauka Publ. 226 p. (In Russ.).

*The article was submitted 30.01.2025;
approved after reviewing 27.04.2025;
accepted for publication 21.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шастина Е. М. Нарративная стратегия провокации в романах Клеменса Й. Зетца / Е. М. Шастина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 349—366. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-349-366.

Shastina, E. M. (2025). Narrative Strategy of Provocation in Novels of Clemens Setz. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 349-366. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-349-366. (In Russ.).

Clarivate

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIHPLUS

НАУЧНАЯ УНИВЕРСИТАЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

LIBRARY.RU

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Нарративная стратегия провокации в романах Клеменса Й. Зетца

Шастина Елена Михайловна
orcid.org/0000-0001-9551-5469
Scopus Author ID: 55934731600
доктор филологических наук,
профессор
кафедры немецкой филологии
shastina@rambler.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
(Елабужский институт)
(Елабуга, Россия)

Narrative Strategy of Provocation in Novels of Clemens Setz

Elena M. Shastina
orcid.org/0000-0001-9551-5469
Scopus Author ID: 55934731600
Doctor of Philology, Professor,
Department of German Philology
shastina@rambler.ru

Kazan (Volga region)
Federal University
(Elabuga Institute)
(Elabuga, Russia)

© Шастина Е. М., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется творчество современного австрийского писателя Клеменса Й. Зетца (род. 1982). Выполнен обзор наиболее значимых романов автора, опубликованных в период с 2007 по 2023 год. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления феномена «австрийская литература» начала XXI века. Выявлено, что, с одной стороны, Зетц продолжает традиции австрийской литературы второй половины XX века, с другой стороны, экспериментирует с повествовательной организацией текста, использует различные нарративные стратегии. К исследованию привлекается понятие нарративной провокации как аспекта нарративной стратегии. Особое внимание уделяется авторскому стилю Зетца, своеобразию организации нарратива. Доказано, что нарративная провокация определяет авторскую интенцию, «организует» коммуникацию повествователя с читателем, кроме того, позволяет выявить особенности поэтики романного творчества Зетца. Новизна исследования заключена в том, что до сих пор творчество Зетца не являлось объектом изучения в российском литературоведении. Методологической основой работы являются исследования зарубежных и отечественных ученых, касающихся австрийской литературы, а также природы нарративной стратегии, включающей в себя нарративную картину мира, нарративную модальность и нарративную интригу (В. И. Тюпа).

Ключевые слова:

Клеменс Й. Зетц; австрийская литература; нарративная стратегия; провокация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the works of contemporary Austrian author Clemens J. Setz (b. 1982). It provides a comprehensive overview of the most significant novels published by the author from 2007 to 2023. The relevance of this research is underscored by the necessity to conceptualize the phenomenon of “Austrian literature” in the early 21st century. It is revealed that, on one hand, Setz continues the traditions of Austrian literature from the second half of the 20th century, while on the other hand, he experiments with narrative organization, employing various narrative strategies. The concept of narrative provocation is introduced as a facet of narrative strategy. Special attention is given to Setz's distinctive authorial style and the unique organization of his narratives. It is demonstrated that narrative provocation shapes the author's intentions, “organizes” the communication between the narrator and the reader, and reveals the peculiarities of Setz's novelistic poetics. The novelty of this research lies in the fact that Setz's oeuvre has not yet been a subject of study in Russian literary scholarship. The methodological foundation of this work is based on studies by both foreign and domestic scholars concerning Austrian literature, as well as the nature of narrative strategy, which encompasses narrative worldview, narrative modality, and narrative intrigue (V. I. Tyupa).

Key words:

Clemens J. Setz; Austrian literature; narrative strategy; narrative provocation.

Нарративная стратегия провокации в романах Клеменса Й Зетца

© Шастина Е. М., 2025

1. Введение = Introduction

Австрийский писатель, поэт, драматург и переводчик Клеменс Йоганнес Зетц (Clemens Johannes Setz, род. 1982) — заметная фигура в австрийской литературе первой половины XXI века, о чем свидетельствуют его многочисленные награды (2008 — Literaturförderungspreis der Stadt Graz, 2011 — Preis der Leipziger Buchmesse, 2015 — Wilhelm Raabe-Literaturpreis, 2019 — Berliner Literaturpreis, 2020 — Jakob-Wassermann-Literaturpreis, 2020 — Kleist-Preis, 2024 — Poeta Laureatus des Literaricum Lech и др.). В 2021 году молодой автор был удостоен самой престижной литературной премии Германии — премии Георга Бюхнера (Georg-Büchner-Preis). Неоднократно произведения Зетца входили в лонг- и шорт-листы Немецкой и Австрийской книжных премий. В 2023 году роман «Луны перед посадкой» («Monde vor der Landung») вошел в лонг-лист Немецкой книжной премии, в этом же году произведение было отмечено Австрийской книжной премией в качестве лучшего романа года.

Зетц начинал изучать германистику и математику в университете города Граца. Первые публикации — преимущественно стихи и короткие рассказы — появились, когда писателю было чуть больше двадцати лет. В российском литературоведении ранее не предпринималось попыток рассмотрения творчества Зетца с позиций нарратологии, что указывает на новизну настоящего исследования. В настоящий момент лишь один сборник рассказов «Отрада округлых вещей» («Der Trost runder Dinge») [Setz, 2019] переведен на русский язык. Сам факт, что книга на русском языке [Зетц, 2020] вышла в серии «Австрийская библиотека в Санкт-Петербурге» практически синхронно с оригиналом, подчеркивает значимость автора.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью осмысления своеобразия австрийской литературы первой половины XXI века, в которой, с одной стороны, прослеживается преемственность традиций австрийской литературы XX века, с другой стороны, писатели на исходе века экспери-

ментируют как на уровне формы, так и на уровне содержания, о чем отмечалось ранее, в частности, при изучении романного творчества Н. Гштрайна и Р. Эдельбауэр (см.: [Шастина и др., 2022; Шастина и др., 2024]), тем самым не позволяя литературе Австрии «раствориться в “глобалистской” всеядности и безликости художественной моды» [Белобратов, 2010, с. 540].

Произведения Зетца занимают важное место в поэтическом пространстве австрийской словесности, автор в числе «новых рассказывающих» вступает в сложную интертекстуальную игру, провоцирует читателя непредсказуемостью сюжета, многослойностью нарратива. Однако не все критики и рецензенты единодушны в оценке провокационной прозы Зетца, автора критикуют за эпатаж, за тяготение к маргинальным героям, за погружение в неприглядные стороны жизни, за многочисленные эпизоды с насилием и т. д., что, естественно, вызывает у читателя состояние шока и «трепетного» страха (Schock und Awe) [Oberreither, 2020].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, с одной стороны, ввести в научный оборот российского литературоведения творчество современного писателя Австрии — Клеменса Й. Зетца — и, с другой стороны, проследить влияние нарративной стратегии провокации на своеобразие организации нарратива и на рецепцию его произведений.

Предметом исследования является специфика нарративной провокации как одного из аспектов нарративной стратегии, реализующейся в жанре романа. Зетц не столько увлекает читателя сюжетом, сколько привлекает внимание к самому повествованию, а именно — способу изображения реальности, создает свои сугубо специфические художественные миры, меняя от романа к роману стиль повествования, реализуя своеобразную «программу литературной инновации» (*ein Programm der literarischen Innovation*) [Kastgerber, 2023], при этом он продолжает традиции литературных предшественников, например, немецких романтиков («Indigo») или Дж. Джойса («Die Stunde zwischen Frau und Gitarre»), помещает своих героев в австрийский топос, чаще всего в город Грац. Из австрийского наследия ему ближе всего представители австрийского модерна — от Элиаса Канетти до Томаса Бернхардта [Kämmerlings, 2007]. В его произведениях — романах и рассказах — соседствуют пугающая реальность и фантазмагория, в которой есть место для говорящих животных и фантастических существ, мир обывателя неожиданно причудлив и изменчив, абсурдность происходящего свидетельствует о многослойности нарратива, отсылающего к произведениям Борхеса и Кафки.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили произведения К. Зетца, опубликованные в период с 2007 по 2023 годы, в первую очередь романы

и рассказы. За рамками данного исследования остались пьесы и поэзия автора.

Проза Зетца анализируется с позиций нарратологии, что позволяет выявить ряд специфических нарративных стратегий, используемых автором. Повествование строится на том, что самое невероятное может претендовать на фактографическую достоверность и подлинность событий, что, в свою очередь, провоцирует читателей на самые разные реакции. Очевидно, что автор создает свой рассказ и своего рассказчика, исходя из авторской интенции, то есть представляет созданный им мир и структурно, и на уровне нарративной инстанции. Его нарративная картина мира, запутанная и неоднозначная, определяет природу событийности в смоделированном им повествуемом мире.

Теоретической базой исследования явились труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные теории повествования [Бахтин, 1975; Женетт, 1998; Тюпа, 2011, 2018; Шмид, 2008 и др.], из которых следует, что понятие «нарративная стратегия» продуктивно использовать в качестве отправной категории, учитывающей нарративную картину мира, нарративную модальность и нарративную интригу [Тюпа, 2011, с. 8—9], а «событие рассказа» и «события рассказывания» [Бахтин, 1975, с. 403—404] рассматривать как реализацию авторского замысла в организации нарративной инстанции. Кроме этого, автор статьи обращался к исследованиям, посвященным австрийской литературе в целом и творчеству Зетца в частности [Барова и др., 2024; Белобратов, 2010; Bombitz, 2017; Kastgerber, 2023; Kämmerlings, 2007; Kupczyńska, 2017; Neuhuber, 2021; Oberreither, 2020; Österreichische Literatur ..., 2018; Pottbeckers, 2017; Reidy, 2013; Trajektorien ..., 2023; Zwischen Einflussangst ..., 2017 и др.].

Культурно-исторический метод в сочетании с нарративным анализом текста выступает методологической основой исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Творчество Зетца активно обсуждается в Германии и Австрии, в последнее десятилетие он стал одним из «любимчиков» литературных критиков, «благодарным объектом для исследования» (*dankbares Untersuchungsobjekt*) [Neuhuber, 2021, S. 179]. Каждое произведение, вышедшее из-под пера писателя, попадает в поле зрения литературоведов. Естественно, что в первую очередь обращает на себя внимание стиль писателя, «играющего» со смыслами и нарративными стратегиями. Нарративная картина мира, «определяющая природу событийности в повествуемом мире» [Тюпа, 2018, с. 20], с трудом поддается у Зетца унификации, роль нарратора меняется от произведения к произведению, автор и рассказчик нередко пере-

секаются, подменяют друг друга, что, естественно, осложняет их идентификацию читателем.

Работая в стиле автофикшен, Зетц объединяет элементы (авто)биографии с художественным вымыслом. Он смело экспериментирует с собственным жизнеописанием: так, в псевдо-интервью — разговоре без автора (*Bot. Gespräch ohne Autor*) [Setz, 2018] — Зетц предлагает свой дневник-бот в качестве «резервуара мыслей», некто «просеивает» информацию, комбинирует и использует ее в ответах интервьюеру, Зетц показывает возможности искусственного интеллекта и одновременно подвергает сомнению авторство как акт творчества.

Можно также сказать, что в прозе Зетца задействован весь инструментарий постмодернистской культурной парадигмы — от интертекстуальности и метафикции, когда в повествование включен сам процесс повествования, и самореферентности, от нелинейности выстраивания сюжета, скепсиса и иронии до элементов магического реализма. Вопрос лишь в том, в какой пропорции перечисленные атрибуты вплетены автором в романное полотно.

Краткий обзор произведений Зетца позволит, на наш взгляд, лучше представить авторскую манеру писателя, в которой провокации как аспекту нарративной стратегии отводится одна из главных ролей.

3.1. Проблема поколений в романе «Сыновья и планеты»

На сегодняшний день Зетц является автором пяти романов, в которых проявилось незаурядное мастерство автора-повествователя.

Роман «Сыновья и планеты» («Söhne und Planeten») [Setz, 2007] позволил заговорить о Зетце как об авторе «пугающе умной книги — одном из лучших дебютных романов года» (*Setz hat mit diesem beinahe beängstigend klugen Buch eines der besten Debüts des Jahres geschrieben*) [Kämmerlings, 2007] (в 2008 году роман был отмечен премией Эрнста Вильнера (*Ernst-Willner-Preis*)).

Уже в этом романе Зетц использует свой излюбленный прием, ставший впоследствии характерной чертой авторского почерка, — обращение к мировой литературе и, как следствие, расширение контекста до экзистенциальных проблем. В данном романе аллюзии на рассказы А. П. Чехова «Человек в футляре» (1898) и Ф. Кафки «Исследования одной собаки» (1922) очевидны, поскольку в тексте присутствуют прямые отсылки к этим произведениям, кроме того, в романе приводятся достаточно длинные пассажи из книги Д. Дефо «Дневник чумного года» (1722), все это делает текст Зетца полифоническим, при этом обращает на себя внимание характер наррации, при которой реальность и многочисленные фикциональные моменты настолько трудно отделимы друг от друга, что не представляется

возможным придерживаться только одной версии прочтения романа. Как известно, многообразие возможных интерпретаций текста также относится в литературе постмодернизма.

Роман свидетельствует о непростых отношениях между поколениями отцов и сыновей, которые сравниваются с межпланетными процессами, они могут быть объяснены научно, но терпят фиаско в реальной жизни — отцы остаются сыновьями, сыновья «прорастают» в отцах, что нередко приводит к столкновениям и т. д.

У одного из героев книги — писателя Рене Темпла (Rene Templ) — есть свой духовный отец и наставник — философ Карл Сеннегер (Karl Senneger), при этом он сам не способен выполнять роль отца по отношению к собственному сыну. У Карла Сеннегера тоже своя печальная история отцовства: его сын Виктор (Victor) после ссоры с ним покончил жизнь самоубийством. Отец становится редактором литературного наследия сына и обращается за помощью к Темплу, тот, в свою очередь, берется склеить в роман разрозненные повествовательные линии. История странная и запутанная, помимо главных героев в сюжет вплетены истории других персонажей, но при этом «события рассказа» и «события рассказывания», несомненно, увлекают читателя совершенно нетривиальным взглядом на проблему взаимоотношения поколений. Виктор — один из главных персонажей, вокруг которого, подобно планетам, располагаются герои романа — отцы и сыновья, их семейные истории, взаимоотношения мужчин и женщин выступают вторым планом.

В последней части романа Зетц включает в историю, написанную Виктором, Я-нарратора, рассказывающего о своей любви к женщине, чей сын восстает против нового избранника матери. Выясняется, что незадолго до смерти Виктор планирует дописать незаконченный рассказ Ф. Кафки «Нора» («Der Bau», 1931), который Кафка написал за полгода до смерти. Таким образом, история взаимоотношений Кафки с отцом, которая не может в контексте этого романа быть проигнорирована читателем, становится своеобразным палимпсестом, который «покрывается» новыми текстами.

Текст романа характеризуется сменой перспективы повествования, избытием конфликтных ситуаций, не совсем явно, кто в конечном итоге выступает в роли нарратора — Темпл или Виктор, повествование идет от первого лица, однако присутствие автора также неоднозначно. Создается впечатление, что вездесущий автор вступает в некое противоречие с процессом создания текста.

3.2. «Семейный роман» К. Зетца

Роман «Die Frequenzen» [Setz, 2009] (заглавие может быть переведено как «Частоты» или «Повторения») назван одним из критиков *романом по-*

коления (*Generationenroman*) [Reidy, 2013, S. 263]. Нарратив Зетца характеризуется так называемым «повторяющимся повествованием» (*repetitive Erzählung*) [Genette, 2010, S. 73]. Сцена нападения на героиню романа (подобно ряду других эпизодов) показана с различных ракурсов: глазами ее собаки, со слов мужчины и мальчика, заснявшего событие на свой мобильный телефон. Данный прием используется в романе неоднократно, чаще всего повторяются небольшие эпизоды, делается это мимолетно лишь для того, чтобы «проследить пересекающиеся пути персонажей или поместить их в одно и то же повествовательное время» [Kurczyńska, 2017]. В начале романа речь идет о «машине Руба Голдберга» (названа по имени американского изобретателя и карикатуриста) — механизме, который выполняет какое-либо простое действие при помощи очень сложного алгоритма — цепочки последовательных взаимодействий. Один из героев переносит принцип работы этого, по сути, бесполезного механизма на реальные события: «В большинстве случаев все начинается вполне безобидно» (*Meist beginnt es ganz harmlos*) [Setz, 2009, S. 146], а что будет потом — не знает никто, поэтому не удивительно, что в конце романа читатель узнает о «молодом, серьезном человеке в очках» (можно предположить, что это сам автор — Клеменс Зетц), который написал книгу о вечной проблеме отцов и сыновей, имя этого писателя начинается с S (начальной буквы фамилии писателя — Setz), и он «увекочил себя в нескольких местах романа. Что он хотел этим выразить, неизвестно» [Setz, 2009, S. 695]. А что хотел сказать этим австрийский писатель Зетц? Может быть, представить, что некий вымышленный автор при желании может заменить настоящего?

Это история о двух молодых людях: Вальтере (Walter Zmal), сыне знаменитого архитектора, мечтающего об актерской карьере, и Александре (Alexander Kerfuchs) — санитаре в доме престарелых, которые знают друг друга с детства. Встретившись спустя годы, молодые люди рассказывают друг другу о своей жизни. В данном произведении автор продолжает тему отцов и сыновей. В жизни Вальтера отец играет важную роль: настаивает на выборе профессии для своего сына. У Александра нет такой опоры, его отец ушел из семьи. В настоящий момент их объединяет психотерапевт Валери (Valerie). Александр знакомится с ней на работе и планирует выстроить личные отношения. У Вальтера иные задачи: он взял на себя обязанность участвовать в играх, которые она проводит со своими пациентами, тем самым, как ему кажется, он пробует себя в будущей профессии, не заметив, что перешел грань дозволенного. Развязка истории взаимоотношений трагична: Валери жестоко избивают, наступает неразрешимый хаос, который меняет жизненный уклад молодых людей, меняется само повествование.

В поле зрения читателя попадают непростые семейные отношения. Место действия — город Грац — предстает в мрачных тонах как пространство агрессии и уныния. В повествовании нарушена хронология, доминирует нелинейное повествование, многие сюжетные линии обрываются, не получив логического завершения. В целом, кажущееся отсутствие логики провоцирует читателя на активное участие в осмыслении события рассказывания. Зетц мастерски владеет словом, при этом он «лишает» своих персонажей голоса. Например, показательный диалог между Александром и его девушкой повествует о том, что герой что-то сказал неправильно, но возникший конфликт не разрешается, повествователь не раскрывает читателю, что именно было сказано. Недосказанность протагониста и нарратора остается с читателем.

В большей степени, чем в предыдущем романе, автор обращается к автофикциональному нарративу. Александр, как и Клеменс Зетц, обладает «цветным слухом», музыкальные звуки порождают у него цветовые ассоциации. Такая способность дает возможность соединять повседневные наблюдения с сюрреалистическими параллельными мирами, что находит выражение в слове, когда «стратегическое позиционирование нарратора определяется нарративной модальностью его речевого поведения» [Тюпа, 2011, с. 13].

На первый взгляд, проблемы, связанные с осознанием самого себя в контексте современной жизни и памятью поколений, при всей глубине постановки вопроса решаются поверхностно в духе комиксов, однако за внешней незамысловатостью скрыто главное противоречие между внутренним и внешним миром, экзистенциальными проблемами и культурой развлечений современного человека.

3.3. Метафикциональность как провокация

По-настоящему известность пришла к Зетцу с романом «Индиго» («Indigo») [Setz, 2012], в котором описываются события в школе-интернате для детей, страдающих синдромом индиго, которые странным образом влияют на окружающих, вызывая у них физическое недомогание и дискомфорт. Один из действующих лиц романа, чье имя совпадает с именем автора и частично с его характером и биографией (Зетц также, как его однофамилец — герой романа, работал некоторое время учителем математики), преподает в этой школе математику и становится свидетелем непонятных явлений, когда детей, облаченных в странные маски, увозят на машине в неизвестном направлении. Начатое им расследование мало что проясняет в запутанной истории, учителя отстраняют от преподавательской деятельности. Другой персонаж романа по имени Роберт Тэтцель (Robert Tätzell) — один из тех детей, у него своя история, которой он хочет

поделиться. Спустя пятнадцать лет в прессе появляется сообщение о сенсационном уголовном процессе, фигурантом которого является бывший учитель математики, с него снято обвинение в жестоком убийстве человека, издевающегося над животными. Бывший ученик, у которого по мере взросления исчезли признаки синдрома индиго, пытается найти своего учителя, предложить свое видение происходящих в интернате событий.

Перед читателем метафикциональный роман-коллаж, в котором вымысел и реальность настолько переплетены, что читатель абсолютно дезориентирован. Погруженный в мир мистики и ужаса, он попадает в лабиринт, из которого трудно выбраться. Критики и литературоведы сравнивали автора с Томасом Пинчоном и Стивеном Кингом. Своеобразная игра с популярным жанром фэнтези замешана на детективной истории с элементами научной фантастики.

Провокационным является не только «событие рассказывания», растянутое на годы, в котором доминирует интрига и провокация, но и само «событие рассказа» о детях-индиго, которое подкреплено «документами» — записями и наблюдениями, оказывающими, как ни странно, обратное воздействие на читателя: призванные подчеркнуть подлинность описываемых событий, они, напротив, порождают сомнения. Этот нарратологический прием способствует «размыванию» границ между автором и рассказчиком: «через автобиографического рассказчика от первого лица, через метавымышленные тексты, имитирующие достоверность, или через фиктивную материальность, якобы, существующих документов» [Neuhuber, 2021, S. 183] происходит деконструкция смыслов. Возникает ситуация абсурда: реальный Клеменс Зетц пишет роман, где главным героем является некий Зетц, пишущий историю, в которой фигурирует Зетц: автофикция в автофикции» (*eine Autofiktion in einer Autofiktion*) [Pottbeckers 2017, S. 192]. Пропущенный через двойную призму образ самого себя полон самоиронии, автор и нарратор запутывают читателя, двусмысленность и откровенный вымысел искусно смешаны с фальсифицированными фактами. При этом роман читается достаточно легко, в нем много диалогов, много интертекстуальности (мировая литература, кино, музыка, сериалы и комиксы), и это в очередной раз подчеркивает, что стремление к «доходчивому» повествованию не является самоцелью автора, но и не исключается из арсенала авторских средств воздействия на читателя.

3.4. Сталкинг как норма жизни?

Роман Зетца «Час между женщиной и гитарой» («Die Stunde zwischen Frau und Gitarre») [Setz, 2015] был отмечен литературной премией имени Вильгельма Раабе. Главный герой романа Александр Дорм (Alexander Dorm) — сталкер, посещающий и исследующий заброшенные места, но

также преследующий других людей, в настоящий момент находится в лечебнице, передвигается в инвалидной коляске, за ним ухаживает женщина по имени Натали (Natalie Reinegger), которая замечает, что Кристофер Хольберг (Christopher Hollberg), навещающий довольно часто Александра, в действительности не испытывает к инвалиду теплых чувств, хотя первое впечатление, как оказалось обманчивое, указывает на вполне приятельские отношения. Зетц подробно описывает жизнь постояльцев этого заведения, акцентирует внимание читателя на вещах, которые тот избегает замечать в реальной жизни.

Автор и здесь интригует читателя, повествуя об истории мести в отсутствие жертвы. Выясняется, что Александр преследовал его, подтолкнул в ходе stalkingа жену Александра к самоубийству. Психологическая драма превращается в философский триллер, побуждает читателя к рассуждениям о вечных темах добра и зла, преступления и наказания, мести. В этом треугольнике, состоящем из двух мужчин и женщины, Натали играет свою роль, которая также провоцирует читателя своей «ненормальностью». Своеобразная охотница за мужчинами, она ведет себя подобно пациентам в клинике, вступая с незнакомцами в интимные отношения, из которых ей не всегда удается выйти безболезненно. Жизнь Натали является следствием замещения реальности виртуальной жизнью. Ей не удастся общение в чате перенести на реальных людей, ей комфортнее «беседовать» с искусственным интеллектом, нежели с живыми людьми, при этом она страдает сексуальной манией, толкающей ее на поиск все новых сексуальных партнеров. Она с удовольствием читает Кинга и раздражается от Апдайка, писатели-антиподы «включаются» в амбивалентность ее бытия, в невозможность преодолеть раздвоенность. Мотив двойничества — излюбленный прием Зетца, его герои балансируют на грани дозволенного и выходящего за рамки обыденности, провоцируя читателя откровенностью сцен насилия, излишним натурализмом.

Натали, окруженная случайными людьми, страдает от одиночества. Ее «ближний круг», который доступен ей лишь благодаря современным масс-медиа, усиливает это чувство. Попытка расширить пространство приводит к внутреннему эксгибиционизму, у Натали нет секретов ни для кого: ни для автора, ни для читателя, ни для самой себя. Все что известно о ней, является частью медийного пространства, в центре которого находится ее жизнь.

Итак, все три героя представляют собой своеобразный паноптикум «неполноценных» людей, страдающих разного рода фобиями и патологиями.

3.5. Художественное своеобразие романа «Луны перед посадкой»

Спустя семь с небольшим лет Зетц вновь заставил о себе заговорить в связи с нашумевшим романом «Луны перед посадкой» («Monde vor der

Landung») [Setz, 2023], удостоенный сразу двух премий. Это единственный роман Зетца, главный герой которого — не вымышленный персонаж, а, напротив, реальная историческая личность по имени — Петер Бендер (Peter Bender, 1893—1944), бывший пилот немецкой армии в годы Первой мировой войны, впоследствии ставший писателем и религиозным лидером, сторонником теории полой Земли, его жизнь закончилась трагично, за критику национал-социализма он был арестован и умер в концентрационном лагере Маутхаузен, его жена — еврейка по национальности — погибла в Освенциме.

Согласно псевдонаучной теории полой Земли, внутри планеты Земля существуют полости, человечество живет не на поверхности, а находится внутри еще большей сферы, то есть Вселенная как бы вывернута наизнанку и окружена Землей как внешней оболочкой, при этом небо, Луна (не одна, а их много) и звезды заполняют полый шар внутри, отводя центральное место в этой системе Солнцу.

Зетц детально описывает жизнь протагониста, включает в книгу доступные источники и многие факты его биографии, пытается понять, как человек может верить в теорию, полностью противоречащую эмпирическим данным. В современном мире, в эпоху всевозможных теорий заговора, когда «желаемое выдается за действительность», «очевидное становится невероятным» и наоборот, эта история становится обостренно актуальной.

Зетц, подобно Петеру Хандке, ищет для каждой новой книги новый литературный метод, новый способ освоения отобранного материала (*eine neue literarische Methode, eine neue Art und Weise auch, mit dem jeweiligen Stoff umzugehen*) [Kastgerber, 2023].

У Зетца практически во всех романах на первый план выходят всевозможные странности, поэтому Питер Бендер, который считает, что живет внутри сферы, хорошо вписывается в художественный мир автора — в его текстовую вселенную.

К. Кастгербер обращает внимание на то, что Зетц jnlftn ghtlgjxntyт любимая геометрической форме круга, округлости. Название, которое Зетц дал одному из последних сборников рассказов — «Отрада округлых вещей», подчеркивает эту закономерность. Округлые вещи символизируют не только завершенность и замкнутость формы, но и почему-то приносят людям утешение [Kastgerber, 2023].

4. Заключение = Conclusions

Предметом исследования выступает провокация как аспект нарративной стратегии, рассмотренная в настоящей статье на примере романов современного австрийского писателя Клеменса Й. Зетца. За рубежом, прежде

всего в Германии и Австрии, его творчеству посвящено большое количество исследований: рецензий, статей и монографий. Отмеченный рядом престижных премий, писатель не избежал резкой критики со стороны литераторов и журналистов.

В отечественном литературоведении данная работа является первой попыткой осмысления творчества Зетца с позиций нарратологии, что позволяет проследить влияние нарративной провокации на рецепцию его прозы. В ходе исследования выявлено, что анализируемые романы логично вписываются в литературу постмодернистской художественной парадигмы, для которой характерны такие признаки, как метафикция, нелинейность повествования, ирония, элементы магического реализма, выход за рамки обыденной реальности. «Фирменным знаком» стиля Зетца является «повторяющееся повествование». Автофикциональность и самореферентность приводят к тому, что соотношение автора и нарратора не всегда поддается логическому объяснению. В то же время тексты Зетца в своей основе реалистичны, язык автора понятен, используемые автором средства образности указывают на безусловную одаренность писателя. Обескураживает сама реальность, которая разрушает представления читателя о «нормальности».

Литературное новаторство Зетца проявляется в том, что он экспериментирует с литературной формой: затевает игру с вопросами и ответами («Bot. Gespräch ohne Autor»), пускается в одиссею подобно Дж. Джойсу с той лишь разницей, что у него события разворачиваются не в Дублине, а в Граце («Die Stunde zwischen Frau und Gitarre»), работает с подборкой разнородного материала, объединяя в единое целое («Indigo»), и т. д. Постоянным в романах Зетца остается лишь место действия — любимый Грац, который всякий раз предстает по-новому.

Зетц не просто меняет перспективу повествования, размывая границы между событием рассказа и рассказывания, автором и нарратором, он изменяет саму оптику и характер повествования — от глубокого погружения в описываемые события до подчеркнутой небрежности, когда за кадром остаются важные, необходимые для понимания читателем моменты.

На сюжетно-тематическом уровне «экспериментаторство» Зетца проявляется в изображении психических состояний, находящихся на стыке эстетического и физиологического, например, «автономная сенсорная меридиальная реакция» — неврологическая реакция организма, научный статус которой до конца не определен, но которая присутствует в «истории болезни» одного из персонажей романа («Die Stunde zwischen Frau und Gitarre»), физические и психические патологии, выступающие «отягощающими факторами» восприятия реальности и адекватного отношения к ней:

приступы мигрени («Indigo»), странные акустические шумы и деменция, эпилептические припадки и т. д.

В качестве методологической основы в настоящем исследовании выбрана концепция В. И. Тюпы, согласно которой нарративная картина мира, нарративная модальность и нарративная интрига — элементы, необходимые для осмысления роли нарративной провокации как аспекта нарративной стратегии. Как показало исследование, нарративная провокация является доминирующим признаком поэтики романов Зетца, которая проявляется как на уровне «события рассказа», так и на уровне «события рассказывания».

Клеменс Зетц — современный автор в том смысле, что в его романах активно задействованы современные медиа, герои его романов также «идут в ногу со временем» — новейшие технологии во многом определяют их жизнь, то есть наряду с людьми, выступающими в роли акторов, участвуют в «событиях рассказа». Можно предположить, что они также определяют события повествования, тексты имитируют «организационную» форму медиаресурсов с их пространственной и временной вездесущностью, гипертекстуальной природой, способностью проникать в самые неподконтрольные сферы человеческой жизни, нарушать моральные, этические и эстетические барьеры.

Проза Зетца провокационно обостряет проблемы сегодняшнего дня, заставляет задуматься о происходящем, взять паузу — и продолжать жить. Творчество Клеменса Зетца отражает состояние австрийской словесности в XXI веке. Перспективным представляется исследование с позиций нарратологии малой прозы и поэзии писателя. Анализ использования различных нарративных стратегий с учетом жанровой принадлежности художественного текста представляется продуктивным направлением в современном отечественном и зарубежном литературоведении.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Зетц К.* Отрада округлых вещей. Рассказы / К. Зети ; Пер. с нем. В. Ахтырской. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-89091-545-0.
2. *Setz C. J.* Bot. Gespräch ohne Autor / C. J. Setz. — Berlin : Suhrkamp Verlag, 2018. — 166 S. — ISBN 978-3-518842786-6.
3. *Setz C. J.* Der Trost runder Dinge. Erzählungen / C. J. Setz. — Berlin : Suhrkamp Verlag, 2019. — 328 S. — ISBN 978-3-518-42852-8.
4. *Setz C. J.* Die Frequenzen. Roman / C. J. Setz. — Salzburg : Residenz Verlag, 2009. — 714 S. — ISBN 978-3-7017-1515-2.

5. *Setz C. J.* Die Stunde zwischen Frau und Gitarre. Roman / C. J. Setz. — Berlin : Suhrkamp Verlag, 2015. — 1021 S. — ISBN 978-3-518-42495-7.
6. *Setz C. J.* Indigo. Roman / C. J. Setz. — Berlin : Suhrkamp Verlag, 2012. — 479 S. — ISBN 978-3-518-42324-0.
7. *Setz C. J.* Monde vor der Landung. Roman / C. J. Setz. — Berlin : Suhrkamp Verlag, 2023. — 528 S. — ISBN 978-3-518-43109-2.
8. *Setz C. J.* Söhne und Planeten. Roman / C. J. Setz. — Salzburg : Residenz Verlag, 2007. — 224 S. — ISBN 978-3-7017-1484-1.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.
2. *Барова А. Г.* Репрезентация концепта МИФ в австрийской литературе (на примере творчества Элиаса Канетти и Барбары Фришмут) / А. Г. Барова, Л. В. Трофимова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 230—249. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-230-249.
3. *Белобратов А. В.* Австрийская литература на исходе XX века. Вместо заключения / А. В. Белобратов // История австрийской литературы XX века. — Москва : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. — Т. 2. — С. 517—544. — ISBN 978-5-9208-0360-3.
4. *Женетт Ж.* Фигуры. В 2-х томах / Ж. Женетт — Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — Т. 1. — 472 с. — ISBN 5-8242-0064-5, 5-8242-0065-3.
5. *Тюпа В. И.* Нарративная стратегия романа / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2011. — № 3 (18). — С. 8—25.
6. *Тюпа В. И.* Жанровая природа нарративных стратегий. Лейдермановские чтения : эстетика минимализма / В. И. Тюпа // Филологический класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 19—24.
7. *Шастина Е. М.* Нарративная стратегия скепсиса в романе Н. Гштрайна «Британец» / Е. М. Шастина, Ю. К. Казакова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 335—355. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-335-355.
8. *Шастина Е. М.* Творчество Р. Эдельбауэр в контексте современной австрийской литературы начала XXI века / Е. М. Шастина, Ю. К. Казакова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 267—287. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-267-287.
9. *Шмид М.* Нарратология / М. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с. — ISBN 5-94457-082-2.
10. *Bombitz A.* Von Bernhard bis Glavinic. Bruchlinien, Krisennarrativen und Weltbilder in der österreichischen Gegenwartsliteratur / A. Bombitz // Zwischen Einflussangst und Einflusslust. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur. — Wien : Praesens Verlag, 2017. — S. 127—140.
11. *Clemens J.* Setz [Electronic resource] / J. Clemens // Zwischen Einflussangst und Einflusslust. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur. Hg. Joanna Drynda, Alicja Krauze-Olejniczak, Sławomir Piontek. — 2017. — Access mode : https://www.academia.edu/38075188/_Einfluss_und_seine_Frequenzen_in_der_Postmoderne_zur_Prosa_von_Clemens_J_Setz (accessed 30.01.2025).
12. *Genette G.* Die Erzählung. 3. durchgesehene und korrigierte Auflage. Aus dem Französischen von Andreas Knop / G. Genette. — München : Fink, 2010. — 293 S. — ISBN 978-3770529230.

13. *Kämmerlings R.* Nur keine Einflussangst, mein Sohn [Electronic resource] / R. Kämmerlings // Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 30.11.2007. — Access mode : <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/nur-keine-einflussangst-mein-sohn-1493153.html> (accessed 30.01.2025).

14. *Kastgerber K.* Kugelförmige Vorstellungswelten : Klaus Kastberger über Clemens J. Setz. Laudatio [Electronic resource] / K. Kastgerber. — vom 22. 06. 2023. — Access mode : <https://www.derstandard.at/story/3000000175760/kugelfoermige-vors> (accessed 30.01.2025).

15. *Neuhuber Ch.* Autorschaft, Auto(r)fiktion und Selbstarchivierung in Clemens J. Setz' Erzählwerk [Electronic resource] / Ch. Neuhuber. — Berlin : De Gruyter, 2021. — Access mode : <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110742503-012/html?lang=de> (accessed 30.01.2025).

16. *Oberreither B.* Irritation — Struktur — Poesie. Zur Poesie erzählter Welten bei Clemens Setz [Electronic resource] / B. Oberreither // Dossier Graz. (Hg. Gerhard Fuchs, Stefan Maurer und Christian Neuhuber. — 2020. — DOI: 10.25364/16-03:2019.1.10. — Access mode : https://www.academia.edu/86694439/Irritation_Struktur_Poesie_Zur_Poesie_erz%C3%A4hlter_Welten_bei_Clemens_Setz (accessed 02.02.2025).

17. *Pottbeckers J.* Der Autor als Held. Autofiktionale Inszenierungsstrategien in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur / J. Pottbeckers. — Würzburg : Königshausen & Neumann, 2017. — 284 S. — ISBN 978-3-8260-6246-9.

18. *Reidy J.* Rekonstruktion und Entheroisierung. Paradigmen des ‚Generationenromans‘ in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur / J. Reidy. — Bielefeld : Aisthesis, 2013. — 318 S. — ISBN 978-3-89528-968-2.

19. *Trajektorien der österreichischen Gegenwartsliteratur* (Beiträge zu Literatur und Medien der Gegenwart) / Beate Sommerfeld (Hrsg.). — Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2023. — 290 S. — ISBN 978-3-447-12012-8.

20. *Zwischen Einflussangst und Einflusslust.* Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur / J. Drynda, A. Krauze-Olejniczak, S. Piontek (Hrsg.). — Wien : Praesens Verlag, 2017. — 168 S. — ISBN 978-3-706-90971-6.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025,
одобрена после рецензирования 08.05.2025,
подготовлена к публикации 21.05.2025.

Material resources

Setz, C. J. (2007). *Söhne und Planeten. Roman.* Salzburg: Residenz Verlag. 224 S. ISBN 978-3-7017-1484-1. (In Germ.).

Setz, C. J. (2009). *Die Frequenzen. Roman.* Salzburg: Residenz Verlag. 714 S. ISBN 978-3-7017-1515-2. (In Germ.).

Setz, C. J. (2012). *Indigo. Roman.* Berlin: Suhrkamp Verlag. 479 S. ISBN 978-3-518-42324-0. (In Germ.).

Setz, C. J. (2015). *Die Stunde zwischen Frau und Gitarre.* Roman. Berlin: Suhrkamp Verlag. 1021 S. ISBN 978-3-518-42495-7. (In Germ.).

Setz, C. J. (2018). *Bot. Gespräch ohne Autor.* Berlin: Suhrkamp Verlag. 166 S. ISBN 978-3-518842786-6. (In Germ.).

Setz, C. J. (2019). *Der Trost runder Dinge. Erzählungen.* Berlin: Suhrkamp Verlag. 328 S. ISBN 978-3-518-42852-8. (In Germ.).

Zetz, C. (2020). *The joy of rounded things. Short stories*. St. Petersburg: Symposium. 464 p. ISBN 978-5-89091-545-0. (In Russ.).

Setz, C. J. (2023). *Monde vor der Landung. Roman*. Berlin: Suhrkamp Verlag. 528 S. ISBN 978-3-518-43109-2. (In Germ.).

References

Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 504 p. (In Russ.).

Barova, A. G., Trofimova, L. V. (2024). Representation of the concept of MYTH in Austrian literature (on the example of the works of Elias Canetti and Barbara Frishmuth). *Nauchnyy dialog*, 13 (6): 230—249. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-230-249. (In Russ.).

Belobratov, A. V. (2010). Austrian literature at the end of the twentieth century. Instead of a conclusion. In: *The history of Austrian literature of the twentieth century*, 2. Moscow: Gorky Institute of Physics and Technology of The Russian Academy of Sciences. 517—544. ISBN 978-5-9208-0360-3. (In Russ.).

Bombitz, A. (2017). Von Bernhard bis Glavinic. Bruchlinien, Krisennarrativen und Weltbilder in der österreichischen Gegenwartsliteratur. In: *Zwischen Einflussangst und Einflusslust. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur*. Wien: Praesens VerlagS. 127—140. (In Germ.).

Clemens, J. (2017). Setz. Zwischen Einflussangst und Einflusslust. *Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur*. Hg. Joanna Drynda, Alicja Krauze-Olejniczak, Sławomir Piontek. Available at: https://www.academia.edu/38075188/_Einfluss_und_seine_Frequenzen_in_der_Postmoderne_zur_Prosa_von_Clemens_J_Setz (accessed 30.01.2025). (In Germ.).

Genette, G. (2010). *Die Erzählung*. 3. durchgesehene und korrigierte Auflage. Aus dem Französischen von Andreas Knop. München: Fink. 293 S. ISBN 978-3770529230. (In Germ.).

Genette, J. (1998). *Shapes*. In 2 volumes, 1. Moscow: Publishing House named after Sabashnikov. 472 p. ISBN 5-8242-0064-5, 5-8242-0065-3. (In Russ.).

Kämmerlings, R. (2007). *Nur keine Einflussangst, mein Sohn*. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 30.11. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/nur-keine-einflussangst-mein-sohn-1493153.html> (accessed 30.01.2025). (In Germ.).

Kastgerber, K. (2023). Kugelförmige Vorstellungswelten: Klaus Kastberger über Clemens J. Setz. *Laudatio*. 22.06. Available at: <https://www.derstandard.at/story/3000000175760/kugelfoermige-vors> (accessed 30.01.2025). (In Germ.).

Neuhuber, Ch. (2021). *Autorschaft, Auto(r)fiktion und Selbstarchivierung in Clemens J. Setz' Erzählwerk*. Berlin: De Gruyter. Available at: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110742503-012/html?lang=de> (accessed 30.01.2025). (In Germ.).

Oberreither, B. (2020). Irritation — Struktur — Poesie. Zur Poesie erzählter Welten bei Clemens Setz. *Dossier Graz*. (Hg. Gerhard Fuchs, Stefan Maurer und Christian Neuhuber. DOI: 10.25364/16-03:2019.1.10. Available at: https://www.academia.edu/86694439/Irritation_Struktur_Poesie_Zur_Poesie_erz%C3%A4hlter_Welten_bei_Clemens_Setz (accessed 02.02.2025). (In Germ.).

Pottbeckers, J. (2017). *Der Autor als Held. Autofiktionale Inszenierungsstrategien in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur*. Würzburg: Königshausen & Neumann. 284 S. ISBN 978-3-8260-6246-9. (In Germ.).

- Reidy, J. (2013). *Rekonstruktion und Entheroisierung. Paradigmen des ‚Generationenromans‘ in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur*. Bielefeld: Aisthesis. 318 S. ISBN 978-3-89528-968-2. (In Germ.).
- Schmid, M. (2003). *Narratology*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 312 p. ISBN 5-94457-082-2. (In Russ.).
- Shastina, E. M., Kazakova, Yu. K. (2022). Narrative strategy of skepticism in N. Gstein's novel "The Briton". *Nauchnyj dialog, 11 (4)*: 335—355. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-335-355. (In Russ.).
- Shastina, E. M., Kazakova, Yu. K. (2024). Creativity of R. Edelbauer in the context of modern Austrian literature of the early 21st century. *Nauchnyj dialog, 13 (3)*: 267—287. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-267-287. (In Russ.).
- Trajektorien der österreichischen Gegenwartsliteratur (Beiträge zu Literatur und Medien der Gegenwart)*. (2023). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 290 S. ISBN 978-3-447-12012-8. (In Germ.).
- Tyupa, V. I. (2011). Narrative strategy of The novel. *New Philological Bulletin, 3 (18)*: 8—25. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2018). The genre nature of narrative strategies. Leiderman readings: Aesthetics of Minimalism. *Philological class, 2 (52)*: 19—24. (In Russ.).
- Zwischen Einflussangst und Einflusslust. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur*. (2017). Wien: Praesens Verlag. 168 S. ISBN 978-3-706-90971-6. (In Germ.).

*The article was submitted 03.02.2025;
approved after reviewing 08.05.2025;
accepted for publication 21.05.2025.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

Анастасия Владимировна Тиховодова, канд. филос. наук (Нижний Новгород)

Анатолий Васильевич Антошкин, канд. истор. наук (Екатеринбург)

Владимир Петрович Трут, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)

Дарья Андреевна Мельникова, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)

Джумхур Кайгусуз, канд. истор. наук (Самсун, Турция)

Елена Валерьевна Миронова, канд. истор. наук (Казань)

Ксения Викторовна Валькова, канд. истор. наук (Барнаул)

Махач Мустафаевич Вагабов, д-р истор. наук (Москва)

Наталья Владимировна Неженцева, канд. истор. наук (Барнаул)

Николай Анатольевич Власов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)

Оксана Ивановна Чекрыжова, канд. истор. наук (Барнаул)

Эдуард Викторович Казиев, канд. истор. наук (Владикавказ)

Юлия Георгиевна Кокорина, д-р филол. наук (Москва)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Антошкин А. В. Борьба с частным предпринимательством в предприятиях промысловой и потребительской кооперации Башкирии в 1946—1950 годах / А. В. Антошкин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 368—385. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-368-385.

Antoshkin, A. V. (2025). Struggle Against Private Entrepreneurship in Enterprises of Craft and Consumer Cooperatives of Bashkortostan (1946–1950). *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 368-385. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-368-385. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ ERIHPLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Борьба с частным предпринимательством в предприятиях промысловой и потребительской кооперации Башкирии в 1946—1950 годах

Антошкин Анатолий Васильевич

orcid.org/0000-0003-4901-3454

кандидат исторических наук,

докторант

aav151284@rambler.ru

Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

Struggle Against Private Entrepreneurship in Enterprises of Craft and Consumer Cooperatives of Bashkortostan (1946–1950)

Anatoly V. Antoshkin

orcid.org/0000-0003-4901-3454

PhD in History,

Doctoral degree seeker

aav151284@rambler.ru

Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется деятельность аппарата старшего инспектора Главного управления по делам промысловой и потребительской кооперации (Главукооп) при Совете Министров СССР по Башкирской АССР, направленная в 1946—1950 годах на выявление и ликвидацию частного предпринимательства в кооперативных предприятиях. Источниковой базой статьи послужили ранее не опубликованные документы Российского государственного архива экономики. В результате исследования установлено, что работа кооперативных предприятий без развитых рыночных отношений и частной инициативы была сопряжена с рядом трудностей. Констатируется, что обращение жителей республики к частникам было обусловлено высокой себестоимостью и низким качеством продукции, вырабатываемой артелями промысловой кооперации. Выявлено, что кооперативные организации республики сами часто прибегали к услугам частных бухгалтеров и частных строительных бригад. Отмечается, что в системе потребительской кооперации для закупок товаров в крупных городах Советского Союза привлекались частные агенты. Доказано, что частники играли немаловажную роль в перевозках товаров и вывозе заготовленных продуктов из глубинных районов республики. Сделан вывод, что борьба с частнопредпринимательской деятельностью в кооперации Башкирии привела к прекращению официальных договорных отношений с частными предпринимателями и к некоторому сокращению теневого сектора экономики.

Ключевые слова:

промысловая кооперация; потребительская кооперация; частное предпринимательство; торговля; плановая экономика; Главукооп; Башкирия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the activities of the senior inspectorate of the Main Administration for Craft and Consumer Cooperatives (Glavkoop) under the Council of Ministers of the USSR, aimed at identifying and eliminating private entrepreneurship within cooperative enterprises in Bashkortostan from 1946 to 1950. The research is based on previously unpublished documents from the Russian State Archive of Economics. The findings reveal that the operation of cooperative enterprises, devoid of developed market relations and private initiative, was fraught with numerous challenges. It is noted that residents of the republic frequently turned to private entrepreneurs due to the high production costs and low quality of goods produced by craft cooperatives. Furthermore, it was discovered that cooperative organizations often resorted to hiring private accountants and construction brigades. Additionally, private agents were engaged in the procurement of goods from major cities across the Soviet Union for the consumer cooperative system. The study demonstrates that private entrepreneurs played a significant role in the transportation of goods and the export of harvested products from remote areas of the republic. The conclusion drawn is that the struggle against private entrepreneurial activity in Bashkortostan's cooperatives led to the cessation of official contractual relationships with private entrepreneurs and a slight reduction in the shadow economy sector.

Key words:

craft cooperation; consumer cooperation; private entrepreneurship; trade; planned economy; Glavkoop; Bashkortostan.

УДК 94(470.57)“1946/1950”+ 338.486.4(091)

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-368-385

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Борьба с частным предпринимательством в предприятиях промысловой и потребительской кооперации Башкирии в 1946—1950 годах

© Антошкин А. В., 2025

1. Введение = Introduction

Активному развитию частного предпринимательства в военные годы способствовало как ослабление контрольных функций государства, так и падение объемов производства и товарооборота в тыловых регионах. Окончание Великой Отечественной войны поставило перед государством новые экономические задачи. Одним из основных направлений в области развития советской кооперации стало вытеснение «частнопредпринимательских элементов». Частный сектор, воспринимаемый как «пережиток капитализма», проявлял себя в самых разных формах. Имели место многочисленные злоупотребления, нарушения советских законов, в том числе спекуляция, присвоение выручки, подделка документов, прием частных заказов без оформления квитанций для уклонения от уплаты налогов. В то же время в промысловой и потребительской кооперации отмечались значительные затруднения в производстве и реализации продовольственных и промышленных товаров. Расчет на промкооперацию как на дополнительный местный источник товаров наряду с товарами из централизованных фондов оправдался далеко не в полной мере. Производимая продукция не соответствовала ни спросу, ни покупательной способности населения республики. Культурные, языковые и религиозные особенности районов в производственных программах артелей промкооперации и в планах товарооборота потребкооперации практически не учитывались. Жители республики обращались к услугам частных в надежде получить товары по индивидуальному заказу более высокого качества и зачастую по более низкой цене. У потребкооперации Башкирии не хватало транспорта для перевозки товаров и вывоза заготовленного сырья и продуктов из глубинных пунктов. Нехватка квалифицированных кадров имела место и среди счетных работников, товароведов, агентов по закупкам. В связи с этим кооперативные организации сами были вынуждены в частном порядке искать специалистов «со стороны».

Основную работу по выявлению и ликвидации частного предпринимательства в кооперативных предприятиях выполняло Главное управление по делам промысловой и потребительской кооперации при Совете Министров СССР (Главукооп), деятельность которого осуществлялась с ноября 1946 года по июль 1950 года. Аппарату старшего инспектора Главукоопа по Башкирской АССР предстояло не только передать дела по выявленным случаям частнопредпринимательской деятельности в правоохранительные органы для возбуждения уголовных дел, но и принять меры для оздоровления кооперативных предприятий, оставшихся без частной инициативы. Полномочия Главукоопа позволяли посредством прямых обращений в Совет Министров республики содействовать открытию новых цехов в артелях промкооперации, изменению производственных программ, снятию с производства товаров с высокой себестоимостью. В зависимости от работы Главукоопа находилась также эффективность производственной и торговой деятельности предприятий потребкооперации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью статьи является исследование деятельности Главукоопа по выявлению и ликвидации частного предпринимательства в предприятиях промысловой и потребительской кооперации Башкирии в послевоенные годы. Источниковой базой статьи являются впервые вводимые в научный оборот документы Российского государственного архива экономики. В работе были использованы материалы проверок и ревизий, проведенных аппаратом старшего инспектора Главукоопа по Башкирской АССР, а также материалы по контролю над выполнением кооперативными организациями Постановления Совета Министров СССР от 14 апреля 1948 года № 1229 «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности». К исследованию были привлечены заключения организационно-ревизионного управления Центросоюза о выполнении потребсоюзами мероприятий по ликвидации растрат и хищений, а также материалы Третьего Всесоюзного съезда потребительской кооперации.

В первых исследованиях деятельности промысловой кооперации на рубеже 1940—1950-х годов подчеркивалось, что кооперация в условиях диктатуры пролетариата является основной формой преобразования мелкого ремесленного и кустарного производства в социалистическое [Янгуразов, 1952; Яковлев, 1957]. В работах по истории потребительской кооперации обосновывались преимущества социалистических форм хозяйствования по сравнению с рыночными отношениями и частной собственностью. В то же время доказывалось, что кооперативная торговля останется основной формой распределения предметов потребления и в условиях плановой эко-

номики [Кистанов, 1951; Вахитов, 1980]. В постсоветский период стали появляться работы, вскрывавшие серьезные недостатки в работе кооперации, в том числе конфликты в отношениях кооперации и государства. С одной стороны, подчеркивалась важность кооперации в удовлетворении спроса населения на товары широкого потребления в рамках командно-административной системы. При этом частнопредпринимательская деятельность стала выделяться из обычных уголовных преступлений [Назаров, 1994]. С другой стороны, внимание концентрировалось на политике огосударствления кооперации, что во многом способствовало отрыву кооперации от требований жизни и от интересов потребителей [Файн, 1994].

В 2000-е годы предметом изучения стал феномен частного предпринимательства в плановой экономике послевоенного периода. Свой вклад в разработку данной проблематики внесли авторы ряда научных статей. [Твердюкова, 2010; Федин, 2011; Чуднов и др., 2013]. Интерес представляют также труды, посвященные исследованию роли промысловой кооперации в советском народном хозяйстве [Новожилов и др., 2018; Пасс, 2018]. Отметим работы, в которых были исследованы проблемы теневой экономики в послевоенные годы [Клинова и др., 2018], а также проведен анализ взаимодействия Главукоопа с местными органами [Аксарин, 2020].

В региональном измерении историографии можно выделить работу Е. М. Аллагуловой, где впервые было уделено внимание частнопредпринимательской деятельности в хозяйстве Башкирии в послевоенные годы, в том числе в сфере торговли [Аллагулова, 2000]. Отметим также коллективные труды, в которых на основе анализа архивных документов была охарактеризована экономическая ситуация в Башкирии в конце 1940 — начале 1950-х годов [Иванков, 1966; Сулейманова, 2005; Акманов, 2006]. Степень изученности данной темы, на наш взгляд, является недостаточной. Предлагаемая статья послужит новым вкладом в разработку проблемы частнопредпринимательской деятельности в кооперативных предприятиях Башкирии в послевоенный период.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Борьба с частнопредпринимательской деятельностью в системе промысловой кооперации

Главное внимание Главукоопа было обращено на очищение предприятий промысловой кооперации от частнопредпринимательских элементов, на улучшение качества вырабатываемых товаров и на улучшение обслуживания населения.

Проверки артелей позволили инспекторам Главукоопа прийти к выводу о том, что в промкооперации укоренилось стремление выполнять план

за счет сводного вала и производства нетрудовых изделий. Большим недостатком являлся выпуск продукции низкого качества, в связи с чем товары залеживались на складах артелей и не находили сбыта. Так, на 1 января 1948 года в системе промысловой кооперации Башкирии имелось неходовых и залежалых товаров на 518,7 тыс. руб. Планы по бытовому обслуживанию населения также не выполнялись. Так, план по ремонту обуви в 1948 году был выполнен на 58 %, по индивидуальному пошиву — на 46 %. Артели практически не использовали отходы государственной промышленности, не были обеспечены в достаточной степени ремонтными материалами и прикладом (специальными деталями одежды) для пошива [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 238, л. 5].

Проверками качества выпускаемой продукции были установлены факты отсутствия технических условий (ТУ) для ряда номенклатурных позиций. Областные союзы не оказывали технической помощи артелям, не обеспечивали их необходимыми чертежами и схемами на вырабатываемые изделия. Имели место также факты нарушения рецептур при изготовлении продовольственных товаров. При утверждении цен союзы не требовали плановых калькуляций, обоснованных первичными документами, что приводило к отсутствию контроля над ценообразованием [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 238, л. 6]. Таким образом, наличие неудовлетворенного спроса во многом было обусловлено недостатками и нарушениями в предприятиях промкооперации.

В ходе проверок в 1947 году были выявлены первые факты использования в кооперации частных закупщиков. К примеру, артель «Интеграл» закупала промышленные товары на рынке у спекулянтов, оформляя их как закуп сельскохозяйственных продуктов. Расходуя кооперативные средства, закупщики этой артели действовали с широким размахом. Так, закупщик Клинаев, получив аванс на заготовки в 5 тыс. руб., сдал авансовый отчет на 23570 руб., а закупщик Горин, получив аванс в 95 тыс. руб., сдал авансовый отчет на 137 тыс. руб [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 78, л. 4].

Весной 1948 года аппарат старшего инспектора приступил к систематическому контролю над выполнением кооперативными организациями Постановления Совета Министров от 14 апреля 1948 года № 1229 «О проникновении частного в кооперацию и предприятия местной промышленности». Главкооп последовательно расширял географию проверок. Всего за 1949 год было обследовано 1102 объекта, что составило 15 % от числа подконтрольных предприятий [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 1170, л. 113]. Был осуществлен комплекс мероприятий по оздоровлению белебеевской артели «Дружба», которая состояла на 50 % из частников-дельцов, уфимских артелей «Объединение» и «Строитель», благовещенской артели «8 Мар-

та», ишимбайской артели «Кусяпкулово». Заказы в этих артелях выполнялись по ценам значительно выше прейскурантов, а мастера получали до 55 % выручки [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 1170, л. 114].

Отметим, что факты частнопредпринимательской деятельности часто выявлялись в ходе борьбы с уголовными преступлениями. Так, за 1949 год документальными ревизиями в артелях промысловой кооперации было выявлено 47 случаев растрат и хищений на сумму 186,5 тыс. руб. Кроме того, было выявлено 15 случаев превышения установленных должностных окладов на 25,2 тыс. руб. Однако процедура контроля и ревизий в системе промкооперации была подвергнута критике со стороны работников Главкуоопа. Повторными проверками было установлено, что для проведения документальных ревизий в большинстве случаев приглашали бухгалтеров «со стороны». Как правило, такие ревизии проводились на низком уровне и крупных нарушений не вскрывали. Финансовая заинтересованность бухгалтеров вела к предсказуемым результатам. Так, в черниковской «Артели им. Первого Мая» приглашенный за особую плату бухгалтер при ревизии не вскрыл растрату экспедитора артели Седлер на сумму 20 тыс. руб. Аналогичное положение было вскрыто в артели «Фотохудожник», где ревизионная комиссия и приглашенный за особую плату бухгалтер не вскрыли растрату у начальника снабжения Карпова в сумме 2133 руб. и не выявили составленных им фиктивных документов [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 1170, л. 115].

Аппаратом старшего инспектора была выявлена частно-посредническая деятельность в уфимской артели «Строитель». Документальная ревизия установила факт посреднической деятельности при заключении договора с частной бригадой. Руководители Башметаллопромсоюза, в том числе председатель президиума М. А. Киселевич, главный бухгалтер Л. Г. Смагин и главный инженер Б. С. Рубинштейн, дали разрешение председателю правления артели «Строитель» Алешину на заключение трудового соглашения с посредником. 1 ноября 1948 года было заключено трудовое соглашение с частным лицом Ермолаевым на исполнение посреднических услуг при составлении проектно-сметной документации и изыскательных работах по строительству листопрокатного завода. Стоимость посреднической работы была определена в 3600 руб. 4 декабря 1948 года Ермолаев заключил договор с частной бригадой во главе с инженером Белорецкого листопрокатного завода Валавиным на составление проектно-сметной документации стоимостью 21500 руб. Составленный частной бригадой проект без проверки был принят, однако Технический совет Управления промысловой кооперации при Совете Министров РСФСР 31 марта 1949 года проект забраковал. Проектирование было возложено на проектную организацию из Москвы, которая запросила за свою работу 72 тыс. руб. Таким

образом, сделки с посредником и частной бригадой обернулись для артели огромным убытком [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 834, л. 9].

Другие артели сами незаконно занимались разработкой проектно-сметной документации. Так, документальной ревизией уфимской ремонтно-строительной артели «Объединение», произведенной в октябре 1949 года, было установлено, что артель, не имея в штате сметчиков, принимала заказы от разных организаций на проведение проектно-сметных работ. Для этого на договорных условиях к составлению смет привлекались сметчики государственных учреждений и предприятий, работа которых оплачивалась по завышенным тарифам. По выявленным фактам переплата составила 1869 руб. На содержание внештатных сметчиков было израсходовано 37998 руб.

Характерно, что в данном случае материалы в судебно-следственные органы не передавались. Начальнику Управления промысловой кооперации было предложено прекратить прием заказов от организаций и учреждений на составление проектно-сметных работ. В результате прием заказов был прекращен, а со сметчиками был проведен перерасчет по излишне выплаченным суммам [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 834, л. 10].

В ходе проверок не оставались без внимания и случаи мелких нарушений. Одним из наиболее распространенных случаев частнопредпринимательской деятельности в артелях промкооперации был прием заказов без оформления квитанций. К примеру, в артели «Заря» Кугарчинского района были установлены нарушения в работе фотографов и парикмахеров. Пользуясь отсутствием контроля, фотограф артели Казаков и парикмахер Благо присваивали выручку. В момент проверки у фотографа Казакова были обнаружены три заказа принятых без оформления квитанциями, а у парикмахера Благо была обнаружена выручка в сумме 46 руб., не подтвержденная документально. На Казакова и Благо материалы были переданы в прокуратуру Кугарчинского района для привлечения к уголовной ответственности, а председатель артели «Заря» Петров с формулировкой «за отсутствие контроля» был снят с работы [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 834, л. 8].

Аналогичные факты выявлялись и в сфере бытового обслуживания. К примеру, начальником цеха уфимской промысловой артели «Быт-ремонт» Султановым был допущен прием 5 пар мужских ботинок без оформления приемных квитанций. Материал по этому делу 10 октября 1949 года был передан прокурору Молотовского района Уфы [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 834, л. 10].

Аппарат старшего инспектора Главукоопа также осуществлял проверки в системах лесопромысловой и лесохимической кооперации. Было установлено несколько случаев невыхода членов артелей на работу. Так, в лесопромысловой «Артели им. 17 Партсъезда» систематически уклоня-

лись от работы 11 человек. Занимались они в собственном хозяйстве, за что двое были исключены из артели, а остальные стали своевременно выходить на работу. В лесопромышленных артелях «Урал», «Сайран» и «Алга» члены артели работали на дому, присваивали часть мочала, а выработанные кули продавали неустановленным лицам и организациям. По данным проверки, только Сайрановское сельпо в 1949 году скупило у членов артели свыше 8000 кулей. Производство кулей на дому у членов артелей активно развивалось, в частности, из-за отсутствия мастерских по кулеткачеству. Учитывая данное обстоятельство, Главукооп обратился к Башлеспрому с предложением открыть в максимально короткие сроки новые мастерские. В результате в 1950 году было организовано 11 кулеткачских мастерских [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 834, л. 11].

В лесохимических артелях «Восход» Учалинского района и «Октябрь» Белокатайского района было выявлено нарушение норм землепользования, сенокосения и животноводства. С точки зрения старшего инспектора Главукоопа, эти нарушения приводили к ослаблению трудоучастия в артельном производстве и к расширению личного хозяйства. Материал обсуждался на бюро обкома ВКП(б), на котором было принято постановление о ликвидации нарушений устава. По всем районам была инициирована проверка норм пользования земель и сенокосом. Выявленные излишки земли были отрезаны. По ходу проверки такие нарушения были установлены также в Абзелиловском, Зиянчуринском и Бурзянском районах республики. Этот вид нарушений устава артели, порождающий частнопредпринимательскую деятельность, в большинстве артелей был ликвидирован [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 834, л. 11].

Частная инициатива прослеживалась в злоупотреблениях в области ценообразования. Выявлялись случаи как обычной спекуляции, так и присвоения разницы наложения при перепродаже работниками кооперации товаров, ранее приобретенных в государственных городских магазинах. Так, сборщик утиля ларька № 2 Стерлитамакского пункта уфимской артели «Утильзаготовитель» Г. З. Мазитов использовал работу в ларьке в целях личной наживы, устанавливая произвольные цены на промышленные товары при продаже и обмене на сдаваемый утиль. Проверкой было установлено, что прейскурантов и ярлыков с указанием розничных цен на товары не было, накладные на имеющийся товар также отсутствовали. Пользуясь бесконтрольностью со стороны правления и членов ревизионной комиссии в чайной артели «Кузьминовка», буфетчица Васильева приобретала водку в магазинах государственной торговли и перепродавала через буфет без оформления документов. Разницу наложений от реализации водки присваивала себе. По результатам проверки Васильева от занимаемой должности была отстранена [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 833, л. 114].

На особом контроле аппарата старшего инспектора находились артели, занимавшиеся выделкой кожи, так как на их долю приходилось большое количество выявленных фактов частнопредпринимательской деятельности. Одним из таких случаев стало дело белорецкой артели «Обувник». Заведующий кожевенным цехом Т. В. Петров принимал от частных лиц кожи на выделку юфти и хрома без оформления документов. Только за январь 1949 года им было скрыто от учета 117 крупных кож и 51 мелкая кожа. Снятие остатков 11 февраля показало недостачу 44 мелких кож и излишек 218 штук лобаша. Крупные партии кож, скупленные у населения, сдавали многие члены артели. Главный бухгалтер артели И. А. Балавин без оформления квитанций сдал на выработку 2 крупные кожи, 3 опойки и 9 мелких кож. После проверки председатель правления артели и главный бухгалтер от работы были отстранены, материалы были переданы прокурору Белорецка для расследования [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 833, л. 115].

Имели место случаи, когда председатели правлений официально разрешали членам артели заниматься частнопредпринимательской деятельностью. Заведующий кожевенным цехом артели «Красный кустарь» в Давлеканово Х. С. Саляхутдинов принимал на выделку кожи от частных лиц. Снятием остатков был установлен прием без квитанций 8 мелких и 5 крупных кож. Председателем правления артели П. В. Пономаревым в нарушение закона был разрешен прием на выделку кож от должностных и частных лиц. В день проверки в переработке находилось 8 крупных кож, принадлежавших разным лицам. За нарушение Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 20 апреля 1940 года «О мероприятиях по улучшению заготовок кожевенного сырья» и за слабый контроль над работой кожевенного цеха на председателя правления было наложено дисциплинарное взыскание, а на заведующего кожевенным цехом материал был передан в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности за «использование служебного положения в частнопредпринимательских целях» [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 833, л. 116].

В первой половине 1949 года выявлялись факты приема заказов на переработку давальческой кожи без оформления квитанций. После запрещения заготовки кожи частнопредпринимательская деятельность в этой области практически прекратилась [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 1170, л. 115].

Следует обратить внимание на то, что многие выявленные факты предпринимательской деятельности, не связанные с извлечением дохода в крупных размерах, не вели к возбуждению уголовных дел. Так, при проверке уфимской артели «Коопремонт» у начальника заготовочного цеха П. З. Никифорова было обнаружено 4 лоскута брезента на пошив сапог, не находившихся в подотчете и не оформленных квитанцией. В ходе провер-

ки было установлено, что лоскуты принадлежали начальнику снабжения артели И. Г. Корневу. В результате на начальника цеха было наложено взыскание с предупреждением о более строгой ответственности при повторении подобных случаев [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 833, л. 115—116].

Некоторые артели использовали частных в заготовительных операциях. В уфимской артели «Хлебопек-кондитер» заготовка дров была отдана на откуп дельцу Садырину, не члену артели, который вел эту работу на частно-подрядных началах по официально заключенному соглашению с правлением артели на условиях оплаты по 65 руб. за кубометр. Так, с ноября 1948 года по апрель 1949 года Садыриным было получено под заготовку дров 17 928 руб., которыми он единолично рассчитывался с нанимаемой им же рабочей силой. После проверки правление артели расторгло соглашение с частником и организовало работу по заготовке дров законным путем [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 833, л. 117].

3.2. Борьба с частнопредпринимательской деятельностью в системе потребительской кооперации

В первой половине 1947 года проверки старшего инспектора Главкоопа вскрыли несколько случаев заключения договоров кооперативными организациями с частными лицами на производство товаров. Не надеясь на получение от артелей промкооперации товаров высокого качества в необходимом ассортименте, потребкооперация перекрывала нехватку товаров сделками с частниками. Например, председатель Стерлитамакского райпотребсоюза заключил договоры с некооперированными кустарями на открытие мыловаренного производства, производства колбасных изделий и по выработке кожи. Кустари работали на собственных квартирах совершенно бесконтрольно. Сырье заготавлилось на полученные авансы от кооперации, а сама закупка никем не контролировалась [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 78, л. 4].

Производственные предприятия потребкооперации также вступали в договорные отношения с частниками. Например, промкомбинат Альшеевского райпотребсоюза выполнял план производства лесощепных изделий путем заключения договоров с некооперированными кустарями. Цеха по производству лесощепных изделий имелись только на бумаге, а в действительности частники работали на дому со своими инструментами и со своим сырьем. По результатам проверки незаконные договоры с частниками были расторгнуты, а промкомбинат, имевший в составе фиктивные цеха, ликвидирован [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 78, л. 5].

В системе потребкооперации наиболее многочисленными были случаи использования частных в качестве закупщиков. Имея собственный гужевой транспорт, закупщики разъезжали по селам и скупали у кустарей ку-

леткацкие изделия, веревки и обозные изделия. К примеру, в Стерлитамакском райпотребсоюзе был выявлен факт пособничества частному дельцу со стороны правления Ишпарсовского сельпо. Частник Фаткуллин на договорных началах производил заготовки кулеткацких изделий и децентрализованный закуп промышленных товаров. На своей лошади он доставлял товары в сельпо, за что получал процент от суммы заготовок. Только за апрель 1949 года Фаткуллин получил в отчет 180,3 тыс. руб., что составило 64 % всей кассовой выручки сельпо. Аналогичные факты были выявлены в Михайловском и Леонтьевском сельпо Стерлитамакского района. Правление Башпотребсоюза 9 июня 1949 года обязало председателя правления райпотребсоюза Машкина расторгнуть договоры с частниками, а виновных в допущении частнопредпринимательской деятельности привлечь к уголовной ответственности [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 834, л. 14].

Нередко проверки вскрывали факты взаимодействия закупщиков со спекулянтами. Так, закупщик ресторана «Уфа» системы Коопторга Аверьянов закупал коров на базаре, забивал скот на мясокомбинате и через спекулянта Абубакирова продавал мясо на базаре. В результате закупщик Аверьянов и спекулянт Абубакиров были осуждены к лишению свободы на 10 лет каждый [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 834, л. 15].

В мае 1949 года было проведено совещание аппарата Главкукооп с руководителями кооперативных организаций, на котором были намечены мероприятия по проведению проверок с целью выявления и очищения кооперации от частников и спекулянтов с представлением отчета к 25 июня 1949 года [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 833, л. 111].

Целью аппарата старшего инспектора было заявлено полное очищение предприятий потребкооперации от спекулятивных элементов путем создания условий, исключающих возможности проникновения частников, дельцов и спекулянтов в кооперацию. В части усиления контроля над выявлением случаев частнопредпринимательской деятельности привлекались пайщики сельпо, члены ревизионных и лавочных комиссий [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 833, л. 112].

В первом полугодии 1949 года Башпотребсоюзом производилась проверка предприятий потребкооперации по выполнению Постановления Совета Министров СССР № 1229 от 14 апреля 1948 года. По отчетным данным 29 райпотребсоюзов, было проверено 2124 торговых и 52 производственных предприятия потребкооперации. В результате было выявлено 7 предприятий, работавших без патентов, 12 случаев приема заказов без выписки квитанций [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 833, л. 118].

Следует отметить, что к качеству проверок и ревизий в системе Башпотребсоюза возникали вопросы. Проверки Центросоюза показывали, что

в ряде организаций потребкооперации Башкирии состояние учета было крайне запущенным, а бухгалтерские работники вступали в связь с материально-ответственными лицами для совместного расхищения товароматериальных ценностей [РГАЭ, ф. 484, оп. 3, д. 795, л. 12].

Старший инспектор в своем отчете о борьбе с предпринимательской деятельностью в кооперации отметил, что Правление Башпотребсоюза к организации сплошной проверки предприятий подошло формально. Организационно-инструкторский отдел ограничился рассылкой по райпотребсоюзам отчетных форм и вопросников, состоявших из 17 вопросов, на которые должны были дать ответы райпотребсоюзы. Таким образом, почти весь объем работы по противодействию частнику в потребкооперации пришлось выполнять аппарату старшего инспектора. За первое полугодие 1949 года было дополнительно проверено 343 предприятия, в том числе 213 торговых, 12 заготовительных и 20 производственных [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 833, л. 118].

Нередко потребкооперация привлекала частников для закупок товаров в крупных городах Советского Союза, что во многом было обусловлено нарушениями в системе товародвижения. Так, из отчета ревизионной комиссии Центросоюза Третьему Всесоюзному съезду потребительской кооперации 21 мая 1948 года следовало, что на центральных складах Центросоюза в Москве не был организован надлежащий порядок в отгрузке товаров для системы потребкооперации. Утвержденные графики отгрузки часто нарушались, в результате чего потребсоюзы присылали в Москву большое количество так называемых «толкачей», растрачивающих кооперативные средства [РГАЭ, ф. 484, оп. 2, д. 179, л. 4].

Такие факты были установлены на заводе «Техжирхозтовар» Башпотребсоюза. Директор завода Г. Г. Сабитов заключил договор с гражданином Аграновичем, который был ранее снят с работы за злоупотребления в Архангельском мехлесопункте Центросоюза и находился под следствием. По договору Аграновичу разрешалось закупать растительное масло у кооперативных организаций, за что ему выплачивалось вознаграждение. В ноябре 1948 года он получил командировочное удостоверение на поездку в Москву, Киев и Краснодар, а также доверенность на право заключения договоров на закупку и продажу товаров с другими кооперативными организациями. В Краснодаре он заключил три договора: два с оптово-сбытовой базой Главкоопторга на поставку заводу двух цистерн растительного масла общей массой 45 475 кг и один с плодоовощным объединением Краснодарского крайпотребсоюза на поставку заводу 23 420 кг растительного масла. Директором завода было выплачено Аграновичу за заключение этих договоров комиссионное вознаграждение

в сумме 9124 руб. 45 коп. Кроме того, народным судом было присуждено в пользу Аграновича еще 8661 руб. Всего за период с 4 ноября 1948 года по 24 января 1949 года он заработал в организации Башпотребсоюза 23 173 руб. Аппарат старшего инспектора добился отмены решения народного суда посредством обжалования в Верховном суде Башкирской АССР [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 833, л. 120].

В актах проверок имеются сведения о единичных случаях сотрудничества потребкооперации Башкирии с частниками из других регионов. Аппаратом старшего инспектора был выявлен факт пособничества частнопредпринимательской деятельности в Управлении заготовок Башпотребсоюза со стороны начальника отдела заготовок технического сырья и махорки Л. Н. Скрипникова. 20 ноября 1948 года он заключил в Челябинске с гражданином Оберемок трудовое соглашение на изготовление чертежей на оборудование махорочной фабрики и гражданином Генкиным на составление полного описания технологического процесса переработки махорочного сырья. За указанные работы Управлением заготовок Башпотребсоюза было выплачено Оберемок 5100 руб. и Генкину — 4100 руб. 25 ноября Л. Н. Скрипников заключил второе соглашение с Оберемок на изготовление и сборку оборудования для производства махорки. Сумма договора составила 31 619 руб., из которой за выполнение работ частной бригаде было выплачено 19 815 руб. После выявления данного факта прокурором Челябинска был наложен арест на оборудование до разбора дела в суде. Вопрос о незаконных действиях начальника отдела заготовок рассматривался на заседании правления Башпотребсоюза. Было принято постановление, осуждающее незаконные действия члена правления Л. Н. Скрипникова. Все начальники отделов были предупреждены о недопущении впредь подобных фактов [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 833, л. 121].

4. Заключение = Conclusions

За 1946—1950 годы в системах промысловой и потребительской кооперации Башкирии был проведен комплекс мероприятий по выявлению и ликвидации частнопредпринимательской деятельности. Главкоопом была проведена работа по устранению злоупотреблений, связанных с принятием частных заказов без оформления квитанций, уклонением от уплаты налогов, невыходом работников артелей на работу из-за незаконных надомных промыслов. Наведение порядка в кооперативных организациях, безусловно, можно признать успехом кампании по борьбе с частником. В то же время мероприятия по контролю над выполнением Постановления Совета Министров № 1229 от 14 апреля 1948 года показали, что многие граждане обращались к услугам частников, минуя кооперацию. Несмотря

на рост объемов производства в промкооперации и объемов товарооборота в потребкооперации, складская и розничная торговая сеть была перегружены неходововыми и залежалыми товарами, не пользующимися спросом населения. Обращение к частнику было обусловлено расчетом на получение товара высокого качества, соответствующего индивидуального спросу.

Вместе с тем такие проблемы в развитии кооперации, как низкая квалификация кадров, отсутствие должной инициативы, нехватка транспорта и слабая связь с государственной промышленностью и потребителями, вели к тому, что кооперация сама активно обращалась к услугам частных для проведения ревизий, производства проектно-сметных работ. Частники активно использовались кооперацией для перевозок товаров и сырья, а также привлекались в качестве агентов по закупкам для заключения договоров поставки товаров для республики с торговыми предприятиями Советского Союза. До проведения кампании по борьбе с частником большая часть таких услуг официально оформлялась договорами.

Аппарат старшего инспектора Главукоопа по Башкирской АССР по мере возможности рассматривал наличие частнопредпринимательской деятельности как индикатор эффективности кооперативных организаций. В случае расторжения договоров с частниками перед кооперативными организациями и Советом Министров Башкирской АССР ставились вопросы об экстренной организации новых цехов в артелях, о замене в производственных программах товаров в соответствии с запросами населения и организаций. Часть предприятий, чье оздоровление оказалось невозможным, была закрыта. Согласно отчетам Главукоопа, к началу 1950 года признаки частного предпринимательства в кооперативных организациях отсутствовали, по крайней мере выраженные в наиболее грубых нарушениях законодательства, а также существовавшие в виде официальных договорных отношений. Однако при неспособности кооперации в рамках плановой экономики добиться высокой эффективности частный сектор не мог быть ликвидирован полностью и навсегда. Неудовлетворенный спрос значительной части населения, с одной стороны, и наличие инициативы и желания обогащения, с другой стороны, вели к формированию теневого сектора советской экономики.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 484 (Центросоюз). Оп. 2. Д. 179. Л. 4 ; Оп. 3. Д. 795. Л. 12 ; Ф. 8090 (Главное управление по делам промысловой и потребительской кооперации при Совете Министров СССР (Главукооп).

1946—1950 гг.). Оп. 1. Д. 78. Лл. 4, 5 ; Д. 238. Лл. 5, 6 ; Д. 833. Лл. 111, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 120, 121 ; Д. 834. Лл. 8, 9, 10, 11, 14, 15 ; Д. 1170. Лл. 113, 114, 115.

Литература

1. Аксарин В. В. Управление по делам промысловой и потребительской кооперации в 1946—1950 годах : взаимодействие центральных и местных органов (на примере Тюменской области) / В. В. Аксарин // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 284—297. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-284-297>.
2. Аллагулова Е. М. Социальная структура и мобильность населения Башкортостана в 1930—1950-е годы / Е. М. Аллагулова. — Уфа : Восточный университет, 2000. — 120 с.
3. Вахитов К. И. Потребительская кооперация СССР / К. И. Вахитов. — Москва : Экономика, 1980. — 144 с.
4. История Башкортостана. 1917—1990-е годы : в 2-х т. / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. — Уфа : Гилем, 2005. — Т. 2. — 313 с. — ISBN 5-7501-0505-9.
5. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней / под ред. И. Г. Акманова. — Уфа : Китап, 2006. — Т. 2. — 600 с. — ISBN 5-295-03483-6.
6. Кистанов Я. А. Потребительская кооперация СССР : исторический очерк / Я. А. Кистанов. — Москва : Издательство Центросоюза, 1951. — 420 с.
7. Клинова М. А. Феномен коррупции в послевоенном Советском Союзе : теоретические подходы и исследовательские практики / М. А. Клинова, А. В. Трофимов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18. — № 4. — С. 32—36. — DOI: [10.14529/ssh180404](https://doi.org/10.14529/ssh180404).
8. Назаров П. Г. История российской промысловой кооперации, 1932—1952 / П. Г. Назаров. — Челябинск : Челяб. гос. техн. ун-т, 1994. — Ч. VIII. — 71 с.
9. Новожилов А. А. Организационная структура промысловой кооперации Курганской области (1946—1960 гг.) / А. А. Новожилов, М. Н. Федченко // Российский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 6. — С. 490—500.
10. Очерки по истории Башкирской АССР / под ред. В. П. Иванкова. — Уфа : Башкирское книжное издательство, 1966. — Т. II. — 643 с.
11. Пасс А. А. Организационная структура кооперативного «бизнеса» в СССР (1950-е гг.) / А. А. Пасс // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 438. — С. 151—162. — DOI: [10.17223/15617793/438/20](https://doi.org/10.17223/15617793/438/20).
12. Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование частнопредпринимательской деятельности в СССР (с середины 1940-х до середины 1950-х годов) / Е. Д. Твердюкова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2010. — № 1 (105). — С. 198—205.
13. Файн Л. Е. Отечественная кооперация : исторический опыт / Л. Е. Файн. — Иваново : Ивановский государственный университет, 1994. — 276 с.
14. Федин С. А. Частное предпринимательство и борьба с ним в 1945—1953 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) / С. А. Федин // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2011. — № 2. — С. 46—49.
15. Чуднов И. А. Кооперация минус частная инициатива равно социализм / И. А. Чуднов, В. А. Осипов // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2013. — № 3. — С. 175—184.
16. Яковлев П. И. Промысловая кооперация СССР за 40 лет / П. И. Яковлев. — Москва : Всесоюзное кооперативное издательство, 1957. — 51 с.

17. Янгуразов А. М. Промысловая кооперация Башкирской АССР / А. М. Янгуразов. — Уфа : Башгосиздат, 1952. — 131 с.

Статья поступила в редакцию 15.12.2024,
одобрена после рецензирования 18.02.2025,
подготовлена к публикации 11.05.2025.

Material resources

RGAE — *Russian State Archive of Economics*. (In Russ.).

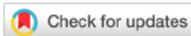
References

- Akmanov, I. G. (ed.). (2006). *History of Bashkortostan from ancient times to the present day*, 2. Ufa: Kitap. 600 p. ISBN 5-295-03483-6. (In Russ.).
- Aksarin, V. V. (2020). Directorate for Trade and Consumer Cooperation in 1946—1950: Interaction of Central and Local Authorities (Tyumen region). *Nauchnyi dialog*, 3: 284—297. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-284-297>. (In Russ.).
- Allagulova, E. M. (2000). *Social structure and mobility of the population of Bashkortostan in the 1930s and 1950s*. Ufa: Oriental University. 120 p. (In Russ.).
- Chudnov, I. A., Osipov, V. A. (2013). Cooperation minus private initiative equals socialism. *Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, 3: 175—184. (In Russ.).
- Fedin, S. A. (2011). Private entrepreneurship and the fight against it in 1945—1953 (based on the materials of the Lower Volga region). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*, 2: 46—49. (In Russ.).
- Fine, L. E. (1994). *Domestic cooperation: historical experience*. Ivanovo: Ivanovo State University. 276 p. (In Russ.).
- Ivankov, V. P. (ed.). (1966). *Essays on the history of the Bashkir ASSR*, 2. Ufa: Bashkir Book Publishing House. 643 p. (In Russ.).
- Kistanov, Ya. A. (1951). *Consumer cooperation of the USSR: a historical essay*. Moscow: Centrosoyuz Publishing House. 420 p. (In Russ.).
- Klinova, M. A., Trofimov, A. V. (2018). The phenomenon of corruption in the post-war Soviet Union: theoretical approaches and research practices. *Bulletin of SUSU. The series "Social sciences and humanities"*, 18 (4): 32—36. DOI: 10.14529/ssh180404. (In Russ.).
- Nazarov, P. G. (1994). *History of Russian commercial cooperation, 1932—1952, VIII*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Technical University. Univ. 71 p. (In Russ.).
- Novozhilov, A. A., Fedchenko, M. N. (2018). Organizational structure of the Kurgan region fishing cooperative (1946—1960). *Russian Humanitarian Journal*, 7 (6): 490—500. (In Russ.).
- Pass, A. A. (2019). The organizational structure of cooperative “business” in the USSR (1950s). *Bulletin of Tomsk State University*, 438: 151—162. DOI: 10.17223/15617793/438/20. (In Russ.).
- Suleymanov, R. N. (ed.). (2005). *The history of Bashkortostan. 1917—1990: in 2 volumes*, 2. Ufa: Gilem. 313 p. ISBN 5-7501-0505-9. (In Russ.).
- Tverdyukova, E. D. (2010). State regulation of private entrepreneurial activity in the USSR (from the mid — 1940s to the mid — 1950s). *Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences*, 1 (105): 198—205. (In Russ.).

- Vakhitov, K. I. (1980). *Consumer cooperation of the USSR*. Moscow: Ekonomika Publ. 144 p. (In Russ.).
- Yakovlev, P. I. (1957). *Fishing cooperation of the USSR for 40 years*. Moscow: All—Union Cooperative Publishing House. 51 p. (In Russ.).
- Yangurazov, A. M. (1952). *Fishing cooperation of the Bashkir ASSR*. Ufa: Bashkosizdat Publ. 131 p. (In Russ.).

*The article was submitted 15.12.2024;
approved after reviewing 18.02.2025;
accepted for publication 11.05.2025.*

Информация для цитирования:

Валькова К. В. Эпидемия холеры 1892 года и развитие медико-санитарной системы Томской губернии (на примере Барнаула и Бийска) / К. В. Валькова, Н. В. Неженцева, О. И. Чекрыжова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 386—405. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-386-405.

Valkova, K. V., Nezhentseva, N. V., Chekryzhova, O. I. (2025). 1892 Cholera Epidemic and Development of Medical and Sanitary System in Tomsk Province: A Case Study of Barnaul and Biysk. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 386-405. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-386-405. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эпидемия холеры 1892 года и развитие медико-санитарной системы Томской губернии (на примере Барнаула и Бийска)

Валькова Ксения Викторовна

orcid.org/0000-0003-0301-294X

кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории
valkovakv@vk.com

Неженцева Наталья Владимировна

orcid.org/0000-0002-6700-7739

кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории
neshenzewan@mail.ru

Чекрыжова Оксана Ивановна

orcid.org/0000-0002-9089-5404

кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории,
корреспондирующий автор
niigi@yandex.ru

Алтайский
государственный университет
(Барнаул, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-28-20360,
<https://rscf.ru/project/24-28-20360/>

1892 Cholera Epidemic and Development of Medical and Sanitary System in Tomsk Province: A Case Study of Barnaul and Biysk

Ksenia V. Valkova

orcid.org/0000-0003-0301-294X

PhD in History, Associate Professor,
Department of National History
valkovakv@vk.com

Natalia V. Nezhentseva

orcid.org/0000-0002-6700-7739

PhD in History, Associate Professor,
Department of National History
neshenzewan@mail.ru

Oksana I. Chekryzhova

orcid.org/0000-0002-9089-5404

PhD in History, Associate Professor,
Department of National History,
corresponding author
niigi@yandex.ru

Altai State University
(Barnaul, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-20360,
<https://rscf.ru/project/24-28-20360/>

© Валькова К. В., Неженцева Н. В., Чекрыжова О. И., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению эпидемии холеры 1892 года в городах Барнауле и Бийске Томской губернии. Источниками выступили опубликованные материалы официальной статистики. В качестве материалов привлекаются периодическая печать, издания общественных организаций и исследовательских обществ, епархий, которые наряду с медицинскими учреждениями играли значительную роль в борьбе с эпидемией. Целью исследования стал анализ деятельности медико-санитарных, административных и общественных организаций в условиях экстремальной потребности в медицинской и просветительской помощи населению в период эпидемии. Представлены результаты сопоставительного анализа санитарной обстановки и медико-санитарных мероприятий в период эпидемии холеры в городах Барнауле и Бийске. Выявляются причины неэффективности противоэпидемиологических мероприятий, проводимых в Барнауле, итогом которых стала значительно превышающая средние показатели по губернии заболеваемость и смертность населения. Подчеркивается, что причиной неэффективности стало критическое сочетание негативных факторов: потока переселенцев, неблагоприятных санитарных условий и низкого охвата населения медицинской помощью. Показано, что анализ результатов борьбы с эпидемией впоследствии положил начало наращиванию медицинской помощи и повышению ее доступности для широких слоев общества.

Ключевые слова:

эпидемия; холера; санитарно-гигиеническое состояние; медицина; Барнаул; Бийск.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the cholera epidemic of 1892 in the cities of Barnaul and Biysk in Tomsk Province. The study draws on published materials from official statistics, as well as periodicals, publications from public organizations and research societies, and church dioceses, all of which played a significant role alongside medical institutions in combating the epidemic. The aim of this research is to analyze the activities of medical, administrative, and civic organizations in response to the acute need for medical and educational assistance during the epidemic. The results include a comparative analysis of the sanitary conditions and medical-sanitary measures implemented during the cholera outbreak in Barnaul and Biysk. The study identifies the reasons for the ineffectiveness of the epidemiological measures undertaken in Barnaul, which resulted in significantly higher morbidity and mortality rates compared to provincial averages. It emphasizes that this ineffectiveness stemmed from a critical combination of adverse factors: a surge of migrants, poor sanitary conditions, and low levels of medical care accessibility for the population. Furthermore, it is demonstrated that the analysis of the outcomes of the fight against the epidemic subsequently laid the groundwork for enhancing medical assistance and improving its availability to broader segments of society.

Key words:

epidemic; cholera; sanitary conditions; medicine; Barnaul; Biysk.

УДК 94(47).082+614.446(091)“1892”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-386-405

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Эпидемия холеры 1892 года и развитие медико-санитарной системы Томской губернии (на примере Барнаула и Бийска)

© Валькова К. В., Неженцева Н. В., Чекрыжова О. И., 2025

1. Введение = Introduction

Одной из наиболее актуальных социальных проблем городов Сибири в конце XIX — начале XX веков являлось их неудовлетворительное медико-санитарное состояние. Медицинская и санитарная инфраструктура в условиях отдаленных от центра регионов не успевала за ростом населения, и показатели охвата населения медицинской помощью были очень низкими. Быстрый рост населения городов в Сибири в конце XIX века [Скубневский, 2014, с. 194] в значительной мере осуществлялся за счет усиления переселенческого движения, в части сибирских городов этому способствовало увеличение количества заключенных, в том числе пересыльных. Именно в такой среде часто создавались благоприятные условия для вспышек инфекционных заболеваний, которые затем распространялись среди населения губерний и часто приводили к значительным жертвам.

В фокусе нашего исследования сопоставление данных различных источников о распространении эпидемии холеры 1892 года в городах Томской губернии на примере Барнаула и Бийска. Анализируются состояние медико-санитарной структуры городов в экстремальных условиях распространения заразных заболеваний и степень эффективности различных противоэпидемических мероприятий. Целями исследования стали выявление и анализ негативных факторов, влияющих на деятельность медико-санитарных, административных, общественных и других организаций в условиях экстремальной потребности в медицинской и просветительской помощи населению в период эпидемии.

1892 год стал серьезным испытанием для жителей Российской империи. Повышение плотности населения, а также неурожай и голод в Европейской части государства усилили приток переселенцев из Великороссии, Малороссии и Приволжских губерний на территорию Западной Сибири. Особым интересом у переселенцев пользовалась территория Томской губернии, в том числе Бийский и Барнаульский округа. Однако экономическая привлека-

тельность данных территорий имела не только положительные результаты, так как вместе с переселенцами в Томскую губернию пришла и стремительно распространялась эпидемия холеры, охватившая в 1892 году не только большую часть России, но и целый ряд зарубежных государств. Несмотря на то, что неурожая в Сибири накануне эпидемии не случилось, комплекс факторов не позволил избежать негативных последствий эпидемии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данном исследовании авторским коллективом делается акцент на изучении эпидемии холеры 1892 года на примере городов Томской губернии Барнаула и Бийска. Основными материалами стали данные официальной статистики, опубликованные материалы научных сообществ и отдельных врачей, а также материалы прессы, привлеченные с целью выявить специфику распространения эпидемии в изучаемых городах и установить причины нанесения значительного ущерба здоровью населения.

Источником официальной информации о ходе эпидемии служат данные статистики, представленные в «Обзорах...» Томской губернии, приложениях к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора за 1892 год, опубликованном в 1893 году, и в отчете медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1892 год, опубликованном в 1896 году. Источники содержат достаточно полную информацию, характеризующую и медико-санитарное состояние изучаемой территории, и сведения о состоянии здоровья населения. В отчете медицинского департамента за 1892 год отмечается, что холера в текущем году стала преобладающей из всех форм болезней населения [Отчет ..., 1896, с. 3]. Также отмечается, что последствия этой эпидемии холеры настолько велики для медико-санитарной системы Российской Империи, что даже данный отчет опубликован со значительной задержкой именно по этой причине [Там же, с. 9].

Проблема разрушительных эпидемий в городах Сибири на рубеже XIX—XX веков находила отклик уже в трудах современников, занимавшихся оценкой их причин, последствий и эффективности мер борьбы с ними. Сразу же после окончания эпидемии холеры 1892 годы попытки оценки ее причин и последствий предпринимались Обществом любителей исследования Алтая, Томским обществом естествоиспытателей и врачей и были опубликованы статьи и материалы по оценке последствий холерной эпидемии. Большую ценность в качестве источника сведений об эпидемии представляют труды врачей, таких, например, как А. Н. Недзвецкий, С. В. Мартынов [Недзвецкий, 1896; Мартынов, 2017], непосредственно работавших в то время и оставивших подробное описание течения эпидемии и результатов анализа причин высокой заболеваемости в Барнауле.

Материалы были опубликованы в виде отдельных изданий или в составе отчетов о состоянии медицинского дела на Алтае.

Отклик на последствия эпидемии был достаточно активен не только в профессиональном сообществе, но и в обществе, что отразилось в тогдашней периодической печати. Так, на страницах общероссийской специализированной периодики (газет «Врач» и «Медицина») вопросы заболеваемости за Уралом практически не рассматриваются. В частности, за 1892 год нет ни одного упоминания о ситуации в сибирских городах. Исключения составляют еженедельные публикации ведомостей о ходе холерной эпидемии по сведениям, поступившим в Медицинский Департамент Внутренних дел, в разделе «Хроника и мелкие известия» газеты «Медицина», где публиковались данные о количестве заболевших и умерших во всех губерниях Российской империи. Вплоть до 1902 года сибирские города не имели собственных специализированных медицинских изданий в формате газеты. При этом врачебное дело данного региона имело ряд специфических, подчас архаических особенностей, с которыми можно было ознакомиться на страницах местной прессы [Первый ..., 1902, с. 1.].

На основе применения историко-сравнительного и историко-системного методов были определены направления борьбы с распространением холеры и выявлены специфические факторы, послужившие причинами неэффективности принимаемых противоэпидемиологических мер.

В последние годы научное сообщество демонстрирует закономерно обоснованный интерес к изучению эпидемий прошлого и опыта борьбы с ними. К тематике эпидемической обстановки в населенных пунктах Сибири периодически обращались отдельные исследователи, чаще упор делался на характеристику санитарного состояния городов и уровень развития медицинских учреждений, в том числе с точки зрения истории медицины [Литягина, 2013; Татарникова, 2016; Татарникова, 2021; Тимошенко, 2022]; выявлялись и некоторые местные особенности санитарного устройства отдельных населенных мест [Татарникова, 2019].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая характеристика и статистические данные по распространению эпидемии холеры в 1892 году на территории Томской губернии

Эпидемии случались регулярно, и сама по себе холера не являлась новым заболеванием для жителей Сибири и Томской губернии. С 1848 до 1892 годы в губернии наблюдалось по крайней мере пять вспышек заболеваемости холерой.

В условиях стремительного распространения в России азиатской холеры в 1892 году от представителей Томской губернской власти требовались

решительные действия по предупреждению заражения местного населения. С этой целью по периметру большинства населенных пунктов активно начали установку специальных обсервационных пунктов для контроля за переселенцами. Подобная идея широко обсуждалась еще в апреле 1885 года в Томском губернском совете на заседании комитета общественного здоровья с целью выработки программы «по предупреждению возможности занесения заразы из России». Предполагалось в ближайшие годы построить за городами бараки для прибывающих на пароходах переселенцев, а на территории городов спроектировать устройство специальных больниц, подготовить дезинфекционные камеры для обработки одежды и личных вещей заболевших. [Городские ..., 1885, с. 393]. Тем не менее до 1892 года никаких действенных шагов в этом направлении предпринято не было.

Согласно официальным статистическим данным по Томской губернии, только в 1892 году через данные пункты прошло не менее 25 000 переселенцев. Пик эпидемии в обсервационных пунктах пришелся на 26 июля — 12 августа 1892 года, причем среди заболевших были в большинстве своем сами переселенцы, которые заболели в дороге друг от друга либо от зараженной воды [Еланцев, 1894, с. 42]. Запоздалое возведение обсервационных пунктов, отсутствие минимального медицинского обеспечения на большей части пути переселенцев привело к дальнейшему распространению эпидемии на территории региона.

Стоит отметить, что своевременное закрытие границ и контроль над обсервационными пунктами позволили избежать распространения холеры в целом ряде городов Томской губернии. К примеру, в Кузнецке не было выявлено ни одного случая заболевания холерой, в Нарыме — один, в Бийске — три. В целом же эпидемия бушевала на территории губернии с 11 июля по 15 декабря 1892 года, охватив 7 городов и 345 селений, всего заболели 16 678 человек, из них умерло 9190, что составляет 55,2 %. Согласно официальной статистике, число жителей Томской губернии в 1891 году составляло примерно 1 423 100, соответственно, на 1 000 человек приходилось 12 заболеваний и 6 смертельных случаев [Еланцев, 1894, с. 46].

Бездействие местных властей обусловило необходимость активизации общественных сил в борьбе с эпидемией. К примеру, несколько жительниц Томска вызвались на безвозмездной основе помогать в уходе за больными. Данное событие лежит в основе появления Томской общины сестер милосердия в сентябре 1892 года, в то время как устав общества будет официально утвержден только в 1894 году [Томская община ..., 2019, с. 541—542.].

Согласно статистике 1892 года, лидирующую позицию по заболеваемости холерой в Томской губернии занимал Барнаульский округ. Эпидемия охватила 171 селение из 23 волостей. Всего заболевших в Барнаульском

округе было 9160 человек, из них умерло — 5081, что составило 55,4 %. Число жителей округа на 1891 год — 310 000, соответственно, процент заболеваемости составил 2,9 %. [Еланцев, 1894, с. 36]. Для сравнения: на втором месте после Барнаульского округа находился Томский округ с заболеваемостью 0,9 %, а среднее значение заболеваемости по губернии составило 1,1 % [Там же, с. 47]. Превышение округом среднего показателя заболеваемости в несколько раз заставляет обратить внимание на функционирование местной системы здравоохранения.

3.2. Особенности распространения и борьбы с эпидемией холеры в Барнауле в 1892 году

Современники отмечали, что, несмотря на то, что в городе существовал целый ряд благотворительных учреждений, медицина в Барнауле во второй половине XIX века развивалась неудовлетворительно [Путеводитель ..., 1895, с. 64]. При этом нельзя не отметить, что подобное положение дел наблюдалось практически на всей территории Томской губернии. С момента проведения городской реформы лечением барнаульцев должен был заниматься городской врач, который параллельно заведовал тюремной больницей, наблюдал за санитарным состоянием города, решал вопросы судебной медицины и выполнял еще целый ряд сопутствующих обязанностей. При этом больницы для стационарного лечения городских жителей на территории города не было. Однако в Барнауле действовали специализированные медицинские учреждения: военный лазарет и горный госпиталь [Экономическое ..., 1882, с. 186]. Возможность лечения в военном лазарете для широких категорий населения была закрыта, горный госпиталь же был готов оказывать горожанам платную помощь при условии наличия свободных коек. Однако из-за высокой востребованности госпиталя среди работников горного производства местные жители практически не могли воспользоваться его услугами.

В 1885 году по инициативе городской администрации была организована специальная комиссия для обсуждения вопроса об учреждении городской больницы, однако комиссия пришла к выводу, что городской бюджет не сможет обеспечивать это заведение. Было принято решение потратить имеющиеся у города средства на содержание 5 кроватей в недавно открытой больнице общества Красного Креста, но и на ее содержание средств не хватало. Несмотря на все попытки сохранить больницу, с 1889 года она была официально закрыта практически на 10 лет, хотя в период холерной эпидемии 1892 года именно на ее базе развернулся госпиталь для холерных больных [Байтов, 1904, с. 41—42].

На практике с 1889 года город мог размещать своих больных только в горном госпитале, что на деле было слабо осуществимой задачей. Горный

госпиталь, располагавшийся в одном здании с Богадельней Алтайского горного ведомства, содержался за счет средств Кабинета и был ориентирован в основном на уход за престарелыми и неспособными к труду горнозаводскими рабочими. Похожие функции выполняла и открытая в 1882 году по инициативе Барнаульской городской думы в память 25-летия царствования Александра II на частные пожертвования Александровская богадельня [Благотворительные ..., 1895, с. 53—54]. Оказание содействия незащищенным категориям населения (в том числе снабжение денежными средствами для покупки медикаментов и получения необходимой медицинской помощи в местных больницах) брало на себя Барнаульское благотворительное общество, открытое в 1890 году [Там же, с. 52].

Несмотря на все эти меры, Барнаул в медицинском плане оказался полностью не подготовленным к холере. Принимая во внимание то, что эпидемия распространялась очень быстро, местная администрация, получив официальные известия о холере из Ташкента, сразу организовала особый санитарный комитет из местных врачей, а также санитарную комиссию, в которую вошли 56 барнаульских обывателей, осуществлявших постройку загородных холерных барачков, обсервационных пунктов, с целью улучшения санитарного состояния города. Однако полностью реализовать данные мероприятия не удалось [Байтов, 1904, с. 42—43]. Высокая скорость распространения холерной эпидемии в Барнауле, по замечанию местного врача А. Недзвецкого, была связана с тем, что холера попадала в город двумя путями. Первый путь распространения холеры — «сухой», через переселенцев из Европейской России [Недзвецкий, 1895, с. 1]. В Барнауле первый официальный случай заболевания холерой был зафиксирован 3 августа 1892 года, после чего эпидемия очень быстро распространилась из-за крайне неблагоприятных санитарных условий в части города под названием «Заячий участок», где холера охватила наибольшее число населения. Заячий участок располагался на болотистом месте, которое активно засыпалось мусором, щепой и навозом перед домовою застройкой и прокладкой дорог. Однако полностью ликвидировать болота не удавалось, а они в свою очередь являлись благоприятной средой для распространения холерной инфекции, так называемой «холерной запятой» [Еланцев, 1894, с. 25]. Распространению холеры способствовало и отсутствие развитой системы водопровода и канализации. Холерная запятая, попадая на землю с испражнениями заболевшего, а также в результате стирки вещей заболевшего активно размножалась в местных реках и прудах [Сычугов, 1918, с. 2]. Ввиду бедности население «заячьего участка» не могло позволить себе улучшить санитарное состояние жилищ и благоустроить прилегающие территории, а большой процент безграмотности среди жителей этого

района города делал неэффективными просветительские мероприятия по предотвращению заражения, которые проводились администрацией.

Вторым путем заражения холерой в Барнауле был водный: заболели местные жители, работавшие на паровой пристани. 31 июля 1892 года после работы на пристани заболел и умер 35-летний барнаульский мещанин Синькин. По всем признакам, у него был припадок холеры, однако в метрической книге причина его смерти указана иначе: «от поноса». Вторым случаем заболевания был зафиксирован в ночь на 1 августа: заболел 65-летний арестант Колпаков, накануне пиливший дрова у пристани реки Барнаулки. Симптомы Колпакова соответствовали симптомам Синькина, и пациент был госпитализирован в холерный госпиталь, где, несмотря на усилия врачей, скончался. Посмертное вскрытие подтвердило диагноз «холера». После этих случаев с 3 августа 1892 года была зафиксирована вспышка болезни на территории Заячьего участка, и эта дата считается официальным началом эпидемии в Барнауле [Недзвецкий, 1895, с. 1].

Отметим несколько особенностей установления причины смерти в случаях гибели человека, что в конечном итоге повлияло на статистику количества заболевших и умерших от холеры. По данным метрических книг, формулировки «от поноса» в качестве указания причины смерти не позволяют не только определить точную дату начала эпидемии в Барнауле, но и подсчитать реальное количество ее жертв. Возбудителем холеры служит бактерия, которую из-за формы называли «холерной запятой». Бактерия развивалась в кишечнике, приводя к расстройству работы всего организма. В качестве основных симптомов заболевания отмечали понос, также сильную тошноту, рвоту и мучительные судороги [Лункевич, 1903, с. 33]. Анализ метрических книг церковных приходов Барнаула за 1890-е годы позволяет сделать вывод, что причина смерти «от поноса» указывалась чаще всего, что во многом связано с отсутствием в городе должного медицинского персонала [ГААК, ф. 144, оп. 4, д. 53, 54, 68; оп. 5, д. 556, 620, 691, 760]. К примеру, за период официального распространения эпидемии в Барнауле с 3 августа по 14 октября 1892 года в метрической книге местного Покровского прихода, находившегося в центре холерной эпидемии, зафиксировано 125 смертей от холеры и еще 28 смертей от поноса [ГААК, ф. 144, оп. 4, д. 53].

Особого внимания заслуживает количественный анализ детской смертности от холеры. Барнаульский врач Недзвецкий отмечал, что более половины смертей от холеры приходилось на возрастную группу от 40 лет, в то время как детская смертность была минимальной. Так, за всю эпидемию в Барнауле, по данным официальной статистики, умерло всего 33 ребенка в возрасте до 10 лет [Недзвецкий, 1895, с. 9]. Анализ метрической книги

Покровского прихода за 1892 год показывает, что из 125 умерших от холеры было 19 детей в возрасте до 10-х лет, в то же время все 28 человек, умерших за это же время от поноса, были детьми [ГААК, ф. 144, оп. 4, д. 53]. Подобный факт можно объяснить проблемой массовой детской смертности от поноса, который особенно свирепствовал в летние месяцы. Так за июнь-июль 1892 года от поноса умерло 415 детей. Причина смерти в метрической книге фиксировалась священниками, часто диагноз определялся со слов близких, а в случае смерти всей семьи — со слов родственников или даже соседей [Сыщенко, 2006, с. 16]. Кроме этого, симптомы заболевания холеры схожи с брюшным тифом и некоторыми другими инфекциями, что также не способствовало правильной постановке диагноза и, как следствие, корректности статистических данных [Лункевич, 1903, с. 38].

К середине октября 1892 года холерная эпидемия в Барнауле утасла. Почти за два с половиной месяца, по официальным данным, заболели всего 649 человек, из них умерло 386, что составило 39,4 %. Число жителей Барнаула на 1892 год составляло, по данным медицинского департамента, 14 821 чел. [Отчет ..., 1896, с. 10], процент заболеваемости — 3,6 % [Еланцев, 1894 с. 26]. Данные цифры были получены из санитарных карточек, которые заполняли местные медицинские работники, однако тот факт, что по целому ряду причин не все заболевшие обращались за врачебной помощью, делает статистику неполной [Судаков, 1894, с. 1]. По данным же барнаульского врача Недзвецкого, опирающегося на данные метрических книг, заболевших было около 800, из них умерло 441, что составило примерно 55,1 %, при том он же свидетельствовал о том, что $\frac{3}{4}$ всех заболевших были жителями Заячьего участка, в остальных районах города заболеваемость была намного ниже. Если придерживаться официальных данных, то по заболеваемости Барнаул находился на третьем месте после губернского центра Томска (3,8 %) и города Колывани (3,7 %) [Еланцев, 1894 с. 46]. Однако если исходить из данных, зафиксированных местными врачами, то Барнаул занимал лидирующие позиции по проценту заболеваемости.

Среди причин стремительного распространения холеры в Барнаульском округе отмечаются следующие факторы: большой поток переселенцев с Центральной части Российской империи, которые, стремясь обойти обзорные пункты, добирались до пункта поселения окольными путями, что объясняет одновременное появление зараженных холерой в разных поселениях, значительно отдаленных друг от друга [Еланцев, 1894, с. 36].

Большое значение имело информирование населения об опасности заболевания. В частности, жители Заячьего участка продолжительное время не понимали всей серьезности ситуации, активно посещали зараженные дома, становясь разносчиками холеры по всему городу [Недзвецкий, 1895, с. 1].

Важным фактором был огромный дефицит медицинского персонала. На территорию с населением 161 000 и площадью в 96 730 квадратных километров был всего 1 врач и 5 фельдшеров, один из которых в начале эпидемии серьезно заболел плевритом, а второй умер от холеры.

Пик эпидемии в Барнаульском округе пришелся на середину августа 1892 года, охватив большую часть округа. С конца месяца начинается сокращение числа заболевших, а в сентябре-октябре случаи болезни носили уже единичный характер, что связано в том числе и с выстраиваем алгоритма оказания медицинской помощи [Еланцев, 1894, с. 36]. Кроме этого, особую роль в борьбе с холерой сыграла деятельность чрезвычайной санитарной комиссии, благодаря которой в городе появился относительный санитарный порядок, особенно на территории проблемного Заячьего участка [Баитов, 1904, с. 42—43].

3.3. Холерная эпидемия 1892 года на территории Бийска

В Бийский округ холера пришла одновременно со вспышкой в Барнауле, однако полностью прекратилась 15 декабря 1892 года, что считается официальной датой окончания эпидемии в целом в Томской губернии. Всего по Бийскому округу заболели 1763 человека, из них умерло 912, что составило 51,7 %. Число жителей округа составляло 367 600, соответственно, процент заболеваемости составил 0,4 % [Еланцев, 1894, с. 41].

Основными учреждениями, проявившими себя в годы холеры, были Бийская городская больница и Бийское благотворительное общество. Больница была построена в 1876 году на пожертвования местного купца А. В. Соколова. Учреждение занимало два павильона на 12 кроватей каждое, было предназначено для военных во главе с военным врачом, а также для всего городского населения во главе с врачом общей практики [Благотворительные учреждения ..., 1895, с. 59—60]. Уже к 1882 году количество коек увеличилось до 25 [Экономическое состояние ..., 1882, с. 192] Штат больницы составляли также фельдшер, смотритель и прислуга. Городское общественное управление брало на себя ряд обязательств по выплате жалования врачу, отоплению и ремонту здания, а взамен пользовалось правом одновременно бесплатного лечения в больнице двух бедных горожан. Для остальных же лечение было платным — 7 руб. 50 коп. в месяц.

Бийское благотворительное общество, открытое в 1887 году, кроме прочего, брало на себя снабжение бедного населения медицинскими пособиями. Ввиду того, что главными инициаторами открытия Общества были городской врач Г. А. Прибытков и его жена, в целях предупреждения распространения эпидемий в городе на базе Общества была открыта бесплатная амбулаторная лечебница. Заведующим лечебницей был другой го-

родовой врач П. А. Чехов, которому помогал нанятый за отдельную плату фельдшер [Благотворительные ..., 1895, с. 61].

Холера распространялась в 15 верстах от Бийска, в то время как в самом городе было лишь три единичных случая заболевания. Первым заболел рядовой местной команды, умерший на следующий день после возвращения из конвоя; еще двумя жертвами холеры стали мещане, один из которых не покидал города, а второй заболел, посетив местность, где были случаи заболевания холерой. Администрация принимала решительные меры для защиты населения. Так, дома умерших от холеры были продезинфицированы, вещи, с которыми они соприкасались — сожжены. Семья одного из мещан после его смерти была на время изолирована в здании, выделенном под холерный госпиталь [Еланцев, 1894, с. 36].

Благодаря тому, что к эпидемии в медицинском отношении Бийск был подготовлен заранее, а также тому, что еще до начала эпидемии были построены и начали функционировать наблюдательные пункты на всех въездах в город, осуществлялся строгий надзор за всеми приезжающими, распространения холеры в самом окружном центре практически удалось избежать.

3.4. Развитие медико-санитарной системы в Барнауле и Бийске в 1890-е годы

Эпидемия холеры 1892 года показала несостоятельность медицинской системы в городах Алтая и необходимость увеличения медицинского персонала и контроля над санитарной обстановкой в городах. На 1892 год в Барнауле на более чем 20 000 жителей приходилось 2 больницы и 2 аптеки, 2 амбулатории, 6 врачей, два из которых при больницах, 8 фельдшеров, 3 лекарских ученика и 6 повивальных бабок, в Бийске на 16 753 жителя приходилось 2 больницы, 1 аптека, 3 амбулатории, 4 врача, 3 лекарских ученика и 2 повивальных бабки [Обзор ..., 1893, с. 43].

Наряду с административными мерами и медицинскими учреждениями важную роль в организации медицинской помощи и санитарного просвещения во время эпидемии играли церковные учреждения и общественные организации.

Административные меры по подготовке к эпидемии 1892 года заключались в том, что во всех городах Томской губернии в помощь к комитетам общественного здоровья были учреждены санитарно-исполнительные комиссии под управлением городских голов. Деятельность санитарных комиссий состояла в осмотрах площадей, дворов, улиц, частных и общественных зданий, наблюдении за устранением нечистот «участков» городов [Обзор ..., 1893, с. 48]. На период конца XIX века в Барнауле на обеспечение больничного дела и санитарные мероприятия отводилось 6 % от всего городского бюджета [Байтов, 1904, с. 45].

В 1890-е годы выходит целый ряд брошюр, посвященных различным аспектам борьбы с холерой, в которых было предложено научное обоснование возможных путей заражения и описание эффективных способов профилактики заболевания [Лункевич, 1903, с. 35]. Местное население же ввиду своей малообразованности не всегда правильно понимало рекомендации по сдерживанию заражения, при этом активно вырабатывая свои методы профилактики. В частности, большой популярностью пользовалось употребление утром и вечером натошак по паре рюмок водки [Санитарная ..., 1996, с. 3].

В 1893 году Томский окружной комитет народного здравия подготовил и распространил по территории губернии брошюры «Какая болезнь холера, откуда она берется и как от нее остерегаются». Ввиду проблем с медикаментами брошюра содержала информацию по лечению основных симптомов болезни народными средствами. Так, от поноса вместо аптечных капель Боткина № 1 рекомендовали употреблять отвар из сушеной черной черемухи, толченой и сушеной коры, молодой талины либо листьев шалфея. Действенным считалось ставить на живот горчичники, класть припарку из запаренного овса, мха или горячей золы. Активно использовались и растирания больного на печи с винным перцевым настроем, крапивой либо вином с горчицей [Пирусский, 1893, с. 17—18].

Врачебный устав 1892 года официально рекомендовал представителям духовенства участвовать в заседаниях медицинских комитетов, распространяя среди прихожан постановления начальства по вопросам народного здравия. Подобное сотрудничество объяснялось, с одной стороны, высоким авторитетом духовенства среди населения, с другой — недоверием населения медицинскому персоналу [Тартаковская, 2014, с. 146—148]. Основной задачей было распространение среди населения идей, что холера действительно существует и отличается высокой заразностью [Томские епархиальные ..., 1892, № 16, 17]. 15 августа 1892 года было опубликовано Распоряжение высшего начальства от 9 июля 1892 года № 1677 «О принятии со стороны духовных властей мер к предупреждению вредных последствий от неисполнения предписываемых начальством предосторожностей против холеры» [Томские епархиальные ..., 1892, с. 1—4].

Особого внимания заслуживает деятельность по борьбе с холерой Русского общества Красного Креста, в задачи которого входило назначение в лечебные заведения сестер милосердия для ухода за больными холерой [Обзор деятельности ..., 1893, с. 1]. В 1884 году в принадлежащих комитету зданиях на средства мецената, пожелавшего остаться неизвестным, в Барнауле была открыта больница, оснащенная всем необходимым для амбулаторного и стационарного лечения. Изначально больница вмещала 20 кроватей, но с 1887 года их количество постоянно сокращалось.

В 1889 году при комитете была учреждена Барнаульская покровская община сестер милосердия [Благотворительные ..., 1895, с. 54; Барнаульская ..., 2019, с. 224—225.]. В 1892 году деятельность Красного Креста в Барнауле во многом была направлена на помощь переселенцам из неурожайных районов, сбор пожертвований для обеспечения продовольствием, постройку для прибывших бараков за городом [Восточное ..., 1892, с. 7].

Во многом положительные изменения в развитии системы здравоохранения были достигнуты благодаря возникшему в Барнауле в 1891 году Обществу любителей исследования Алтая. В 1894 году был издан первый Алтайский сборник данного общества, посвященный проблемам переселенческого движения, а также содержащий материалы о заболеваниях холерой, включая доклады местных врачей А. Недзвецкого и И. Каразинова, прочитанные ими на заседаниях Общества [Алтайский ..., 1894.]. В докладах освещалась эпидемия холеры в контексте развития общих санитарных и отчасти экономических условий Барнаула и Сузуна.

Результаты показали необходимость наращивания медицинской помощи и повышения ее доступности для широких слоев общества. С 1895 года на территории Барнаула активно развивается оказание бесплатной медицинской помощи за счет города на дому местным врачом Ф. Е. Зассом. В 1897 году открываются бесплатная амбулаторная лечебница и городская больница с квалифицированным медицинским персоналом. Открытие больницы стало возможным во многом благодаря жертвованиям Бийской купчихи Е. Г. Морозовой, а также крупному пожертвованию по завещанию Барнаульского купца И. Г. Полякова. Самоотверженность местных врачей А. Н. и А. М. Недзвецких, Л. Н. Агентова, М. К. Барсова, Ф. Е. Засса и Н. А. Завадовского, работавших бесплатно в начальный период существования лечебницы, обеспечили успех в развитии медицинского учреждения, предназначенного для широких слоев общества в Барнауле.

4. Заключение = Conclusions

Опыт Барнаула в борьбе с холерой 1892 года наглядно показал несостоятельность местной медицины, которой оказалось не под силу справиться с эпидемией, и выявил недостаточную организацию административных мер противодействия заражению. Несомненно, в Барнауле сложилась критическая ситуация, обусловленная сочетанием неблагоприятных факторов, таких как большой приток переселенцев, неудовлетворительное санитарное состояние города, особенно остро проявившееся на Заячьем участке, ограниченный доступ к чистой воде для значительной части населения и кризисное положение в сфере медицины. Трагический опыт, показавший, к каким жертвам приводит отсутствие необходимой медицинской помощи в регионе, тем

не менее не повлек за собой немедленных и существенных перемен в данной сфере. По ряду причин ситуация оставалась неизменной до 1895 года.

В Бийске опыт борьбы с холерой 1892 года был более удачным, но и его жители тяжело перенесли эпидемию, поэтому их также интересовали вопросы санитарного положения города. Наличие проблем, связанных с болотами, открытыми сточными канавами, массовым скоплением мусора на улицах города, загрязнением рек, вода из которых употребляется в пищу, вызывало опасения, что в будущем возможны новые вспышки холеры [Вопиющее, 1902, с. 2.]. После окончания холеры 1892 года медицинский департамент рекомендовал собрать на разных уровнях съезды врачей для разработки санитарной и врачебной программы по борьбе с холерой с учетом местных особенностей [Дашкевич, 1895, с. 68].

Проблемы развития медико-санитарного обеспечения в России во второй половине XIX века во многом объяснялись определенной системой двоевластия на местах. С одной стороны, вопросами здравоохранения ведали дореформенные губернские правления и комитеты общественного здоровья, с другой — новые органы местного самоуправления, образованные в результате реформ 1864 и 1870 годов. В сибирских городах процессы организации местного самоуправления сильно запаздывали в сравнении с европейской частью Российской империи. В Барнауле же дополнительным фактором было то, что он с основания был на особом положении «горного» города и находился в ведении Кабинета с подчиненностью медицинских учреждений сереброплавильному заводу, который к концу XIX века стал убыточным и был закрыт в следующем за эпидемией году. Существование подобного положения и дуумвирата не способствовало успехам в борьбе с эпидемиями. Отсутствие необходимого законодательства приводило к тому, что у старых учреждений не было необходимых финансов для реализации противохолерных мер, а у новых органов были финансы при отсутствии распорядительной власти. Критическое сочетание негативных факторов, таких как активный поток переселенцев, прибывающих в Барнаул двумя путями, крайне слабый охват населения медицинским обслуживанием, наличие неблагоприятного в санитарном отношении района города с бедным и невежественным населением и запоздало принятые противоэпидемические меры, привело к тому, что последствия эпидемии в городе Барнауле были более разрушительными, нежели в других городах губернии.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Барнаульская* покровская община сестер милосердия // Общины сестер милосердия Российской империи в 1844—1917 гг. : Энциклопедический справочник / под общ. ред. А. В. Постернака. — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2019. — С. 224—225. — ISBN 978-5-7429-1154-8.
2. *Вопиющее* санитарное положение г. Бийска // Сибирская жизнь : газета политическая, литературная и экономическая : [газета]. — 1902. — № 205 (20 сентября). — С. 2.
3. *Восточное обозрение* : газета литературная и политическая : [газета]. — 1892. — № 20 (17 мая).
4. ГААК — *Государственный* архив Алтайского края. Ф. 144. Оп. 4. Д. 53, 54, 68, Оп. 5. Д. 556, 620, 691, 760. Метрические книги церквей.
5. *Городские* известия // Сибирская газета : [газета]. — 1885. — № 16. — С. 393.
6. *Первый* печатный медицинский орган в Сибири // Сибирская жизнь : [газета]. — 1902. — № 272 (14 декабря).
7. *Предложение* Его Преосвященства, Преосвященного Макария, Епископа Томского и Семипалатинского духовенству Томской епархии по случаю губительной болезни // Томские епархиальные ведомости : [газета]. — 1892. — № 17 (1 сентября). — С. 3—4.
8. *Примеры* пастырской деятельности сельского духовенства Томской епархии во время бедствия народных // Томские епархиальные ведомости : [газета]. — 1892. — № 21 (1 ноября). — С. 34—43.
9. *Томские* епархиальные ведомости : [газета]. — 1892. — № 16 (15 августа).
10. *Томская* община сестер милосердия // Общины сестер милосердия Российской империи в 1844—1917 гг. : Энциклопедический справочник / под общ. ред. А. В. Постернака. — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2019. — С. 541—542. — ISBN 978-5-7429-1154-8.

Литература

1. *Алтайский* сборник. — Томск : Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1894. — 353 с.
2. *Байтов Г. Б.* Очерки муниципального Барнаула (1877—1902 г.) / Г. Б. Байтов. — Томск : [б. и.], 1904. — 152 с.
3. *Благотворительные* учреждения Томской губернии : очерк / составлен, по распоряжению Томского губернатора, чиновником особых поручений Томского общего губернского управления С. Соболевым. — Томск : Губернская типография, 1895. — 75 с.
4. *Дашкевич Л. В.* Наше Министерство внутренних дел / Л. В. Дашкевич. — Берлин : кн. маг. Штура, 1895. — 80 с.
5. *Еланцев П. П.* Обзор холерной эпидемии Томской губернии в 1892 году / П. П. Еланцев // Томское общество естествоиспытателей и врачей. Труды Томского общества естествоиспытателей и врачей. Год четвертый. — 1894. — С. 18—60.
6. *Литягина А. В.* Медико-санитарные условия повседневной жизни горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. / А. В. Литягина // История и краеведение Западной Сибири : проблемы и перспективы изучения : Сборник материалов V Региональной научно-практической конференции с международным участием, Ишим, 07—08 ноября 2013 года / Под редакцией И. В. Курышева, А. А. Любимова. — Ишим : Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет» в г. Ишиме, 2014. — С. 203—209.

7. *Лункевич В. В.* Невидимые друзья и враги людей / В. В. Лункевич. — Санкт-Петербург : Типография Ю. Н. Эрлих, 1903. — 64 с.

8. *Мартынов С. В.* Санитарно-медицинская часть на Алтае / Алтайский сборник. 1898 / С. В. Мартынов // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начало XX веков. — Барнаул : Алт. краев. универ. науч. б-ка им В. Я. Шишкова, 2017. — Т. 4. — С. 223—261.

9. *Недзвецкий А. Н.* Краткий очерк Холерной эпидемии в Барнауле 1892 года / А. Н. Недзвецкий. — Томск : Паровая Типо-Литография П. И. Макушина, 1895. — 15 с.

10. *Обзор деятельности* Российского общества Красного креста в 1891 и 1892 годах по оказанию помощи населению, пострадавшему от неурожая, и по борьбе с холерной эпидемией. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1893. — 35 с.

11. *Обзор* Томской губернии за 1892 год. — Томск : тип. Губ. упр., 1893. — 66 с.

12. *Отчет* Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1892 год. — Санкт-Петербург : Мини-ва внутр. дел, 1896. — 476 с.

13. *Пирусский В. И.* Какая болезнь холера, откуда она берется и как от нее остерегаются / В. И. Пирусский. — Томск : Типография губернского правления, 1893. — 24 с.

14. *Путеводитель* по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России с подробным дорожником ; Спутник по минеральным водам Азиатской России : описание городов и разных местностей. Достопримечательности. Сведения о речных и сухопутных сообщениях. Судопроизводство и судоустройство / сост. под ред. В. А. Долгорукова. — Томск : Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1895. — 406 с.

15. *Санитарная культура и жизнесохранительное поведение* крестьянства Верхнего Приобья : (два сюжета из эпохи второй половины XIX — первой трети XX в.) // Бердск : прошлое, настоящее, будущее : сб. ст. и материалов науч.-практ. конф. / редкол. : В. И. Соболев, В. И. Баяндин, Л. И. Васеха. — Новосибирск : НГПУ, 1996. — Выпуск 1. — С. 1—8.

16. *Скубневский В. А.* Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. : Население. Экономика. Застройка и благоустройство / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. — Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2014. — 252 с.

17. *Сычугов С. И.* О холере : составлено по брошюре д-ра С. И. Сычугова / С. И. Сычугов. — Томск : Издание Томского союза кооперативов, 1918. — 11 с.

18. *Сыщенко А. Г.* Хроника и аналитика оказания медицинской помощи населению юга Западной Сибири 1890—1933 гг. Алтайское Научное Общество врачей. Сборник документов 1923—1930 гг. / А. Г. Сыщенко, В. А. Сыщенко. — Барнаул : ОАО «Алтайский дом печати», 2006. — 912 с.

19. *Судаков А. И.* Холерная эпидемия в Томске летом 1892 года / А. И. Судаков. — Томск : Типо-литография П. И. Макушина, 1894. — 135 с.

20. *Тартаковская К. А.* «Томские епархиальные ведомости» об организации санитарного просвещения в Томской губернии в XIX — начале XX вв. / К. А. Тартаковская // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 386. — С. 146—148.

21. *Татарникова А. И.* Санитарное благоустройство городов Западной Сибири в конце XIX — начале XX века / А. И. Татарникова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2016. — Т. 15. — № 8. — С. 96—107.

22. *Татарникова А. И.* Роль органов местного самоуправления в санитарном благоустройстве городов Западной Сибири (конец XIX — начало XX в.) / А. И. Татарникова,

И. А. Ломакин // Манускрипт. — 2019. — Т. 12. — № 1. — С. 47—53. — DOI: 10.30853/manuscript.2019.1.10.

23. Татарникова А. И. Противоэпидемические мероприятия органов городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков / А. И. Татарникова // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 452—468. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-452-468.

24. Тимошенко В. О. Исторические аспекты организации санитарно-противоэпидемической службы в Сибири в конце XIX в начале XX века / В. О. Тимошенко, Т. М. Челнокова, М. В. Шубкин // Правовая реформа. — 2022. — № 3. — С. 13—20.

25. Экономическое состояние городских поселений Сибири. — Санкт-Петербург: Издание Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, 1882. — 422 с.

Статья поступила в редакцию 12.12.2024,
одобрена после рецензирования 18.02.2025,
подготовлена к публикации 24.05.2025.

Material resources

An offer from His Grace, Bishop Macarius of Tomsk and Semipalatinsk, to the clergy of the Tomsk Diocese on the occasion of a devastating illness. (1892). *Tomsk Diocesan Gazette: [newspaper]*, 17 (September 1): 3—4. (In Russ.).

Barnaul Pokrov community of sisters of mercy. (2019). In: *Communities of sisters of mercy of the Russian Empire in 1844—1917: An encyclopedic reference book*. Moscow: Publishing House of St. Petersburg State University. 224—225. ISBN 978-5-7429-1154-8. (In Russ.).

Examples of the pastoral activity of the rural clergy of the Tomsk diocese during the disaster of the people. (1892). *Tomsk Diocesan Gazette: [newspaper]*, 21 (November 1): 34—43. (In Russ.).

GAAK — *The State Archive of the Altai Territory*. (In Russ.).

Gorodskie izvestia. (1885). *Sibirskaya gazeta: [newspaper]*, 16: P. 393. (In Russ.).

The egregious sanitary situation of Biysk. (1902). *Siberian Life: newspaper politicheskaya, literaturnaya i ekonomicheskaya: [newspaper]*, 205 (September 20): P. 2. (In Russ.).

The first printed medical organ in Siberia. (1902). *Siberian life: [newspaper]*, 272 (December 14). (In Russ.).

Tomsk community of sisters of mercy. (2019). In: *Communities of sisters of mercy of the Russian Empire in 1844—1917: An encyclopedic reference book*. Moscow: Publishing House of St. Petersburg State University. 541—542. ISBN 978-5-7429-1154-8. (In Russ.).

Tomsk Diocesan Gazette: [newspaper], 16 (August 15). (1892). (In Russ.).

Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya: [newspaper], 20 (May 17). (1892). (In Russ.).

References

Baitov, G. B. (1904). *Essays on municipal Barnaul (1877—1902)*. Tomsk: [b. i.]. 152 p. (In Russ.).

Charitable institutions of the Tomsk province: an essay. (1895). Tomsk: Provincial Printing House. 75 p. (In Russ.).

Dashkevich, L. V. (1895). *Our Ministry of Internal Affairs*. Berlin: Book of mag. Shura. 80 p. (In Russ.).

- Dolgorukov, V. A. (ed.). (1895). *A guide to the whole of Siberia and the Central Asian possessions of Russia with a detailed road guide; a companion to the mineral waters of Asian Russia: a description of cities and different localities. Attractions. Information about river and land communications. Legal proceedings and judicial system.* Tomsk: Steam printing and Lithography by P. I. Makushin. 406 p. (In Russ.).
- Elantsev, P. P. (1894). Review of the cholera epidemic in Tomsk province in 1892. *Tomsk Society of Naturalists and Doctors. Proceedings of the Tomsk Society of Naturalists and Doctors. The fourth year.* 18—60. (In Russ.).
- Lityagina, A. V. (2014). Medical and sanitary conditions of everyday life of the citizens of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries. In: *History and Local history of Western Siberia: problems and prospects of study: Collection of materials of the V Regional Scientific and Practical Conference with international participation, Ishim, November 07—08, 2013.* Ishim: Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Tyumen State University” in Ishim. 203—209. (In Russ.).
- Lunkevich, V. V. (1903). *Invisible friends and enemies of people.* St. Petersburg: Printing house of Y. N. Erlich. 64 p. (In Russ.).
- Martynov, S. V. (2017). Sanitary and medical unit in Altai. In: *Altai in the works of scientists and travelers of the XVIII — early XX centuries, 4.* Barnaul: Alt. kraev. university. V. Ya. Shishkov Scientific College. 223—261. (In Russ.).
- Nedzvetskiy, A. N. (1895). *A brief outline of the Cholera epidemic in Barnaul in 1892.* Tomsk: Steam Printing and Lithography by P. I. Makushin. 15 p. (In Russ.).
- Pirussky, V. I. (1893). *What is cholera, where does it come from and how to avoid it.* Tomsk: Printing House of the Provincial Government. 24 p. (In Russ.).
- Report of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs for 1892.* (1896). Saint Petersburg: Ministry of Internal Affairs. 476 p. (In Russ.).
- Review of the activities of the Russian Red Cross Society in 1891 and 1892 to provide assistance to the population affected by crop failures and to combat the cholera epidemic.* (1893). St. Petersburg: [b. i.]. 35 p. (In Russ.).
- Review of the Tomsk province for 1892.* (1893). Tomsk: Tip. Gubernatorial Department. 66 p. (In Russ.).
- Sanitary culture and life-saving behavior of the peasantry of the Upper Ob region: (two stories from the era of the second half of the XIX — first third of the XX century). (1996). In: *Berdsck: past, present, future: collection of articles and materials of scientific and practical conference, 1.* Novosibirsk: NSPU. 1—8. (In Russ.).
- Skubnevsky, V. A. (2014). *Cities of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century: Population. Economy. Building and landscaping.* Barnaul: IP Kolmogorov I. A. 252 p. (In Russ.).
- Sudakov, A. I. (1894). *Cholera epidemic in Tomsk in the summer of 1892.* Tomsk: P. I. Makushin's Printing and Lithography. 135 p. (In Russ.).
- Sychugov, S. I. (1918). *About cholera: compiled from a brochure by Dr. S. I. Sychugov.* Tomsk: Publishing house of the Tomsk Union of Cooperatives. 11 p. (In Russ.).
- Syshchenko, A. G. (2006). *Chronicle and analysis of medical care to the population of the south of Western Siberia 1890—1933. Altai Scientific Society of Physicians. Collection of documents of 1923—1930.* Barnaul: JSC “Altai House of Printing”. 912 p. (In Russ.).

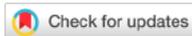

- Tartakovskaya, K. A. (2014). “Tomsk diocesan Gazette” on the organization of sanitary education in Tomsk province in the XIX — early XX centuries. *Bulletin of Tomsk State University*, 386: 146—148. (In Russ.).
- Tatarnikova, A. I. (2016). Sanitary improvement of cities in Western Siberia at the end of the XIX — beginning of the XX century. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 15 (8): 96—107. (In Russ.).
- Tatarnikova, A. I. (2021). Anti-epidemic Measures of Municipal Authorities in Western Siberia in Late XIX — Early XX Centuries. *Nauchnyi dialog*, 3: 452—468. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-452-468. (In Russ.).
- Tatarnikova, A. I., Lomakin, I. A. (2019). The role of local governments in the sanitary improvement of cities in Western Siberia (late XIX — early XX century). *Manuscript*, 12 (1): 47—53. DOI: 10.30853/manuscript.2019.1.10. (In Russ.).
- The Altai collection*. (1894). Tomsk: Steam printing and lithography by P. I. Makushin. 353 p. (In Russ.).
- The economic state of urban settlements in Siberia*. (1882). St. Petersburg: Publication of the Economic Department of the Ministry of Internal Affairs. 422 p. (In Russ.).
- Timoshenko, V. O., Chelnokova, T. M., Shubkin, M. V. (2022). Historical aspects of the organization of sanitary and antiepidemic services in Siberia at the end of the XIX — beginning of the XX century. *Legal reform*, 3: 13—20. (In Russ.).

*The article was submitted 12.12.2024;
approved after reviewing 18.02.2025;
accepted for publication 24.05.2025.*

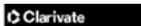
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Власов Н. А. Крушение российского императорского поезда 17 октября 1888 года в германской прессе конца XIX века / Н. А. Власов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 406—421. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-406-421.

Vlasov, N. A. (2025). Crash of Imperial Russian Train on October 17, 1888, in German Press of Late 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 406-421. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-406-421. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Крушение российского императорского поезда 17 октября 1888 года в германской прессе конца XIX века

Власов Николай Анатольевич
orcid.org/0000-0001-7476-268X
кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории
международных отношений
n.vlasov@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Crash of Imperial Russian Train on October 17, 1888, in German Press of Late 19th Century

Nikolay A. Vlasov
orcid.org/0000-0001-7476-268X
PhD in History, Associate Professor,
Department of Theory and History
of International Relations
n.vlasov@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью исследования стало выявление особенностей отражения российских событий в германской прессе конца XIX века на примере публикаций о крушении императорского поезда возле станции Борки в октябре 1888 года. Рассматривается вопрос о влиянии устойчивых образов и стереотипов на интерпретацию поступавшей из России информации на страницах германских газет. Ключевым источником выступили качественные ежедневные газеты, имевшие большое влияние на германское общественное мнение. Сделан вывод, что германская пресса, располагая точной и качественной фактической информацией о крушении императорского поезда в Российской империи, интерпретировала эти события сквозь призму стереотипов: (1) образ Александра III как человека благородного, но замкнутого и недоверчивого; (2) представление о существовании в элите и обществе Российской империи могущественной панславистской «партии войны», которой противостоит миролюбивый император; (3) представление о повальной коррупции, очковтирательстве, некомпетентности чиновников во всех отраслях государственного управления; (4) образ остзейских немцев как наиболее лояльных, честных, работоспособных и профессиональных подданных российского императора, вытеснение которых из рядов административной элиты может привести лишь к губительным последствиям для державы. Отмечается, что складывавшийся образ России в Германии оказал существенное влияние на развитие российско-германских отношений в конце XIX века.

Ключевые слова:

катастрофа у станции Борки; германская пресса; образ России в Германии; российско-германские отношения; национальные стереотипы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study aims to explore the distinctive features of how Russian events were portrayed in the German press of the late 19th century, focusing on publications concerning the crash of the imperial train near the Borki station in October 1888. It examines the influence of established images and stereotypes on the interpretation of information coming from Russia as presented in German newspapers. The primary sources include influential daily newspapers that significantly shaped public opinion in Germany. The findings suggest that, despite having access to accurate and detailed factual information about the imperial train crash in the Russian Empire, the German press interpreted these events through the lens of prevailing stereotypes: (1) the image of Alexander III as a noble yet reserved and distrustful individual; (2) the notion of a powerful pan-Slavic “war party” within the elite and society of the Russian Empire, countered by a peace-loving emperor; (3) perceptions of widespread corruption, deception, and incompetence among officials across all branches of government; and (4) the portrayal of Baltic Germans as the most loyal, honest, industrious, and professional subjects of the Russian emperor, whose removal from the administrative elite could lead to disastrous consequences for the state. It is noted that the evolving image of Russia in Germany had a significant impact on the development of Russian-German relations at the end of the 19th century.

Key words:

Borki station disaster; German press; image of Russia in Germany; Russian-German relations; national stereotypes.

УДК 94(430).082

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-406-421

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Крушение российского императорского поезда 17 октября 1888 года в германской прессе конца XIX века

© Власов Н. А., 2025

1. Введение = Introduction

Железнодорожная катастрофа, случившаяся 17 (29) октября 1888 года неподалеку от станции Борки и едва не унесшая жизнь императора Александра III, вызвала большой отклик не только в Российской империи, но и за ее пределами. На протяжении довольно длительного времени в периодической печати публиковались материалы об обстоятельствах трагедии, ее возможных причинах, ходе расследования и политических последствиях. Германская пресса, пристально следившая за происходившим в России, не являлась исключением.

Как отдельные люди, так и целые сообщества интерпретируют новую информацию, глядя на нее через призму своих представлений и стереотипов [Jervis, 2017, p. XXXII]. Это в полной мере касается и образов других стран и народов: поступающая информация воспринимается в контексте уже существующих убеждений и предрассудков и, соответствующим образом истолкованная, нередко используется в качестве подтверждения истинности данных убеждений. Возникает своего рода замкнутый круг, обеспечивающий национальным образам и стереотипам большую устойчивость.

Пресса играет в указанном процессе большую роль, с одной стороны, отражая определенные представления своих читателей, с другой — формируя и укрепляя их. В Германской империи конца XIX века газеты являлись влиятельной силой, внося существенный (а во многих случаях и основной) вклад в формирование представлений немцев о соседних странах и народах. Общественное мнение оказывало заметное влияние на позицию партийных политиков в парламенте и решения государственных деятелей, которые, в свою очередь, и сами в значительной степени черпали информацию из качественной прессы. Таким образом, изучение образа России в германской прессе важно не только само по себе, но и для более точного анализа причин ухудшения двусторонних отношений в последней четверти XIX века.

Образ России в Германской империи конца XIX века пока не стал объектом подробного самостоятельного исследования; можно упомянуть лишь довольно лаконичные обзорные статьи [Цимбаев, 2015; Korpelw, 2000] или сравнительно узкие исследования, посвященные этому образу или конкретным его аспектам у отдельных государственных деятелей или в отдельных источниках [Медяков, 2015; Goes et al., 2000; Lammich, 1978; Liszkowski, 2000]. Совершенно за пределами внимания исследователей (за редким исключением [Власов, 2023]) при этом остался такой важный тип источников, как ежедневные газеты.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель представленного исследования — выявить особенности отражения российских событий в германской прессе конца XIX века на примере публикаций о крушении императорского поезда возле станции Борки в октябре 1888 года, в том числе определить влияние устойчивых образов и стереотипов на интерпретацию поступавшей информации.

Ключевым исследовательским методом в рамках данной статьи является кейс-стади — изучение единичной ситуации для более глубокого понимания масштабных явлений и проверки на практике теоретических построений. По словам отечественной исследовательницы М. Г. Власовой, «кейс-стади, изучая единичную, а иногда даже уникальную ситуацию, явно или имплицитно нацелен на выведение неких обобщений; эта стратегия является неким промежуточным звеном от получения сугубо контекстуальных знаний при помощи качественных методов к выведению общих закономерностей» [Власова, 2012, с. 255]. В данном случае в виде кейса выступает конкретный информационный повод — крушение императорского поезда; тщательное изучение откликов германской прессы позволяет сделать вывод об определенных особенностях образа Российской империи в целом и влиянии укоренившихся стереотипов на освещение конкретных событий.

При непосредственном изучении газетных публикаций использовался качественный контент-анализ, позволивший выделить ключевые аспекты рассматриваемых текстов и выявить повторяющиеся шаблоны интерпретации, присутствующие в статьях германской прессы [Drisko et al., 2016]. Методика проведения анализа была взята из работы немецкой исследовательницы М. Шрайер [Schreier, 2012].

В качестве непосредственного источника использовались публикации трех германских ежедневных газет за период с 29 октября 1888 года до 31 июля 1889 года. Общим для этих изданий является то, что они относятся к категории качественной прессы, рассчитанной на образованного читателя и предоставляющей подробную информацию и анализ полити-

ческих процессов как в Германии, так и за ее пределами. Кроме того, их читательскую аудиторию составляли люди различных взглядов, несмотря на наличие у каждой газеты своей достаточно четко выраженной политической направленности [Koszyk, 1966]. «Кельнская газета» (Kölnische Zeitung) отличалась умеренно либеральным политическим профилем, поддерживала политику германского правительства и иногда рассматривалась конкурирующими изданиями в качестве официоза (которым в полном смысле слова не являлась). «Национальная газета» (National-Zeitung) являлась независимой газетой, близкой к Национал-либеральной партии. Наконец, «Королевская привилегированная Берлинская газета о государственных и ученых вещах», более известная как «Фосская газета» (Königlich privilegierte Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen, Vossische Zeitung), симпатизировала левым либералам и критически относилась к правительственной политике. Именно большое влияние этих изданий — их «внимательно читали и друзья, и враги» [Ullrich, 1996, S. 81], а материалы активно перепечатывала локальная пресса — обусловило их выбор в качестве источников для данного исследования.

Для выявления влияния стереотипных представлений о Российской империи на тексты, посвященные крушению императорского поезда, были использованы данные, полученные в рамках более широкого исследования материалов прессы, публицистики, парламентских выступлений и корреспонденции германских государственных деятелей 1880-х годов [Власов и др., 2024].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Император и катастрофа

Первые известия о крушении императорского поезда появились в утренних выпусках германских газет за 30 октября. По понятным причинам с самого начала внимание прессы было сосредоточено в значительной степени на фигуре российского монарха. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем: поведение Александра III во время катастрофы, его реакция, последствия его спасения для России и Европы активно обсуждались на страницах газет.

В образе Александра III в германской прессе преобладали в целом положительные черты. Императора характеризовали как человека благородного и честного, миролюбивого и надежного, спокойного и волевого. Так, в апреле 1887 года «Кельнская газета» называла его «честным человеком с благородными помыслами» [Katkow, der Zar ..., 1887]. При этом нередко отмечались замкнутость, недоверчивость и упрямство императора, а также его нелюбовь к немцам, однако позитивные характеристики обычно все же преобладали.

Черты этого устоявшегося к концу 1880-х годов образа нашли свое отражение и в описании железнодорожной катастрофы. В германских газетах особо отмечалось весьма достойное поведение императора и его домочадцев. «Фосская газета» писала: «Все свидетели катастрофы не перестают восхвалять человечность членов императорской семьи, их самопожертвование при оказании помощи раненым» [Die kaiserliche Familie ..., 1888] (здесь и далее перевод наш. — Н. В.). Несколько дней спустя в той же газете можно было прочесть: «Сегодня поступили первые подробные описания действий царя и царицы на месте крушения, которые подтверждают общее мнение о том, что оба оказались на высоте своего положения. Царь оказался первым, кто взял себя в руки и подумал о помощи пострадавшим; по его приказу солдаты Пензенского полка, охранявшего насыпь, дали залп, чтобы привлечь внимание окрестных жителей. <...> Когда царь увидел, что отдаются противоречивые распоряжения, он лично взял на себя руководство спасательными работами. С редким спокойствием и уверенностью отдавал он приказы, не повышая голоса». Несмотря на полученную травму, Александр III приказал своему личному медику заботиться о тяжелораненых [Die Errettung ..., 1888]. Подобного рода заметки появились в те дни и в других газетах.

Своего пика количество и объем публикаций о крушении императорского поезда достигли к середине ноября, когда редакции немецких газет получили детальную информацию о произошедшем. В это время в немецкой прессе появился еще один сюжет: тяжелые переживания Александра III, ощущавшего собственную ответственность за катастрофу. «Царь сильнее потрясен крушением поезда, чем можно было бы предположить, зная его характер, — писала «Национальная газета». — Он постоянно думает о многочисленных жертвах и горе их близких; его тяжело отвлечь от этих мыслей, ведь стоит ему сесть за рабочий стол, как он замечает отсутствие своего постоянного спутника — большого пса, всегда лежавшего у его ног и погибшего во время катастрофы. Из-за этого царь каждый раз вновь вспоминает все произошедшее; его уже несколько раз заставляли сидящим в своем кабинете в слезах. О родственниках погибших позаботились весьма щедро» [Wie man..., 1888]. Таким образом, император предстал перед немецкими читателями, с одной стороны, твердым и мужественным, с другой — чувствительным, способным на сильные и благородные эмоции, искренне думающим о благе своих подданных. Следует особо отметить, что это было характерно в том числе и для «Фосской газеты», в целом весьма критически относившейся к Российской империи.

Целый ряд новостных публикаций был посвящен торжественному приему, устроенному императорской семье жителями Москвы и Петербур-

га. Немецкая пресса писала о невиданном доселе ликования, с которым Александра III встречал простой народ. «Фосская газета» опубликовала сообщение своего петербургского корреспондента, гласившее: «Столь единодушную и искреннюю радость русского народа, как в честь нынешнего спасения императорской семьи от смертельной опасности, можно было видеть разве что в день отмены крепостного права» [So einmüthig..., 1888].

В результате, отмечали германские газеты, катастрофа существенно сблизила монарха и его подданных, сделала Александра III более популярным и «народным»; чудесное спасение простой люд воспринял как знак свыше [Rußland ..., 1889]. В свою очередь, предполагала «Кельнская газета», император имел прекрасную возможность увидеть лояльность народных масс и избавиться от прежнего недоверия к ним, игравшего большую роль в его внутривластных решениях [Aus Petersburg ..., 1888]. «Царь Александр наверняка глубоко прочувствовал, сколь ценно для правителя находиться в полном согласии со своим народом и пользоваться его любовью», — писала в июне 1889 года «Национальная газета» [Der Toast des Zaren ..., 1889]. К вопросу об уроках и последствиях железнодорожной катастрофы в интерпретации германской прессы мы еще вернемся ниже.

3.2. Причины крушения

Относительно причин крушения императорского поезда с самого начала существовало несколько версий. Каждая из них подразумевала вину определенных лиц, что неизбежно приводило к серьезным разногласиям [Кудрина, 2018]. Одна ситуация складывалась, если главной причиной трагедии являлось состояние полотна железной дороги, и другая — если дело было в самом императорском поезде, его составе и режиме движения. Руководство следствием было поручено знаменитому юристу А. Ф. Кони; его итоговый вывод заключался в том, что имело место стечение нескольких факторов: слабая конструкция самого пути, чрезмерные вес и скорость поезда, неисправность тормозов [Кони, 1966, с. 431—433]. В своих воспоминаниях С. Ю. Витте писал: «Оказалось, что императорский поезд ехал из Ялты в Москву, причем дали такую большую скорость, которую требовали и на Юго-Западных железных дорогах. Ни у кого из управляющих дорог не доставало твердости сказать, что это невозможно. Ехали также двумя паровозами, причем в вагоне министра путей сообщения, хотя и несколько облегченном снятием некоторых аппаратов с левой стороны, никакого серьезного ремонта во время стоянки поезда в Севастополе сделано не было; кроме того, его поставили во главе поезда, первым от паровоза. Таким образом, поезд шел с несоответствующей скоростью, двумя товарными паровозами, да еще с не вполне исправным вагоном министра путей сообщения во главе. Произошло то, что я предсказал: поезд вследствие качания

товарного паровоза от большой скорости, не свойственной для товарного паровоза, выбил рельс» [Витте, 1960, с. 197].

Германская пресса достаточно точно и подробно описывала имеющиеся версии крушения. Можно с уверенностью утверждать, что именно эта сторона вопроса удостоилась наибольшего внимания немецких журналистов. Соответствующие публикации в значительном количестве заполняли страницы газет в ноябре-декабре 1888 года и продолжали время от времени появляться в первой половине 1889 года. Нас, однако, интересует в первую очередь интерпретация поступавшей из России информации; одни и те же факты можно объяснить весьма различным образом: от случайного стечения обстоятельств до глубоких структурных проблем.

Уже в первых сообщениях о случившейся катастрофе исключалась версия террористического акта, и в дальнейшем к ней практически не возвращались. С точки зрения немецких газет, революционное подполье в России находилось в глубоком упадке [Die im Auslande..., 1888]. Обсуждение с самого начала строилось вокруг двух основных версий, уже упомянутых выше: плохое состояние железнодорожного полотна и неверно выбранный состав и режим движения императорского поезда. Однако если в России за каждой из этих версий стояли имена конкретных потенциальных виновников, то германская пресса акцентировала свое внимание в первую очередь на системных проблемах, характерных для империи Романовых.

В глазах немцев одной из ключевых проблем Российской империи традиционно являлся некомпетентный и коррумпированный бюрократический аппарат. «Все знают, что главная беда России заключается в коррупции и ненадежности чиновников — сверху донизу, от великого князя до последнего привратника», — писала «Национальная газета» летом 1882 года [Der Abgang..., 1882]. Вполне логично, что после крушения императорского поезда германская пресса уделяла особое внимание воровству при строительстве железных дорог, некомпетентности административного аппарата путей сообщения, плохой организации движения и общей безответственности, которые и стали в ее глазах истинными причинами катастрофы.

Уже 4 ноября «Фосская газета» утверждала, что при строительстве железных дорог в России «воруют целые станции» и массово укладывают гнилые шпалы [So einmüthig..., 1888]. Четыре дня спустя она же писала: «Причина катастрофы еще неизвестна, но сомневаться в ней могут лишь те, кто получает выгоду от нынешнего состояния железных дорог и по очевидной причине объясняют любую железнодорожную аварию формальным образом. Известно, что профиль пути в месте крушения способствовал катастрофе, что вагон министра железных дорог из-за своей старости и неудачной конструкции не может безопасно двигаться по крутому изгибу,

что скорость в 65 верст в час на этом участке была совершенным безумием, что в июле текущего года на том же самом месте поезд сошел с рельс — разумеется, это полностью замолчали — и что среди шпал производства 1886 года обнаружена гнилая. Компетентные лица утверждают, что регламент движения императорских поездов является насмешкой над всеми требованиями безопасности и что иностранные железнодорожники изумились бы, узнав, в каких условиях в России ездят императорские составы». К этому добавляется введенный правлением железной дороги режим жесткой экономии, из-за которого массово увольняется технический персонал и не хватает средств на содержание путей; министерство должно было давно положить этому конец, но даже не подумало этой сделать. Таким образом, главными причинами катастрофы стали «русское взяточничество, русская халатность, русское легкомыслие, граничащее с преступлением» [Ein seltenes Schauspiel..., 1888].

В этом русле обсуждение развивалось и в дальнейшем. Сообщая своим читателям достаточно точную фактическую информацию о возможных причинах крушения императорского поезда, немецкие журналисты давали ей более широкую интерпретацию в соответствии с собственными представлениями о российских реалиях. Обсуждая неверно выбранный режим движения состава, «Фосская газета» писала 15 сентября: император приказал ехать быстро, и ни у одного из технических специалистов — вплоть до министра путей сообщения — не хватило мужества отказать ему, объяснив, что это слишком опасно. Страх перед гневом самодержца оказался сильнее, чем чувство долга [Vorgestern..., 1888]. О распространенной практике систематического замалчивания проблем и сокрытия неприятных фактов много писалось и в дальнейшем [Als Hauptangeklagte..., 1889]. При этом частный случай подавался как типичное проявление общей картины. Так, «Национальная газета» писала: «Железнодорожная катастрофа у станции Борки наглядно продемонстрировала всему миру, чего следует ждать от российских железных дорог» [Der russische Ukas, 1888].

Еще одним мотивом, характерным именно для германской прессы, являлось стремление вписать причины катастрофы в контекст отношений русских и немцев. В 1880-е годы немецкие газеты много писали о распространившейся в России германофобии: в ненависти к немцам постоянно упрекали российскую прессу, а порой и все российское общество в целом. «Недоверчивой и антигерманской позицией русского народа» объясняла, в частности, «Кельнская газета» в сентябре 1887 года ухудшение российско-германских отношений [Das leise Fortbrennen..., 1887]. Эта ненависть к немцам находила выражение не только на международной арене, но и внутри страны: в германской прессе уделялось особое внимание мерам по ру-

сификации остзейских губерний и вытеснению этнических немцев из рядов российской административной и военной элиты. Естественно, германские газеты предрекали, что такого рода политика повлечет за собой негативные последствия в первую очередь для самой России. Это было широко распространенное представление в германском обществе того времени, основанное на укоренившихся национальных стереотипах и предрассудках, в соответствии с которыми немцы обладают куда лучшими деловыми качествами, чем русские. «Для нас не станет проблемой, если русские оттолкнут от себя балтийских немцев, — рассуждал по этому поводу германский канцлер О. фон Бисмарк. — Это касается не только последних, но и немцев в России вообще. Они все лишь усиливают Россию: балтийцы в администрации и армии, немцы в сельском хозяйстве и промышленности <...> Я, как и прежде, убежден в том, что нам будет только выгодно, если Россия уничтожит свой балтийский питомник генералов и государственных деятелей и тем самым сделает себя импотентной» [Bismarck, 2011, S. 773].

Такого рода представления нашли отражение и в трактовке причин крушения императорского поезда. Еще не имея точной информации о случившемся, «Национальная газета» писала 9 ноября 1888 года: «Железнодорожная катастрофа у станции Борки являет собой примечательную иллюстрацию последствий проводимой на протяжении многих лет политики по систематическому искоренению немецкого элемента в российском железнодорожном управлении. Панславистская пресса ищет виновных везде, только не там, где они находятся в реальности — в тех инстанциях, которые по национальному мотиву изгоняли с железнодорожной службы самых надежных и ответственных работников». Если соответствующая политика будет продолжена, можно с уверенностью предсказывать рост числа подобных катастроф [Die Eisenbahnkatastrophe..., 1888]. Публикуя новость о назначении новым министром путей сообщения Г. Е. Паукера, «Кёльнская газета» добавила комментарий своего корреспондента из Риги, утверждавшего: русские преследуют остзейских немцев, но в серьезной ситуации не могут без них обойтись и вынуждены назначать на ответственные должности [Etwas überraschend..., 1888]. В дальнейшем деятельность Паукера регулярно устаивалась лестных характеристик: пресса рассказывала о том, что он отличается от своего предшественника скромностью, честностью и деловыми качествами [Der neue..., 1888].

В первой половине 1889 года немецкие газеты продолжали писать о расследовании причин крушения императорского поезда, хотя по очевидной причине число таких публикаций неуклонно сокращалось: информационный повод уходил все дальше в прошлое. В середине марта в прессе сообщалось о намерении привлечь к суду непосредственных виновников

катастрофы; назывались фамилии бывшего министра путей сообщения К. Н. Посьета и главного инспектора железных дорог К. Г. Шернвала [Wie man..., 1889]. В июле появилась новость о завершении официального расследования; в качестве главной действительной причины катастрофы немецкая пресса снова называла некомпетентность российских чиновников: крушение императорского поезда стало следствием упущений целого ряда должностных лиц [Die Untersuchungsacten..., 1889]. В итоге непосредственные причины катастрофы оказались не так важны: вне зависимости от того, чьи конкретно ошибки и упущения сыграли решающую роль, делался вывод о наличии глубоких системных недостатков, характерных для российской железнодорожной отрасли и, если брать шире, государственного управления в целом.

3.3. Уроки и последствия

Рассказывая читателям о крушении императорского поезда, немецкие газеты, естественно, не могли обойти стороной вопрос возможных последствий катастрофы. Спасение царя расценивалось как событие безусловно положительное как для его страны, так и для всей Европы. «В лице Александра III уцелела одна из главных опор европейского мира», — писала 3 ноября «Национальная газета» [Wie der heutige..., 1888]. Здесь необходимо вновь обратиться к устоявшимся представлениям, существовавшим в Германии 1880-х годов: по мнению немцев, в России действовала могущественная панславистская партия, желавшая войны между Россией и Австро-Венгрией, и только миролюбие императора позволяло сдерживать ее и сохранить европейский мир [Власов, 2023].

Что касается внутривнутриполитической ситуации, то, как уже говорилось выше, катастрофа изображалась способствующей сближению монарха и его подданных. Немецкие газеты писали в октябре 1889 года, что годовщина крушения императорского поезда отмечалась по всей России как праздник в честь чудесного спасения царской семьи [Der heutige Jahrestag..., 1889]. К каким политическим последствиям может привести эта трансформация? В германской прессе в конце 1888 года высказывалась надежда на то, что император, обретя доверие к своим подданным, смягчит режим реакции и пойдет на некоторые реформы. Корреспондент «Фосской газеты» писал из Петербурга: «В результате своей большой поездки по стране, а главным образом благодаря последовавшим за катастрофой у станции Борки народным манифестациям император существенно изменил взгляды на внутреннее положение и потребности России. Во влиятельных и хорошо информированных столичных кругах не исключают, что мы приближаемся к внутривнутриполитическому повороту» [Schon einmal..., 1888]. Впрочем, довольно быстро такого рода ожидания исчезли со страниц прес-

сы, сменившись скептическим отношением к возможным переменам [Die Petersburger..., 1889].

К перспективе улучшения ситуации на российских железных дорогах германская пресса относилась скорее скептически. Катастрофы и расследование ее причин вряд ли приведут к существенным переменам; недостатки и упущения, приведшие к крушению императорского поезда, слишком глубоко укоренены в российской системе управления. «Ни наказание виновных, ни отставка Посьета не исправит нынешних проблем, растущих из прогнившей системы», — писала 15 ноября «Фосская газета» [Vorgestern..., 1888]. Отмечая превосходные личные и деловые качества нового министра Паукера, германская пресса выражала неверие в успех начатых им преобразований: «Реформы российской администрации, как известно, часто сводятся к перемещению старой канцелярии на новое место» [Die bisherige..., 1888]. Здесь также прекрасно видно влияние укоренившихся представлений о российской бюрократической системе на подачу поступавших в Германию новостей из Петербурга.

4. Заключение = Conclusions

Хотя новости о крушении императорского поезда, расследовании причин катастрофы и ее возможных последствиях практически не появлялись на первых полосах немецких газет, они нашли подробное отражение в новостных разделах, посвященных событиям в Российской империи. При этом можно наблюдать обычную для такого рода информационных поводов динамику публикаций. В первые дни после катастрофы основное внимание уделялось подробностям произошедшего, затем наряду с новой фактической информацией возрастающую роль стала играть интерпретация; читателям подробно рассказывалось о возможных причинах и последствиях случившегося. Спустя два месяца после крушения императорского поезда число публикаций заметно сократилось, и в течение следующего года в газетах встречались лишь отдельные заметки, посвященные ходу и результатам расследования причин катастрофы.

Германские журналисты имели возможность опираться на весьма значительную сеть корреспондентов в России и поэтому были хорошо проинформированы об обстоятельствах катастрофы, ходе расследования, основных версиях причин крушения, кадровых перестановках в российском руководстве. Они сообщали своим читателям достаточно точную и подробную фактическую информацию. Однако интерпретация этой информации осуществлялась под влиянием существовавших в Германии того времени устойчивых представлений о России. К числу таковых следует отнести:

— образ Александра III как человека благородного, но замкнутого и недоверчивого;

— представление о существовании в элите и обществе Российской империи могущественной панславистской «партии войны», которой противостоит миролюбивый император;

— представление о повальной коррупции, очковтирательстве, некомпетентности чиновников во всех отраслях государственного управления;

— образ остзейских немцев как наиболее лояльных, честных, работоспособных и профессиональных подданных российского императора, вытеснение которых из рядов административной элиты может привести лишь к губительным последствиям для державы.

Эти устойчивые представления в значительной степени составляли тот образ российского государства, который существовал в Германской империи 1880-х годов. Освещение в прессе крушения императорского поезда хорошо показывает, каким образом они влияли на интерпретацию поступавшей информации, а последняя в свете этой интерпретации выступала в роли очередного подтверждения устоявшихся стереотипов, образуя тем самым замкнутый круг их постоянного воспроизводства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Bumme C. Ю.* Воспоминания / С. Ю. Витте. — Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1960. — Т. 1. — 504 с.
2. *Кони А. Ф.* Собрание сочинений в 8 томах. Из записок судебного следователя / А. Ф. Кони. — Москва : Юридическая литература, 1966. — Т. 1. — 567 с.
3. *Als Hauptangeklagte...* // *Vossische Zeitung*. — 1889. — № 151. — С. 3.
4. *Aus Petersburg...* // *Kölnische Zeitung*. — 1888. — № 363. — С. 1.
5. *Bismarck O.* *Gesammelte Werke. Abteilung III : 1871—1898. Schriften / O. Bismarck*. — Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2011. — Bd. 6. — 929 S.
6. *Das leise Fortbrennen des bulgarischen Feuers...* // *Kölnische Zeitung*. — 1887. — № 247. — С. 1.
7. *Der Abgang des Grafen Ignatjew* // *National-Zeitung*. — 1882. — № 274. — С. 1.
8. *Der heutige Jahrestag...* // *National-Zeitung*. — 1889. — № 589. — С. 2.
9. *Der neue Kommunikations-Minister...* // *Vossische Zeitung*. — 1888. — № 577. — С. 2.
10. *Der russische Ukas* // *National-Zeitung*. — 1888. — № 608. — С. 1.
11. *Der Toast des Zaren und die innere Lage in Rußland* // *National-Zeitung*. — 1889. — № 352. — С. 1.
12. *Die bisherige Thätigkeit...* // *Vossische Zeitung*. — 1888. — № 607. — С. 3.
13. *Die Eisenbahnkatastrophe von Borki...* // *National-Zeitung*. — 1888. — № 591. — С. 2.
14. *Die Errettung des Zaren...* // *Vossische Zeitung*. — 1888. — № 535. — С. 3.
15. *Die im Auslande verbreiteten...* // *Vossische Zeitung*. — 1888. — № 33. — С. 3.

16. *Die kaiserliche Familie...* // Vossische Zeitung. — 1888. — № 525. — S. 3.
17. *Die Petersburger Korrespondenzen...* // Vossische Zeitung. — 1889. — № 2. — S. 1.
18. *Die Untersuchungsacten...* // Kölnische Zeitung. — 1889. — № 193. — S. 1.
19. *Ein seltenes Schauspiel...* // Vossische Zeitung. — 1888. — № 529. — S. 3.
20. *Etwas überraschend ist die Nachricht...* // Kölnische Zeitung. — 1888. — № 329. — S. 2.
21. *Kaikow, der Zar und der Panslawismus* // Kölnische Zeitung. — 1887. — № 101. — S. 1.
22. *Rußland im Jahre 1888* // Kölnische Zeitung. — 1889. — № 4. — S. 1.
23. *Schon einmal hat unser Petersburger Korrespondent...* // Vossische Zeitung. — 1888. — № 615. — S. 1.
24. *So einmüthig und aufrichtig...* // Vossische Zeitung. — 1888. — № 523. — S. 3.
25. *Vorgestern wurde Minister...* // Vossische Zeitung. — 1888. — № 541. — S. 4.
26. *Wie der heutige russische...* // National-Zeitung. — 1888. — № 582. — S. 1.
27. *Wie man der Pol. Korr...* // Vossische Zeitung. — 1889. — № 123. — S. 3.
28. *Wie man der Polit. Korresp...* // National-Zeitung. — 1888. — № 593. — S. 3.

Литература

1. *Власов Н. А. Образ российского панславизма в германской официозной прессе конца XIX века / Н. А. Власов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 326—343. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-326-343.*
2. *Власов Н. А. Образы российских панславистов в Германской империи 1880-х годов / Н. А. Власов, Е. А. Колосков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 322—343. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-322-343.*
3. *Власова М. Г. Кейс-стади в исследованиях международных отношений : методология и исследовательская практика / М. Г. Власова // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 11. — С. 255—258.*
4. *Кудрина Ю. В. Крушение царского поезда : разгильдяйство или теракт? / Ю. В. Кудрина // Родина. — 2018. — № 12. — С. 102—106.*
5. *Медяков А. С. «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии / А. С. Медяков // Российская история. — 2015. — № 6. — С. 63—84.*
6. *Цимбаев К. Н. Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX века / К. Н. Цимбаев // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2015. — № 1 (17). — С. 42—63.*
7. *Drisko J. W. Content Analysis / J. W. Drisko, T. Maschi. — Oxford : Oxford University Press, 2016. — 191 p. — ISBN 9780190215491.*
8. *Goes G. Das Bild der russischen Narodniki in der deutschen sozialdemokratischen Presse / G. Goes, K. Keller. // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert : Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. — München : Wilhelm Fink Verlag, 2000. — S. 199—243.*
9. *Jervis R. Perception and Misperception in International Politics / R. Jervis. — Princeton—Oxford : Princeton University Press, 2017. — 445 p. — ISBN 978-0-691-17585-0.*
10. *Kopelew L. Am Vorabend des großen Krieges / L. Kopelew // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert : Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. — München : Wilhelm Fink Verlag, 2000. — S. 11—109.*
11. *Koszyk K. Deutsche Presse im 19. Jahrhundert / K. Koszyk. — Berlin : Colloquium Verlag Otto H. Hess, 1966. — 372 S.*
12. *Lammich M. Das deutsche Osteuropa-Bild in der Zeit der Reichsgründung / M. Lammich. — Boppard am Rhein : Harald Boldt, 1978. — 298 S. — ISBN 3-7646-1694-6.*

13. *Liszkowski U.* Von dynastischen Brücken zu Schutzdeichen gegen die russische Gefahr — Bismarcks Rußlandbild / U. Liszkowski. // Rußland und Russen aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert : Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. — München : Wilhelm Fink Verlag, 2000. — S. 111—145.

14. *Schreier M.* Qualitative Content Analysis in Practice / M. Schreier. — London : SAGE Publications, 2012. — 272 p. — ISBN 978-1-84920-592-4.

15. *Ullrich N.* Gesetzgebungsverfahren und Reichstag in der Bismarck-Zeit unter besonderer Berücksichtigung der Rolle der Fraktionen / N. Ullrich. — Berlin : Duncker&Humblot, 1996. — 174 S. — ISBN 3-428-08613-9.

*Статья поступила в редакцию 19.12.2024,
одобрена после рецензирования 18.02.2025,
подготовлена к публикации 24.05.2025.*

Material resources

Als Hauptangeklagte... (1889). *Vossische Zeitung*, 151: S. 3. (In Germ.).

Aus Petersburg... (1888). *Kölnische Zeitung*, 363: S. 1. (In Germ.).

Bismarck, O. (2011). *Gesammelte Werke. Abteilung III: 1871—1898. Schriften*, 6. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 929 S. (In Germ.).

Das leise Fortbrennen des bulgarischen Feuers... (1887). *Kölnische Zeitung*, 247: S. 1. (In Germ.).

Der Abgang des Grafen Ignatjew. (1882). *National-Zeitung*, 274: S. 1. (In Germ.).

Der heutige Jahrestag... (1889). *National-Zeitung*, 589: S. 2. (In Germ.).

Der neue Kommunikations-Minister... (1888). *Vossische Zeitung*, 577: S. 2. (In Germ.).

Der russische Ukas. (1888). *National-Zeitung*, 608: S. 1. (In Germ.).

Der Toast des Zaren und die innere Lage in Rußland. (1889). *National-Zeitung*, 352: S. 1. (In Germ.).

Die bisherige Thätigkeit... (1888). *Vossische Zeitung*, 607: S. 3. (In Germ.).

Die Eisenbahnkatastrophe von Borki... (1888). *National-Zeitung*, 591: S. 2. (In Germ.).

Die Errettung des Zaren... (1888). *Vossische Zeitung*, 535: S. 3. (In Germ.).

Die im Auslande verbreiteten... (1888). *Vossische Zeitung*, 33: S. 3. (In Germ.).

Die kaiserliche Familie... (1888). *Vossische Zeitung*, 525: S. 3. (In Germ.).

Die Petersburger Korrespondenzen... (1889). *Vossische Zeitung*, 2: S. 1. (In Germ.).

Die Untersuchungsacten... (1889). *Kölnische Zeitung*, 193: S. 1. (In Germ.).

Ein seltenes Schauspiel... (1888). *Vossische Zeitung*, 529: S. 3. (In Germ.).

Etwas überraschend ist die Nachricht... (1888). *Kölnische Zeitung*, 329: S. 2. (In Germ.).

Katkov, der Zar und der Panslawismus. (1887). *Kölnische Zeitung*, 101: S. 1. (In Germ.).

Koni, A. F. (1966). *Collected works in 8 volumes. From the notes of the judicial investigator*, 1. Moscow: Yuridicheskaya literature. 567 p. (In Russ.).

Rußland im Jahre 1888. (1889). *Kölnische Zeitung*, 4: S. 1. (In Germ.).

Schon einmal hat unser Petersburger Korrespondent... (1888). *Vossische Zeitung*, 615: S. 1. (In Germ.).

So einmüthig und aufrichtig... (1888). *Vossische Zeitung*, 523: S. 3. (In Germ.).

Vorgestern wurde Minister... (1888). *Vossische Zeitung*, 541: S. 4. (In Germ.).

Wie der heutige russische... (1888). *National-Zeitung*, 582: S. 1. (In Germ.).

Wie man der Pol. Korr... (1889). *Vossische Zeitung*, 123: S. 3. (In Germ.).

Wie man der Polit. Korresp... (1888). *National-Zeitung*, 593: S. 3. (In Germ.).

Witte, S. Y. (1960). *Memoirs, I*. Moscow: Publishing House of socio-economic literature. 504 p. (In Russ.).

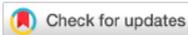
References

- Drisko, J. W., Maschi, T. (2016). *Content Analysis*. Oxford: Oxford University Press. 191 p. ISBN 9780190215491.
- Goes, G., Keller, K. (2000). Das Bild der russischen Narodniki in der deutschen sozialdemokratischen Presse. In: *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg*. München: Wilhelm Fink Verlag. 199—243. (In Germ.).
- Jervis, R. (2017). *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton—Oxford: Princeton University Press. 445 p. ISBN 978-0-691-17585-0.
- Kopelew, L. (2000). Am Vorabend des großen Krieges. In: *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg*. München: Wilhelm Fink Verlag. 11—109. (In Germ.).
- Koszyk, K. (1966). *Deutsche Presse im 19. Jahrhundert*. Berlin: Colloquium Verlag Otto H. Hess. 372 S. (In Germ.).
- Kudrina, Yu. V. (2018). The crash of the Tsar’s train: sloppiness or a terrorist act? *Rodina, 12*: 102—106. (In Russ.).
- Lammich, M. (1978). *Das deutsche Osteuropa-Bild in der Zeit der Reichsgründung*. Boppard am Rhein: Harald Boldt. 298 S. ISBN 3-7646-1694-6. (In Germ.).
- Liszkowski, U. (2000). Von dynastischen Brücken zu Schutzdeichen gegen die russische Gefahr — Bismarcks Rußlandbild. In: *Rußland und Russen aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg*. München: Wilhelm Fink Verlag. 111—145. (In Germ.).
- Medyakov, A. S. (2015). “Our Bismarck”? Russia in the politics and views of the “iron Chancellor” of Germany. *Russian History, 6*: 63—84. (In Russ.).
- Schreier, M. (2012). *Qualitative Content Analysis in Practice*. London: SAGE Publications. 272 p. ISBN 978-1-84920-592-4.
- Tsimbaev, K. N. (2015). The Slavic question in German political thought at the beginning of the twentieth century. *Studia Slavica et Balcanica Metropolitana, 1 (17)*: 42—63. (In Russ.).
- Ullrich, N. (1996). *Gesetzgebungsverfahren und Reichstag in der Bismarck-Zeit unter besonderer Berücksichtigung der Rolle der Fraktionen*. Berlin: Duncker&Humblot. 174 S. ISBN 3-428-08613-9. (In Germ.).
- Vlasov, N. A. (2023). Image of Russian Pan-Slavism in German Official Press at End of 19th Century. *Nauchnyi dialog, 12 (10)*: 326—343. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-326-343>. (In Russ.).
- Vlasov, N. A., Kolosko, E. A. (2024). Images of Russian Pan-Slavists in German Empire of 1880s. *Nauchnyi dialog, 13 (6)*: 322—343. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-6-322-343>. (In Russ.).
- Vlasova, M. G. (2012). Case study in international relations research: methodology and research practice. *Theory and practice of social development, 11*: 255—258. (In Russ.).

*The article was submitted 19.12.2024;
approved after reviewing 18.02.2025;
accepted for publication 24.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Казиев Э. В. Антропонимия алан в официальной «Истории Юань» / Э. В. Казиев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 422—440. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-422-440.

Kaziev, E. V. (2025). Anthroponymy of Alans in Official “History of Yuan”. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 422-440. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-422-440. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Антропонимия алан в официальной «Истории Юань»

Казиев Эдуард Викторович
orcid.org/0000-0003-4386-248X
WoS ResearcherID: L-9777-2018
ScopusAuthorID 57202302446
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
kedmon@rambler.ru

Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания
(Владикавказ, Россия)

Anthroponymy of Alans in Official “History of Yuan”

Eduard V. Kaziev
orcid.org/0000-0003-4386-248X
WoS ResearcherID: L-9777-2018
ScopusAuthorID 57202302446
PhD of History,
senior research scientist
kedmon@rambler.ru

Institute of History and Archeology
of the Republic of North Ossetia-Alania
(Vladikavkaz, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуются интерпретации транскрипций аланских имен, содержащихся в «Истории Юань». Целью исследования стал критический анализ представленных в научной традиции этимологических реконструкций указанной аланской антропонимии, а также их обобщение и систематизация. Отличие фонологической системы китайского языка от фонологических систем других языков препятствовало использованию в полной мере сравнительно-лингвистических методов для анализа большей части рассматриваемого ономастикона. Однако разноязычные источники, содержащие сведения о древнем, средневековом и современном ономастиконе, послужившие, наряду с «Историей Юань», материалами для исследования, позволили представить этимологические реконструкции и сопоставления для большинства рассмотренных антропонимических транскрипций. В результате было установлено, что 23 из 38 представленных реконструкций связаны с аланской культурной традицией. Сделан общий вывод о том, что аланы, находившиеся на протяжении ста тридцати лет при монгольском и юаньском дворах, сохраняли свое этническое самосознание, частью которого было исповедание ими христианства. Вместе с тем отмечается, что наличие тюркских, монгольских и, возможно, китайских имен в их ономастиконе свидетельствует о начале ассимиляции алан, а также о влиянии китайской культуры на их мировоззрение.

Ключевые слова:

аланы; Монгольская империя; империя Юань; антропонимия; письменные источники; историография.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the interpretations of the transcriptions of Alan names found in the “History of Yuan.” The aim of the study is to critically analyze the etymological reconstructions of this Alan anthroponymy as presented in scholarly tradition, as well as to generalize and systematize these findings. The phonological system of the Chinese language differs significantly from those of other languages, which hinders the full application of comparative linguistic methods for analyzing much of the onomasticon under consideration. However, diverse sources containing information about ancient, medieval, and modern onomastics, alongside the “History of Yuan,” provided material for this research, allowing for etymological reconstructions and comparisons for most of the analyzed anthroponymic transcriptions. As a result, it was established that 23 out of 38 presented reconstructions are linked to the Alan cultural tradition. The overarching conclusion drawn is that the Alans, who remained at the Mongolian and Yuan courts for one hundred thirty years, preserved their ethnic identity, part of which included their adherence to Christianity. Furthermore, it is noted that the presence of Turkic, Mongolian, and possibly Chinese names in their onomasticon indicates the beginning of Alan assimilation and the influence of Chinese culture on their worldview.

Key words:

Alans; Mongol Empire; Yuan Dynasty; anthroponymy; written sources; historiography.

УДК 94(470.65+510)“1236/1368”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-422-440

Научная специальность ВАК

5.6.2. Всеобщая история

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Антропонимия алан в официальной «Истории Юань»

© Казиев Э. В., 2025

1. Введение = Introduction

Одним из исследуемых предметов в истории алано-монгольских отношений XIII—XIV веков является антропонимия алан, содержащаяся в официальной «Истории Юань». Ее рассмотрение в науке было начато одним из основоположников отечественного китаеведения и монголоведения П. И. Кафаровым (архимандритом Палладием) [Архимандрит Палладий, 1863, с. 369; Архимандрит Палладий, 1877, с. 47—48]. Несколько этимологических реконструкций имен алан привел в своей обобщающей работе о Китае Г. Юл, однако А. Кордые, редактировавший очередное издание его труда, критически отозвался о большинстве этих реконструкций [Cathay, 1866, с. 315; Cathay, 1914, с. 15, 181—182]. Часть аланской антропонимии юаньской хроники также была рассмотрена Э. В. Бретшнейдером, А. И. Ивановым, П. Пеллио и А. К. Моулом [Bretschneider, 1876, с. 23, 263; Иванов, 1914, с. 288; Pelliot, 1914, с. 642; Moule, 1917, с. 21—26].

Во второй половине XX века этот предмет уже рассматривается лингвистами-иранистами и специалистами в области осетинского языкознания В. И. Абаевым, Т. А. Гуриевым и Т. Т. Камболовым [Абаев, 1949, с. 254; Абаев, 1989, с. 27; Гуриев, 1991, с. 36—38; Гуриев, 2010, с. 84; Камболов, 2006, с. 231—235], а также историками-аланистами З. Н. Ваневым, В. А. Кузнецовым, Ф. Х. Гутновым, А. А. Туаллаговым, А. Л. Чибировым [Ванев, 1989, с. 151; Ванев, 1990, с. 404; Кузнецов, 1984, с. 265; Гутнов, 1995, с. 48, 49, 59; Гутнов, 2014, с. 285; Туаллагов, 2017, с. 529; Чибиров, 2019, с. 9—13]. Вся известная антропонимия алан, содержащаяся в «Истории Юань», обобщена и кратко рассмотрена в источниковедческом своде А. Алеманя [Алемань, 2003, с. 523—538]. Ряд этимологических реконструкций этой антропонимии провел Р. П. Храпачевский [ЗОИ, 2009, с. 244, 245, 249, 290—291, 329].

Однако эти работы, за исключением свода источников А. Алеманя, рассматривают лишь отдельные имена из аланского ономастикона юаньской хроники, и во всех этих трудах этимологические реконструкции представ-

лены без учета конкретного исторического контекста, который необходим для сопоставления содержащихся в источнике антропонимов и реальных исторических персоналий. Кроме того, в некоторых источниках имеются неточности при передаче написания аланских имен в китайской графике, а также неточности при цитировании литературы (см. ниже).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основу настоящего исследования составили сведения из жизнеописаний аланских военачальников, представленные в «Истории Юань» [Сун Лянь, 1997, с. 3037—3038, 3205—3206, 3208—3210, 3212—3213, 3277—3278, 3280—3281, 3284], и сведения из переписки алан, служивших монгольскому двору в Китае, с папой Бенедиктом XII [Waddingo, 1733, с. 209—210]. Для этимологических реконструкций и сопоставлений также использовались некоторые другие хроники, содержащие имена алан: «Хроника» V века епископа Идация, охватывающая период истории Пиренейского полуострова с 379 по 469 годы [Chronica ..., 1894, с. 3, 19]; грузинский анонимный столетний «Хронограф» XIV века [Щулая, 1980, с. 202—203] и грузинская хроника начала XV века «Памятник эриставов», описывающая во второй своей части события, происходившие в Ксанском эриставстве с конца XIII по начало XV веков [Какабадзе, 1970, с. 106, 109, 118]; «Книга побед» летописца Тимура начала XIV века Низам ад-дина Абд-ал-Васи аш-Шаами [ЗОИ, 2003, с. 288], а также летопись о деяниях Тимура с аналогичным названием, составленная в 1427/1428 году Шараф ад-дином Али Йазди [ЗОИ, 2003, с. 359]. Для этимологических сопоставлений были использованы своды иранских [Justi, 1895, с. 76, 86, 106, 133, 255] и осетинских имен [Гаглойти, 2005, с. 311—357], а также материалы по скифской эпиграфике [Миллер, 1886, с. 243, 244, 263].

Все имена алан, содержащиеся в «Истории Юань», транскрибированы иероглифами, и, хотя отличия между средневековым и современным произношением этих иероглифов едва ли могут быть значительными [Старостин, 1989, с. 432], отличие фонологической системы китайского языка от фонологических систем других языков затрудняет или ограничивает возможность использования лингвистических методов для этимологических реконструкций. По этой причине большинство приводимых в настоящем исследовании сопоставлений китайских транскрипций аланских имен с именами, имевшими или имеющими хождение среди алан / осетин, носят субъективный характер и не основаны на лингвистических соответствиях. Вместе с тем результаты более чем полуторавекового изучения рассматриваемого предмета требуют развернутого обобщения и систематизации, что определило новизну настоящего исследования, целью которого стал кри-

тический анализ различных вариантов этимологических реконструкций аланской антропонимии юаньской хроники.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общие сведения об аланских антропонимах в «Истории Юань»

Антропонимы алан в «Истории Юань» переданы 42 транскрипциями личных имен, из которых 40 относятся к мужским именам и 2 — к женским. Поскольку жизнеописания являются поколенными, приводимая в них антропонимия может быть обобщенно представлена разбитой на четыре группы, определяемые временем событий, в сведениях о которых впервые упоминается имя того или иного аланского военачальника или его супруги (см. таблицу): 1) антропонимы алан, упоминаемых в связи с событиями Западного похода монголов (1236—1243 годы); 2) антропонимы алан, упоминаемых в связи с событиями, относимыми к периоду правления каана Мункэ (1251—1259 годы); 3) антропонимы алан, упоминаемых в связи с событиями, относимыми к периоду правления каана Хубилая (1260—1294 годы); 4) антропонимы алан, упоминаемых в связи с событиями, относимыми к периоду правления наследников Хубилая (1294—1368 годы).

Некоторые из этих транскрипций (см. ниже) являются вариантами записи в китайской графике имен одних и тех же аланских военачальников: *Анхэсы / Ханхусы, Атачи / Адачи, Еле / Елия, Юйваши / Юйчжаоши / Юйчжуаши* [Сун Лянь, 1997, с. 3205, 3280, 3037, 3208, 3278; Алемань, 2003, с. 525, 534, 527, 533, 534]. Несколько одинаковых или схожих транскрипций передают имена двух разных людей: *Атачи* — сын аланского правителя, *Атачи* — сын аланского удельного владельца, *Негула* — аланский удельный владелец, *Негулай* — сын крупного аланского удельного владельца [Сун Лянь, 1997, с. 3037, 3038, 3205; Алемань, 2003, с. 523, 524, 525].

3.2. Транскрипции христианских имен алан

Ряд китайских транскрипций имен алан легко может быть сопоставлен с христианскими именами: *Негула / Негулай* — Николай, *Еле / Елия* — Илья, *Димидиэр* — Димитрий, *Коуэризы* — Георгий, *Шилемэнь* — Соломон [Сун Лянь, 1997, с. 3277, 3278; Архимандрит Палладий, 1877, с. 48; Bretschneider, 1876, с. 23, 263; Алемань, 2003, с. 552, 553, 556; Alemany, 2023, с. 124, 125; Абаев, 1949, с. 254]. Последнее сопоставление оспаривается А. Алеманем, который соотносит транскрипцию *Шилемэнь* с монгольским именем **Širetün*, но при этом приводит мнение П. Пеллио, видевшего в *Širätün* < *Sirätün* / *Šilätün* < *Silätün* тюркизированную форму все того же имени *Соломон / Саломон* [Pelliot, 1949, с. 46; Алемань, 2003, с. 554—555]. В. И. Абаев предполагает, что транскрипция *Коуэризы* может

Таблица 1

Антропонимы алан в «Истории Юань» и время их первого упоминания

Западный поход (1236—1243 годы)	Период правления каана Мункэ (1251—1259 годы)	Период правления каана Хубилая (1260—1294 годы)	Период правления наслед- ников Хубилая (1294—1368 годы)
<i>Ханхусы</i> 杭忽思/ <i>Анхэсы</i> 父昂和思 (аланский пра- витель), <i>Ваймасы</i> 外麻思 (его жена), <i>Атачи</i> 阿塔 赤/ <i>Адачи</i> 阿荅赤 (их стар- ший сын), <i>Аньфапу</i> 按法 普 (их младший сын)		<i>Байдар</i> 伯荅兒 (сын Атачи), <i>Най- яочжэнь</i> 乃咬真 (жена Атачи)	<i>Олосы</i> 斡羅思, <i>Фудин</i> 福定, <i>Ду- дань</i> 都丹 (сыно- вья Байдара)
<i>Аэрсылань</i> 阿兒思蘭 (крупный удельный вла- датель) <i>Асаньчжэнь</i> 阿 散真 и <i>Негулай</i> 捏古來 (его старший и младший сыновья)		<i>Хуэрдуда</i> 忽兒都 答 (сын Негулая)	<i>Худу Темуэр</i> 忽都 帖木兒 (сын Хуэр- дуды)
<i>Негула</i> 捏古剌 (удельный владелец)		<i>Атачи</i> 阿塔赤 (сын Негула)	<i>Цзяохуа</i> 教化 (сын Атачи), <i>Чжэянь</i> <i>Бухуа</i> 者燕不花 (сын Цзяохуа)
<i>Еле-Бадуэр</i> 也烈 拔都兒/ <i>Елия</i> 也裏牙 (удельный владелец, вассал Хан- хусы)		<i>Есудаэр</i> 也速歹兒 и <i>Юйваши</i> 玉哇 失/ <i>Юйчжаоши</i> 玉爪失 (сыновья Еле Бадуэра)	<i>Ицилидай</i> 亦乞里 歹 (сын Юйваши), <i>Байчжу</i> 拜住 (сын Ицилидая)
<i>Бадуэр</i> 拔都兒 (удельный владелец), <i>Уцзоэрбухань</i> 兀作兒不罕 и <i>Матаэрша</i> 馬塔兒沙 (его братья)			<i>Бецзилян</i> 別吉 連 (сын Бадуэра), <i>Еляньдэ/ди</i> 也連的 (сын Бецзиляня)
	<i>Фудэлайсы</i> 福得 來賜 (дружин- ник), <i>Коуэрци</i> 口 兒吉 (сын Фудэ- лайсы)		<i>Димидиэр</i> 的迷的 兒 (сын Коуэрц- зи), <i>Сяньшань</i> 香山 (сын Димидиэра)
	<i>Юэлудамоу</i> 月魯 達某 (дружин- ник)	<i>Шила Бадуэр</i> 失 剌拔都兒 (сын Юэлудамоу)	<i>Нахайчань</i> 那海 (сын Шила Ба- дуэра)
	<i>Бецзиба</i> 別吉八 (дружинник)	<i>Чэли</i> 徹里 (сын Бецзиба)	失列門 <i>Шилемэнь</i> (сын Чэли)
15 имен, 12 персоналий	4 имени, 4 персо- налии	9 имен, 8 персо- налий	14 имен, 14 персо- налий

быть сопоставлена с осетинским апеллятивом *хорз* ('хороший') и языгским именем *Hurz* при том, что начальный согласный в этой транскрипции может произноситься как спирант *x* [Абаев, 1949, с. 254; Ванеев 1990, с. 404]. Однако вариант чтения последнего иероглифа в транскрипции *Коуэрцзи* как *гу/ки* 吉 — *Коуэрэи* [Архимандрит Палладий, 1877, с. 48; Bretschneider, 1876, с. 23] не оставляет сомнений в правильности соотношения этого имени с именем *Георгий*.

Отметим, что транскрипции *Елия* (один из аланских военачальников) и *Еле-Бадур* (отец тысячника *Юйваши* / *Юйчжаоши*), приводимые в жизнеописаниях, соответственно, *Негула* и *Юйваши* [Сун Лянь, 1997, с. 3038, 3208], одними исследователями относятся к именам двух разных людей [Moule, 1917, с. 22; Алемань, 2003, с. 556], тогда как другие допускают, что этими именами мог быть обозначен один и тот же аланский военачальник [Bretschneider, 1876, с. 262; Иванов, 1914, с. 293; ЗОИ, 2009, с. 244, 245]. Последнее допущение представляется более вероятным, поскольку и *Елия*, и *Еле-Бадур*, согласно указанным жизнеописаниям, присягали Чингизиду Мункэ во время монгольского Западного похода и участвовали вместе с ним уже в его бытность кааном в кампаниях в Южном Китае в 1253—1259 годах [Казиев, 2023, с. 42; Сун Лянь, 1997, с. 3037] (также см. п. 3.3, 3.5).

Транскрипцию *Фудэлайсы* [Сун Лянь, 1997, с. 3277] можно сопоставить с известным тюркам и монголам иранским именем *Pūlād* (Пулад — хан Золотой Орды в 1407 году) в его арабоязычном варианте *Fulād* [Justi, 1895, с. 106, 255] при метатезе *Dāl<Lād* и эпитезе *-сы*. В сведениях Низам ад-дина Абд-ал-Васи аш-Шами и Шараф ад-дина Али Йазди ас Пулад упоминается как один из организаторов сопротивления эмиру Тимуру в Западной Алании [ЗОИ, 2003, с. 304, 360]. Также возможно сопоставление транскрипции *Фудэлайсы* со скифскими именами *Фидас* и *Фодахос* [Миллер, 1886, с. 243, 244]. Вместе с тем для этой транскрипции предлагается конъектура «Путрас», которая связывается с восточной формой имени *Петр* — *Бутрос* [ЗОИ, 2009, с. 249, 290—291]. Конъектура представляется убедительной в силу ее простоты, тем более что в почти идентичной форме (*Бетгероз* / *Бетроз*) это имя распространено среди осетин [Гаглойты, 2005, с. 317].

3.3. Транскрипции предполагаемых аланских / осетинских имен

Исследователи справедливо полагают, что транскрипции *Анхэсы* и *Ханхусы*, а также *Атачи* и *Адачи* являются парными вариантами транскрипции имен двух человек: аланского правителя и его старшего сына, ставшего монгольским гвардейцем, кешиктемом [Архимандрит Палладий, 1877, с. 47; Иванов, 1914, с. 283, 291; Алемань, 2003, с. 550; ЗОИ 2009, с. 249; Гуриев, 2010, с. 84]. В транскрипции *Анхэсы* Т. А. Гуриев предлагает видеть аланское родовое имя *Алгуз* / *Алгуз* [Гуриев, 1991, с. 36—37],

являющееся эпонимом для *Æгъузатæ* (Агузовых) — одного из знатных осетинских позднесредневековых родов.

А. Алемань отмечал связь транскрипции *Атачи* с монгольским гвардейским титулом конюшего [Алемань, 2003, с. 545], передаваемым в жизнеописании аланского военачальника *Шила Бадурра* теми же графемами [Сун Лянь, 1997, с. 3284; ЗОИ, 2009, с. 249, 329]. Между тем еще В. И. Абаев и З. Н. Ванеев, а вслед за ними и сам А. Алемань отмечали связь имени аланского военачальника *Атачи*, известного из юаньской хроники, с именем короля алан *Аддака / Addaca* [Абаев 1949, с. 254; Ванеев 1990, с. 404; Алемань 2003, с. 121], разбитого вестготами в 418 году [Chronica 1894, с. 3, 19; Алемань, 2003, с. 121]. В. И. Абаев связывал это имя со скифским именем *Ἀτάσαζ* [Абаев, 1958, с. 103], уподобляемым осетинскому *ædas < æ* (негативная частица) + *tas* ‘страх’ и переводимым как «Бесстрашный» [Миллер, 1886, с. 263; Гуриев, 1991, с. 37; Гутнов, 1995, с. 48; Гутнов, 2014, с. 285]. А. Алемань приводит и другие варианты этимологии имени *Аддака*: критикуемые им тюркскую — *atak* ‘слава’ и осетинскую — *æddag / ændag* ‘внешний’, а также предлагаемую им иранскую — **at(t)aka* ‘папа, тятя’ [Алемань, 2003, с. 121]. Этимологическая версия В. Ф. Миллера и В. И. Абаева представляется более убедительной в силу ее простоты и опоры на скифскую эпиграфику.

Транскрипцию *Матаэриша* [Сун Лянь, 1997, с. 3121] В. И. Абаев верно соотносит с осетинским именем *Matersa*, образованным стяжением запретительной частицы *ta* и глагола *tærsyn* ‘бояться’ в 3-м лице единственного числа будущего времени сослагательного наклонения (‘пусть не боится’ = ‘Бесстрашный’), известным из фамильных юго-осетинских преданий [Абаев, 1949, с. 254; Ванеев, 1989, с. 151; Ванеев, 1990, с. 404; Гутнов, 1995, с. 49]. А. Алемань приводит схожую эламскую форму *mā-tur-ša*, объясняемую как древнеперсидское имя **Mā-tr-ša* с аналогичным значением, и вместе с тем высказывает сомнения в возможности существования имен-предложений в иранском, как и вообще в индоевропейском [Алемань, 2003, с. 553—554]. Определяя эти сомнения как «запоздалые и ошибочные» [Туаллагов, 2017, с. 529], уместно привести идентичное по способу образования имени *Matersa* распространенное у осетин и сегодня мужское имя *Cera*, образованное от глагола *caeryn* ‘жить’, поставленного в форму опатива 3-го лица единственного числа со значением ‘пусть живет’ [Абаев, 1949, с. 254].

Транскрипция *Чэли* [Сун Лянь, 1997, с. 3285] соотносится с осетинским именем *Чели* [Ванеев, 1989, с. 151]. А. Алемань, однако, предложил для этой транскрипции конъектуру **Čeri*, соотнеся ее с монгольским именем *Čeri[c]* [Алемань, 2003, с. 531]. Оба предположения представляются одинаково вероятными.

К аланским именам также следует отнести транскрипцию *Юйваши*, передающую имя гвардейского тысячника, верно отождествляемого А. К. Моулом с военачальником, чье имя в жизнеописании *Коуэрцзы* передано как *Юйчжаоши* [Сун Лянь, 1997, с. 3278, 3208; Moule, 2017, с. 25]. А. И. Иванов также видит в этих транскрипциях имя одного и того же аланского военачальника, но передает написание второй транскрипции отлично от ее написания, содержащегося в тексте юаньской хроники, путая схожие иероглифы *гуа* 瓜 и *чжао* / *чжуа* 爪: он пишет *Юйгуаши* 玉瓜失 [Иванов 1914, с. 295] вместо оригинального *Юйчжаоши* / *Юйчжуаши* 玉爪失. Эту же неточность вслед за А. И. Ивановым, соглашаясь с отождествлением, повторяет А. Алемань [Алемань, 2003, с. 534, 557].

Для имени, транскрибированного этими иероглифами, А. И. Иванов приводит конъектуру **Говас* [Иванов, 1914, с. 288], Р. П. Храпачевский — **Уваш* [ЗОИ, 2009, с. 245], В. И. Абаев — **Huvāč*, переводимую им как «доброслов» [Абаев, 1989, с. 27]. Действительно, возможен этимологический ряд: **Uvaš < *Uvas < *Uas < Was*. Осетинское *was / wac / wacæ* ('весь', 'божество', 'божественный', 'святой') В. И. Абаев возводил к **vāč* на индоевропейской базе **wek_o* — 'говорить' при семантическом ядре 'святой' / 'дух' / 'божество' в древних индоиранских языках (ср. хорезм. *wāxš* 'святой'). В. И. Абаев также отмечает, что культовый термин *was / wac / wacæ* может использоваться в топонимии, антропонимии и теонимии, где он имеет широкий спектр значений: ср. осетинские имена святых / божеств *Wacilla, Wastyrgi, Wacyruxs* или их эпитеты — *Was Tutyр* — при их полной аналогии таким названиям божеств, как древнеперсидские *Тириваџос* (**Tirivač*), *Фарнаваџос* (**Farna-vač*, ср. осетинское *farny wac > *Wacæfarnæ* 'святой/божественный фарн'), но с обратным порядком компонентов [Абаев, 1989, с. 26, 54, 55—56]. Возможно, в имени **Huvāč* порядок его компонентов соответствует приведенным древнеперсидским теонимам.

Транскрипцию *Асаньчжэнь* [Сун Лянь, 1997, с. 3038] А. Алемань предлагает читать как **Asanjīn*, сопоставляя эту конъектуру с *Asan* 阿散 — китайской транскрипцией арабского имени *Хасан* [Алемань, 2003, с. 550]. Р. П. Храпачевский передает это имя как *Асланчин* [ЗОИ, 2009, с. 244]. Между тем в хронике «Памятник эриставов» при описании событий, относящихся к последней четверти XIV века, упоминается богатырь Аmsаджан [Какабадзе, 1970, с. 118]. Поскольку Аmsаджан в этих сведениях упомянут наряду с Фареджаном и Багатаром, имена которых характерны для аланской властной элиты (см. п. 3.5), можно предполагать, что и имя *Аmsаджан* также является аланским. Транскрипция *Асаньчжэнь* и имя *Аmsаджан* фонетически и артикуляционно близки и могут быть сопоставимы. Имя же может быть интерпретировано как одно из составных аланских имен со среднепер-

сидским компонентом *jân / gyân*, имеющим значение ‘душа, жизнь’ [Cheung, 2007, с. 161]. Такие имена появились в XIII веке и первоначально были распространены среди знати [Гутнов, 2014, с. 294]. Этот компонент присутствует, например, в имени аланского царевича Фареджана.

Транскрипцию *Аньфату* [Сун Лянь, 1997, с. 3205] Р. П. Храпачевский предлагает интерпретировать как имя *Албабур* [ЗОИ, 2009, с. 245]. То, что аланский военачальник *Аньфату* упоминается в юаньской хронике в контексте событий аланской кампании Западного похода монголов, позволяет с большой долей вероятности предполагать, что его имя может быть иранским, а не заимствованным из тюркского или монгольского языков.

С рядом осетинских и иранских имен также можно сопоставить транскрипцию *Дудань* [Сун Лянь, 1997, с. 3206]: *Dūday, Δάδοϛ* [Justi, 1895, с. 76, 86], *Dado*, соотносимых А. Алеманем с осетинским *dada* ‘папа’ [Алемань, 2003, с. 552]; а также *Дуда, Дадай, Дудар, Дадан, Даден* [Гаглойты, 2005, с. 326, 328]. Транскрипция *Юэздудамоу* [Сун Лянь, 1997, с. 3284] интерпретируется как имя *Урдамур* [ЗОИ, 2009, с. 249]. Схожий с этой конъектурой ряд имен присутствует в осетинском ономастиконе: *Уарæда, Уырта, Уыртанбег, Уардас* и др. [Гаглойты, 2005, с. 347, 348]. Для транскрипций *Бецзиба* и *Бецзилян* [Сун Лянь, 1997, с. 3285, 3212] приводятся, соответственно, конъектуры **Bej̄iba / *Bekiba* и **Bej̄iren / *Bekiren*, а также отмечается неизвестность их этимологий [Алемань, 2003, с. 551]. Однако возможно их сопоставление с имеющими хождение у осетин именами *Бьдзи, Будзи, Быца* и т. п. [Гаглойты, 2005, с. 317, 318, 319]. Для транскрипции *Хуэрдуда* [Сун Лянь, 1997, с. 3038] А. Алемань дает конъектуру **Qurduḍa* [Алемань, 2003, с. 553]. Возможно сопоставление этого имени с древнеиранским *Huraoda / *Hurauda* [Justi, 1895, с. 133].

3.4. Транскрипции предполагаемых двусоставных алано-монгольских имен

Транскрипцию *Уцзор Бухань* [Сун Лянь, 1997, с. 3212] А. Алемань предлагает рассматривать как передающую двусоставное имя: первый элемент **Uzur* он соотносит с первым же элементом в имени осетинского воина Узурабега, убитого, согласно грузинскому «Хронографу», в 90-х годах XIII века [Цулая, 1980, с. 202], второй элемент (*Бухань*) связывается с монгольским именем *Вица* (кит. *Бухуа 不花*) или *Burqan* (кит. *Буэрхань 不兒罕*), тогда как вместе оба эти элемента дают имя **Uzur Bu(r)qan* [Алемань, 2003, с. 428, 555]. Само имя *Узурабег* А. Алемань связывает с осетинским именем *Ӕрысмæг / Urhzmæг / Oræzmæг*, приводя следующую реконструкцию: *Ӕрысмæг / Urhzmæг / Oræzmæг* + метатеза *VzVr < VrVz* + замена *-beg < -meg* (ср. кабардинское *Ozyrmeg* и т. п.) [Алемань, 2003, с. 428]. При метатезе *UzUr < UrUz*, сопоставляемой с *VzVr < VrVz*, допустимо сопо-

ставление **Uzur* с *Wæraz / Woraz*, восходящим к иранскому **warāza* ‘кабан’ и зафиксированным в осетинском как личное имя [Абаев, 1989, с. 89]. Также возможно соотнесение второй части транскрипции *Уцзор Бухань* с монголо-тюркским именем и титулом *Burqan*, которые в большей степени соответствуют графемам *Бухань*. Из сведений Низам ад-дина Абд-ал-Васи аш-Шаами и Шараф ад-дина Али Йазди, известно, что имя *Буркан / Бурган* носил правитель Западной Алании [ЗОИ, 2003, с. 303, 359], располагавшейся в верховьях р. Кубань и Кума. В таком случае предполагаемым звучанием рассматриваемого двусложного алано-монголо-тюркского имени будет **Уораз Буркан*.

Элемент *Бухуа* присутствует в транскрипции *Чжэянь Бухуа* [Сун Лянь, 1997, с. 3037], которая интерпретируется как монгольское двусложное имя *Jayan Buqa* [Рерих, 1967, с. 245; Алемань, 2003, с. 557]. отождествление этой транскрипции с именем аланского военачальника *Джембога Евензи* (*Gemboga Evenzi*), содержащимся в переписке аланских князей с папой Бенедиктом XII [Waddingo, 1733, с. 209—210; Pelliot, 1914, с. 642], не оставляет сомнений в правильности идентификации *Бухуа* как *Буга*. Первый же элемент в транскрипции *Чжэянь Бухуа* может быть сопоставлен с осетинским именем *Дзанг* [Гаглойты, 2005, с. 329]. Таким образом, получаем возможное двусложное алано-монгольское имя **Дзанг Буга*.

3.5. Транскрипции монгольских и тюркских имен

Ряд транскрипций аланских имен, содержащихся в юаньской хронике, справедливо относится к монгольским именам или сопоставляется с ними: *Байдар*, *Байчжу*, *Худу Темуэр*, *Есудаэр*, *Ицилидай* (**Ikiritai*<**Iqilie* 亦怯烈+*-dai* [суф. для образования монг. муж. личных имен]), *Нахайчань* (**Noqai*<*Noqai* ‘собака’) [Сун Лянь, 1997, с. 3206, 3210, 3038, 3209, 3210, 3284; Абаев, 1949, с. 254; Алемань, 2003, с. 551, 552—553; ЗОИ, 2009, с. 291]. Транскрипция *Олосы* [Сун Лянь, 1997, с. 3206] Ю. Н. Рерихом трактуется как имя *Василий* [Рерих, 1962, с. 245], хотя еще А. И. Иванов отождествлял его с монголо-тюркским именем *Орос / Урус* [Иванов, 1914, с. 286; Алемань, 2003, с. 555]. К тюркскому же *Арслан* ‘лев’ сводится транскрипция *Аэрсылань* [Сун Лянь, 1997, с. 3038; Алемань, 2003, с. 550]. Отметим, что транскрипцию *Байдар* также можно сопоставить с имеющим хождение у осетин именем *Бидар / Фидар* [Гаглойты, 2005, с. 318].

В транскрипции *Бадуэр* [Сун Лянь, 1997, с. 3212] исследователи справедливо видят имя *Бадур* [Кузнецов, 1984, с. 265; Алемань, 2003, с. 551; Гутнов 1995, с. 59]. В. И. Абаев считал это имя монгольским [Абаев, 1949, с. 254], хотя и отмечал, что само оно является стяженной формой осетинского слова *bæġatyr* (*baatur*, *batur*, *batyr*) и может восходить к персидскому *bahādur*, но предполагал заимствование осетинского *bæġatyr* из «монго-

ло-турецкого», несмотря на приводимые им же примеры употребления этого слова как аланского антропонима в грузинских хрониках, описывающих события с V по XIV века, а также в известной Зеленчукской надписи X—XII веков [Абаев, 1958, с. 245—246; Камболов, 2006, с. 166—169, 226]. К примеру, аланский царевич Бакатар, оказавшийся со своим братом Фареджаном в Грузии в период правления в Улусе Джучи хана Берке (1259—1262 годы), известен из грузинского «Хронографа» [Цулая, 1980, с. 202—203] (см. п. 3.3). А. Алемань также отмечает наличие этого имени у алан до монгольского завоевания, вместе с тем видя в **bayātar / bæğatyr* заимствованный аланами у хазар воинский титул, соответствующий аналогичному монгольскому титулу и присутствующий в двусложных именах, транскрибированных как *Еле Бадур* и *Шула Бадур* [Сун Лянь, 1997, с. 3208, 3212, 3284; Alemany, 2002, с. 78, 80, 81—82; Алемань, 2003, с. 551, 554, 556]. В транскрипции *Шула А.* Алемань предлагает видеть монгольское *Šira* ‘желтый’ (ср. этникон *Šira-Uigur* ‘желтые [восточные] уйгуры’) [Алемань 2003, с. 554]. Р. П. Храпачевский верно передает оригинальное звучание этих имен-титолов как *Илья-батур* и *Шура-батур* [ЗОИ, 2009, с. 245, 249] (также см. п. 3.2.).

3.6. Транскрипции предполагаемых китайских имен

Транскрипция *Фудин* [Сун Лянь, 1997, с. 3206] справедливо сопоставляется с именем аланского князя *Футима Йюенса (Futim Juens)* [Алемань, 2003, с. 552], упоминаемого в переписке аланских князей с папой Бенедиктом XII [Waddingo, 1733, с. 209—210]. А. Алемань утверждает, что имя *Фудин* является китайским антропонимом, но не указывает оснований для этого утверждения [Алемань, 2003, с. 552]. В транскрипции *Цзяохау* [Сун Лянь, 1997, с. 3037] он также видит китайское имя «со значением “цивилизатор”» [Алемань, 2003, с. 553]. В китайском языке, действительно, присутствует апеллятив *цзяохау* 教化, имеющий значение ‘перевоспитывать, перевоспитание’ [БКРСРГСЧТ, с. 1070]. Еще одним китайским именем А. Алемань полагает транскрипцию *Сяншань* (‘Благоухающая Гора’) [Сун Лянь, 1997, с. 3278], отмечая, что П. Пеллио соотносит ее с именем *Chyansam* или *Chaticen*, под которым также упоминается один из аланских князей в указанной переписке [Алемань, 2003, с. 230, 555—556]. Это же утверждение П. Пеллио приводит А. К. Моул [Moule, 1917, с. 25]. Однако П. Пеллио лишь утверждает, что в Пекине наряду с «представителем королевской семьи алан» Фудином были известны и «главы двух наиболее влиятельных аланских семей — Сяншань и Чжэянь Бухуа» [Pelliot, 1914, с. 642]. Кроме того, как справедливо указывает тот же А. К. Моул [Moule, 1917, с. 25], об аланском военачальнике Сяншане в его жизнеописании говорится, что он служил при Хайсане Кулуг каане (1307—1311)

и Айурбарибхадре Буянту каане (1311—1320), тогда как переписка аланских князей с папой пришла на период правления Тогон Тэмюра Ухагату каана (1333—1370). Более верным представляется предположение о том, что *Chyansam / Chaticen / Caticen* [Waddingo, 1773, с. 209—211] являются искаженными формами транскрипции китайского слова *чэнсян* 丞相, обозначающего должность императорского канцлера.

Возможно, что некоторые аланские семьи, находившиеся к 1336 году при монгольском и юаньском дворах уже на протяжении сотни лет, могли давать своим детям не только монгольские, но и китайские имена. Однако также можно предполагать, что в этих семьях могли использоваться и аланские имена. К примеру, транскрипцию *Фудин / Футим* можно соотнести с такими осетинскими именами, как *Фардзин, Фæдæн, Худан* [Гаглойты, 2005, с. 315, 348, 350]. Также следует понимать, что в средневековом Китае не было индивидуальных имен. Полное имя мужчины должно было состоять из личного и кланового имени, причем если имя было двусловным, то один его слог был общим в именах всех лиц одного поколения во всех семьях, составлявших клан [Концевич, 2002, с. 51]. Едва ли это правило соблюдалось в аланских семьях, хотя использование ими личных имен, составленных по китайскому образцу, повторимся, могло быть вполне допустимым.

3.7. Транскрипции прочих имен

Для транскрипции *Найяочжэнь / Айцзяочжэнь* [Сун Лянь, 1997, с. 3206], передающей женское имя, А. Алемань дает конъектуру **Naiyaojin*, не указывая при этом возможные варианты для ее сопоставления и этимологии [Алемань, 2003, с. 554]. Для транскрипции *Ваймасы* [Сун Лянь, 1997, с. 3205], передающей другое женское имя, А. Алемань не приводит никакой конъектуры [Алемань, 2003, с. 555]. Р. П. Храпачевский предлагает читать эту транскрипцию как имя *Ваймас* [ЗОИ, 2009, с. 245]. Для транскрипции *Еляньдэ / ди* [Сун Лянь, 1997, с. 3213], передающей мужское имя, А. Алемань предлагает конъектуру **Yerendi* [Алемань, 2003, с. 556], но какие-либо этимологические сопоставления здесь также затруднительны.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ позволяет утверждать, что, несмотря на условность многих представленных в научной традиции этимологических реконструкций китайских транскрипций аланских имен, содержащихся в юаньской хронике, некоторые из этих транскрипций, несомненно, передают имена из христианского ономастикона: *Негула / Негулай — Николай; Еле / Елия — Илья; Димидиэр — Димитрий; Коуэрцзы — Георгий; Шилемэнь — Соломон*. Ряд этих транскрипций сопоставим с иранскими име-

нами (скифскими, аланскими, осетинскими, среднеперсидскими): *Атачи / Адачи — Адак; Матаэриша — Матэриша; Чэли — Чели; Юйваши / Юйчжаоши — *Уваш / *Хуваш; Асаньчжэнь — Амсаджан; Дудань — Dūday, Дадан и т. п.; Фудин — Фæдæн, Худан; Хуэрдуда — Huraoda / *Hurauda; Аньфану — Албаур*. Транскрипция *Фудэлайсы* сопоставима с греческим именем *Петр / Бутроз / Бетроз* или со скифскими именами *Фідаꝛ, Фѳодаꝛос*. Некоторые транскрипции также могут быть сопоставимы с именами, имеющими хождение у осетин: *Юэлудамоу — Уæрæда, Уырта, Уардас; Бецзиба, Бецзилянъ — Быдзи, Будзи, Быца*. Несколько транскрипций передают тюркские или монгольские имена или этимологически связаны с ними: *Аэрысланъ — Арслан; Олосы — Орос / Урус; Байдар; Байчжу; Есудаэр — Есудар; Худу Темуэр — Худу Темур; Ицилидай — Икиридай; Нахайчанъ — Ногай; Шила Бадуэр — Шира-батур; Бадуэр — Бадур*. Вместе с тем транскрипция *Байдар* может быть соотнесена с осетинскими именами *Фидар* и *Бидар*, тогда как происхождение имени *Бадур* в осетинском является дискуссионным. Некоторые транскрипции могут передавать составные алано-монгольские имена: *Чжэянь Бухуа — *Дзанг Буга; Уцзор Буханъ — *Уораз Буркан*. Транскрипции *Цзяохуа* и *Сянишань* могут быть соотнесены с китайскими антропонимами. Для транскрипций *Найяочжэнь, Ваймасы* и *Еляньди* представить какие-либо этимологические сопоставления в настоящее время затруднительно. Транскрипции *Анхэсы / Ханхусы* могут быть сопоставлены с родовым аланским именем *Агуз / Агъуз*, но вопрос требует дальнейших исследований.

Рассмотренные 42 транскрипции аланских имен юаньской хроники соотносятся с именами 38 персоналий (4 транскрипции являются парными вариантами 4 других транскрипций, передающих имена одних и тех же людей, и 2 пары одинаковых или схожих транскрипций передают 2 имени 4 разных людей). Из этих 38 реконструируемых имен 6 имен являются христианскими, 10 могут быть сопоставлены с известными и реконструируемыми иранскими именами, 1 имя может быть как греческим, так и иранским, 4 имени соотносимы с именами, имеющими или имевшими хождение среди алан-осетин, 8 имен соотносимы с монгольскими и тюркскими именами, 2 имени могут быть как монгольскими или тюркскими, так и алано-осетинскими, 2 имени могут передавать составные алано-монгольские имена, 2 транскрипции, вероятно, передают китайские имена и 3 транскрипции не могут в настоящее время быть соотнесены с какими-либо известными именами.

Можно предполагать, что 23 из этих 38 реконструируемых имен связаны с аланской традицией, являясь либо христианскими, либо иранскими. Поскольку эти 23 имени переданы транскрипциями, присутствующими

во всех хронологических группах в приводимой выше таблице, можно утверждать, что аланы сохраняли свое этническое самосознание, частью которого было исповедание ими христианства, на всем протяжении своего пребывания при монгольском и юаньском дворах. Вместе с тем наличие одного тюркского имени в хронологической группе 1236—1243 годов, а также монгольских и тюркских имен в хронологических группах 1260—1294 и 1294—1368 годов свидетельствует, соответственно, о тесных контактах алан и тюрков еще до ухода первых в Монголию, а также о начале процесса интенсивной монгольской ассимиляции алан, оказавшихся в Монголии и Китае, в последние два периода. Возможное же наличие китайских имен среди алан, находившихся при юаньском дворе в период 1294—1368 годов, позволяет говорить о влиянии на них и китайского окружения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. — Москва, Ленинград : АН СССР, 1958. — Т. 1. — 655 с.
2. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. — Ленинград : Наука, 1989. — Т. 4. — 325 с.
3. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках / А. Алемань. — Москва : Менеджер, 2003. — 608 с. — ISBN 978-5-8346-0252-1.
4. БКРСРГСЧТ — *Большой китайско-русский словарь по русской графической системе* в четырех томах. — Москва : Наука, 1984. — Т. 3. — 1104 с.
5. *Гаглоиты [Гаглоева] З. Д.* Ирон мыггагтæ [Осетинские фамилии] / З. Д. Гаглоиты. — Дзауджыхъæу [Владикавказ] : Ир, 2005. — 359 ф. [с.]
6. ЗОИ 2003 — *Золотая Орда* в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или Улуса Джучи). Арабские и персидские сочинения / пер. В. Г. Тизенгаузена ; сост., введ. стат. и ком. Р. П. Храпачевского. — Москва : Центр по изучению военной и общей истории, 2003. — Т. 1. — 448 с.
7. ЗОИ 2009 — *Золотая Орда* в источниках (Материалы для истории Золотой Орды и улуса Джучи). Китайские и монгольские источники / пер., сост., введ. стат. и ком. Р. П. Храпачевского. — Москва : Наука, 2009. — Т. 3. — 335 с.
8. *Иванов А. И.* История монголов (Юань-ши) об асах-аланах / А. И. Иванов // Христианский Восток. — 1914. — Т. 2. — Выпуск 3. — С. 281—300.
9. *Какабадзе С. С.* Хроника ксанских эриставов начала XV в. / С. С. Какабадзе // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968. — Москва : Наука, 1970. — С. 103—126.
10. *Миллер В. Ф.* Эпиграфические следы иранства на юге России / В. Ф. Миллер // Журнал Министерства народного просвещения. — 1886. — Ч. 247. — Октябрь. — С. 232—284.
11. *Сун Лянь.* История Юань / Сун Лянь. — Пекин : Китайское книжное издательство, 1997. — Т. 10. — С. 2869—3180 ; Т. 11. — С. 3181—3470. (宋濂 等. 元史. — 北

京: 中華書局, 一九九七。— 十 册。— 頁 二八六九—三一八零; — 十一 册。— 頁 三一八一—三四七零。— Sònglián děng. Yuánshǐ. — Běijīng: Zhōnghuá shūjú, yījiūjiūqī. — Shì cè. — Yè èrbāliùjǐ—sānyībā líng; — Shíyī cè. — Yè sānyībāyī—sānsiqī líng).

12. Цулая Г. В. Грузинский «Хронограф» XIV в. О народах Кавказа / Г. В. Цулая // Кавказский этнографический сборник. — 1980. — Т. 7. — С. 193—208.

13. Chronica 1894 — *Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. Volumen II.* (Monumenta Germaniae Historica, Auctores Antiquissimi. Vol. XI.) / ed. Th. Mommsen. — Berlin : Weidmann, 1894. — 506 p.

14. *Justi F. Iranisches Namenbuch* / F. Justi. — Marburg : N. G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1895. — 526 p.

15. Waddingo 1733 — *Annales Minorum seu Trium Ordinum a S. Francisco Institutum auctore A.R.P. Luca Waddingo Hiberno S.T. Lectore Jubilato, & Ordinis Chronologo* / L. Waddingo. — Romae : Typis Rochi Bernabò, 1733. — Tomus Septimus. — 632 p.

Литература

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор / В. И. Абаев. — Москва — Ленинград : АН СССР, 1949. — Т. 1. — 607 с.

2. *Архимандрит* Палладий. Русское поселение в Китае в первой половине XIV в. / Архимандрит Палладий // Духовная Беседа. — 1863. — Т. 18. — № 27. — С. 368—370.

3. *Архимандрит* Палладий. Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам / Архимандрит Палладий // Восточный сборник. — 1877. — Т. 1. — С. 1—67.

4. Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа / З. Н. Ванеев. — Цхинвали : Ирыстон, 1989. — Т. 1. — 417 с.

5. Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа / З. Н. Ванеев. — Цхинвали : Ирыстон, 1990. — Т. 2. — 432 с.

6. Гуриев Т. А. Этимологический состав имен алан-асов китайских летописей / Т. А. Гуриев // I Международная научная конференция «Осетиноведение : история и современность». — Владикавказ : Тип. СОАССР, 1991. — С. 36—38.

7. Гуриев Т. А. Сборник избранных статей / Т. А. Гуриев. — Владикавказ : СОГУ, 2010. — 295 с. — ISBN 978-5-8336-0602-5.

8. Гутнов Ф. Х. Аристократия алан / Ф. Х. Гутнов. — Владикавказ : Ир, 1995. — 60 с.

9. Гутнов Ф. Х. Скифы. Аланы / Ф. Х. Гутнов. — Владикавказ : Проект-Пресс, 2014. — 320 с.

10. Казиев Э. В. Аланы в монгольских южно-китайских военных кампаниях периода правления каана Мункэ (1253—1259 годы) / Э. В. Казиев // Известия СОИГСИ. — 2023. — № 47 (86). — С. 34—46. — DOI: 10.46698/VNC.2023.86.47.008.

11. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка / Т. Т. Камболов. — Владикавказ : Ир, 2006. — 463 с. — ISBN 5-7534-0602-5.

12. Концевич Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте / Л. Р. Концевич. — Москва : Муравей, 2002. — 263 с. — ISBN 5-8463-0090-1.

13. Кузнецов В. А. Очерки истории алан / В. А. Кузнецов. — Орджоникидзе : Ир, 1984. — 303 с.

14. Рерих Ю. Н. Избранные труды / Ю. Н. Рерих. — Москва : Наука, 1967. — 573 с.

15. Старостин С. А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы / С. А. Старостин. — Москва : Наука, 1989. — 725 с. — ISBN 5-02-016986-2.

16. Туаллагов А. А. ALANICA. Сборник избранных статей доктора исторических наук А. А. Туаллагова / А. А. Туаллагов. — Владикавказ : СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. — С. 527—561. — ISBN 978-5-91480-276-6.
17. Чибиров А. Л. Аланы на службе империи Юань. Восточные хроники / А. Л. Чибиров // Известия СОИГСИ. — 2019. — № 33 (72). — С. 5—17. — DOI: 10.23671/VNC.2019.72.35251.
18. Alemany A. The “Alanic” title *Baγātar / A. Alemany // Nartamongæ. Журнал аланосетинских исследований : эпос, мифология, язык. — 2002. — Т. 1. — № 1. — С. 77—87.
19. Alemany A. The Alanic Glosses: between Christianity and Paganism / A. Alemany // Известия СОИГСИ. — 2023. — № 48 (87). — С. 123—128. — DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.006.
20. Bretschneider E. V. Notices of the Mediæval geography and history of Central and Western Asia / E. V. Bretschneider // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. — 1876. — № 10. — Pp. 75—309.
21. Cathay 1866 — *Cathay* and the way thither ; being a collection of medieval notices of China. In 2 Vols. / trans. and ed. by H. Yule. — London : Hakluyt Society, 1866. — Vol. 2. — Pp. 251—596.
22. Cathay 1914 — *Cathay* and the way thither; being a collection of medieval notices of China. In 4 Vols. / trans. and ed. by H. Yule ; revised by H. Cordier. — London : Hakluyt Society, 1914. — Vol. 3. — 269 p.
23. Cheung J. Etymological dictionary of the Iranian verb / J. Cheung. — Leiden, Boston : Brill, 2007. — 600 p. — ISBN 9789004154964.
24. Moule A. C. The Minor friars in China / A. K. Moule // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. — 1917. — January. — Pp. 1—36.
25. Pelliot P. Chrétiens d’Asie Centrale et d’Extrême-Orient / P. Pelliot // T’oung Pao ou Archives concernant l’histoire, les langues, la géographie et l’ethnographie de l’Asie Orientale. — 1914. — Vol. 15. — Pp. 623—644.
26. Pelliot P. Notes sur l’histoire de la Horde d’Or / P. Pelliot. — Paris : Librairie d’Amérique et d’Orient, Adrien Maisonneuve, 1949. — 292 p.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025,
одобрена после рецензирования 07.04.2025,
подготовлена к публикации 25.05.2025.

Material resources

- Abaev 1958 — Abaev, V. I. (1958). *Historical and etymological dictionary of the Ossetian language, 1*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 655 p. (In Russ.).
- Abaev 1989 — Abaev, V. I. (1989). *Historical and etymological dictionary of the Ossetian language, 4*. Leningrad: Nauka Publ. 325 p. (In Russ.).
- Aleman 2003 — Aleman, A. (2003). *Alans in ancient and medieval written sources*. Moscow: Manager. 608 p. ISBN 978-5-8346-0252-1. (In Russ.).
- BKRS GST — *Is a large Chinese-Russian Dictionary of the Russian Graphic System in four volumes, 3*. (1984). Moscow: Nauka Publ. 1104 p. (In Russ.).
- Chronica 1894 — Mommsen, Th. (ed.). (1894). *Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. Volumen II. (Monumenta Germaniae Historica, Auctores Antiquissimi. Vol. XI)*. Berlin: Weidmann. 506 p. (In Germ.).
- Gagloity 2005 — Gagloeva, Z. D. (2005). *Ossetian surnames*. Vladikavkaz. I.R. 359 f. [p.]. (In Oset.).

- Ivanov 1914 — Ivanov, A. I. (1914). The History of the Mongols (Yuan-shi) about the Assyrians. *The Christian East*, 2 (3): 281—300. (In Russ.).
- Justi 1895 — Justi, F. (1895). *Iranisches Namenbuch*. Marburg: N. G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung. 526 p. (In Germ.).
- Kakabadze 1970 — Kakabadze, S. S. (1970). Chronicle of the Ksani Eristavs of the early XV century. In: *Written monuments of the East. Historical and philological research. Yearbook. 1968*. Moscow: Nauka. 103—126. (In Russ.).
- Miller 1886 — Miller, V. F. (1886). Epigraphic traces of Iranism in the south of Russia. *Journal of the Ministry of National Education*, 247: 232—284. (In Russ.).
- Song Lian 1997 — Song Lian. (1997). *The history of the Yuan*, 10, 11. Beijing: Chinese Book Publishing House. 2869—3180; 3181—3470. (In Chin.).
- Tsulaya 1980 — Tsulaya, G. V. (1980). The 14th century Georgian Chronograph. About the peoples of the Caucasus. *Caucasian ethnographic collection*, 7: 193—208. (In Russ.).
- Waddingo 1733 — *Annales Minorum seu Trium Ordinum a S. Francisco Institutorum auctore A.R.P. Luca Waddingo Hiberno S.T. Lectore Jubilato, & Ordinis Chronologo*. (1733). Romæ: Typis Rochi Bernabò. 632 p. (In Latin.).
- ZOI 2003 — *The Golden Horde in sources (Materials for the history of the Golden Horde or Ulus of Jochi)*. *Arabic and Persian writings*, 1. (2003). Moscow: Center for the Study of Military and General History. 448 p. (In Russ.).
- ZOI 2009 — *The Golden Horde in the Sources (Materials for the history of the Golden Horde and the Jochi Ulus)*. *Chinese and Mongolian sources*, 3. (2009). Moscow: Nauka Publ. 335 p. (In Russ.).

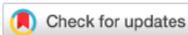
References

- Abaev, V. I. (1949). *Ossetian language and folklore*, 1. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 607 p. (In Russ.).
- Alemany, A. (2002). The “Alanic” title *Bayātar. Nartamongæ. *Journal of Alan-Ossetian Studies: epic, mythology, language*, 1 (1): 77—87.
- Alemany, A. (2023). The Alanic Glosses: between Christianity and Paganism. *Izvestiya SOIGSI*, 48 (87): 123—128. DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.006.
- Archimandrite Palladius. (1863). Russian settlement in China in the first half of the 14th century. *Spiritual Conversation*, 18 (27): 368—370. (In Russ.).
- Archimandrite Palladius. (1877). Ancient traces of Christianity in China, according to Chinese sources. *Oriental Collection*, 1: 1—67. (In Russ.).
- Bretschneider, E. V. (1876). Notices of the Mediæval geography and history of Central and Western Asia. *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society*, 10: 75—309.
- Cathay 1866 — Yule, H. (ed.). (1866). *Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China*. In 2 Vols., 2. London: Hakluyt Society. 251—596.
- Cathay 1914 — Yule, H. (ed.). (1914). *Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China*. In 4 Vols., 3. London: Hakluyt Society. 269 p.
- Cheung, J. (2007). *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden, Boston: Brill. 600 p. ISBN 9789004154964.
- Chibirov, A. L. (2019). Alans in the service of the Yuan Empire. *Oriental Chronicles*. *Izvestiya SOIGSI*, 33 (72): 5—17. DOI: 10.23671/VNC.2019.72.35251. (In Russ.).
- Guriev, T. A. (1991). Etymological composition of the names of the Alans in Chinese chronicles. In: *1st International Scientific Conference “Ossetian Studies: history and modernity”*. Vladikavkaz: Tip. SOASSR. 36—38. (In Russ.).

- Guriev, T. A. (2010). *Collection of selected articles*. Vladikavkaz: SOGU. 295 p. ISBN 978-5-8336-0602-5. (In Russ.).
- Gutnov, F. H. (1995). *Aristocracy of Alan*. Vladikavkaz: I.R. 60 p. (In Russ.).
- Gutnov, F. H. (2014). *The Scythians. Alans*. Vladikavkaz: Project Press. 320 p. (In Russ.).
- Kambolov, T. T. (2006). *An essay on the history of the Ossetian language*. Vladikavkaz: I.R. 463 p. ISBN 5-7534-0602-5. (In Russ.).
- Kaziev, E. V. (2023). Alans in the Mongolian South Chinese military campaigns during the reign of Kaan Mongke (1253—1259). *Izvestiya SOIGSI*, 47 (86): 34—46. DOI: 10.46698/VNC.2023.86.47.008. (In Russ.).
- Kontsevich, L. R. (2002). *Chinese proper names and terms in the Russian text*. Moscow: Muravey Publ. 263 p. ISBN 5-8463-0090-1. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. A. (1984). *Essays on the history of the Alans*. Ordzhonikidze: I.R. 303 p. (In Russ.).
- Moule, A. C. (1917). The Minor friars in China. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1—36.
- Pelliot, P. (1914). Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient. *T'oung Pao ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie et l'ethnographie de l'Asie Orientale*, 15: 623—644. (In Frenc.).
- Pelliot, P. (1949). *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve. 292 p. (In Frenc.).
- Roerich, Yu. N. (1967). *Selected works*. Moscow: Nauka Publ. 573 p. (In Russ.).
- Starostin, S. A. (1989). *Reconstruction of the ancient Chinese phonological system*. Moscow: Nauka Publ. 725 p. ISBN 5-02-016986-2. (In Russ.).
- Tuallagov, A. A. (2017). *ALANICA. Collection of selected articles by Doctor of Historical Sciences A. A. Tuallagov*. Vladikavkaz: SOIGSI VNTS RAS. 527—561. ISBN 978-5-91480-276-6. (In Russ.).
- Vaneev, Z. N. (1989). *Selected works on the history of the Ossetian people, 1*. Tskhinvali: Iryston. 417 p. (In Russ.).
- Vaneev, Z. N. (1990). *Selected works on the history of the Ossetian people, 2*. Tskhinvali: Iryston. 432 p. (In Russ.).

*The article was submitted 18.01.2025;
approved after reviewing 07.04.2025;
accepted for publication 25.05.2025.*

Информация для цитирования:

Кайгусуз Д. Открытие второго фронта в Европе по материалам британской региональной прессы / Д. Кайгусуз, Ю. Г. Кокорина, М. М. Вагабов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 441—457. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-441-457.

Kaygusuz, C., Kokorina, Y. G., Vagabov, M. M. (2025). Second Front in Europe: Analyzing Coverage in British Regional Press. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 441-457. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-441-457. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Открытие второго фронта в Европе по материалам британской региональной прессы

Кайгусуз Джумхур¹

orcid.org/0000-0002-1640-9439
кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры
истории Турецкой Республики
cumhurkaygusuz@gmail.com

Кокорина Юлия Георгиевна²

orcid.org/0000-0002-2496-3958
доктор филологических наук,
кандидат исторических наук,
профессор кафедры
«Гуманитарные дисциплины»,
корреспондирующий автор
kokorina@inbox.ru

Вагабов Махач Мустафаевич²

orcid.org/0000-0002-6949-9490
доктор исторических наук,
профессор кафедры
«Гуманитарные дисциплины»
9162803@mail.ru

¹ Государственный университет
имени 19 Мая
(Самсун, Турция)

² Московский политехнический
университет
(Москва, Россия)

**Second Front in Europe:
Analyzing Coverage
in British Regional Press**

Cumhur Kaygusuz¹

orcid.org/0000-0002-1640-9439
PhD in History, Lecturer,
Department of History
of the Turkish Republic
cumhurkaygusuz@gmail.com

Yulia G. Kokorina²

orcid.org/0000-0002-2496-3958
Doctor of Philology,
PhD in History, Professor,
Department of Humanities,
corresponding author
kokorina@inbox.ru

Makhach M. Vagabov²

orcid.org/0000-0002-6949-9490
Doctor of History, Professor,
Department of Humanities
9162803@mail.ru

¹ Ondokuz Mayıs University
(Samsun, Turkey)

² Moscow Polytechnic
University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование представления в английской региональной прессе открытия второго фронта. Проанализировано 20 единиц материала — номеров газет. В качестве материалов привлекаются номера газеты *Western Mail* за июнь 1944 года. Впервые вводятся в научный оборот данные этого издания, не переводившегося ранее с английского на русский язык. Выполнен обзор подборок статей с первых полос этого издания. Уделяется внимание событию высадки в Нормандии, продвижению союзных войск во Франции и штурму Рима. Подчеркивается, что английская региональная пресса меняла акценты в освещении событий в Европе от восторженных и победных до выражения недовольства. Показано, что событиям на Западном фронте газета уделяет постоянное внимание, тогда как Восточному фронту посвящена одна заметка. Результаты анализа подтверждают, что посредством публикаций в периодике у британского читателя формировалось мнение о приоритете Западного фронта в борьбе с гитлеровской Германией, о важности сражений во Франции и Италии, а не освобождения СССР и Восточной Европы. Тем самым складывался миф о победе англо-американских войск над Германией. Авторы утверждают, что подобная тенденция освещения событий в периодических изданиях является основой для искажения исторической правды.

Ключевые слова:

Вторая мировая война; второй фронт; английская пресса; СМИ; *Western Mail*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the representation of the opening of the Second Front in the British regional press, focusing on an analysis of 20 newspaper issues. The research draws upon editions of the *Western Mail* from June 1944, introducing this previously untranslated source into the scholarly discourse. A review of front-page articles highlights key events such as the D-Day landings, the advance of Allied forces in France, and the assault on Rome. The analysis reveals a shift in the regional press's emphasis, transitioning from celebratory and triumphant narratives to expressions of dissatisfaction. Notably, while the *Western Mail* consistently covered developments on the Western Front, it devoted only a single article to the Eastern Front. The findings indicate that through its publications, the British readership developed a perception prioritizing the Western Front in the fight against Nazi Germany, emphasizing the significance of battles in France and Italy over the liberation of the USSR and Eastern Europe. This trend contributes to the construction of a myth surrounding the Anglo-American victory over Germany. The authors argue that such coverage patterns in periodicals serve as a foundation for distorting historical truth.

Key words:

World War II; Second Front; British Press; Media; *Western Mail*.

УДК 94(47).084.8:070(410)“1944”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-441-457

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Открытие второго фронта в Европе по материалам британской региональной прессы

© Кайгусуз Д., Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М., 2025

1. Введение = Introduction

В 2024 году исполняется 80 лет со дня открытия второго фронта в Европе. Это событие нашло отражение в британской прессе, как центральной, так и региональной. Британская пресса, которая является одной из старейших в мире, играла и играет важную роль в формировании общественного мнения как в самой Великобритании, так и в других странах. Поэтому представляется важным выявить особенности отражения событий Второй мировой войны в британских СМИ. Кроме того, современные СМИ и авторы как исторических, так и публицистических произведений используют публикации из прессы тех лет для своих построений, зачастую тенденциозных. Понять особенности формирования представлений о событиях на фронтах Второй мировой войны у английского читателя, в том числе не только в центре, но и в регионах, позволяет непосредственное обращение к публикациям 1944 года. На основе анализа становится возможным охарактеризовать особенности отражения военных событий в прессе того времени и выявить истоки многих современных представлений, бытующих в том числе в зарубежной науке и СМИ, адекватно противостоять осознанному и неосознанному искажениям. В этом видится актуальность данной статьи.

Нами вводится в научный оборот новый исторический источник, практически не знакомый российскому читателю, — британская газета *Western Mail*. В этом заключается новизна данного исследования. Целью работы является раскрытие специфики отражения в региональной британской прессе в контексте современной зарубежной и российской историографии событий, связанных с открытием второго фронта в Европе, продвижения союзных войск в Нормандии и Италии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для данной работы послужили 20 номеров британской газеты *Western Mail* за июнь 1944 года. Поскольку газета является изда-

нием, не известным российскому читателю, приведем краткую справку. Газета выходит в Кардиффе с конца XIX века, является ежедневным изданием, распространявшимся по доступной цене — один пенни. Газета так рекламировалась в 1878 году в справочнике прессы Митчелла: «Она была создана независимо от затрат и распространяется на обширной территории, которую она охватывает, тиражируется более широко, чем все остальные газеты, вместе взятые» [Western Mail]. Таким образом, газета была доступна рядовым британцам и рассчитана на формирование широкого общественного мнения. Нами обработаны практически все выпуски газеты, относящиеся к открытию второго фронта, поэтому выборку можно считать достаточно представительной. Мы искренне благодарны Гаррету Джонсу (Gareth Jons) за возможность ввести в научный оборот источник, не переводившийся на русский язык.

Вопросам открытия второго фронта уделялось значительное внимание как в зарубежной, так и в российской историографии. Для западной в целом и английской в частности историографии еще с 1950-х годов характерно стремление преуменьшить роль советско-германского фронта во Второй мировой войне, обосновать открытие второго фронта стремлением Англии и США «снять давление с русских», при этом «оставить Россию в войне» [Новоселов и др., 1985, с. 176—177]. Зарубежные историки объясняют договоренность об открытии второго фронта уже в 1942 году «давлением» СССР на западные страны и «амбициями» И. В. Сталина. Сторонники концепции «решающих битв» Второй мировой войны выделяют среди них в качестве определяющей высадку в Нормандии наряду с событиями на Тихоокеанском театре военных действий, практически игнорируя битвы на Восточном фронте [Там же, с. 179]. В 1970—1980-х годах сформировалась тенденция объяснять задержку с открытием второго фронта «национальными интересами» Великобритании и США [Там же, с. 188]. Как пишут Дж. Натан и Дж. Оливер, вторжение во Францию состоялось, когда «для русских стало совершенно очевидно, что политика союзников заключалась в том, чтобы заставить их истекать кровью», но этого якобы требовали «национальные интересы» Англии и США [Там же, с. 190]. Сторонники этой концепции утверждают, что все союзные державы в войне преследовали свои «национальные интересы», и затягивание открытия второго фронта в этой связи трактуется ими как оправданное [Там же, с. 190]. По мнению зарубежных историков и политологов, ужесточая свою политику против России, Запад «исправляет» ошибки прошлого, когда СССР после войны набрал неслыханную мощь [Там же, с. 200].

Тема второго фронта считается хорошо разработанной как в российской, так и в зарубежной литературе, особенно последних десятилетий.

В англо-американской [Открытие ..., 2001; Хастингс, 1989] и в российской историографии значительное внимание уделяется обращению к новым источникам, в частности дипломатическим, вводятся в научный оборот новые данные. Так, А. А. Падерин приводит красноречивые цитаты из речей и писем лидеров Большой Тройки, ставших доступными в последние годы, и указывает, что за промедление в открытии второго фронта Красная Армия заплатила жизнями 5,5 млн солдат [Падерин, 2014, с. 63]. Взаимоотношениям между союзниками на дипломатическом фронте уделяет внимание Д. В. Спирин, подчеркивая, что И. В. Сталин был раздражен действиями союзников, и в 1942 году это едва не стало причиной конфронтации [Спирин, 2008]. Обращаются к теме подготовки и открытия второго фронта не только историки, но и политологи. С. Лаврентьев и В. Хмельников на основе богатого фактического материала анализируют ситуацию в Европе 1942—1944 годов и публикуют данные о связи союзного командования с офицерами-заговорщиками против Гитлера [Хмельников и др., 2019]. С позиции дипломатической истории рассматривает подготовку к открытию Второго фронта В. О. Печатнов. Используя документы, которые мало известны российскому читателю, он изучает степень влияния того, как события на советско-германском фронте сказались на планах союзников открыть второй фронт [Печатнов, 2013]. Проблема дипломатической подготовки открытия второго фронта также подробно рассмотрена в статьях А. В. Гришина и В. А. Гришина. Авторы приходят к выводу, что «с момента вступления в войну всех членов «Большой тройки» проблема открытия Второго фронта стала одной из наиболее серьезных, но выработать единую и оптимальную позицию в ситуации, когда судьба участников войны была еще далеко не ясна на ближайшую перспективу» [Гришин, 2015, 2015a], не удавалось из-за отсутствия взаимопонимания.

В монографиях последних лет проблема подготовки и открытия второго фронта рассматривается с использованием богатого фактического материала не только открытых российских, но и зарубежных архивов. Подробно изучает дипломатическую историю подготовки открытия второго фронта, боевые действия союзников и итоги его открытия в своей монографии А. С. Орлов [Орлов, 2001].

Историю второго фронта и подготовку к его открытию в 1942—1945 годы, военные действия, которые были начаты США и Великобританией 6 июня 1944 года после высадки на территорию Северо-Западной Франции, итоги и ситуацию в Европе в ходе военных действий рассматривает в своей монографии В. А. Золотарев [Золотарев, 2005]. Привлекая богатый фактический материал, проблему открытия второго фронта в контексте всей истории Второй мировой войны рассматривает В. М. Фалин.

Ученый прослеживает путь формирования Антигитлеровской коалиции и указывает на специфику позиции каждой страны, развенчивая на богатом материале миф о примате Западного и Тихоокеанского театров военных действий в ходе Второй мировой войны [Фалин, 2016].

Среди новейших работ следует назвать также монографию Е. Хитряк и Е. Музыкалова, в которой высадка в Нормандии и дальнейшие события в Европе прослежены буквально по дням с использованием разностороннего фактического материала и широкого изобразительного ряда [Хитряк и др., 2023]. Однако в книге отсутствуют, к сожалению, широкие обобщения, авторы концентрируются на фактической стороне вопроса.

Таким образом, проблема открытия второго фронта в российской и зарубежной историографии изучена достаточно подробно. Для работ последних лет характерно обращение к документальным материалам. Наша работа продолжает эту тенденцию, вводя в научный оборот публикации британской *Western Mail*.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. *Western Mail* о высадке в Нормандии и ходе операций союзников

В приведенной выше историографии, как российской, так и зарубежной, подчеркивается, что открытие второго фронта было крупнейшей десантной операцией Второй мировой войны. Она произвела грандиозное впечатление на современников, в том числе и на журналистов *Western Mail*.

На следующий день после начала высадки в Нормандии газета публикует подборку статей под красноречивым заголовком: «Захватчики изгнаны с многих миль во Франции», где центральное место занимает статья «Массовая высадка с моря и воздуха» (здесь и далее перевод наш. — Д. К., Ю. К., М. В.) [Massing ..., 1944, p. 1], в которой сообщается: «Армада свыше 4000 кораблей и нескольких тысяч более мелких судов, сопровождаемая 11 тысячами фронтовых самолетов, в четверг пересекла пролив и вторглась на территорию Франции» [Ibid]. Газета цитирует У. Черчилля, час спустя после начала операции «Оверлорд» выступившего в парламенте: «Все идет по плану. Надеюсь, что тактическая неожиданность сделает успех достижимым» [Ibid]. Далее приводятся главные факты: «Массовый авиационный десант оказался эффективным перед линиями врага. Морской и авиационный десант высадился в нескольких местах. Огонь береговых батарей “в основном подавлен”. Морские препятствия менее трудные, чем ожидалось» [Ibid]. Приводятся первые сообщения очевидцев, в чем заключается особая ценность публикации *Western Mail*: «Пролив выглядел как в регату: корабли и десантные баржи всех видов и размеров стремительно подходили к берегу, высаживая войска снова и снова. Прежде,

чем мы оставляли их, они видели, что каждый город и деревня на всей площади были в огне. Мы говорили о том, чего ждали — ждали немецких самолетов, но Люфтваффе не поддерживала свою наземную оборону. Это делало два дня похожими на неделю» [Ibid]. Газета приводит ссылку на немецкое радио, сообщившее о высадке союзного десанта в устье Санны [Ibid]. Сообщается, что погода не способствовала десанту союзников, но авиация «действовала по плану». «Десантирующая армада заняла всю протяженность побережья» [Ibid].

В другом номере газета сообщала: «Союзные силы выиграли первую битву после десантирования в Нормандии. Сообщение о ней пришло вчера днем. Сражение состоялось в районе Каена, в десяти милях вглубь французской территории от базы на полуострове Шербург. Разведка установила, что все побережье контролируется врагом, соединившим свои фланги. Немцы контратаковали танками — это было первое применение танков в ходе операции. Контратака была отбита. Огонь с воздуха сильно беспокоил захватчиков. “Небесные соколы” и планеры имели все вооружение и обескровили противовоздушную оборону на берегах. Подкрепление производилось волнами в четверг и утром в пятницу <...> не было сообщений о дальнейших попытках со стороны вражеских сил вклиниться в расположение наших высадившихся войск. Немецкая четырнадцатая и семнадцатая армии под командованием Роммеля, как сообщается, перебросили дополнительные дивизии туда, где американские и британские войска стабилизировали линию береговой обороны. Наше воздушное нападение продолжается. С рассвета четверга до рассвета пятницы 13 тысяч наших парней влились в союзные войска, было проведено тысяча прицельных бомбардировок» [Епему ..., 1944, р. 1].

Газета сообщала, что после четырех дней боев союзные войска заняли прочный плацдарм протяженностью 51 миль на территории Франции. «Наши передовые части достигли пригородов Шербурга, и наша авиация наносит новые сильные удары как по прифронтовой полосе, так и по жизненно важным коммуникациям врага» [Big ..., 1944, р. 1]. Western Mail указывает на участие канадских войск в четырех сражениях и взятие канадцами двух городов [Successful ..., 1944, р. 1].

16 июня 1944 года газета вышла с подборкой статей на первой полосе, объединенных заголовком «Мы держим 60 миль побережья», в которой подчеркивается: «После дня тяжелых боев союзные войска удерживают 60 миль нормандского побережья, и американские войска своими эффективными действиями в центральном направлении продвинулись на глубину 18 миль. Продвижение продолжается в лесах Кареси, где перед днем “Д” был склад немецкой амуниции» [Carentan ..., 1944, р. 1].

Western Mail публикует цитаты из выступления генерала А. Моногери: «Мы выиграли битву на побережье. Я горд и доволен развитием ситуации, но мы должны сделать для этого все. Сейчас нет никаких противоречий между американцами и англичанами. Это хорошо, очень хорошо» [Beaches, 1944, p. 1]. Указание генерала на слаженность действий английских и британских войск показательно: как отмечают историки, она имела место не всегда, в том числе и в операции в Италии [Фалин, 2016, с. 310].

Газета публикует статью корреспондента агентства «Рейтер» Маршала Ярроу, в которой в публицистической форме прославляется мужество солдат союзных армий: «Не пишите во Францию и не спрашивайте: “Что представляет собой Атлантический вал Гитлера?” <...> Действительно, многие в штурмующих войсках были немало удивлены той легкостью, с которой они достигли берега, но не обнаружили мощных укреплений на побережье, называемых Атлантическим валом. Каждая из нормандских зарослей, где прячутся снайперы, — это камень Атлантического вала Гитлера. <...> Каждый день на плацдарме тысячи раненых из союзных войск эвакуируются в Британию. Каждое опасное место, которого достигает волна, является частью Атлантического вала. Наша смерть, часть духа расцветающей Нормандии, является молчаливым свидетельством того, что это — Вал. Он существует в каждой изгороди, заборе, доме вплоть до Рейна» [Yarrow, 1944, p. 1].

Однако эйфория первых дней начала проходить. Western Mail сообщает о состоянии дел в Нормандии: «14 или 15 дивизий противостоят нам, что составляет 250 000 человек. Общее число вражеских сил в северо-западной Европе, по неофициальным данным, достигает 60 дивизий. Если эти сведения верны, то мы повстречались на побережье с четвертью общего числа вражеских сил» [25 000 Germans ..., 1944, p. 1].

Western Mail информирует своих читателей, что ожидается крупное сражение под Кайеной, а на Шербургском полуострове американские войска овладели Монтебургом, а английские войска движутся к оконечности полуострова. Немецкие войска предпринимают усилия для деблокирования Шербурга и порта, предполагая использовать резервы для выравнивания линии фронта. «Эти резервы истощены и будут разгромлены по частям прежде, чем ударят по нам» [Ibid], — отмечает газета.

Газета концентрирует внимание на напряженности боев: «Четыре танковые дивизии сейчас появились в сражении у Каены, где битва бронетехники интенсивно расширяется. В районе Тилля, к западу от Каены, Роммель делает все возможное для деблокирования, но до настоящего времени его атаки огнем оканчивались ничем. <...> Поддержка с воздуха растет во все большем масштабе. <...> Английские Военно-воздушные силы вчера послали рекордное число в 1500 тяжелых бомбардировщиков. <...>

Ситуация на фронте во многом колеблется. На многих фронтах мы продвигаемся, на других участках враги достигают временного успеха. Только сейчас стало известно, что четыре танковые дивизии противостоят нам по линии Тилль-Каенна, и эти дивизии полностью укомплектованы» [For Panzer ..., 1944, p. 1]. Автор статьи высказывает надежду, что, поскольку до 30 % личного состава немецких дивизий составляет пехота, удар немцев удастся смягчить [Ibid].

Газета обращает внимание и на человеческий фактор, в частности, она сообщает об участии французских летчиков в сражениях над Нормандией: «В небе звучал хор “Viva la France”» [Battlefield ..., 1944, p. 1].

14 июня 1944 года газета вышла с подборкой статей на первой полосе под заголовком «Угроза Шербургскому полуострову». В одной из публикаций сообщается, что, по сведениям агентства Ассошейтед-пресс, полученным от командования 21-й армией, американские войска продвигаются по Шербургскому полуострову к северу от Монтебурга [Gains ..., 1944, p. 1]. «На многих участках фронта наши войска поддерживаются огнем морской артиллерии, но эта артиллерия не всегда может оказать необходимую поддержку» [Ibid].

Western Mail обращает внимание читателей на напряженность и неоднозначность ситуации: «Два важных и обнадеживающих факта делают картину противостояния неясной. Первый состоит в танковой атаке немцев в районе Виллеар-Брокада, где наше продвижение находится под угрозой срыва. Второй состоит в том, что союзники сейчас северо-западнее Баупта, в основании Шербургского полуострова, угрожают единственной дороге, идущей с севера на юг, по которой немцы продвигают свои силы для деблокировки города» [Ibid]. Подчеркивается превосходство войск союзников: «Был предпринят ряд вражеских контратак в районе Тилля и Барелли, но мы их все отразили» [Ibid]. «Известно, что нам противостоят четыре танковые дивизии на линии Коан-Троарн, что составляет около 600 танков» [Ibid]. «В ходе танковых сражений были подбиты восемь вражеских Панциров и девять «Тигров» [Ibid].

Подводя итог сражениям на Шербургском полуострове, газета отмечает: «Первая часть десантной операции закончена: 30 тысяч немцев попали в ловушку» [First ..., 1944, p. 1]. При этом подчеркивается, что американские войска перерезали полуостров и единственный коридор шириной в шесть километров, по которому могли отступать немецкие силы. «Американцы связывают свой успех с тем, что британская, канадская и другие береговые армии смогли сдержать четыре танковые дивизии под Каеной и Тиллем» [Ibid]. Восторженный тон характерен для публикаций Western Mail этого периода: «В итоге полуостров был перерезан в самом узком

месте, и мы уверены, что командование сделает все, что в его силах, для продвижения на юг» [Ibid], при этом отмечено: «Наше наибольшее продвижение на запад составляет 23 мили, на юг — 12 миль. Все это было достигнуто за 12 дней, что является рекордным для войн» [Ibid].

В рядах союзников росло недовольство медленным продвижением войск, что проскальзывает и в публикациях *Western Mail*. «Осматривая линию фронта с востока на запад, мы вынуждены признать, что ситуация вокруг Квинвилла до сих пор не изменилась. Мы не можем быть удовлетворены невозможностью использовать этот маленький порт. Мы не можем до сих пор взять Малиенбург, хотя подошли вплотную к нему, и не можем полностью освободить город от врага. Это не может продолжаться долго» [Ibid].

Газета сообщает, что восьмая армия сражается на окраинах Перуджи и Марчиано, Бретто и Фратта были освобождены от врага [Eight ..., 1944, p. 1]. «Эльба, остров заключения Наполеона, в семи милях от итальянского побережья, где вчера высадились французские войска, сегодня перешел под командование союзников» [Elba ..., 1944, p. 1].

Сообщает газета о том, что американские войска в восьми километрах от Шербурга, при этом в плен взято 300 немецких солдат, сопротивление спорадическое, осуществляется группами немцев человек по 20, что корреспондент связывает с разложением командования и утратой боевого духа противника. *Western Mail* цитирует немецкого корреспондента: «Британская армия в районе Кайены смогла переформироваться в течение уикэнда, что стало одной из причин нашего поражения в сражении. Командование Британцев на основных направлениях было более опытным, что обусловило победу» [Enemy ..., 1944, p. 1].

Как сообщает британский корреспондент, «некоторые участки линии фронта, были заняты свежими силами, где проходили бои в открытую» [Ibid]. *Western Mail* описывает тактику союзников, одна из черт которой — разгром инфраструктуры противника: «Восьмая аэродивизия совершила вчера от 250 до 500 атак на три аэродрома Южной Франции» [Ibid].

Примечательно внимание *Western Mail* к нуждам мирного населения: «Немцы до сих пор имеют сильно укрепленные позиции вокруг Кайены, но мы надеемся, что они эвакуировали население города из-за сильных бомбардировок последних двух недель» [Germans ..., 1944, p. 1]; восхищение действиями французских партизан: «Благодаря действиям французских подпольщиков было полностью остановлено движение по железным дорогам от Парижа до Тулузы и от Парижа до Бордо с 10 по 13 июня» [Ibid].

Слова корреспондента *Western Mail* об английских медсестрах были призваны вызвать эмоциональный отклик у читателя: «Флоренс Найтингейл в военной форме и резиновых ботинках прибыла во Францию в про-

шлую пятницу. 40 офицеров британской медицинской службы — майор, капитан и 38 лейтенантов — поднялись на борт английского крейсера, чтобы через 12 часов прибыть к берегам Нормандии. Они попали под огонь немецкой артиллерии. Но девушки выглядели счастливыми, делая важную работу» [Cambell, 1944, p. 1]. Сообщает газета об атаках Англии немецкими ракетами, которые британские летчики научились сбивать [1000 Aircraft ..., 1944, p. 1].

3.2. Характеристика Western Mail итальянской кампании союзников

Газета Western Mail публикует на первой полосе подборку статей «Три последовательных удара по Риму» с редакционным материалом «Войска видят город с высот Альбано». В нем, в частности, говорится, что «три удара союзников, направленных на Рим, позволили войскам приблизиться на 15 миль к городу. Американские пехотинцы, штурмовавшие вершины Артемисии, сейчас видят Рим с исторических озер Неми и Альбано» [Troops ..., 1944, p. 1]. В статье говорится о боях союзных войск за Рим, приводится карта военных операций. В частности, отмечено, что «не только тупое сопротивление (немцев. — *Д. К., Ю. К., М. В.*), но и местность вокруг Рима очень сложна, но дальнейшее продвижение достигнуто и пленные взяты» [Ibid]. Отмечается преимущество американских противотанковых ружей против немецких, как и роль артиллерии в отражении немецких контратак» [Ibid].

Примечательно, что наряду с публикациями об успехах союзников помещена маленькая заметка со ссылками на газету «Красная Звезда» о разгроме немецких танковых контратак под Яссами под красноречивым заголовком: «Русские сломали копьё» [Russians ..., 1944, p. 1]. В ней, в частности, отмечается: «Изначальный успех Германии был полностью аннулирован, и сражение под Яссами стало настоящей бойней для больших немецких сил» [Ibid]. Сообщает газета о чистке в болгарской армии, где просоветски настроенные офицеры вынуждены бежать или умереть [Bulgarians ..., 1944, p. 1].

Уделяя внимание событиям в Италии, газета на первой полосе выходит с красноречивым заголовком «Союзники перерезали две главные дороги к Риму» [Allies ..., 1944, p. 1], в которой говорится, что «союзные войска одержали вчера самые яркие победы за все дни итальянской кампании: пришло сообщение о том, что союзные войска перерезали шоссе шесть и шоссе семь» [Ibid], названные «самыми укрепленными дорогами Киссельринга к Риму» [Ibid]. Со ссылкой на немецкое радио Western Mail сообщает, что бои за южные и юго-западные отроги гор Альбано приобретают невероятную остроту. «Американские танки и мотопехота прошли внутрь

наших линий обороны в нескольких местах и уничтожили боевую группу немецких парашютистов» [Ibid].

Примечательно, что газета публикует обращение Папы Римского, который называет атаки Рима «Отцеубийством» и со ссылкой на радио Ватикана цитирует слова Понтифика: «Сам святой дух собора Святого Петра, Вечный город и мать цивилизации подвергается испытаниям современных методов войны» [It would ..., 1944, p. 1]. Папа Римский надеялся на установление мира на холмах Рима и слал союзным войскам свое пастырское благословение [Ibid].

Western Mail сообщает о сражении на окраинах Рима, указывая, что «пятая армия вошла в границы Рима. Главное командование союзных войск, сообщив вчера об этом, подчеркнуло, что «было встречено лишь спорадическое сопротивление». Одновременно пришло сообщение немецкого командования о том, что силы его прибрежной обороны отведены за Тибр «согласно плану» [Only ..., 1944, p. 1]. Газета цитирует слова римского радио: «Рим пал. Но мы продолжаем сражаться» [Ibid]. Со ссылкой на корреспондента «Рейтер» Western Mail констатирует: «Народ встречал входящие войска с воодушевлением, вскоре стал собираться и бросать цветы в наши грузовики и джипы» [Ibid]. По сообщениям «Рейтер», союзные войска захватили 15 тысяч пленных [Ibid]. Для своих читателей газета публикует историческую справку о Риме под названием «Вечный город», в которой приводит историю Рима и краткие сведения о его географии, а также план расположения войск [The Etrernal ..., 1944, p. 1].

Western Mail сообщает, что пятая армия союзников перерезала первое, второе и третье шоссе, ведущие в Рим, и войска Киссельринга заплатили большую цену за сопротивление. Немецкие войска зажаты в 50-ти или 60-ти километрах к северу от Рима, при этом пятая армия пресекла пути отступления по первому, второму и третьему шоссе. «Зажигательные бомбы союзников стали настоящим наказанием для противника, оставляющего горящую технику, смятую от бампера до бампера, между воронками от бомб» [Fifth ..., 1944, p. 1]. Western Mail удовлетворенно отмечает: «Нацисты деморализованы. Восьмая армия британцев наступает по всему фронту. Британские войска освободили соседние города Фуджи и Акуто. Упорное сопротивление войск под Бальсорано сломлено. Горы на глубину от семи до восьми миль в районе шестого шоссе зачищены» [Ibid]. В то же время газета указывает на создание немцами укреплений в горной местности.

Газета приводит высказывания генерала М. Кларка: «Мы разбили большую часть немецкой армии в Италии» [Large, 1944, p. 1]. Он констатировал: «Это, бесспорно, великий день для пятой армии, французские, британские и американские войска сражались вместе, не поддаваясь врагу, и

сделали победу возможной. Я хочу выразить специальную благодарность за огромную поддержку авиации под командованием генерала И. А. Эккера» [Ibid]. «Немцы не могут смотреть один другому в лицо. Они унижены», — заявил генерал [Ibid].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, газета Western Mail подробно информировала своих читателей о действиях союзников в Европе, закономерно уделяя значительное внимание действиям британских войск. Практически каждый номер газеты за июнь 1944 года выходил с сообщениями о положении на норманнском или итальянском фронте, сопровождавшимися фотографиями и картами военных действий. Статьи были редакционными, авторство зафиксировано только у двух публикаций в периодике.

Для первых публикаций, как отмечалось выше, характерен победоносный тон, пренебрежение к врагу: слова о «тупом» и «спорадическом» сопротивлении немцев, рекордных для истории войн темпах продвижения вглубь территории противника. Впоследствии тон публикаций становится несколько иным: отмечаются трудности и неожиданности, внимание читателя концентрируется на значительной, по мнению издания, численности немецких дивизий, противостоящих союзникам. Публикации Western Mail начинают отражать недовольство медленными темпами продвижения англо-американской коалиции и возникающими трудностями. Но общий тон продолжает оставаться оптимистичным.

Примечательны статьи, призванные затронуть сокровенные струны в душе читателя: процитированная выше заметка об «Атлантическом вале» Гитлера, восхищение героизмом французских летчиков и партизан, сообщение о героизме английских женщин-медсестер. К этой же категории публикаций следует отнести сообщения со ссылкой на радио Ватикана, в которых цитируется призыв Папы Римского пощадить «Вечный город», и материалы об истории Рима.

Следует обратить внимание, что публикации о действиях союзников помещены на первых полосах практически в каждом номере газеты, а о событиях на Восточном фронте дана только одна небольшая заметка — о победах Красной Армии в ходе Яско-Кишиневской операции. Это является еще одним подтверждением того, что у британского читателя формировалось мнение о приоритете Западного фронта в борьбе с гитлеровской Германией, о важности сражений во Франции и Италии, а не освобождения СССР и Восточной Европы. Так складывался миф о победе англо-американских войск над Германией, миф, который внедряется в наши дни в умы как зарубежных, так и российских читателей, особенно молодежи.

Противостояние мифам этого рода в ходе ведущейся против России информационной войны возможно только на основе комплексного изучения источников — публикаций стран-союзников и газет СССР. В этом видится дальнейшее развитие данной темы.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *1 000 Aircraft Rain bombs bon P-Plane Sites* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 30. — P. 1.
2. *250 000 Germans in Normande Battle* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 14. — P. 1.
3. *Allies Astride Both Highways to Rome* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 4. — P. 1.
4. *Battlefield Flashers* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 13. — P. 1.
5. *Beaches Battle Won, Says Montgomery* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 16. — P. 1.
6. *Big American Thrust on Broad front* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 12. — P. 1.
7. *Bulgarians give in to Nazi* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 3. — P. 1.
8. *Cambell D. Welsh Nurse With Invaders / D. Cambell* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 30. — P. 1.
9. *Carentan battle in Floods* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 16. — P. 1.
10. *Eight army Fighting in Outskirts of Perudga* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 19. — P. 1.
11. *Elba Mainly in our hands* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 19. — P. 1.
12. *Enemy Forecasts Major British Offensive* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 21. — P. 1.
13. *Enemy Panzers Hurlled Back from Caen in First Armored Clash* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 8. — P. 1.
14. *Fifth Army Clothing behind Nazi retreat* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 12. — P. 1.
15. *First Invasion Phase Ends With 33000 Germans Trapped* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 19. — P. 1.
16. *For Panzer division defending Caen* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 13. — P. 1.
17. *Gains North of Montebourg and West of Carentain* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 14. — P. 1.
18. *Germans Fall Back Cherburg's Inner Defenses* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 30. — P. 1.
19. *It would be Matricide to Attack Rome* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 4. — P. 1.

20. *Large part of German Forces Destroyed* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 12. — P. 1.
21. *Massing landing be Sea and Air* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 7. — P. 1.
22. *Only Sporadic Resistance after Daily-Long Battle in City Outskirts* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 5. — P. 1.
23. *Russians Break off Spearhead* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 3. — P. 1.
24. *Successful Attacks on Two Sides of Caen* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 12. — P. 1.
25. *The Eternal City* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 5. — P. 1.
26. *Troops see City Erom Alban Heights* // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 3. — P. 1.
27. *Yarrow M. This is the Atlantic Wall* / M. Yarrow // Western Mail [newspaper]. — 1944. — June 16. — P. 1.

Литература

1. *Гришин А. В.* Второй фронт как дипломатическая проблема : от нападения германии на СССР до вступления в войну США / А. В. Гришин, В. А. Гришин // Вестник Брянского государственного университета. Педагогика и психология. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки. — 2015. — № 1. — С. 100—104.
2. *Гришин А. В.* Второй фронт как дипломатическая проблема : планы союзников и визит В. М. Мологова в Лондон и Вашингтон в 1942 году / А. В. Гришин, В. А. Гришин // Вестник Брянского госуниверситета. — 2015а. — № 2. — С. 141—145.
3. *Золотарев В. А.* Второй фронт против Третьего рейха / В. А. Золотарев. — Санкт-Петербург : ООО «Издательство «Полигон», 2005. — 541 с. — ISBN 5-17-028900-6.
4. *Новоселов Б. Н.* Проблема второго фронта в современной буржуазной историографии США и Великобритании : (Эволюция оценок) / Б. Н. Новоселов, А. С. Орлов // Буржуазная историография второй мировой войны : Анализ современных тенденций. — Москва : Наука, 1985. — С. 182—210.
5. *Орлов А. С.* За кулисами второго фронта / А. С. Орлов. — Москва : Вече, 2001. — 350 с.— ISBN 5-7838-1009-6.
6. *Открытие* Второго фронта, весна — лето 1944. — Москва : Мир книг, 2007. — 127 с. — ISBN 978-5-486-01698-1.
7. *Падерин А. А.* Проблема открытия второго фронта в Европе : взгляд спустя семь десятилетий / А. А. Падерин // Вестник МГИМО Университета. — 2014. — № 3 (36). — С. 58—68.
8. *Печатнов В. О.* Сталинградская битва и проблема второго фронта / В. О. Печатнов // Вестник МГИМО Университета. — 2013. — С. 86—93
9. *Спирин Д. В.* Проблема Второго фронта во взаимоотношениях «Большой тройки» / Д. В. Спирин // Проблемы отечественной истории : источники, историография, исследования : сборник научных статей. — Санкт-Петербург, Киев, Минск : Нестор-История, 2008. — С. 621—634.
10. *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция : конфликт интересов / В. М. Фалин. — Москва : «Центрполиграф», 2016. — 311 с. — ISBN 978-5-227-06569-8.

11. Хастингс М. Операция «Оверлорд» : Как был открыт второй фронт / М. Хастингс. — Москва : Прогресс, 1989. — 470 с. — ISBN 5-01-001643-5.
12. Хитряк Е. Л. Высадка в Нормандии. Крупнейшая десантная операция в истории / Е. Л. Хитряк, Е. Н. Музальков. — Москва : Яуза-пресс, 2023. — 208 с. — ISBN 978-5-9955-1123-6.
13. Хмельников В. Открытие второго фронта в Европе / С. Лавренов, В. Хмельников // Обозреватель. — 2019. — № 6. — С. 72—87.
14. *Western Mail* // The British Newspaper Archive [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/titles/western-mail> (accessed 21.06.2024).

Статья поступила в редакцию 23.07.2024,
одобрена после рецензирования 30.09.2024,
подготовлена к публикации 22.05.2025.

Material resources

- 1 000 Aircraft Rain bombs bon P-Plane Sites. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 30. P. 1.*
- 250 000 Germans in Normande Battle. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 14. P. 1.*
- Allies Astride Both Highways to Rome. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 4. P. 1.*
- Battlefield Flashers. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 13. P. 1.*
- Beaches Battle Won, Says Montgomery. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 16. P. 1.*
- Big American Thrust on Broad front. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 12. P. 1.*
- Bulgarians give in to Nazi. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 3. P. 1.*
- Cambell, D. (1944). Welsh Nurse With Invaders. *Western Mail [newspaper]. June 30. P. 1.*
- Carentan battle in Floods. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 16. P. 1.*
- Eight army Fighting in Outskirts of Perudga. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 19. P. 1.*
- Elba Mainly in our hands. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 19. P. 1.*
- Enemy Forecasts Major British Offensive. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 21. P. 1.*
- Enemy Panzers Hurlled Back from Caen in First Armored Clash. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 8. P. 1.*
- Fifth Army Clothing behind Nazi retreat. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 12. P. 1.*
- First Invasion Phase Ends With 33000 Germans Trapped. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 19. P. 1.*
- For Panzer division defending Caen. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 13. P. 1.*
- Gains North of Montebourg and West of Carentain. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 14. P. 1.*
- Germans Fall Back Cherburg's Inner Defenses. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 30. P. 1.*
- It would be Matricide to Attack Rome. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 4. P. 1.*
- Large part of German Forces Destroyed. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 12. P. 1.*
- Massing landing be Sea and Air. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 7. P. 1.*
- Only Sporadic Resistance after Daily-Long Battle in City Outskirts. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 5. P. 1.*
- Russians Break off Spearhead. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 3. P. 1.*
- Successful Attacks on Two Sides of Caen. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 12. P. 1.*
- The Eternal City. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 5. P. 1.*
- Troops see City Erom Alban Heights. (1944). *Western Mail [newspaper]. June 3. P. 1.*

Yarrow, M. (1944). This is the Atlantic Wall. *Western Mail [newspaper]*. June 16. P. 1.

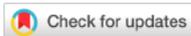
References

- Falin, V. M. (2016). *The Second Front. The Anti-Hitler Coalition: conflict of interests*. Moscow: Tsentrpoligraf. 311 p. ISBN 978-5-227-06569-8. (In Russ.).
- Grishin, A. V., Grishin, V. A. (2015). The second front as a diplomatic problem: from the German attack on the USSR to the entry into the war of the USA. *Bulletin of the Bryansk State University. Pedagogy and psychology. History. Right. Literary criticism. Linguistics. Economy. Exact and natural sciences, 1*: 100—104. (In Russ.).
- Grishin, A. V., Grishin, V. A. (2015a). The second front as a diplomatic problem: Allied plans and V. M. Molotov's visit to London and Washington in 1942. *Bulletin of the Bryansk State University, 2*: 141—145. (In Russ.).
- Hastings, M. (1989). *Operation Overlord: How the second Front was opened*. Moscow: Progress. 470 p. ISBN 5-01-001643-5. (In Russ.).
- Khitryak, E. L., Muzalkov, E. N. (2023). *The landing in Normandy. The largest amphibious operation in history*. Moscow: Yauza Press. 208 p. ISBN 978-5-9955-1123-6. (In Russ.).
- Lavrenov, S., Khmel'nikov, V., (2019). The opening of the second front in Europe. *Obozrevatel, 6*: 72—87. (In Russ.).
- Novoselov, B. N., Orlov, A. S., (1985). The problem of the second front in modern bourgeois historiography of the USA and Great Britain: (Evolution of assessments). In: *Bourgeois historiography of the Second World War: Analysis current trends*. Moscow: Nauka. 182—210. (In Russ.).
- Orlov, A. S. (2001). *Behind the scenes of the second front*. Moscow: Veche. 350 p. ISBN 5-7838-1009-6. (In Russ.).
- Paderin, A. A. (2014). The problem of opening the second front in Europe: a look after seven decades. *Bulletin of MGIMO University, 3 (36)*: 58—68. (In Russ.).
- Pechatnov, V. O. (2013). The Battle of Stalingrad and the problem of the second front. *Bulletin of MGIMO University*. 86—93. (In Russ.).
- Spirin, D. V. (2008). The problem of the Second front in the relations of the “Big Three”. In: *Problems of national history: sources, historiography, research: collection of scientific articles*. St. Petersburg, Kiev, Minsk: Nestor-Istoriya. 621—634. (In Russ.).
- The opening of the Second Front, spring — summer 1944*. (2007). Moscow: World of Books. 127 p. ISBN 978-5-486-01698-1. (In Russ.).
- Western Mail. *The British Newspaper Archive*. Available at: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/titles/western-mail> (accessed 21.06.2024).
- Zolotarev, V. A. (2005). *The Second front against the Third Reich*. St. Petersburg: LLC Publishing House “Polygon”. 541 p. ISBN 5-17-028900-6. (In Russ.).

*The article was submitted 23.07.2024;
approved after reviewing 30.09.2024;
accepted for publication 22.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Мельникова Д. А. Земское страхование скота в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии во второй половине XIX — начале XX веков / Д. А. Мельникова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 458—475. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-458-475.

Melnikova, D. A. (2025). Rural Livestock Insurance in St. Petersburg and St. Petersburg Province in Late 19th to Early 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 458-475. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-458-475. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Земское страхование скота в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии во второй половине XIX — начале XX веков

Мельникова Дарья Андреевна

orcid.org/0000-0001-8552-4185

кандидат исторических наук,
кафедра философии
и социально-гуманитарных наук
darya.a.melnikova@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Rural Livestock Insurance in St. Petersburg and St. Petersburg Province in Late 19th to Early 20th Century

Darya A. Melnikova

orcid.org/0000-0001-8552-4185

PhD in History,
Department of Philosophy and
Social Sciences and Humanities
darya.a.melnikova@yandex.ru

Saint-Petersburg State
Agrarian University
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализирована страховая деятельность земств Санкт-Петербургской губернии в сфере организации добровольного страхования сельскохозяйственных животных в последней четверти XIX века. В качестве источников использованы архивные данные, делопроизводственная документация и публицистические издания. Подчеркивается, что введение добровольного страхования скота было обусловлено необходимостью усиления ветеринарно-санитарного надзора для предупреждения масштабного распространения эпизоотий на территории губернии. Подчеркивается, что страхование скота было направлено на восполнение убытков населения в случае падежа. С 1886 года крупный рогатый скот принимался добровольно для страхования по нормальной и специальной оценке для определенных пород. Приводятся основные статистические данные результатов страхования скота по основным городам и уездам губернии с 1886 по 1892 годы. Автор приходит к выводу, что добровольное земское страхование в первую очередь являлось попыткой предупредить распространение опасных эпизоотий в губернии и способом развития ветеринарно-санитарного обеспечения региона. Сделан вывод о том, что убыточные итоги первого десятилетия страховой деятельности земства привели к необходимости поиска новых решений — введения обязательного страхования. Отмечается, что убытки страхования были вызваны отсутствием в губернии массового животноводства и крупных хозяйств.

Ключевые слова:

страхование; скотоводство; земство; ветеринарный надзор; Санкт-Петербург; противочумный сбор; эпизоотии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the insurance activities of the Rural district councils (zemstvos) in St. Petersburg Province concerning the organization of voluntary livestock insurance during the last quarter of the 19th century. Utilizing archival data, administrative documentation, and journalistic publications as sources, the study highlights that the introduction of voluntary livestock insurance was driven by the necessity to enhance veterinary and sanitary oversight to prevent large-scale outbreaks of epizootics within the province. It emphasizes that livestock insurance aimed to compensate the population for losses incurred due to animal deaths. Starting in 1886, cattle were accepted for voluntary insurance based on standard and special valuations for specific breeds. The article presents key statistical data on livestock insurance outcomes across major cities and districts of the province from 1886 to 1892. The author concludes that voluntary zemstvo insurance primarily represented an attempt to mitigate the spread of dangerous epizootics in the province and served as a means to develop veterinary and sanitary support for the region. It is noted that the unprofitable results of the initial decade of zemstvo insurance activities led to the necessity of seeking new solutions, including the introduction of mandatory insurance. The article also points out that the losses incurred by the insurance system were attributed to the lack of mass livestock farming and large-scale agricultural enterprises in the province.

Key words:

insurance; livestock farming; zemstvo; veterinary oversight; St. Petersburg; anti-plague measures; epizootics.

Земское страхование скота в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии во второй половине XIX — начале XX веков

© Мельникова Д. А., 2025

1. Введение = Introduction

На протяжении XIX — начала XX веков острой проблемой ветеринарно-санитарного состояния России оставались эпизоотии, которые приводили к гибели сельскохозяйственных животных, убыткам в частных хозяйствах и экономике государства. Для решения вопроса требовалось, с одной стороны, разработать необходимые средства для борьбы с инфекцией, а с другой — предупредить распространение эпизоотии на ранних стадиях, чтобы не допустить массового падежа поголовья. Причиной гибели сельскохозяйственных животных были не только болезни, но и стихийные бедствия, пожары, неудовлетворительные условия содержания.

Одним из вариантов решения проблемы могло стать страхование сельскохозяйственных животных, в первую очередь у крестьянского населения. В докладной записке Медицинского департамента МВД отмечалось: «... крестьянин, теряя, например, корову или лошадь, лишается всего своего стада или табуна; если же он потеряет одновременно ту и другую (от чумы ли, сибирской язвы, или от сапа, или от иной, вовсе незаразительной болезни), то, при условиях крестьянского хозяйства, подобная утрата равносильна совершенному разорению. Поэтому страхование крупного рогатого скота и лошадей от всех болезней и всякой смертности составляет несомненную потребность крестьянского населения и вполне соответствует его экономическим интересам» [ЦГИА СПб, ф. 255, оп. 1, д. 328, л. 159 об. — 160] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников).

История страхования сельскохозяйственных животных в России прошла несколько этапов, включая государственно-общественное, региональное, частное и кооперативное страхование. Каждая форма имела свои плюсы и минусы и была более актуальной на определенном этапе развития сельского хозяйства и экономики России. Важным фактором в развитии той или иной формы страхования было расположение региона, в котором осуществлялась страховая деятельность обществ или земства. Каждый регион имел эконо-

мические и природно-климатические особенности развития, что оказывало существенное влияние на состояние сельского хозяйства и животноводства.

Северо-западные и северные регионы Российской империи, в частности, Санкт-Петербург и Петербургская губерния, являлись далеко не самыми благополучными территориями в плане содержания скота. Основу животноводства составлял крупный рогатый скот, в меньшей степени лошади и мелкий скот (свиньи, овцы, козы). Климат региона и ограниченные территории не давали возможности разводить скот массово. По данным 1897 года, в Санкт-Петербургской губернии числилось 442 200 голов скота, из которых крупный рогатый скот составлял — 201 885 голов, а лошади — 121 175 голов [ЦГИА СПб, ф. 257, оп. 2, д. 2, л. 278].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История страхования сельскохозяйственных животных и борьбы с чумой рогатого скота в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии в XIX — начале XX веков не была предметом активного интереса историков. До 1917 года рассматривались общие вопросы развития кооперативного, акционерного, добровольного и обязательного земского страхования сельскохозяйственных животных [Веселовский, 1909, с. 423—439; Волоцкой, 1913; Мурашкинцев, 1895; Теселкин, 1911; Чайнов, 1912]. Внимание современных исследователей сконцентрировано на основных тенденциях развития страхования в Российской империи в XIX — начале XX веков [Богачев, 2021; Бондаренко, 2012; Лукьянов, 2019; Райлян, 2005; Соловьева, 2018], на региональных аспектах земского добровольного и обязательного страхования скота и лошадей [Горак; Большакова, 2019; Большакова, 2020; Лукьянов, 2019; Мельникова, 2018; Мельникова, 2021; Яковлев, 2004].

Санкт-Петербург и Петербургская губерния до настоящего времени специально не изучались в данном аспекте. Одной из причин отсутствия серьезного интереса к региону можно назвать слабо развитое животноводство, отсутствие важных скотопрогонных трактов, которые являлись одним из наиболее серьезных источников распространения эпизоотий. Столица и губерния практически не подвергались серьезным эпизоотиям. В случае обнаружения зараженного скота специализированным органам удавалось в кратчайшие сроки локализовать зараженное поголовье и принять меры по его уничтожению с целью предотвратить дальнейшее распространение.

Таким образом, целью данного исследования является создание общей характеристики земского страхования сельскохозяйственных животных в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии в последней четверти XIX — начале XX веков, когда происходило активное формирование городской и земской ветеринарно-санитарной служб, деятельность которых

была направлена на борьбу с основными эпизоотиями, в том числе путем распространения добровольного страхования.

Для исследования истории страхования сельскохозяйственных животных в Санкт-Петербурге был использован комплекс исторических источников, представленных не опубликованными ранее материалами фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), которые позволили охарактеризовать страховую деятельность столичного региона. Из опубликованных источников автором были привлечены публицистические работы, ветеринарная периодическая печать, делопроизводственные документы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Этапы истории страхования сельскохозяйственных животных

Впервые идея организовать «заведение для застрахования скота от падежа» была высказана купцом Шперлингом в его письме к министру финансов в 1832 году [РГИА, ф. 1287, оп. 2. 1832, д. 121, л. 1]. В качестве примера была приведена Пруссия, где к страхованию принимались лошади, крупный и мелкий рогатый скот, свиньи. В Совете Министерства внутренних дел отметили, что учреждение страховой организации весьма полезно, «но в России на основаниях, принятых в Государстве, разносуществующем от России пространством, народонаселением, изобилием пастбищ и всякого рода скота, а от сего и образом скотоводства, ни в каком отношении у нас приспособлено быть не может, тем еще более, что доселе ни в одной из обширных и разнообразных про промышленности губерний наших в подобном застраховании скота нужды не предстояло; почему Совет полагает: предположение купца Шперлинга оставить без действия» [РГИА, ф. 1287, оп. 2. 1832, д. 121, л. 19 об.]. Только в 1839 году официально было учреждено Первое общество страхования скота от падежа, которое просуществовало менее десяти лет. В 1848 году был утвержден устав Общества страхования скота в России, ставившего целью: «страхование от падежа и лечение скота городского, сельского и гуртового»; «надзор и попечение о здоровье и спокойном прогоне гуртов»; «попечение о предупреждении и пресечении скотских болезней вообще» [Страничка из истории ..., 1890, с. 294].

К последней четверти XIX века вопрос о страховании скота вступил в новую фазу — «фазу обязательной государственной меры», так как частные общества и добровольное страхование «не привились и угасли с крупнейшим дефицитом» [Вопрос о страховании ..., 1899, с. 194]. В 1876 году начало работу «Первое Российское общество страхования лошадей», не просуществовавшее и года, а в 1882 году появились два общества страхо-

вания скота от падежа — Российское и Московское, но также быстро прекратили свое существование.

Новым этапом в истории аграрного страхования стала деятельность земств: «В одних земствах он промелькнул метеором, не оставив и следа», другие, повергнув его обстоятельной теоретической разработке, «не решались, однако, перейти к практическому его осуществлению» [Вопрос о страховании ..., 1899, с. 195]. Отличительной чертой добровольного земского страхования являлся постоянный дефицит, кроме того, в страховании участвовал ничтожный процент крестьянских хозяйств. Главной причиной неудачи именно добровольного страхования стали высокие тарифы, превышающие 3—4 % со страховой стоимости и «особенно непосильные для мелких страхователей»; повлияла отчасти и «некультурность <...> населения, не проникнутого еще сознанием всей важности и серьезности данной меры» [Вопрос о страховании ..., 1899, с. 195]. За 38 лет (1880—1907) добровольное земское страхование скота практиковалось только в 13 губерниях (Черниговской, Пензенской, Санкт-Петербургской, Полтавской, Херсонской, Саратовской, Екатеринославской, Орловской, Московской, Курской, Тульской, Владимирской, Костромской), в 8 из которых страхование было упразднено по причине убыточности. К 1 января 1909 года добровольное страхование скота сохранилось во Владимирской, Курской, Костромской, Московской и Тульской губерниях [Шадрин, 1909, с. 108]. Обязательное земское страхование просуществовало недолго только в Калужской, Курской и Орловской губерниях.

3.2. Борьба с чумой рогатого скота в губернии в 1870-е годы

«В видах возможного ограничения распространения чумы рогатого скота» в Петербургской губернии в 1871 году по распоряжению руководства Министерства внутренних дел была создана временная Комиссия для обсуждения мер по борьбе с чумой со стороны губернского, уездных земств и Министерства [Распоряжения по Министерству ..., 1871, с. 45]. Работа комиссии осуществлялась под председательством директором Медицинского Департамента в следующем составе членов Ветеринарного комитета: тайного советника фон-Лоде, действительных статских советников — Розова, Ермакова и профессора Равича, статских советников — Рожнова, Жуковского, Лемана, профессоров Советова, Шрамченки, Орфенова, надворных советников ветеринаров — Медведского и Иванова, при участии Санкт-Петербургского губернатора, председателя Санкт-Петербургской земской управы, члена от ведомства путей сообщений и депутата от скотопромышленников [Распоряжения по Министерству ..., 1871, с. 45].

По результатам работы комиссии было установлено, что основным источником заноса чумы рогатого скота были гурты, пригоняемые для

продажи. Для предотвращения дальнейшего распространения чумы были приняты следующие меры: входящие в губернию гурты должны были осматриваться ветеринарами на заставах вблизи Новой Ладоги, Шлиссельбурга и с. Яма-Тосны. После ветеринарного осмотра на обозначенных пунктах гурты пропускались немедленно только в случае, если дальнейшая транспортировка планировалась по железной дороге или по воде на судах. Если гурты планировалось гнать и далее по трактам, то их оставляли на карантин на 8 дней, обеспечивая достаточными запасами сена и воды. Населенные пункты с зараженным скотом оцеплялись посредством военных команд. На уничтожение зараженных голов рогатого скота было потрачено около двух тысяч рублей, но организовывать реализацию данной меры далее было невозможно из-за недостатка средств. Кроме перечисленных мер, по поручению Санкт-Петербургского губернского земского собрания ветеринарным врачом Нагорским были подготовлены наставления для владельцев скота [О предохранительных мерах ..., 1871, с. 1], в которых автор подробно описал симптомы чумы для ее своевременного обнаружения.

В 1879 году на территории Российской империи был введен закон об обязательном убое зачумленного скота. Действие документа постепенно распространились на все регионы страны, в том числе Санкт-Петербург и Петербургскую губернию с 1 мая 1881 года [Обязательное земское страхование ..., 1893, с. 91]. Так как общегубернские земские средства не позволяли отнести на них все расходы, необходимые для реализации данного закона, губернское земство постановило учредить в губернии сбор со скотовладельцев в размере 1 % как с обязательной, нормальной оценки животных — 20 руб. для каждой головы, так и со специальной, которую определял сам владелец в зависимости от породной принадлежности скота. Специальная оценка не могла превышать — 30 руб. для скота русской породы, 60 руб. для ярославской и 100 руб. для холмогорской и иностранных пород [Обязательное земское страхование ..., 1893, с. 91]. Впоследствии сбор был увеличен в Санкт-Петербурге и Кронштадте до 1,5 %. В 1882 году в соответствии с постановлением губернского земства на специальный чумной сбор были отнесены все расходы по ветеринарной части, которые ранее покрывались из общегубернских земских сумм.

Для предупреждения, прекращения эпизоотий и организации сбора со скотовладельцев губернской управой были приглашены шесть ветеринарных врачей с содержанием 1500 руб. в год. На каждый уезд был определен один ветеринар, кроме Новолодожского уезда, где нес службу врач губернского земства, а в Петергофский уезд врач был приглашен временно. В помощь ветеринарным врачам были определены ветеринарные фельдшеры

с содержанием 300 руб. в год (кроме — Новоладожского уезда) [Сборник постановлений ..., 1884, с. 315].

Первое время население губернии встретило установление данного сбора сочувственно, «принимая его, по недоразумению, за общее страхование скота от всякой смертности» [Обязательное земское страхование ..., 1893, с. 91]. Когда дальнейший опыт указал на неправильную трактовку обозначенных мер, сочувствие населения быстро сменилось недовольством, что выразилось в отказе платить установленный сбор. С июня 1881 года через уездные и губернскую управы начали поступать «многочисленные приговоры, заявления и просьбы сельских и других обществ» с отказами выплачивать сбор [Сборник постановлений ..., 1884, с. 310]. В некоторых заявлениях высказывались за распространение страхования лошадей и мелких домашних животных, многие просили учредить страхование крупного рогатого скота от несчастных случаев, пожаров и краж. Губернское земство было вынуждено прибегать к административному воздействию «о понуждении скотовладельцев к уплате следуемого сбора» и «к установлению денежного вознаграждения сельским властям и другим лицам, способствовавшим поступлению сбора», но это не привело к положительным результатам [Обязательное земское страхование ..., 1893, с. 91]. За одиннадцать лет существования сбора с 1879 по 1892 годы должно было поступить 602 тыс. 78 руб. и 8 коп., но поступило только — 318 тыс. 725 руб. и 7 коп., что указывало на существенные недоимки. Своё нежелание платить сбор жители губернии оправдывали тем, «что чумы во многих уездах не бывает, а смертность от других болезней бывает довольно часто, между тем никакого вознаграждения за эти потери не выдается» [Там же]. Не только крестьянское население отказывалось платить установленный сбор. Гдовское уездное земское собрание также неоднократно представляло ходатайство губернскому собранию о прекращении сбора.

3.3. Добровольное земское страхование скота в Санкт-Петербургской губернии

Неудовлетворительные результаты по выплате населением обязательного противочумного сбора привели к необходимости введения обязательного страхования скота «от всякой смертности», но ввиду отсутствия полных статистических данных о количестве поголовья, пораженного эпизоотиями на территории губернии, губернское земство отказалось от данной идеи, которая при реализации могла привести к непредвиденным финансовым расходам [Там же].

В апреле 1885 года губернским земским собранием был одобрен проект положения о добровольном земском страховании скота в Санкт-Петербургской губернии вместе с инструкцией для земских ветеринаров,

которые принимали непосредственное участие в освидетельствовании скота при приеме на страхование и в процессе оформления выплаты возмещения ущерба владельцем скота при наступлении страхового случая. Добровольное страхование скота планировалось ввести как на территории губернии, так и в столице.

Для страхования принимался только рогатый скот не моложе одного года вследствие «всякого рода болезней, за исключением чумы, относительно которой устанавливались особые правила»; «истребления зверьями»; удара молний, пожаров и наводнений [РГИА, ф. 1302, оп. 3, 1885, д. 79, л. 7 — 7 об.]. Проектом предусматривалось, что земское собрание имело право расширить круг страховых случаев, если в этом будет необходимость. Страховой период устанавливался сроком на один год и начинался с 1 мая.

Скот принимался для страхования по нормальной оценке и специальной для определенных пород. Специальная оценка определялась земским ветеринарным врачом совместно с хозяином скота и тремя посторонними свидетелями, по каждому отдельному заявлению, «но с тем условием, чтобы все животные одинаковой породы у каждого страхователя были оценены по одной норме, при чем эта последняя» могла колебаться: для скота русской и финляндской породы от 30 до 50 руб.; ярославской и ливонской от 30 до 100 руб.; холмогорской и иностранной от 30 до 200 руб. [РГИА, ф. 490, оп. 4, д. 208, л. 3а об.]. С каждого рубля нормальной или специальной оценки взимался в пользу земства страховой платеж. В столице и Санкт-Петербургском уезде, Кронштадте, Старом и Новом Петергофе, Ораниенбауме, Царском селе, Павловске, Гатчине платеж составлял — 5 коп., в Нарве — 4 коп. В прочих городах и поселениях Лужского, Новоладожского уездов — 4 коп., Петербургского, Петергофского, Царскосельского и Шлиссельбургского уездов — 3,5 коп, Гдовского и Ямбургского — 3 коп. В данный платеж не входил обязательный сбор по 1 коп. с рубля на меры против чумы, взимаемый как с застрахованного скота в добровольном земском страховании, так и с незастрахованного скота.

Вознаграждение за павших животных не выдавалось в случае, если животное пало в течение 21 дня после страхования (если процедура страхования осуществлялась впервые); причиной смерти животного был явный недостаток корма или «замерзание»; о заболевании или смерти животного не было своевременно заявлено владельцем; владелец павшего животного не предоставил подтверждения гибели (труп); владелец не принял указанных ветеринарным врачом мер к лечению животного; доказано, что смерть животного последовала от жестокого обращения или лечение осуществлялось знахарями или коновалами; «в деревенском стаде или в частном хозяйстве животных на лицо более, чем показано в страховой квитанции,

так как в этом случае все первоначально павшие животные причисляются к излишку, вознаграждению не подлежащему»; скотовладельцем не были соблюдены все меры, предписанные законом и постановлениями губернского земского собрания [РГИА, ф. 490, оп. 4, д. 208, л. 92 об.].

В случае заболевания животных владельцы могли сообщить об этом в местный полицейский участок в Санкт-Петербурге, земскому ветеринарному врачу, в губернскую земскую управу, в прочих городах губернии — в местную полицию, уездную земскую управу или ветеринару; в усадьбах частных скотовладельцев — в местное волостное правление, земскому врачу или в местную земскую управу; в селениях — сельскому старосте, который в свою очередь передавал сведения в волостное правление [РГИА, ф. 490, оп. 4, д. 208, л. 95].

Как отмечалось ранее, ветеринарные врачи играли важную роль в процедуре оформления страховки и контроле за уже застрахованным скотом. «При производстве оценки и приема животных на страх» ветеринарные врачи строго следили за тем, чтобы количество и порода предлагаемых к страхованию (по специальной оценке) животных соответствовала тем, какие были указаны в заявлении скотовладельца [РГИА, ф. 490, оп. 4, д. 208, л. 4]. Во время служебных разъездов ветеринарные врачи следили за содержанием и уходом за животными, принятыми на страхование, давали необходимые советы и разъяснения по данным вопросам, обращали внимание на запасы кормов, немедленно отправлялись по заявлению владельцев на места с заболевшим скотом. Явно больные животные обязательно убивались при бешенстве, повальном воспалении легких, дифтеритах, жемчужной болезни. Подозрительные животные отделялись для последующего ветеринарного наблюдения. При явном проявлении сибирской язвы, дизентерии, заразительных кожных заболеваний животных изолировали и лечили. Только лечению подвергались животные с симптомами энзоотического воспаления кишечника, кровавой мочи, тельной горячки.

Добровольное страхование на территории губернии было введено с 1 мая 1886 года [РГИА, ф. 490, оп. 4, д. 208, л. 132]. В первый год было застраховано 1601 голова скота, из которых 311 (19,4 %) голов — по нормальной оценке, а остальные — 1290 (80,5 %) по специальной [РГИА, ф. 490, оп. 4, д. 208, л. 135]. Из уездов по количеству застрахованных голов лидировали Петергофский, Царскосельский и Новолadoжский уезды. Менее всего добровольное страхование заинтересовало скотовладельцев Шлиссельбургского и Лужского уездов. Лидером по количеству застрахованного скота среди городов был -Петербург и его пригородные районы. Всего в губернии на тот период времени числилось 196 385 голов скота. На одно застрахованное животное приходилось 122 незастрахованных.

Из 187 уездных скотовладельцев 80 страховали по нормальной оценке, 107 по специальной. Из 308 городских — 51 по нормальной, 257 по специальной. На каждого уездного скотовладельца первой категории приходилось по 3 застрахованных животных, а во второй категории более чем по 4,6 животных [РГИА, ф. 490, оп. 4, д. 208, л. 135 об.]. В городах на каждого скотовладельца первой категории приходилось по 1,2 животных, а во второй категории — около 3,1 животных. В плане породной принадлежности страхование распределилось так: русской и финляндской породы — 274 головы были застрахованы по нормальной оценке, а 322 головы по специальной; ярославской и ливонской породы по нормальной оценке было застраховано 23 головы, по специальной — 384; холмогорской и иностранной пород по нормальной оценке — 9 голов, по специальной — 573 [РГИА, ф. 490, оп. 4, д. 208, л. 136].

Животные, застрахованные по специальной оценке, были оценены в среднем на 82 руб. 70 коп. Всего скота было застраховано на 112 790 руб., из которых по нормальной оценке — 6220, а по специальной — 106 570 руб. [РГИА, ф. 490, оп. 4, д. 208, л. 136]. Со страхователей первой категории было получен сбор в сумме — 222 руб. 45 коп. по нормальной оценке и 4142 руб. 23 коп. по специальной оценке. Из этой суммы было возвращено страхователю по причине смерти животного до 21 дня — 10 руб. Двадцать страхователей получили 1940 руб. за 30 павших коров (за 8 коров по нормальной оценке, за 22 по специальной).

«Страхование при отсутствии обязательности его, могло пойти успешно с первого же года, но все-таки в отчетном периоде оно шло значительно туже, чем предполагалось» [РГИА, ф. 490, оп. 4, д. 208, л. 136]. Ко времени введения в губернии добровольного земского страхования скота по территории всего региона распространялся ящур, который «хоть и не представлял большой опасности в отношении смертности скота, но нередко затягивался в одном и том же хозяйстве на довольно долгое время» [Там же]. На основании правил о добровольном страховании к страхованию допускался только полностью здоровый скот, даже если в хозяйстве присутствовало только одно больное животное. Кроме того, в случае полного выздоровления от ящура, животные еще долгое время находились в состоянии сильного истощения, требовалось время на восстановление, что тоже затрудняло процедуру приема на страхование.

Новая эпидемия чумы в Санкт-Петербурге также неизбежно затормозила процесс страхования. Важную роль играло недоверие населения к данной услуге. «Убедившись на практике, что лицам, платящим обязательный сбор по чуме, вознаграждение выдавалось лишь в редких случаях, и объясняя это не условиями самого дела, а нежеланием земства платить

деньги или даже недобросовестностью его, скотовладельцы относились вначале очень сомнительно к заявлениям о том, что при страховании будет уплачиваемо вознаграждение за все вообще случаи смертности» [Там же]. Немалое значение имела и деятельность частного страхового общества, которое приобрело незавидную репутацию.

Спустя семь лет после учреждения системы страхования чиновник и ветеринар С. И. Самборский отмечал: «Добровольное страхование почти не развивается и служит лишь для удовлетворения интересов жителей наиболее опасных по эпизоотиям местностей губернии» [Там же], что объяснялось тем, что средняя оценка скота составляла 61 руб., таким образом, добровольное земское страхование не служило интересам именно крестьянского населения, так как именно крестьянский скот не мог достигать «столь высокой средней стоимости» [Обязательное земское страхование ..., 1893, с. 91].

В первый год действия программы доля застрахованного скота равнялась 0,8 %, а в 1891 году повысилась лишь до 1,6 %. В среднем за первые шесть лет доля застрахованного поголовья не превышала 1,2 % от общего количества скота. Число страхователей за 6 лет постепенно увеличивалось — с 513 до 678 (табл. 1), хотя этого было недостаточно, чтобы процедура страхования не была убыточной.

Таблица 1

Результаты земского добровольного страхования скота
с 1886 по 1892 годы

Годы	Число страхователей	Застраховано	На одного страхователя приходилось голов	Оценка, руб	Средняя оценка каждой застрахованной головы, руб
1886/1887	513	1.672	3,3	120,695	72
1887/1888	473	2.144	4,5	130,790	61
1888/1889	720	2.857	4	166,285	58
1889/1890	758	2.694	3,3	153,380	57
1890/1891	665	2.396	3,6	143,780	60
1891/1892	678	3.396	6	205,870	61

Хотя данные последнего года (1891—1892) показывают, что количество застрахованных голов значительно увеличилось с 2396 до 2269, но данное увеличение было вызвано временной причиной — «вспышкой повального воспаления легких в Петербурге, Петергофском и Царскосельском уездах, на долю которых приходилось 899 голов из 977» [Обязательное земское страхование ..., 1893, с. 92].

Далее рассмотрим распределение застрахованного скота между городами и уездами губернии. На Петербург и другие города приходилось 41,3 % от общего количества за шесть лет (см. табл. 2). Однако количество скота в городах губернии было крайне малочисленно по сравнению с уездами. Высокий процент смертности в городской местности объяснялся неблагоприятными для животных условиями содержания.

Таблица 2

Результаты добровольного земского страхования скота
по населенным пунктам и уездам в Санкт-Петербургской губернии

Года	В Санкт-Петербурге			В других городах губернии			В уездах			Итого		
	Застраховано	Пало	% смертности	Застраховано	Пало	% смертности	Застраховано	Пало	% смертности	Застраховано	Пало	% смертности
1886/1887	707	24	3,4	221	7	3,1	774	25	3,4	1,672	56	3,4
1887/1888	717	34	4,7	180	9	5	1,245	31	2,5	2,144	74	3,4
1888/1889	811	40	4,9	308	16	5,2	1738	50	2,9	2857	106	3,7
1889/1890	747	27	3,6	329	13	4	1618	60	3,7	2694	100	3,7
1890/1891	722	58	8	259	11	4,2	1415	94	6,6	2396	173	7,3
1891/1892	1239	53	4,3	260	7	2,7	1870	68	3,6	3369	128	3,6
Среднее в год	824	39	4,7	260	10	3,8	1438	55	3,8	2622	104	4

Причиной повышенного процента смертности также являлось то, что большая часть застрахованного в городе скота принадлежала крупным скотовладельцам, которые при обнаружении эпизоотии были вынуждены уничтожать много голов. Так, в 1890 году в одном из имений Петергофского уезда при обнаружении повального воспаления легких земству пришлось «затратить не только остатки денежных премий от прочих пяти лет, но и ... сделать заем из других источников в размере 1548 руб. 24 коп.» [Обязательное земское страхование ..., 1893, с. 92]. Таким образом, опыт шести лет показал, что добровольное страхование в столичной губернии не имело шансов на дальнейшее благоприятное развитие. Из страхового капитала не затрачивалось ни одной копейки на ветеринарный персонал и администрацию, которые содержались исключительно за счет обязательного чумного сбора со скотовладельцев. За весь период существования (с 1886 по 1903 годы) добровольное земское страхование скота в Санкт-Петербургской губернии

достигло общего убытка в размере 57 139 руб., из которых 23 139 руб. составляли только полученный дефицит [Шадрин, 1909, с. 98]. По этой причине страхование было прекращено с 1 января 1903 года.

В первой половине 1890-х годов представители земских органов задумались о введении обязательного страхования скота. Прежние опасения относительно недостоверности статистических данных о количестве скота и его смертности по губернии уже не имели под собой серьезных оснований, так как губернская управа ежегодно составляла и проверяла списки наличного скота при непосредственном участии местной полиции, сельских властей и самих скотовладельцев.

В 1892 году губернской управой был выработан проект обязательного земского страхования, в соответствии с которым вознаграждение по нормальной и «возвышенной» оценкам должно было выдаваться за скот, павший от всех болезней, не исключая чумы и «случайной смертности» [Обязательное страхование ..., 1897, с. 177]. Выплата обязательного чумного сбора скотовладельцами должна была прекратиться. Предполагалось, что нормальная оценка животного составит 15 руб., а страховой платеж будет равен 3 % с оценки. Ввести «возвышенную» оценку планировалось не ранее чем через три операционных года. Обсуждение проекта затянулось по причине того, что представители всех уездов не смогли прийти к общему мнению. После отмены добровольного страхования в 1903 году никаких изменений не последовало. Внимание властей вынужденно было направлено на решение более важных задач.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, отметим, что земское страхование скота в Российской империи представляло одну из важнейших и сложных отраслей регионального хозяйства. Земское страхование являлось одним из способов предупреждения и предотвращения распространения опасных эпизоотий в сельском хозяйстве и возмещения убытков владельцам скота в результате гибели поголовья. Направленное в большей степени на крестьянское население добровольное страхование на практике показало иные результаты, так как основными страхователями являлись крупные скотовладельцы, которым было важно получить возмещение ущерба в случае массовой гибели скота. Отсутствие в столичной губернии массового животноводства, а соответственно, большого числа крупных хозяйств, привело к убыточной деятельности земства. Страховать скот в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии оказалось невыгодным по причине неразвитости животноводства, недоверия населения и непонимания им важности данной процедуры в первую очередь для их хозяйства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет. Экономические мероприятия земств. Продовольственное дело. Ветеринария и страхование скота. Взаимное земское страхование от огня. Дорожное дело. Земская почта. Земские телефоны / Б. Б. Веселовский. — Санкт-Петербург : Изд-во О. Н. Поповой, 1909. — Т. 2. — 703 с.
2. *Волоцкой И. И.* Страхование рогатого скота в Московской губернии / И. И. Волоцкой. — Москва : Печатня Яковлева, 1913. — 7 с.
3. *Вопрос о страховании скота* // Вестник общественной ветеринарии. — 1899. — № 5. — С. 194—199.
4. *Иванов К. С.* Земское страхование рогатого скота в Тульской губернии / К. С. Иванов. — [Б. м.] : [б. и.], 1911. — 11 с.
5. *Мурашкинцев Н. А.* Страхование скота, как мера, обеспечивающая развитие скотоводства / Н. А. Мурашкинцев. — Казань : Тип. Б. Л. Домбровского, 1895. — 63 с.
6. *О предохранительных мерах против чумы рогатого скота.* — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук., 1871. — 8 с.
7. *Обязательное земское страхование скота в Петербургской губернии* // Вестник общественной ветеринарии. — 1893. — № 6. — С. 91—93.
8. *Обязательное страхование крупного рогатого скота в Петербургской губернии* // Вестник общественной ветеринарии. — 1897. — № 5. — С. 177—181.
9. *Распоряжения по Министерству внутренних дел* // Архив ветеринарных наук. — 1871. — № 3. — С. 45—60.
10. РГИА — *Российский государственный исторический архив.* Ф. 490 (Петергофское дворцовое управление Министерства Императорского двора). Оп. 4. Д. 208. Л. 3 а об., 4, 92 об., 95, 132, 135, 135 об., 136, 136 об. ; Ф. 1287. (Хозяйственный Департамент МВД). Оп. 2. 1832. Д. 121. Л. 1, 19 об. ; Ф. 1302. (Ветеринарное Управление МВД) Оп. 3. 1885. Д. 79. Л. 7, 7 об.
11. *Сборник постановлений Санкт-Петербургского губернского земского собрания с 1880 по 1883 гг.* — Санкт-Петербург : Петерб. губ. земство, 1884. — 485 с.
12. *Страничка из истории первого общества страхования скота в России* // Вестник общественной ветеринарии. — 1890. — № 19. — С. 294—295.
13. *Теселкин Ф. М.* Правильная организация страхования скота как мера к улучшению животноводства / Ф. М. Теселкин. — Санкт-Петербург : Рус. о-во взаим. страхования от падежа животных, 1911. — 93 с.
14. ЦГИА СПб — *Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.* Ф. 255 (Врачебное отделение Петроградского губернского правления). Оп. 1. Д. 328. Л. 159 об. ; Ф. 257 (Ветеринарное отделение Петроградского губернского правления). Оп. 2. Д. 2. Л. 278.
15. *Чаянов А. В.* Кооперативное страхование скота / А. В. Чаянов. — Харьков : Тип. «Печатник», 1912. — 79 с.
16. *Шадрин Н. А.* Общие итоги земского страхования скота / Н. А. Шадрин // Труды второго всероссийского съезда ветеринарных врачей в Москве. — Москва : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. — Выпуск 1. — С. 95—115.

Литература

1. *Богачев А. И.* Эволюция сельскохозяйственного страхования в России : от взаимного страхования к двухуровневой системе / А. И. Богачев // Вестник НГИЭИ. — 2021. — № 6 (121). — С. 101—116. — DOI: 10.24412/2227-9407-2021-6-101-116.
2. *Большакова Д. А.* Земское страхование в Шуйском уезде Владимирской губернии / Д. А. Большакова // Преподаватель года 2020 : сборник статей Международного профессионально-исследовательского конкурса. — Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская Ирина Игоревна), 2020. — Т. 6. — С. 145—149. — ISBN 978-5-00174-096-4.
3. *Большакова Д. А.* Практика земского страхования во второй половине XIX — начале XX века (на материалах Владимирской и Рязанской губерний) / Д. А. Большакова, Е. М. Петровичева // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия : Социальные и гуманитарные науки. — 2022. — № 1 (33). — С. 5—11. — DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-26-31>.
4. *Большакова Д. А.* Страхование скота во Владимирской губернии в конце XIX — начале XX века / Д. А. Большакова // Государство, общество, Церковь в истории России XX—XXI веков : материалы XVIII Международной научной конференции. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2019. — С. 448—452.
5. *Бондаренко Л. Н.* Развитие сельскохозяйственного страхования в дореволюционной России / Л. Н. Бондаренко // Финансовая аналитика : проблемы и решения. — 2012. — № 14 (104). — С. 51—56.
6. *Горак А. Г.* Государство и мобилизация общественных сил : борьба с чумой рогатого скота в Российской империи в XIX — начале XX в. / А. Г. Горак // Уральский исторический вестник. — 2018. — № 4 (61). — С. 30—37. — DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-30-37.
7. *Лукьянов С. А.* Становление земской ветеринарии в Российской империи во второй половине XIX в. / С. А. Лукьянов // Право, общество, государство : проблемы теории и истории : сборник научных трудов межвузовской конференции. — Москва : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019. — С. 70—74.
8. *Мельникова Д. А.* Страхование лошадей в Российской империи во второй четверти XIX — начале XX в. / Д. А. Мельникова // Частное и общественное в повседневной жизни населения России : история и современность : материалы международной научной конференции. — Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2018. — Т. 1. — С. 307—313.
9. *Мельникова Д. А.* Страхование сельскохозяйственного скота в Российской империи (вторая четверть XIX — начало XX в.) / Д. А. Мельникова // «Вызов» в повседневной жизни населения России : история и современность : материалы международной научной конференции. — Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2021. — Т. 1. — С. 312—316.
10. *Райлян А. И.* Страхование законодательство Российской империи (1861—1917 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / А. И. Райлян. — Москва, 2005. — 24 с.
11. *Соловьева Е. А.* Формы и направления страхования в Российской империи / Е. А. Соловьева // Научный альманах. — 2018. — № 9—2 (47). — С. 145—150. — DOI: 10.17117/na.2018.09.02.145.

12. Яковлев Е. В. Влияние чрезвычайных ситуаций на повседневную жизнь населения Тамбовской губернии второй половины XIX — начала XX вв. и деятельность властей и общественности по их предотвращению и преодолению последствий : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. В. Яковлев. — Тамбов, 2004. — 352 с.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024,
одобрена после рецензирования 28.11.2024,
подготовлена к публикации 25.05.2025.

Material resources

- A page from the history of the first livestock insurance company in Russia. (1890). *Bulletin of Public Veterinary Medicine*, 19: 294—295. (In Russ.).
- Chayanov, A. V. (1912). *Cooperative cattle insurance*. Kharkov: Printing house “Pechatnik”. 79 p. (In Russ.).
- Collection of resolutions of the St. Petersburg Provincial Zemstvo Assembly from 1880 to 1883*. (1884). St. Petersburg: St. Petersburg Gubernatorial Zemstvo. 485 p. (In Russ.).
- Compulsory insurance of cattle in the St. Petersburg province. (1897). *Bulletin of Public Veterinary medicine*, 5: 177—181. (In Russ.).
- Compulsory zemstvo cattle insurance in the St. Petersburg province. (1893). *Bulletin of Public Veterinary Medicine*, 6: 91—93. (In Russ.).
- Ivanov, K. S. (1911). *Zemstvo cattle insurance in TulA province*. [B. M.]: [B. I.]. 11 p. (In Russ.).
- Murashkintsev, N. A. (1895). *Cattle insurance as a measure ensuring the development of cattle breeding*. Kazan: B. L. Dombrovsky Publishing House. 63 p. (In Russ.).
- On preventive measures against the plague of cattle*. (1871). St. Petersburg: Type. Imp. Academy of Sciences. 8 p. (In Russ.).
- Orders for the Ministry of Internal Affairs. (1871). *Archive of Veterinary Sciences*, 3: 45—60. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive*. (In Russ.).
- Shadrin, N. A. (1909). General results of zemstvo livestock insurance. In: *Proceedings of the second All-Russian Congress of veterinarians in Moscow, I*. Moscow: Printing House of S. P. Yakovlev. 95—115. (In Russ.).
- Teselkin, F. M. (1911). *The correct organization of livestock insurance as a measure to improve animal husbandry*. St. Petersburg: Rus. o-in exchange. Animal Death Insurance. 93 p. (In Russ.).
- The issue of livestock insurance. (1899). *Bulletin of Public Veterinary Medicine*, 5: 194—199. (In Russ.).
- TSGIA SPb — *Central State Historical Archive of St. Petersburg*. (In Russ.).
- Veselovsky, B. B. (1909). *The history of the Zemstvo for forty years. Economic measures of zemstvos. Food business. Veterinary medicine and livestock insurance. Mutual zemstvo fire insurance. Road business. Zemstvo post office. Zemstvo telephones, 2*. St. Petersburg: O. N. Popova Publishing House. 703 p. (In Russ.).
- Volotskoy, I. I. (1913). *Insurance of cattle in the Moscow province*. Moscow: Yakovlev Printing House. 7 p. (In Russ.).

References

- Bogachev, A. I. (2021). The evolution of agricultural insurance in Russia: from mutual insurance to A two-tier system. *Bulletin of the NGIEI*, 6 (121): 101—116. DOI: 10.24412/2227-9407-2021-6-101-116. (In Russ.).

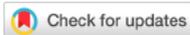

- Bolshakova, D. A. (2019). Cattle insurance in the Vladimir province at the end of the XIX — beginning of the XX century. In: *State, society, Church in the history of Russia of the XX—XXI centuries: proceedings of the XVIII International Scientific Conference*. Ivanovo: Ivanovo State University. 448—452. (In Russ.).
- Bolshakova, D. A. (2020). Zemstvo insurance in Shuisky district of Vladimir province. In: *Teacher of the Year 2020: collection of articles of the International Professional Research Competition*, 6. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science” (IP Ivanovskaya Irina Igorevna). 145—149. ISBN 978-5-00174-096-4. (In Russ.).
- Bolshakova, D. A., Petrovicheva, E. M. (2022). The practice of zemstvo insurance in the second half of the XIX — early XX century (based on the materials of the Vladimir and Ryazan provinces). *Bulletin of Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov. Series: Social Sciences and Humanities*, 1 (33): 5—11. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-26-31>. (In Russ.).
- Bondarenko, L. N. (2012). Development of agricultural insurance in pre-revolutionary Russia. *Financial analytics: problems and solutions*, 14 (104): 51—56. (In Russ.).
- Gorak, A. G. (2018). The state and the mobilization of social forces: the fight against the plague of cattle in the Russian Empire in the XIX — early XX century. *Ural Historical Bulletin*, 4 (61): 30—37. DOI: [10.30759/1728-9718-2018-4\(61\)-30-37](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-30-37). (In Russ.).
- Lukyanov, S. A. (2019). The formation of zemstvo veterinary medicine in the Russian Empire in the second half of the 19th century. In: *Law, society, state: problems of theory and history: collection of scientific papers of the interuniversity conference*. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 70—74. (In Russ.).
- Melnikova, D. A. (2018). Horse insurance in the Russian Empire in the second quarter of the 19th — early 20th century. In: *Private and public in the daily life of the Russian population: history and modernity: proceedings of the international scientific conference*, 1. Saint Petersburg: A. S. Pushkin Leningrad State University. 307—313. (In Russ.).
- Melnikova, D. A. (2021). Insurance of agricultural livestock in the Russian Empire (the second quarter of the XIX — early XX century). In: *“Challenge” in the daily life of the Russian population: history and modernity: proceedings of the international scientific conference*, 1. St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 312—316. (In Russ.).
- Railyan, A. I. (2005). *Insurance legislation of the Russian Empire (1861—1917)*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).
- Solovyova, E. A. (2018). Forms and directions of insurance in the Russian Empire. *Scientific Almanac*, 9—2 (47): 145—150. DOI: [10.17117/na.2018.09.02.145](https://doi.org/10.17117/na.2018.09.02.145). (In Russ.).
- Yakovlev, E. V. (2004). *The impact of emergency situations on the daily life of the population of Tambov province in the second half of the 19th — early 20th centuries and the activities of the authorities and the public to prevent and overcome their consequences*. PhD Diss. Tambov. 352 p. (In Russ.).

*The article was submitted 30.08.2024;
approved after reviewing 28.11.2024;
accepted for publication 25.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Миронова Е. В. Потомственное дворянство в системе местного управления Казанской губернии второй половины XIX века / Е. В. Миронова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 476—493. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-476-493.

Mironova, E. V. (2025). Hereditary Nobility in Local Governance System of Kazan Province in Second Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 476-493. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-476-493. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Потомственное дворянство в системе местного управления Казанской губернии второй половины XIX века

Миронова Елена Валерьевна
orcid.org/0000-0003-2818-8490
Scopus Author ID: 56705266300
кандидат исторических наук,
отдел новой истории
Yelena.Mironova@yandex.ru

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
(Казань, Российская Федерация)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет
предоставленного в 2024 году
Академией
наук Республики Татарстан гранта
молодым кандидатам наук
(постдокторантам) с целью защиты
докторской диссертации

Hereditary Nobility in Local Governance System of Kazan Province in Second Half of 19th Century

Elena V. Mironova
orcid.org/0000-0003-2818-8490
Scopus Author ID: 56705266300
PhD in History,
Department of Modern History
Yelena.Mironova@yandex.ru

Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russia)

Acknowledgments:

This research was funded by a 2024
grant from the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan for young
candidates of sciences (postdoctoral
researchers) to support the preparation
of a doctoral dissertation

© Миронова Е. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование роли дворянства в системе местного управления Казанской губернии во второй половине XIX века является важным аспектом в области изучения до-революционной российской государственности. Историкографический обзор показал устойчивый интерес ученых к истории гражданской службы дворян, в том числе на региональном уровне. Однако специальные труды по истории казанского дворянства в государственных губернских и уездных учреждениях отсутствуют, что определяет научную значимость данной статьи. Хронологически исследование охватывает период с 1861 года, когда были созданы новые административные органы по проведению реформ в первой половине 60-х годов XIX века, до времени принятия новых «Земского положения» (1890) и «Городового положения» (1892). Автор показывает формирование бюрократического аппарата из числа потомственных дворян Казанской губернии в контексте изменения внутренней политики правительства в эпоху правления двух императоров — Александра II, а затем Александра III. На основе анализа материалов памятных книг, адрес-календарей, формулярных списков чиновников сделан вывод о том, что потомственные дворяне занимали ключевые посты в местном бюрократическом аппарате гражданского и судебного ведомств и преобладали в уездном управлении.

Ключевые слова:

Казанская губерния; губернское правление; местное самоуправление; учреждения ведомства министерства юстиции; ведомство министерства финансов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the role of the nobility within the local governance system of Kazan Province during the late 19th century, an important aspect of pre-revolutionary Russian statehood. A historiographical review reveals a sustained scholarly interest in the history of noble civil service, particularly at the regional level. However, there is a notable absence of specialized works focusing on the history of Kazan's nobility within provincial and district governmental institutions, which underscores the academic significance of this article. The chronological scope of the research spans from 1861, when new administrative bodies were established to implement reforms in the early 1860s, to the adoption of the new "Provincial Statute" (1890) and "Municipal Statute" (1892). The author illustrates the formation of a bureaucratic apparatus composed of hereditary nobles from Kazan Province in the context of changing government policies during the reigns of two emperors — Alexander II and subsequently Alexander III. Based on an analysis of materials from memorial books, address calendars, and official lists of civil servants, it is concluded that hereditary nobles held key positions within the local bureaucratic apparatus of civil and judicial authorities and predominated in district administration.

Key words:

Kazan Province; provincial governance; local self-government; Ministry of Justice institutions; Ministry of Finance authorities.

Потомственное дворянство в системе местного управления Казанской губернии второй половины XIX века

© Миронова Е. В., 2025

1. Введение = Introduction

Служба дворянства в органах управления рассматривалась уже в дореволюционных трудах. Так, Э. Н. Берендтс и В. А. Евреинов без приведения статистического материала указывали, что дворяне неохотно шли на гражданскую службу [Берендтс, 1913, с. 91; Евреинов, 1897, с. 56]. М. Т. Яблочков писал, что после Великих реформ дворянство утратило привилегии и уже не имеет прежнего влияния на государственную жизнь, но еще может давать «сотрудников и высших исполнителей Величайшей Воли Монарха» [Яблочков, 1876, с. 673]. Вопрос о служебных привилегиях дворян имел еще животрепещущее значение и часто рассматривался весьма субъективно. Например, А. И. Елишев считал, что ликвидация дворянских привилегий на государственную службу вредит интересам страны, поскольку именно это сословие сохраняет коренные основы государственности, дарование же равных прав всему населению приведет к легкомысленному отношению к службе [Елишев, 1894]. Таким образом, историография этого периода не перешла к объективному изучению вопроса о дворянской службе, поскольку все процессы еще происходили на глазах исследователей.

В первые десятилетия советского строя интерес к изучению дворянского сословия среди историков не проявлялся по идеологическим причинам. Ситуация постепенно меняется в последней трети XX века. П. А. Зайончковский показывает, как высшие органы управления продолжали оставаться в руках аристократии [Зайончковский, 1978, с. 222—224]. А. П. Корелин отмечает, что в этот период служба для дворянина из нравственного долга превращается в источник существования и допускает большее проникновение буржуазности в чиновничью среду, но ее деятельность оставалась крепостнической по сути [Корелин, 1979, с. 105]. Н. П. Ерошкин связывает этот процесс с обезземеливанием дворянства [Ерошкин, 2006, с. 109].

С 90-х годов XX века появляется множество работ, посвященных дворянскому сословию. Большинство из них затрагивают и дворянскую службу. В диссертационных исследованиях рассматривается дворянство

отдельных губерний. Появляются данные, что на местах даже в низах государственной службы продолжали трудиться выходцы из дворян, несмотря на то, что гражданская служба считалась менее почетной, чем военная, поскольку становилась основным источником заработка [Вакилев, 2017, с. 14; Лещенко, 2007, с. 22]. Кроме дворянской бюрократии, в фокусе внимания оказываются и дворяне, служащие в органах самоуправления и сословных органах [Лещенко, 2007; Истомина, 2012]. Дворяне на службе изучаются и как объект деятельности власти, направленной на формирование чиновничьего аппарата [Шатохин, 2014], и как субъект, имеющий свои интересы и желания, оказывающий влияние на состав органов местного управления [Истомина, 2012]. Более отчетливо проводится градация дворянства, осмысливаются сотрудничество и противостояние мелких и крупных представителей сословия. Дворянство и чиновничество рассматриваются как соперники.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Объектом исследования выступило потомственное дворянство, поскольку оно представляло собой социальную группу, на которую опиралось правительство. За пределами нашего внимания остались личные дворяне, а также — для удобства подсчета — дворяне, записанные в родословные книги других губерний.

Использованные в исследовании законодательные акты позволили проследить структурные изменения в системе местного государственного управления, влиявшие на представительство потомственных дворян Казанской губернии в составе чиновничьего корпуса на протяжении второй половины XIX столетия.

Ценным источником для определения представительства потомственных дворян Казанской губернии в органах местного управления послужили справочные издания — памятные книги и адрес-календари за 1861, 1871, 1881 и 1891 годы. Выборка определена согласно главным административным реформам второй половины XIX столетия, сопровождавшимся созданием новых учреждений, а также изменением порядка их комплектования. Так, в 1861 году были сформированы учреждения для реализации реформ в первой половине 60-х годов XIX века. А в начале 1890-х годов проведены контрреформы, внесшие изменения в цензы при формировании земских и городских органов самоуправления. Дополнительным источником информации по государственной службе дворян в местном управлении стали формулярные списки чиновников, представленные Государственным архиве Республики Татарстан в фондах 1 «Канцелярии казанского губернатора» и 407 «Казанского губернского предводителя дворянства». Благодаря

послужным спискам показано, какие должности совмещали представители высшего сословия.

Кроме того, были привлечены мемуары современников второй половины XIX века, позволившие увидеть кадровый состав учреждений глазами самих служащих, а также показать роль протекции при занятии необходимой должности.

Исследование проводилось с учетом регионального подхода, позволяющего показать специфику исторических процессов в Казанской губернии. Особенностью региона являлась малочисленность потомственного дворянства, что учитывалось при изучении их представительства в губернской и уездной администрации на протяжении второй половины XIX века в контексте изменения законодательства, регулировавшего структурные изменения в системе местного управления. Для этого был использован сравнительно-исторический метод исследования. Статистический метод позволил в динамике показать, как менялся удельный вес потомственных дворян Казанской губернии в управленческих структурах на губернском и уездном уровне. Кроме того, были использованы проблемно-хронологический и описательно-повествовательный методы исследования для выявления закономерностей в комплектовании местных органов управления представителями потомственного дворянства Казанской губернии. С целью изучения профессиональной карьеры и цензов, необходимых для занятия чиновничьих должностей, был использован биографический метод.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Представительство местных потомственных дворян в органах губернского управления

Ключевой фигурой в системе местного управления был губернатор, опиравшийся в своей деятельности на коллегиальный орган — *губернское правление*. Во второй половине XIX века губернатор, как правило, был выходцем не из местного дворянского общества. Только Л. И. Черкасов, возглавлявший губернию в 1882—1884 годы, был из казанских дворян. Другие чиновники, состоявшие в штате канцелярии губернатора, в большинстве своем не принадлежали к числу потомственных дворян Казанской губернии. Так, на долю последних в канцелярии губернатора приходилось в 1861 году 15 %, в 1871 — 33 %, 1881 — 22 %, 1891 — 32 % [Подсчитано по: Памятная книга ..., 1862, с. 7; Адрес-календарь ..., 1872, с. 1; Адрес-календарь ..., 1882, с. 3; Памятная книжка ..., 1892, с. 1].

Похожая ситуация наблюдалась в губернском правлении, где местные потомственные дворяне не преобладали, но занимали значимые должности. Если в 1861 году их представительство было весомым и составляло 38 %, то в по-

следующие десятилетия доля сократилась до 15—22 % в 1871—1891 годы. Динамика объясняется изменениями в штате учреждения. В 1864 году в составе губернского правления было образовано строительное отделение, в 1865 году состав присутствия был дополнен губернским врачебным инспектором, губернским инженером, губернским архитектором. В 1876 году количество советников было сокращено с трех до двух. В 1890 году было организовано тюремное отделение. На новых должностях в правлении потомственные дворяне Казанской губернии были представлены слабо, и только в тюремном отделении их удельный вес составлял 40 % [Подсчитано по: Памятная книга ..., 1862, с. 16, 17; Адрес-календарь ..., 1872, с. 2—3; Адрес-календарь ..., 1881, с. 4—6; Памятная книжка ..., 1892, с. 1—2].

Причины немногочисленности были разными. Для некоторых дворян служба в местном управлении служила трамплином для продвижения по карьерной лестнице. Например, К. П. Перцов по окончании Императорского Казанского университета с 1849 года служил губернским секретарем в канцелярии военного губернатора, затем советником в губернском правлении, а с 1861 года продолжил карьеру в Пензенской губернии — сначала советником губернского правления, а с 1870 года и на протяжении более 30 лет занимал должность местного вице-губернатора.

Некоторые чиновники местного государственного управления становились потомственными дворянами Казанской губернии по выслуге лет. Например, городской врач Л. И. Борисов, состоявший во врачебном отделении губернского правления, был внесен в родословную книгу Казанской губернии в 1885 году. В последующем Леонид Иванович долгое время заведовал больницей и амбулаторией в Адмиралтейской слободе и в знак признания его заслуг перед городом был удостоен звания почетного гражданина г. Казани.

Таким образом, потомственные дворяне стремились в высшую губернскую власть, занимая наиболее значимые должности чиновников для особых поручений и помощников правителя канцелярии губернатора, а также советников в губернском правлении и др. Однако с введением новых штатов и структурной реорганизацией губернского правления во второй половине XIX века его состав стал более разночинным, открывая пути для получения потомственного дворянства по выслуге лет лицами из других сословий, если они обладали определенными профессиональными компетенциями (были врачами, инженерами, архитекторами).

Для некоторых дворян служба была важна для карьеры, но также представляла собой деятельность во благо общества. А для небогатых дворян имело значение и жалованье, являвшееся единственным источником дохода. Действовавшая дифференцированная система оплаты труда служащих

губернского правления могла привлекать потомственных дворян только на должности в высшем эшелоне губернской власти. Так, оклад старшего советника в губернском правлении составлял в 1876 году 735 руб. [Соловьева, 2013, с. 156]. Например, старший советник председателя губернского правления М. И. Долгов был женат на вольноотпущеннице, упоминания о какой-либо недвижимости в источниках не встречается. Младший советник председателя губернского правления А. П. Мамаев не имел единой собственности: одно поместье в Казанском уезде находилось в совместном владении с сестрой, а другое принадлежало супруге. Другой член губернского правления, А. П. Гесс, был женат на дочери директора Купеческого банка Л. Н. Урванцова [Двоеносова, 2001, с. 153, 194, 352], но сведений о недвижимости самого Александра Павловича в источниках нет.

Следующим губернским органом государственной власти были *присутствия*. Они представляли собой коллегиальные органы. Казанское губернское присутствие по крестьянским делам действовало с 1861 до 1889 годы. В первый год существования данного учреждения в штате сотрудников на долю представителей местного поместного дворянского общества приходилось 75 %, в 1871 — 50 %, 1881 — 44,4 % [Подсчитано по: Памятная книга ..., 1862, с. 8; Адрес-календарь ..., 1882, с. 9]. Компетенция данного учреждения непосредственно затрагивала интересы помещиков в вопросах землепользования, а потому представляла особый интерес для поместных дворян. Присутствие выступало в качестве верхней судебной инстанции по отношению к уездным мировым съездам (с 1889 года — к уездным съездам), наблюдало за законностью решений земских начальников и уездных съездов (в 1889—1917 годах).

Потомственные дворяне Казанской губернии были широко представлены и в других присутствиях. Их доля в губернской строительной и дорожной комиссии составляла в 1861 году 47 %, в комиссии народного продовольствия — 43 %, в комитете общественного здоровья — 27 %, в оспенном комитете — 33 %, в приказе общественного призрения — 25 %, тюремном комитете — 29 %, в особом о земских повинностях присутствии — 11 %, в губернском статистическом комитете — 25 %. В созданном в 1874 году губернском присутствии по воинской повинности, контролировавшем деятельность уездных и городских по воинским делам присутствий, удельный вес потомственных дворян Казанской губернии составлял 29 % в 1881 году и 20 % — в 1891 году; в учрежденном в 1885 году губернском присутствии по питейным делам 38 % — в 1891 году; в распорядительном комитете 50 % — в 1881 году, 40 % — в 1891 году; в губернском распорядительном комитете о тюрьмах 11 % — в 1881 году, 6 % — в 1891 году [Памятная книга ..., 1862, с. 18; Адрес-календарь ..., 1872, с. 5; Адрес-календарь ..., 1882, с. 9, 10; Памятная книга ..., 1892, с. 3, 4].

Учреждением местного управления, компетенция которого непосредственно затрагивала интересы дворян, было Казанское губернское по городским делам присутствие. Оно действовало в 1870—1892 годах. В 1875 году в нем 50 % всех служащих составляли представители местного поместного дворянства (в 1881 году — 50 %, 1891 — 57 %) [Адрес-календарь ..., 1876, с. 11; Адрес-календарь ..., 1882, с. 10; Памятная книга ..., 1892, с. 3]. Хотя в самом городском управлении потомственных дворян Казанской губернии почти не было, в присутствии они составляли половину, что позволяло контролировать все постановления городских учреждений и дела по их выборам. Так, в 1871 году в городской управе Казани доля потомственных дворян Казанской губернии составляла 25 %, в Козмодемьянске — всего 17 %, в остальных — ни одного; в 1881 году — в Казани 19 %, в Лаишеве — 20 %; в 1891 — в Казани только 12 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 31; Адрес-календарь ..., 1882, с. 106; Памятная книга ..., 1892, с. 12, 108, 110, 117, 119, 125, 128, 135, 142, 149, 157, 168, 175, 181, 188].

В 1892 году преемником стало губернское по земским и городским делам присутствие. В 1890—1892 годах действовало губернское по земским делам присутствие, где доля потомственных дворян Казанской губернии составляла 40 % [Памятная книга ..., 1892, с. 16].

Нижестоящим звеном в вертикали местного управления была губернская земская управа. Она определялась в составе 7 человек, однако количество членов чаще всего не превышало 4. «Положение 1890 года» [ПСЗРИ II, 1864, Т. IX, с. 493] было направлено на увеличение представительства дворян в земстве. Однако на примере Казанской губернии видно их перманентное преобладание в составе управы в качестве членов и председателя. На их долю приходилось в 1871 году 60 %, в 1881 — 100 %, в 1891 — 100 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 5; Адрес-календарь ..., 1882, с. 15; Памятная книга ..., 1892, с. 16]. Другие же служащие при управе — секретарь, бухгалтер, губернский земский землемер (в 1881 году), инженер, заведующий статистическим бюро, ветеринарные врачи (1891 год) — не были внесены в местную родословную книгу. Тесная взаимосвязь земств и дворянства была видна даже на бытовом уровне. Н. А. Мельников вспоминал, что поскольку его отец и дед служили в земстве, то он с детства слышал разговоры о сельских и земских делах, в их доме собирались земские деятели для обсуждения важных вопросов [Мельников, 2008, с. 203].

3.2. Потомственные дворяне Казанской губернии в учреждениях уездного управления

На откуп дворянству были отданы уездные учреждения. Здесь дворянское представительство было еще более заметным. Так, институт мировых посредников, созданный для реализации крестьянской реформы,

на 91 % состоял из местных потомственных дворян [Памятная книга ..., 1862, с. 8—16]. Но посредники не всегда обладали нужными качествами. Вспоминая своих сослуживцев, мировой посредник первого призыва, помещик Н. А. Демерт нелестно отзывался об их профессиональных качествах: «Каждый, считающийся по старому положению просто недорослем из дворян, понял, что ему теперь очень не хитро получить почетную, сопряженную с бронзовой цепью, бляхой и большим жалованьем, должность мирового посредника, или, во всяком случае, кандидата: два с полтинкой в сутки ни за что ни про что получать тоже ведь не баранье рыло!» [Демерт, 1869, с. 374].

В 1874 году институт мировых посредников был упразднен с передачей функций уездным по крестьянским делам присутствиям. В новых учреждениях, по данным на 1881 год, потомственные дворяне Казанской губернии составляли больше половины [Адрес-календарь ..., 1882, с. 132, 139, 148, 158, 167, 178].

В части уездов Казанской губернии в 1881 году в уездном по воинской повинности присутствии на долю потомственных дворян приходилось от четверти до половины всего кадрового состава (Спасский, Лаишевский, Свяжский, Казанский, Чистопольский), в остальных уездах — до 20 % [Адрес-календарь ..., 1882, с. 131, 139, 148, 158, 167, 177], в уездных по питейным делам присутствиях — 40—67 % и только в двух уездах по 0 % (1891 год) [Памятная книга ..., 1892, с. 116, 125, 133, 140, 147, 166, 173, 179, 193]. Во всех присутствиях председательствовал уездный предводитель дворянства.

Но дворяне на уровне уездов больше стремились в органы самоуправления, чем в правительственные учреждения. В 1871 году в 7 уездных земских управах — от 25 до 100 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 32, 36, 37, 40, 43, 45, 47, 49, 52, 54, 56, 58]. При этом нужно отметить, что в Лаишевском уезде этот показатель равнялся нулю, что свидетельствует о том, что потомственные дворяне Казанской губернии не сразу устремились в новые органы самоуправления. В 1881 году в 7 уездах — 20—50 % [Адрес-календарь ..., 1882, с. 129, 138, 147, 157, 166, 177]. В 1891 году в 9 уездах — 20—40 % [Памятная книга ..., с. 103, 112, 120, 129, 136, 143, 150, 159, 169, 176, 181, 189]. Кроме того, при управах числились акушерки, ветеринары и врачи, среди последних встречались местные потомственные дворяне (уездный земский врач В. В. Ляпунов, земский врач в больнице в Ядрине Н. П. Васильевский, основатель и заведующий Пановской больницы в Лаишевском уезде Ф. И. Градинский, а также ветеринарный врач А. П. Паленин). Подсчеты показали, что потомственное дворянство являлось социальной группой, на которую опиралась власть для управления на уездном уровне.

Губернатору, губернскому правлению и министерству внутренних дел России также подчинялись полицейские управления. Они были созданы на основании «Временных правил об общем устройстве полиции в городах и уездах губерний» от 25 декабря 1862 года [ПСЗРИ II, 1865, Т. XXXVII, с. 543—544]. В состав казанского городского полицейского управления входили полицмейстер, его помощник, общее присутствие. В 1871 году удельный вес потомственных дворян Казанской губернии в нем составлял 14 %, в 1881 году — 2,4 %, в 1891 году — 2,4 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 30, 31; Адрес-календарь ..., 1882, с. 103; Памятная книга ..., 1892, с. 10].

Уездное полицейское управление включало уездного исправника, его помощника, дворянского заседателя, двух сельских заседателей, ратмана городского магистрата. В 1871 году доля потомственных дворян Казанской губернии в 12 уездных полицейских управлениях составляла 20 %, в 1881 году — 9 %, в 1891 году — 11 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 31, 35, 37, 39, 42, 44, 46, 48, 51, 53, 55, 57; Адрес-календарь ..., 1882, с. 127, 136, 145, 156, 164, 174; Памятная книга ..., 1892, с. 101, 109, 118, 127, 134, 141, 148, 156, 167, 174, 180, 187].

3.3. Представительство потомственных дворян Казанской губернии в учреждениях судебного ведомства

Другой пласт местного управления составляли учреждения ведомства министерства юстиции. До 1864 года систему местного судебного управления составляли палаты уголовного и гражданского судов, а также уездные суды. По данным 1861 года, в уголовной палате потомственные дворяне Казанской губернии составляли 21 %, в палате гражданского суда — 38 % [Памятная книга ..., 1862, с. 24, 25].

Согласно судебной реформе 1864 года, была учреждена всесословная система судебных учреждений. Создавались две судебные системы — местные суды (волостные суды, мировые судьи, съезды мировых судей) и общие (окружные суды, судебные палаты, кассационные департаменты Сената) [ПСЗРИ II, 1867, Т. XXXIX, с. 180—215].

Первой инстанцией системы общих судов был окружной суд, состоявший из двух отделений — гражданского и уголовного. Был открыт 8 ноября 1870 года, рассматривал дела, неподсудные мировым судьям и судебной палате. В его состав входило в 1871 году 11 % представителей местных потомственных родов, в 1881 — 19%, в 1891 — 9 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 9; Адрес-календарь ..., 1882, с. 40; Памятная книга ..., 1892, с. 56]. Первым председателем в 1870 году стал потомственный дворянин Казанской губернии, юрист, действительный статский советник А. Е. Лазарев. Он вступил в службу преподавателем истории в гимназии и университете. Также занимал должности управляющего Кавказской палатой государ-

ственных имуществ, Минской палатой имуществ, Олонецкой палатой имуществ, Курской палатой государственных имуществ, с 1868 года — прокурор Полтавского окружного суда, затем переходит на службу в Казанскую губернию, где сначала был назначен председателем окружного суда, затем переведен в судебную палату [Мухамадеев, 2008; Хабарова, 2010].

В 1875—1894 годах председателем казанского окружного суда был Л. И. Грасс, автор научных статей по юриспруденции [Багаутдинов, 2010]. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, он в разные годы работал в петербургской палате помощником судебного следователя, судебным следователем окружного суда, затем прокурором окружного суда в Таганроге, потом в Туле, откуда вновь вернулся в Санкт-Петербург, где он получил назначение на должность товарища прокурора судебной палаты; далее, спустя 3 года, он перешел на службу в Казанскую губернию.

Предварительное следствие возлагалось на судебных следователей. Но представителей местного потомственного дворянства практически не было в их числе. Так, в 1881 году на долю потомственных дворян Казанской губернии приходилось только 20 % следователей, в 1891 году — ни одного [Адрес-календарь ..., 1882, с. 43; Памятная книга ..., 1892, с. 59].

Кроме того, при казанском окружном суде состояли секретари, чины прокурорского надзора, судебные приставы, рассыльные, нотариусы, архивариус. На местах работали 18 уездных (введены Положением от 12 июля 1889 года [ПСЗРИ III, 1891, Т. IX, с. 508—517]) и 4 городских (в городах Чистополь, Чебоксары и Козьмодемьянск) члена окружного суда.

Следующей судебной инстанцией была судебная палата. Представительство потомственных дворян Казанской губернии в ней было небольшим: в 1871 году — 16%, в 1881 — 10 %, в 1891 — 17 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 8; Адрес-календарь ..., 1882, с. 38; Памятная книга ..., 1892, с. 59]. Но это были значимые должности. Так, титулярный советник Ф. И. Шмелев являлся старшим председателем казанской судебной палаты (1886—1895). Членами судебной палаты становились правовед, начальник Главного тюремного управления Н. Н. Галкин-Врасский, бывший председатель Симбирской палаты уголовного и гражданского суда по гражданскому отделению В. П. Родионов, бывший канцелярский чиновник канцелярии казанского военного губернатора, действительный статский советник В. П. Траубенберг.

Среди приставов в 1881 году удельный вес местных потомственных дворян составлял всего 14 % [Адрес-календарь ..., 1882, с. 39]. А вот в нотариальных учреждениях их представительство было значительным: в 1871 году — 29 %, в 1881 — 40 %, в 1891 — 25 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 10; Адрес-календарь ..., 1882, с. 43; Памятная книга ..., 1892, с. 59].

Для контроля над действиями учреждений судебной системы были созданы органы прокурорского надзора. Доля участия в них представителей местного потомственного дворянства была незначительной и составляла всего 15 % и 13 % в 1871 и 1881 годы соответственно [Адрес-календарь ..., 1872, с. 10; Адрес-календарь ..., 1882, с. 42]. С целью создания новых судебных учреждений, предусмотренных судебной реформой, прокурором Казанского окружного суда был назначен на короткое время А. Ф. Кони (1870—1871 годы).

Незначительное присутствие потомственных дворян Казанской губернии в органах юстиции объяснялось тем, что служба здесь требовала специальной подготовки. Председатели и товарищи председателей окружных судов и члены судебных палат определялись из числа лиц, состоявших в судебном ведомстве в должностях не ниже членов и прокуроров окружного суда. Должности председателей судебных палат замещались лицами, состоявшими не менее трех лет в судебных должностях не ниже прокурора, члена судебной палаты, председателя или товарища председателя судебной палаты. Поэтому карьера в ведомстве юстиции начиналась с низших ступеней. По воспоминаниям выходца из интеллигентско-университетской среды, будущего музыковеда С. В. Смоленского, прослужившего в Казанском окружном суде с 1872 по 1875 годы, «в составе судебного персонала было много молодых людей, даровитых, знающих дело, отличных работников» [Русская ..., 2002, с. 153]. Сам Степан Васильевич начинал службу в ведомстве в качестве «кандидата на судебные должности», что стало «поистине горестным и обидным для кандидата университета, но вместе с тем, как оказалось, и высокополезным» [Русская ..., 2002, с. 154].

Карьере в судебных учреждениях Казанской губернии предшествовала служба С. В. Дьяченко в других регионах Российской империи. До 1870 года он занимал должность в Харьковской судебной палате, Петербургском окружном суде. В 1870—1873 годах он являлся секретарем Казанской судебной палаты, членом, а затем товарищем председателя Казанского окружного суда, в 1899—1903 годах — членом Казанской судебной палаты, в 1903—1907 годах — председателем Казанского окружного суда.

На уездном уровне представительство потомственных дворян Казанской губернии в судебных учреждениях было сравнительно высоким. Уездные суды состояли из уездного судьи и двух заседателей, избиравшихся уездным дворянством на три года и утверждавшихся губернатором. Упразднены в 1869 году — начале 70-х годов в ходе проведения судебной реформы 1864 года, с передачей полномочий мировому суду. В 5 уездных судах доля потомственных дворян Казанской губернии составляла больше половины всего состава служащих, еще в 5 — свыше трети, в остальных

двух — 14—20 % [Памятная книга ..., 1862, с. 33—35, 38—41]. В ходе проведения судебной реформы 1864 года уездные суды были упразднены с передачей полномочий мировому суду.

Мировым судьей мог быть назначен только «местный житель» в возрасте не моложе 25 лет, «не опороченный по суду или общественному приговору», имевший высшее или среднее образование, «или прослуживший, преимущественно по судебной части, не менее трех лет», а также владевший имуществом стоимостью в 15 тыс. руб. для сельской, 6 тыс. для столичной и 3 тыс. руб. для городской недвижимости [ПСЗРИ II, 1867, Т. XXXIX, с. 182]. В связи с этим мировыми судьями становились помещики. Например, в 1871 году 61 % мировых судей были потомственными дворянами Казанской губернии, в 1881 — 56 %, в 1891 — 66 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 34, 38, 41, 46, 51, 52, 55, 57, 59; Адрес-календарь ..., 1882, с. 130, 140, 149, 160, 169, 179; Памятная книга ..., 1892, с. 60].

Почетные мировые судьи, в отличие от участковых, которые постоянно находились в пределах закрепленного за ними участка и получали жалование, не были обязаны безвыездно пребывать в судебном-мировом округе, и их труд не оплачивался. По этой причине должность в мировом суде дворяне совмещали со службой в других учреждениях. Так, например, предводитель дворянства Цивильского уезда А. М. Арцыбашев избирался почетным мировым судьей в течение шести трехлетий, начиная с 1883 года. А. Н. Булыгин, являясь почетным мировым судьей, возглавлял дворянство Спасского уезда (с 1887 года). Свяжский предводитель дворянства В. В. Обухов также был почетным мировым судьей [ГАРТ, ф. 1, оп. 3, д. 10577, л. 26 об. — 27, 73 об.; ф. 407, оп. 1, д. 661, л. 1 об.; д. 932, л. 1 — 9].

Следующей инстанцией мирового суда (апелляционной) были съезды мировых судей. Часть их функций по закону от 12 июля 1889 года «О земских начальниках» [ПСЗРИ II, 1891, Т. IX, с. 510—528] перешла к уездным съездам, в которых на долю потомственных дворян Казанской губернии приходилось 56 % [Памятная книга ..., 1892, с. 102, 111, 120, 129, 135, 143, 150, 158, 168, 175, 181, 188]. Такой же процент составляли местные потомственные дворяне среди земских начальников. Они контролировали деятельность органов крестьянского общественного управления и являлись первой судебной инстанцией для крестьян и другого податного населения (вместо упраздненных уездных по крестьянским делам присутствий и мировых судов).

Земскими начальниками могли быть лица, прослужившие в губернии не менее трех лет в должности предводителя дворянства, возрастом не менее 25 лет, окончившие курс в высшем учебном заведении или выдержав-

шие соответствующие экзамены либо прослужившие в губернии не менее трех лет в должности мирового посредника, мирового судьи, непременно члена присутствия по крестьянским делам, владевшие в пределах уезда на праве собственности недвижимостью стоимостью не менее 7500 руб. Но при недостатке лиц, соответствовавших этим критериям, могли быть назначены лица без необходимого стажа [ПСЗРИ III, 1891, Т. IX, с. 511—512]. Так, выпускнику Первого Павловского военного училища Николаю Казем-Бек после встречи его влиятельных родственников с казанским губернатором и казанским уездным предводителем дворянства «обещано было место земского начальника, как только откроется вакансия» [Казем-Бек, 2016, с. 146].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, несмотря на всеобщий характер формирования государственных учреждений гражданского ведомства, в высшем эшелоне местной власти (среди представителей органов земского самоуправления, правительственных чиновников, состоявших в штате по должности, по назначению) был сравнительно высоким процент потомственных дворян Казанской губернии. Удельный вес последних был меньше четверти всего штата сотрудников в губернском правлении и канцелярии губернатора, но именно они занимали наиболее важные посты. В губернских присутствиях, контролировавших деятельность органов городского, земского и крестьянского самоуправления, доля дворян, внесенных в родословную книгу Казанской губернии, составляла от четверти до половины, а предводители дворянства председательствовали во всех присутствиях. В целом, такая картина отражала официальный курс правительства, видевшего в высшем сословии опору на местах. Но и для дворян служба являлась одним из основных социальных лифтов, а для небогатых — еще и источником дохода. К тому же она позволяла принимать непосредственное участие в делах, затрагивавших непосредственные нужды землевладельцев. Потому интересы самого сословия и государства совпадали.

Как и в гражданском ведомстве, местные потомственные дворяне занимали некоторые ключевые должности в органах юстиции на губернском уровне, но при этом не составляли большинства в чиновничьем корпусе. Однако в уездных судебных учреждениях их удельный вес составлял больше половины. Этому способствовал механизм комплектования за счет имущественного и образовательного цензов, избрания ряда должностей уездными предводителями дворянства, что обеспечивало представительство потомственных дворян Казанской губернии, позволяя им занимать больше половины имевшихся вакансий.

Закономерность в комплектовании местных органов управления представителями потомственного дворянства Казанской губернии прослеживается в преимущественном занятии ими тех должностей, которые непосредственно затрагивали интересы помещиков, были связаны со взаимоотношениями с крестьянским населением, а также в занятии руководящих постов в губернской администрации — при губернаторе. Эта тенденция наблюдалась главным образом в учреждениях ведомства министерства внутренних дел, а также министерства юстиции.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Адрес-календарь* служащих в Казанской губернии лиц. — Казань : Губ. тип., 1871. — 62 с.
2. *Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц, по всем учреждениям Казанской губернии, а также сословных и общественных учреждений, частных компаний и обществ на 1881 год. — Казань : Тип. губ. правл., 1881. — 283 с.
3. ГАРТ — *Государственный архив* Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10577. Л. 26 об. — 27, 73 об. ; Ф. 407. Оп. 1. Д. 661. Л. 1 об. ; Ф. 407. Оп. 1. Д. 932. Л. 1—9.
4. *Демерт Н. А.* Новая воля (Из записок служившего когда-то по крестьянскому делу) / Н. А. Демерт // *Отечественные записки*. — 1869. — Т. 186. — №10 — С. 369—398.
5. *Казем-Бек М. Л.* Дневники / М. Л. Казем-Бек. — Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2016. — 560 с.
6. *Мельников Н. А.* 19 лет на земской службе (1898—1916) : (автобиографический очерк и воспоминания) / Н. А. Мельников. — Йошкар-Ола : [МарНИИЯЛИ], 2008. — 342 с.
7. *Памятная книга* Казанской губернии на 1861 г. и 1862 г. — Казань : Губ. тип., 1862. — 290 с.
8. *Памятная книжка* Казанской губернии за 1891—1892 г. — Казань : Тип. Губ. правл., 1892. — 347 с.
9. ПСЗРИ II — *Полное собрание законов Российской империи*. Высочайше утвержденное приложение к 1-й статье Временных Правил об устройстве полиции // ПСЗРИ. — Санкт-Петербург : Типогр. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1865. — Собрание II. — Т. XXXVII. — Отделение 2. — № 39087. — 837 с.
10. ПСЗРИ II — *Полное собрание законов Российской империи*. Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях // ПСЗРИ. — Санкт-Петербург : Типогр. II отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1867. — Собрание II. — Т. XXXIX. — Отделение 1. — № 40457. — 976 с.
11. ПСЗРИ II — *Полное собрание законов Российской империи*. Учреждение судебных установлений // ПСЗРИ. — Санкт-Петербург : Типолитогр. II Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. — Собрание II. — Т. XXXIX. — Отделение 1. — № 41475. — 822 с.
12. ПСЗРИ III — *Полное собрание законов Российской империи*. Правила о порядке приведения в действие Положения о Земских участковых начальниках // ПСЗРИ. —

Санкт-Петербург : Типогр. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1891. — Собрание III. — Т.IX. — № 6196. — 1489 с.

13. *Русская духовная музыка в документах и материалах*. Степан Васильевич Смоленский. Воспоминания : Казань, Москва, Петербург / Гос. центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки ; Подгот. т-та, вступит. ст., коммент. Н. И. Кабановой ; Науч. ред. М. П. Рахманинова. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 688 с.

Литература

1. *Багаутдинов Ф. Н.* Казанский окружной суд : 140 лет / Ф. Н. Багаутдинов. — Казань : Познание, 2010. — 208 с. — ISBN 978-5-8399-0337-1.

2. *Берендтс Э. Н.* О прошлом и настоящем русской администрации / Э. Н. Берендтс. — Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. — 288 с.

3. *Вакилев Т. Р.* Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX в. (на материалах Пензенской губернии) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Т. Р. Вакилев. — Пенза, 2017. — 21 с.

4. *Двоеносова Г. А.* Казанское дворянство 1785—1917 гг. Генеалогический словарь / Г. А. Двоеносова. — Казань : Гасыр, 2001. — 639 с. — ISBN 5-93001-010-2.

5. *Евреинов В. А.* Гражданское чиновничество в России / В. А. Евреинов. — Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1897. — 87 с.

6. *Елишев А. И.* Служебные права дворян / А. И. Елишев. — Москва : Унив. тип., 1894. — 55 с.

7. *Ерошкин Н. П.* Российское самодержавие / Н. П. Ерошкин. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2006. — 494 с. — ISBN 5-7281-0937-3.

8. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. — Москва : Мысль, 1978. — 288 с. — ISBN 978-5-517-81925-3.

9. *Истомина И. В.* Мелкопоместное дворянство в структурах местного самоуправления и управления / И. В. Истомина, В. Н. Фурсов, А. В. Перепелицын // *Via in tempore*. История. Политология. — 2012. — № 1 (120). — С. 108—115.

10. *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация / А. П. Корелин. — Москва : Наука, 1979. — 303 с.

11. *Лещенко И. Н.* Потомственное дворянство в условиях пореформенной России (на материалах Тверской губернии) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. Н. Лещенко. — Москва, 2007. — 26 с.

12. *Ливен Д.* Аристократия в Европе 1815—1914 / Д. Ливен. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. — 364 с. — ISBN 5-7331-0179-2.

13. *Мухамадеев А. Р.* Судебные реформы в России второй половины XIX в. и Казанский окружной суд / А. Р. Мухамадеев // *Гасырлар авазы — Эхо веков*. — 2008. — № 1. — С. 242—246.

14. *Соловьева Е. А.* Материальное обеспечение служащих губернского правления Симбирской и Казанской губерний во второй половине XIX — начале XX вв. / Е. А. Соловьева // *Власть*. — 2013. — № 1. — С. 154—156.

15. *Хабарова Е. В.* Казанский окружной суд : исторический очерк / Е. В. Хабарова, Т. Б. Чканова // *Актуальные проблемы экономики и права*. — 2010. — № 3. — С. 210—213.

16. Шатохин И. Т. Российское дворянство и государственная служба в XIX — начале XX вв. / И. Т. Шатохин, С. Б. Шатохина // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. — 2014. — № 21 (192). — С. 106—110.
17. Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России / М. Т. Яблочков. — Санкт-Петербург : Тип. А. М. Котомина, 1876. — 680 с.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025,
одобрена после рецензирования 18.04.2025,
подготовлена к публикации 11.05.2025.

Material resources

- Calendar address. General list of superiors and other officials for all institutions of the Kazan province, as well as estate and public institutions, private companies and societies for 1881.* (1881). Kazan: Tip. Gubernatorial Institute. 283 p. (In Russ.).
- Commemorative book of the Kazan province for 1891—1892.* (1892). Kazan: Tip. Gubernatorial Board. 347 p. (In Russ.).
- Demert, N. A. (1869). *Novaya volya* (From the notes of a former peasant worker). *Otechestvennye zapiski*, 186 (10): 369—398. (In Russ.).
- GARTH — *The State Archive of the Republic of Tatarstan.* (In Russ.).
- Kazem-Bek, M. L. (2016). *Diaries.* Moscow: Sretensky Monastery Publishing House. 560 p. (In Russ.).
- Melnikov, N. A. (2008). *19 years in the zemstvo service (1898—1916): (autobiographical essay and memoirs).* Yoshkar-Ola: [Marniyali]. 342 p. (In Russ.).
- Memorial book of the Kazan province for 1861 and 1862.* (1862). Kazan: Gubernatorial Printing House. 290 p. (In Russ.).
- PSZRI II — *The Complete collection of laws of the Russian Empire. The highly approved appendix to the 1st article of the Provisional Rules on the Structure of the Police.* PSZRI. (1865). St. Petersburg: Typogr. II ed. His own E. I. V. Chancery. 837 p. (In Russ.).
- PSZRI II — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The most highly approved regulations on provincial and county zemstvo institutions.* PSZRI. (1867). St. Petersburg: Typogr. II ed. His own E. I. V. Chancery. 976 p. (In Russ.).
- PSZRI II — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Establishment of judicial rulings.* PSZRI. (1867). St. Petersburg: Typolithogr. II Department of Its Own E. I. V. Chancellery. 822 p. (In Russ.).
- PSZRI III — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Rules on the procedure for bringing into effect the Regulations on Zemstvo district chiefs.* PSZRI. (1891). St. Petersburg: Typogr. II ed. His own E. I. V. Chancery. 1489 p. (In Russ.).
- Russian sacred music in documents and materials. Stepan Vasilyevich Smolensky. Memoirs: Kazan, Moscow, St. Petersburg.* (2002). Moscow: Languages of Slavic Culture. 688 p. (In Russ.).
- The address is a calendar of employees in the Kazan province.* (1871). Kazan: Gubernatorial type. 62 p. (In Russ.).

References

- Bagautdinov, F. N. (2010). *Kazan District Court: 140 years.* Kazan: Poznań Publ. 208 p. ISBN 978-5-8399-0337-1. (In Russ.).
- Berendts, E. N. (1913). *On the past and Present of the Russian Administration.* St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Publishing House. 288 p. (In Russ.).

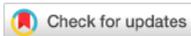

- Dvoinosova, G. A. (2001). *Kazan nobility of 1785—1917. Genealogical dictionary*. Kazan: Gasyr. 639 p. ISBN 5-93001-010-2. (In Russ.).
- Elishev, A. I. (1894). *Official rights of the nobility*. Moscow: Univ. tip. 55 p. (In Russ.).
- Eroshkin, N. P. (2006). *Russian autocracy*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 494 p. ISBN 5-7281-0937-3. (In Russ.).
- Evreinov, V. A. (1897). *Civil service production in Russia*. Saint Petersburg: A. S. Suvorin Publishing House. 87 p. (In Russ.).
- Istomina, I. V., Fursov, V. N., Perepelitsyn, A. V. (2012). Small-scale nobility in local government and management structures. *Via in tempore. History. Political science, 1 (120)*: 108—115. (In Russ.).
- Khabarova, E. V., Chkanova, T. B. (2010). Kazan District Court: a historical essay. *Actual problems of economics and law, 3*: 210—213. (In Russ.).
- Korelin, A. P. (1979). *The nobility in post-reform Russia. 1861—1904. Composition, number, corporate organization*. Moscow: Nauka Publ. 303 p. (In Russ.).
- Leshchenko, I. N. (2007). *Hereditary nobility in the conditions of post-reform Russia (based on the materials of the Tver province)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).
- Lieven, D. (2000). *Aristocracy in Europe 1815—1914*. Saint Petersburg: Academic Project. 364 p. ISBN 5-7331-0179-2. (In Russ.).
- Mukhamadeev, A. R. (2008). Judicial reforms in Russia in the second half of the 19th century and the Kazan District Court. *Gasyrlar avaza — Echo of Centuries, 1*: 242—246. (In Russ.).
- Shatokhin, I. T., Shatokhina, S. B. (2014). Russian nobility and civil service in the XIX — early XX centuries. *Scientific Bulletin. a series of Stories. Political science. Economy. Computer science, 21 (192)*: 106—110. (In Russ.).
- Solovyova, E. A. (2013). Material support for employees of the provincial government of the Simbirsk and Kazan provinces in the second half of the 19th — early 20th centuries. *Power, 1*: 154—156. (In Russ.).
- Vakilev, T. R. (2017). *Provincial officialdom in the public administration system in the second quarter of the 19th century. (based on the materials of the Penza province)*. Author's abstract of PhD Diss. Penza. 21 p. (In Russ.).
- Yablochkov, M. T. (1876). *The history of the nobility in Russia*. St. Petersburg: A. M. Kotomina Publishing House. 680 p. (In Russ.).
- Zayonchkovsky, P. A. (1978). *The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century*. Moscow: Mysl. 288 p. ISBN 978-5-517-81925-3. (In Russ.).

*The article was submitted 11.02.2025;
approved after reviewing 18.04.2025;
accepted for publication 11.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Тиховодова А. В. Организация образовательного процесса в ремесленных классах Вдовьего дома Нижнего Новгорода в начале XX века / А. В. Тиховодова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 494—522. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-494-522.

Tikhovodova, A. V. (2025). Organization of Educational Processes in Craft Classes of the Widow's Home in Nizhny Novgorod in Early 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 494-522. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-494-522. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Организация образовательного процесса в ремесленных классах Вдовьего дома Нижнего Новгорода в начале XX века

Тиховодова Анастасия Владимировна
orcid.org/0000-0003-2762-3999
кандидат философских наук,
заведующий кафедрой философии
и социально-правовых наук
tikhovodova@list.ru

Волжский государственный
университет водного транспорта
(Нижний Новгород, Россия)

Organization of Educational Processes in Craft Classes of the Widow's Home in Nizhny Novgorod in Early 20th Century

Anastasia V. Tikhovodova
orcid.org/0000-0003-2762-3999
PhD in Philosophy,
Head of the Department of Philosophy
and Social and Legal Sciences
tikhovodova@list.ru

Volga State University
of Water Transport
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена истории учреждения и работы ремесленных классов, а затем и ремесленного училища при Городском Общественном имени Блиновых и Бугровых Вдовьем доме Нижнего Новгорода в начале XX века. Освещена история строительства здания под ремесленные отделения, показаны источники финансирования, содержание, состав служащих женского рукодельного и мужского сапожного классов. Охарактеризованы учебная программа, по которой занимались ученики, возрастной и сословный состав девочек и мальчиков. Описано, какие материалы и учебно-методические пособия покупались для обучения и какое количество продукции производилось, как происходило обслуживание здания, где располагались ремесленные классы. Указывается, что по окончании обучения выпускницы рукодельного класса могли идти работать в женскую швейную мастерскую, организованную при училище Вдовьего дома. Автор приходит к выводу, что попечители благотворительного заведения при участии органов местного самоуправления стремились оказывать своим призываемым всестороннюю поддержку, находили и развивали таланты. Функционирование ремесленных классов воссоздано на основе отчетов Вдовьего дома о своей деятельности и отчета о строительстве нового двухэтажного дома, предназначенного под ремесленное училище и общежитие.

Ключевые слова:

Вдовий дом; женский рукодельный класс; мужской сапожный класс; ремесленное училище; благотворительность; неприкосновенный капитал; пожертвования.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the history of the establishment and operation of craft classes, and subsequently a vocational school, at the Municipal Public Institution named after the Blinov and Bugrov Widow's Home in Nizhny Novgorod during the early 20th century. It details the history of the construction of the building designated for craft departments, outlines the sources of funding, and examines the composition and roles of staff in the women's needlework and men's shoemaking classes. The study characterizes the curriculum followed by students, as well as the age and social composition of both girls and boys. It describes the materials and educational resources acquired for instruction, the volume of products produced, and the maintenance of the building housing the craft classes. The article notes that upon completion of their studies, graduates from the needlework class had opportunities to work in a women's sewing workshop organized within the Widow's Home. The author concludes that the trustees of this charitable institution, in collaboration with local government bodies, aimed to provide comprehensive support to their wards, identifying and nurturing their talents. The functioning of the craft classes is reconstructed based on reports from the Widow's Home regarding its activities and a report on the construction of a new two-story building intended for the vocational school and dormitory.

Key words:

Widow's Home; women's needlework class; men's shoemaking class; vocational school; charity; endowment; donations.

УДК 364.054.3:37(470.341)“191/192”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-494-522

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Организация образовательного процесса в ремесленных классах Вдовьего дома Нижнего Новгорода в начале XX века

© Тиховодова А. В., 2025

1. Введение = Introduction

Нижегородский Городской общественный имени Бугровых и Блиновых Вдовый дом, открытый 30 октября 1887 года и содержавшийся на пожертвования богатейших людей города, имел универсальный характер. Вдовый дом состоял в ведении Нижегородской городской Думы, административное и хозяйственное заведывание им осуществлял комитет. Комитет состоял из почетных и шести действительных членов; председательствовал же в нем городской голова. Со дня открытия Вдовьего дома и до 16 апреля 1911 года почетным членом комитета являлся Н. А. Бугров, а с 6 июня 1912 года — Н. А. Смирнов. Они выполняли обязанности почетных членов до самой смерти. Затем почетным членом комитета была Варвара Михайловна Бурмистрова (в девичестве носила фамилию Рукавишников), являвшаяся также почетным попечителем Нижегородского городского приюта имени графини О. В. Кутайсовой и членом правления Общества вспоможения бедным Нижнего Новгорода. Попечители заботились не только о проживании, пропитании и медицинском обслуживании призываемых Вдовьего дома, но и об их образовании и дальнейшем трудоустройстве. Речь идет в первую очередь о малолетних детях вдов, проживающих в заведении вместе с матерями. К 1913 году население Вдовьего дома уже составляло 194 вдовы с 505 детьми и 12 взрослыми сиротами [Отчет ..., 1913, с. 3].

Самостоятельный женский рукодельный класс был открыт при заведении с 8 марта 1905 года. Перед открытием класса рукоделия во Вдовьем доме был совершен молебен, за что причту было заплачено 2 рубля. Позже для ремесленных классов было построено отдельное здание.

Отдельное здание для женского рукодельного и мужского сапожного ремесленных отделений при Вдовьем доме было построено на пожертвование члена комитета Вдовьего дома Ивана Михайловича Рукавишникова, который был представителем богатейшего и известнейшего нижегород-

ского купеческого рода. Он единолично руководил фирмой, занимавшейся оптовой торговлей железом и производством стали на собственном заводе, являлся гласным Нижегородской городской Думы (1883—1886), почетным мировым судьей, активно занимался благотворительностью. И. М. Рукавишников входил в число действительных членов Нижегородского общества поощрения высшего образования, был почетным членом Совета Нижегородской земледельческой исправительной колонии. Также он завещал на пособие вдовам, живущим во Вдовьем доме, капитал в 32,9 тысячи рублей [Живое наследие ..., 2020, с. 56]. Духовное завещание И. М. Рукавишникова гласит: «Пункт 36. После смерти моей жертвую двадцать пять тысяч рублей на постройку каменного дома для обучения мальчиков и девочек, живущих во Вдовьем доме гг. Блиновых и Бугровых, полезным ремеслам и рукоделиям с приспособлением общежития для тех мальчиков, которым после достижения известного возраста воспрещено проживание во Вдовьем доме. Означенный дом должен быть построен близ Вдовьего дома. Пункт 37: на расходы по обучению ремеслам и рукоделию, а также на общежитие и содержание мальчиков в означенном доме жертвую после моей смерти пятьдесят тысяч рублей, проценты с которых и должны расходоваться на упомянутую цель, а капитал этот должен оставаться неприкосновенным. Постройка дома, заведование оным и употребление на это процентов с завещанного капитала должны находиться в распоряжении Комитета Вдовьего Дома» [Отчет по постройке ..., 1909, с. 1]. На эти деньги и было построено здание для ремесленных классов при Вдовьем доме для детей, окончивших курс в начальном училище при заведении, а также посторонних лиц. В ходе строительства оказалось, что 25 тысяч рублей недостаточно реализации благородного и полезного замысла. Комитет Вдовьего дома был вынужден обратиться к душеприказчице И. М. Рукавишниковой — В. М. Бурмистровой — с просьбой пожертвовать дополнительные средства. Она выделила для постройки здания для ремесленных классов, а также на оборудование общежития еще 10 тысяч рублей. Была образована строительная комиссия в составе В. В. Акифьева, П. Д. Яргомого, Н. А. Смирнова и архитектора Н. М. Вешнякова.

Закладка дома состоялась 14 июня 1907 года, а в октябре 1908 года строительство было завершено. 31 декабря 1907 года дом был освящен и в январе 1908 года в него были переведены из здания Вдовьего дома существующий уже для девочек класс рукоделия и женская мастерская, а также открыта вновь сапожная мастерская для мальчиков. Стоимость двухэтажного каменного дома составила 34 646 рублей 62 копейки. Дом имел жилое подвальное помещение, был покрыт железом, длина здания — 12 сажений (1 сажень — 2,134 м) 2 аршина (1 аршин — 0,71 м), ширина — 9 сажений

и высота до крыши — 4 сажени 2 ½ аршина. В этом же доме с 7 января 1908 года была организована частная сапожная мастерская, в которой обучались мальчики, матери которых проживали во Вдовьем доме. Для мальчиков, достигших 14 лет, при мастерской было открыто общежитие. Для мальчиков был предназначен верхний этаж с помещениями: для сапожного ремесленного класса, сапожной мастерской, там располагались общежитие для мальчиков и квартира учителя. На среднем этаже с особым входом размещались девочки, там находились помещения для класса рукоделия, женской мастерской и квартира учительницы рукоделия. В подвальном этаже находилось отопление дома, кухня для общежития, помещения для прислуги и для хозяйственных потребностей. Остаток пожертвованного капитала и процентов с него в сумме 1362 рубля 98 копеек был потрачен на расходы по оборудованию дома, ремесленных классов и общежития мебелью, инструментами, материалами и пр. Для сапожной мастерской была куплена обувная швейная машина Зингер. О строительстве дома Комитетом был подготовлен подробный отчет с перечнем всех выполненных работ (земляные, каменные, асфальтовые, бетонные, плотничьи, столярные, стекольные, штукатурные, печные, кровельные, малярные, кузнечные, водопроводные, мелкие строительные) и их стоимостью. В стоимость строительства входили также разные вспомогательные расходы и жалованье десятникам. В доме в память о благотворителе был повешен портрет И. М. Рукавишникова, а также иконы. В советское время в здании располагалась трикотажная фабрика имени Клары Цеткин, затем — старая часть расширенного корпуса фирмы «Тон», а сейчас дом занимает Жилищно-коммунальная служба № 11 ЦЖКУ Минобороны России. И, конечно, здание ремесленного училища является важным памятником градостроительства и архитектуры начала XX века.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История дореволюционной благотворительности в Российской империи стала предметом пристального исследования ученых в постсоветский период. В настоящее время изучаются деятельность благотворительных обществ и заведений в Москве и Санкт-Петербурге, развитие социального призрения в губерниях, взаимодействие органов местного самоуправления и частных благотворителей, формы пожертвований, типы благотворительных заведений [Ульянова, 2005, с. 402; Брэдли, 2012, с. 448]. Деятельности самого первого Вдовьего дома в России, открытого в Санкт-Петербурге 30 августа 1803 года по указу императрицы Марии Федоровны, посвящены работы С. И. Бондиной [Бондина, 2013] и О. А. Ивановой [Иванова, 2016]. Развитию благотворительности в Нижнем Новгороде посвящены работы

Г. Н. Ульяновой [Ульянова, 2020 и др.], Ф. А. Селезнева [Селезнев, 2013], А. В. Седова [Седов, 1994], В. В. Краснова [Краснов, 2019], И. А. Макарова [Макаров, 1999], Т. И. Акимовой [Акимова, 2013], Б. М. Пудалова [Пудалов, 2019] и др. Например, филантропии нижегородских купчих и дворянок посвящены статьи Е. А. Запеваловой [Запевалова, 2017; Запевалова, 2023]. Автор настоящей работы опубликовал статьи, в которых содержится обзор общественных организаций Нижегородской губернии и представлена типология общественных объединений в соответствии с направленностью их деятельности: благотворительные, медицинские, просветительные, профессиональные, естественнонаучные, досуговые, религиозные [Тиховодова, 2022]. Также выполнена характеристика деятельности добровольных обществ, как общероссийских, имеющих отделения в Нижнем Новгороде, так и собственно региональных, в сфере социального обеспечения, здравоохранения и народного образования [Тиховодова, 2021]. В. В. Краснов рассматривает работу городской Нижегородской общественной богадельни имени Н. Ф. Ходалева [Краснов, 2008]. Функционирование Вдовьего дома в Нижнем Новгороде рассматривается историками в связи с активизацией благотворительной деятельности купцов в Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков. Делается акцент на эффективном взаимодействии частных благотворителей с органами местного самоуправления [Архипова, 2014; Зрячева, 2007; Костина, 2007]. Также Нижегородский Вдовый дом упоминается в связи с благотворительной деятельностью купеческих семей Бугровых и Блиновых [Монич, 2020, с. 32—39; Седов, 2007, с. 55]. Здание Вдовьего дома характеризуется как один из самых замечательных памятников городской архитектуры XIX века, не потерявший свое культурное и функциональное значение и в настоящее время [Нижний Новгород ..., 2007, с. 40]. Организации и функционированию крупнейшего благотворительного учреждения Нижегородской губернии городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома в конце XIX — начале XX веков также посвящены две статьи автора [Тиховодова, 2023 и др.].

Целью данной работы является рассмотрение образовательной и производственной деятельности ремесленных классов Вдовьего дома в Нижнем Новгороде, их организации и источников финансирования. Автор поставил задачу показать количество и распределение израсходованных на специальное образование средств; охарактеризовать количественный, словесный, возрастной и половой состав обучающихся; осветить результаты обучения и практической деятельности ремесленных классов, а затем училища. Источниками для написания статьи послужили денежные отчеты ремесленных отделений при Нижегородском Вдовьем доме с 1905 по

1914 годы, отчеты о строительстве здания и о деятельности ремесленного училища. Отчеты содержат сведения о личном составе служащих ремесленных классов, о жаловании педагогических работников и обслуживающего персонала. Также на основании отчетов можно представить динамику численности обучающихся, изменение их возрастного и сословного состава. Отчеты позволяют проследить источники финансирования (проценты с пожертвованного капитала, средства от Городской Управы, пособие от Министерства народного просвещения, частные пожертвования, прибыль от продажи изделий и выполнения заказов) и статьи расходов на функционирование ремесленных классов Вдовьего дома (отопление, освещение, страхование и охрана здания, текущий ремонт помещений, приобретение учебных пособий, канцелярских принадлежностей, мебели для общежития, материалов для обучения шитью и сапожному ремеслу). В отчетах представлена программа учебного курса женского рукодельного и мужского сапожного ремесленных отделений, рассчитанная на три года (теоретический и практический курс). Показана деятельность учебных сапожной и рукодельной мастерских, представлено количество произведенной в обоих отделениях продукции. Анализ данных исторических источников позволил подробно проанализировать особенности образовательной и производственной деятельности ремесленных отделений Вдовьего дома в Нижнем Новгороде в начале XX века.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образовательная и производственная деятельность женского рукодельного класса

До 1908 года рукодельный класс и мастерская помещались в главном здании Вдовьего дома, а с 1908 года были переведены в новый каменный двухэтажный дом, специально построенный под ремесленное училище. 4 февраля 1912 года состоялось заседание Нижегородского городского училищного совета, на котором были утверждены заведующие ремесленными отделениями и штат преподавателей, программы и часы занятий в отделениях, а также смета расходов по содержанию отделений. В. М. Бурмистрова стала попечителем этих ремесленных классов. Оба отделения имели свой состав служащих. Заведующей женским рукодельным отделением и преподавательницей рукоделия являлась Павла Андреевна Гусева, исполняющим обязанности заведующего мужским сапожным отделением и учителем-мастером был Петр Павлович Волков. Остальные предметы вели одни и те же преподаватели в обоих отделениях: преподавательница русского языка и арифметики Юлия Николаевна Тархова, законоучитель — священник о. В. В. Серебровский [Отчет ..., 1913, с. 74]. Для

наблюдения над рукодельными дамскими работами Городской Думой был избран особый дамский Комитет, в который вошли Анна Александровна Акифьева, Александра Васильевна Яргомская, Анна Никифоровна Зайцева и Александра Сергеевна Меморская.

Была разработана программа обучения: она включала общеобразовательные предметы и этапы приобретения ремесленных навыков по рукоделию и сапожному делу. Программа была утверждена Училищным Советом. Обучающимся преподавали Закон Божий, русский язык и арифметику. Цель введения этих предметов в курс ремесленных отделений — «возобновление в памяти учащихся тех сведений, которые приобретены ими по этим предметам обучения в начальных народных училищах» [Там же, с. 75]. Следовательно, программой начального училища исчерпывался и курс ремесленного отделения. Преподавание Закона Божия (1 час в неделю), русского языка (2 часа в неделю) и арифметики (2 часа в неделю) проходило без домашних заданий. Занятия организовывались в форме беседы с учениками, разбора и объяснения прочитанного или написанного на уроках. На уроках по Закону Божьему повторяли главные молитвы и объясняли их, читали рассказы о событиях из Священной истории Ветхого и Нового Завета, кратко объясняли богослужение. На уроках по русскому языку ученики читали и пересказывали прочитанное, также писали диктанты и списывали тексты из книг. По арифметике учились устному счету до 100, дети должны были знать и применять четыре правила с простыми числами, уметь устно решать несложные задачи со скобками. Девочкам объясняли меры: аршин, метр и сантиметр. Они учились применять их в кройке платья.

Программа по рукоделию, более подробная, была рассчитана на три года. Программа *первого года обучения* включала в себя:

- объяснение приемов, предшествующих снятию мерки для шитья разнообразных дамских нарядов;
- порядок снятия мерки;
- составление чертежей по имеющимся данным замеров: спинки, заднего бочка, передка, вытачки, переднего бочка, рукава, воротника и юбки;
- объяснение покроев детских костюмов: платья «бебе», матросского костюма, капотика и перелинки, лифа для подростков, лифа для взрослых, реформа и передничков;
- шитье отдельных частей: сборки ручные, сборки на машине, строчка ручная и на машине, буфы, вафли, мерешки, елочки и узелки, платки и кушаки, воланы со складочками и с круглым рубцом;
- составление чертежей и последующая кройка белья для детей: распашонки, рубашки с застежками на плечах, с застежками спереди, с выре-

зами, ночной рубашки, панталонов разных видов, кофты, рубашек и кальсон, русской рубашки для мальчиков;

— шитье белья: строчка, сборки, складки, выметывание петель, пришивка кружев, исполнение различных швов;

— чертеж детского рукава разных видов.

Программа *второго года обучения* включала в себя знакомство со следующими темами:

— лифы для взрослых: с прямым бортом (на низкий корсет), с тремя бочками, с увеличенной вытачкой, с одной вытачкой, бальный покрой ворота (жан-филипп ворт — модельер), венской блузки;

— применение чертежа лифа к другим покроям: фигаро, принцесс (это облегчающее женское платье или другой предмет одежды, сшитый из длинных деталей без горизонтального шва или разделения на талии), капота, тужурки, блузы, корсета и балеро;

— чертеж рукава для взрослых: простого, изящного, с буфой и английского;

— чертеж воротников: стоячего, отложного и стояче-отложного;

— чертеж юбки: дюблюр (вязаное хлопчатобумажное кружево с фестонами, ручная работа), из составных частей от 3—7, с треном, с воланами, из складок, с буфами, с кокеткой и укороченной талией;

— чертеж фартука: простого, с отделкой;

— приемы для кройки материи и примерки костюма по изготовленным чертежам: выкройка подкладки, выкройка материи, наметывание, сметывание, примерка и приметка;

— порядок шитья юбки: различные виды стачивания различных частей юбки, различные приемы разглаживания сообразно материи, заделывание прорешек, подравнивание, пришивка кушака, заделывание подола, пришивка волана, шитье пристяжного треня (тянущийся в форме широкого хвоста задний конец женского платья), гарнировка (украшение, отделка) юбки;

— порядок шитья лифа: стачивание, заделывание швов, разглаживание швов, нашивание подкосточек, заделывание борта, выметывание петель, шнуровка, кушак, подравнивание лифа, заделывание низа, пришивка воротника и рукавов, гарнировка лифов нарядных и бальных;

— порядок шитья рукава: стачивание, заделывание швов, разглаживание, заделывание низа, гарнировка рукава;

— шитье корсета: стачивание отдельных частей, настрачивание шнурков и подкосточек, скрепка костей, вшивание бланжеток (застежка из двух стальных пластин у корсета), шнуровка и гарнировка корсета;

— составление чертежей и последующая кройка белья для взрослых: женских рубашек — длинных простых и с отделками, ночных, панталон,

кофты, юбки, ночного чепчика, пеньюара, мужской рубашки (ночной и дневной), кальсон;

— шитье постельного белья: чехла под одеяло, наволочки, накидки на подушки — простой и с отделкой;

— шитье белья: вшивание прошивок и уголков, пришивание кокетки, пришивание манжет, воротников и рукавов;

— исполнение практических работ — белья и платья по заданной мерке.

Программа *третьего года обучения* включала:

— составление чертежей и последующую кройку дамских жакетов: основного с вытачкой, с пластроном (вставкой на груди с застежкой) и разрезной спиной, венского жакета, сюртука, модного сака (пальто);

— чертеж костюма для мальчика (куртка, панталоны короткие и с напуском, воротники к костюму);

— примерку и шитье жакета и костюма для мальчиков;

— чертеж пальто детского и дамского;

— объяснение покровов ротонд (верхняя теплая женская одежда без рукавов в виде длинной накидки) и перелинок (короткая, обычно не доходящая до пояса, круглая женская накидка);

— составление выкроек по данным журналам: блуз, матенэ (женская утренняя домашняя одежда в виде широкой и длинной кофты из легкой ткани), юбок, капотов, реформа, кимоно, детских и дамских верхних платьев;

— шитье верхнего дамского платья: распознавание ворса материи, дегазировку (обработка ткани водой или паром для предотвращения дальнейшей усадки готового изделия), вытужку, шитье вещей на пуху, вате и на меху;

— практические работы при мастерской: примерку, самостоятельное шитье разнообразных дамских нарядов [Отчет ..., 1913, с. 75—78].

Таким образом, девочек обучали всем этапам шитья одежды: от снятия мерок и составления чертежей до шитья отдельных частей и изделия в целом. Программа предполагала усложнение ремесленных навыков. В первый год обучения девочки учились шить детскую одежду; на второй год — лифы, юбки, фартуки, корсеты, рубашки для женщин и рубашки, нижнее белье для мужчин; на третьем году обучения переходили к пошиву верхней одежды для детей и взрослых. Помимо одежды, шили также постельное белье.

Занятия продолжались в течение всего года, кроме праздничных и табельных дней. Также был перерыв на летние и зимние каникулы (пасхальные — 2 недели, летние с 1 июня по 16 августа и зимние Рождественские с 23 декабря по 7 января). Занятия начинались в 8 часов 30 минут утра и продолжались до 18 часов вечера у старших учеников и до 16 часов

у младших учеников, с полуторачасовым перерывом на обед. Продолжительность уроков в день для детей младшего возраста составляла 6 часов, для детей старшего возраста — 8 часов в день. Таким образом, учебный график был очень насыщенный, а нагрузка на учеников — значительной.

С самого начала открытия рукодельного класса 8 марта 1905 года к обучению приступили 24 девочки. Всего же со дня открытия класса рукоделия при школе Вдовьего дома к 1 января 1906 года поступило 34 ученицы, а выбыло 14 [Отчет ..., 1906, с. 8]. С 8 марта по 20 мая 1905 года были проведены только подготовительные занятия с ученицами. Они познакомились с различными способами шитья руками и на швейной машине, а также с теоретическими приемами кройки различной дамской и детской одежды, белья. С 1 сентября 1905 года ученицы приступили к изготовлению одежды. За 1905 год были пошиты 13 детских различных костюмов, 4 дамских платья разного фасона, 7 кофточек, 4 корсажа, 24 вещи детского белья разного рода, 10 вещей дамского белья, 10 вещей постельного белья. Эти вещи были не только сшиты, но и скроены самими ученицами. Кроме

Таблица 1

Сословный и возрастной состав учащихся в классе рукоделия

Дата	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	19 лет	Крестьяне	Мещане	Личн. почет. гражд.	Всего	Выбыло
1 сентября 1906	1	2	4	3					5	4	1	10	8
1 января 1907	1	9	7	3	8	4			18	11	3	32	13
1 сентября 1907		8	7	2	5				10	6	3	19	
1 января 1908		10	9	5	1				12	11	2	25	10
1 сентября 1908	3	14	1	2	3			2	9	15	1	25	
1 января 1909	3	19	8	4	4			2	14	24	2	40	
1 января 1910	4	21	10	10	1	3		1	25	24	1	50	14
1 сентября 1910	1	3	5		2	3	1		6	8	1	15	3
1 января 1911	2	18	14	7	2	4	1		24	22	2	48	15
1 сентября 1911	3	10	5	4	5				13	14		27	
1 января 1912	3	24	15	6	2	1	3		29	24	1	54	10
1 сентября 1912	3	24	14	2	1				25	19		44	7
1 января 1913		26	18	7	5				33	23		56	
1 января 1914		22	23	9	2		1		32	24	1	57	19
1 сентября 1914		17	20	1					19	19		38	
1 января 1915		24	27	7		2			32	28		60	4

того, они учились вышивать гладью на швейной машине. Все работы сначала хранились в классе и при необходимости могли быть продемонстрированы попечителям.

С января по сентябрь каждого года проходило отчисление учениц: они либо сдавали экзамен по рукоделию и получали звание мастериц, либо становились подмастерьями, либо покидали класс совсем. В сентябре вновь организовывалось зачисление. Итак, на 1 января 1906 года рукодельный класс насчитывал 20 девочек, которые распределялись по возрасту и по сословию. Возраст варьировался от 11 до 16 лет: 11 лет — 1 ученица, 12 лет — две ученицы, 13 лет — 4 ученицы, 14 лет — 6 учениц, 15 лет — 5 учениц, 16 лет — 2 ученицы. Большинство обучающихся девочек были крестьянками (11 человек), а также 6 мещанок, 1 личная дворянка, 1 из запасных унтер-офицеров, 1 из личных почетных граждан [Отчет ..., 1907, с. 7]. В течение 1906 года из класса выбыло две ученицы, происходившие из крестьян, и окончили курс на звание мастериц и помощников мастериц 8 учениц (3 крестьянки, 3 мещанки, 1 из личных дворян, 1 из запасных унтер-офицеров). С января по сентябрь 1910 года из класса рукоделия выбыло 14 учениц, из которых окончили курс на звание мастериц 7 человек. С января по сентябрь 1914 года выбыло 19 учениц, из которых окончили курс на звание мастериц 9 человек, на звание подмастериц — 6 человек, а 4 человека курс не окончили [Отчет ..., 1916, с. 41]. Таким образом, ежегодно число учениц увеличивалось, и в 1915 году оно достигло 60 человек.

На содержание ремесленных отделений поступали деньги от Городской управы и от Министерства народного просвещения. Казенное пособие на содержание ремесленных классов, преобразованных в ремесленные отделения при Вдовьем доме, от Министерства народного просвещения было назначено в конце 1912 года: для женского рукодельного — 630 рублей, для мужского сапожного — 660 рублей. Таким образом, на покрытие расходов шли пособия от города и от казны, а также проценты с благотворительного капитала. Поэтому денежный отчет по содержанию ремесленных отделений Вдовьего дома содержит следующие сведения: приход средств от Нижегородской городской управы (например, 1912 год — 805 рублей, 1914 год — 805 рублей), Министерства народного просвещения (например, 1912 год — 1290 рублей, 1914 год — 1290 рублей), полученные проценты с капитала (1914 год — 2450 рублей), а также средства от продажи ученических работ женского ремесленного класса (1912 год — 90 рублей, 1914 год — 120 рублей). Вырученные деньги от продажи изделий женского ремесленного отделения расходовались на нужды призываемых. Содержание ремесленных классов включало в себя жалование заведующим и преподавателям, а также обслуживание дома. Капитал на содержание ре-

ремесленных классов хранился в процентных бумагах и наличными деньгами [Отчет ..., 1910, с. 55; Отчет ..., 1911, с. 62].

Таблица 2

Приход средств

Год	Остаток (наличными деньгами)	Проценты с капитала Рукавишников	Касса Городской управы	Прочие поступления	Всего
1909	422.19	700.00	969.50	425.59	2537.28
1910	2370.23	2614.40	530.00	10130.48	10545.11
1911	2118.99	2574.50	530.00	11000.00	16303.49
1914	2304.81	2450.00	805.00	12710.00	18269.81

Таблица 3

Расход средств

Год	Ремонт	Оборудование	Содержание служащих	Освещение	Отопление	Пособия	Разные расходы	Всего
1909	603.27	166.38	969.50	60.90	310	29.08	179,78	2537.28
1910		612.29	1618	86.75	975	75.11	124.60	3491.75
1914	3.08	876.43	2306.80	119.55	712.50		111.94	4298.33

Таким образом, деньги шли, помимо содержания личного состава служащих, на дрова и их транспортировку, на керосин. За сосновые дрова и их доставку в 1909 году было заплачено 310 рублей, за березовые дрова и их доставку с городского склада в 1914 году — 712 рублей 50 копеек [Отчет ..., 1916, с. 52—53]. Для освещения дома покупались ламповые стекла, фитили и керосин (1909 год — 60 рублей 90 копеек, в 1914 году — 119 рублей 55 копеек). В разных расходах числились средства, переданные Государственному банку за хранение ценных бумаг (в 1909 году — 365 рублей 59 копеек) [Отчет ..., 1910, с. 46]. В 1909 году на дополнительное пособие служащим ремесленных классов к Рождеству Христову было выделено 56 рублей 50 копеек. Заведующая женским ремесленным отделением и преподавательница рукоделия П. А. Гусева получала в 1909 году 457 рублей, в 1914 году — 549 рублей 60 копеек, подмастерья рукодельного отделения Е. В. Рогозильникова — 120 рублей, заведующий мужским ремесленным отделением и преподаватель сапожного мастерства П. П. Волков в 1909 году — 360 рублей, в 1914 году — 499 рублей 80 копеек, учительница

общеобразовательных предметов Ю. Н. Тархова в 1914 году — 499 рублей 80 копеек, законоучитель священник о. В. В. Серебровский в 1914 году — 99 рублей 60 копеек, за надзор за домом Н. Е. Глазков в 1909 году — 60 рублей, в 1914 году — 60 рублей, два сторожа в 1909 году — 336 рублей, в 1914 году — 360 рублей, кухарка при общежитии в 1914 году — 72 рубля, а награда к праздникам Святой Пасхи и Рождеству Христову в 1914 году составила 46 рублей. Для преподавания уроков по шляпочному делу была приглашена мастерица Никитина, которой заплатили за 48 уроков в 1914 году 40 рублей 80 копеек.

Для проведения занятий и обслуживания дома покупалось все необходимое. Для изготовления обуви в 1909 году для мужского отделения была приобретена сапожная швейная колонная машина за 60 рублей. Также для рукодельного класса закупался мануфактурный товар, бумага для выкроек, тетради, чернила, галантерейные товары, нитки и крючки, а также мебель, например, в 1914 году было куплено 18 табуретов на общую сумму 189 рублей 57 копеек. В 1909 году для сапожного класса были приобретены варь, щетина, воск, дратва на сумму 6 рублей 6 копеек, а для женского рукодельного класса — ситец, ткань, бежь, коленкор, желтая бумага, чернила, галантерейные товары на сумму 13 рублей 02 копейки. Также в 1909 году была приобретена чайная посуда, чай, сахар, белый хлеб, известь, висячие замки, метла, мочальные щетки и пр. на сумму 95 рублей 19 копеек.

Остаток средств на 1 января 1911 года в кассе Городской управы составлял 62 100 в процентных бумагах и 2118 рублей 99 копеек наличными деньгами. В 1911 году был произведен ремонт ремесленных классов: заасфальтированы тротуары около дома ремесленных классов, исправлены оконные рамы и двери в доме, устроен ватерклозет в подвальном этаже здания, перестелены полы, закуплен лесной материал на сумму 340 рублей 27 копеек [Отчет ..., 1912, с. 47]. В 1911 году на содержание ремесленных классов было израсходовано 2930 рублей [Отчет ..., 1912, с. 69], в 1912 году — 3808 рублей 80 копеек [Отчет ..., 1913, с. 75].

В 1913 году с капитала И. М. Рукавишников на расходы по обучению ремеслам и рукоделию, а также на общежитие мальчиков сапожного отделения поступило 1000 рублей наличными деньгами за тиражные облигации, 2495 рублей получено процентов с капитала, 1000 рублей — процентными бумагами. На содержание ремесленных отделений 805 рублей наличными деньгами было ассигновано Городской управой, 1290 рублей — Министерством народного просвещения, 123 рубля получены от продажи ученических работ женского рукодельного класса. Всего же на содержание ремесленных классов пошло 4328 рублей 30 копеек [Отчет ..., 1914, с. 64—65]. В 1913 году в смете были заложены следующие расходы:

на мужское сапожное отделение — 1600 рублей, на женское рукодельное отделение — 1700 рублей [Отчет ..., 1913, с. 82—83].

Таблица 4

Жалование служащим и обслуживание дома (рубли) (смета)

	Женское рукодельное отделение	Мужское сапожное отделение
Заведующий отделением	150	100
Преподавательница рукоделия Учитель-мастер	400	400
Преподавательница русского языка и арифметики (4 урока в неделю в женском отделении и 2 урока в мужском)	300	200
Законоучителю (1 урок в неделю)	50	50
Учебные пособия Материалы	50	100
Сторож	170	170
Отопление	250	250
Освещение, очистка, страхование и прочие расходы по дому	250	250
Текущий ремонт	80	80

Для ремесленных классов ежегодно покупались материалы и учебные пособия. Так, в 1905 году для класса рукоделия были куплены учебно-воспитательные пособия (14 рублей 33 копейки), специальные тюлевые занавески, разные ткани и тюль (44 рубля 15 копеек) [Отчет ..., 1906, с. 39]. Также в отчетах представлены подробный перечень выполненных ученицами изделий, стоимость купленных для работы материалов, наименование работ и оценка стоимости изготовленных вещей, а также стоимость проданных готовых вещей. Так, в 1906 году в классе рукоделия было выполнено следующее количество заказов: 5 дамских платьев, 11 дамских кофточек, 1 дамский лифчик, 4 сорочки, 4 дамских лифа, 4 детских платья, 4 детских фартука, 1 дамский капот, 1 детский корсет, 1 дамский матене, 2 детские кофточки, 2 дамские ночные кофты, 1 дамская нижняя юбка, 1 дамские панталоны, 18 детских рубашек, 11 детских панталон, 2 мужские рубашки, 3 мужских кальсон, 2 накидки на подушки, 7 наволочек на подушки, 2 салфетки столовые, 1 чепчик, 2 женские ночные рубашки. Всего на закупку материала и ниток было истрчено 56 рублей 35 копеек. Общая стоимость вещей составила 56 рублей 38 копеек. Часть вещей была продана в течение года. Всего прибыль от проданных вещей за 1906 год составила 37 рублей 38 копеек [Отчет, 1908, с. 41].

Для преподавания общеобразовательных предметов покупались учебно-методические пособия. В 1907 году для класса рукоделия было приобретено 100 штук тетрадей, 4 книги Альчевской и 4 книги Некрасова с переплетом, 1 книга «Смирновский диктант» [Смирновский, 1881—1890, с. 154], перья, ручки, географическая карта — всего на сумму 18 рублей 09 копеек [Отчет ..., 1907, с. 9—12]. В 1908 году было закуплено для рукодельного класса 232 аршина тканей на сумму 55 рублей 82 копейки. Сшито 80 различных предметов одежды, из них продано 39 вещей на сумму 25 рублей 76 копеек, осталась непроданной 41 вещь на сумму 53 рубля 84 копейки. Из кассы Нижегородской городской управы по смете на рукодельный класс поступило 26 рублей, на 1 января 1908 года от продажи ученических работ оставалось 06 рублей 06 копеек, итого денежных средств на нужды учениц пришлось 57 рублей 82 копейки. На тетради, ручки, перья и книги для класса рукоделия в 1908 году потрачено 08 рублей 46 копеек.

В 1914 году всего на пошив одежды было куплено 414 $\frac{3}{4}$ аршин тканей на сумму 135 рублей 82 копейки, сшито 137 предметов одежды, стоимость проданных вещей составила 120 рублей 87 копеек [Отчет, 1916, с. 44]. В 1914 году было сшито из ситца 11 платьев, 15 кофточек, 1 капот, 3 сорочки; из полотна — 2 кофточки; из нансуни — 2 сорочки; из гаруси — 2 юбки; из фуляра — 6 платьев, 4 кофточки; из коленкора — 3 сорочки, 2 лифчика; из сагина — 3 капота, 4 кофточки; из ткани — 5 платьев, 6 кофточек; из шерсти — 4 платья, 6 юбок, 2 кофточки; из ватины — 6 шляп, 1 капор; из шелка — 4 шляпы; из пике — 2 кофточки; из бумазеи — 2 матене, 1 кофточка, 1 платье [Отчет ..., 1916, с. 43—44]. Таким образом, вещи шились из шерсти, ситца, коленкора, кути, сарпинки, батиста, бумазеи, прикладных тканей, муара, кружева, корсетной материи. Значительная часть вещей продавалась по цене немного выше себестоимости, видимо, с целью материальной поддержки ремесленных классов. Таким образом, рукодельный класс своей работой покрывал часть расходов на закупку тканей и ниток, жалование заведующей и преподавателям, а также транспорт.

Класс рукоделия обеспечивался всем необходимым оборудованием. Например, всего для класса рукоделия в 1906 году закупили 2 утюга, 1 манекен, 10 чернильниц, 25 линейек, 24 сантиметра, 5 штук ножниц, 1 большие ножницы, 1 малые ножницы, 12 резцов, 1 перочинный нож, 25 краше-ных табуреток, ножную швейную машину «Имврудь» и швейную машину с качающимся челноком «Вейбретинг Шетль», 5 рукодельных столов, 1 классную доску, 1 шкаф для принадлежностей, 2 гладильные доски, 1 учительский стол на сумму 208 рублей 59 копеек [Отчет ..., 1907, с. 78]. Материалов для шитья (различных тканей, чернил, бумаги для выкройки) было куплено на 35 рублей 62 копейки. Были выделены средства для обо-

рудования класса рукоделия и женской мастерской мебелью (47 рублей 45 копеек). В течение 1908 года на покупку материалов, необходимых для практических работ, было потрачено 52 рубля 82 копейки, итого на 1 января 1909 года оставалось 5 рублей [Отчет ..., 1909, с. 15]. В 1912 году от продажи ученических работ женского ремесленного отделения было получено 90 рублей [Отчет ..., 1913, с. 72]. В 1910 году учебных материалов для класса рукоделия было куплено на сумму 65 рублей 66 копеек (канцтовары, ситец, коленкор, трико, муслин, шерсть, бумага) [Отчет ..., 1911, с. 69]. В том числе был куплен модный журнал, то есть девочек знакомили с модными тенденциями. В 1914 году от Городской управы на покупку материалов для практических работ было получено 135 рублей 82 копейки, а выручено от продажи ученических работ 120 рублей (всего 255 рублей 82 копейки). Все средства из Городской управы были израсходованы по назначению, а 120 рублей было сдано в кассу Вдовьего Дома на содержание ремесленных отделений [Отчет ..., 1916, с. 44].

В 1906 году был проведен первый экзамен по рукоделию, а для учениц, окончивших ремесленный класс, была открыта ремесленная мастерская дамских нарядов. Она предоставляла бывшим ученицам возможность совершенствовать навыки и зарабатывать средства к существованию. В ней мастерицы и подмастерицы работали под руководством заведующей мастерской Павлы Андреевны Гусевой, исполняли заказы на дамские наряды. Работницы мастерской получали заработную плату. В 1912 году в мастерской работало 10 человек, остальные либо вышли замуж, либо устроились в частные мастерские и дома. По деятельности швейной мастерской составлялся отдельный отчет.

В 1909 году заведующей ремесленного рукодельного класса П. А. Гусевой было выдано 26 рублей для угощения беднейших учениц класса утренним чаем [Отчет ..., 1910, с. 13]. В 1911 году с этой же целью было выделено 50 рублей [Отчет ..., 1912, с. 11, 15], в 1912 году — 55 рублей [Отчет ..., 1913, с. 15], в 1913 году — 55 рублей [Отчет ..., 1914, с. 11—12], в 1914 году — 45 рублей [Отчет ..., 1916, с. 15]. В 1913 году на покупку белого хлеба к чаю ученицам рукодельного класса было пожертвовано 100 рублей В. М. Бурмистровой, из пожертвованных ранее оставалось 80 рублей в запасе. В 1914 году В. М. Бурмистрова на эти же цели пожертвовала 125 рублей. Белом хлебом во время утреннего чая стали кормить не только учениц рукодельного класса, но и работниц швейной мастерской. В 1909 году стали выделяться деньги не только на класс рукоделия, но и на ремесленный класс по сапожному делу. Так, в 1909 году из кассы Комитета Вдовьего дома на содержание ремесленных классов было израсходовано 60 рублей [Отчет ..., 1910, с. 57]. В 1910 году ученикам сапожного класса тоже выделялся допол-

нительно белый хлеб, чай и сахар, на эти цели на счете Боброва находилась сумма в размере 241 рубль 79 копеек [Отчет ..., 1911, с. 11], в 1911 году — 152 рубля 50 копеек [Отчет ..., 1912, с. 17]. С 1913 года ремесленный класс был преобразован в ремесленное отделение.

5 марта 1915 года, в день десятилетия открытия женского ремесленного класса, в присутствии преподавателей и учащихся был отслужен благодарственный молебен. С 1905 по 1912 годы в рукодельном классе окончили курс и держали экзамен 55 учениц, из которых удостоились звания мастериц 44 человека и звания подмастериц — 11 человек [Отчет ..., 1913, с. 48]. Для проведения экзамена от Нижегородской ремесленной управы была командирована женщина-эксперт. Со времени первого экзамена к 1915 году звание мастериц получили 68 учениц и подмастериц — 19 учениц [Отчет ..., 1916, с. 40].

Попечители отслеживали дальнейшую судьбу своих призреваемых. Так, в 1914 году было выяснено, что из 87 человек, окончивших ремесленный класс, 19 человек вышли замуж и работали для своих семей, 18 человек трудились в домах поденно и зарабатывали до 1 рубля в день. 15 человек находились в магазинах и зарабатывали от 10 до 20 рублей в месяц, 20 человек — в мастерской при ремесленном отделении Вдовьего дома и зарабатывали до 20 рублей в месяц на мастерицу (кроме каникулярного времени). Доход мастериц зависел от способности и прилежания работающих, но большинство из них жили именно этим трудом и помогали своим семьям. В 1914 году было уплачено дополнительное жалование двум рукодельницам за июнь и июль в размере 90 рублей [Отчет ..., 1915, с. 31]. Таким образом, наличие ремесленных отделений давало детям в будущем возможность обеспечивать себя и свои семьи.

3.2. Образовательная и производственная деятельность мужского сапожного класса

Программа учебного курса в ремесленном отделении по сапожному мастерству также включала в себя общеобразовательные предметы (Закон Божий, русский язык и арифметика — по 1 часу в неделю) и краткие сведения по технологии кожи. Например, на уроках по арифметике мальчикам давали понятия о простых дробях и простейших арифметических действиях с ними.

Сведения по технологии кожи включали в себя: общее понятие о коже, строение кожи, промышленное деление по качествам частей кожи, качества выделанной кожи, различие выделанных кож по внешнему виду, способность кожи впитывать жир и воду, внутреннее строение выделанной кожи, пороки кожи, признаки продубки (пропитать кожу дубом, отваром дубового корья) и не продубки кожи, гнилость кожи, признаки и недостат-

ки конины, порядок определения качества кожи (раскройка яловых кож на сапожный товар), шагрень (мягкая шероховатая кожа с характерным рисунком) из ялового (бычьего или коровьего) и коневого лоскута, гамбургский товар (сорт кожи, выделанной из крестца (хаза) лошадиной шкуры красnodубным способом).

Программа практических работ первого и второго года обучения содержала большое количество профессионализмов и предполагала следующее: «Спускание конца на руке в известное число ниток, делание присучек (подготовка вкручивания щетинок), наваривание конца, вкручивание щетинки, тачка без прошвы, обглаживание шва, строчка проваренным концом, строчка цветным концом провощенным, строчка цветным концом для рантовой работы. Прилаживание и пришивание заплат снутри и снаружи. Вбивание гвоздей. Окраска и подбивание набойки и подметки. Проглаживание подошвы. Снятие мездры с подошвы. Шерфование задника (это процесс истончения и срезания слоя кожи при изготовлении обуви). Срезывание гвоздей внутри обуви. Шерфование тонкой кожи. Вшивание стельки у затянутой обуви. Машинный шов (строчка на лоскутах). Вырезывание подклейки и вставление ушков к сапогу. Подклеивание. Наводка линий для строчки подклейки. Строчка подклеек к сапогу. Строчка задников. Наводка линий для задников. Накладывание и обрезка стельки на колодку. Разные виды задников. Вставление задников. Затяжка обуви. Геленок лубочный, кожаный и стальной. Простилка. Накладывание и обрезание подошвы. Наведение линий для вбивания гвоздей. Кранец к каблуку и подошве. Набойка. Уставление уреза: ножом, стеклом, шкуркой, холодным урезником после окраски. Полировка обуви горячим способом» [Отчет ..., 1913, с. 80].

На третьем году обучения мальчики начинали снимать мерки и подбирать колодки, прикреплять пуговицы, вставлять крючки и блочки. Ученики изготавливали штиблеты на шнурках, резине и пуговицах, домашние мужские туфли, детские башмаки с ушками, дамские ботинки на шнурках, на резине, на пуговицах, дамские туфли, штиблеты с носочком, разные виды носочков, внутренний носочек, ботинки с носочком, передней союзкой, штиблеты с круглой союзкой с задним ремнем, полуботинки на шнурках, с клапаном, туфли мужские американской системы, прикроенные сапоги с икрами, туфли выворотные, рантовая обувь (с глухим рантом, с открытым рантом и с открытым цветным рантом). Рант в сапогах — подошва с ременной каймой, для большей прочности.

Сапожная мастерская была открыта с 7 января 1909 года в составе 11 мальчиков из числа детей женщин, живущих во Вдовьем доме. Первое время обучались подготовительным приемам с инструментами для изготовления обуви, затем производилась починка старой обуви и обшивка

валяных сапог. По истечении первых трех месяцев, кроме починки и заплат, мальчики практиковались на «обсоюзовании обуви», подметках, набойках и других мелких работах. Сапожному мастеру было предложено принимать всякую доступную для первого года обучения сапожную работу, которая производилась бесплатно, взимали только стоимость материалов, использованных для починки. Заказчикам работы было предложено приносить свой материал, из которого работа производилась бесплатно. Обязательным условием для приема заказов было не принимать работы на оговоренный срок, а выполнять ее в учебные часы и тщательно, с учетом того, что работа выполнялась учениками первого года. Строго запрещено было ученикам принимать работу без ведома учителя и тем более за плату, даже самую незначительную. В течение года силами мастерской выполнялись различные виды работ по починке кожаной и валяной обуви: заплаты, подшивка, союзка, набойки, подметки и пр. Таким образом, 200 заказов было выполнено бесплатно из принесенного материала. 180 заказов было выполнено из материалов, купленных мастерской (помимо ремонта, были изготовлены 3 пары головок и 1 пара новых штиблет). На оборотные средства мастерской для работы было куплено разных материалов в течение 1909 года на сумму 95 рублей 29 копеек [Отчет ..., 1910, с. 42]. С заказчиков получено 87 рублей, а остальные 8 рублей 29 копеек были израсходованы на всякие мелочи: варь, щетину и порчу материалов при обучении мальчиков. К концу 1909 года в мастерской обучался 21 мальчик, 19 из них были из семейств, живущих во Вдовьем доме, и 2 из семейств, выбывших из него. Ученики из числа детей вдов, находившихся во Вдовьем доме, в возрасте старше 14 лет, не имевшие права проживать в заведении с семьями своих матерей, спали в общежитии, где у них была кровать, стол и одежда. Наблюдение за общежитием было возложено на заведующую ремесленными отделениями при Вдовьем доме П. А. Гусеву и учителя сапожного ремесла П. П. Волкова. Общежитие обеспечивалось всем необходимым. Так, в 1909 году 12 мальчиков, по возрасту уже не имеющих права проживать во Вдовьем доме, вместе со своими семьями переселились в общежитие, открытое при ремесленном училище Вдовьего дома, для постоянного проживания в нем под наблюдением учителя — мастера по сапожному делу.

В 1910 году сапожному мастерству обучалось 24 ученика, из них 2 по 17 лет, 2 по 16 лет, 4 по 15 лет, 6 по 14 лет, 5 по 13 лет, 4 по 12 лет. Четырнадцать учеников с 14 лет жили в общежитии при ремесленной мастерской; один 14-летний жил на частной квартире в городе и девять учеников 12-ти и 13-ти лет жили при матерях во Вдовьем доме. 21 ученик принадлежал к семьям, жившим во Вдовьем доме, и 3 ученика — к семьям, уже покинувшим это благотворительное заведение. Ученики первого года обу-

чения традиционно практиковались на починке обуви, а второго года — исполняли более сложную работу по ремонту и изготовлению обуви. В течение 1910 года было выполнено 25 заказов от разных лиц на новую обувь (сапоги, штиблеты, туфли, башмаки) и, кроме этого, сделано 14 пар новых детских сапог для учеников своего общежития. Починка и изготовление новой обуви производились бесплатно, так как главной целью деятельности было дать возможность ученикам практиковаться на работах без установки срока выполнения заказа. Неизбежными были порча материала и переделывание работы. В 1911 году было решено взимать небольшую плату за работу ввиду того, что некоторые ученики мастерской уже могли под руководством учителя изготавливать новую обувь. Заказы поступали регулярно, особенно на починку обуви, от семей, проживавших во Вдовьем доме. Наиболее успешно осваивавших сапожное мастерство учеников была примерно треть от общего количества. Всего в течение 1910 года было выполнено 260 заказов на починку обуви бесплатно из принесенных материалов. Был выполнен 421 платный заказ (25 новой обуви, 241 подметка и головка, 155 мелкой починки), за что получено 340 рублей 75 копеек. Для этих работ было куплено материала на 349 рублей 79 копеек. Были еще мелкие расходы со счета сметы по мастерской на сумму 09 рублей 45 копеек. Перерасход за материалы в сумме 18 рублей 49 копеек пошел на бесплатные работы для учеников мастерской и на обрезку и порчу материала по обучению учеников младшего возраста [Отчет ..., 1911, с. 61]. Попечители пришли к выводу, что цель сапожной мастерской по обучению мальчиков из семей, живущих во Вдовьем доме, обувному ремеслу вполне достижима. За четыре года обучения можно было подготовить самостоятельных мастеров сапожного ремесла и тем самым дать в будущем мальчикам средства к существованию.

В 1912 году в мужской сапожной мастерской обучался 21 ученик, все из семей вдов, живущих во Вдовьем доме. В мае 1912 года был сделан первый выпуск окончивших курс занятий по сапожному ремеслу. Из Ремесленной управы по просьбе комитета Вдовьего дома на экзамен были командированы два эксперта по сапожному мастерству. В результате проведенного испытания 5 учеников — А. П. Гайдуков, А. Ф. Кокин, А. И. Вавилов, А. П. Сюсюков, А. И. Щукин — были признаны достойными звания подмастерья, о чем были выданы им соответствующие удостоверения. Эти ученики поступили на службу в частные городские мастерские. К 1 января 1913 года в мастерской обучались 16 человек: 1 — 20 лет, 4 — 17 лет, 3 — 16 лет, 3 — 15 лет, 2 — 14 лет, 3 — 13 лет. Из них 12 учеников в возрасте 14 лет и старше проживали в общежитии при ремесленных классах, пользовались квартирой, одеждой и утренним и вечерним чаем с белым хле-

бом. Полного пищевого довольствия из-за недостатка средств в 1912 году не отпускалось, и ученики общежития обед и ужин получали у своих матерей во Вдовьем доме. В 1912 году, помимо традиционных заказов по починке и изготовлению обуви, учителю-мастеру было предложено сделать несколько пар детской новой обуви на продажу, что и было выполнено, обувь была продана за стоимость материала. В течение 1912 года было 404 платных заказа, из которых сделано 98 пар разной новой обуви (сапоги, штиблеты, башмаки, туфли и головки), а остальные заказы были на починку обуви. В 1912 году впервые сапожной мастерской был предложен большой заказ на обувь для воспитанников и воспитанниц Городского Кутайсовского приюта, но полностью он выполнен не был, так как не хватило учеников. Было сделано несколько пар детских сапог и принят заказ на детские башмаки. Кроме платных заказов, ученики выполняли много бесплатной работы: починка обуви (250 заказов) и изготовление новой для семей учеников сапожной мастерской. Общий денежный оборот по частным заказам в мастерской за 1912 год выразился в следующих цифрах: приход за работу и материал — 592 рубля 05 копеек, расход на покупку материалов — 591 рубль 67 копеек [Отчет, 1913, с. 59]. Осталось денежных средств 38 копеек. Учителем сапожного мастерства со дня открытия мастерской являлся Петр Павлович Волков.

В 1914 году в сапожном ремесленном отделении было 18 человек, 13 из которых жили в общежитии. В 1914 году в процессе обучения особое внимание уделялось изготовлению новой обуви. Под руководством учителя П. П. Волкова было изготовлено и сдано в Городской Кутайсовский приют 56 пар башмаков, а для солдат, по заказам через Городскую Управу, — 22 пары сапог. По частным заказам сделано новой обуви 14 пар сапог. Кроме этого, выполнено разной починки платной обуви по 183 заказам и бесплатной по 240 заказам, а также сделано 15 пар сапог для учеников своего общежития [Отчет ..., 1916, с. 49]. Вновь поступавшие ученики сначала практиковались на заплатках, делали концы для строчки и подшивку валяной обуви. Затем переходили к более сложным работам: клали подметки на сапоги, делали легкие туфли, разного рода и вида набойки на обувь, головки и, наконец, новую обувь. Кроме занятий по ремеслу, согласно программе, при сапожном отделении преподавались краткие сведения о технологиях обработки кожи и ее свойствах.

Общежитие было организовано на 15 человек для мальчиков старше 14 лет. Так как средств, выделяемых на общежитие, было немного, мальчикам предоставлялась квартира с оборудованием кроватей со всеми постельными принадлежностями и постельным бельем. Также для проживающих в общежитии были сшиты верхнее платье и обувь. В 1910 году для обще-

жития было приобретено 12 чайных чашек и 2 чайника, кожа для 14 пар кожаных сапог, 14 фуражек, 30 аршин ситца для наволочек на подушки; сшито 28 блуз и 14 брюк; выплачено извозчику за провоз материалов от Бурмистровых и 31 рубль 98 копеек портному Котову за шитье 14 пар тужурок для учеников, живущих в общежитии (всего на сумму 128 рублей 1 копейка) [Отчет ..., 1911, с. 67]. В 1914 году для общежития были куплены на общую сумму 686 рублей 86 копеек тарелки, кружки и чайные чашки, 2 фаянсовые миски, 10 фунтов муки, продукты (рыба, масло, икра, лук, лавровый лист, соль, перец, мясо, сало, картофель, капуста, сливочное масло, лук, рыба, яйца, молоко, грибы, мука, крупа, пшено, горох и пр.), чугуны, 13 штук шапок, одежда (на заказ сшиты 15 блуз, 15 шароваров, 15 пар тужурок и брюк), нитки и тесьма к белью, пуговицы. Для пошива одежды были приобретены у 1-го Мануфактурного товарищества следующие ткани: мильтон, молескин и бязь. Товары, как правило, приобретались у товариществ купцов-попечителей (Бугрова — продукты, Бурмистровых — мануфактурный товар для блуз, шароваров, фартуков и нижнего белья, Смирнова — 18 пар валяных сапог, Зверева — коженый товар для 15 пар новых сапог и 15 пар союзок и подметок) [Отчет ..., 1916, с. 57—59]. Также помещение регулярно ремонтировали, например, в 1914 году было куплено 14 листов оконного стекла. Мастерская и спальни ежегодно дезинфицировались, велась борьба с клопами (использовался клоповар — жестяной прибор с носиком как у чайника или лейки для выварки клопов паром), для чего нанималось Дезинфекционное бюро. У типографии «Труд» покупались книги. На эти разные расходы в 1914 году было потрачено 13 рублей 70 копеек.

В 1914 году денежный оборот по частным заказам сапожного отделения составил следующие суммы: по приходу — 636 рублей 15 копеек, по расходу на покупку материалов — 631 рубль 13 копеек. Итого остаток насчитывал 4 рубля 2 копейки. Конечно, остаток от оборота был очень небольшой, но нужно иметь в виду, что в ремесленном отделении работали ученики, то есть они обучались в процессе работы, поэтому частыми были случаи порчи материалов. Кроме того, часть купленного материала тратилась на починку обуви учеников и другие потребности школы, приобретение колодок, которые оставались в школе. Также плата за новую обувь и починку старой бралась умеренная, так как не всегда соблюдались сроки изготовления заказов. К тому же работы младших учеников иногда не отличались высоким качеством.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, функционирование ремесленных отделений и строительство здания под училище и общежитие при Вдовьем доме Нижнего

Новгорода в начале XX века являются яркими примерами использования неприкосновенных капиталов в благотворительности. Дети вдов, проживавших в заведении, обеспечивались не только жильем, одеждой и питанием, но и получали начальное и профессиональное образование, а также осваивали ремесленные навыки, что обеспечивало им дальнейшую самостоятельность и возможность содержать семью. К тому же мальчики, достигавшие возраста, не позволявшего проживать с матерями, могли оставаться во Вдовьем доме в общежитии как ученики сапожной мастерской. Девочки имели возможность после получения звания мастериц и подмастериц работать в швейной мастерской при Вдовьем доме и получать заработную плату. Таким образом, эти ремесленные классы сыграли важную роль в судьбе детей призреваемых Вдовьего дома, ранее доставлявших много хлопот окрестным жителям: дети «озорничали, хулиганили, обирали сады и огороды, короче говоря, “отбивались от рук”. Получив в приютских мастерских специальность, мальчики с 15 лет уходили “в люди”, то есть в самостоятельную жизнь. А девочки оставались с матерями до замужества. Кстати, из фонда приюта им выплачивалось приданое» [Седов, 2007, с. 41]. С 15 лет юноши могли работать на предприятиях Бугровых или, получив выходное пособие, искать работу на стороне.

Можно согласиться с утверждением, что купцы, «получив определенный достаток как знак благоволения Божия за свои труды, стремились улучшить жизнь своих ближних — представителей беднейших слоев общества, а также всех горожан, невзирая на сословные различия» [Монич, 2020, с. 39]. Таким образом, Вдовый дом с училищем являет собой образец масштабной и хорошо организованной благотворительности, не имевшей аналогов даже в столичных городах.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1905 г. — Нижний Новгород : Типография С. Петрова, 1906. — 49 с.
2. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1906 г. — Нижний Новгород : Типография С. Петрова, 1907. — 81 с.
3. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1908 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой, 1909. — 47 с.
4. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1909 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой, 1910. — 62 с.

5. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1910 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой, 1911. — 73 с.
6. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1911 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой, 1912. — 69 с.
7. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1912 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой, 1913. — 83 с.
8. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1913 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой, 1914. — 65 с.
9. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1914 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой, 1916. — 63 с.
10. *Отчет* по постройке ремесленного училища при Вдовьем доме имени Блиновых и Бугровых в Нижнем Новгороде в 1907 и 1908 годах. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой, 1909. — 15 с.
11. *Смирновский П. В.* (1846—1904) Курсы систематического диктанта : для мл. классов сред. учеб. заведений / сост. П. В. Смирновский. — Санкт-Петербург : Тип. Глазунова, 1881—1890. — 154 с.

Литература

1. *Акимова Т. И.* Взаимодействие губернских общественных организаций и власти в последней четверти XIX века (на примере Нижегородской губернии) / Т. И. Акимова // Вестник НГТУ имени Р. Е. Алексеева «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». — 2013. — № 2. — С. 48—60.
2. *Архипова Н. Е.* Деятельность органов городского самоуправления в сфере благотворительности на рубеже XIX—XX веков / Н. Е. Архипова // История, философия, по литические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 3 (41). — С. 22—25.
3. *Бондина С. И.* Санкт-Петербургский Вдовый дом в XIX — начале XX веков / С. И. Бондина // Журнал Общество. Среда. Развитие. — 2013. — № 3 (28). — С. 65—70.
4. *Брэдли Д.* Общественные организации в царской России : наука, патриотизм и гражданское общество : перевод с английского / Д. Брэдли. — Москва : Новый хронограф, 2012. — 448 с. — ISBN 978-5-94881-162-8.
5. *Живое наследие памяти* : коллективная монография / науч. ред. Д. Я. Романова, отв. ред. Ю. А. Закунов. — Москва : Институт Наследия, 2020. — 698 с. — ISBN 978-5-86443-308-9.
6. *Запелалова Е. А.* Благотворительная и просветительская деятельность женщин в Нижегородской губернии во второй половине XIX века / Е. А. Запелалова // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2017. — № 5. — С. 14—17.
7. *Запелалова Е. А.* Благотворительная деятельность женщин в нижегородской губернии в 1870—1890-е гг. / Е. А. Запелалова // Вестник ПСТГУ. Серия 2 : История. История РПЦ. — 2023. — № 112. — С. 61—79. — DOI: 10.15382/sturI2023112.61-79.

8. Зрячева О. А. Благотворительность нижегородских купцов в конце XIX века / О. А. Зрячева // Наш Анабис. — 2007. — № 4—5. — С. 167—171.
9. Иванова О. А. Поддержка детей вдов как одна из форм государственной благотворительности в России в XIX веке / О. А. Иванова // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. — 2016. — № 2. — С. 42—45.
10. Костина Е. М. Благотворительные организации Нижнего Новгорода во второй половине XIX — начале XX века / Е. М. Костина // Наш Анабис. — 2007. — № 4—5. — С. 65—70.
11. Краснов В. В. Благотворительность в купеческом Нижнем / В. В. Краснов. — Нижний Новгород : Кварц, 2019. — 190 с.
12. Краснов В. В. Нижегородская старина : Нижегородская Ходалевская богадельня : История строительства / В. В. Краснов : Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского Вознесенского Печерского мужского монастыря, 2008. — Выпуск 18. — С. 71—79.
13. Макаров И. А. Пароходовладельцы Сироткины / И. А. Макаров // Каждый род знаменит и славен : из истории нижегородского предпринимательства XVII — начала XX в. — Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского Вознесенского Печерского мужского монастыря, 1999. — С. 202—220.
14. Монич И. Л. Благотворительность как власть над капиталом / И. Л. Монич // Дамаскин : студенческий православный журнал Нижегородской духовной семинарии. — 2020. — № 1 (51). — С. 32—39.
15. Нижний Новгород. Историческое и культурное наследие / Авторы — составители : Б. С. Извеков. А. В. Кессель. — Нижний Новгород : РИ «Бегемот», 2013. — 384 с.
16. Пудалов Б. М. Из истории благотворительности в Нижегородской губернии в период XIX — начало XX вв. (по материалам Центрального архива Нижегородской области) [Электронный ресурс] / Б. М. Пудалов. — Режим доступа : <http://www.old.zsno.ru/gu/obl/16012/16026/> (дата обращения 21.03.2025).
17. Седов А. В. Кержаки : история трех поколений купцов Бугровых / А. В. Седов. — Нижний Новгород : НОВО, 2010. — 212, [3] с. — ISBN 978-5-9901402-2-6.
18. Селезнев Ф. А. Общественная жизнь после великих реформ / Ф. А. Селезнев // Славное прошлое Нижегородской земли. — Нижний Новгород : Деком, 2013. — С. 199—205.
19. Тиховодова А. В. Деятельность благотворительных обществ и заведений в Нижегородской губернии во второй половине XIX — начале XX веков / А. В. Тиховодова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 486—511.
20. Тиховодова А. В. Нижегородский городской Вдовый дом в конце XIX — начале XX века : деятельность в области образования и здравоохранения / А. В. Тиховодова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 506—524. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-506-524.
21. Тиховодова А. В. Общественные организации Нижегородской губернии во второй половине XIX — начале XX в. И их вклад в разрешение социальных проблем / А. В. Тиховодова // Вестник Омского университета. Серия : Исторические науки. — 2022. — Т. 9. — № 2 (34). — С. 72—86. — DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(2).72-86.
22. Ульянова Г. Н. Капиталы на пособия бедным невестам в благотворительной практике XIX — начала XX века : бюрократическая матрица и религиозные воззрения / Г. Н. Ульянова // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — 2020. — № 30. — С. 134—136.

23. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи : XIX — нач. XX в. : монография / Г. Н. Ульянова. — Москва : Наука, 2005. — 402 с. — ISBN 5-02-033509-6.

Статья поступила в редакцию 01.02.2025,
одобрена после рецензирования 08.04.2025,
подготовлена к публикации 25.05.2025.

Material resources

- Report of the Nizhny Novgorod City Public Named Blinov and Bugrovy Widow's House for 1905.* (1906). Nizhny Novgorod: S. Petrov Printing House. 49 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod city Public Named Blinov and Bugrovy Widow's House for 1906.* (1907). Nizhny Novgorod: S. Petrov Printing House. 81 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod city public named Blinov and Bugrovy Widow's House for 1908.* (1909). Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 47 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod city public named Blinov and Bugrovy Widow's House for 1909.* (1910). Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 62 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod city public named Blinov and Bugrovy Widow's House for 1910.* (1911). Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 73 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod city public named Blinov and Bugrovy Widow's House for 1911.* (1912). Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 69 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod city public named Blinov and Bugrovy Widow's House for 1912.* (1913). Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 83 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod city public named Blinov and Bugrovy Widow's House for 1913.* (1914). Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 65 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod city public named Blinov and Bugrovy Widow's House for 1914.* (1916). Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 63 p. (In Russ.).
- Report on the construction of a vocational school at the Blinov and Bugrov Widow's House in Nizhny Novgorod in 1907 and 1908.* (1909). Nizhny Novgorod: Printing House of K. M. Filippova. 15 p. (In Russ.).
- Smirnovsky, P. V. (1846—1904) Courses of systematic dictation: for junior classes of the environment. studies. Institutions.* (1881—1890). Saint Petersburg: Glazunov Publishing House. 154 p. (In Russ.).

References

- Akimova, T. I. (2013). Interaction of provincial public organizations and authorities in the last quarter of the 19th century (on the example of Nizhny Novgorod province). *Bulletin of the R. E. Alekseev NSTU "Management in social systems. Communication technologies"*, 2: 48—60. (In Russ.).
- Arkipova, N. E. (2014). Activity of city self-government bodies in the field of charity at the turn of the XIX—XX centuries. *History, philosophy, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 3 (41): 22—25. (In Russ.).
- Bondina, S. I. (2013). The St. Petersburg Widow's House in the XIX — early XX centuries. *Society Magazine. Wednesday. Development*, 3 (28): 65—70. (In Russ.).
- Bradley, D. (2012). *Public organizations in Tsarist Russia: science, patriotism and civil society: translated from English.* Moscow: Novy Chronograph. 448 p. ISBN 978-5-94881-162-8. (In Russ.).

- Ivanova, O. A. (2016). Support for widow's children as one of the forms of state charity in Russia in the 19th century. *Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 2: 42—45. (In Russ.).
- Kostina, E. M. (2007). Charitable organizations of Nizhny Novgorod in the second half of the XIX — early XX century. *Our Anabisi*, 4—5: 65—70. (In Russ.).
- Krasnov, V. V. (2008). *Nizhny Novgorod antiquity: Nizhny Novgorod Khodalevskaya almshouse: A history of construction*, 18. Nizhny Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod Voznesensky Pechersk Monastery. 71—79. (In Russ.).
- Krasnov, V. V. (2019). *Charity in merchant Nizhny Novgorod*. Nizhny Novgorod: Quartz. 190 p. (In Russ.).
- Makarov, I. A. (1999). *The Sirotkin steamship owners. In: Every family is famous and glorious: from the history of Nizhny Novgorod entrepreneurship of the 17th — early 20th century*. Nizhny Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod Voznesensky Pechersk Monastery. 202—220. (In Russ.).
- Monich, I. L. (2020). Charity as power over capital. *Damaskin: Student Orthodox journal of Nizhny Novgorod Theological Seminary*, 1 (51): 32—39. (In Russ.).
- Nizhny Novgorod. (2013). *Historical and cultural heritage*. Nizhny Novgorod: RI “Behemoth”. 384 p. (In Russ.).
- Pudalov, B. M. *From the history of charity in Nizhny Novgorod province in the period of the XIX — early XX centuries. (based on the materials of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region)*. Available at: <http://www.old.zsno.ru/obl/16012/16026/> (accessed 21.03.2025). (In Russ.).
- Sedov, A. V. (2010). *Kerzhaki: the story of three generations of Bugrov merchants*. Nizhny Novgorod: NOVO. 212, [3] p. ISBN 978-5-9901402-2-6. (In Russ.).
- Seleznev, F. A. (2013). Social life after the great reforms. In: *The glorious past of the Nizhny Novgorod land*. Nizhny Novgorod: Decom. 199—205. (In Russ.).
- Tikhovodova, A. V. (2021). Activities of Charitable Societies and Institutions in Nizhny Novgorod Province in Second Half of XIX — early XX Century. *Nauchnyi dialog*, 9: 486—511. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-486-511. (In Russ.).
- Tikhovodova, A. V. (2022). Public organizations of Nizhny Novgorod province in the second half of the 19th — early 20th century. And their contribution to solving social problems. *Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences*, 9 / 2 (34): 72—86. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(2). (In Russ.).
- Tikhovodova, A. V. (2023). Nizhny Novgorod City Widow's Home at End of 19th — Early 20th Century: Activities in Education and Healthcare. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 506—524. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-506-524>. (In Russ.).
- Ulyanova, G. N. (2005). *Charity in the Russian Empire: XIX — the beginning, twentieth century: monograph*. Moscow: Nauka Publ. 402 p. ISBN 5-02-033509-6. (In Russ.).
- Ulyanova, G. N. (2020). Funds for benefits to poor brides in the charity practice of the 19th — early 20th century: the bureaucratic matrix and religious views. *Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities*, 30: 134—136. (In Russ.).
- Zakunov, Yu. A. (ed.). (2020). *The living legacy of memory: a collective monograph*. Moscow: Institute of Heritage. 698 p. ISBN 978-5-86443-308-9. (In Russ.).
- Zapevalova, E. A. (2017). Charitable and educational activities of women in Nizhny Novgorod province in the second half of the 19th century. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 5: 14-17. (In Russ.).

Zapevalova, E. A. (2023). Charitable activities of women in the Nizhny Novgorod province in the 1870s and 1890s. *Bulletin of the PSTU. Episode 2: The Story. The History of the Russian Orthodox Church, 112*: 61—79. DOI: 10.15382/sturII2023112.61-79. (In Russ.).

Zryacheva, O. A. (2007). Charity of Nizhny Novgorod merchants at the end of the 19th century. *Our Anabis, 4—5*: 167—171. (In Russ.).

*The article was submitted 01.02.2025;
approved after reviewing 08.04.2025;
accepted for publication 25.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Трут В. П. Истребительные отряды как форма добровольческого движения в период Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области) / В. П. Трут // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 523—540. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-523-540.

Trut, V. P. (2025). Volunteer Assault Units as a Form of Volunteer Movement during Great Patriotic War: A Study of Rostov Region. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 523-540. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-523-540. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Истребительные отряды как форма добровольческого движения в период Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области)

Трут Владимир Петрович
orcid.org/0000-0002-2833-629X
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и культурологии
trut.vladimir@rambler.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-28-01265,
<https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

Volunteer Assault Units as a Form of Volunteer Movement during Great Patriotic War: A Study of Rostov Region

Vladimir P. Trut
orcid.org/0000-0002-2833-629X
Doctor of History, Professor,
Department of History and Culturology
trut.vladimir@rambler.ru

Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01265,
<https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

© Трут В. П., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется вопрос организации и деятельности истребительных отрядов в Ростовской области в период Великой Отечественной войны: нормативная база их создания, специфика формирования и комплектования, уровень обеспечения вооружением и снаряжением, материально-техническое и финансовое снабжение. Вводится в научный оборот ряд архивных документов. Источниковой базой выступили как опубликованные в региональных сборниках документов, так и архивные материалы. Подчеркиваются различия между ополченческими частями и иными добровольческими структурами: у них была разная подчиненность. Сообщается, что сразу после начала войны в соответствии с решениями Советского правительства партийно-советское руководство Ростовской области быстро развернуло масштабную работу по формированию истребительных батальонов во всех городах и районах области. Показано, что в крайне сжатые сроки удалось создать довольно значительное количество данных отрядов, обеспечить их необходимыми кадрами рядового и командного состава, вооружением и снаряжением. Подчеркивается важная роль истребительных отрядов области в поддержании правопорядка, охране важных объектов промышленной и транспортной инфраструктуры в прифронтовой зоне и в оборонительных боях осени 1941 и лета 1942 годов на территории Ростовской области. Отмечается, что личный состав отрядов не был подготовлен к ведению боевых действий непосредственно на линии фронта, однако оказал неоценимую помощь в начальный период войны.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война; Ростовская область; истребительные отряды; добровольцы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the organization and activities of volunteer assault units in the Rostov region during the Great Patriotic War. It discusses the regulatory framework for their establishment, the specifics of their formation and staffing, levels of armament and equipment provision, as well as material, technical, and financial support. A number of archival documents are introduced into scholarly discourse. The source base includes both published regional collections of documents and archival materials identified by the author. The distinctions between militia units and other volunteer structures are highlighted, noting their differing chains of command. It is reported that immediately following the outbreak of war, in accordance with decisions made by the Soviet government, the party and Soviet leadership in the Rostov region swiftly initiated extensive efforts to form assault battalions across all cities and districts of the area. The article demonstrates that a significant number of these units were established in a remarkably short timeframe, with necessary personnel for both rank-and-file and command positions, as well as armament and equipment provided. The critical role of these assault units in maintaining public order, safeguarding vital industrial and transportation infrastructure in the frontline zone, and participating in defensive battles during the autumn of 1941 and summer of 1942 in the Rostov region is emphasized. It is noted that while the personnel of these units were not trained for direct combat on the front lines, they provided invaluable assistance in the initial phase of the war.

Key words:

Great Patriotic War; Rostov Region; volunteer assault units; volunteers.

Истребительные отряды как форма добровольческого движения в период Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области)

© Трут В. П., 2025

1. Введение = Introduction

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз и начала Великой Отечественной войны в стране возникло массовое добровольческое движение. Стали образовываться различные добровольческие формирования. Первыми из них стали истребительные батальоны. Они были должны в случае необходимости противодействовать возможным вражеским десантам, бороться с диверсантами, противодействовать различным уголовным проявлениям. Истребительные батальоны, в отличие от других добровольческих формирований, починявшихся Народному комиссариату обороны, создавались при местных отделах Народного комиссариата внутренних дел СССР и в последующем подчинялись исключительно его органам. Во главе их были кадровые работники данного комиссариата. Более того, — и на данное обстоятельство следует обратить особое внимание, поскольку оно не отражено в литературе, — командиры и многие рядовые бойцы этих иррегулярных добровольческих формирований носили форму НКВД, подчеркивая тем самым и принадлежность данных частей к очень авторитетному в то время ведомству и свой сознательно и исключительно добровольно сделанный ответственный выбор и статус. Еще одной важной отличительной особенностью истребительных отрядов являлось то, что в них добровольно вступали граждане, имевшие официальное освобождение от призыва в армию.

Проблематика деятельности истребительных отрядов в стране в период Великой Отечественной войны рассмотрена в ряде исследований. Данному вопросу, в частности, посвящены солидные работы С. В. Биленко [Биленко, 1988], П. В. Добрава [Добров, 1996], В. Е. Никулиной [Никулина, 2004], С. А. Овчинникова [Овчинников, 2004], В. В. Шолина [Шолин, 2005]. Особого внимания, по нашему мнению, заслуживают вышедшие в 2025 году очень содержательные исследования Т. Д. Медведева [Медведев, 2025] и А. Ю. Безугольного [Безугольный, 2025].

Вопросы формирования и деятельности истребительных отрядов в период войны в Ростовской области вплоть до настоящего времени в историографии специально не рассматривались. Только в отдельных крайне немногочисленных работах, посвященных различным аспектам событий войны, присутствует краткое упоминание о том, что в Ростовской области, как и в других регионах страны, были созданы истребительные отряды. Об этом, в частности, говорится в исследованиях И. С. Маркусенко [Маркусенко, 1977], В. П. Трута [Трут, 2023; Трут, 2024], отдельных коллективных работ, носящих общий характер [Краснознаменный Северо-Кавказский..., 1990]. Практически единственной работой, рассматривающей данный вопрос в масштабе всего Юга России, является статья В. А. Селюнина и Н.В. Селюниной [Селюнин и др., 2006, с. 47—55].

Научная актуальность статьи заключается в том, что вопросы создания и деятельности истребительных батальонов Ростовской области в период войны остаются практически неисследованными. В работе впервые в историографии всесторонне и обстоятельно изучаются поставленные вопросы. Выявлены и охарактеризованы как общие черты формирования и деятельности данных частей по сравнению с аналогичными формированиями в других регионах страны, так и их особенности. Важной представляется характеристика роли и значения истребительных батальонов области во время войны, особенно на ее начальном этапе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой исследования стали различные как опубликованные, так и архивные документы и материалы.

Опубликованные документы по обозначенной проблематике представлены только в некоторых региональных сборниках документов, в частности: «Завещано помнить... Донские архивы 70-летию Великой Победы» [Завещано..., 2015], «И помнит мир, спасенный... Сборник документов архивов Ростовской области» [И помнит..., 2020]. Так, в сборнике [Завещано..., 2015, с. 24] приведены документы о принятых еще в конце июня 1941 года решениях обкома партии о создании истребительных батальонов в области. О роли и значении истребительных батальонов в 1941—1942 годах говорилось в «Отчете Ростовского обкома ВКП (б) к IV областной партийной конференции» 24 января 1945 года [Там же, с. 206—207]. В сборнике [И помнит..., 2020] интерес представляет опубликованный документ — Постановление бюро Ростовского обкома ВКП (б) «О мероприятиях по оснащению истребительных батальонов по борьбе с парашютными десантами и организации служб батальона», в котором детализируется порядок и номенклатура их оснащения

оружием, снаряжением, транспортом и вспомогательными средствами [Там же, с. 46].

Большой корпус документов по обозначенной проблематике находится в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и Государственном архиве Ростовской области (ГАРО). В ЦДНИРО сосредоточено несколько фондов, в которых имеются важные и интересные документы областных партийных органов разного уровня, непосредственно посвященных интересующему нас вопросу. Так, в фонде ф. Р-173 «Ростовский обком ВЛКСМ», например, присутствует неопубликованный вплоть до настоящего времени важный документ: Постановление бюро Ростовского обкома ВЛКСМ «Об участии комсомольских организаций в борьбе против диверсантов, шпионов, парашютных десантов» [ЦДНИРО, ф. 173, оп. 1, д. 527, л. 5]. В данном документе указывается на существенную установку местных властей: «принять деятельное участие в комплектовании истребительных батальонов лучшими, проверенными, смелыми и инициативными комсомольцами» [ЦДНИРО, ф. Р-173, оп. 1, д. 527, л. 5]. Интерес представляет и находящееся в фонде Р-81 «Новочеркасский ГК КПСС, Ростовская область» постановление данного горкома партии о формировании местного городского истребительного батальона. Обращает на себя внимание факт, что его планировалось создать в течение всего одних суток [ЦДНИРО, ф. 173, оп. 1, д. 461, л. 19]. В фонде Р-9 «Ростовский обком ВКП (б)» выявлено важное постановление бюро обкома от 18 июля 1941 года, предписывавшее формирование истребительных отрядов в районах области, содержащее анализ имевшихся проблем в данном вопросе и отмечавшее недопустимость имеющихся случаев включения в их состав железнодорожных работников, поскольку это негативно сказывалось на работе железнодорожного транспорта [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 1, д. 309, л. 20]. Об имевшихся весьма серьезных недостатках по обеспечению истребительных отрядов личным составом, вооружением, транспортом и обучению их членов говорится в находящемся также в данном фонде документе — Постановление бюро Ростовского обкома ВКП (б) и облисполкома «Об истребительных батальонах» от 22 января 1942 года [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 1, д. 324, л. 162—163].

В фондах Ф. 3613 «Ростовская область в годы Великой Отечественной войны» и Ф. 3737 «Исполнительный комитет Ростовского областного Совета депутатов трудящихся» ГАРО содержатся документы по вопросам организации и деятельности истребительных отрядов. Так, немалый интерес представляет принятое в конце июня 1941 года совместное постановление обкома партии и президиума облисполкома о борьбе с возможными неприятельскими десантами. В документе содержится указание на быстрейшее

формирование в городах и районах области истребительных батальонов, устанавливаются их структура и функции, в том числе и по поддержанию порядка на территории области [ГАРО, ф. 3737, оп. 5, д. 37, л. 86—86 об].

Всесторонний и обстоятельный анализ всех источников позволяет раскрыть, проанализировать и охарактеризовать вопрос создания, деятельности и значения областных истребительных отрядов. При подготовке статьи использовались научно-критический анализ, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы исследования. Такой комплексный исследовательский подход позволил охарактеризовать содержание и специфику процессов формирования и деятельности истребительных отрядов в Ростовской области во время войны. Большое внимание при этом было обращено на выявление и анализ общих и специфических содержательных аспектов создания и несения службы местных истребительных отрядов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формирование истребительных батальонов в Ростовской области в начале войны

В отечественной историографии как советского, так и постсоветского периодов при рассмотрении вопроса о создании в области истребительных батальонов ошибочно отмечается, что они якобы образовывались на основе норм постановления Советского правительства «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» от 24 июня 1941 года. Но это неверно. На самом деле данные подразделения в области, как и по всей стране, формировались в соответствии с положениями также вышедшего 24 июня другого постановления СНК СССР «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов».

Также следует отметить, что части, официально называвшиеся *истребительными батальонами*, фактически представляли собой иррегулярные добровольческие формирования, организационная структура и численность которых в каждом отдельном случае могла различаться. По сути дела, *истребительными отрядами* назывались подразделения местной территориальной обороны, численность которых составляла, как правило, всего 100—200 человек, что соответствовало численности армейской роты.

В Ростовской области формирование этих частей началось после принятия совместного постановления бюро обкома партии и президиума облисполкома о борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника на территории области от 25 июня 1941 года. От партийно-советских руководства городов и районов области, согласно данному документу, в течение суток требовалось создать все условия для формирования истреби-

тельных батальонов насчитывавших в своем составе от 100 до 200 человек, «не подлежавших первоочередному призыву в армию» [Завещано ..., 2015, с. 24]. Особо следует отметить, что бойцы данных батальонов несли службу без освобождения от своей профессиональной деятельности по основному месту работы [ГАРО, ф. 3737, оп. 5, д. 37, л. 86 об.]. И буквально сразу же на территории всей области была начата масштабная и целенаправленная деятельность по скорейшей практической реализации положений данного постановления. Уже к середине следующего месяца удалось сформировать 77 таких подразделений. Кроме этого, к каждому истребительному батальону прикреплялась одна или несколько так называемых групп содействия, состоявших также из добровольцев из числа местного населения. Их задачей было наблюдение за воздушной и наземной ситуацией: при обнаружении вражеских десантов или подозрительных лиц следовало немедленно сообщать об этом членам истребительного батальона. В общей сложности в области в очень короткие сроки было организовано более двух тысяч таких групп [Селюнин и др., 2006, с. 48]. Активная работа по формированию данных частей осуществлялась во всех без исключения районах области. Так, в Дубовском районе сразу после выхода 26 июня 1941 года соответствующего постановления местного райкома партии началась организация истребительного батальона численностью в 100 человек, причем одновременно с этим решением на этом же проходившем заседании райкома был утвержден командный состав и даже оперативно представленный список членов данного батальона [ЦДНИРО, ф. Р-40, оп. 1, д. 52, л. 87]. В отдаленных северных Вешенском и Базковском районах области в очень сжатые сроки также были образованы истребительные батальоны, приняты необходимые решения о создании всех необходимых условий для их деятельности. Так, на заседании Вешенского райисполкома оперативно принимаются решения о предоставлении батальону требуемых помещений и об обеспечении регулярного питания его бойцов [Жбанникова, 2012, с. 23].

В то же время обозначились и достаточно существенные проблемы в организации этих батальонов, основной из которых являлась значительная нехватка личного состава. Основная масса мужского населения, имевшего официальное освобождение от призыва в армию, уже вступила добровольцами в армию или в части народного ополчения, напряженно трудилась на производстве или в других важных народнохозяйственных и государственно-управленческих структурах. Численность многих истребительных отрядов была далека от положенной им по штату. В том же Вешенском батальоне она составляла в разные периоды от 50 до 60 человек, а в Базковском — лишь 35 бойцов [Жбанникова, 2012, с. 24].

Немалые трудности имелись с вооружением и снаряжением истребительных батальонов. По утвержденному штату, на вооружении каждого батальона должно было быть два ручных пулемета, трехлинейные винтовки Мосина, ручные гранаты и револьверы или пистолеты у командного состава. Однако ввиду очень значительной нехватки оружия, основная часть которого пошла на обеспечение формировавшихся новых частей армии, истребительные батальоны фактически обеспечивались вооружением по остаточному принципу. Так, ни в одном из этих батальонов не было ручных пулеметов. Существовала острая нехватка даже мосинских трехлинейных винтовок. Поэтому многие бойцы в этих батальонах вооружались так называемыми польскими винтовками. Эти были изготовленные в Польше в довоенное время без официальной лицензии немецкие винтовки системы «Маузер» и некоторая часть переделанных под использование немецких винтовочных патронов калибра 7,92 мм русских трехлинейных винтовок системы Мосина. Все эти польские винтовки были получены в качестве трофея в ходе освободительного похода Красной Армии в сентябре 1939 года в Западную Украину и Западную Белоруссию. Но, поскольку они не были переданы на вооружение нашей армии, их отправили на склады тыловых военных округов [Трут, 2024, с. 504]. Также на вооружении солдат батальонов было небольшое количество гранат РГД-33, а у командиров — револьверы системы «Наган» и пистолеты «ГТ».

В истребительных батальонах предусматривалась организация специальных, постоянно дежуривших групп связи для обеспечения сбора всей оперативной ситуации и поддержания связи с командованием. Но на практике, ввиду нехватки личного состава и невозможности организации постоянного дежурства, во многих батальонах такие очень необходимые подразделения связи созданы так и не были, что являлось существенным недостатком и значительно девальвировало их потенциал как воинской единицы.

Несмотря на чрезвычайные обстоятельства первых месяцев войны, советское руководство решило вопрос финансового довольствия членов истребительных батальонов. Так, в соответствии с принятым 25 июля 1941 года решением Совета Народных Комиссаров СССР «О зарплате и питании бойцов истребительных батальонов» им полагалась заработная плата в размере, соответствующем их прежнему ежемесячному трудовому заработку. Выплачивали ее предприятия и организации, где они работали. При этом данные финансовые выплаты производились из бюджета каждого конкретного региона и конкретного предприятия.

Как видим, буквально сразу после начала войны, в соответствии с решениями Советского правительства, партийно-советское руководство Ростовской области быстро развернуло масштабную работу по форми-

рованию истребительных батальонов во всех городах и районах области. В результате в крайне сжатые сроки удалось создать довольно значительное количество данных отрядов, обеспечить их необходимыми кадрами рядового и командного состава, вооружением и снаряжением. Весьма оперативно были решены вопросы предоставления практически каждому из них нужных служебных помещений для дислокации дежурных взводов и групп связи, прикрепления различного вида транспорта от автомашин и конных повозок до велосипедов, обеспечения бойцов питанием, организации с ними занятий по боевой подготовке, освобождения их по мере необходимости от занятости на основном месте работы, выплаты положенного им денежного содержания.

3.2. Проблемы и трудности при формировании истребительных батальонов

Немалые проблемы и сложности существовали в плане организационного и материально-технического обеспечения батальонов. Хотя они были формально сформированы и в разной степени готовности укомплектованы личным составом, подавляющее большинство тем не менее не могло осуществлять свою полноценную деятельность и реализовывать в полной мере поставленные задачи. С учетом сложившегося положения уже 7 июля 1941 года выходит совместное постановление обкома партии и облисполкома об оснащении данных формирований. В частности, в документе отмечалась необходимость их обеспечения необходимыми помещениями, включая комнаты для расположения дежурного взвода и для хранения оружия, автомобильным и иным транспортом и другими средствами, которые необходимы для поддержания состояния боеготовности. Требовалось также в каждом батальоне выделить специальные группы связи с целью быстрее в случае необходимости оповещения всех членов батальона [И помнит ..., 2020, с. 46]. Для обеспечения необходимого уровня боевой подготовки бойцов постановление предусматривало их ускоренное обучение по специальной военной программе [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 306, л. 10]. Особое внимание также обращалось на политический облик бойцов. В документе присутствовал специальный пункт, предписывавший, чтобы в эти батальоны ни в коем случае не зачислялись «социально-чуждые, враждебные, контрреволюционные элементы» [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 306, л. 11].

Довольно значительные проблемы существовали, как уже говорилось, и в сфере военной подготовки членов данных батальонов. С целью ликвидации имевшихся недочетов во многих районах области принимались специальные решения местных райкомов и исполкомов. Так, 11 июля 1941 года бюро Волошинского райкома партии приняло постановление, в котором говорилось о недостаточном уровне подготовки его бойцов и

даже их низкой дисциплине и исполнительности. Более того, данные существенные недостатки отмечались даже в среде командного состава батальона. Исходя из этого, бюро постановило существенно усилить в батальоне общую и воинскую дисциплину, провести учебу для его командиров. Также с целью повышения мобильных возможностей было запланировано создать в нем специальный постоянно действующий кавалерийский взвод сроком на один месяц. Последнее обстоятельство объяснялось тем фактом, что возможности предоставить данному каввзводу конский состав и перевести его бойцов фактически на казарменное положение фактически не было. В документе содержалось и требование взять под особый контроль деятельность организованных групп содействия батальону [ЦДНИРО, ф. Р-37, оп. 1, д. 4338, л. 18—18 об]. Аналогичные проблемы отмечались и во многих других батальонах различных районов области. В частности, в Багаевском районе истребительный батальон, как это было прямо отмечено после рассмотрения данного вопроса в специальном постановлении местного райкома партии в августе месяце, и в организационном, и в собственно военном планах практически не существовал [ЦДНИРО, ф. Р-30, оп. 1, д. 120, л. 83]. В этом постановлении содержались требования существенно улучшить подготовку бойцов на специальных занятиях в деле освоения винтовки и пулемета и «практиковать тактические занятия в пределах взвода и роты, периодически собирая весь батальон», а для обучения «командного состава отвести один день в неделю-субботу» [ЦДНИРО, ф. Р-30, оп. 1, д. 120, л. 83—84]. Все намеченные мероприятия по улучшению организации, деятельности и боевой подготовки истребительных батальонов области являлись более чем нужными и своевременными. Их практическая реализация, несмотря на все имевшиеся сложности, позволила в довольно сжатые сроки повысить общий уровень организации и военной подготовки данных формирований.

По мере обострения фронтовой ситуации отряды выдвигались на оборонительные рубежи и вместе с воинами регулярной армии отражали вражеское наступление. Более того, когда осенью 1941 года войска противника вторглись в пределы Ростовской области, на борьбу с ними были брошены не только все имевшиеся части регулярной армии и подразделения ополченцев, но и истребительные батальоны районов, на территориях которых велись боевые действия. Так, например, в октябре 1941 года стойко сражались с врагом бойцы Таганрогского истребительного отряда. Члены истребительного отряда города Ростова-на-Дону приняли самое активное участие в обороне города в ноябре того же года и покинули свои рубежи только по приказу командования вместе с остальными частями армии. А спустя всего неделю, 29 ноября, они совместно с частями Красной Армии

участвовали в боях по освобождению города. Более того, буквально сразу после его освобождения на членов батальона была возложена непростая задача всемерной помощи милиции по поддержанию порядка в городе, борьбе с различными уголовными проявлениями.

3.3. Истребительные батальоны Ростовской области в 1942 году

После успешного контрнаступления Красной Армии под Ростовом в конце ноября 1941 года войска неприятеля были отброшены, и фронт стабилизировался в районе реки Миус. Часть области, таким образом, была занята противником, а другая стала прифронтовой. Это, конечно, наложило отпечаток на все сферы ее жизнедеятельности. Постоянно существовала угроза нового вражеского наступления, возможных десантов противника, массовой засылки немецких диверсантов и шпионов, различного рода провокаторов для дестабилизации существовавшего положения. Общая нагрузка на деятельность истребительных в плане выполнения возложенных на них ответственных задач по-быстрому и эффективному противодействию данным угрозам сильно возросла. Более того, в сложившейся ситуации довольно часто возникали кризисные ситуации, обусловленные распространением разного рода слухов, панических и пораженческих настроений. С данными проявлениями также приходилось бороться бойцам истребительных отрядов. Несмотря на большую и разноплановую организационную работу по устранению имевшихся проблем комплектования, вооружения, обучения и обеспечения и всестороннего усиления этих отрядов и полученные достаточно неплохие результаты в данном вопросе, к 1942 году обозначились новые сложности в их деятельности. Так, по мере призыва в армию военнообязанных относившиеся к данной категории бойцы истребительных батальонов вынужденно покидали их ряды и направлялись в действующую армию. Были и другие объективные и субъективные причины, которые влияли на весьма существенную текучесть рядовых и командных кадров батальонов, немалая часть которых не достигала штатной численности и имела довольно небольшой личный состав. Имелись и случаи сугубо формального существования отдельных батальонов и даже прямого организационного их распада.

Но в целом основная масса данных формирований продолжала выполнять возложенные на них непростые функции. Осознавая важность и нужность данных отрядов и поддержания в них достаточного уровня организации и военной подготовки, областное и районное партийно-светское руководство постоянно держало в поле своего внимания положение дел в данной области и пыталось бороться с проблемами. Например, эти вопросы особо рассматривались на совместном заседании бюро обкома партии и облисполкома 22 января 1942 года, по результатам которого

было принято специальное постановление. В нем, в частности, содержались требования в течение десяти дней доукомплектовать истребительные батальоны до штатной численности (103 человека). Как видим, если раньше штатная численность этих батальонов устанавливалась в большем объеме, то теперь она снижалась практически вдвое, что являлось прямым следствием отсутствия требуемых людских кадров и невозможности их дополнительного изыскания. Примечателен и тот факт, что новая штатная численность данных формирований теперь устанавливалась очень точно, вплоть до одного человека. Имевшийся кадровый дефицит для укомплектования батальонов предлагалось компенсировать даже за счет привлечения в них молодежи возрастом 16—17 лет и пожилых людей непризывного возраста [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 1, д. 324, л. 162]. Под персональную ответственность председателей районных исполнительных комитетов и райкомов партии в каждом батальоне требовалось обеспечить постоянное содержание на казарменном положении одного взвода «для несения караульной и заградительной службы» [Там же]. Также особое внимание обращалось и на строгое выполнение, тоже под личную ответственность председателей райисполкомов и райкомов партии, требований по регулярному, два раза в неделю, обучению личного состава батальонов и стопроцентному присутствию на занятиях всех членов батальонов. При этом обучение требовалось проводить «планово и бесперебойно», в соответствии с программой Управления Народного комиссариата внутренних дел [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 1, д. 324, л. 163]. Районные советские и партийные органы обязывались обеспечивать своевременную и в полном объеме выплату заработной платы бойцам отрядов по месту их основной работы, то есть за счет предприятий и организаций, где они трудились [Там же].

Весной 1942 года на фронте, проходившем по территории Ростовской области, обостряется ситуация. Готовясь к отражению возможного наступления противника, областное руководство реализует комплекс мероприятий, направленных на повышение обороноспособности. Определенное место среди них занимали действия по усилению боевого потенциала областных иррегулярных военных формирований. Так, используя опыт организации истребительных батальонов, 10 апреля 1942 года бюро обкома партии утверждает постановление о создании в областном центре, городах и крупных населенных пунктах области добровольческих отрядов самообороны. Они должны были формироваться из коммунистов, комсомольцев и беспартийных добровольцев, не являющихся членами других военизированных специальных подразделений, по производственному принципу [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 1, д. 342, л. 76].

На заседании бюро Ростовского областного комитета партии 17 апреля обстоятельно обсуждался вопрос повышения боевого потенциала различных добровольческих формирований. В качестве дополнительного материального стимула для бойцов предусматривалось скорейшее введение нового, существенно увеличенного финансирования. Данное решение базировалось на нормативно-правовой базе союзного уровня, утвержденной Государственным комитетом обороны СССР и Народным комиссариатом обороны СССР, но с учетом реального положения дел в данном плане непосредственно в Ростовской области и специфики подчинения местных истребительных батальонов. Их бойцы, переведенные на казарменное положение, в отличие от отрядов народного ополчения, партизанских отрядов и формирований местной противовоздушной обороны, которые обеспечивались из средств Народного комиссариата обороны СССР, отныне получали денежное довольствие от Народного комиссариата внутренних дел СССР. Оно начислялось по двум нормам. Члены батальонов, чьи сверстники были мобилизованы в армию, получали его в таком же размере, как в армии. А не подлежавшие призыву в армию получали денежные выплаты, аналогичные заработной плате милиционеров. На всех также распространялось и действие правительственного постановления о пенсиях военнослужащим рядового состава и их семьям [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 1, д. 342, л. 197—198].

Значительный позитивный опыт, полученный при создании истребительных отрядов, был использован руководством области в критический момент вражеского наступления летом 1942 года. На заседании бюро Ростовского областного комитета ВКП (б) 20 июня 1942 года отмечалась проделанная работа по формированию и военному обучению различных иррегулярных добровольческих формирований. Констатировалось, что в очень сжатые сроки в городах Ростове, Каменске и на транспорте из коммунистов и молодежи созданы отряды по охране города, баррикад и других важных объектов [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 323, л. 25].

После начала нового немецкого наступления на территории области летом 1942 года значительная часть истребительных отрядов была отправлена на передовую. В ходе тяжелых оборонительных боев их бойцы проявили большое мужество и героизм. Они отличились во время обороны города Ростова-на-Дону и отступили по приказу командования вместе с оборонявшими город армейскими соединениями.

К концу июля 1942 года практически вся территория Ростовской области, кроме Вешенского района и части Верхнедонского района, была оккупирована противником. Истребительные батальоны либо влились в состав армии, либо были упразднены. Но как только в декабре 1942 — январе

1943 годов началось освобождение области, буквально сразу стали воссоздаваться и истребительные отряды. В их задачи, помимо борьбы с вражескими диверсантами и агентурой из числа местного населения, входили охрана общественного порядка, борьба с различными проявлениями уголовной направленности, охрана важных государственных учреждений и народнохозяйственных объектов.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в Ростовской области практически с первых дней Великой Отечественной войны, в соответствии с решениями советского правительства и местных областных партийно-советских органов, стали образовываться истребительные батальоны. Изначально они формировались на добровольческой основе, но затем, ввиду острой нехватки людских резервов, в них стали в административно-приказном порядке направляться коммунисты, комсомольцы и другие категории граждан, имевших отсрочку или освобождение от призыва в армию. Важно отметить, что официальные мобилизации в эти отряды не проводились.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в историографии истребительные батальоны, как правило, фактически уравниваются по своему статусу с другими добровольческими частями, например с полками народного ополчения. Но между ополченческими частями и иными добровольческими структурами и истребительными батальонами, по нашему мнению, имелись существенные различия. Хотя все данные формирования первоначально укомплектовывались только добровольцами, у них была совершенно разная подчиненность. Полки народного ополчения находились в подчинении Народного комиссариата обороны СССР, а истребительные батальоны изначально создавались областными управлениями НКВД и полностью подчинялись Народному комиссариату внутренних дел СССР, относясь к его отдельным частям. Помимо этого, имелась и очень большая разница в установленных задачах частей народного ополчения и истребительных батальонов и их функциях. Весьма значительно они различались между собой и по способам комплектования, ведения номенклатуры и объемам вооружения и оснащения, а особенно по своей численности.

Необходимо отметить то обстоятельство, что отряды, официально называвшиеся *истребительными батальонами*, фактически представляли собой иррегулярные добровольческие формирования, организационная структура и численность которых в каждом отдельном случае могла различаться. На практике истребительными батальонами назывались подразделения, численность которых соответствовала составу не батальона, а роты. Но сам термин *истребительные батальоны* широко употреблялся в офи-

циальных документах высших союзных органов власти и управления, в постановлениях и распоряжениях областных советских и партийных руководящих органов и в тогдашнем обиходе. Об условности данного термина в то время никто не задумывался. Аналогичный подход, к сожалению, присутствует и в советской, и в современной российской историографии.

В процессе создания истребительных батальонов в Ростовской области имелись как общие черты, характерные и для аналогичных формирований других регионов страны, так и специфические особенности, обусловленные географическим положением области, общей численностью населения, особенностями его социального состава, эффективностью административно-управленческой деятельности местного областного и районного партийно-советского руководства.

Установлено, что в один из самых сложных начальных периодов войны имелись не только безусловные положительные результаты, но и немалые проблемы и сложности, а также различные достаточно многочисленные организационные недоработки. В то же время они, как правило, относительно быстро и своевременно вскрывались и становились предметом самого пристального внимания и довольно обстоятельного рассмотрения областных и районных партийных и советских органов. В результате в крайне сжатые сроки выявленные недоработки исправлялись, что самым непосредственным образом сказывалось на серьезном повышении организационной устойчивости и уровне боевой подготовки данных формирований.

Одной из важных отличительных особенностей истребительных батальонов Ростовской области являлось то, что, несмотря на свой официальный статус и, соответственно, четко определенный круг задач по борьбе с вражескими парашютными десантами, диверсантами, дезертирами, поддержанию порядка на подведомственной территории, многие из них приняли самое активное участие в боевых действиях на линии боевого соприкосновения. Изначально это не предусматривалось, поэтому их личный состав не готовился к ведению боевых действий непосредственно на линии фронта, не имел необходимого уровня общей военной и особенно тактической подготовки, практических навыков ведения общевойскового боя, не имел на вооружении многих видов оружия и не умел в должной мере обращаться с ними.

Важно заметить, что с течением времени ввиду острой нехватки кадров принцип добровольности при вступлении в истребительные батальоны области стал нарушаться, и туда в административно-приказном порядке или даже путем мобилизации направлялись граждане, имевшие официальное освобождение от призыва в действующую армию. Данный аспект, к сожалению, в историографии практически не отражен. Однако

трансформация принципов формирования местных истребительных батальонов не повлияла на уровень их боеспособности, масштабы и качество выполняемых ими задач, внутреннюю организационную дисциплину и исполнительность, ответственность бойцов и командиров и, как следствие, общую эффективность боевой, охранной, противодиверсионной и иной их деятельности. Истребительные батальоны Ростовской области внести существенный вклад в поддержание порядка и борьбу с неприятелем, особенно на начальном этапе войны как одном из самых трудных.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
--	---

Источники и принятые сокращения

1. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-9 «Ростовский обком ВКП (б)»; Ф. Р-173 «Ростовский обком ВЛКСМ»; Р-81 «Новочеркасский ГК КПСС, Ростовская область».
2. ГАРО — *Государственный* архив Ростовской области. Ф. 3613 (Ростовская область в годы Великой Отечественной войны); Ф. 3737 «Исполнительный комитет Ростовского областного Совета депутатов трудящихся».
3. *Завещано помнить...* Донские архивы — 70-летию Великой Победы. Сборник документов и материалов. — Ростов-на-Дону: Альтаир, 2015. — 280 с. — ISBN 978-5-91951-261-5.
4. *И помнит мир спасенный...* Сб. док. архивов Ростовской области / Сост. Л. В. Левендорская. — Ростов-на-Дону; Белгород: Константа, 2020. — 647 с. — ISBN 978-5-907159-64-8.
5. *Ростовской области — 70 лет (1937—2007 гг.)* / Сборник документов. — Ростов-на-Дону: Комитет по управлению архивным делом администрации Ростовской области, 2007. — 560 с.

Литература

1. *Безугольный А. Ю.* Добровольцы и ополченцы в военной организации Советского государства 1917—1945 гг. / А. Ю. Безугольный. — Москва: Центрполиграф, 2025. — 914 с. — ISBN 978-5-227-10854-8.
2. *Биленко С. В.* На охране тыла страны. Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / С. В. Биленко. — Москва: Наука, 1988. — 256 с. — ISBN 5-02-008436-0.
3. *Добров П. В.* Народное ополчение в годы Великой Отечественной войны / П. В. Добров. — Донецк: Юго-Восток, 1996. — 308 с.
4. *Жбанникова М. И.* Истребительные и партизанские отряды, подпольные группы на Верхнем Дону в годы Великой Отечественной войны / М. И. Жбанникова // Труды аспирантов и соискателей Южного федерального университета. — Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012. — Т. XVII. — С. 20—24.
5. *Краснознаменный Северо-Кавказский* / Ред. А. М. Дегтярев. — Москва: Воениздат, 1990. — 379 с.
6. *Маркусенко И. С.* Дон в Великой Отечественной войне / И. С. Маркусенко. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1977. — 180 с.

7. *Медведев Т. Д.* Истребительные батальоны НКВД в период Великой Отечественной войны : организация, управление, применение. 1941—1945 / Т. Д. Медведев. — Москва : Центрполиграф, 2025. — 255 с. — ISBN 978-5-227-10946-0.

8. *Никулина В. Е.* Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне : формирование и деятельность / В. Е. Никулина // Российская история : проблемы, мнения, оценки. Ученые записки. — Пятигорск : [б. и.], 2004. — Выпуск 3. — С. 181—188.

9. *Овчинников С. А.* Истребительные батальоны в годы Великой Отечественной войны / С. А. Овчинников // Исторические чтения на Лубянке. 2003 год. Власть и органы государственной безопасности. — Москва : Воениздат, 2004. — С. 148—158.

10. *Селюнин В. А.* Истребительные отряды на Юге России в 1941—1944 гг. / В. А. Селюнин, Н. В. Селюнина // Научная мысль Кавказа. — 2006. — № 2. — С. 47—55.

11. *Трут В. П.* Добровольческое движение в Ростовской области в период Великой Отечественной войны / В. П. Трут // Научный альманах стран Причерноморья. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 38—43. — DOI: <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-4-38-43>.

12. *Трут В. П.* Добровольческое партизанское движение в Ростовской области в период Великой Отечественной войны / В. П. Трут // Научный диалог. — 2024. — № 13 (6). — С. 498—514. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-6-498-514>.

13. *Шолин В. В.* Истребительные батальоны НКВД — чрезвычайные военизированные формирования в условиях военного времени / В. В. Шолин. — Санкт-Петербург : Знание, 2005. — 34 с. — ISBN 978-5-227-10946-0.

*Статья поступила в редакцию 26.02.2025,
одобрена после рецензирования 02.05.2025,
подготовлена к публикации 25.05.2025.*

Material resources

And the saved world remembers... Sat. doc. archives of the Rostov region. (2020). Rostov-on-Don; Belgorod: Constant. 647 p. ISBN 978-5-907159-64-8. (In Russ.).

Bequeathed to remember... the Don Archives commemorate the 70th anniversary of the Great Victory. Collection of documents and materials. (2015). Rostov-on-Don: Altair. 280 p. ISBN 978-5-91951-261-5. (In Russ.).

CDNIRO — *Documentation Center for the modern history of the Rostov region.* (In Russ.).

GARO — *State Archive of the Rostov region.* (In Russ.).

Rostov region — 70 years (1937—2007). Collection of documents. (2007). Rostov-on-Don: Committee for Archival Management of the Rostov Region Administration. 560 p. (In Russ.).

References

Bezugolny, A. Y. (2025). *Volunteers and militias in the military organization of the Soviet state 1917—1945.* Moscow: Tsentrpoligraf. 914 p. ISBN 978-5-227-10854-8. (In Russ.).

Bilenko, S. V. (1988). *On the protection of the country's rear. Fighter battalions and regiments in the Great Patriotic War of 1941—1945.* Moscow: Nauka Publ. 256 p. ISBN 5-02-008436-0. (In Russ.).

Degtyarev, A. M. (ed.). (1990). *The Red Banner of the North Caucasus.* Moscow: Voenizdat Publ. 379 p. (In Russ.).

Dobrov, P. V. (1996). *The People's Militia during the Great Patriotic War.* Donetsk: Yugo-Vostok Publ. 308 p. (In Russ.).

- Markusenko, I. S. (1977). *Don in the Great Patriotic War*. Rostov-on-Don: Publishing house of Rostov. University. 180 p. (In Russ.).
- Medvedev, T. D. (2025). *NKVD fighter battalions during the Great Patriotic War: organization, management, application. 1941—1945*. Moscow: Tsentrpoligraf. 255 p. ISBN 978-5-227-10946-0. (In Russ.).
- Nikulina, V. E. (2004). Fighter battalions in the Great Patriotic War: formation and activity. In: *Russian History: problems, opinions, assessments. Scientific notes*, 3. Pyatigorsk: [b. i.]. 181-188. (In Russ.).
- Ovchinnikov, S. A. (2004). Fighter battalions during the Great Patriotic War. In: *Historical readings at the Lubyanka. the year is 2003. Government and state security agencies*. Moscow: Voenizdat. 148—158. (In Russ.).
- Selyunin, V. A., Selyunina, N. V. (2006). Fighter detachments in the South of Russia in 1941—1944. *Scientific thought of the Caucasus*, 2: 47—55. (In Russ.).
- Sholin, V. V. (2005). *NKVD fighter battalions — emergency paramilitary formations in wartime conditions*. Saint Petersburg: Znanie Publ. 34 p. ISBN 978-5-227-10946-0. (In Russ.).
- Trut, V. P. (2023). The volunteer movement in the Rostov region during the Great Patriotic War. *Scientific Almanac of the Black Sea countries*, 9 (4): 38—43. DOI: <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-4-38-43>. (In Russ.).
- Trut, V. P. (2024). Volunteer Partisan Movement in Rostov Region During Great Patriotic War. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 498—514. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-6-498-514>. (In Russ.).
- Zhbannikova, M. I. (2012). Extermination and partisan detachments, underground groups on the Upper Don during the Great Patriotic War. In: *The works of graduate students and applicants of the Southern Federal University, XVII*. Rostov-on-Don: SFU. 20—24. (In Russ.).

*The article was submitted 26.02.2025;
approved after reviewing 02.05.2025;
accepted for publication 25.05.2025.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ

Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.6. Исторические науки
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)	
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)	

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources and References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L., Yakovleva, E. V.</i> Trans-Terminalization as a Linguistic-Cognitive Process.....	9
<i>Andreeva, V. A.</i> Plot and Composition: Temporal and Atemporal Relationships in Short German-Language Literary Narratives	38
<i>Afaunova, A. A., Sherieva, N. G.</i> Phonetic Features of Mozdok and Besleneev Dialects of Kabardino-Circassian Language: Similarities and Differences.....	55
<i>Dmitrieva, T. N.</i> Lexical Materials of West Siberian Tatar in Manuscript Heritage of Russian Academics G. Z. Bayer and G. F. Müller.....	74
<i>Izvolenskaya, A. S.</i> Invariants and Lacunae in Translation of Russian Interjectional Phrases: A Study of English Translations of M. A. Bulgakov’s “The Master and Margarita”.	98
<i>Merkuryeva, N. Yu.</i> Approaches to Translating Dialogical Unity with Tag Questions in Shakespeare’s Tragedy “Hamlet”.	115
<i>Pavlova, N. P.</i> Current Trends in Research on Russian Orthography	138
<i>Sandalova, M. M., Kalinina, L. V.</i> Semantics and Functioning of Color Terminology in Autobiographies of Artists from Late 19th to Early 20th Century	155
<i>Khachatryan, G. K.</i> Newly Discovered Lexical Items in Documents of Armenian Community of Kamieniec (16th-17th Centuries).	174

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Bespalova, E. A.</i> Periphrases of St. Petersburg in Contemporary Media Discourse: A Pragmatic Perspective	191
<i>Voloshina, T. G., Glebova, Ya. A.</i> Language Creolization in Contemporary English-Language Nigerian Media Discourse.....	211
<i>Donskova, Y. V., Kurilova, A. D., Zhang Yu.</i> Strategies and Tactics of Medical Social Advertising for Prevention and Treatment of Oncological Diseases.....	231
<i>Yakimova, S. I., Babkina, E. S.</i> Authorial Dedications in Poetic Discourse of “Rubizh” Journal (Harbin, 1926–1945) as a Productive Component of Artistic Text	248

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Dubova, M. A.</i> Concept of MORALITY in Authorial Worldview: An Analysis of B. Pilnyak’s Novel “The Volga Flows into the Caspian Sea”	272
<i>Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N.</i> Lyric Narrative of Nikolai Klyuev’s Cycle “Spas” as Poet’s Spiritual Autobiography.....	290

<i>Ozhigova, M. M.</i> (Maxim Gorky and Newspaper “Rul” [Steering Wheel]: Three Phases of Their Relationship	311
<i>Safron, E. A., Lebedev, S. S.</i> Motif of Deal with Devil in K. J. Wahlgren’s Novel “The Personal File of Player Rubashov”: Literary and Cultural Context.....	333
<i>Shastina, E. M.</i> Narrative Strategy of Provocation in Novels of Clemens Setz.....	349

HISTORY

<i>Antoshkin, A. V.</i> Struggle Against Private Entrepreneurship in Enterprises of Craft and Consumer Cooperatives of Bashkortostan (1946–1950).	368
<i>Valkova, K. V., Nezhentseva, N. V., Chekryzhova, O. I.</i> 1892 Cholera Epidemic and Development of Medical and Sanitary System in Tomsk Province: A Case Study of Barnaul and Biysk	386
<i>Vlasov, N. A.</i> Crash of Imperial Russian Train on October 17, 1888, in German Press of Late 19th Century	406
<i>Kaziev, E. V.</i> Anthroponymy of Alans in Official “History of Yuan”.	422
<i>Kaygusuz, C., Kokorina, Y. G., Vagabov, M. M.</i> Second Front in Europe: Analyzing Coverage in British Regional Press	441
<i>Melnikova, D. A.</i> Rural Livestock Insurance in St. Petersburg and St. Petersburg Province in Late 19th to Early 20th Century	458
<i>Mironova, E. V.</i> Hereditary Nobility in Local Governance System of Kazan Province in Second Half of 19th Century	476
<i>Tikhvodova, A. V.</i> Organization of Educational Processes in Craft Classes of the Widow’s Home in Nizhny Novgorod in Early 20th Century	494
<i>Trut, V. P.</i> Volunteer Assault Units as a Form of Volunteer Movement during Great Patriotic War: A Study of Rostov Region	523
TO AUTHORS	541

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 26.05.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 31,96. Тираж 500 экз. Заказ 26/05-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2025
Свободная цена

